

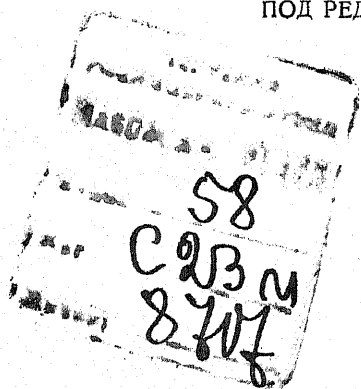
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР ИМ. П. Г. СМИДОВИЧА
ТРУДЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ

Т. 1

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ЭВЕНКИЙСКОМУ (ТУНГУССКОМУ)
ФОЛЬКЛОРУ

СОСТАВИЛА Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. П. АЛЬКОРА

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the
Peoples of North under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO FOLKLORE — VOL. I

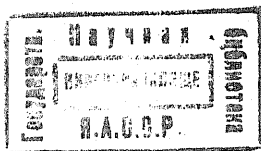
MATERIALS TO EWENKEE (TUNGUS) FOLKLORE

Prepared by G. M. WASILEWITCH

Preface by I. P. ALCOR, Editor

Leningrad. 1936

Напечатано по заказу Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА

Ответств. редактор Я. П. Алькор

Техн. редактор Д. И. Кологради

Сдана в производство 30 XII 1934. Подписана к печати 15 X 1935. Кол. тип. зн. в 1 л. 95.000.
Ст.-ф. 72X110. Авт. л. 22. Бум. л. 94. Тираж 1.400 экз. Ленгорлит № 33180. Зак. № 1763.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная, 1

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР имени П. Г. Смидовича начинает серию своих публикаций, посвященную фольклору народов Севера. Ближайшие очередные выпуски этой серии отведены мансийскому (вогульскому), селкупскому (остяко-самоедскому) и нанайскому (гольдскому) фольклору.

Большая часть материала, помещенная в сборнике, собрана сотрудниками Института народов Севера по преимуществу в 1925—1931 годах, во время экспедиционных исследований. Исключение представляют: „Материалы по устному творчеству эвенков“, записанные дальневосточным этнографом и писателем Е. И. Титовым, и „Две сказки талочских эвенков“, записанные местным эвенкийским поэтом Г. А. Ниргунеевым.

В приложении к сборнику даны опубликованные ранее эвенкийские фольклорные материалы. — кстати сказать, помещенные в мало доступных для читателя изданиях, — а также рукописные материалы Б. Иттера и учителя-эвенка В. С. Пежемского, записанные по-русски. Первые на русском языке появляются фольклорный отрывок из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772“¹ И. Георги и статья Г. Гута „Die Tungusische Volksliteratur und ihre Ethnologische Ausbeute“², причем, кроме статьи, нами даются два ненапечатанных автором варианта, хранящиеся в его бумагах в архиве Академии Наук СССР. Помещенное в приложении в основном исчерпывает материал по эвенкийскому фольклору, появившийся в свет до издания настоящего сборника. Необходимо заметить, что этот материал, кроме работы Г. Гута, не имеет эвенкийских текстов, а в ряде случаев является вольным пересказом, что в огромной мере снижает его значение. Несмотря на указанный дефект, мы все же сочли необходимым поместить этот материал в наш сборник, ибо он расширяет представление о сюжетах эвенкийского фольклора. Кроме фольклорных материалов, включен в наш сборник также перевод статьи Е. Широкогоровой „The folk music in China“³, дающей запись мотивов 13 песен эвенков (тунгусов) Маньчжурии. Не вошли в сборник тексты баргузинских эвенков, помещенные в „Материалах для исследования тунгусского языка“⁴ Н. Н. Поппе, ибо нам казалось, что нет основания перепечатывать работу, которая легко доступна читателю.

Преобладающую часть настоящего сборника занимают „Материалы по фольклору сибирских эвенков“ Г. М. Василевич. Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в утлой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал.

В текстах Г. М. Василевич имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский и ербогаченский говоры), 2) южного диалекта (сымский, подкаменно-тунгусский, непский, токминский, верхне-ленский и северо-байкальский говоры) и 3) восточного диалекта (олекминский, урмийский и сахалинский говоры). Собранные ею фольклорные материалы сгруппированы по следующим разделам: 1) сказки о животных, 2) мифы, 3) предания, 4) бытовые сказки, 5) загадки, 6) шаманские песни, 7) песни и припевы, 8) современные произведения.

В эвенкийских сказках о животных огромное внимание уделяется лисе. Она считается хитрым и умным животным, способным на различные превращения. В этом отношении фольклор эвенков сближается с фольклором китайским и отдаляется от фольклора ряда северных народов, например ненцев, в сказках которых лиса вовсе не фигурирует как хитрое и умное животное, а скорее напротив.

¹ Erster Band, St.-Petersburg, 1775, SS. 288—295.

² „Известия Академии Наук“, т. XIV, № 3, СПб, 1901.

³ The China journal of sciences and arts, № 2, Shanghai 1924, pp. 116—121.

⁴ Ленинград, 1927.

Большое значение имеют приведенные Г. М. Василевич предания для восстановления исторических судеб эвенков. В частности в них впервые отмечаются некоторые формы родового ополчения: отряды лучников и мечников и роль шаманов во время военных действий.

В виде упрека Г. М. Василевич можно было бы сказать, что она чрезвычайно скупа к этнографическим примечаниям, столь важным для подлинного понимания фольклора. Казалось бы, что и перевод местами слишком дословен, что затрудняет понимание.

Тексты, записанные Т. И. Петровой, охватывают район расселения эвенков Приангарья. В последнее столетие ангарским эвенкам пришлось иметь частые сношения с русскими, в итоге чего они претерпели ряд изменений в быту и в языке. Эти изменения отразились и на фольклоре. Так, темы, бывшие когда-то общими для эвенков Обь-Енисейского водораздела и Приангарья, перемешались; сравни, например, Акагѣтэ Т. И. Петровой и тексты №№ 19, 20, записанные Г. М. Василевич у сымских эвенков; сравни также „Ніцкісѣп“ и текст № 42 Г. М. Василевич. Частично темы забылись, сравни: „Кагѣндѣ“ и текст № 37 Г. М. Василевич. О животных в материалах Т. И. Петровой передаются мотивы, характерные для всех эвенков, но в несколько своеобразной комбинации фактов.

Записанные эвенком Г. А. Ниргунеевым две сказки у известного сказочника Г. Г. Торгонова заимствованы из монгольского фольклора, очевидно, в то время, когда талочские эвенки жили южнее, где-то на истоках Амура.

Тексты Е. И. Титова записаны им от эвенков южного диалекта: №№ 1—15 — от эвенков, живущих по верхнему бассейну р. Лены (верхне-ленский говор); №№ 16—58 — от эвенков Верхней Ангары (северо-байкальский говор); №№ 59—73 — от эвенков со средних левых притоков реки Витима, преимущественно с реки Ципы (баунтовский говор). К сожалению, собиратель не отметил более точно названий родов рассказчиков, указав только их фамилии и административные названия родов. Указания на принадлежность рассказчика к определенному роду и некоторые данные по истории этих родов обеспечивают возможность точнее определить говор, на котором говорит рассказчик.

Предлагаемый в работе Е. И. Титова материал в значительной своей части не характерен для эвенкийского фольклора. Так, тексты, записанные от верхне-ленских тунгусов (Карамы, Тутура, Лена, Киренга), по тематике представляют собою заимствования из русского и бурятского фольклора. Русские темы в эвенкийской передаче настолько сильны, что передаются не только отдельные русские слова, могущие быть замененными эвенкийскими (еще, потом, богатырь, лестница, пушай, несколько, опять, последний, весь, самый, раньше и т. д.), но даже по-русски передаются отдельные выражения: слава богу, делать-то нечего, надо достать, до конца и др. Влияние русского языка в этом говоре распространяется и на эвенкийскую морфологию, например: *pādə vəkəl* — русское слово и эвенкийский глагол в повелительном наклонении, что дословно обозначает „надо дай“ вместо „необходимо дать“, что по-эвенкийски звучит „vāvkə“; или „тогу дajakal“ („могу спрячь“ — „спрятать“) вместо „dajadara visim“ и т. д.

Но это — детали, главное — содержание и форма передачи. Если бы тексты являлись точным переводом русской или бурятской темы, их не имело бы смысла печатать как материалы по устному творчеству эвенков. Тексты эти интересны тем, что темы их хоть и заимствуются, но передаются по-своему, переплетаясь с рядом моментов из эвенкийского фольклора. Так, в текст „Чагалай-Чакулай“ (№ 1) вплетен излюбленный мотив состязания в прыжках. Текст „Мальчик“ (№ 4) начинается с исчезновения членов семьи, но оканчивается мотивом с „живой водой“ и оживлением, несомненно заимствованным. В текст „Хани Хубун Хохор Богдо“ (№ 6) вплетается излюбленный мотив искания насекомых, как способ убивания. В текст „Учайай“ (№ 8) введен момент борьбы и помощи порога-быка. В сказки №№ 9—10 введен элемент путешествия двух сестер и превращения их (ср. текст „Mundikār“ Василевич). Тема текста № 7 характерна для эвенкийского фольклора. Также и тема текста № 11 о голодных стариках, но здесь она дана в сокращенном виде.

Необходимо отметить, что верхне-ленские эвенки, живя и кочуя около русских и бурят, быстро поддаются влиянию последних. Если в фольклоре эвенков мы до сих пор нигде не встречали русских частушек и песен, то у верхне-ленских эвенков они уже заменяют национальные песни. Заимствуется не только тематика, но и форма передачи. В целом тексты, представленные в работе Е. И. Титова, дают некоторое представление о тех путях, по которым идет дальнейшее превращение эвенкийского фольклора.

Сказки В. И. Левина записаны им в Аяне на Охотском побережье и являются первыми фольклорными текстами, записанными среди эвенков побережья Охотского моря.

Материал А. И. Козловского дает отрывки ряда сказок и преданий тунгиро-олекминских эвенков, записанных у молодежи.

Как видно из вышеизложенного, сборник охватывает записи фольклорных текстов почти со всех районов расселения эвенков на советской территории, главным образом Восточной Сибири и частично Якутии и Дальне-Восточного края. Приведенный материал выявляет исключительное богатство и красочность эвенкийского фольклора. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что имеющиеся тексты, по всей видимости, представляют собою осколки более крупных вещей, и нужно полагать, что развернувшееся в советских условиях систематическое и интенсивное изучение эвенкийского фольклора и вовлечение в это прекрасное дело все больших и больших кругов эвенков, в особенности учащихся Института народов Севера и других национальных школ, местных учителей и краеведов, дадут возможность найти и записать цельные эпические сказания.

Нет особой надобности специально останавливаться на этнографической, лингвистической и т. д. значимости материалов настоящего сборника, ярко отражающих мировоззрение, социальный строй и хозяйство эвенков и дающих полное представление о гибкости эвенкийского языка и его способности к точному отражению тончайших оттенков мысли и действий. Хочется лишь подчеркнуть значение фольклора для развития молодой эвенкийской литературы и выработки стиля начинающих эвенкийских литераторов.

Для многих читателей, возможно, покажется странным само упоминание об эвенкийской (тунгусской) литературе и литераторах. Но эвенкийская литература и литераторы — уже реальность. В условиях строительства национальных культур и огромной помощи всей советской страны Северу в течение 1931—1934 гг. создана начальная учебная и массовая литература, издан ряд переводных и оригинальных художественных произведений, обеспечен регулярный выход газет и т. д. на пятнадцати языках Севера, в том числе и эвенкийском, который идет впереди остальных по размаху развития своей литературы. В настоящее время нет уже ни одного бесписьменного народа Севера, и за один лишь 1931 год издано на северных языках больше книг, чем за все время многовекового господства царизма на Севере.

Развивается работа первых классов северной национальной школы на родном языке, преподавание родного языка как предмета преподавания осуществляется на остальных классах начальной и средней школы, положено начало северному театру (уже работают в Институте народов Севера и отдельных национальных районах нанайские и эвенкийские театральные студии, в большей мере черпающие свой материал из фольклора). В этой связи большое значение приобретает вопрос об использовании фольклора как одного из средств для развития художественной речи, для оживления сухого, подчас, языка книг и газет и т. д.

С особой силой подчеркнул важность фольклора для молодой литературы Максим Горький в своей заключительной речи на съезде писателей, произведшей незабываемое впечатление на всех присутствовавших: „Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза“.

К слову сказать, Алексей Максимович проявляет и специальный интерес к северному фольклору. Еще во время своего пребывания в Ленинграде в беседе с пишущим эти строки он выразил горячее пожелание, чтобы скорее и полнее было записано и издано весьма своеобразное устное творчество народов Севера. Настоящим сборником Институт народов Севера и приступает к осуществлению пожелания Алексея Максимовича.

Помещенный в эвенкийском сборнике обширный материал требует самого тщательного изучения. Предстоит огромная работа по классификации сюжета, выявлению влияния якутского бурятского русского, китайского и т. д. фольклора на эвенкийский фольклор, установлению общемировых тем и их стадийного распределения, наконец, использованию фольклорных материалов при строительстве национальной литературы и извлечению из них обильных этнографических и лингвистических данных.

В заключение отметим, что настоящий том — лишь начало эвенкийских фольклорных сборов и что огромное внимание нашей страны к народному творчеству обязывает всех исследователей и местных работников удесятить свои усилия, с тем чтобы в ближайшее время дать новые сборники, охватывающие как героический эпос эвенков, так и их современный революционный фольклор.

Сборник подготовлен к печати Г. М. Василевич, ей же принадлежат все пояснения в текстах, поставленные в скобках, а также сноски. Ею же переписаны материалы Г. Гута, Т. И. Петровой, Г. А. Няргунеева, Е. И. Титова и В. И. Левина в транскрипции, принятой для настоящего издания. Перевод материалов И. Георги и Г. Гута просмотрен В. П. Андреевой.

Я. П. Алькор

Объяснение транскрипции

Гласные:

- a** — нормальный а заднего ряда, нижнего подъема, соответствующий русскому а.
ǎ — а среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный.
ǎ̃ — а переднего ряда, нижнего подъема нелабиализованный.
o — нормальный о заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому о.
ə — о среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.
e — гласный переднего ряда, несколько более задний и более верхнего подъема, чем **ǎ̃**, нелабиализованный, соответствующий русскому э.
u — нормальный u заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому у.
u — u среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
i — i среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
i — i переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, сходный с русским и.

Все гласные могут быть долгими и краткими. Долгота обозначается знаком „—“ над гласным.

Палатализация обозначается знаком „,“ под соответствующей графемой.

ǎ, ǎ̃, ə соответствуют литературному э

ǎ̃, ə̃ „ „ „ э̃

u, u, ũ, ũ̃ „ „ „ u

i, i, ĩ, ĩ̃ „ „ „ i

Согласные:

b, c, d, j, g
j, k, m, n,
p, r, s, ʃ, t, v } соответствуют русским б, ч, д, ф, г, й, к, м, н, п, р, с, ш, т, в¹.

ɟ — палатализованный переднеязычный звонкий смычный в произношении звенков бассейна Средней Катанги (Тунгуски), в произношении звенков Бурято-Монголии и Дальнего Востока почти переходящий в звонкий аффрикат **z (dʒ)**, в связи с чем обозначается при помощи знака **z**. Литературная транскрипция **ɟ** — **z**.

dʳ — звонкий аффрикат, состоящий из переднеязычного звонкого смычного и дрожащего.

tʳ — глухой аффрикат, состоящий из переднеязычного глухого смычного и дрожащего.

Последние два звука встречаются только в сымском поддиалекте.

ɣ — заднеязычный звонкий спирант. Литературная транскрипция — **g**.

h — гортанный глухой спирант.

l — переднеязычный боковой сонорный.

ŋ — заднеязычный носовой смычный.

w — губногубной звонкий спирант.

¹ В литературной транскрипции для **ɟ̃** (**ч**) принят знак **c**, но в связи с тем, что в звонкийском языке нет звука **c** (**ц**), знак **c** в настоящем сборнике используется для обозначения звука **ɟ̃** (**ч**).

По техническим соображениям вместо **z** для обозначения звука **ɟ̃** (**ц**) везде дается знак **ʒ**.

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ СИБИРСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Большинство приводимых в настоящей работе текстов записано мною в итоге ряда командировок к эвенкам—бродячим охотникам-оленеводам Восточно-Сибирского края¹. Часть текстов записана мною у ряда слушателей Института народов Севера в 1928—29 г.² Во всех текстах сохранены особенности говоров.

В текстах имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский говор—Туру, Ингаригда, ербогоченский говор—Нгоконно, Ербогочен), 2) южного диалекта (сымский говор—Сым-Чиромбу, подкаменно-тунгусский говор—Ср. Катанга, Подкаменная Тунгуска, непский говор—Непа, Ика, токминский говор—Токма, верхне-ленский говор—Тутура, северо-байкальский говор—В. Ангара) и 3) восточного диалекта (олекминский говор—Тунгир-Калар и Олекма, куроурмийский—Кур, Урми и сахалинский говор—Сахалин). Словарный материал в принятой в настоящей статье транскрипции вошел в мой „Эвенкийско-русский диалектологический словарь“ (Ленинград, 1934), к которому приложена карта распространения диалектов и в введении дана характеристика диалектов и говоров эвенков, кочующих к западу от Лены³. Перевод фольклорных текстов дается точный, но с учетом требований литературного изложения. Для большей ясности в некоторых местах перевода даны в скобках пояснительные слова. В виду отсутствия в эвенкийском языке союзов в переводе опущен союз „и“.

Собирание и изучение в течение ряда лет эвенкийского фольклора дали мне возможность сделать ряд наблюдений над его распространением и бытованием. Многочисленные сказки, мифы, предания, загадки и т. д. говорят о богатстве тематики эвенкийского фольклора. Жизнь в тайге, охота за зверями, межродовые отношения—все это дало богатый материал фантазии и творчеству эвенков.

¹ а) от Комитета Севера при ВЦИК: в 1925 г. на истоки Нижней и Подкаменной Тунгуски—Токминский район, в 1926—27 г. в среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски в 1929 г. в Витимо-Олекминский национальный округ; б) от Института по изучению народов СССР Академии Наук в 1930 г. к сымским эвенкам Туруханского района; в) от Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА в 1931 г. по Н. Тунгуске через Катангский национальный район и Эвенкийский национальный округ. Соответствующие этнографические и экономические очерки помещены мною в журн. „Советский Север“ № 3, 5 за 1930 г., № 2, 10 за 1931 г.; в журн. „Этнография“ № 3 за 1930 г.; в журн. „Северная Азия“ № 4 за 1926 г.; в журн. „Этнограф-исследователь“ № 1 за 1927 г.

² От П. и В. Путугиров, И. и В. Увочанов, Н. Каплина из Ербогочена; от А. Камбагира из Нгоконны, от И. Зуева из Тутуры, от Д. Воуля с Ангары; от О., Н., А. Салаткиных, В. Лонтонгира и А. Чарончина из Непы—Катангского национального района, от В. Эдя с р. Урми Дальне-Восточного края, от А. Афанасьевой и от Слепцовой с Сахалина.

³ Краткая характеристика восточного диалекта имеется в объяснительной записке к составленному мною эвенкийскому букварю „Омакта hokto“, Ленинград, 1933 (отдельное приложение).

Еще не так давно фольклор у эвенков в основной своей части являлся выражением определенного мировоззрения, верований и представлений. В настоящее время роль его меняется. Широко развернувшееся социалистическое строительство на крайнем Севере быстро ломает старые патриархально-родовые отношения, меняет психику и мировоззрение народов Севера, что находит свое отражение и на современном фольклоре. Это довольно ярко сказывается как на тематике произведений, на отношении к нему самого населения, так и, наконец, на форме произведений.

✓ В настоящее время можно отметить постепенное и повсеместное угасание эвенкийской сказки, мифов и преданий. Все реже и реже встречаются эвенки, знающие свои предания и сказки. Наиболее развернутые, законченные мифы, сказки, предания можно встретить сейчас только в отдаленных уголках тайги, мало затронутых влиянием культуры. Такие пятна сохранения сказки, мифов и преданий у эвенков Восточной и Западной Сибири можно наметить на Обско-Енисейском водоразделе, по бассейну р. Комо¹ (левый приток Подкаменной Тунгуски), в северной части Катангского национального района и в Илимпейском районе Эвенкийского национального округа.

В тех местах, где шаманство отмирает или его совсем нет, почти исчезла и своя тема, а если она и существует, то в большинстве случаев темы сказок заимствованы от соседей, а из своего фольклора передаются только отдельные мотивы². В лучшем случае в таких районах можно встретить людей, „знающих сказки“, точнее—знающих отдельные мотивы, своеобразно сокращенные и измененные. Примером могут служить сказки, записанные в разных районах на одну и ту же тему (№№ 56, 60, 67, 68 у Василевич и № 17 у Титова). Тема — столкновение эвенков людоедов с эвенками не людоедами, обмен женщинами невестами; кочевание людоедов с полученной в обмен женщиной; сборы к жертвоприношению ее и бегство ее. Или еще тема — о глупце (№№ 85, 87): отдельные моменты из походов лисы здесь рассказываются как самостоятельные короткие сказки.

В районах оседлых эвенков отношение к сказке иное. В то время как в глухой тайге мифы и сказки, охватывающие моменты, связанные с мировоззрением и рисующие идеал человека-охотника, до развертывания работы школ отвечали молодежи на многие вопросы и имели большое значение, здесь очень давно появилось другое отношение. Для этих мест характерны следующие реплики: „врешь, лисица не может говорить“, „медведь ведь зверь, он не может говорить, однако наврал“, „это так, зря, люди не могут друг друга есть“ и т. д. В таких районах мы уже не встречаем сказок, характеризующих мировоззрение и мифологию.

Отмечая отрицательное значение сказки как воспитателя анимистического мировоззрения, отмирающего естественным путем с введением школ и культурно-просветительной работы, мы одновременно должны отметить положительную сторону влияния сказки как воспитателя речи. В местностях, где сказка исчезла, не встретишь красочного и яркого рассказа, подобный рассказ является просто перечислением фактов, в то время как от эвенков из районов бытования сказки рассказ какого-нибудь обыденного факта можно слушать как хорошую сказку. Значение сказки как воспитателя речи могло бы оказать ценную услугу в развитии речи и литературы. Положительное влияние фольклора особенно заметно на воспитанниках Института народов Севера: те из них, которые слышали в детстве сказки, пишут сочинения на вольные темы на родном языке значительно красочнее и подробнее, чем те, которые никогда не слышали сказок; последним нужно было вложить много труда, чтобы написать хотя бы более или менее связный рассказ.

Сказки рассказываются эвенками обычно во время охоты, когда большие морозы или пурга заставляют охотников отсиживаться в шалаше или в юрте.

¹ См. „Сказки эвенков Приангарья“ Т. И. Петровой.

² Ср., например, „Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья“ Е. Титова.

Разговоры об охоте вызывают в памяти сначала сказки о животных, об охотниках, потом и другие. Иногда, чаще зимою, старухи за легкой ручной работой рассказывают сказки детям и подросткам. К сказкам прислушиваются и взрослые, продолжая свое дело и ведя между собою тихий разговор.

Способы передачи сказок зависят от их содержания. Предания и сказки о животных передаются обычно прозой. Известные взрослым, они не всегда слушаются ими внимательно. Несколько иное отношение к сказкам мифического характера и к преданиям или былинам о бесконечных похождениях богатырей. В них проза чередуется с стихотворной формой, которая передается речитативом или поётся, причем каждый абзац имеет свою мелодию. При передаче рассказчику вторят все присутствующие, что значительно оживляет процесс передачи и слушания.

Особых сказочников, какие встречаются среди других народностей, у эвенков нет. Сказки знают и рассказывают в одинаковой степени как мужчины, так и женщины, но загадки больше знают женщины.

Здесь я привожу краткие характеристики некоторых сказочников, с которыми мне пришлось иметь дело в тайге:

1. Шомирча Кима, 26 л., с бассейна р. Чиромбу-Сым. Середняк. Человек с крайне повышенной нервностью, с исключительно острой памятью и восприимчивостью. Имел в роду ряд шаманов: прабабку, деда, двоюродного брата (умерших) и дядю. Детство прожил с прабабкой, большой шаманкой. Один из первых воспринял все новое. Среди эвенков пользовался большим уважением и играл не малую общественную роль. Сравнительно хорошо говорил по-русски. Во время рассказывания сильно увлекался и рассказ сопровождал исключительной мимикой. К сожалению, этот талантливый эвенки умер в 1931 г. От него записаны сказки №№ 22, 25, 37, 40, 41, 43, 69, 70, 71, 98, 104.

2. Нётурча Баяки, 44 л., из того же района. Очень бедный, в роду имел шаманов (отец и дядя). По характеру отличался теми же особенностями, что и Шомирча. В детстве немного „кружал“. Среди своих пользовался скорее сожалением, чем уважением. Свои обычаи знал довольно хорошо. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 3, 21, 44, 52, 83, 84.

3. Семен Кильтыно, 65 л., из района рек Тым (прав. прит. Оби) и Чиромбу-Сым. Середняк, шаман. В среде эвенков как шаман большого уважения не имел. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 42, 45, 46, 53.

4. Илья Каплин, 65 л., из района рек Лимты-Илимпей и Ингаригды (лев. прит. Н. Тунгуски). Середняк, умный, бывалый старик и хороший хозяин. В роду была бабка шаманка. До 1929 г. играл большую роль в общественной жизни нгоконновских эвенков. Был членом Нгоконновской коммуны, но на первом году ее существования, когда хозяйственная жизнь коммуны еще не стала на правильные рельсы, вышел из коммуны. „Душно там, много людей, все живут вместе, свежее (мясо и рыбу) едят редко. В тайге жить лучше. Сам знаю, где какая рыба есть, где зверя больше. Сам добуду, свежее всегда ем“,—говорил мне летом 1931 г., мечтая об организации „настоящей“ небольшой артели, куда бы вошли только хорошие охотники и хорошие хозяева. По-русски говорил хорошо. Артель, о которой он мечтал, организовалась зимою 1931—32 г. От него записаны сказки №№ 2, 7, 38, 49, 50, 62.

5. Михаил Йолигир, 37 л., из района Туринской культурной базы. Середняк, развитой, умный и хитрый, по отзывам некоторых эвенков. В роду были шаманы. Играет большую роль в общественной жизни эвенков. По-русски говорит хорошо. От него записаны №№ 1, 11, 23, 30, 33, 73.

Последний здесь фольклорный материал, в значительной части представляющий собою частицы или остатки сказок и мифов, сгруппирован по следующим разделам: 1) сказки о животных (№№ 1—29); 2) мифы (№№ 30—58), сюда относятся мифы о сотворении мира, человека, животных, об устрой-

стве вселенной, о верхнем и нижнем мире, о шаманском мире, о сверхъестественных существах и культурных героях; 3) исторические предания (№№ 59—84) о межродовых столкновениях, о сношениях с русскими и былины (№№ 79—81); 4) бытовые, главным образом юмористические и детские сказки (№№ 85—102); 5) загадки (№№ 102, 1—67); 7) шаманские песни (№№ 103—105); 8) песни и припевы (№№ 109—112) и 9) современные произведения (№№ 112—120).

В сказках о животных больше всего внимания уделяется лисе, производившей, повидимому, очень сильное впечатление на первобытного охотника-эвенка. Многие мотивы в сказках о лисе и других животных являются мотивами мировыми, характерными для ступени охотничьего хозяйства (ужение хвостом в проруби, кража рыбы или мяса, состязание в беге лисы и рыбы, лисица и птичка на дереве, разговор рябчика с лисою, когда та несет его во рту, заноза в лапе медведя и др.). Любопытно отметить, что общемировые мотивы изменяются, варьируются в зависимости от хозяйственного уклада той среды, в которой они бытуют. Так, в теме лиса-вор мы встречаем объект кражи: рыбу (№ 3), сушеное мясо (№№ 1, 6, 7), масло (№ 6); способ передвижения: плот (№ 5), лодка (№ 7), сани (№ 3), выючные сумы (№ 1), охотничья ружная нарточка (№ 6).

Несколько особой и, пожалуй, характерной для эвенкийского фольклора является тема о медведе с лисицей (№№ 12, 13, 14), или о медведе с волком (№ 11), или о медведе с соболем (№ 15) и объектах их страха. Каждый из них обещает убить объект страха другого. Объектом страха лисы, соболя или волка являются „поперечные глаза—эwпкi ēsataril“, „пенек с поперечными глазами—тugdākāp эwпkikin ēsal“ и просто человек—„вэjэ“. Медведь идет добывать эти „поперечные глаза“. Но убить „поперечные глаза“—своих младших братьев он не может и убивается ими¹.

Некоторые мотивы, встречающиеся в сказках о животных, встречаются и в сказках, где участвуют люди: мотив ночевки лисы с медведем на крутом месте (№№ 8, 9, 10), мотив прыжка через костер (№№ 4, 42), мотив способа убийства уколом во время искания насекомых (№№ 4, 42) и др.

Сказки о трехглавой змее и табакерке (№№ 25, 26) попали к эвенкам, повидимому, от бурят, тем более, что записаны они мною от эвенка, родители которого долгое время жили на Шилке.

Мифы, рисующие представления первобытного человека о мире и развитии религиозных представлений, имеют не мало общемировых и общих для всех урало-алтайских народностей тем.

К общемировым темам относятся:

Тема о дуализме при сотворении земли, человека и животных. В творении участвуют два брата: младший и старший—доброе и злое начало. Младший—хозяин верхнего мира, старший—нижнего. Младший творит среднюю—нашу землю. У него помощники гоголь и гагара. Вместо земли существует вода. Он заставляет гагару нырнуть и достать землю. Гагара не может принести, за это хозяин наказывает ее, раздвигая ей лапы. Второй псмощник—гоголь—приносит в клюве со дна немного земли. За это хозяин целует его, и у гоголя остается навсегда белый след на голове. Тогда хозяин кладет этот кусок земли на воду, и она начинает постепенно расти. Однажды он отдыхает на этом куске земли. Старший брат его, пытаясь украсть землю, тянет ее из-под спящего. Но вместо вытаскивания он только растягивает землю. Земля постепенно вырастает до современных размеров. К сожалению, этот текст мне не удалось подробно записать, ибо он был рассказан в пути случайным попутчиком.

¹ Эти варианты, как мне кажется, проливают свет на происхождение самоназвания „эwпкi“. Объект страха медведя, „поперечные глаза“, рисующийся в виде чего-то неопределенного в виде пня (а в пне, по представлению эвенков, живут умершие, в пни не так давно еще ставили цокольников), в виде человека, эвенка, а также родство эвенков с медведем, выявляющееся здесь и во многих сохранившихся до сих пор обрядах, свидетельствуют, что „эwпкi ēsatar“ (поперечные глаза), и „эwпкi“, по всей вероятности, одного происхождения.

Дуализм прослеживается в творении животных и птиц (№№ 30, 32, 39) верхним хозяином (№ 30), в наличии двух братьев—первых работников на средней земле (№№ 30, 31, 32). Во всех вариантах доброе начало творит души людей. Души делаются из камня и земли (№ 31) и из кости (№ 32). Первый вариант записан у эвенков южного диалекта. Он указывает на существование у эвенков гончарства. Многие другие данные указывают на отдаленные кочевания эвенков южного диалекта в пределах верхней части бассейна Амура. Наличие у них мифа о творении человека из глины и камня и исторические данные о существовании гончарства у манчжуров в очень отдаленные эпохи подтверждают если не единство происхождения эвенков—тунгусов и манчжур, то их близкое родство.

Тема о помощнике при творении и наказании его. Помощником верхнего хозяина по южному варианту является собака (№№ 31, 32), по северному варианту—ворон (№ 30). Во всех вариантах верхний хозяин, кончив работу творения, которая происходит на средней земле, уходит, предоставив охрану людям своему помощнику. Последний соблазняется обещаниями нижнего хозяина и предоставляет ему посмотреть сделанное верхним хозяином. За эту измену помощник карается. Мотив кары, наказания мы прослеживаем не только в теме творения человека, но, как видели выше, и в теме творения средней земли. Он же прослеживается в теме о зайцах (№ 22). Зайцы были жителями верхнего мира, но за шаманство у людей они были изгнаны на среднюю землю. К сожалению, не удалось записать более подробный рассказ.

Шаманство зайцев у людей и значение вещания в камлании дают повод думать, что зайцы были изгнаны за какое-то сообщение, что подводит к мировой теме о ложной вести.

Не могло не отразиться на фольклоре и представление о небесном своде. Как и следовало ожидать, мы имеем здесь отражение охотничьего быта. Большая Медведица—лось и охотники. Млечный Путь—след лыж охотника. Но Полярная звезда—дыра, вход в верхний мир. Солнце по представлению эвенков—женщина (№ 45). Но в тексте № 54 мы видим другой мотив, а именно: солнце берет к себе обижаемую девочку-водоноску. Последняя тема, к сожалению, передана очень кратко, но во всяком случае этот отрывок указывает на существование у эвенков мирового мифа о Воде и Солнце.

Далее в мифах мы имеем ряд тем, собственных народам Евразии. Это—тема о девочке, просящей перелетных птиц унести ее от угнетателя (№ 42). Птицы бросают ей до перу и помогают улететь. В. Г. Богораз¹ связывает эту тему с отступлением ледников и перелетом птиц на север.

Тема об отвержении младшей дочери и передаче ее на верную гибель (№№ 40, 42). В тексте № 40, повидимому, имеются шаманские наслоения, ибо река, по которой плывет девочка на льдине—главная шаманская река, соединяющая верхний и нижний шаманские миры. По берегам реки живут шаманки, одна из них помогает девочке выбраться на землю. Тема отвержения и передачи воде встречается и в других мифах (№№ 50, 51, 100). Сестра сплавляет своих братьев вином, забивает их в ящик и спускает в Байкал. Последняя сказка (№ 100) заимствована из русского фольклора, но любопытна своим преломлением.

Тема о магическом бегстве и превращениях (№ 45).

Тема о герое-мстителе, родившемся из гусиного помета у старухи (№ 42).

Кроме этих тем, общих для евразийского фольклора, мы имеем здесь темы характерные для фольклора урало-алтайских народов, а именно:

Темы путешествий в верхний и нижний миры (№№ 36—39). Невидимость посетителей с средней земли, миролюбивое отношение к этим посетителям, сексуальные моменты. Указание на существование кузнечного ремесла в нижнем мире.

¹ „Художественный фольклор“, 1926, I, стр. 68.

Темы о сверхъестественных чудовищах: одноглазое, одно-рукое железное чудовище, имеющее одно уязвимое место — глаз (№№ 48, 49), многоголовые чудовища (№№ 50, 53), волосатые люди (№ 52).

Но темы об оленях-чудовищах — олень-великан (№№ 43, 44), десяти-ногий олень (№ 45), олень со свинцовыми рогами (№ 47) — повидимому, характерны только для фольклора оленеводов и связаны с периодом приручения оленя. Сюда же можно отнести и тему о медведе как культурном герое и предке эвенков. Самопожертвование медведя дало эвенкам домашних оленей и все, что связано с производством из оленьего сырья (№№ 40, 42), а из частей оленя образовались люди. В группу мифов отнесена и сказка о Муривуле (№ 46), искусном фокуснике, а также и некоторые другие.

В преданиях в первую очередь выступают группы эвенков-людоедов и не людоедов (№№ 59—63, 65—67, 77—78). Герои преданий рисуются идеальными людьми, со всеми чертами, к которым может стремиться первобытный охотник: особой силой — „медведей через голову бросал“ (№ 79), умением превращаться (№ 69), исключительной ловкостью — „железные стрелы сделал, стал стрелять, мальчик увертывался“ (№ 73), богатством (№ 76). Эти качества естественно порождают стремления к состязаниям — „они сговорились стрелять друг в друга луками. Стреляли, стреляли, пока колчаны не опустели. Тогда взяли мечи, начали рубиться. Никак не могли убить друг друга. Уставши, оба заплакали“ (№ 69). Иногда эти силачи уводят к себе женщин, и тогда на сцену выступает организованная борьба. Герои собирают лучшие и мечные отряды (№ 70), одновременно с ними на борьбу идут и шаманы (№ 70). Борьба происходит двояко: в виде состязаний героев и шаманов и в виде боев отрядов. Победители уводят женщин (№№ 65, 71, 76).

Герои бьются и сиротами. За малейшую неудачу их бьют, отнимают оленей, но потом им удается восстановить все отобранное и победить своих притеснителей (№№ 77, 78).

В ряде преданий мы имеем указания на определенных героев, принадлежащих к определенным родам. Шиктовуль был Кима (№ 69), Гагдэра был Танимо (№ 70), Илудон был Кима (№ 84). От Чоро произошли эвенки, живущие на средней части бассейна Нижней Тунгуски (№ 76). В позднейших преданиях мы имеем описание сношения с русскими (№№ 84, 86).

Предания восточных эвенков, рисующие бесконечные фантастические похождения богатырей, скорее можно назвать былинами (№№ 79, 80, 81).

В бытовых сказках особо подчеркивается глупость (№№ 85, 86, 87, 97), хитрость (№№ 88, 90, 91), лень (92). Здесь же имеется и отражение классовой борьбы (№ 93). Детские сказки, к сожалению, встретились в ничтожном количестве. № 98 представляет собою диалог, весьма любимый детьми. № 99 рассказывает детям для ознакомления с животными и № 100 — сказка, заимствованная из русского фольклора.

Эвенкийские мифы, сказки и т. д. не имеют своих названий, заголовки даны составителем настоящего сборника.

Эвенкийские загадки по тематике отгадок можно разделить на следующие группы: а) человеческое тело (№№ 1—18), б) предметы домашнего обихода и орудия труда (№№ 19—55), в) природа (№№ 56—63), г) животные и растения (№№ 64—67). В связи с предметной природой самой загадки и конкретным мышлением эвенков мы имеем больше всего загадок в первых двух группах. В загадках зачастую одним словом отмечается основной признак предмета и функция его: *ajilun?* — (что за) промышленник? — ум; *ekin gaqraan?* — что выстрелило? — глаз; *ekin dariwulan?* — что (за) измеритель? — посох и т. д.

Архаизмы, непонятные и чуждые для современной речи особенно ярко выступают в шаманских песнях и в припевах к импровизациям. Многие шаманские песни уже непонятны не только для современных эвенков, но и сами шаманы затрудняются точно объяснить содержание отдельных строф; поэтому в ряде песен-обращений к духам не удалось дать точного, подробного подстрочного перевода, и здесь не решаюсь их приводить. Как образцы здесь приведено несколько песен, связанных с похоронным обрядом (№№ 105—108).

Одна из них — обращение с просьбой послать хороший промысел (№ 108). Песнь № 104 сообщена мне как очень древняя, забытая теперь шаманами, представляющая собою шаманскую философию о происхождении первого шаманского дара и шаманского мира (№ 104).

Особо стоит вопрос о песне. Песен с определенным, вполне устоявшимся текстом у эвенков нет. Мне удалось записать только один образец старинной, как мне сообщили, песни (№ 109), представляющей собою художественное произведение с устоявшимся текстом. Все песни импровизируются. К каждой строчке или к каждому абзацу добавляется один из припевов (№№ 111, 1—13). Образцом импровизации является текст № 112—жалоба девушки-сироты.

Из новых художественных произведений здесь приводятся некоторые образцы (№№ 113—120), представляющие собою первые попытки современного художественного творчества эвенков. Необходимо отметить, что развитие фольклора в этом направлении идет широко и быстро. Воспитанники Института народов Севера, возвращаясь после производственной практики с родины, приносят и новые песни¹.

Октябрь 1932 г.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

M. Joligir. Turu

1. Hulakī

Kōkšicān gūnən: „Hulakija! kōkšanḡāt āmuttu!“ āmut bułdiməktə, hōmama bułdiməktəkən. Kōkcalinə, kōkšicān huḡuḡən hulakīnun dūktə. Kōkšicān dəḡməl ūḡana, hulakī upkacitḡi halgarḡiwī. Hulakī əjəḡən tādu; məldəḡḡəḡən dūkə, hulakī gūnən: „Kōkšicān, nəlgəjə əməpkəl“. Kōkšicān gūnən: „Əməvḡəm, əməvḡəm, alatka!“
5 Kōkšicān nəlgət tirəḡən dōskī. Hulakī dōskī iḡuḡana, vakaran pējucānmə. Pējucār əḡintin buššəḡəḡən. Hulakī gūnən: „Nimḡanikta əḡinməḡun“. Pējucān gūnən: „O-o! nimḡanḡāt“. Hulakī gūnən: „Jūwkəldə huḡəlwən tułiskī“. Jūrə huḡəlīn tułiskī, huḡuḡə. Jūrəktin, əḡinməwəḡn hukitəwə huḡtirən purtatḡi. Əḡinmətin wākānim, dəwḡən hulakī upkatpān. Pējucān huḡəlīn hoḡoldo. ehalwar hōlbəḡaknantin hoḡoro. ehalwatın
10 hōlwama ḡra əḡməklə.

Hulakī hēḡānḡa vakaran, gūnən: „Kōkšanḡāt ɓırawa əjəkt“. Hēḡān hēḡahəlwa gūnən: „Hulakī əḡihinəkin, hu zəwunpakaldu“. Hulakīnin kukcan əḡilə diḡnīlšhinən.

M. Йолигир. Туру

1. Лисица

Пташка сказала: „Лисичка! попрыгаем (пощелкаем лапками) по озеру!“ Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе. Пташка слегка вспархивая, лисица всеми лапами. Лисица утонула там; продавился лед, лисица сказала: „Пташка, коряжину при-
5 таци“. Пташка сказала: „Принесу, принесу, подожди!“ Пташка коряжиной надавила внутрь. Лисица, внутрь двигаясь, нашла сорогу. Мать сорог хворает. Лисица сказала: „Пошаманю я на мать вашу“. Сорога сказала: „O-o! пошаманим“. Лисица сказала: „Выведите ребят вон“. Вышли дети вон, ушли. Когда (они) вышли, (она) живот матери разрежала ножом. Убивши мать их, лисица съела всю. Дети сороги стали плакать. До покраснения глаз плакали.
10 (Плакали до того, что глаза покраснели). Глаза их красными стали до сих пор. Лисица встретила налима, сказала: „Попрыгаем вниз по реке“. Налим налимам сказал: „Когда лисица крикнет, вы откликайтесь“. Лисица теперь побежала.

¹ Более подробно вопрос об эвенкийской песне разобран мною в статье „К характеристике эвенкийской песни“, сб. Советский фольклор, в. II (печатается).

Umukən guruka ḡənəkəjim, ɛriraŋ, hējan ɔawran ɔuləskīn. Diḡnilənə nān umukən guruka, nān ɛrihiŋaŋ: „Hējan!“— „Hoŋ!“ hējan ḡūnən ɔuləskī. Hulakī diḡniləhiŋən, diḡniləhiŋən, nān ɛrihiŋaŋ, nān ɔuləskī ɔawran hējan. Huḡtiw-rən hulakī, tuḡ-də iḡɔarḡaknanmī diḡnilənən. Hulakī ḡūnən: „Minə huḡtiɔaləwər, ədəji burḡu bihim“. Hējan ḡūnən: „Bi hakīnduŋi burḡuḡidiḡw“.

Tāduk hulakī atirkānmə bakaran. Atirkān hanḡuktaldan: „Hi dundəwə hāndi?“— „Bi hāmi dundəwə“,— „hāmnimɔəs, ɔūktə huḡuɔət, minḡi hətidu uɔucakal“, ḡūnən atirkān. Hətidu ukkānim, umukənmə amutpə bakara. ɛkuma ḡəwbin?“— „Əri ḡəwbin tamilḡa“, hulan ḡūnən. Tāduk huḡuɔə, nān amutpə bakara, „ɛkuma ḡəwbin?“— „dulilḡa“. Nān huḡuɔə. „ɛkuma ḡəwbin amut?“ hanḡuktaran atirkān. Hulan ḡūnən: „hərəktəlgə“.

Tariḡin ḡūnən: „Əwəkə! dagakān ɔdan ɛtirəkəndulə“. Ista. ḡūnən atirkān: „Əḡ-kəwə hāndi?“ Hulan ḡūnən: „Hāmi, ajaḡki bihin. Bi, amākā, əḡkəmnəktə oronmo“. Atirkān oronmo bürən. Umukən dolboniəwə bikənim, hulakī əmərən, ḡūnən: „Amākā, mindu halkacānmī wəkəl, mōja tuktikətcinḡaw, hōma buliwsilan“. ɛtirəkən tar bürən halkacānmī. Hulakī, bürəkin, ḡilḡəwən wācān halkacāndi umətiɔərən, halkacāndin duktaɔaran, ḡūnən: „Amākā, ororwi ḡənnəškəl, burḡuɔəl“. Tar ɛtirəkən ḡənərən, hül-wətin ororwōn manacān. Nuḡan atirkāndulə huḡtildən „ɔawakal hulakīwa!“ ḡūnən. Tar atirkān əcə ajat döldira „Hulakī?“ hanḡuktaran: „on ḡunɔən amākā?“ Hulakī diḡniləhiŋən. ɛtirəkən huḡtiwran, wādāji ḡəkəɔənə hulakīwa. Tikuldan ɛtirəkən. Hulakī diḡniləɔəpənə, atirkāndu ḡūnən: „umurənə irḡidu uḡikəl“. Atirkān uḡdən irḡidu. Atirkāndu ɛtirəkən əmərən, nān hulakī diḡniləhiŋən. ɛtirəkən ḡinakinmī tinən hulakī uḡadun. ḡinakinmī tinəkin, ḡinakin wokonōkin hulakīwa, dundəli uḡduhinən hulakī. ɛtirəkən hāḡərduli togowo ilaran. Hulakī togoli jürən, togoli luḡiɔəriili jürən, hulakī ḡūnən: „uḡḡədiməl hulakal“. Togo irḡiwən uḡḡədin hularan.

Пройдя один плес, закричала: „Налим!“ Налим ответил впереди. Пробежала опять один плес, опять закричала: „Налим!“— „Хой“, ответил налим впереди. Лисица бежала, бежала, опять крикнула, опять впереди откликнулся налим. Отстала лисица, так до побурения бежала. Лисица сказала: „С тех пор, как обогнал меня, я перестала быть жирной“. Налим сказал: „Я в печени (печенью своей) жирным буду“.

Потом лисица старуху встретила. Старуха спросила: „Ты знаешь землю (окрестности)?“— „Я знаю землю“.— „Если знаешь, пойдем вместе, на мою санку садись верхом“, сказала старуха. На санку севши верхом, одно озеро встретили. „Какое название его?“— „Это называется верхней вязкой на потокае“¹, лиса сказала. Потом поехали, опять озеро встретили. „Какое название его?“— „Среднее“. Опять поехали. „Какое название озера?“ спросила старуха. Лиса сказала: „Самое нижнее“.

Та сказала: „Бабушка! близенько стало до старика“. Доехали. Сказала старуха: „Олень кормовище знаешь?“ Лиса сказала: „Знаю, хорошее есть. Я, дедушка, на кормовище сведу оленя“. Старуха оленя дала. Одну ночь про-бывши, пришла лиса, сказала: „Дедушка, дай мне молоток, на дерево полезу, скучно очень“. Старик тот дал молоток. Старик когда дал, лисица убила молотком быка, жир ела, постукивала молотком; говорила: „Дедушка, оленей своих приведи, разжирили“. Тот старик пошел, всех оленей кончила (она). Он к старухе побежал: „Лови лисицу“, сказал. Старуха та хорошо не расслышала: „Лисица?“ спросила: „Как сказал дед?“ Лисица убежала. Старик отстал, собираясь убить лисицу. Рассердился старик. Лисица, подбегая, старухе сказала: „Жир на хвост привяжи“. Старуха привязала на хвост.² Старик пришел к старухе, лисица опять убежала. Старик пустил собаку по следу лисицы. Когда собаку отпустил (и) когда са-бака нагнала лисицу, лисица вошла в землю (в нору). Старик в отверстие (вниз) зажег огонь. Лисица по огню (через огонь) выскочила, по огню горящему пробежала, лисица сказала: „С рукав хоть оставь“. Огонь оставил хвост ее с рукав.

¹ Потакуй — выючная сумка.

² Белый цвет кончика хвоста лисицы эвенки объясняют тем, что на хвосте лисицы был привязан жир. Этот мотив встречается часто.

2. Hulakī, ɟantakī

ɟantakī nadanma ororwi ɟənəwɟɟɟərən, olgotcorən. Arcaran hulakīwa. Hulakī gūnən: „Ororwi ēkur ɟalaɟaltin, minə talā ajakākun ɟunnə bihin, wi bɟurgugiktə nadalladu“. Tərulɟərən ɟantakī, hulakīdu bürən ororwi. Hulakī olgoɦinən ororɟon. Tarkakāndulā ɟənərən, ororwo təputtən, ɟəwrən. Nadalladu manaran nadanma oror.
 5 Nadalla iltənən, ɟantakī hɟurɟərən, ororwo gəlɟnəɦinən hulakīduk, arcaran hulakīwa „Ir ororwi?“ — „Ororwos ɟəpcəw, nadalladu manacəw“. Hɟɟtərən hulakī. Amardukin jəkətcərən, ɟantakī hɟurɟərən ɟūlin. Ahinan ɟantakī hanɟuktaran: „əwa jəkəɟərən?“ — „Ami jəkəɟərən“, hɟtəlɟin gūnə. „Ororwɟon bɟurgicə bicəw, kɟnɟaktakānmə ɟɟikəllu ɟrgidɟw“, hulakī gūnən. Nugartin ɟjə kɟnɟaktakānmə; hulakī hɟktilən.

10 ɟənəɟənə, bakaran kɟkəkīwə. „ɟūktə ɟəɟɟəlwət“, hulakī gundərən. Nəɟɟelle əhilə. „Kəl wəjə, əjəkī ɟawrəktəɟawət biɟərɟlduk“. ɟawrəɦinə. „Bi əɦiniktə, hi ətwɟskəl“. Hulakī əɦinən. „Wəjə“, gūnən: „hi əskəl“. Kɟkəkī əɦinən, hulakī holohinən wɟrawa holokī hɟurɟərən, ɟūwa lupumɟak ɟawrərən. Əjəɦinən wɟrali. „Wəjəl təɟəkəl, wuliwsə, ulgucəmətəkət“. ɟawrəɟərə, kɟkəkī gūnən: „Wəjə, icəɟɟnəkəl, wəjəl əylɟtin“.
 15 Əɟrə əylɟɟutin, hulakī, gūnən hipkɟɟərən: „Hi əɟɟəkəl wulira, hata garpatcəɟnəkəl nuɟarbatin, on-da gundəktin—wəkəl“. Əhilə kɟkəkī guncən: „Hi tar ɟūwa ɟurməkəl, wi əɟə ɟurməkət“. Bɟritta ɟūlbar. ɟurməɦinə, hulakī cɟmkawa garpattan. Kɟkəkī wəɟəwki hɟtəlwi, ənəl dɟldira; wərə upkacilwa. Hulakī əcə wərə, ɟjəkɟitpi garpaɟaran. Kɟkəkī icərən, hɟtəlwi wəcə, hoɟoron əhilə. Hanma anɟanil hoɟoron ɟɟɟargakɟan.

20 Boloron əhilə, ɟkəkəkər doɟotoɟoro, kɟkəkī burdəktəɟərən. Hulakī gūnən: „Wəjə holəɟoɟos“. Hulakī kɟkəkī ɟɟalɟin burdəɦinən, əjɟən. Jəkələn kɟkəkīdu: „Nəlgəkəcənə wəkəl“. Moɟon bicən kɟkəkī, nəlgəwə wuren. Hulakī jūren mɟduk, hɟktilən. Kɟkəkī hɟɟɟllən.

2. Лисица, росомаха

Росомаха ведет семь оленей. Встретила лисицу. Лисица сказала: „Какие костлявые олени твои, у меня там хорошая земля есть, я (их) поправлю в неделю“. Поверила росомаха, лисице отдала оленей. Лисица увела оленей. Далеко ушла, оленей убила, съела. В неделю кончила семь оленей. Неделя
 5 прошла, росомаха ушла привести от лисицы оленей, встретила лисицу: „Где олени?“ — „Оленей съела (я), в неделю кончила“. Убежала лисица. Позади закричала, ушла (лисица) к дому росомахи. Жена росомахи спросила: „Кто кричит?“ — „Отец кричит“, дети сказали. „(Я) оленей жирными сделала (поправила), колокольчик подвесьте на хвост“, лисица сказала. Они привязали колокольчик, лисица убежала.

10 Идя, встретила кукшу. „Вместе пойдем“, лисица говорит. Весна стала в это время. „Ну, мужичок, поплывем вниз от живущих“. Поплыли (в лодке). „Я посплю, ты веди(лодку)“. Лисица заснула. „Мужик“, сказала: „Ты спи“. Кукша заснула, лиса поехала вверх по реке, вверх пошла, мимо юрт проплыла. Спускаться стала по реке. „Мужик, вставай, скучно, поговорим“. Едут в лодке, кукша
 15 говорит: „Мужичок, взгляни, людские пристани“. Пристали на пристанях их, лисица сказала, предупредила: „Ты не пугайся, сильнее стреляй их, как бы ни говорили — убивай“. Теперь кукша сказала: „Ты ту юрту скрадывай (подкрадывайся), я эту скрадывать буду“. Поделили юрты свои. Стали подкрадываться, лисица в среднюю жердь (юрты) стреляла. Кукша бьет своих детей, не слушающая; убила всех. Лисица не убила, ложно стреляла. Кукша увидела, детей своих убила, заплакала тогда. Три года плакала, до побурения.

20 В это время осень становилась, льдинки замерзали, кукша прыгает (по льду). Лисица сказала: „Мужик, пойдешь вверх“. Лисица по следам кукши запрыгала, утонула. Стала кричать кукше: „Коряжинку дай“. Глупая была кукша, коряжину дала. Лисица выскочила с дерева (по стволу), убежала. Кукша в водоворот (от утопленной коряжины) ушла.

3. Şulakī, jantakī

Şulakī əmərən jantakītki. Jantakī taktikānma ogocō, kiglələdirən, pəşilnəcə Şulakī ampaduwi ciməcinmə nəkcəfərən, bülkiqirən. Jantakī günən: „əwa bülki-
dändi?“—„Urwəptinmi“. Jantakī günən: „Alagdi?“—„Alagdı! alagdı!“ Jantakī həyrən
urwəptinmi, həyrən, günən: „Ənükā! ənükā!“ gorowo günən „ənükā“. Būdđan taric
jantakī. Būdākin, əşilə nuşanmān əkülürən ələtpi-li būdđan, tədqəksirən—bucə ələtpi,
15 əructarən. Ətəcə əriđamī, əructamī. dälild'an, günən: „İlə şuruđam?“

Jantakī ūdahn şururən; ɣənərən, ɣənərən, tälä dūn icəwuld'an jantakī. ɣənərən
dūlān. Jantakī hurilin jürə dūdukpar, günə: „Aba! aba əmərən“. Jantakī hurilin
güld'an: „ön carılıcās?“—„Kiglələwər ovđacaw“. İrən dūlān jantakī, təgərən bədu. Tə-
20 gərən jantakī aşin kiradun. Aşinən, dolborōkin, inən, ānɣətcān, inərən tımātna. Tı-
mātna nān şururən, hawalild'an.

Tälä bakaran ətirikənma lucawa. Murdakittulin ɣənərən. Murdakittiki ɣənərən,
güld'an: „Cankıdus uguwānikta“. ıyran cankıdu. Ətirikən murınmı olgođorən. Şulakī
old'ogılıwān awşawān cəştrānān. Nodurən old'owo manawuknanın. „Ətirikən“,
15 güld'an: „güleş icəwuld'an həkuşiniktə“. Jürən cankıduk, amaşki şururən, ətucild'an
öduranın old'owo. Ətutt'an, ətutt'an, tādük amunıgnāraş, İdu nōcān old'owo, cıkən-
dən tādū.

Ətirikən əmərən dütkiwi, old'ogılıwi əructarən, əmac ācın. Şulakītki şururən,
hanğuktarən: „Old'ogılıwa icənəndi?“—„On ətəm icərə? hawalđaktu, icātkał amunmı
20 tarı, cıkənmi tarı“. Ətirikən hanğulırən, hanğulırən şulakīwa, tādük hüksinən, ācır,
ıyıkəməc əşin vakara. „Əşilə ulbınđam“, günən. Şogold'an. ıduwi ācın cəptiləl,
huru bişin. Şulakī günən: „icəktə ön-ka soğođorən“, dūlān ɣənərən. Hurilin bişi,
ələtpi ācır, əmac ācır. Şulakī güld'an: „əmat-cā ögnändi, hurilwi ıyıkəl, hawalđatın“.

3. Лисица, россوماха

Лисица пришла к россوماхе. Россوماха кедр свалила, лыжи делает, стругала.
Лисица во рту жир с крестца очищает, ест. Россوماха спросила: „Что ешь?“—
„Репис свой“. Россوماха сказала: „Вкусный?“ — „Вкусный, вкусный!“ Россوماха
отрубила свой Репис, сказала: „Больно! больно!“ долго говорила: „больно!“
5 Умерла поэтому россوماха. Когда (она) умерла, тогда ее (лисица) перевернула,
верно ли умерла, проверила—на самом деле умерла—увидела. Перестала ды-
шать, смотреть. Подумала, сказала: „Куда пойду?“

Пошла по следам россوماхи, шла, шла, там дом россوماхи виднеться стал.
Пошла к дому ее. Дети россوماхи выскочили из дома, говоря: „Папа! папа
пришел“. Дети россوماхи сказали: „Как сгорбился?“—„Лыжи выделывал“.
20 Вошла в дом россوماхи (лисица), села на боковое место. Села жена россوماхи
у двери. Легла спать, когда ночь настала. Продневала, ночевала, прожила до
завтрашнего утра. Утром опять ушла, стала ходить.

Там встретила старика русского. По санной дороге его пошла. По дороге
шла, сказала: „В санку твою сяду-ка“. Влезла в санку. Старик коня своего
ведет. Лисица сумку рыбью прорвала. Бросала рыбу, пока не кончилась. „Ста-
15 рик“, сказала: „дом твой виднеется, слезу-ка“. Выскочила с санки, обратно
ушла, стала раскладывать выброшенную рыбу. Раскладывала, раскладывала,
потом испражнялась (в том месте), где бросала рыбу, там (и) мочилась.

Старик пришел домой, рыбы свои посмотрел, нет ничего. К лисице
пошел, спросил: „Рыб ходила смотреть?“— „Как не стану видеть (увиджу)? на
тропе посмотри, то испражнения, то моча“. Старик спрашивал, спрашивал лисицу,
потом вернулся, нет, ни одной не нашел. „Теперь пропаду с голоду“,
сказал. Заплакал. Дома еды нет, семья. Лисица сказала: „Посмотрю-ка, как
15 плачет“, к дому его пошла. Дети есть, последнее нет (кончилось), ничего
нет. Лисица сказала: „Как ничего не делаешь, детей пошли, чтобы ходили“

Әсәл һауалда әмәс. Шуләки гүлдән: „идук әјсәс? Шурүәт әјсәктәкәш!“— „Амуттук
25 әјсәв“. Шурүә дүктә әмуттүки. Амүс мүсә, һәгднә мү өсә. Әтирәкән гүнән: „әдү
әјсәв old'owo. Мүдәсә әјсәкәш“. Әвиләшәни өдә. Шуләки гүнән: „Әри үсәви дүрү-
тәкәл“. Әтирәкән шурүрән, дүтүрән, әжүрән.

P. Putugir. Норвokö

4. Hulakī, irgicī

Hulakī әмәсә irgicī гүлән, гүллән: „Bi orogvos umukändu wēgadu wurgūyūcəwəw,
mindu wūkəl, orogwi ətəjəttəw. Bēgaja wikənim gənnədəji“. Irgicī wūrən orogwi. Hulakī,
hurūwkənim, orogwōn cəwərən, upkatpa manarən. cəpitcənə iktəji kaputtān.

5 Bēγawa wikənim, әмәқирән irgicī. Hulakī icərən, diñniləhinən irgicī гүлән, гүллән:
„hikənduw imurənə wjikəllū! irgidu kəgaktaja wjikəllū“. wjekittinun diñniləhinən.
Hulakī wakarən cəlwı, umukəndu gulucallan. Әмәқәрән irgicī, әмәрән, guluwunma
wargımnak mıkənən, irgiji ılarən, hulakil injəktəllə irgicit. Irgicī icərən iktən kapur-
gacəwə, gүллән: „Tiləməcilγət“. Tiləməcillə. Irgicī gidalārən, hulakil upkat diñniləhittə.

I. Uwocān. Норвokö

5. Hulakī, iləl

Hulakī wakaran iləlwə, cūrəwə ahələwə, гүллән: „Minə təmuduwər wjirkəllə,
wi ənə icətə ulgucəlciγəw wıral daptulwatın, minə daskəllə əllurγıwər“. Əhilə əjə-
hinə. icərə wıra daptuwān, hanγuktəllə hulakiduk: „əkuma gərbin wıraja?“ Hulakī
əllun hərgidəduñ, kərciməwə cəwəcənə, гүнән: „Əjəlgə“. Təduk gүнən: „Dulilga“

(бродили, добывали пищу). Не ходили никак. Лисица сказала: „Откуда добыл?
пойдем к месту добывания“. — „Из озера добыл“. Пошли вместе к озеру.
25 Озеро с водою, вода высокая стала. Старик сказал: „Здесь добыл рыбу. Вода
поднялась, после того как добывал“. Весна настала. Лисица сказала: „По этой
тропке перейди“. Старик пошел, пошел через, утонул.

П. Путугир. Ербогочен

4. Лисица, волк

Лисица пришла в дом волка, сказала: „Я твоих оленей в один месяц по-
правлю, дай мне оленей караулить. Через месяц придешь, возьмешь“. Волк отдал
оленей. Лисица, уведя оленей, съела, всех кончила. Во время еды сломала зуб.

5 По прошествии месяца приходит волк. Лисица увидела, убежала к дому
волка, сказала: „Привяжите на шею мою сало! на хвост привяжите колоколь-
чик“. С привязанным убежала. Лисица нашла родню свою, вместе стала жить.
Приходит волк, пришел, через костер перепрыгнул¹, хвост поджег, лисицы стали
смеяться над волком. Волк увидел сломанный зуб, сказал: „Давай поищем
вшей“. Стали искать вшей. Волк заколол (лисицу), лисицы все убежали.

И. Увочан. Ербогочен

5. Лисица, эвенки (люди)

Лисица встретила людей, двух женщин, сказала: „Посадите меня на плот,
я, не глядя, расскажу (назову) устья рек, покройте меня нюками“. Теперь по-
плыли. Увидали устье реки, спросили лисицу: „Какое название у реки?“ Лиси-
ца под нюком, поедая сушеное мясо, сказала: „Верхняя“. Потом сказала: „Средня

¹ Раньше при обучении ловкости подростки, забавляясь, увертывались от стрел и пры-
гали через костер. Неудачные прыжки всегда вызывали смех. Тема неудачного прыжка для
встречается часто.

Tāduk nān hanjuktālā, gūnən: „Hərəlgə“. Hulakī, manakānım, gūnən: äkkəllə“. Ägrə, hulakī diğnıləhinən. Nuğanmā ahaktalla tarıñın. Nuğan mōlā tuktirən. Nuğanmān badaranə. Tarıñıtın güllən: „Kokollodimātje hulakallu!“

В. Әдән. Урми

6. Sulakī, vəje

Umnəkən umın vəje tuğə vəjuhınən tolgokīt. Tar vəje, ɣənəðənə, ɟulgidəduwi sulakīwa icərən. Vəje sulakīnı garparan. Sulakī tiktən. Sulakī vəjətki ɟunðərən: „əda sī minəwə garpannı; halganma həkəlinni? Minəwə tolgokīduwi həkəkəl!“

Vəjəɣın həkərən tolgokīdu, mənin tolgokīwi ırðaran. Tolgokīdun sulakīɣın kapukaðaran. Vəje ɟulgumirən:—„Sulakī, sī əðanni?“ Sulakī ɟunðərən: „Akī, əkunmakat əcəw ərə. Hujəwi doɟotonowön cıwðam“. Vəje, ənə kihanə, ɣənəðərən. Siksə anjaktulā ihıksäkän, sulakīnı gurərən. Sulakīɣın gūnən: „Akī! sī sōmat dārinni biðıɣən. Sī ətuwi ökal, bī möjawar mōläktə“. Vəje sükəwi bürən, gūnən: „Gəl mōlākəl!“ Sulakīɣın ɣənərən. Vəjəɣın sulakīnı amardukın imuksəni ɟəptiləwi icənən, pütun-ɣı äcın. Sulakīɣın ɟərcə. Vəje ɟalduwi ɟuncəðərən: „Vəje-kə varaksan əməðıñəs, icəɣəwəs öðıñəw“.

Sulakījan tar ɣənətpi əcə mucura. Matanı ɟəptiləwən, imuksəɣıñən ɟəwıksəkən, ɟləkkiçəksəkən, sulakīɣın cucaran.

I. Kaplin. Inarigda

7. Hulakī, ahāl

Pañ ahāl ɟawrəðərə, ılan inməkil korçımotın. Hulakī jəkərən: „Ahāl! minə ɟakallu ɟavduwar“. Gəðə nuğanmān. ɟawrəðəna, gūnən hulakī: „Minə təwıskəllü daskallu. Bı ırələ, bıralə icəmi, əkuma bıra, ıɣə ɣərvın ɟlɟucəðıñəw, əðənə“. Nuğan

Потом опять спросили, сказала: „Нижняя“. Лисица, съевши, сказала: „Пристаньте“. Пристали, лисица убежала. Те ее преследовали. Она на дерево влезла. Его подожгли. Та стала говорить (просить): „Хоть с рукавицу оставьте!“

Б. Эдян. Урми

6. Лисица, человек

Однажды один человек зимою промышлял с нарточкой. Тот человек, идя, перед собою лису увидел. Человек в лису выстрелил. Лиса упала. Лиса человеку говорит: „Ты зачем в меня стреляешь, ногу мою ранишь? Меня на нарточку привяжи!“

Человек привязал на нарточку, сам нарточку тащит. На нарточке лисица пощелкивает. Человек спросил: „Лиса, ты что делаешь?“ Лиса говорит: „Дядюшка, ничего же не делаю. Раны, отмороженное (место) лижу“. Человек, не беспокоясь, идет. Вечером на ночлег придя, лису отвязал. Лиса сказала: „Дядюшка! ты очень устал. Ты костер делай, я по дрова схожу“. Человек топор дал, сказал: „Ну! иди по дрова!“ Лисица пошла. Человек после лисы масло, еду посмотрел, совсем (ничего) нет. Лиса съела. Человек в уме подумал: „Мужик-то обождавши придешь, морду сделаю (убью—ругательное слово)“.

Лиса с ухода не вернулась. Молодца (богатыря) еду, масло съевши, обманувши, лиса скрылась.

И. Каплин. Ингаригда

7. Лисица, женщины

Три женщины едут в лодке, три торсука вяленого мяса (с ними). Лисица крикнула: „Женщины, возьмите меня в лодку“. Взяли ее. Во время движения лодки лисица сказала: „Везите меня, покройте. Я, спя, увидя горы, реки, расскажу, как называется река, гора“. Она

āhinən. „ĕkuma tar icəwullən ɓira?“ hanjuktalla. „Huləlǵə! huləlǵə!“. Ǧənəǧənəl hanjuktalla: „ĕkuma tar ɓira icəwullən?“— „ɸhīlgá! ɸhīlgá!“ Tādúk nān ǧənərə. „Hulal ĕkuma ɓira icəwullən?“— „Kumkəlkā! kumkəlkā! Akkallu“, ǧūnən: „sikənmulca ɓihim“. Āgrə, cikənnəhinən hulakī. Cikəlǧənə, injəktəlcə, jəkəcə: „Hal! hal! hal! kərcim wə upkatwa manam“. Ahāl əhilə nuǧanmān ahahina mōldi. Hulakī mōwa tuktirən ɸɨskī. Nuǧanmān togot ɓadaralla. Togowo hulakī ǧūllən: „Əkəl ǧəwrə upkatpān, ɸksədikən hulakal“. Togo ɸksədikən hulapcān. Ərdúk hulakī irǧin ɸksədikən ɔcān.

I. Uwocān. Ƣorwokō

8. Hulakī, amākā

Hulakī ǧənəǧəcən, ǧənəǧəcən amākāw arcaran. Hakturalcā ɓicən. Hulakī ǧūnən amākādu: „āhinmāt ĕksa oǧodun, pōllakadu“. Amāka ɸrəǧən, hulakī ǧūnən: „diskī ǧūnəkiw, diskī ɔǧnākā!“, tuǧi kəpəl ahina. Dolboni dulindun ɔǧarākin, hulakī mikcānən digidələn, ǧūllən: „Diskī! diskī!“ Amākā amīduji ənə hərə, həkələhinən, ɔksa hərgiskin ɓurən. Hulakī ǧəwrən huluktalwān kuciǧnan.

Tādúk hɸrurən, ǧənəǧicən, ǧənəǧicən, icərən ǧantakī mōldaǧarīwān killəǧəji. Kuciǧni ammaliji dirən hulakī. Hulakī ǧūllən: „Bi cōliji ǧəriǧnəm, alaɸcu ɓiǧnəǧən; mal! amtakal“. ǧantakī ǧəwrən, ǧūnən „Alaɸcu“. Tādúk mənǧiji cōliji həɸrən ǧantakī, ɓurən.

Hulakī husmāhinān ǧantakī ɸǧalın. Killəǧətilwən ǧārən. Istan ǧūlān. Hakturalǧarākin, hulakī ahillān ǧantakī ahinunin. ǧantakī ahin ǧūllən: „ōnkur ɓihinnā ɸəltumə?“ Omolǧilın hɸtəcillə, nuǧanmān təktəllə. Tuǧi kəǧənəl nuǧanmān, əǧinmət təktəhina cəǧdimnək, hulakī adayārān. Ərdələ ǧantakī ɸrɸmkun ɔdan.

заснула. „Какая река там виднеется?“ спросили. „Вязки (от торсука верхние) вязки!“ Идя, спросили: „Какая там река виднеется?“— „Уздовая, уздовая“. Потом еще прошли. „Лиса! какая река показалась?“— „Вшивая! вшивая! пристаньте“, сказала: „Я помочиться хочу!“ Пристали, пошла лисица. Захотела, крикнула: „Ха-ха-ха! вяленое мясо все съела“. Тогда женщины стали ее преследовать палками. Лисица влезла вверх на дерево. Его подожгли. Лисица огню сказала: „Не ешь меня всю, с рукавчик оставь“. Огонь оставил с рукавчик. С этих пор лисий хвост с рукав (величиною) стал.

И. Увочан. Ербогочен

8. Лисица, медведь (дед)¹

Лисица шла, шла, встретила медведя. Темно было. Лисица сказала медведю: „Ляжем спать на верхушке скалы, на гладкой“. Медведь согласился, лисица сказала: „Если скажу повыше, двинься повыше“. Так заснули. Когда настала полночь, лисица перескочила через, сказала: „Выше! выше!“ Медведь во сне, не понимая, покатился, разбился у подножия скалы. Лисица съела кишки, сделала колбасу.

Потом ушла, шла, шла, увидела россхомаху, рубящую из дерева лыжи. Колбасу в рот сунула лисица. Лисица сказала: „Я ем язык свой, вкусный, на! попробуй“. Росссомаха съела, сказала: „Вкусно“. Потом свой язык отрезала росссомаха, умерла.

Лисица последовала по следу росссомахи. Лыжные доски взяла. Дошла до дому. Когда начало темнеть, лисица стала ложиться спать с женой росссомахи. Жена росссомахи сказала: „С чего такой верткий“. Парни стали чужим признавать его, стали бить. Так колотя его, разрубили мать свою поперек, лисица увернулась. До сих пор росссомаха осталась короткой.

¹ В эвенкийском языке для названия „медведь“ имеется более двадцати терминов. Наибольшее распространение имеют „amākā“—дед и „amīkān“—отец.

W. Uwocān. Ņorwoko

9. Hulakī, amākā

Hulakī amākāwə bakaran ēksadu, jajul ɔapkadutin. Hulakī gūnən amākāwə: „Amākā! ɔūktə āhinmāt“. — „Kəl āhinmāt“, gūnən amākā. „Hi ŋēli āhkəl“. Amākā ŋēli āhinən, hulakī dili. Hulakī ɔɔənə gūniwki: „Ŋēski! ŋēski! amākā“. Amākā āhinən. Ahicālān, hulakī amākāwə anaran ēksa hərgiskin. Amākā buɔɔəɔənə ēksaduk giramnalsi kapuran, buknən buɔɔrən. Hulakī ŋənərən amākālā, amākāwə təlilən. 5 Ɖtərən təlire, amākā imuksəɔɔin kuciŋnan. Hulakī təlilsi nəkūrən.

Tāduk hulakī hururən, irgihəjəwi huruwrən kuciŋni. Gorowo ŋənəkənim, arcaran iləwə. Hulakī hannūktallan: „ilə ŋənəɔənnə?“ — „ɔəptilələwi gələktəɔəm“. — „Minŋi bihin təlilsi, tālā huruwət“, gūnən hulakī. Hururə ɔūktə, ŋənərə goromowə. 10 Gurkin ɔəmmukin, aiballan ŋənəɔəmi. „Hata ŋənəwət?“ gūɔəwki: „Dagamaran“, gūnən hulakī: „Hi təli biɔəkəl, bi gənnəktə“. Ilə əmənmuɔrən. Hulakī hururən, gən-nəhinən təlilsi. Tarkāndulā ŋənəkənim, hulakī hupkiçillan. Ilə huɔuləttən, huɔuləttən bolonī dolboniwān, ɔəmmukin albaran tərətəmi — doŋotorən. Buçələn, hulakī təlirən iləwə tuɔə ɔəmməçinəwi.

O. Salatkin. Nəpa

10. Sulakī, ilə

Umnəkən bakaldicətin ilə sulakīŋun. Sulakī gūllən nuŋantikin: „Miti ɔūksə wānəsinmāt kuŋkuwə“. Ilə gūnən: „Kəl suruwət!“ Nuŋartin ŋənərə dolbodolən birajawa solokī. Icəwullən curbuka. Sulakī gūllən: „Curbukawa iswət, tuɔtiɔəŋəp ojolən, tādu āŋgəcilɔəŋəp“.

B. Увочан. Ербогочен

9. Лисица, медведь

Лисица встретила медведя на скале, на краю гольцов. Лисица сказала медведю: „Дед! вместе спать ляжем“. — „Ну, ляжем спать“, сказал медведь. „Ты внизу ложись“. Медведь лег пониже, лисица повыше. Лисица, спя, говорила: „Ниже! ниже! дед“. Медведь заснул. После того как заснул (он), лисица столкнула его со скалы вниз. Медведь, падая со скалы, разбил свои кости, летел до смерти. Лисица пришла к медведю, стала вялить медведя. Не став (перестав) вялить, сделала из жира колбасу. Вяленое мясо лисица положила на лабаз.

Потом лисица ушла, подорожник-колбасу унесла. Долго идя, встретила человека. Лисица спросила: „Куда идешь?“ — „Еду ищу“. — „У меня есть вяленое 10 мясо, пойдем туда“, сказала лисица. Пошли вместе, долго шли. Товарищ ее проголодался, стал (не в силах) итти. „Еще пройдем? говорит: Приближается“, говорит лисица: „Ты побудь тогда, я принесу“. Человек остался. Лисица ушла принести вяленое мясо. Пройдя недалеко, лисица стала следить. Человек лежал, лежал в осеннюю ночь, голодный, не мог выдержать—замерз. После того как (он) умер, лисица завялила (мясо) человека для зимнего запаса.

O. Салаткин. Непа

10. Лисица, эвенки

Однажды встретился эвенки с лисцей. Лисица сказала ему: „Пойдем вместе убивать медведя“. Эвенки сказал: „Ну, пойдем“. Они шли до ночи вверх по реке. Показался холм. Лисица сказала: „До холма дойдем, влезем на верх, там переночуем“.

Nuḡartin isna curbukawa, āḡāsna. Ilə mōlāllān, sulakī ʔlələn caḡḡawar: ʔəprə, āḡāsina. Sulakī ḡāllən ilətki: „Si āskəl dili, bi ḡēli“. Ilə ḡūnən: „Kəl āsingāp!“ Nuḡartin āsina. Sulakī dolbō təḡərən, iləwə ḡıranan diḡidələn kərən iləwə anammen. Ilə cuḡurisaḡḡ ḡēski. Cuḡurrən birajalā, möldu wātsən, mənmi cuḡurmī ḡūnən: „Sulakīnun, ēkun ilən ḡırkicān, targācınḡun ʔləkkun“. Sulakī, anaḡamī ḡūncən: „Nuḡan minə buwkənəwi kərən, bi sācāw əḡə ḡəpmī əḡurcū ōdan, tarit bi nuḡanmān anacāw“.

M. Joligir. Turu

11. Amākā

Irgici əmərən amākālā. Əməkənim, hanḡūktaldan: „Hi ēduk ḡələcindā?“ — „Aḡdukri“, ḡūnən amākā, „Hi ēduk ḡələcindā?“ — „Bəjəduk ḡələcim“. Amākā ḡūnən: „e—e! hi bəjəduk ḡələcindā, bi əḡnəm ḡələtta“ — „Bəjəḡə hakalatkāt, hi bəjərikta əməwkəl, bi aḡılwə əməwḡəm“, ḡūnən irgici.

ḡalum jəpkəkəwə əməwrən irgici, amākāwə albaran alatcamī. Albakājim alatcamī, ḡələktildən irgici amākāwə. Amākāwə bakaran buḡəwə. ḡūr bəjə wācāl, nəkunin bəjə. Irgici ḡüç: „Əḡaçəs əməwrə, ʔmukənə əḡaçəs əməwrə“, Amākā ḡūnən: „Nadan bəjəl bicətin, haltin tuksahicətin, ḡūr bəjə nəkunin əwkil huḡuḡə, albam wāssalandamī hōda ḡūr bəjə nəkun biwki. Əduk ḡūləski ēkun-da əḡin irə“, amākā ḡūnən: „huḡətkət“.

Huḡukənim, amākā ʔḡukūwə bakaran. ʔḡukūwə ḡūnən: „ḡiktəkərə ḡənnəkəl, ʔəwdəw. ḡiktəwə əməwrəkis, əja-da ətəm ḡəwrə ḡūləski“. ʔḡukū ḡūnən: „Hi əja buḡəndā?“ — „əja-kə buḡəm, irəksəwəs oḡoḡom“. ʔḡukū ḡiktəwə adikānmə əməwən. Əməwrəkin, ḡūnən amākā: „e-e! bi manatpi buḡihindəm“. Tarinḡin ʔḡukūḡi irəksə ḡoçō ōdan.

Они дошли до холма, собрались спать. Эвенки пошел рубить дрова, лисица тала варить чай. Поели, легли спать. Лисица сказала эвенки: „Ты ложись повыше, я пониже“. Эвенки сказал: „Ну, заснем!“ Они заснули. Лисица ночью стала, перешагнула через эвенки, стала эвенки толкать. Эвенки скатился вниз. Скатился к реке, о дерево убился, сам себе, катясь, говорил: „Лисенка, какой худой приятлишка, такая лгунишка“. Лисица, столкнувши, сказала: „Он меня собирался отравить, я знала, что от съедания этого худо будет, поэтому я его столкнула“.

M. Йолигир. Туру

11. Медведь

Волк пришел к медведю. Придя, спросил: „Ты чего боишься?“ — „Рябчика“, сказал медведь: „Ты чего боишься?“ — „Человека боюсь“. Медведь сказал: „Э! ты человека боишься, я не боюсь“ — „Мужичок, поищем, ты только человека принеси, я рябчиков принесу“, сказал волк.

Полную ямку притащил волк, медведя не мог дождаться. Не могли ждать, пошел искать волк медведя. Нашел медведя мертвого. Два человека убили, младшие (братья) человека. Волк сказал: „Почему не принес, ни одного не принес“. Медведь сказал: „Семь человек было, часть убежала, двух мужиков младших братьев не ранят, не мог попытаться убивать сильно, два (двух) человек(а)—младшие братья. С этих пор (и) впредь ничто пусть не слышится“. Медведь сказал: „Разделимся“.

Уйдя, медведь встретил бурундука. Бурундуку сказал: „Принеси ягод поешь. Если принесешь ягод, впредь ничего не стану есть“. Бурундук сказал: „Ты что дашь?“ — „Что же дам, шкуру покрашу“. Бурундук принес немного ягод. Когда (он) принес, медведь сказал: „Э-э, я лапой поглажу“. Таким образом шкурка бурундука (раскрашенной) разрисованной стала.

Täduk hürürən amākā, hulakīwa bakaran. Hulakī gūnən „e-e! amākā! aḡayāt!“ — „āskānən“, gūnən amākā, „nanmaktaja ācin binən nəkəjə“. Tädu āhına. Amākā hōt āmulcā. Ahıktadun hulakī digidələn ōdan. „O-o! amākā hūkəmūlcā bihim! diskī!“ ōka! Amākā diskī ōran, hūkəldən, bürürən. Bürükənim luhū tukuladu biḡərən,
20 dündədu. Nonon nuḡan uḡilē biḡəcən.

P. Сѣмба. Сирѣмбу

12. Şulakī amikānnun

Şulakī amikānnun arcaldıra. Amikān gūnən: „Şulakī! ēwa wəjuşcandı? — Cınā-kəlwa! ələptikınma! Şi ēla ḡəwuyūnəndı? — „ḡujāpcalwa, nantalwa! — „Şi ēdu ānḡacındı? — „Bi ānḡaciḡnām dōlā! Şi ēdu ānḡacındı? — „Bi nālg dū ānḡaciḡnām, ələptikın ḡəwuyūnəm mōdowı. — O! ələptikı mindū ḡələmugdı“. — „Bi ḡələciḡnəm mugdə-
5 kəndı əwunikin ēşal“. — „O! bi adja-wal əwunikin ēşal ərübḡam“ — „Şi ḡələktikəl mugdəkən əwunikin ēşalwa, bi ələptikılwa ajḡam“.

Şururā. Amikān ḡələktildən, tālā arcaran mugdəkən şēcīwa, „Amikān“, gūnən mugdəkən, nəlgə şēcī: „ilē nənəḡəndı?“ Amikān gūnən: „Bi şinə şurubḡəm“. Mugdəkən ḡarḡaran amikānma əşilē, higrən irəksəwə, naktawān huşşan, əḡəktəwən
0 ḡulirən çukıḡnən. İḡawān uḡkürən tūllā.

Āşınan wəjə. Timātḡa təḡərən, naktan oror ōcā.

Amikān şulakıtki əḡnən əmərə. Şulakī nuḡanmān alattən, alattən, ḡələktən-
nəşşən. Bakaran amikān dilin çukıdu.

W. Putugır. Norbokō

13. Hulakī amākānun

Hulakīja amākānun bakaldıra. Hulakī gūnən: „Bi əwunķi ēhacılduk hōmat ḡələciḡnəm“. — „ēt? əwunķilwər ēhacılduk ḡələciḡnənnā?“ gūnən amākā. „Hi et ḡələciḡ-

Потом пошел медведь, лисицу встретил. Лисица сказала: „Э-э, дед, поспим“. — „Для сна“, сказал медведь: „есть без комаров утес“. Там заснули. Медведь сильно хотел спать. Во время сна лисица перешла через (него). „О, дед, хочу скатиться, повыше подвинься!“ Дед повыше подвинулся, пока-
20 тился, упал. Упавши, все время живет на земле. Раньше он сверху жил.

П. Чэмба. Чиромбу

12. Лисица с медведем

Лисица встрети́лась с медведем. Медведь сказал: „Лисица! что промышляешь?“ — „Птичек, внезапно вылетающих! Ты что ешь?“ — „Бруснику, шишки!“ — „Ты где ночуешь?“ — „Я ночую внутри (в дупле)! Ты где ночуешь?“ — „Я ночую в коряжине, внезапно вылетающих птиц ем в дереве“. — „О! я боюсь внезапных
5 птиц“. — „Я боюсь пенька с поперечными глазами“. — „О! я скольких поперечных глаз убивал“. — „Ты поищи пенек с поперечными глазами, я внезапно вылетающих птиц принесу“.

Ушли. Медведь пошел искать, там встретил ушастый пенек. „Медведь“, сказал пень, коряга с ушами: „Куда идешь?“ Медведь сказал: „Я тебя унесу“. Пень выстрелил в медведя, тогда ободрал шкуру, шерсть раздул, нос пове-
10 сил на дерево. Шерсть высыпал наружу.

Заснул человек. Утром проснулся, шерсть в оленей превратилась.

Медведь не мог притти к лисице. Лисица его ждала, ждала, пошла искать. Нашла медвежью голову на лабазе.

В. Путугир. Ербогочен

13. Лисица с медведем

Лисица встрети́лась с медведем. Лисица сказала: „Я боюсь сильно поперечных глаз“. — „Чего? поперечных глаз боишься?“ сказал медведь. „Ты чего

nənnā? hulaḱi haṅṅūktaran amākāwə. „Bi ḡələciṅnəm hōmamət əliptiḡirdi.— „Taril-
ḡiwər ḡələciṅnənnā, bi tarilbas umiwumcāw bukaḱān ḡḡālān“.

5 Nuḡartin ḡḡktə ḡḡmḡttə: „Hi minḡi ḡələwkəciḡiw əwki ḡələttə, bi hinḡi, ḡələt-
kiciḡiḡi əwki ḡələttə bihim“. Nuḡartin təruldıra, biḡəktuləwər əməḡəwər ḡälləli.
Amākā hitihinən birajāwə ḡapkaṅḡalin. Hulaki ḡururən ḡətiluli.

Hulaki, ḡällə ḡḡālān, umiwran əliptikilba, bukaḱān ḡḡālān. Nuḡan təruduwi
əmərən, ḡalduwı ḡunḡəwki: „Hitəhəldidə ḡələciwki bicə amākā“. Hulaki alatcā,
10 alatcā amākāwə, amākāḡin, təruiw ilallat iltəcə, hata ācin bicə. Alwakānim alatcamı,
hulaki ḡḡahınan amākāwə ḡḡalın. ḡḡalın ḡḡaran ḡḡ kaltakawa ḡulḡiwə hulaki.
İcərən mōkakārba təktəcəl. Təktənəwətin icərən, təktəḡəktuwər əwa-wal lokocəl.
Hulaki icərən ḡırkın dilbān, lokorcə, amākā dilbān. Hulaki ḡḡnən: „Hinə ḡḡcəw
hata ətənni tərərə“.

15 Ərdələ amākā iləḡuk əwki ḡələttə bicən, hulaki ḡələciwki bicən.

W. Lontogır. İka

14. Amākā əḡkā ḡələttə

Sulakıja amākānunun ḡlḡcəmḡtcərə. Sulaki ḡḡnən: „Bi ḡələciṅnəm əwḡnit
əsatariḡi“. — „Bi əḡnən ḡələttə əwḡnit əsatariḡi, ḡələciṅnəm ələwsigdilḡi“. — „Bi
tarilḡi əḡnəm ḡələttə“, sulaki ḡḡnən: „si əḡnənni ḡələttə əwḡnilḡi əsatariḡi, si wānā-
kəl əwḡnil əsatariḡi, bi ələwsipḡıḡa wāmi, ələ əməwḡḡḡp“.

5 Amākā sḡururən, sulaki ḡırkuran, əməwrən kətəməməwə ələwsipḡıḡa, amākāwə
aləttən, aləttən, albaran. Tar ḡḡalın sulaki amākāwə asasnan. Bakaran amākā əwḡnit
əsatariḡi wāwcā, cukidu oḡototwi soḡoloḡoron.

Sulaki ḡḡllən: „Tar-ka ḡunḡəcəs, bi əḡnəm ḡələttə əwḡnilḡi əsatariḡi“. Amākā
ḡḡnən: „Kəl! ca! urunə sḡırkəl“.

boишься?“ спросила лисица медведя. „Я боюсь сильно внезапно вылетающих
птиц“. — „Тех боишься, я тех набрала бы с горку“.

5 Они вместе договорились: „Ты моего пугала не боишься, я твоего пугала
не боюсь“. Они договорились притти через десятидневку на стоянку. Медведь
отправился к берегу реки. Лисица ушла на болото.

Лисица через неделю собрала внезапно вылетающих с горку. Она по до-
говору пришла, говорит в уме: „Зря боялся дед“. Лисица ждала, ждала мед-
10 веда, после договора прошло еще три дня, медведя не было. Уставши ждать,
лисица пошла по следу медведя. По следу шла полторы кочки лисица. Уви-
дала срубленные деревья. Срубленные увидала, на месте сруба что-то пове-
шено. Лисица увидала голову товарища, повешенную деда-медведя голову.
Лисица сказала: „Тебе говорила, (что) пожалуй, не выдержишь“.

15 До этих пор медведь эвенков не боялся, лисица боялась.

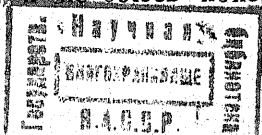
В. Лонтогир. İka

14. Медведь не боялся

Лисичка с медведем разговаривали. Лисица сказала: „Я боюсь поперечно-
глазых“ — „Я не боюсь поперечноглазых, боюсь внезапно вылетающих“. —
„Я тех не боюсь“, сказала лисица: „ты не боишься поперечноглазых, иди уби-
вай поперечноглазых, я убью внезапно вылетающих, сюда принесем“.

5 Медведь ушел, лисица пошла, принесла много внезапно вылетающих,
медведя ждала, ждала, устала. По следу медведя погналась. Нашла медведя
убитого поперечноглазыми, на лабазе ноздри зияют.

Лисица сказала: „Так-то говорил, я не боюсь поперечноглазых“. Мед-
ведь сказал: „Ну! прочь тихо уходи“.

В. Эдэн. Урми

15. Эһэ, һэкэ

Үмнэкән эһәһүн һэкэ бакалдыра. Нәкәһин амһадуи әмүһдәсән әлэптикүһә. Эһәһин әлэптикүһә икәксәкән, һәкәдук үлгүмилһән. „Он һәкәксәкән әлэптикүһә вәһни? Би әлэптикүдук сәмат һәләсим, вәһәдук әһим һәләрә“. Нәкәһин гүндәрән: „Би әлэптикүдук әһим һәләрә, нуһан би дәптиләһ. Вәһәдук би сәмат һәләм. Нуһан, һәкәләһә вәттән“. Эһәһин гүһән: „Си әлэптикүдук әми һәләрә, әр буһалә баран әлэптикүһә әмүһкәл. Би һәнә баран вәһәһә вәксәкән, әмүһдиһәһ“. Нәкәкүһн әһә һүһә-сидирә.

Нәкәһин вими инәһитикин әлэптикүһә әмүһдәһкә висә. Эһәһә үһәксәкән ала-сими, әһәһи үдәһән үдәһән. Эһәһән һәкәһиһә әвәһкәл вәсәл. Эһәһиһә дилвән гүһисәл.

Эһә вәһәһә вәсә биһикин, нуһан әвәһкәләһә дәптиләтимсә. Вәһә нуһандүһин әһәһитмәр һәнән тәкәһин висә. Нәкәһин әлэптикүһи вәһәһи, тарит нуһан дәптиләһисә әлэптикүһә.

Ав. Путугир. Үкәһәннә

16. Hulakī hējanun

Nonon viḡeḡtīn hulakī koḡnomo, hēgdin irgicidin. Hulakī girkuḡacān vira ḡarkalīn; girkuḡana vakaran hējanma viḡḡriwə vira ḡarkadun. Hulakī gūnən hējan-
tikī: „Gukcanmāt gurukamījal!“ — „Kəl gukcanmāt“, hējan gūnən: „әһикәһә әләтмәлсә-
кәл минә. Әртикү һәнәмәлсәктә әду, әләтмәлсәкәл минә!“.

Б. Эдын. Урми

15. Медведь, соболь

Однажды с медведем соболь встретился. Соболь во рту внезапно вылетающую (птичку) нес. Медведь, птичку увидевши, соболя спросил: „Как собравшись птичку убил? Я птичек очень боюсь, человека не боюсь“. Соболь говорит: „Я птички не боюсь, она—моя еда. Человека я очень боюсь. Он соболей бьет“. Медведь сказал: „Ты птичек если не боишься, в это место много птичек принеси. Я опять же много людей, убивши, принесу. С соболем медведь расстался.“

Соболь будучи ежедневно птичек приносил. Медведя долго ждавши, по следу медведя пошел. Медведя соболева эвенки убили. Медведя голову на (специальный лабаз) положили.

Если бы медведь человека убил, он эвенков едой сделал бы. Человек его сильнее творения основой (при сотворении) был. У соболя внезапно вылетающие птички добыча, поэтому он (соболь) едой сделал птичек.

Ав. Путугир. Нгоконно

16. Лисица с налимом

Вначале лисица была черная, большая с волка. Лисица шла по берегу реки; идя, встретила налима, живущего на берегу реки. Лисица сказала налиму: „Побежим взапуски по плесу“. — „Ну, побежим“, сказал налим: „немножко подожди меня. Сюда (моментально) приду, подожди (немножко) меня!“

5 Hēḡan hūrurən. Ɖənərən hēḡan ɔaltikiwī, gūnən: „Hulakī ɔrihinəkin, ɔawurpa-kallu ɔuləskīn“. Hēḡan tuy hipkūrən ɔalduwī upkatiki.

Hēḡan, gorokōnmə bikəjim, əmərən hulakīḡn biqərən, gūllən hulakītki: „Kə gukcanmāt“— „Kə!“ gūnən hulakī. Hēḡan buktunən, tādu-da billən. Hulakī diḡnilə-
10 ɔawran hēḡan amaskīn. Hulakī urunən, gūnə: „Huktum“. Hulakī diḡniləhinən, diḡni-
ləhinən tarjalā, illan, ɔrihinən „Hēḡan!“ Tar gurukadu gūnən „Hoj!“ Hulakī ələtpi
diḡniləhinən, diḡniləhinən gurukamiwa, dūtərən kocowo, əwrən biralā, ɔrihinən
hēḡanma. Tar nān tarjalā gurukadu ɔawran. Hēḡan əcə buktussəmətirə, tādu-da
15 ɔucincəllən. Hulakī diḡnilənən, diḡnilənən igɔargaknan. Ərdələ igɔama ɔdan, ɔəltumə,
mudurən ɔdan.

I. Uwocān. Ɖogwokō

17. Hulakī, kəkəkī

Hulakīja bakaldira kəkəkīnūn. Urinə ɔmukəndu. Hulakī gūnən: „Hūrurət, ilələ wānāhinmāt, bi əjəkī ɔawrāsinaikiw, hi ahinignakal“. Holokī ɔawrāhinən. Hulakī icərən
ilələ, kəkəkīwə həriwrən āyrə, nurmāhinə, dūrpu biqərə. „Hi nēwuwa pəktirulkal,
nugartin uləkitpər gūldiḡətin „aməja-ji!“ gūldiḡətin „əgnəkəl! ətəkəl wərə!“ hi pəkti-
5 rulkal“. Upkatpa tərurə. Hulakī cimkaji pəktirudəcə. Kəkəkī icərən hoḡollon, ḡinnun
dūrəduḡ hoḡorən cumiknanmi.

Bira ələkəs dogotolɔorōkin, kəkəkī vurdaktidiran biradu. Hulakī icətcirən, gū-
nən: „Kōkcārri ɔda nihintiɔanni?“ „Burdalilyāt!“ kəkəkī gūnən. Hulakī vurdəɔena,
əjūrən. Bira doɔidəlin hūrurən, vakaran ollolwo. Ollol əɔintin ɔhəɔərən. Hulakī
10 gūnən: „Bi hamān bihim ɔyiskī turujə ɔkallu!“ Orā. Hulakī tuktirən, huḡtillən ɔulāji.

5 Налим ушел. Пошел налим к родне, сказал: „Когда лисица крикнет, откли-
кайтесь впереди“. Таким образом налим предупредил родню свою всю.

Немного погодя, налим пришел к месту лисицы, сказал лисице: „Ну, побе-
жим!“—„Ну“, сказала лисица. Налим плюхнулся (в воду), там (и) остался.
Лисица побежала. Пробежавши один плес, лисица крикнула: „Налим!“ — „Хой!
10 хой!“ откликнулся налим позади. Лисица обрадовалась, говоря: „Убегу“. Лисица
бежала, бежала далеко, остановилась, крикнула: „Налим!“ Тот на плесе ответил:
„Хой!“ Лисица изо всех сил побежала, пробежала плес, пересекла мыс, дошла
до реки, покричала налим. Тот опять там на плесе откликнулся. Налим не
плыл, там же остановился. Лисица бежала, бежала до побурения. До сих
15 пор рыже-бурая стала, верткая, хитрая стала.

И. Увочан. Ербогочен

17. Лисица, кукуша

Лисичка встретила с кукушей. Жили вместе. Лисица сказала: „Пойдем
людей убивать, я вверх поплыву в лодке, ты спи“. Вверх поплыла. Лисица
увидала людей, разбудила кукушу. Пристали, отправились скрадывать, две
юрты (стоят) есть. „Ты нижнюю стреляй, они нарочно будут говорить: „Отен“,
5 будут говорить: „не стреляй“—ты стреляй“. Всех убили. Лисица стреляла в сре-
динную жердь¹. Кукуша увидала, заплакала, на вершинке сухого дерева плакала
до уменьшения.

— Когда река только что начала замерзать, кукуша прыгала по реке. Лисица
увидала, сказала: „Зачем лапками щелкаешь?“ — „Попрыгаем!“ сказала кукуша.
Лисица, прыгая, утонула. Внутрь реки ушла, встретила рыб. Мать рыб болеет.
10 Лисица сказала: „Я—шаман, постройте вверх столб“. Сделали. Лисица убежала
домой.

¹ Средняя жердь юрты стоит внутри между входом и костром. К ней привязывают попе-
речную жердь для подвешивания крюков.

21. Mund'ukātkār

Amikān əmərən mund'ukātkārtıki. Mund'ukātkār tuktirə kımkalı, gūnə: „Amikān jajald'an“, huld'aldulıwar ukcaksārwe tipcəl. Amikān dəwarən şərañılduktın şamāh-
ld'an, gūnən: „Mund'ukātkār əptiləltin cənes! cənes!“ Mund'ukātkār gūnə: „İñəkə
ēdan? eşalwı turakal“. Tədük kapurıldulıwar tipcəl eşaldun uñkurə. Amikān balıran.
5 Mund'ukātkār gundərə: „İñəkə idan? inñiktəkərə irmaktal! İñəkə, lapulwı-γu lapucul!“
İñəkə, gərbici Kañdikə, əmərən mund'ukātkārtıki, hanğuktaran: „Amikān İli
şurucən? — „Ərjəklə şurucən!“ Tələ bakaran, dəwaldırən, gūnən mund'ukātkārtıki:
„oştoljo əməpkəllə“. Tədu baldapkanən amikān. İñəkə müçürən qulawı. „İñəkə! ucıl-
d'əp, şurucəp“.
10 Şururə mund'ukātkār, İñəkətin gūnən: „Kökcamalı şurukəld'ı, ənəl kukcumalı
şururə“. Nuğartın şururə kukcumalı. Tələ hujəldikicitin, ələkəş gūnən: „İli şurucəp“,
gə gūnən: „Kökcamalı“. — „Ətəp! dəwaldır“. Dəwaldırə. „İr dəvdiqan, kukcumalı
şurucəp“. Nəkundimər dəvdirən, dükərə şururə kukcumalı. Dənərə, nənərə, tədu
hakuwrə. Mund'ukātkār gūnən: „Cijikən binə jüktə!“ Gə gūnən: „Cındalbukı binə“.
15 Cijikən binə jürən. Cındalbukı jürən tuğı. Ugaşınən nəkunın nuğanmən, mügdəkə-
cəndü nərən, inamuld'an. əkşamradu nərən, nən inamuld'an, təkindu nərən, nən
inamuld'an. Nən əkşamradu nərən, əmənen əsilə. Dənərən ərəkiltiki. Ərəkildü işinən.
Ərəkiltki gūnən: „nađumalıgā(t)!“ Mund'ukātkār şələməwə aγawa gadan, ərəki ahcə:
„Aγawa aγawal“ Ərəki gūnən: „Uramakən aγaw, kişəş okal!“ Kişəş oran, ərəkiltki
20 gūnən: „Nađumalıgā(t)!“ Mund'ukār şururən. Tələ işşan, əkinin əməđənən əkşəridü
mirəcə. Tədu ororwı kañalburə nəlge şağardıulı. Əkinin gūnən: „Kañalbulkal!“ Kañal-

21. Зайцы (сестры)

Медведь пришел к зайцам. Зайцы влезли по средней жерди (юрты), говоря:
„Медведь стал шаманить“. Под одеяла сунули гнилушки. Медведь схватил за
жердь, стал шаманить, сказал: „Легкие зайцев, чанес! чёнёс!“ Зайцы сказали:
„Бабушка что делает? глаза открой“. Потом ноговицы открыли, в глаза насы-
5 пали (песок)¹. Медведь ослеп. Зайцы говорят: „Бабушка что делает? Черемуха²
поспела! Бабушка, уши мохнатые“ (дразнит).

Бабушка, по имени Кандика, пришла к зайцам, спросила: „Медведь куда
ушел?“ — „Сюда ушел!“ Там нашла, схватилась (с медведем), сказала зайцам:
„Стол принесите“. Там (на этом) заставила скатиться (спустила) медведя.
Бабушка вернулась домой. „Бабушка, соскучились (мы), уйдем!“

10 Ушли зайцы, бабушка сказала: „Идите по копытообразной, не идя по ку-
леобразной (дороге)³“. Они пошли по кулеобразной (дороге). Там на месте раз-
ветвления первый сказал: „Где идем?“ Другой сказал: „По копытообразной“. —
„Стой! поборемся!“ Схватились. „Кто победит, по кулеобразной пойдем“. Млад-
ший победил, пошли вместе по кулеобразной. Шли, шли, там закрылась со
15 всех сторон (дорога). Заяц сказал: „Хвоинкой будучи, выскочу-ка“. Второй
сказал: „Шишкой будучи“. Сделавшийся хвоинкой проскочил. Шишкой (сделав-
шийся)⁴ выскочил тоже. Потавил младший его, на пенек положил, заплакал.
На скалу положил, опять заплакал, на колоду положил, опять заплакал. Опять
на скалу положил, оставил тогда. Пошел к лягушке. У лягушки жил. Лягушке
сказал: „Погощу у родни“. Заяц железный игольник взял, лягушке похвастался:
„Хороший, красивый“. Лягушка сказала: „Стальной игольник, звон сделай“.
20 Позвонил, лягушке сказал: „Погостим“. Заяц ушел. Дошел до того места,
старшая сестра (заяц), оставленная, вышла замуж за бога. Там олени побря-
кивают через дыры коряжины. Старшая сестра сказала: „Позвони“. Позвонило

¹ У зайцев был набран в чулки и ноговицы песок.

² Глаза медведя называют иносказательно черемуха, уши—мохнатки, сердце—железное и т. д.

³ Кулеобразная дорога приводит в тупик.

⁴ Заяц, превратившийся в шишку, сделал попытку проскочить в щель, но застрял. Другой заяц потянул его и оторвал голову.

burān tuksinmawən. Əmərə oror. Oror tuymə həgdimər. Mund'ukātkān ororwo həgdilwə əkindük şururən qūlawi. İşşan qūwi. Ərəki əmərçən kumikārwe. Oror şururwə kökcarduwar kumikārwe. Ərəkitki gūnən mund'ukān, tuksađana qūwi: „Hiyin əməđərən!“ Hiyin dəgiwuşnañ qūwān ərəkin. Ərəki əmutkānduli hurrən.

Ş. Kımā. Cırəmbu

22. Mund'ukār, jantakī

Jantakī qəwrən mund'ukār ərinmətin, tādük qūlātin əmərən. Mund'ukār əşinmurā ukcakşārwe huld'alduwar, untalduwar tukulawa təwrə, ikəptinduliwər tuktirā Jantakī əmərən, həkimnəld'ən, gūñdānā: „Mund'ukātkār əptiləltin coşuş! tepuş! coşuş! tepuş!“ Mund'ukār gūñā: „Amākā əđand'ı?“ İcəşnən jantakī uyişki, mundrukātkār tukulawa uñkurə jantakī eşaldun, tādük mişərə. Atrikān qūlān gənərə. Atrikān qūduwi əcin, wəjuçə. Atrikān imukşənilwān qəwrə, qikild'ə kalandun. Atrikān əmərən dolboltono, togowı ilald'ən. Nuñandulin bicətin hawālişal ələtin itigəlin. „İwəld'əl əməkəld'ə, togo qəgdəkəl!“ İwəld'əl mənəkər əmərə, togo mənəkən, qəgdəwrən. „Haga mūltunəkəl“. Haga mūltulirən: „Kalan əməkəl!“ Kalan əjnərən əmərə

10 „Kıñ!“ ođan ələ. Atrikān tukul'dan, şolwünmı gādan, iktərən kalanma. Mund'ukātkār injəktəld'ə, kalanduk jūrə. Atrikān gūld'ən: „Nikā! əwa-ka qikilkātçuş? Mindu uşunigdə uñkəndü! Nikā, mindu işkəld'ə!“ İşnə. Nuñan wəjuşipki amikārwa, əjəpərtındüwi əməwüwki amikānma. Mund'ukār həgdimükər ođa, gūñā: „Bu uşuld'əw, wu-wə-li wəjuşnəw, gidawı wükəl mündü“. Hanñuktara atrikāntiki, on əriñnərañ.

15 „Ñamənd'əjə əli! əli!“

Mund'ukātkār hoktorönmo işşa, təgənəkər ərild'ə ñamənd'əjəwə. Ñamənd'əjə əmərən, nuñartin icərə, jəjaw mişərə, gidawān əmənə. İnəkələ müçürə gūñā: „Ñələ-

за облаками. Пришли олени. Олени очень большие. Заяц больших оленей от старшей сестры увел домой. Дошел до дому. Лягушка принесла насекомых. Олени унесли на своих копытах насекомых. Лягушке заяц сказал, убегая домой:

25 „Ветер идет“. Буря снесла дом лягушки. Лягушка нырнула в озеро.

Ш. Кима. Чиромбу

22. Зайцы, россобаха

Россобаха съела мать зайцев, потом в их дом пришла. Зайцы положили спать под одеяло гнилое дерево, в унты набили земли, по жерди юрты влезли. Россобаха пришла стала топтаться, говоря: „Легкие зайцев (сьем) чонгуш! топуш! чонгуш! топуш!“ Зайцы сказали: „Дедушка, что делаешь?“

5 Посмотрела россобаха вверх, зайцы высыпали в глаза россобахи землю, потом исчезли. К старухе домой пошли. Старухи нет дома, ушла промышлять. Сало старухи съели, спрятались в котле. Старуха пришла вечером, огонь начала разжигать. У нее были работниками все вещи. „Дрова, придите! огонь, зажгись!“ Дрова сами пришли, огонь сам зажегся. „Чуман, приди, наполнись водою“. Чуман наполнился водою. „Котел, приди!“ Котел

10 не мог притти. „Кинг!“ только (и) сделал. Старуха рассердилась, взяла палку (для закрывания двери), ударила котел. Зайцы засмеялись, из котла вылезли. Старуха сказала: „Малыши! для чего же спрятались? Мне одной скучно! Малыши, у меня живите!“ Жили. Она промышляла медведей, за поясом притакивала медведя. Зайцы подросли, сказали: „Мы соскучились, попробуем-ка мы промышлять, копье дай нам“. Спросили у старухи, как кричит (она). „Мед-

15 ведь сюда! сюда!“

Зайцы пошли по тропинке; севши, начали кричать медведя. Медведь пришел, они увидели, с испугу убежали, оставя копье. К бабушке вернулись, говоря: „Страш-

mupcəkəkun! gıdawas əmənə! “İñəkə gūnān: „Bi şunə gıcəw ɲələmupcə cıpkān!“
iñəkə gəlnərən.

²⁰ Nān mund'ukār ijəcild'ə gırkuɟıdāwər, gūnā: „uçuld'əw“. Nuɲnərən atırıkān:
„Ələ şurukəld'ə, tälə öđan kökcama, kukcama“.

Şururə mund'ukār, tälə işsa ũđa ɟünməmən. Əkindi omgorən: „iñəkə gūcən
kukcumalı şurudāt“. — „Əşin, iñəkə gūcən, kokcamalı şurudāt“. Əkindi gūnān: „Ör-
cagāt, İduk davdıɟap, şı davdırakış, şurudəp kökcumalı, bi — kukcumalı“. Öörcałd'ə,

²⁵ şagdamar davdıran. Şururə kukcumalı, ɲənərə gələkəntiki, gələkən hakura nuɲar-
watın haktırağdıdu. „Hıruld'əp!“ Nəkūndi gūnən: „ıñaktadin, cıjədin!“ Əkindi gūld'ān:
„Cındälbədıkān ökta!“ Gə cıjədin öran, jürən gıla şajalın. Şagdak cındälbukı öđan,
dılrıktawı jürən, mirəldukpi tagawrən. Nəkūnmi təcild'ān dılwān, dılwān pəstirğarən,
nuɲanmān uyaşnan. Darımı, əmənən təkəndu dılwān. Amaşki ətəşnən, əkinin şoɲolcö.

³⁰ Nān gədan əkinmi dılwān, caskı şururən, hökşamradu lokurən. Amaşki ətəşnən,
əkinin iñjektəlcə, əmənən tādū. Əkinin gūnān: „Nəkə, şukşalı lukulild'aktın, ənə vəl-
gənəld'ə ekurdu-wal ɟawunan“. Nəkə şururən şukşan lukurgaran, vəlgənəşnən:
„Əkindüwi-wäl şoɲojo ödəkiw, ekunđı şukşalı lukuja öđan?“ Ərəki ɟawrən. Önənərən
ərəkıtkı, işnən ərəkınun. Ərəki ɲəcıktəld'ān, ɲađumıɟedəwər „Mund'ukān ɲađumı-
ɟayāt“. — „Minñı ɲađulwı acır!“ Ərəki şururən dolboltōno əməwrən orogowı — kumi-
kärwə. Mund'ukātkan şururən əkintikiwi. Əkinin ədlıcağdıwa. Hırilin bişi nuɲan-
ɲacının dild'agdal. Əkinin gūnən: „Alatkal, awuspi ɲnə əməđān!“ Əməwrən doıboltōno
awuşın. Əməmi ıdışikələn öran, ororon anıran. Nuɲan ərəkıtkı əməwrən. Ədild'ən,
ərəki ɟüwi tukşald'ən, ədin şuruwrən ɟüwān. Orogwōn ərəki mund'ukān ororın kök-
carwar şajaldutın şururwə. Ərəki albaran tukşacəđəmı, gūnən: „Şı-mət mömat vəkuj
həgidun!“ Ərəki vəjətpı hırrən mılı. Tikındulə ərəki müđü inçərən, mödu ərəki
papandukın mö halaktan öcən.

ный, копье оставили!“ Бабушка сказала: „Я вам говорила, (что) страшный зверь!“
Бабушка принесла.

²⁰ Опять зайцы (сестры) стали проситься побродить, говоря: „Соскучились“.
Указала (дорогу) старуха: „Здесь идите, там будет копытообразная (и) куле-
образная“.

Ушли зайцы, до того (места) раздвоения дороги дошли. Старшая забыла:
„Бабушка говорила, чтобы шли по кулеобразной“. — „Нет, бабушка говорила,
чтобы шли по копытообразной“. Старшая сказала: „Поборемся, как победим:
если ты победишь, пойдем по копытообразной, если я — по кулеобразной. Стали
²⁵ бороться, старшая победила. Пошли по кулеобразной, дошли до избушки,
избушка окружила их в темноте. „Давай заговорим!“ Младшая сказала: „Шер-
стинкой, хвоинкой (стану)“. Старшая сказала: „Шишкой стану“. Вторая хвоинкой
стала, выскочила в щель избы. Старшая шишкой стала, только голова прошла,
плечами застряла. Младшая стала тащить голову, голову оторвала, ее потащила.
Уставши, оставила голову на колоде. Оглянулась обратно, старшая плачет. Опять
³⁰ взяла голову старшей, дальше пошла, на разломанное молнией дерево повесила.
Обратно оглянувшись, старшая начала смеяться, там (и) оставила. Старшая сказала:
„Малыш, когда вязки (на унтах) развяжутся, не ругайся, где-нибудь отклик-
нется“. Меньшая пошла, вязка развязалась, ругнулась: „У старшей какой,
плаксой стану когда, с чего (это) вязки развязались“. Лягушка откликну-
лась. Пошла к лягушке, стала жить с лягушкой. Лягушка предложила погостить
³⁵ у родни. „Заяц, погостим“. — „У меня нет родни“. Лягушка ушла, вечером
привела оленей — насекомых. Заяц пошел к старшей. Старшая (заяц-сестра)
вышла замуж за гром. Дети ее такие же как она — только головы. Старшая
сказала: „Подожди, зять рано придет“. Вечером пришел зять. Придя, поясное
украшение сделал, оленей подарил. Она (младшая сестра-заяц) привела к ля-
гушке. Ветер начался, лягушка дом тискарами покрыла, ветер унес дом ее.
⁴⁰ Оленей лягушки, заячьи олени в щелях копытных унесли. Лягушка не могла
убежать, сказала: „Хоть бы тебе деревянный Penis“. Лягушка сама (телом
своим) нырнула в воду. До сих пор лягушка в воде живет, на дереве из Penis'a
лягушки теперь трещина (откуда течет смола) стала.

23. Mundukān

Ətirkān buşşəḏərən. Mundukān tarā nımḡaldan. Mundukān günən: „İlələ gəlnəktə, ɸarıtcaḡatın“. Ətirkān tədu günən: „Atırkākun! mundukānmə ɸəwuldıḡət! Bi nuḡanmān hamānıktə. Əkəl ɸıḡucəne ēwa-da, ɸrkəje aḡamamat hōmkal, bi buşşə-likte, mindu əldənmə tutāncəməwə əməpkəl“. Nımḡaldan. Mundukān günən: „Tuḡsə-ḡılđı horontılda“. Mundukānmə ətirkān duktaldan. Duktaldākın, atırkānın tıgıcıldən. Ətirkānın əldəndıje ələ iktərən, koḡnomo hənın mundukān ödan. Təduk atırkānın iktətpi wərən ɸmukənmə. Tarıḡın iktəlin həḡdikəkıḡn ödan mundukaḡın ɸrənə.

Mundukān hənın koḡnomo ödan ər bihilət. Mundukān tuḡsıdu əwki ḡırkıra ödan, dındədu təḡətnə ödan upkatpa tıḡanıwa. Tuḡsəcıdu tıḡanıdu tuḡı təḡətnə
10 ödan. Tıḡanıdu tuḡşəje ācındı nuḡan həktalwa ɸəwuldən.

D. Woul. Anḡarā

24. Atırkān tuḡşakınun

Umḡakān bıḡacətın atırkācān, ətirkəcən. ɸəmuḡəcətın nuḡartın. Ətirkəcən günən: „ɸəmuḡılkşəl, atırkān, tuḡşakıl şamānətın şamālākaḡ. Bi buḡləlikşan öḡalımp?“ Atırkān şırır-
rān. ɸənəḡāwki. ɸənəḡān, ḡənəḡān, bakaran tuḡşakıl şamānmətın. Günən tuḡşakıl şamān-
tikıtın atırkācān: „şamālārāndı! Mıḡıni ətirkānmi buḡləlcā“. Tuḡşakıl günən: „ərdət
5 şırıḡəḡəw!“ Tar atırkācān ḡənəştən ḡılāwı, tuḡşakıl tar şırırān. Atırkācān istan
aranmı. Tar ətirkānmi āşınmurān, təduk ɸıktəlvə ətirkānmi oḡoktolın təwdən. Təduk
atırkān ətirkāndıwi vıḡrən mōwa, aranmı ɸəkərən şaḡşəlvə, ədətın tuḡşakıl ɸktıldə.
Şırırān tuḡşakıl şaman, amardun vodoşto əşil şamār bışı, kətə tuḡşakıl. Əmərə

М. Йолигир. Туру

23. Заяц

Старик хворает. Заяц на него шаманит. Заяц сказал: „Пойду приведу людей (зайцев), подпевать будут“. Старик тогда сказал: „Старушка, зайца съедим! я его зашаманю (обману). Не рассказывай ничего, дверь хорошенько прикрой, я захвораю, принеси мне железный меч“. Стал шаманить. Заяц сказал: „Обла-
5 ками покрывается“. Заяца старик ударил. Когда ударял, старуха стала кара-
улить. Старик ударил только железом, почернело ухо зайца. Потом старуха
зубом одного убила. Зубы того (зайца) большими стали подобно заячьим (со-
временным).

Заячье ухо почернело до настоящего времени. Заяц не смог по облаку
10 ходить, весь день стал сидеть (жить) на земле. В облачный день—также сидит
(живет) на земле. В безоблачный день он стал есть талинки.

Д. Воуль. Верхн. Ангара (С. Байк. район)

24. Старуха с зайцем

Однажды жили старик (и) старуха. Захотели есть они. Старичок сказал. „Голодные (мы), старуха, заячьего шамана позови шаманить, я болящим сделаюсь“:
Старуха ушла. Идет. Шла, шла, нашла заячьего шамана. Сказала старушка заячьему
шаману: „Пошаманишь! Мой старик заболел“. Заяц сказал: „Вот погода пойду!“,
5 Та старуха дошла до дому, заяц тот ушел. Дошла старуха до юрты. Того
старика уложила спать, потом воткнула ягоды в нос старика. Потом ста-
руха дала старику палку, в юрте дыры заткнула, чтобы зайцы не могли убе-
жать. Пошел заяц-шаман, за ним вслед не шаманы, много зайцев. Пришли

10 tukşakıl, təyəre aranmə mürəli. Nimğaldən tukşakı: „Puñ! puñ! puñ!“ Ətirkan butilbən
duptən mujəksitmi. Ətirkan ıldakattan, gadan möwa tar nimğatçarılbə tukşakılbə
tijəwunđiwi təpułdən. Tukşakılbə təpürən, təpürən, kətəwə wərən tukşakılbə. Tuk-
şakıl şamānmətin təputtən şerdulin, urārən. Tukşakıl şamāntın jürən şonali. Ətirkan,
atrkən inistə iləlgəcin.

Ş. Kimā. Cırəmbu

25. Amikān kolēmtēnun

Amikān kolēmtēnun muşçāmətşə. Amikān gūnān: „şi minğidu inəninduw aşu-
mātə ətənd'i inə“. — „inđəm! Şi tuğı ətənd'ə inəninduw inə“ Hənkətmətt'ə, hənkət-
mətt'ə, kolēmtē jürən müdük dund'alə. Dund'adū həkūləşnən. Əwəj hıruşən mūli,
təli əməlcə amaşki, təduk nān hırrən mūli, nān əməlcə, lopurorən amaşki. İiwran
5 hırrən mūli, aşumātə əşin məjicərə. Kolēmtətki əpkəcild'ən: „Bi ətəm şingidu
dund'aduş inə“. Kolēmtē umuntiki ukələld'ən. Əwəj tikuld'an kolēmtē həkimnəşnən
mūlə. Ərdük kolēmtē kapcakta ödan.

S. Bukocār. Tuñir

26. Atirkān, amikān

Umukən atirkān vicā omolgtci. Nuşartin ororun ācin vicān, umukən muru
vicān. Bilgatin manawrān, omolgti hıruşrān, wəjurān. Hıruşdānā, gūnān əpindūwi:
„Bi timi əməđināw“. Əpiniñ anğattān umukən dolboniwa, əməđinādun inəğidun alāt-
cinā. Alättān, alättān omolgti əcə əmərā tar inəğidu. Atirkān garān şukəwi gələktəyinən
5 omolgtiduwı. Pənərān, pənərān uqawān vakaran omolgtiwi. Uqayınən omolgti uqā-

10 зайцы, сели вокруг костра. Зашаманил заяц: „Пунг! Пунг! Пунг!“ Старика
болезнь не мог до конца (вылечить). Старик встал, взял палку, стал бить тех
шаманящих (подпевающих) зайцев. Заяцев бил, бил, много набил зайцев. Ша-
мана заячьего ударил по (около) ушам, мимо пəпал. Заячий шаман выскочил
5 в дымовое отверстие. Старик (и) старуха стали жить, как люди.

Ш. Кима. Чиромбу

25. Медведь с карасем

Медведь с карасем заспорили. Медведь сказал: „Ты на моей земле совсем
не сможешь жить“. — „Проживу, ты тоже не сможешь на моей земле жить!“ Спо-
рили, спорили, карась выскочил из воды на землю. На земле лег. Медведь
нырнул в воду, тотчас выскочил обратно, потом опять нырнул в воду, опять
5 выскочил, вылетел обратно. В третий раз нырнул в воду, нисколько не выдер-
жал. Карасю сказал: „Я не могу на твоей земле жить“. Карась на одном месте
лежал. Медведь рассердился, притопнул карася (столкнул) в воду. С этих пор
карась плоским стал.

С. Букочар. Тунгир

26. Старуха, медведь

Одна старуха жила с сыном. У них не было оленей, один конь был.
Еда кончилась, парень ушел, промышлять пошел. Уходя, сказал матери:
„Я завтра приду“. Мать ночевала одну ночь, поджидая день прихода.
Ждала, ждала парень не пришел в тот день. Старуха взяла топор,
5 пошла искать парня. Шла, шла след парня нашла. Пошла по следу парня.

wān. Uđalın Ƴrəkəcānmə tuktıyınən. Uřədük icəcillān ərgiskākī, araj icārān Ƴrə əřədun Ƴklāđırān kulin ilan dılıcī. Atırkān araj mēdārān „Muka omolđıwə đəptān əř kulin“.

Atırkān mıçurān đulāwı, gārān porokwa, təwrān porukıyı hıtəkəcāndı, ərkərān ulawə Ƴtəkəcān amıadun. Mıçuyınān amařkākī uđalıwı, əmərān Ƴrələwı, nullan 10 gāđdı ulawı; nōdarān kulındulā. Kulin icəđəkān, langalırān Ƴtəkəcānmān, nımyərān. Atırkān olđımāllān Ƴrədu, alācillān ōkın-ka tilkəđān hıtəkəcānıń. Olđımādalān, Ƴtəkəcānıń kulin Ƴrın dōndun dılkərān. Dılkərəkın, atırkān tuksaran kulındulā, icārān omolđıwı kulin Ƴrdun. Omolđıwı gıramkıya tādudāt ōran, đunnədu imārān. Imāksək, atırkān đulāwı Ƴnəđəyınən, đūdun bılgan ācın bıçān. Ələ nuğurnı ōran, atırkān 15 togojowı ılarān tıllılā. Əhilə āyınən togoduwı. Dolbo atırkān mēhıllan. Togokıwı tçārān, togon bargıdādun nılgımāđırān amıkān, Ƴləwı icəwkātçānā. Atırkān dağamadāwı nuğandulān Ƴləđəwki. Atırkān ađamamat icəcılıksək, icərān Ƴlādun sıptıləwā. Atırkān tılı dagamaran amıkāndulā. Ələ cuktuđırān Ƴlədukıń sıptıləwə. Amıkān mıçuyınān, atırkān Ƴləđıwıkə ādāwı. Təřəksək, təřəksək, atırkān āyınān. Təřəltənə 20 atırkān, mēlıksək, icārān toyon bargıdādun hıklāđırā wəjır. Amıkān cuktalınalın bıçā. Atırkān, tarıt Ƴlləntəđənə, bıllān.

S. Bukocār. Tuğır

27. Əwənkı kulınnun

Ƴmıçkən əwənkı, wəjıđāna, dōldırān tərçkənmə. Tar tərçkəndulā tuksaran, icərān ılandılıcī kulin amıkānnun kuhiđərə. Amıkān, əwənkıwə icəksək, tərçkəllān: „Mindı 5 wələtkəl wələtnəlıs bı sındı wəjırə əmıwđıñāw, đawaksək“. Kulin tərçkəndəwki: „Bı sınılə mılā Ƴnəwđıñāw, icəwkāndıñāw ələnıya“. Əwənkı đaldıwı gıyıncārān, gıyıncārān: „Bələcıkıtə kulınma, mıđdı ənəwı icərə, icəđıñāw“, đaldıwı gıyıncārān, pəktırəwınnı gārān, otđārān amıkānma. Kulin gıñān: „ıkkal mindı səğdənnələ, bı sınıwə əməwđıñāw mılā, icəwkāndıñāw ələnıya“. Əwənkı ıyran səğdənnələ, kulin

След на горку поднялся. С горы посмотрела вниз, увидела, (что) у подошвы горы лежит трехголовая змея. Старуха сразу догадалась (почувствовала): „Кажется, парня съела эта змея“.

Старуха вернулась домой, взяла порох, набила порох в мешочек, привязала трут у связки мешочка. Вернулась обратно по следу, пришла к горе, зажгла 10 огнивом трут, бросила к змее. Змея, увидев, схватила мешочек, проглотила. Старуха остановилась на горе, ждала, когда взорвется мешочек. До ожидания, мешок взорвался в брюхе змеи. Когда взорвался, старуха побежала к змее, увидела парня в брюхе змеи. Вытащила оттуда кости парня, закопала в землю. Схоронивши, старуха пошла домой. Дома еды не было. Тогда вечер настал, 15 старуха разожгла снаружи огонь. Легла у огня спать. Ночью старуха проснулась. На огонь посмотрела, за огнем подходит медведь, руку (лапу) свою показывая. Старуха боится приблизиться к нему. Старуха, приглядевшись хорошенько, увидела в руке занозу. Тогда старуха приблизилась к медведю. Тогда вытащила из руки занозу. Медведь вернулся, чтобы старуха побоялась спать. Сидевши, сидевши, 20 старуха заснула. На утро старуха, проснувшись, увидела—за костром звери лежат. Медведь дал за вытаскивание. Старуха стала жить тем мясом.

С. Букочар. Тунгир

27. Эвенки со змеей

Один эвенки, промышляя, услышал шум. На тот шум побежал, увидел трехголовая змея с медведем дерутся. Медведь, увидя эвенки, крикнул: „Мне помоги! за помощь я тебе зверей принесу поймавши“. Змея 5 кричит: „Я тебя через воду перенесу, покажу всякое“. Эвенки в уме рассуждал, рассуждал: „Помогу змее, „не видя в воде, увижу“. В уме рассудил, взял ружье, выстрелил в медведя. Змея сказала: „Садись верхом мне на спину, я тебя унесу в воду, покажу всякое“. Эвенки сел верхом на спину, змея

В. Эдэн. Урми

28. Torokī mūku

Umnākēn mūku torokīnūn vakaldiran. Torokī surkan vicē kiraḡucēn, mūkunin surkan vicē hēgdiḡēmijē. Torokī mūkutkī gūnən: „Sindu hēgdiḡē surka ēkun ḡann? Mindu hēgdiḡē surka vimī — aja. Bī mol təkərwətin ūləcim, tadukkar wəjələ, nimala minədəw. Sindu kira surka ləwuktəwə tānariḡus — aja“. Mūku gūnən: „Gəl tar bihikin, ḡūgətkət“. Torokīnūn mūku surkalbar ḡūgəcildirə.

В. Эдэн. Урми

29. Nəkə, soligā

Umnākēn nəkə soligawa vakaldica. Nəkənin iḡaktan sōma uhā vicē. Soliga iḡaktan sō aja vicē. Nəkənin soligatkī guncə: „Mit iḡaktawar, ḡūgətkət“. Soligan guncə. „Bī ətəm ḡugəttə“. Nəkənin guncə: „Si əhikis ḡugəttə, nirilə ḡorcanāgāt. — Si minəwə garandārakis, bi iḡaktaw siḡarin ḡḡiḡān“.

Nəkənūn soliga ḡənəiə ḡorcanāmī. Nōrcadanal, nəkənin soligawa mūlə garandārān. Soliga iḡaktan siḡarin ḡdan. Oḡoktokōndun soligadu ajargu iḡaktan əmənmurən. Nəkə iḡaktan sōma aja ḡdan. Nəkə soligan iḡaktawān tītərən.

М И Ф Ы

М. Јолигир. Туру

30. Ōi

Nonon ilan dūndəl viḡkitin. Uḡilə viḡkin howokī, həḡgilə viḡkin akīnīn — hatana. Dulḡudu dūndəḡu howokī hawalcān, hatana tuḡi hawalcān.

Б. Эдын. Урми

28. Кабан, кабарга

Однажды кабарга с кабаном встретилась. Кабана клык маленький был, кабарги клык большущий был. Кабан кабарге сказал: „Тебе большой клык для чего? У меня большой клык был бы—хорошо. Я деревьев основания рою, потом людей, собак режу. Тебе маленький клык мха (для) объеданию — хорошо“. Кабарга сказала: „Ну! так если есть, обменяемся!“ С кабаном кабарга клыками обменялась.

Б. Эдын. Урми

29. Соболь, хорек

Однажды соболь с хорьком встретился. Соболя шерсть очень плохая была. Хорька шерсть очень хорошая была. Соболь хорьку сказал: „Мы шерстью обменяемся“. Хорек сказал: „Я не стану меняться“. Соболь сказал: „Ты не станешь меняться, к ручейку (минеральному) пойдем бороться. Ты меня если поборешь, моя шерсть желтой станет“.

С соболем хорек пошли бороться. Борясь, соболь хорька в воду бросил. Хорька шерсть желтой стала. На носике у хорька хорошая (старая) шерсть осталась. Соболя шерсть очень хорошая стала. Соболь хорька шерсть отобрал.

М. Йолигир. Туру

30. Ворон

Вначале три земли было. Вверху жил бог (ховоки), внизу жил старший брат его—сатана. На средней земле бог работал, сатана тоже работал.

Howokī ōran ciwkānmə, hatana ōran tuḡi, nuḡanḡācin, ʊkəḡmə. Howokī ōran gāḡwə, hatana ōran kirektəwə; howokī ōran ɕantakīwa, hatana ōran amākāciwa;
5 howokī ōran hulakīwa, hatana ōran ḡuškəwə.

Howokī upkattu gərbilwətin būrən. Upkat hatana ōwcāwān nuḡan əcən burə iləldu, ɕəptətin. Taduḡ howokī ōran bəḡəwə, ahiwa. Nuḡanḡin bələmni ōli bi cən. Tar ōli ətəjətcəcən ōnalwān. Howokī hanḡūktaran: „əɕara nuḡartın?“ — „Biɕərə, kuḡar-kār wə baldıɕara, kətə iləl ora. Bəjumətcərə nuḡartın, wəɕərə hulakīwa, ɕantakīwa“.
10 ōli ḡunɕəcən. Ōlīdu əmərən hatana əjətcəcən: „Mindu būkəl ōnalwan, ərucktadāw; bi hindu ajamawa ɕəptiləwə būɕəm — hiḡɕəḡ nimdəwə būɕəm bi“. Ōli būrən, ɕəwrəkin, „Alapcu“, ḡūnən. Taduḡ howokī hanḡūktaran: „ōn iləl biɕərə?“ Ōli ḡūnən: „Bi nuḡarwatın hatanadu vūm, ərucktadan“.

Howokī tikulcān ōliwə, ɕəwkənən nuḡanmān muḡurcəwə, kirāwə.

I. Lōpal. D. Kātəḡḡā

31. İdūḡ vūkit əmərən

Şowokī ōrān hişəwə, tukulawa: „ōḡin manḡikākun ōmi“, ḡūnən. Olḡırān hişəwə, tukulawa oldoksodu olḡırān, ḡınakin tuḡicillan. Şowokī şururān, hawalnāşınan. Şatana əmərən, ḡūnən ḡınakāndu: „Şi ḡınakān ɕulākin bişinni, şowokī ōnalḡulwan mindu būkəl, ərucktadāw, bi sindu şunə vūlɕam“. ərucktallun şatana
5 ōmilwa, tumnırān.

Dolboltono şowokī əmərən, ḡınakin ḡullān: „Mindu şatana şunə vūcən“. Şowokī ḡullān: „Şi əwa vūnnā şatanadu“ — „Bi ōmilwa, vūm nuḡandun“. Şowokī hanḡūktaran: „Şi əkumal ōmilwa vūnnā?“ — „Şiḡilwə ōnalwas“.

10 Şowokī sogollon. Şatana tumnindukin iləl vūllə.

Бог сделал утку, сатана сделал тоже, подобно ему, гагару. Бог сделал лебедя, сатана сделал дятла; бог сделал росомаху, сатана сделал медведя; бог
5 сделал лисицу, сатана сделал волка.

Бог дал всем имена. Все, сделанное сатаной, он запретил (не дал) людям есть. Потом бог сделал мужчину (и) женщину. Его помощник был ворон. Этот ворон (караулил) охранял творения его. Бог спрашивал его: „Что делают они?“ — „Живут, детей рожают, много людей стало. Промышляют они, убивают лисиц,
10 росомах“, говорил ворон. К ворону пришел сатана, просил: „Мне дай творения его посмотреть, я тебе дам хорошую еду — содержимое желудка дам тебе“. Ворону дал. Съевши, сказал: „Вкусно“. Потом бог спросил: „Как люди живут?“ Ворон сказал: „Я дал их сатане посмотреть (чтобы он посмотрел)“.

Бог рассердился на ворона, заставил его есть гнилье (и) помет.

И. Лопаль. Ср. Катонга

31. Откуда смерть пришла

Бог (шовоки) делал (обрабатывал) камень (и) землю. „Пусть будет крепкая душа“, сказал. Положил камень (и) землю на доску, сушил, собака караулила. Бог ушел, работать пошел. Сатана пришел, сказал собаке: „Ты собака голая (есть), богом сделанные души дай мне посмотреть, я тебе кафтан дам“. По-
5 смотрел сатана на души (и) плюнул.

Вечером пришел бог, собака сказала: „Мне сатана кафтан дал“. Бог сказал: „Ты что дала сатане?“ — „Я души дала ему“. Бог спросил: „Ты какие души дала?“ — „Твое творение“.

Бог заплакал, от плевка сатаны люди стали умирать.

32. Dūr nəkūnəhəl

Utələ (bilir) dūr nəkūnəhəl bicā, dūnnə ələkəs öwɟarākin. Tar nəkūnəhəl əwkił ajaməttə bicāł.

Akīndiyu əɟmakicinə ɟɟawki bicā, kulikārəwə. Nəkūndiyu ɟɟacā wəjəlwə. Akīndiyu hərgudū buɟadu buɟatālcā, nəkūndiyu uɟudū buɟadu buɟatālcā.

⁵ Nəkūndiyu ɟɟinakıci bicā, ɟɟınakin tətəkəjə ācin bicā. Nuɟan wəjəlwə ɟcā ijeməl iləcılwə. Tar ɟnalıwı wəjəjılwı ampārduwı, kulustāksə, nəcə. Huɟtułwə ɟnalduławı huɟuhılɟənə, ɟɟınakınduwı kuluswı bıçā. Kuluswı bıçənə ɟɟınakınduwı gıçā: „Akınnı əmərəkın, ampārwer ənnə nıɟə, on-da gūnəkın, ənnə nıɟə“.

¹⁰ ɟınakin dūduwı ampārwi ətəjəɟəlcā. dūduwı bıçərəkın, ɟɟınākındulā akınnın əməcā. ɟınakınduk hanɟūktalcā: „Nəkūnnı ilā huɟucən? okın əməɟəɟən? ekura ɟcān?“ ɟınakin gıçā: „Uɟıskı huɟucən, okın-ka əməɟən, ekura-ka ɟrka, əcəw sārə“. Akınnın ɟɟınakınnıma gılcā: „Amrārwi nıkel“. ɟınakin gıncā: „Əɟnəm nıɟə, ətəm nıɟə“. Akınnın gılcā ɟɟınakındulā: „Ampārwi nıɟəkıs, tətəkəjəs bıçəɟəw, tıgɟadu əhıjəs sulapta, həkuɟdu əhıjəs həkuɟnərə, iɟındū əhıjəs hıktərəwrə, tətəkəjəs bıçəɟəw“. Tikā gūnəkın, ɟɟınakin ampārwi nıçā. Nəkūnnı ɟnalbān wəjəjılwān huwtıwcā; tar huwtırākın, ¹⁵ wəjəl buɟlālcāł. ɟınakındu ıqaktalan ɟcā. Tikā nəkəksə akınnın huɟucə.

Tar cukacālan ɟallawə-wəl bıksə, nəkūnnın əməlcā ɟıławı. ɟıławı issana, icəcā ıqaktacı ɟcāwə ɟɟınakınnı. ɟınakındukki hanɟūktalcā: „əkunduk tətəkəjəwı gānnı?“ ɟınakin gılcā: „Akınnı əməksə, bıɟrən“. — „ədaka nınnı ampārwar?“ — Tətəkəjəs ²⁰ bıçəɟəw gūnnəkın, nıçaw“. Nəkūnnın ampārılaw ıçā, wəjəjılın həltın bıtıçāł, həltın ınɟaçāł. Tar ınɟərıtkılwə huwuhıçā „Sāksəcıl ɟkallu“, gūnən. Tar wəjəjılın awgarāçāł, sāksəcıl ɟcāł. „ɟınakınnı“, gıçā nəkūn: „wəjəl amārılduktın wodoktoɟowki ɟkal, wəjənnın, wārākın, vultaɟəjə çəriɟnəkəl“.

32. Два брата

Давно два брата были, земля тогда только что сделалась. Те братья друг друга не любили.

Старший очень худое делал — насекомых. Младший делал людей. Старший на нижней земле жил, младший на верхней жил.

⁵ У младшего была собака, собака была без одежды. Он (младший) делал людей костяных с мясом. Тех сделанных людей, закрывши на ключ, в амбаре положил. К другим творениям собираясь уходить, собаке отдал ключ. Ключ отдавая собаке, сказал: „Старший когда (если) придет, амбар не открывай, как бы ни говорил, не открывай“. Собака дома амбар охраняла. Когда она ¹⁰ была дома, к собаке пришел старший. У собаки спросил: „Младший куда ушел? когда придет? что сделал?“ Собака сказала: „Вверх ушел, когда придет, что сделал, не знаю“. Старший собаке сказал: „Амбар открой“. Собака сказала: „Не открою, не стану открывать“. Старший сказал собаке: „Амбар если откроешь, одежду дам, на дожде не промокнешь, в жару не нагреешься, в холоде не замрзнешь, одежду дам“. Так когда сказал, собака амбар открыла. На сотворенных младшим людей подул; после того как подул, люди стали болеть. ¹⁵ Собака с шерстью стала. Так сделавши, старший (брат) ушел.

После этой порчи, десятидневка прошла, младший пришел домой. Домой доходя, увидел с шерстью ставшую собаку. У собаки спросил: „Откуда одежду взяла?“ Собака сказала: „Старший, придя, дал“. — „Зачем открыла амбар?“ — ²⁰ „Одежду дам, когда сказал, открыла“. Младший в амбар вошел, люди его часть болеют, часть живут. На тех живущих дуя, „Кровными станьте“, сказал. Те люди поправились, с кровью стали. „Собака“, сказал младший: „За людьми ходящей стань, вместе с человеком, когда убьет (он), добычу от охоты ешь“.

33. Hinuķi

Nonon hinuķi hægðikækun vicēn. Howoki elāren nuṅandukin. Howoki vējəwə, ōna, ṅāliḍirān, tariṅmi būrirān dūndədu. Būrirēkīn akīnīn — hatana bulkuran ilksalḍi ōnaldun. Hatana gūnən: „Tumicil, ilksacil ōktin, erit buşşənəl ōktin“. Howoki tukuldan, hinuķiwə būritcān ūldəwən. „Ḷuṅṅakīdu būḍəm ūldədukis, hēlakīdu būḍəm, ḍəlīdu būḍəm, horokīdu būḍəm, huwūldu olloldu būḍəm mēndu hujuķūkēn ōdāji; minə ələwkēnin-də, vējel əwkil būddə bimcəl, əcəl būrurə bimī“. Əhī iləl buwki ōda.

A. Kambagir. Ŷəkənnə

34. Hinuķicēn

Nonon hinuķicēn hægðima vicēn, mōtūduk hægðimər vicēn. Ūmnə əksəri ṅənə-ḍəcə. Tar əksəriwə ələwkəcə hinuķicēn. Əksəriwə ələwkēnəkīn, ūlləwən hinuķicēn hōṅnacā; əksəri hālgəran ūllədukin. Nuṅan būricīrkōnən upkattun inḍəriḍu hinuķicēn ūlləwən. Əhīkəkēn taritpar hinuķicēn hujuķūkēn ōcān.

A. Kambagir. Ŷəkənnə

35. Horoki

Nonon horoki gərvin ācin vicēn. Ūmnə horoki, tāduk iṅtūgucān binəl, huṅurə əksərilə, ūḅkildimətnəhinə. Ista əksəriwə, ūḅkildiməcīllə; horoki gūllən: „Iṅtūgucān minə ḍawawki“. Gūcə iṅtūgucān: „Bi əlaha-da əcin bihim ḍawawrə horokīwa, horokī ḍawawki gēcān horokī“. Horokī hōmamat hāḍḍarān, hiṅilgəndūlə, uwgaknan, buṅucə, 5 Əhīkəkēn tarit hiṅilgəndu uwgucawki ōcā. Əksəri gūcə: „Aktinmāt horokī“. Taritpar gərvin horokī ōcā.

33. Рябчик

Вначале рябчик большой был. Бога испугал он (бог испугался от него). Бог, человека делая, держал, тот упал на землю. Когда упал, старший брат-сатана плюнул слюною на творение его. Сатана сказал: „Пусть будет со слюною, с соплями, от этого болящими пусть будут“. Бог рассердился на рябчика, разделил мясо (его). „Собаке дам от твоего мяса, куропатке дам, таймену 5 дам, тетереву дам, всем рыбам дам, самому чтобы немного осталось; меня бы не испугал бы, люди бы не умирали, не упали бы“. Теперь люди смертными стали.

A. Kambagir. Ngokonno

34. Рябчик

Вначаче рябчик большой был, лося больше был. Однажды шел бог. Бога испугал рябчик. После того, как заставил испугаться, (бог) мясо рябчика рассек, бог отбавил от мяса его. Он поделил всем живущим мясо рябчика. Поэтому сейчас рябчик маленький стал.

A. Kambagir. Ngokonno.

35. Тетерев

Вначале у тетерева не было имени. Однажды тетерев, потом сова будучи, пошла к богу, жалуясь друг на друга. Дошли до бога, стали жаловаться друг на друга; тетерев сказал: „Сова меня хватает“. Сказала сова: „Я никогда не хватала тетерева, тетерева хватает тетерев-ястреб“. Тетерев сильно устыдился, 5 в снег упал, под снегом насквозь. Поэтому теперь под снегом лазающим стал. Бог сказал: „Дикий тетерев“. От этого имя (его) тетерев стало.

36. On ūmūkēn wəjə wərkētēn

Ūmūkēn wəjə wiđacēn hūtelnunmi. Nuḡan tūlətcəwki wicē wərkērwə, munnu-kār wə dēmne tūwəwki. Umnā dolbotono tūləcēn wərkēnmə munnukān ūđaranđun. Timātne icənēhicēn tarīḡi. Ţənəđərən đalduji guḡđəḡa: „Taḡanan-mu? ənān-mu?“ Ihildana, icərən wərkēnin tilpēcā.

5 Tāli tar wəjə ūḡunən. Wərkēndulā istan, icərən munnukānḡin hāḡəđənə hūḡcē. Tarīḡi ūđahinən; ūđadacān, ūđadacān, icərən munnukānḡin ugdussan hēkta həḡgidēlin. Tar wəjə ugdūhinən ūđalin munnukān. Nuḡan hāḡārduli əwřen. Əwřen wəjə, hərəwən əcē ista, hūḡurən caski. Ţənəđənə icərən hoktoronmo. „icənēkta, ēkur itlūn“, ḡunne, hūḡurən. Ţənəđənə icərən walagawa; irən dōyidalān, tādu wiđərə iləl. Hanḡūktarən nuḡan: „on wiđəs?“ Nuḡartin ḡūnə: „ēt toḡo hiḡkəriđərən?“ Tar wəjə ḡewrān han-
10 ḡūktarən, tarīḡiltin ḡunə: „ēt toḡo hiḡkərimə ođan?“ Tar wəjə ostolduktin ūlləl wə ḡānə, đəwřen. Tarīḡilin ḡūllə: „ēda ūlləl manawđərə“. Tūk kəđərəktin, dolboron. Əməđəwki wəjə ūmūkēnnun ilənun əhillən, tarīḡin orellan. Đalin təḡərə ḡūnə: „Hū-cūwūllən, hamānə ərikəllə“. Tāli dolbo əcəl ārə. Təḡəmiktədin əməwḡə hamānmə,
15 əcē icərə. Uḡəđəwkiḡitin mohorən. Iliwran hamālārən həḡdēmēməwə hamānmə. Tarī-ḡitin, iđəksē ənə, icərən iləwə. Hamān ḡūnən: „Əḡ wiđərən“. Hamān tar wəjə han-ḡūktarən: „iđuk əməcəs?“ Tar wəjə ḡūnən: „Bi əməcəw ūḡiḡit, munnukānmə ūđana. Timātne icənəcəw wərkēnmi, tarīḡiw tilpēcā wicēn. Munnukān, hāḡəđənə, hūḡcē wi-
20 cēn. Bi ūđassāw nuḡanmān. Tarīḡin ugdūhinən hēkta həḡgidēlin, bi tāli ugdussāw; əwđəcəw, əwđəcəw ihm ūđakittulā. Tūk kənə, əməcəw əlā“. Hamān wəjəwə ūlirən, ūḡnən amaskin. Tar wəjə mucurən amaskiḡi, tāduk đalduji ūḡcēnən, on ḡirkunaji həḡḡiskī.

36. Как один мужчина настораживал самострел

Один мужчина жил с сыновьями. Он настораживал самострелы, зайцев для пищи на зиму (запасал). Однажды вечером настораживал самострел на заячьей тропинке. Утром пошел посмотреть его. Идет, в уме говоря: „Попал ли,
5 нет ли?“ Доходя, увидел спущенный самострел. Тогда тот мужчина обрадовался. До самострела дошел, увидел, (что) заяц ушел, истекая кровью. Тот по следу пошел; шел, шел, увидел, (что) заяц влез под тальник. Тот мужчина влез по следу зайца. По отверстиею спустился. Спустился мужчина, до дна не дошел, пошел дальше. Идя, увидел тропинку. „Пойду-ка посмотрю, что (в чем) дело“. Сказавши, пошел. Идя, увидел балаган, вошел внутрь, там живут люди. Он
10 спросил: „Как живете?“ Они сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина опять спросил, те сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина, со стола мясо беря, съел. Те сказали: „Почему мясо кончается?“ Так когда продолжалось, ночь настала. Пришедший мужчина стал ложиться спать с одним человеком, тот закричал. Товарищи встали, говоря: „(В бок) кольнуло, позовите шамана“.
15 Ту ночь не спали. На утро привели шамана, тот шаманил, ничего не видно. Позвали большого шамана, тот также ничего не увидал. Больной расхворался. В третий раз привели самого большого шамана. Тот, еще не войдя, увидал человека. Шаман сказал: „Вот он“. Шаман спросил того мужчину: „Откуда пришел?“ Тот мужчина сказал: „Я пришел сверху, преследуя зайца. Утром смотрел
20 самострел, тот спущен был. Заяц окровавленный ушел. Я пошел по следу его. Тот влез под тальник, я туда влез, спускался, спускался, дошел до тропы. Так пришел сюда“. Шаман накормил мужчину, отправил обратно. Тот мужчина вернулся обратно, потом родственникам рассказывал о походе своем в ниж-
нюю (землю).

37. On ımukēn wəjə dınd'a hərgülə şurucān

Umukēn wəjə indəcən. Şururān hütəwi, kuculərən; əñin gūnən: „İlə? əkəl-də hawalđıra, dolboltonotcō“. Nuğan əşin dölcatşə əñinmi, şururān. Şururān, şururān, kuculərən gorolō. Tük-də haktıra iwrān. İşşan cogiwə, işşā cogiwə, hırrān. Hırrān, hərgiski buruşna. Buruşna, şōwa gorowo buruđırān wəjə.

⁵ İşşan dınd'awa, bururān hoktokittu. Hoktokittuli şururān, ēruktađena oror ūdaltın, wəjəl ūđaltın. İcərən wəjəlwə, tojuş doldırān tawıcarıwatın wəjəlwbə: tak-tuk, tak-tuk. Ūnərən tar wəjəltiki. Oron hawalđaran ijadutın. İscākın, oron buđđān. İşşan ijawatın, wəjəl hanğuktald'a nuğanmān: „İduk əmənd'i?" — „Bikəjəm kojcāw“, tādük şururān quııldulātın. Duwatın işşakin-nun, aşı buđđān. Tar wəjəl guld'ə: „ēkun

¹⁰ targācin əmərən, şamāntiki ənkəcild'ə“. Şamān nuğanmān hanğuktald'ən: „ēduk əmənd'i?" Duğan gūnān: „bi kojcāw“. Şamānmə ipkərə, jajadān. Şamān jajald'an, jajarān, jajarān, gūnān wəjətki: „Şi ırıgic əməcəş“. Təli nuğan, đōnan, gūnən: „Ələtpi, bi ırıgic burucāw, minə amaşki tikəl qulāwi“.

Ələtin wəjəl hənəkəcild'ə şamāntiki: „ōn-mal đəkıpkākāl nuğanmān amaşki“.

¹⁵ Şamān jajarān, jajarān ūđajān wəjə. Ətəmi jajadami uęəcild'ən, şurudən qulāwi. Wəjə gūnən: „ōn işşam quwi? minji quw ırılā“. Đalıdırān, đalıdırān wəjə, şururān. Şamān gūnən: „əli şurudənd'i ər oktokittuli“. Wəjə đalıdırān qalduwi: „ōn-ka işcam quwi? iləm-mət əğıw ōda“. Şururān oktokittuli, şamān gūnnəlin. Şururān, şururān icərən tuktıwunma, tuktıwun biđərən ırıski. Tuktışnan tuktıwundulā; tuktıran,

²⁰ tuktıran şōma gorowo. İşşan əjəđkpi, hırdəktıwi, tādū iwəñkiwə gāđan şururān qulāwi.

Ш. Кима. Чиромбу

37. Как один мужчина ходил на нижнюю землю

Жил один мужчина. Пошел за гнилушками сыну, мать сказала: „Куда? не ходи ночью“. Он не послушал мать, ушел. Шел, шел за гнилушками далеко. Темнота спустилась. Дошел до болота, вошел (когда) на болото, нырнул. Нырнул, вниз упал. Полетел, очень долго падал мужчина.

⁵ Достиг земли, упал на тропу. По тропе пошел, рассматривая следы оленей, следы людей. Увидел людей, звук кованья кузнецов услышал: Так-тук! так-тук! Пошел к людям. Олень ходит по кузнице. Когда он дошел, олень умер. Дошел до кузницы, люди спросили его: „Откуда пришел?“ — „Я заблудился“, потом ушел к юртам их. Когда он дошел до юрт, умерла женщина. Те люди

¹⁰ стали говорить: „Какой-такой пришел, спросите у шамана“. Шаман спросил его: „Откуда пришел?“ Он сказал: „Я заблудился“. Шамана заставили шаманить. Шаман начал шаманить, шаманил, шаманил, сказал мужчине: „Ты сверху пришел“. Тогда он вспомнил: „Верно, я сверху упал, отпусти меня обратно домой“.

Все люди стали просить шамана: „Как-нибудь отправь его обратно“. Ша-

¹⁵ ман шаманил, шаманил на (след) человека. Кончивши шаманить, стал отправлять, чтобы ушел (он) домой. Мужчина сказал: „Как дойду до дома? мой дом вверху“. Подумал, подумал мужчина, ушел. Шаман сказал: „Вот по этой дорожке пойдешь“. Мужчина подумал: „Как дойду до дома? без помощи не сделаю (пройду). Пошел по дороге, указанной шаманом. Шел, шел, увидел лестницу, лестница стоит вверх. Полез по лестнице; лез, лез очень

²⁰ долго. Дошел до места, где провалился, где нырнул, там пешню взял, ушел домой

38. Carcikan

Bicən umükən ilə, gərbin Carcikan. qoromocən nuğan hitändük dəgiwki Kığittuk hütəlvən. Tar hıruwrən nuğanmən qulawı. ihıwrən qulawı. ilan hütəlin. Nuğan hütəlvən etəjtəcwki. Hütəlin əwiwuntəwki Carcikanı. qırə, ilana anğanıla birkə. Tük kəqənə Kığit dökicən bihin, talə təgətəne, Kığit hoqoqowki. „Eda hoqoqonna?“ hanjuktaran vəjə. Kığit gүнən: „et ajdawı hanjuktaranni minə, ımakin omolgın hi“. Gorowo hanjuktawki nuğan, darullan, hanjuktadarakin ər dəgiwki. „Təgəmi tıgakakin qıwa agdı hənmacın“, Kığit gүнən: „Hütəlvən wəmməcin“ — „Bi ajmcaw hütəlvən, əmcə wərə“, vəjə gүнən, hıruwəjim əhilə. Təgəmi ullan, vəjə hilə hütəlvən olgohınən hitəndülə dınnələ goroköndülə. Issan dilwan hütəlvən.

10 Nuğartin albaqanrə Carcikanmə olgotcomı.

Ihıkajim, agdikakun əməqərən. Qənəqənə əhilə agdı ırə upkatpən kapuran, hütəlin vüdə amakakun, da arürə nənə. Bidəqnərə etəcə.ən, əmərən Kığitin, hoqoqono, gələktəwki hütəlvə. Bakaran nuğan hütəlvə, ırınən. Hıruwrən əhilə hütəlvə, jin əwiwki hıruwrən, qıwı takustan. Hanjuktaran Kığit vəjəduq: „Hütəlvə ajiğulin, hıruwılinni əhilə ilə dınnələ?“ Carcikan gүнən: „Minə qənəwkəl ıriskı, qanğa hanjardulan“. — „Həgdiwə kəhəwə qənəwkıt“, gүнən Kığit.

Kığit hıruwrən qırwə vəjır irkihəl, gүнən: „Əjəttəkiw amğalıw dignəkəl“. Əhilə dəgilcən, Carcikanmə hıruwrən. Qənəqənə, hərelqənə, dəgqəwki ıriskı. Digiləwə qənərə, icəwıllən qanğa hanğın. Kığit gүнən: „Ənnəkəl ılgucənə, ni-wəl wakamı, Kığit əmərcən“.

20 Vəjəwə tinən, vəjə hıruwrən. Dınnəkəkun, ajakəkun, cukacı, ilə ıqda acın, ekunda acın. Bidəqnərə, gırkuqanaran. Təduk icərən qı vıqərən, qulə hıruwrən istan. Ahı vıqərən, aqərən; ahıkəkun, ajamama ıllıqıran.

38. Чарчикан

Был один человек (эвенки), по имени Чарчикан. Украл он от глупой птицы Кингит сыновей. Та унесла его домой. Довела до дому. Трое сыновей. Он детей караулил. Дети играли с Чарчиканом (с его волосами). Два, три года прошло. Так шло, Кингит села (спустилась), сидя там, Кингит плачет. „Почему плачешь?“ 5 спросил мужчина. Кингит сказала: „Чем успокоить (вместо того, чтобы), спрашиваешь меня, собачий сын ты“. Долго он спрашивал; надоело, (когда) спрашивал птицу. „Завтра в полдень гром, по всей вероятности, дом свернет“, Кингит сказала: „Сыновей наверное убьет“. — „Я спрятал (спас) бы детей, чтобы не убило“, мужчина сказал, уйдя тогда. Утро настало, мужчина сыновей ее 10 повел в глухую землю, далеко. Дошел (довел) головы сыновей ее. Они не могут теребить (голову) Чарчикана (играть волосами).

Когда дошел, гром (гроза) сильный подходит. Идя, гром теперь всю гору разбил, дети быстро умерли, да ожили вновь. После окончания (грома) живут, пришла Кингит, плача, ищет своих детей. Нашла она детей, обрадовалась. Унесла тогда детей, игру, (в которую) играли, унесла, дом починила. Спросила Кингит 15 человека: „За спасение детей хочешь отправиться теперь в какую землю?“ Чарчикан сказал: „Унеси меня вверх, в отверстие неба“. — „Большое мучение путь (этот)“, сказала Кингит.

Кингит унесла двух зверей с ободранными рогами, сказала: „Когда спрошу, в рот мой засунь“. Дух полетела, унесла Чарчикана. Идя, планируя, летит вверх. Четверо суток шли, показалось отверстие неба. Кингит сказала: „Не 20 смей рассказывать, встретивши кого-нибудь, (что) Кингит принесла“.

Мужчину отпустила, мужчина пошел. Земля большая, хорошая, травянистая, следа человека нет, ничего нет. Живет, ходит. Потом увидел, дом стоит, к дому пошел, дошел. Женщина живет, спит; хорошая женщина, красивая, вышивает.

Hangũktaran nuḡan, ahĩ aḡnērən döldıra. „ēwa togo hiḡkērən?“ gũnən ahĩ, 25 vėjəwə əwki icərə. Ilallawa, digilləwə vėjə biḡəcən, ḡəptilə ḡəpiḡnərən. „ēkunḡi ḡəptilə manawuḡnārən?“ gũnən ahĩ. Tuḡ biḡəcən, āsmulcā nuḡannun. Dolbo əhilə oḡolön tuḡtiren ahĩmācillan ahĩwa. Hirāḡullan, mokocillan vėjə ahĩwa. Təli mədərən, icərən ahĩ vėjəwə. „ēkun əmərəcən hinə? Kiḡḡit əməwrən?“ — „Bi mənəkən əməcəw“. — „Əhilə minə ḡələmdu nənne. Hi əhilə ətənnə ədu biḡəmĩ, turalaja ācin. Turalakana 30 ḡənnətki ḡəlnəkəl“, ahĩ gũnən. Bėjə gũnən: „Bi-kə ön ḡənnəḡəm?“ Ahĩ murinna ahākičiwə bũrən, vėjə ḡənnəhinən. Ahĩ gũnən: „niḡə-wəl bakaḡmas, ön-da gũnḡərək-tin, əkəl dölcatta, hokōskal, əməskəl amaskĩ, murinmi əməvḡən“.

Nuḡanmān həkərən murindu. Murin buḡurən haḡārduli. ḡənəḡəḡnərə ḡənnələ. İsta ḡənnədu. Buḡurən uḡakittu. Atirkākākun tolgokin kumtərcə, aḡcitcamĩ albaḡaran. 35 Buḡurən Carcikān tolgoki ḡagin. Atirkān, nuḡanmān icəkəḡim, gũnən: „aḡpkal, vələ-kəl tolgokĩwo təwəkəkəl“. Bėjə lukamaran murindukki uḡiji mənḡi luktan, aḡcillan tolgokiwə, vələllən atirkākākundu. Atirkān ḡələdukin Carcikānmə ḡawaran. „Bi, gũ-nim: ilanma anḡanĩl hokorcö bihin. Bũkit ḡawaran nuḡanmān. İlandu anḡanĩl untalvə, tolgokiwān həmkicə“. Carcikān icəttən, murin ḡəḡillən huski. Murin iscālān, həkəwə 40 dölcaawki: „Minə ḡələmdu nənne, hinə ḡuncəw: əḡnənnə dölcatta, əcəs döldıra minə“.

W. Uwocān. Noḡvokö

39. Umųkən vėjə uḡulə ḡənnələ tuḡkticən

Umųkən vėjə biḡəcən ḡūduji, nuḡanḡin ḡəḡvin bičən Gidələ. Gidələ bičən vaji-kākun. Biḡərin ḡənnədu niḡə ācin bičən targācin vaj. Gidələ vālcən biḡəmĩ dulugdu ḡənnədu, nuḡan vimulcən uḡudu ḡənnədu. Timātne uḡə təḡərən, huḡurən ḡələktə-nəhinən dəḡiwkiwə. Dolboltono əmərən Gidələ ḡulaji, dəḡiwkiwə əməwrən. Dəḡi- 5 wki gũnən: „Hi haḡaḡkal ilana anḡanĩl ḡəḡkitḡəji, təkkitḡəji, mḡḡḡəji mḡḡəji“.

Спросил он, женщина не слышит. „С чего огонь щелкнул?“ сказала жен- 25 щина; не видит мужчины. Три, четыре дня мужчина жил, еду ел. „Каким обра- зом еда кончается?“ сказала женщина. Так жил (живя), захотел спать с нею. Ночью тогда забрался к ней, начал совершать соитус с женщиною. Гулял, совокуплялся мужчина с женщиною. Тогда поняла, увидала женщина мужчину. „Что тебя принесло? Кингит принесла?“ — „Я сам пришел“. — „Теперь меня в запрет ввел. Ты теперь не станешь здесь жить, земли нет. Немножко земли (глины) 30 с земли принеси“, сказала женщина. Мужчина сказал: „Я-то как принесу?“ Женщина дала коня с крыльями, мужчина отправился. Женщина сказала: „Кого бы (ты ни) встретил, что бы ни говорили, не слушай, поторопись, приходи обратно, конь принесет“.

Привязала его к коню. Конь упал в отверстие. Идут к земле. Дошли до земли. Упал на тропу. Старушка санки опрокинула, поправить не может. Упал 35 Чарчикан вблизи санок. Старуха, увидя его, сказала: „Почини, помоги, санки поставь“. Мужчина отвязался от коня, повод свой снял, стал чинить санки, помог старушке. Старуха схватила Чарчикана за руку. „Я говорила: три года был потерян. Смерть его взяла. На третьем году унты, санки сносила“. Чар- чикан посмотрел, конь улетел вверх. Когда конь дошел, слово услышал: „Меня 40 в грех ввел, тебе говорила: не слушай, не послушался меня“.

B. Uwocān. Erbogocən

39. Один мужчина на верхнюю землю лазил

Один мужчина жил в доме своем, его имя было Гидало (стрекоза). Гидало был богатый. На той земле, где он жил, никто не был таким богатым. Гидале надоело (устал) жить на средней земле, он захотел жить на верхней земле. Утром рано встал, пошел искать птицу. Вечером пришел Гидало домой, привел птицу. Птица сказала: „Ты запаси на три года еды, одежды, воды, дров“.

Gidälē ērirān upkatpa bəjəlbə, gūnən: „Hu ōkallu dəyiwki ojudun balagaja“. Tarī bəjəl ōra dəyiwki ojudun balagawa. Upkatpa hūrūmməcīlbən nētə balagadu. Gidälē irən balagalāji. Dəyiwkinin dəyillən.

Gidälē gorowo dəyildərən. Alballan biđəmi Gidälē. ʊmʊkəndu tirganidu dəyiwki
10 illən, gūnən: „ihup!“ Illa. Gidälē ʊrʊnən, jəmālcirən tʊliskī, icəhignərən mʊrəlignin,
ni-də ācin, ələ tuktʊwun ilitcarən ʊyiskī. Dəyiwki gūnən: „Tawar tuktʊnduli tuktʊskal
ʊyiskī“. Bəjə tuktʊhinan tuktʊwunduli. Gorowo tukturān hʊjʊkʊkənduli haɣārdulh.

Tarī haktirāpcukāyīn, ʊmnət jərillən ʊyiskī. Gidälē ʊrʊnən „ihim“ gūnə; tuk-
tikōjim, icəhignərən mʊrəlignin, icərən ɸūwa haɣnaɸariwa. Tar bəjə ɸʊtki hʊrʊrən,
15 ɸūwa istan, irən, icəttən ʊmʊkən ahī, ʊmʊkən bəjə, ʊmʊkən hunāt biɸirə. Gidälē
hanɸuktariłān, nuɸartin gūnəwkil: „Toɸo hiɸkərən“. Gidälē timārduk əcə ɸəwrə, ɸə-
mūllən. Nuɸan icərən cōɸaldʊ ʊlləl biɸərə, nuɸan əjəttən ʊlləjə ɸəbdəji. Nuɸartin
gūnə: „Toɸo hiɸkərən“. Gidälē gādan ʊlləlbə ɸəpilindis, ɸəwrən, ajiwrān, ɸaldʊji
gūnən: „Nuɸartin minə əwkil icərə“. Nuɸan mənəɸəktmūllən, hʊcʊhinən əwnilə
20 hunātpə. Hunāt piɸanillān. Aminin hamalāhinən hamānmə. Hamān əmərən həwəncil-
lən, ēja-da əcə icərə. Mʊhərən ʊhəɸəwkigitin, aminin gəwrən hamalāhinən həgdi-
məməwə hamānmə. Hamānmə əməwrən orordu. Hamān irən ɸūlā, icərən bəjəwə
ɸūdu təgətəriwə, gūnən: „ər biɸirən ʊhəwkəndəwki“. Dolboltono ōdan, həwəncə-
kicin ipkəcillə, həwəncədən hamānmə. Əcə həwəncərə hamān gūnən: „əwa həyən-
25 cəɸər icəwɸəriwə?“ Hamān hanɸuktallan Gidäləwə: „idʊk əməcəs?“ Tar gūnən: „Bi
əməcəw ɸʊlʊɸɸuk ɸʊnnəɸuk“. Hamān gūnən: „Hi hʊrʊkəl ɸʊnnəɸɸʊləwi“. — „Bi om-
mom ili-də əmənəji“. — „Bi jənəwɸəm“, gūnən hamān.

Hʊrʊrə ɸʊktə. Ista haɣārdulā, hamān gūnən: „Hi haɣārduli hʊrʊkəkən. Gidälē
hʊrʊrən, istan dəyiwkilə, irən balagalāji, gūnən dəgiwkitki: „Dəyiwkel ɸʊtkiw“. Də-
30 yiwki dəyillən, gorowī dəkəkənim, istan ɸūlā. Dəgiwki gūnən „ihup“. Gidälē jʊrən
balagadukki, hʊrʊrən ɸūlāji. ɸūlāji istan, ɸalɪn biɸirə. ɸaldʊwī ʊlɸucəllən on girku-
naji ʊyʊlə ɸʊnnələ.

Гидало позвал всех мужчин, сказал: „Вы сделайте на птице балаган“. Те мужчины построили на птице балаган. Все, (что) предполагал увести, положили в балаган. Гидало вошел в балаган. Птица полетела.

Гидало долго летел, устал жить Гидало. В один день (однажды) остано-
10 вилась птица, сказала: „Дошли“. Остановились. Гидало обрадовался, быстро
выскочил наружу, огляделся вокруг, никого нет, только лестница стоит вверх.
Птица сказала: „По этой лестнице лезь вверх“. Мужчина полез по лестнице.
Долго лез до маленькой дыры.

Там темнота, вдруг засветилось вверху. Гидало обрадовался, „дошел“,
говоря; влезши, оглянулся вокруг, увидел дымящуюся юрту. Мужчина к юрте
15 пошел, до юрты дошел, вошел, увидел — одна женщина, один мужчина, одна
девушка живут. На вопрос Гидало они сказали: „Огонь шелкнул“. Гидало
с утра ничего не ел, есть захотел. Он увидел — на месте (для хранения посуды)
мясо лежит, он спросил поесть мяса. Они сказали: „Огонь шелкнул“. Гидало взял
мясо, до отвала наелся, в уме говоря: „Они меня не видят“. Он захотел
20 побаловаться, ткнул под пазуху девушку. Девушка сошла с ума. Отец ее пошел
за шаманом. Пришел шаман, стал шаманить, ничего не увидел. Расхворалась
больная, отец вторично отправился за большим шаманом. Шамана привез на
олене. Шаман вошел в юрту, увидел мужчину, сидящего в юрте, сказал: „Вот
причина болезни“. Настал вечер, время камлания, заставили шамана шаманить.
25 Не шаманил шаман, сказал: „К чему шаманить на то, что видно“. Шаман спро-
сил Гидало: „Откуда пришел?“ Тот сказал: „Я пришел со средней земли“. Шаман
сказал: „(Ты) уходи на свою землю“. — „Я забыл, где шел“. — „Я уведу“,
сказал шаман.

Ушли вместе. Дошли до отверстия, шаман сказал: „Вот в отверстии ма-
ленький проход“. Гидало ушел, дошел до птицы, вошел в балаган, сказал
30 птице: „Лети (унеси) домой“. Птица полетела, долго летевши, достигла дома.
Птица сказала: „Пришли“. Гидало вышел из балагана, ушел домой. Дошел до
дома, родня живет. Родне рассказал о своем походе на верхнюю землю.

40. Hēladan

Ətirikən inđārən, tunja aşāl hürilîn: ēpkalkā, ēpkalkādük bişin, Duluğu, Ācın gərbijə, taduk Nikākī. Ətirikən gūnən: „ēpkalkā müləskəl!“ — „Ətām, ođam“ — „ēpkalkādük bişin, müləskəl!“ — „Ətām, ođam“ — „Duluğu, müləskəl“ — „Ətām, ođam“ — „Acın gərbi, müləskəl!“ — „Ətām ođam“ — „Nikākī, müləskəl!“ — „Ətām, ođam“.

5 Ətirikən mənəkən şururən çukətki, umnarən. Umild'än, gurgaktaldukrı hēlvōran. „çukə, tükəl, ēpkalkāwı budađam“. çukə kaŋkıwrən. „çukə tükəl, ēpkalkādük bişiwə budađam“. çukə təlki kaŋkıwrən. „çukə tükəl, Duluğuwı budađam“. çukə təlki kaŋkıwrən. — çukə tükəl, ācınmə gərbijə budađam“. çukə təlki kaŋkıwrən. „çukə tükəl, Nikāktwı budađam“. çukə tınən.

10 Ətirikən çulāwı əmərən, gūnān: „Nikākī, çukətki şurukəl, umgəkərwi şurupkəl“. Nikākī şururən, çukədu təyəren, çukə əjəşnən, çukə şurıwran Nikākī.

Corowo əjənən, icārən togokōnmə dariski, gūnān: „çukə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāşıktā!“ çukə gūnān: „Uđaj, uđaj, ācın ānŋunaja bişim“. Nikākī togokōntiki şururən, tadu atırıkən biđərən. „İnəkə, hanŋuktarən Nikākī: „çukə minā ilə ŋənəvđərən?“ Atırıkən gūnən: „Nikajə, əkəkucim şərə, çürdigu-wəl uŋtuwuntəci, ecā şacā bisin“. Nikākī şururən çukətki. Taduk nən togokōn icāwrən, çukətki nən gūnən. „çukə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāşıktā!“ — „Uđaj, uđaj, ācın ānŋunaja bişim“: Nikākī şururən togokōntiki. Atırıkən biđərən. — „İnəkə, çukə minə ilə ŋənəvđirən?“ — „Nikajə əkəkucim şərə, ilanđəgdə-wəl uŋtuwuntəci ecā şacā birən“. Tuğanikəmi 20 nikākī ŋənəren çāndi uŋtuwuntəcipki. „çukə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāşıktā“. çukə ecə şururə. Nikākī şururən atırıkəntiki, hanŋuktarən: „İNəkə, çukə minā ilə ŋənəvđərən?“ — „Nikajə, sinə çukə ŋənəvđərən dund'a, çuŋəđaktulān; şinə köcu-

III. Кима. Чиромбу

40. Хеладан

Живет старичок, пять дочек: Эпкалькэ, после Эпкалькэ следующая, Средняя, Безымянная, потом Маленькая¹. Старик сказал: „Эпкалькэ, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „После Эпкалькэ следующая, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Средняя, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Безымянная, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Меньшая, принеси воды“. — „Нет, работаю“.

5 Старик сам ушел ко льду, попить пошел. Стал пить, бородой прилип. „Лед, отпусти меня, Эпкалькэ свою отдам“. Лед закрепился. „Лед, отпусти, после Эпкалькэ следующую отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Среднюю отдам“. Лед еще крепче закрепил. „Лед, отпусти, Безымянную отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Маленькую отдам“. Лед отпустил.

10 Старик пришел домой, сказал: „Меньшая, иди ко льду, игрушки возьми“. Маленькая ушла, на лед села, лед уплыл, лед унес Маленькую.

Долго плыла, увидала огонек в стороне, сказала: „Лед подожди, вот туда к огоньку схожу, погреюсь!“ Лед сказал: „Нет, нет у меня нет стоянки (ночлега)“. Маленькая ушла к огоньку, там старуха живет. „Бабушка“, спросила маленькая: 15 „куда меня лед несет?“ Старуха сказала: „Меньшенькая, никак не знаю, может быть, двухбубенная знает“. Маленькая пошла ко льду. Потом опять огонек показался, льду опять сказала: „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь“. — „Нет, нет, без ночлега (я)“. Маленькая пошла к огню. Старуха живет. „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, не могу знать, может 20 быть, трехбубенная знает“. Таким образом Маленькая дошла до десятибубенной. „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь!“ Лед не пошел. Маленькая пошла к старухе, спросила: „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, тебя лед несет в центр (в конечный пункт) земли (шаманской), тебя лед

¹ Имена дочек даны по названиям пальцев.

сидан дүкә. Nikā әнәкәкән әтәшилд'ә". Atırıkān bürān dūrwa şilgiwur. „Nikā, әрилди тургурмишнданд'ә дүнд'әтк'ә". Nikā tukuran. дүкә ikәлд'ән:

25	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, diräkәcār, dirälәdqәkitkār“.	„Ә.әм әтәшилд'ә, būnil şәkşәpiltin dәwәkşәkәtcәрә“.
30	„Әтәм әтәшилд ә, bәјәl hojomiltin diräkәtcәmirә“.	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, kәdәрәkār kәdәlәdqәkitkār“
35	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, әgәkōcār әgәlōdqokitkār“	„Әтәм әтәшилд'ә, būnil şәgdәnd'әnjiltin kәdәрәkәtсәрә“
40	„Әтәм әтәшилд'ә, būnil nujūmiltin әgәkōtcomirә“	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, çucukәcәр çuculәdqәkitkār“.
45	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, jәnd'әgikār jәnd'әgilәdqәkitc“.	„Әтәм әтәшилд'ә, būnil şağal'añiltin çucukәtсәmirә“.
	„Әтәм әтәшилд'ә, būnil amumiltin“.	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, buruškәcәр buruşlәdqәkitkār“.
	amukōtcomira	„Әтәм әтәшилд'ә, būnil hağdıñiltin buruškәtсәmirә“.
	„Hēladan, Hēladan, әтәшкәл, әтәшкәл әјәк, dәwәkşәkār dәwәlәdqәkitkār“.	

обманет. Меньшая, никак не оглядывайся". Старуха дала два шила. „Меньшая, этими зацепишься за землю". Меньшая полезла. Лед запел:

25	„Хеладан, Хеладан ¹ ; оглянись, оглянись вниз, камень для растирания (красок), камень виднеется“.	„Не стану оглядываться, кровь мертвецов краснеет краской“.
30	„Не стану оглядываться, лбы людские камнем кажутся“.	Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, кожемалки, кожемалки виднеются“.
35	„Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, брусочки (точила), брусочки виднеются“.	„Не стану оглядываться, мертвецов хребты мялками кажутся“.
40	„Не стану оглядываться, голени мертвецов брусочками кажутся“.	„Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, скребки (для соска- бливания мездры), скребки виднеются“.
45	„Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, черная краска чернеется“.	„Не стану оглядываться, мертвецов дыры в тазовых костях скребками кажутся“.
	„Не стану оглядываться, мертвецов кал чернеется краской“.	„Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, брусочки (точила), брусочки виднеются“.
	„Хеладан, Хеладан, оглянись, оглянись вниз, красная краска краснеется“.	„Не стану оглядываться мертвецов лодыжки брусочками кажутся“.

¹ Хеладан — имя девушки, которое она получила после того, как отделилась от льда.

50

„Hēladan, Hēladan,
ətəškəl, ətəškəl
əjək, tiyəkəcər
tiyələdəkitkər“.

„Hēladan, Hēladan,
ətəškəl, ətəškəl
əjək, nəkəkəcər
nəkələdəkitkər“.

55

„Ətəm ətəşildə
būnil old'oyultin
tiyəkətcəmirə“

„Ətəm ətəşildə,
būnil aruyultin
nəkəkətcəmirə“.

Hēladan şururən, nənərən nəməndəjalä. Əvəj gūnən. „Minə wəkəl təlgətəl;
mēwanmāw əşinmukəl mänduwı, boşoktolnōw — maluduwi, hognoōw, kəriməkwa
əşinmukəl bargidālı, ıktawāw uŋkuđänd'i nırekāndı, şıluktalwāw lokokol oşonordu,
60 dilwāw əşinmukəl malugidāduwi“. Hēladan wārən əvəjwə, on nuŋan gūcān, upkatpa
ōran. Tımaltaŋa Hēladan mēld'ān, bargidātki icāşnən — ətirikən, atirikān ādərə, ma-
lutkiwi icāşnaŋ dūr kuŋakār əwiqərə, malugidādun ətirikən ādərən, tuligidādun
kicuriqərə oror. Nırukān qalum ororqı. Jūrān qūdukwi, oşonordu uşıl lokucaqarā.
Ororwo tāluwrān, ilild'ən, erundıwi ororwo. Nuŋartin ənnərə dəgdərə — cicirgünrə.
65 Tāduk upkatpı eruktin ənnərə dəgdərə nılawān. Hēladan bakaran hıluŋkıtken ərildin-
də oron, tarı dəgdəktəld'ən erunmān. Tādu usiwrān, ugrān, şururən. Huktıwrān,
huktıwrān ikəndərıl əwənkılwə işşan. qūkanputin lupumrāk huktıwrān, qawaşcara
əwənkıl amandıra. qānmə qūgil lupumrāk nənərən, qāgidutin qawara nuŋanmān.
Hēladan qawawmı, ikəld'ən:

70

Mēwanıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
boşonıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
hognonıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
kurımkacakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
dilmikānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
75 ıktajakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
şıluktajakārduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın.

75

50

„Хеладан, Хеладан,
оглянься, оглянься
вниз, чашки,
чашки виднеются“.

„Не стану оглядываться,
55 мертвецов черепа
чашками кажутся“.

„Хеладан, Хеладан,
оглянься, оглянься
вниз, огниво,
огниво виднеется“.

„Не стану оглядываться,
60 мертвецов предплечья
огнивом кажутся“.

55

Хеладан ушла, пошла к медведю. Медведь сказал: „Меня убей, освежуй,
сердце мое положи спать с собой, почки на священное место в юрте, двена-
дцатиперстную кишку, прямую кишку напротив, шерсть высыпи в сухую ямку,
60 тонкие кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать за
священным местом в юрте“. Хеладан убила медведя, так, как он говорил, все
сделала. Утром Хеладан проснулась, увидала, напротив старик, старуха спят,
на священном месте двое детей играют, за этим местом старик спит, снаружи
бродят олени. Ямка полна оленей. Выскочила из юрты, на сухом дереве узды
висят. Собрала оленей, стала пробовать предплечьем (нажимая) оленей. Они
65 не выдерживают, падают. Все плохое не могли выдержать ее руки. Хеладан
нашла маленького такого оленя, тот выдержал нажимание предплечьем. Тогда же
обуздала, села верхом, ушла. Бежала, бежала, дошла до поющих эвенков.
Через их юрту пробежала, эвенки быстро схватить не успели. Десять юрт
перебежала, на десятой ее поймали. Поймавшись, Хеладан запела:

70 От сердца медведя зачем отошла
От почек медведя зачем отошла
От двенадцатиперстной кишки медведя зачем отошла
От прямой кишки медведя зачем отошла
От головы медведя зачем отошла
75 От шерсти медведя зачем отошла
От кишек медведя зачем отошла

75

41. Kərändə, Upanı

Əwənkil ikənkətciqkitin inəjilwə dolboltonoknonın. Umükən atrikān bicən. Nuḡā döldrān Kərändə igwən. „Nikājə, ətəgnəkəld'ı ikəndəmi dolbotonorokın, haşajə ēkukākungan için idərān“. Kuḡākār gundirā: „inəḡuşu!“ amgalın nınakır nōḡajan tər-kəld'ə uləkkitcəriwə.

5 Əwənkil ənnərə təḡərə inəkəwər. Kərändə əmərən ikənimnişalwə əwənkilwə nimgərən. Atrikān kalandıwi kumtirən, umükən şulapcən.

İşnān, ucuniki nuḡan ḡalildāran, girkuḡidāwi hargıldulı. Şururān hargiltikī, horokilwa icārān dəgilḡəktuwər amuna. Horokil amunmatin gadan, ḡulāwi əməwrān. Əmkədu bərən əmucild'ən, əmutt'ən, əmutt'ən, horokī amunun hiltərgərən. Atrikān inən nəḡnəkənən.

10 Nəḡnə nıḡnakil əmərə. Atrikān şururān bıra ḡapkalān, nıḡnakilwə ilbərān. İlḡəḡktuwı amunma bakaran, gadan, ḡulāwi əməwrān, əmkədu bərən, əmucild'ən. Əmutt'ən, əmutt'ən, nıḡnakil amunun icərgəld'ən. İcərgəlukān ödākin, təlkiəkən əmucild'ən, ilidutin inəḡil hawalikān ödan. Hawalikān ömī wəḡuşild'ən Kərändəwə.

15 Bakaran cinəkəwə, əməwrən inəkətkiwi: „inəkə, əri ḡəwḡəcə akijawı?“ — „Nikājə əşān, ər buḡa cıpkatkānın, ḡənəpkəl idu bicən, tādı tikəl“. Upanı şururān ḡawaḡaktikī, tınən. ḡawarān hinukıwə, əməwrən inəkətkiwi: „inə, ər ḡəwḡəcə akijawı?“ — „Nikājə, əşān, ər buḡa cıpkānın, tikəl, idu bicən“. Upanı şururān ḡawaḡaktikıwi, puḡawə ḡawarān, əntitikiwi əməwrən — „inə, ər ḡəwḡəcə akijawı?“ — „Nikājə, əşin, ər buḡa cıpkānın“. Nuḡan əməwrən amaşki, nıməwə ḡawarān. Tādık əlşwutın cıpkār əməwuşşān inəkəlwi, wəḡunmə əməwrən, mōtiwə, tādık amikānma əməwrən. Əlşwutın, inəkən ḡənəwkənən amaski. İnəkən ḡünən: „Ər buḡa cıpkācın, aknilwəş ḡəwḡəcə uḡili şırucən“.

Ш. Кима. Чиромбу

41. Корэндо, Уньяны¹

Эвенки пели и плясали весь день (и) ночь напролет. Одна старуха была. Она услышала шум Корэндо. „Малыши, прекратите плясать во время ночи, страшно, какой-то шум слышен“. Дети сказали: „Лгунья“, в рот ее собачий помет всунули обманувшей.

5 Эвенки не поверили бабке. Пришел Корэндо, пляшущих эвенков проглотил. Старуха котлом покрылась, одна осталась.

Жила, с тоски она подумала пойти в ближайший лес. Пошла в лес, тетерева увидела, на месте (сидения птицы) помет. Помет тетеревов взяла, принесла домой. В люльку положила, стала качать, качала, качала, помет тетерева развалился.

10 Старуха жила до самой весны.

Весною гуси пришли. Старуха пошла на берег реки, гусей испугала. На месте, где испугала, помет нашла, взяла, домой принесла, в люльку положила, стала качать. Качала, качала, гусиный помет запищал. Когда стал пищать, сильнее закачала, на третий день стал ходить (человек из помета). Научившись ходить, стал промышлять Корэндо. Нашел шипелку (пташку), принес бабушке. „Бабушка, эта съела старших?“ Бабушка сказала: „Малыш, нет, это божий зверь, снеси где был, там отпусти“. Уньяны отнес на место, (где поймал) отпустил. Уньяны поймал рябчика, принес бабушке. „Мама, эта съела дядю?“ — „Малыш, нет, это божий зверь, отпусти, где был“. Уньяны отнес на место, (где поймал) пальника поймал, принес матери. „Мама, эта съела дядю?“ — „Малыш, нет, это божий зверь“. Он отнес обратно, глухаря поймал. Потом всех зверей перетаскал, бабушке дикого оленя принес, сохатого, потом медведя принес. Всех бабушка заставляла относить обратно. Бабушка сказала: „Этот божий зверь, съевший твоих старших братьев, ушел вверх“.

¹ Корэндо — злой шаман, Уньяны — добрый герой, мстящий Корэндо.

Уңани тавицилд'ән ашәкилва. Тавицсан, дәгилән оҗан, иңәкәви һангүктаран: „илә
25 Кәрәндә орокиндүли гәнәҗкин?“ — „Никаҗә, уҗумәрдүли“. Уңани ашәкилви һәгдиуррән,
нән дәгилд'ән, һангүктарән: „илә Кәрәндә орокиндүли гәнәҗкин?“ — „Әҗин, һәтәвәлнүн“
Нән нуңан һәгдиуррән ашәкилви, дәгилд'ән Кәрәндә дәкәтпән уҗумәри. иңәкә гүнән:
„Ника, Кәрәндә һәргилитмәр дәккисән“.

Уңани дәгилд'ән Кәрәндә уҗәлин. Иҗсан Кәрәндә ашлән. Уңани икәлд'ән:

30 „Ükәk, ükәk, uҗukәk ашүкинма дөлаҗилн,
Кәрәндүкин дөлаҗилн, Кәрәндүкин дөлаҗилн?“

Ükәk гүҗән:

әл шикән никән һәшүцинд'ә,
тикән никән винә“.

35 Уңани дөшчаран, Кәрәндә дөлакитан һалкагарән. Нән дәгилд'ән, иҗсан гәвән
ашүвән Чүчүнкәкрә.

„Чүчүнкәк! Чүчүнкәк, Чүчүҗүнкәк! ашүкинма дөлаҗилн,
Кәрәндүкин дөлаҗилн Кәрәндүкин дөлаҗилн?“

40 „ә, шикән, никән һәшүцинд'ә
тикән никән винә“.

Уңани дәгилд'ән илтикин тәгәлгәндүлә Кәдәрәктүлә.

„Кәдәрәк, Кәдәрәк, Кәдәрәгәк! ашүкинма дөлаҗилн,
Кәрәндүкин дөлаҗилн Кәрәндүкин дөлаҗилн?“

45 „ә, шикән, никән, һәшүцинд'ә
тикән никән винә“.

Уньяны стал ковать свои (для себя) крылья. Выковал, сделался способным
25 летать, спросил свою бабушку: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ —
„Малыш, чуть повыше“. Уньяны увеличил крылья свои, опять полетел, спро-
сил: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ — „Нет, чуть повыше“.
Опять он увеличил крылья свои, полетел выше полета Корэндо. „Бабушка ска-
зала: „Малыш, Корэндо ниже летал“.

Уньяны полетел по следам Корэндо. Достиг до жены Корэндо. Уньяны запел:

30 „Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

Скребок (собственное имя жены) сказала:

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

35 Уньяны спустился, сломал место посадки Корэндо. Опять полетел, достиг
до другой жены до Скребка.

„Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

40 „Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к третьей сиделке (нарицател. назв. для жены) к Мялке.

„Мялка, Мялка, Мялочка! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

45 „Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уңани дэгилдән сәшкә digintikün нүлгилән Äгәнкәк.

„Äгәнкәк, Äгәнкәк, Äгәнгәнкәк!
Кәрәндүкин дөлаһилн ашукнма дөлаһилн?“

„ē, šikән, nikән, hәšucindәi
tikән nikән binә“.

Уңани дэгилдән Бүрүшкәкдүлә.

„Бүрүшкәк! Бүрүшкәк, Бүрүшгәкәк!
Кәрәндүкин дөлаһилн ашукнма дөлаһилн?“

„ē, šikән, nikән hәšucindәi
tikән nikән binә“.

Уңани дэгилдән Šidinkәкдүлә, täduk Agakәкдүлә. Уңани ишсан Кәрәндәлә. Кәрәндә
қәвдәрән әвәнkilwә. Уңани ikәлдән:

„Кәрәндә! Кәрәндә! Кәрәнгәндә
Кәрәнгәндә ширәкүлwур гәгдumәtkät!
Әһin lämu үһүрәндүн ширәкүлwур“.

„Уңани! Уңани! Уңани!
Әкәл-кән! әкәгәл-кән!
қәвдәм-кән, қәвдәгәм-күн!

„әdu қәвдәрүнә?
akijali, әkijәli kәrәmәdү bišim“.

„Уңани! Уңани әкәл-кән! әкәл-кән
hәrgišun! hәrgigišun
harukaškәkun bišim, bigišim“.

„Кәрәндә! Кәрәндә!
Әkun harunıdan?
akijali, әkijәli kәrәmәdү bišim“.

Уньяны улетел дальше к четвертой кочевке (нариц. назв. жены) к Игольнику.

„Игольник, Игольник, Игольничек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его

„Әх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Брусочку.

„Брусок, Брусок, Брусочек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его,

„Әх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Скребку (для выскабливания шерсти), потом к Футляру
(от наперстка). Уньяны достиг Корэндо. Корэндо съел эвенков. Уньяны запел:

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Корэндо! давай крыльями посостязаемся
Над серединой матери моря, крыльями“.

„Уньяны! Уньяны! Уньяны!
Подожди! Подожди!
Поем-ка, поем-ка!“

„К чему поешь?
За старших братьев, сестер мшу я“.
Уньяны! Уньяны, подожди, подожди!
Пониже, понижe,
Голова кружится (у меня)“.

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мшу я“.

Кәрәндә дөгилд'ән. Әргәктүлд'ә. Уңани Кәрәндә һүкитәwән һүкларан ширәкүтпi.
Әwәнкiл һүкитәдүкин жүрә, һältин инәкир, һältин вүцәл.
Уңани икәмәсцилд'ән Кәрәнду Әркәлкинунин.

75 „Кәрәндә Әркәгәлкин
ширәкүлwур гөгдүмәткә(t)
әңи ләму үңүрәдүн“.
„Уңани, Уңагам! әкәл-кән!
80 Әкәл-кән! әкәгәл-кән!
дәвдәм-кән! дәвдәгәм-кән“.
„Кәрәндә Әркәгәлкин
әду дәвдәпүнд'ә?
актjәли, әкijәли кәрәмәду бишим“.
„Уңани, Уңани, Уңагани!
85 һәргишун; һәргигишун
һарүкәшкәкун бишим! биғишим“.
„Кәрәндә Әркәгәлкин
Әкун һарунигидин?
актjәли, әкijәли кәрәмәду бишим“.

90 Әркәлки дөгилд'ән ләмуду әргәшнә. Уңани һүкитәwән һүктаран ширәкүтпi. Әwәнкiл
һүкитәдүкин жүрә, һältин инәкир, һältин вүцәл. Әлкә Кәрәндә һүрiлин дүрнүн Уңани
икәмәсцилд'ән, дөгимәсцилд'ән, тун-мәл һүктанәрән һүкитәwәтин, тiнән әwәнкiлwә.
Тәдук Уңани дөгилд'ән Кәрәндә ашәлдуһин. Икәлд'ән:

95 „Бүрүшкәк! Бүрүшкәк Бүрүшгәкәк!
Кәрәндәкүнмәгәшун
дәкүсәр, дәкүсәр
төгәтәнүкәгәнмү
шөмцангәмәгәшун
әңи ләму үңүрәндүн“.

Корэндо полетел. Стали кругами летать. Уньяны распорол крылом своим
брюхо Корэндо. Эвенки из брюха его вышли частично живые, частично мерт-
вые. Уньяны стал петь с Первенцом (собственное имя) Корэндо (состязаться
в пении).

75 „Первенец Корэндо,
Маховыми крыльями померяемся
Над серединой матери моря“.
„Уньяны! Уньяны, подожди,
Подожди, подожди,
80 Поем-ка! поем-ка!“
„Первенец Корэндо,
К чему поешь?
За старших братьев, сестер мшу я“.
„Уньяны! Уньяны! Уньяганы!
85 Пониже, понижее,
Головокружение у меня!“
„Первенец Корэндо,
Что за головокружение?
90 За старших братьев, сестер мшу я“.

90 Первенец улетел, спустившись к морю. Уньяны распорол брюхо крылом.
Эвенки из брюха вышли, частью живые, частью мертвые. Еще с двумя сы-
новьями Корэндо пел Уньяны, состязался в полете; также прободал брюшины
их, освободил эвенков.

Потом Уньяны полетел к женам Корэндо. Стал петь:

95 „Брусок! Брусок! Брусочек!
Вашего Корэндо
Добыли, добыли,
Много народов
Проглотившего
Над самой серединой моря“.

42. Gurıwul

- Bəje nəlğışnan, nəküdu ırədu dütald'an. Hütən nəlğışındəktü omgorən əmgəkərwi, anğüktald'an: „Əmgəkərwi İdu?“ Əkinin gүнən: „Ođam!“ Təduk anğüktald'an nəkünmi: „Əmgəkərwi İdu?“ — „Ođam! ɸand'ı¹ şacā birə“. ɸand'ınu anğüktald'an: „Əmgəkərwi İdu?“ — „uŋkucən amarındun.“ Hütən, ororwi ɸawaran dagaptukcāwi uɸucakki, ninakinmi, amaşki şururən. Dəgrən brawa, amarintiki gəlnərən əmgəkərwi. Əmgəkərwi işcanakən, icārən nāmənd'əjəwə. Nāmənd'əjə əwiɸərən, hikənduwi şurukəcipkəndiri. Asātkan icəmi, ɸikild'an. Nāmənd'ı gүнən: „Ası uɸucakiş nı gərbin?“ — „Kökcağda“. — „Aya! ɸa-ha-ha! Nāmənd'ı injəktərən: „kökcamatın-ɸu şulapcān! ninakind'ı ni gərbin?“ — „Comcondı“ — „Aya! ɸa-ha-ha! comcomotın-ɸu şulapcān“.
- 10 Amikən ɸawarən asıwa, həkərən, uɸucakpən mödu igdərən, ninakinma mödu uɸıran. Ədu hata niptəl oran. Asātkan gүнən: „Bəje, amijamı, ənişəmi əŋkijətin amumilduk, cikə milduk niptilərə, umirilə ɸawulmi“. Amikən caskı şururən, tälə nən şukədərən.
- 15 Aşātkan nən gūrən: „Amijamı, ənişəmi əŋkijətin amumilduk, cikə milduk niptilərə, umirilə ɸawulmi“. Amikən şururən əşi-də İrə, gorokökun.
- Dəgrə hijındil. Aşātkan gүнən: „Hijındil, minə tikəld'ə, tikəkişun umirı şəkşədin həwiɸəm“. Hijındil buɸurə tişcərə tişcərə (şəwişcərə), albara şubqamı, amgawal ɸəl-ɸitşə. Tədukwi nuɸarŋılın amgalın ɸəlɸiləna.
- 20 Təduk şulakı əmərən. Aşātkan gүнən: „şulakı minə tikəl, tinəkiş irgəwəş cüşcəgəm“. Şulakı tinən, aşātkan uɸucakıtu uɸran, hıktiwuşnən. Şulakı alacıld'an amikənma. Amikən əmərən şulakıwa tırəld'an, şoŋoɸonə güld'an: „şulakı, əda

Ш. Кильтыно. Чиромбу

42. Гуривуль

- Человек кочевал, на высокой горе остановился. Дочь его на месте кочевки забыла бабки, спросила: „Бабки (игрушки) где?“ Старшая сестра ответила: „Работаю!“ Потом спросила младшего брата: „Где бабки?“ — „Работаю! остяк наверное знает“. Спросила у остяка: „Где бабки?“ — „Высыпал позади“. Дочь оленей поймала, ближайшего верхового, собаку, пошла обратно. Перешла реку, обратно пошла принести бабки. Когда до бабок дошла, увидела медведя. Медведь играет бабками, на груди перекаत्याющий. Девочка, увидевши, испугалась. Медведь сказал: „Женщина, как имя верхового оленя?“ — „Копытный“. — „А-ха! ха!-ха!“ Медведь засмеялся. „Копытный ли остался! Как имя собаки?“ — „Маленький палец“. — „А-ха!-ха!-ха! пальцем остался“.
- 10 Медведь схватил женщину, связал, верхового оленя привязал к дереву, собаку к дереву привязал. Здесь вблизи подстилку сделал. Девочка сказала: „Человек, мой покойный отец, моя покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел дальше, далеко слышны удары топора. Девочка опять сказала: „Человек, мой покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел дальше, там опять рубил топором. Девочка опять сказала: „Покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел далеко, (так что) не слышно стало.
- 15 Прилетели свищи. Девочка сказала: „Свищи, освободите меня; когда освободите, угощу кровью важенки“. Свищи (клевты) упали (спустились), развязывали, развязывали, не могли развязать, рты (клювы) свои изогнули. С тех пор их клювы изогнуты.
- 20 Потом лисица пришла. Девочка сказала: „Лисица, освободи меня; когда освободишь, хвост твой раскрашу“. Лисица освободила, девочка села верхом на верхового оленя, убежала. Лисица стала ждать медведя. Медведь пришел, стал ругать лисицу, плача, сказал: „Лисица, зачем

¹ Название для всех соседей (остяков, кетов, селькупов) у сымских эвенков.

tinēnd'i dāwulādarīwā? — „Amākā, minē dēpkal! Halgarduwi niptakal minē, šukādākāl“. Šulakī amikān halgarduwi šukādārēn, šulakī adayarān. Amikān halganmī
25 šukādārēn, halgan umanīn šulgimtild'ēn, dāwuld'ān. Cinākāl dalgald'ā. Amikān turald'ēn cinākāl, šoņođonē: „hi-i-i-i, cinākəņəšəš, šu-də dāwulhətpišun halgarwar“. Šulakī mīsārān. Ərdulē šulakī irgi mudanīn colko, amikān umanīn ācin.

Amikān šururān, hunātpa ūdalin ašaşnan. Asātkān űnērēn, amtīlīn nūlgisicēl, wīrawa dākcāl. Nuņan ənld'ān: „Amā, minē dagupcuškal“. Amīnīn dāduwi gūnān:
30 „Nikāja ēkunđi šoņojo ōdan, amaški-wal mucuyīkātmi?“ — „Əņē dagupcuškal“. — „Nikāktja, ēkunđi šoņonojo ōdan amaški-wal mucuyīkatmi?“ — „Akā dagupcuškal!“ — „Nəkūjət, ēkunđi šoņojo ōdan amaškiwi mucuyīkātmi?“ — „Əkē dagupcuškal!“ — „Nəkūjə, ēkunđi šoņojo ōdan mucuyīkātmi?“.

Nikākt ikēld'ēn:

35 „Dəkujə, űəkujə
ulšakal, ulšakal!
amījawāw, əņijəwəw,
aktījawāw, əktijəwəw
ulšakal! ulšakal!“

40 Tādu dand'īn bicēn. dand'īn gūnēn: „Dəkə əkəl-kēn!“ Ipkēcēmətiw koltoncōn. Dəku ulšaşnan əntilwēn, aknīlwān turērēn. dand'un daguwran ipkēcēnduwi ašātkānmē. Amikān əmērēn anjūktald'ān: „aši ilē dōkcās?“ Aši ikēld'ēn:

„Əđikīwə, šolokīwə,
əđikīwə, šolokīwə“.

45 Amikān űan anjūktald'ān: „Aši ilē dōkcās?“
— „Əđikīwə, šolokīwə,
əđikīwə, šolokīwə“.

отпустила ту, которую собирался свежевать“. — „Дедушка, съешь меня! Положи меня на ноги свои, ударь топором“. Медведь ударил лисицу на коленях
25 своих. Лисица увернулась. Медведь рубнул (топором) свою ногу, мозг из ноги стал черпать (черпаком), стал есть. Птички стали дразнить. Медведь, плача, начал ругать птичек: „Хи-и-и, худые птички, вы бы свои ноги поели“. Лисица скрылась. С этих пор кончик лисьего хвоста белый, у медведя нет костного мозга.

Медведь ушел, пошел по следу девочки. Девочка шла, родители ее откочевали, перешли реку. Она стала кричать: „Папа, перевези меня (через реку)“.

30 Отец ее в доме (сидя) сказал: „Меньшая, с чего (это) плаксою стала на обратном пути?“ — „Мама, перевези!“ — „Меньшая, отчего плаксою стала на обратном пути?“ — „Дядя, перевези!“ — „Меньшая, отчего плаксою стала на обратном пути?“ — „Тетья, перевези!“ — „Меньшая, что плаксою стала на обратном пути?“

Меньшая (мизинец) запела:

35 „Скала, скала (гора, гора),
сползи, сползи.
Отца моего, мать мою,
дядю моего, тетку мою
раздави, раздави“.

40 Там жил остяк. Остяк сказал: „Скала (гора), подожди“. Вырубил (материал для деревянного) черпак(а). Гора сползла, родителей ее, старших братьев (и дядей) раздавила. Остяк перевез в черпаке девочку.

Пришел медведь, стал спрашивать: „Женщина, где перешла?“ Женщина запела:

„Пониже, повыше,
пониже, повыше“.

45 Медведь опять спросил: „Женщина, где перешла?“

„Пониже, повыше,
пониже, повыше“.

Гаҫал дэгдərə.

70 „Гаҫал, гаҫал
minə dəgdəpkəldʳə,
ɟandʳun minə mōlcətcırən“.

Гаҫал əgurwəpturwəl iʃuʃıldʳə, burə.
Aʃətkən dəgildʳən. ɟandʳun ikəldʳən:

75 „Nəkūjə, nəkūjə,
burəkəl! burəkəl!
Bururəkiʃ, oɟam
ɟargaja oɟam“.

80 „Ətəm-lən bururə
nən-dā: mūlcəcilkəl,
mūñiləw-də uñkucilkəl.
əkon ʃəgdəndʳədun
ɟargaltuja biɟam“

85 — „Nəkūjə, nəkūjə,
burəkəl, burəkəl!
Bururəkiʃ, oɟam
dərvəkijə oɟam“.

80 „Ətəm-lən bururə
nən-dā: mūlcəcilkəl,
mūñiləw-də uñkucilkəl.
əkon horocəndu
dərvəkiltun biɟam“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burəkəl! burəkəl!
Bururəkiʃ, oɟam
dətəldʳəs oɟam“.

— „Ətəm-lən bururə,
nən-dā: mūlcəcilkəl,
mūñiləw-də uñkucilkəl.
əkon nuñicəndu
dətəkəltun biɟam“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burəkəl! burəkəl!
Bururəkiʃ oɟam
nəlijəstə oɟam“.

— „Ətəm-lən bururə,
nən-dā mūlcəcilkəl,
mūñiləw-də uñkucilkəl.
əkon hikəcənduw
nəlliltujə biɟam“.

— „Nəkūjə, Nəkūjə,
burəkəl! burəkəl!
Bururəkiʃ oɟam
latakaja oɟam“.

— „Ətəm-lən bururə.
əkun nuñiktədu
latakəltun biɟam“.

Гаша прилетели.

70 „Гаша, гаша,
меня подымите,
остяк меня обижает“.

Гаша выдернули средние перья
из крыльев, дали. Девочка улетела.
Остяк запел:

75 „Меньшая, меньшая,
упади, упади!
Если упадешь, сделаю
новое платье сделаю!“

80 — „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на спине
в новом платье буду“.

85 — „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нарядную шапку сделаю“.

90 — „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на маковке
в нарядной шапке буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
ноговицы сделаю!“

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на голених
в ноговицах буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нагрудник сделаю!“

— „Не стану падать,
Опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на груди
в нагруднике буду“.

— „Меньшая, меньшая
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
затылочное украшение сделаю!“

— „Не стану падать.
Для чего на волосах
в украшении буду“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
vurukəl! vurukəl!
Bürürəkiş ođam
hand'ija ođam“.

— „Ətəm-lən bürürə.
əkon vokucöndü
hand'intujan biđam“.

95

100

105

110

115

Aşatkan dægild'ən, dægild'ən, bürürən. Atrikān ırkəduñ cürənün. Atrikān gūnən:
„Nikājə, əmakākücünd'i? minñi hüriləi dəwukurə“. — „đajakal niñə“, aşatkān gūnən.
„əduwi-ka đajamı? hand'ıduwi?“ — „Əşin, nəgdikān!“ — „Tələgiduwi?“ — „Əşin, nəgdi“ —
„Hərkiđuwi?“ — „Nəgdi“. — „Agaduwi?“ — „Kəl agaduwi đajakal“.

Dolboltono hürilīn əmədirə. Əmərə dülāwi, amtara. „ön-ka nəđərən, iñə?“ — „Tikən,
tələgikəmiwi tiləndəcəw“. — „Əşin, əşin, tələgıwaştə şərəw“. — „Hand'ikānmi tiləndə-
cəw“. — „Əşin, əşin, hand'ıwasta şərəw“. — „Hərkiđəmiwi tiləndəcəw“. — „Əşin, əşin hərki-
wəstə şərəw. Fa! fa! fa! əkun-ka nəđərən?“ Atrikān gūnən: „Nikājə añađakāmikākən
əməcən“. — „əwuna-ka đajukātəcənd'i? əməpkəl đawuwun“. — „Nikā, ilptınəşin nəkəđəm“.

Tadıuk hürilīn hanñuktamətcərə: „ilptıntəđəp“. Upkac güşild'ə: „ilptıntagā“. Aşınə.
Timaltanə təgərə, nən ijəcild'ə, dəwdəwər. Atrikān gūnən: „Nikā, bürüptıntakald'ı“. Nən
hanñuktaməcild'ə: „ilə, bürüptıntəjəp?“ Şagdagā gūnən: „Bürüptintəgə“. Şururə
hürilīn. Añađakān gūnən: „iñə, minə tikəl! okin-mal cürəşcin“. Tīnən atrikān. Də-
gild'ən aşatkān, gaşa-gaşal tıđalıtın, gaşagalwa bokonən, umiriwa ajcəl. Añađakān ikəld'ən:

„gəşäl! gəşäl!
gəşäl! gəşäl!
dəwdəpcəjal bişiş,
bürüptinəttıwər,
ilptınəttıwər“.

„Əkun-ka tar öran?“ gaşal gūnə. Nikākı gūnən: „Bi umiri şuwınmən əwum“. — Əşin,
bi ıyiskı döld'ım“. icəcild'ə ıyiskı, icərə dəgdəriwə, güld'ə: „iñənəşukəkün, ticəl“

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
бахрому (на хорьках) сделаю“.

— „Не стану падать.
Для чего на лонном сое-
динений
в бахроме буду“.

95

100

105

110

115

Девочка улетела, полетела, упала. У двери старухи упала. Старуха ска-
зала: „Малышка, каким образом пришла? Мои сыновья съедят (тебя)“. — „Спрячь
меня“, сказала девочка. — „Куда же спрятать? в бахрому от хорьков?“ — „Нет,
вонюче!“ — „В опояску хорьков?“ — „Нет, вонюче!“ — „В хорьки?“ — „Вонюче!“ —
„В игольник?“ — „Ну, в игольник спрячь“.

Вечером пришли сыновья ее. Пришли домой, понюхали. „Чем-то пахнет,
мама?“ — „Так от опояски (моей) вшей искала (вшами пахнет)“. — „Нет, нет,
(запах) опояски знаем“. — „От бахромы (от хорьков) пахнет“. — „Нет, нет, (запах)
хорьков знаем. Фа! фа! фа! Чем-то воняет“. Старуха сказала: „Маленькая сиротинка
пришла“. — „Для чего прячешь, дай (мы) съедим“. — „Малыш, на восходе дам“.

Потом сыновья между собою посоветовались: „На восходе съедим“. Все
договорились: „На восходе съедим“. Заснули. Утром встали, опять стали просить
съесть. Старуха сказала: „Меньшой, на закате съешьте“. Опять стали совето-
ваться: „Где на закате съедим?“ Старший сказал: „На закате съедим“. Ушли
сыновья. Сирота сказала: „Мама, меня выпусти, когда-нибудь упаду (спущусь)“.
Отпустила старуха. Улетела девочка по следу гаша, нагнала гаша, добывших ва-
женку. Сиротка запела:

„Гаша, гаша!
Гаша, гаша!
Съели
на закате,
на восходе“.

„Что там случилось?“ сказал гаша. Младший сказал: „Я сломал
важенки маленькое ребро“. — „Нет, я сверху слышу“. Посмотрели вверх,
увидали летящую, сказали: „Мама-мертвец (ругательное слово), выпустила.“

мусуми фəвдəр нуҗанман“. Ганəцилдə ұҗиски, никəдук гəҗəwirəн нəкəwəн. Ашаткəн дəгилдəн, тəлə Гуривул ичərəн дəгдəриwə. Гуривул икəлдəн, бурұдəн:

120 „Ашја! ашја!
бурұкəl, бурұкəl,
бурұрəкиш, одам
нəкүҗə одам
дүрқи бакшатаричи“.

125 — „Əтəм-лən бурұрə
гəшə-гəшəl
бурұптинтин бишим,
илптинтин бишим,
гəҗəwұнтин бишим,
130 гəшəгал əтərə
шларə, дүрқи-wəl
бакшаврəкиш“.

— „Ашја! ашја!
бурұкəl, бурұкəl,
135 бурұрəкиш одам
нəкүҗəwə одам,
иланди бакшатаричи“.

Гуривул горowo икəдəсəн, асəткəн əмүдəсəн бурұдəми.

140 — „Ашја! Ашја!
бурұкəl, бурұкəl,
бурұрəкиш, одам
нəкүҗəwə одам
дəнқи бакшатаричи“.

Аңадакəн тəли бурұрəн.

вернувшись съедим ее“. Стали стрелять вверх, ранили плечо крыла. Девочка улётела, там Гуривуль увидел летящую. Гуривуль запел, чтобы упала (она):

120 „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на двух подставках“.

125 — „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
130 гаша не оставят
на трех подставках лабаз“.

— „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на четырех подставках“.

135 — „Не стану падать.
Гаша, гашами
на восходе
на закате (буду съедена, раненая)
на четырех подставках если
сделаешь,
гаша не оставят“.

Гуривуль долго пел, девочка не хотела падать.

140 „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на десяти подставках“.

Сирота тогда упала.

145 Guriwul ašilārān. Iian anjanil inən, hütətin bišin umükən. Guriwul wəjürən. Gəşə-gəşäl əmərə. Guriwul ašin purcawa uŋkürən irəkşədu, gəşə-gəşäl dəwuldə, oronmı umirıwə wəren aşı, nimrəđin hütəwi ŋükətəwən, şenmān ucişinqən, şoŋoldön. „Kuŋakān ekunđi şoŋojo ödan, aknıl-wal əmərəktin. Ekunđi amultana ödan?“ Şurıwren hütəwi taşiqənərən amurwal, nəkılı tuktran hütənün, tuktiwunma tənən məntikiwi.

150 Kiŋnərwan döldirä gəşə-gəşäl. Tukşaşna, həgildə iktəldiwər nəkü bakşalwān. Guriwul aşı ikəldən:

„Guriwul, Guriwull
ewadäglə gücəş
şerwä kōŋäktəkär

gaşal, gaşal gaşalil əmərəktin,
döldiđam, döldiđam
adıduk-pal dawayıl“.

155 Umnə ikəđelgidun, umükənmə bakşawa həgrə. Aşı ikəldən ilarä. İiwırakin ikərəkin, əmərən Guriwul, uşəlin hurıŋđana. dürwə gəşə-gəşäl wəren, ilim adagarān, adagađaktu işəwəwi əmənən. Gəşägə mişərən. Guriwul əmərən gəşägə işəwəwān gadan, şiltuktuwi nərən. Aşaşnān gəşägan uđalın. Guluwunma icārān, guluwuna lupumrak gıranān. Şəwdəcə neldə lirorä, wəjəl injəktəldə. Guriwul həripcəldən mürəli — acın, upkac iktəjəcil. Nuşan şurıwren, gəwə guluwunma işşan, nān gıranān, nān neldənin lirörān mürəli icəşşān—acın iktəjə acın, ələtin iktəci. Nuşan şurıwren ilidutin guluwun, guluwunma gıranān, nān neldənin lirörān, mürəli həripcəldən, icārān umükən miminə. İldən tādū, gūnən: „Wəjə minə tiləđəkäl!“ Gəşägān tiləldən. Guriwul tiləldən gəşə-gānmā, tiləmnin gādan şiltuktukri iktəwən. Gəşägān gūnən: „Wəjə ewa-ka nəkə-lindiri?“ — „Kumkələ dəwuldəm“. İktəđən utumuktulin. Tādūk Guriwul gūnən: „Amākā āsnən, əmərəkəldi tirujən“. Bürə kuŋakär tiruwar, Guriwul tirupkənən, tiruđū nərən dilwan, şurıwren.

147 Гуривуль женился. Три года жил, был один сын (их). Гуривуль промышлял. Пришёл гаша. Жена Гуривуля сушеного мяса насыпала на шкуру, гаша стали есть, важенку убила женщина, обмазала содержимым желудка зад сына, за ухо подергала, стал плакать. „Ребенок отчего-то заплакал, дяди когда пришли, почему-то обделался?“ Унесла сына, пошла подтереть сыну испражнения, на лабаз влезла с сыном, лестницу втащила к себе. Звон услышали гаша.

151 Прибежавши, стали грызть зубами подставки.

Жена Гуривуля запела:

„Гуривуль, Гуривуль!
Для чего говорил
ушами звон,

когда гаша придут,
услышу, услышу
через сколько-то
больших переходов“.

155 Один раз пропела, одну подставку сгрызли. Женщина пропела трижды. В третий раз когда пела, пришел Гуривуль, стрелы его мигали (пролетали). Двух гаша убил, третий увернулся, на (том) месте, где увернулся, клык остановил. Гаша скрылся. Гуривуль пришел, клык гаша взял, в шильник сушил. Погнался по следу гаша. Увидел костер, через костер перешагнул. Опушка кафтана загорелась, люди засмеялись. Гуривуль оглянулся вокруг — нет, все с зубами. Он ушел, дошел до второго костра, опять перешагнул опять опушка загорелась, кругом оглянулся—нет беззубого, все с зубами. Он ушел к третьему костру, костер перешагнул — опять опушка загорелась, кругом оглянулся, увидал одного беззубого. Остановился там, сказал: „Человек, поищи мне вшей!“ Гаша стал искать. Гуривуль стал искать гаша убивалкой вшей, взял из шильника зуб, гаша сказал: „Человек, что делаешь?“ — „Вшей ем“. Зубом укол в затылок. Потом Гуривуль сказал: „Дедушка заснул, дайте подушку“. Дети дали подушку. Гуривуль взял подушку, на подушку положил голову его, ушел.

43. Epkācān

inḡərə vəjə ašinun, ilan hūriltin. Amīntin şururān siḡun vuruḡtulān, əşin mucura, cōmbawrān. Tāduk şagdak huḡən şururān, tuḡ-şə cōmbawrān, duluḡ şururān — cōmbawrān. Əmənḡurə nikā əñinḡnmi. Nikāk şururān şıḡkitnārən, icārān Ēpkācān şəksədil ijəlin, ḡagda dulin dulin aşı ikəldirān, ḡagda aḡalḡadırān. „Vəjəjə! vəjəjə! caḡılı, goroli, ḡagdaḡıw hapkāşınmundā“. Vəjə muḡuşnān ḡūlāwi. Əñintiki əmərən, ulḡucānən: „icəm Ēpkācānmə amijaw wāḡacā, ijəlin şəksəḡdil, ḡagda aḡalḡadırən, tāh aşı ikəldirān mō dulin dulin“. Əñinmi hanḡūktaldān: „ḡəḡə, amā halkalīn əjurgəlin biḡkitin?“ — „Ee, biḡkitin əjurgəlin, tiḡtirgəlin, kuḡgəlin, tākən kuḡalın nēcəw“. — „Əməpkəl!“ Əñinḡn ḡilnəşşən. Huḡən tawicıldān vərijəwi, şələmə luḡijəwi oran, ildən ḡagdawa garparan. ḡagda dulinmān şururān. Nān tawitşan mandıyurān, garparān, ḡē həḡdimarwə ḡagdawa. ḡagda hapkāşınnān. Nugaḡ dıwı kamnundārən, tukuladārən, əñintiki ḡūnən: „Ēpkācān wānaldəlim, əşikin-nun əmərə — minə wārən“.

Şururān, işşan Ēpkācāndula, ikəldən aşı:

„Ēpkācān, Ēpkācān, ciruḡul-ḡa,
vəjədu əmərcəş, ciruḡul-də,
həḡarḡişınḡan, ciruḡulḡa“.

Ēpkācān ikəldən:

„Vəjəjə! vəjəjə! ciruḡul-ḡa,
caḡılı, goroli, ciruḡul-də,
ḡagdaḡıw hapkəḡə, ciruḡul-ḡa —
şınmundı, ciruḡul-ḡa“.

Ш. Кима. Чиромбу

43. Эпкачан¹

Живут мужчина с женщиной, трое сыновей. Отец их ушел на закате солнца, не вернулся, исчез. Потом старший сын ушел, также исчез, средний пошел—исчез. Остался младший с матерью. Младший ушел, пошел посмотреть, увидел кровавые рога у Эпкачана, в середине сосны женщина запела, сосна раздвигается (и) сдвигается. „Мужичок! мужичок! дальше, подальше, сосной моей разбит будешь“. Мужчина вернулся домой. К матери пришел, рассказал: „Видел Эпкачана, отца убившего, рога его в крови, сосна раздвигается, там в середине дерева женщина поет“. У матери спросил: „Мама, у отца молоток, клещи были?“ — „Да, были клещи, наковальня, щипцы, в середину колоды положила“. — „Принеси“. Мать сходила, принесла. Сын выковал лук, железную стрелу сделал, встал, в сосну выстрелил. Половину сосны снес. Опять ковал, укреплял, выстрелил во вторую большую сосну. Сосна разбилась в щепки. Он голову обмазал клеем, посыпал землей, матери сказал: „Эпкачана иду убивать; если не приду, меня убьет“.

Ушел, дошел до Эпкачана, запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чиркульда,
мужика же принесла, чиркульда,
коленями раздавит, чиркульда“.

Эпкачан запел:

„Мужичок, мужичок, чиркульда,
дальше подальше, чиркульда,
сосна в щепы чиркульда,
разобьет тебя, чиркульда“.

¹ Эпкачан—название оленя—важенки около одного года.

Вəјə дагамаран, гарпаран, Ёркăцăнма вăрăн, дагдawa гарпаран арканушк-
нанин. Ашĭ шĭлaptан. Ашĭ гŭлд'ан: „шĭругĕт туқшалĭктĭ“. Шĭрурă, ишса туқшалĭктĭра, ашĭ
гŭнăн: „Кə! вəјə, туқшашĭкə!“ Туқшакĭтту вĭцăн шĭлаwургacĭр. „Шĭ-кăн құлăли мĭкca-
25 шĭлка, вĭ мулд'им“, вəјə гŭнăн.

Ашĭ туқшашĭлд'ан, вəјə амаргuc. Туқшашĭмĭ хəлəшŭн ашĭwa. Ашĭ гŭнăн: „əдук
ōдан дĭгнĭлăликĭ“. Ишса дĭгнĭлăликĭтĭра, ашĭ гŭнăн: „Кə! вəјə! шĭкəн дĭгнĭлăшĭкə“. — „Вĭ
мулд'им, сĭ-кəнə“. Ашĭ дĭгнĭлăшĭнəн, вəјə амаргuc хəлəшŭн. Тăдук ашĭ гŭнăн: „əдук
ōдан шарумăликĭ“. Ишса. „Вəјə, шĭкəн шарумăкə“. — „Вĭ мулд'им“. Ашĭ шарəмăлд'əн,
30 вəјə амаргuc горотморду. „əдук ōдан игдилĭкĭ“. Ишса игдилĭкĭтĭра „Кə, вəјə
игдикə“. — „Вĭ мулд'им шĭкəнə“. Ашĭ мōмат игдиwундĭ игдишĭн, вəјə нĭриктăлwăн,
игдиwунмăw ургacăн, гадан ĭжəмəwə игдиwунма, игдишĭн, нăн ургаран; шăлəмăwə
гăдан, игдишĭн, ŭмŭкəн ĭктəwə əwрəн, вăкurrăн игдиwун ŭкундулин, ашĭ вŭддан.
Вəјə амашĭкĭ мucusн. Ёркăцăнма гuluwунду кĭнтĭрəнəн, əнĭтĭкĭwĭ шĭрурăн,
35 ŭлгucəнəн ŭpkатĭра. Əнĭнĭн ŭруктăтĭрĭ əптəwĭ ŭрĭшан, вŭддан.

N. Bajaki. Cirəmbu

44. Ёркăцăн

Атĭркăн əлəкəш вĭцăн, ĭлан хŭрилĭн — ĭлан вəјəл. Хŭрилwĭ гундĭрăн: „Луғунду
əпнəкəлд'у гĭркударă, гŭлəмŭгдĭ“. ŭмŭкəн хŭтəн шĭрурăн лунурĭтĭ. Тăлă мō хоқолн
ашĭ ĭкəдəрəн:

„Ёркăцăн, Ёркăцăн, цĭрŭкĭл-дă,
5 вəјəдŭ əмəрcəш, цĭрŭкĭл
хəггəрмĭсĭндан, цĭрŭкĭл“.

Мужчина приблизился, выстрелил — Эпкачана убил, в сосну выстрелил — до
щепок разбил. Женщина осталась. Женщина сказала: „Пойдем на место прыж-
ков“. Ушли, дошли до места прыжков, женщина сказала: „Ну, мужик, пры-
гай!“ Место прыжков было, как бы из шил. „Ты-ка вперед скачи, я не умею“,
25 сказал мужчина.

Женщина стала прыгать, мужчина позади, прыгая, опередил (далее)
женщины. Женщина сказала: „Отсюда пойдет место бегов“. Дошли до
места бегов, женщина сказала: „Ну, мужичок, ты беги“. — „Я не умею,
ты-ка (попробуй)“. Женщина побежала, мужчина позади дальше (опередил). По-
том женщина сказала: „Теперь будет место, где мочатся“. Дошли. „Мужик, ты
помочись“. — „Я не умею“. Женщина помочилась, мужчина позже, значи-
30 тельно дальше. „Отсюда будет место, где чешут волосы“. Дошли до места
чесания. „Ну, мужик, чеши“. — „Я не умею, ты чеши“. Женщина деревянной гре-
бенкой стала чесать волосы мужчине, гребенку сломала, взяла костяную гре-
бенку, стала чесать, опять сломала, взяла железную, стала чесать, один зуб
сломала, соскользнула гребенка на грудь ее, женщина умерла. Мужчина вер-
нулся обратно, Эпкачана сжег на костре, к матери пошел, рассказал все. Мать
35 от радости легкое вырвала, умерла.

Н. Баяки. Чиромбу

44. Эпкачан

Вначале была старуха, трое сыновей. Сыновьям говорит: „Ночью не ходите,
страшно“. Один сын пошел (под вечер) в полночную сторону. Там в расщелине
дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, цĭрукĭль-дă,
5 мужчину же принес, цĭрукĭль,
колєнями раздавит, цĭрукĭль“.

Вəјə tālā ɣənərən kirālin. Ēpkācān vəјəwə tukšancaran. Ēpkācān, wārən, vəјə
buddan. Tarī vəјə cōmbawrān. Atrikān huṭən gē šururān tar ūdalin. Tālā ɣān mō
hoṗolin aši ikāḏərən:

10

„Ēpkācān, ēpkācān, cirūkūl,
vəјəḏū əmərɕəš, cirūkūl-ḏa,
həggərmišindān, cirūkūl!“

Tarī vəјə ɣān ɣənərən Ēpkācān kirālin. Ēpkācān tukšancaran, ɣān nuɣanmān
wārən. Vəјə ḏūlāwi əšin əmərə, ilīn vəјə tuḡā šururān, gələktənəššən nəknīl ūdalun.

15 Nān ikāld'ən aši:

„Ēpkācān, ēpkācān, cirūkūlḏa,
vəјəḏū əmərɕəš, cirūkūl,
həggərmišindān, cirūkūl!“

Tar vəјə Ēpkācāndulā əšin ɣənərə kirālan, mucušan ḏūlāwi. Əñintikiwi ḡūnən:
20 „Bi icəm—aši ikāḏərən mō hoṗolin, Ēpkācānmə icəm šəksəgdən ijəlin. Ēpkācān
wācān nəknīlwi“. Atrikān ḡūnən: „Nikājə ənnəkəl targīdātki ḡirkiḏara“. Nuɣan han-
ɣūktald'ən əñinmi, ḡūnən: „Kūrgəl biši?“—„Biši“—„Halka bišin?“—„Bisin“—„Əjūrgə
bišin?“—„Bišin“. Ijanild'an. Šāləməwə vərjəwi ōran, ušələwi sələməlwə ōran. Šururān
25 talā ɣān. Nān aši ikāld'ən:

„Ēpkācān, ēpkācān, cirūkūl-ḏa,
vəјəḏū əmərɕəš, cirūkūl
həggərmišindān, cirūkūl“.

Ēpkācān həggərmišinan, tukšancaldāwi, vəјə garparan Ēpkācānmə, wārən.
30 Tarā garparan mōwa hoṗolin. Mō pəširgərən. Aši ikāḏəri vūṗərən ḏund'adū.

Мужчина подошел туда поближе. Эпкачан на мужчину прыгнул. Эпка-
чан убил, мужчина умер. Тот мужчина пропал. Другой сын старухи пошел по
тому следу. Там опять в расщелине дерева женщина поет:

10

„Эпкачан, Эпкачан, чирукуль,
мужчину принес, чирукульдя,
коленом разобьет, чирукуль“.

Тот мужчина опять подошел поближе. Эпкачан к мужчине прыгнул,
опять его убил. Мужчина домой не пришел. Третий мужчина тоже ушел,
15 пошел искать следы младших братьев. Опять запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль!“

20

Тот мужчина не подошел близко к Эпкачану, вернулся домой. Матери
сказал: „Я видел, женщина поет в расщелине дерева, Эпкачана видел с окро-
вавленными рогами. Эпкачан убил младших братьев“. Старуха сказала: „Мень-
шой, не ходи в ту сторону“. Он стал просить мать, сказал: „Наковальня есть?“
— „Есть“. — „Молот есть?“— „Есть“. — „Клещи есть?“— „Есть“. Стал ковать, же-
лезный лук сделал, железные стрелы сделал. Пошел туда опять. Опять же-
25 щина поет:

„Эпкачан Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль“.

Эпкачан колени прижал, чтобы скакнуть, мужчина выстрелил в Эпкачана, убил.
30 Выстрелил в ту щель дерева. Дерево треснуло. Поющая женщина упала на землю.

Täduk şururân wəjə asīnun. Asī gūnən: „Əduk ođan həndiriləkiç, həndirilid'əp“. Dənərə, wəjə gıralın həgdiməşəl ođa, aşı gıralı hülitməşəl ođa. Täduk aşı gūnən: „Əduk ođan mikcalıçakic, mikcalid'əp“. Bəjə mikcənən, ası mikcənən, awuld'ān wəjəwə. Nütərə dililwar, gūnən aşı: „igdililid'ap! Igdilid'ə. Bəjə igdirān nıriktalıwi.
35 Aşı türkəwucild'ān, igdiwındıwi arkıran ukundulın, buđđan.

Ş. Kiltinə. Cırəmbu

45. Nəmələn

Atrikān kumalanıđaran. Hıtəwi ipkərən asātkānı, täləptulədən, purtawı bürən köləcəwa. Aşātkān şururān, şupirilwə högnald'ən, ɣaləwi wārān, hāɣald'ən, taric şoɣold'ən. Cinəkə əməɣən gūnān: „cı-cı-cal cı-cı-ca! əwa şoɣolqəndi? cı-cı-cal cı-cı-cal şəkşəwi cıwuşka!“ Cıwusnan, gūnən! „əɣıjə! nəkūjə! tuğ-dā birā alagdı!“.

3 Aşātkān şururān, wārān əninmi, nəknilwi, wārān, dəwrān. Akinın əməɣən, wəjüşcəcə. Döldürān, ɣundırān: „Hāɣā! hāɣā! hāɣā-ɣā! əşiməki, aki okın əməđān? əşiməki?“ Tar nān tuk-sə gūnən: „hāɣā! hāɣā! hāɣā-ɣā! əşiməki akiɣa okın əməđān?“ Taric şururān oror nəkələtin. Nəmələnme ɣələktəđərən. Tarā Nəmələnme dawaran uɣran, şururān nəkūndulāwi, ɣənərən gūnān. „Nəkū! həj! həj!“ Tar nəkūnin, tuğə
10 gūnəkin, mişōran. Nəkūnin kalanmi ɣokalarān, şukəɣkiwi gadan, şururān. Nəmələnđi huktivdərən, huktivdirān. Tālā dolbold'ən, nəkūnmi döldürān amaşki kəşilirin aşāđan. Taric wokold'ən şıɣun wıɣucələn. Şukəɣkiwi dıləşki nōdarān, gūnān: „Nəmələn halɣanawı wıɣıptınawı wōrikal, ānɣacıwunaw“. İwəɣkin tarı Nəmələn höɣran halɣanmān ımučkənmə. Hata huıptıd'arān; ānɣəşnān, Nəmələn halɣanmān dəwəđənə.

Потом пошел мужчина с женщиною. Женщина сказала: „Теперь будет место состязания в шагах, станем шагать“. Пошли, шаги мужчины увеличились, шаги женщины маленькие. Потом женщина сказала: „Отсюда пойдет место состязания в прыжках, станем прыгать“. Мужчина прыгнул, женщина прыгнула, отстала от мужчины. Насмолили головы, женщина сказала: „Станем чесать волосы!“
35 Стали чесать. Мужчина чесал волосы. Женщина стала расчесывать, гребенкой уколола грудь, умерла.

Ш. Кильтыно. Чиромбу

45. Нэмэлон (десятиногий олень)

Старуха делала кумаланы. Дочь свою заставила шкурки напяливать на палочки, нож дала, женский нож. Девочка ушла, стала срубать палочки, руку разрезала (убила), кровь потекла, заплакала от этого. Пташка пришла, сказала: „Чи-чи-ча! чи-чи-ча! что плачешь? чи-чи-ча! чи-чи-ча! кровь свою лизни“. Лизнула, сказала: „Мать, младшие сестры также сладки, вероятно“.

5 Девочка ушла, убила мать, младших сестер убила, съела. Пришел старший брат, отпромышлял. Услыхала, говорит (она): „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли, старший брат когда придет, сегодня ли?“ Потом опять также сказала: „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли когда ли старший брат придет?“ Потом пошел к следам оленей. Нэмэлона ищет. Того Нэмэлона поймал, сел верхом, поехал к младшей сестре, шел, говорил: „Младшая, хэй! хэй!“ Младшая, когда (он) так
10 говорил, исчезла. Младшая надела (котел на плечо), топорик взяла, ушла. На Нэмэлоне бежал, бежал. Стало темнеть, услышал позади звук бега младшей сестры, преследует (она). Таким образом после захода солнца стала нагонять. Топорик вперед бросила (она), сказала: „Нэмэлон, ногу на ночлег отдели (отруби)“. Топор тот отрубил одну ногу Нэмэлона. Все еще убегает; заночевала, съедая ногу Нэмэлона.

¹⁵ Timältänə nān Nəmələnmən ašaşnan. Tälä Nəmələndi nān bokold'ən dolboltönə. Nān kəşirilīn İldə. Tälä nān şiyun buruşnan, nān gūnən: „Nəmələn halganawı bokal“. Buruptinən, iwəŋkiwi nān çuləski nōdarān, nān Nəmələn halganma hōgran. Tuđi aşatkān hōgran jəginmə halgarwān. Nān dōldirān kəşirilīn, kalarin kəjirilīn. bokold'ən. Bokonən Nəmələnmə, nān şukəŋkiwi nōdarān, gūndānə: „Nəmələn çayiw, ²⁰ halganmı bokal mindu buruptinəw“. Nōdarān şukəŋkiwi çuləski, Nəmələn halganmān hōgran, bururān. Nəmələn ələwəŋ çəwrən.

Akīnīn tar əşilə tukşamat mişərān. Tälä tukşarān, tukşarān nān dōldirān amaşki kəşirilīn, kəjirilīn. Wek dagamaran.

Dolboltönə bokumürān akīnmı. Akīnīn ikəld'ən:

²⁵ „Həku-ku! həku-ku! həku-ku! galajabda ökal
iñəjən dilaca dalgalaşkal Töki galandinin!
kumalandındi galajabda, Dəwərdibgin! dəwərdibgin!“
töki galandinin

³⁰ Töki ödan. Töki binə, huktild'ən. Huktidəgnərən, huktidəgnərən, huktirān tälä, dolboltönə dəruğən, nān amaşki dōldirān, nān kəşirilīn, kalanin kəjirilīn nān ikəld'ən:

„Həku-ku! həku-ku! həku-ku! galajabda ökal
iñəjən dilaca əwəj galandinin,
kumalandimatic, galajabda ökal!
dalgalaşmalakal! Dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

³⁵ Əwəj ödan, huktild'ən. Huktirān, huktirān, dolboltönə dərurān, nān bokold'ən kəşirilīn, kəjirilīn, nān İldə, nān ikəld'ən:

„Həku-ku! həku-ku! həku-ku! galajabda ökal
iñəjən dilaca guşkə galandinin!
kumalandimatic dalgalaşkal! dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

¹⁵ Утром опять стала преследовать Нэмэлона. К вечеру там опять стала нагонять Нэмэлона. Опять звук бега слышится. Опять там солнце село, опять сказала: „Нэмэлон, ногу отдели!“ Солнце село опять, бросила вперед топорик, опять отрубил (он) ногу Нэмэлона. Таким образом девочка отрубила девять ²⁰ ног его. Опять услышала звук бега, звон котла, стала нагонять. Нагнала Нэмэлона, топорик бросила, говоря: „Нэмэлон, десятую ногу отдели мне на закате (вечером)“. Бросила вперед топорик, отрубил ногу Нэмэлона, упал (он). Нэмэлона всего съела.

Старший брат теперь скрылся пешком. Бежал, бежал туда, опять услышал позади звук бега, звон, все время приближался.

Вечером (совсем) хотела догнать старшего брата. Старший брат запел:

³⁵ „Жар! жар! жар! след мой сделай!
Мать-солнце закрой следом сохатого!
кумаланом след, Дəвордыбгин! дəвордыбгин!“
следом сохатого (заклинание)

⁴⁰ Сделался лосем. Лосем ставши, стал удаляться. Бежал, бежал туда, вечером устал, опять позади услышал, опять звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар! След (мой) сделай
Мать-солнце закрой медведя следом,
кумаланом след, след сделай!
след закрой! Дəвордыбгин! дəвордыбгин!“

⁴⁵ Медведем стал, побежал. Бежал, бежал, вечером устал, опять стала нагонять, опять звук бега, звон котла слышен, опять запел:

„Жар! жар! жар! След сделай
Мать-солнце закрой волка следом!
кумаланом закрой! Дəвордыбгин! дəвордыбгин!“

⁴⁰ Huktildʻən, guşkə binə. Dolboltōnə dārurān, nān ildʻə kəjirilīn, kəşirilīn, nān ikəldʻən:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
iņəjən dilaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda okal
jantakī galandinin!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

⁴⁵ Jantakī ođan, huktildʻən. Huktirən, huktirən, tälā dolboltōnə nān dārurān; nān kəşirilīn, kəjirilīn ildʻə, nān bokoldʻən. Nuğan nān ikəldʻən:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
iņəjən dilaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda okal
gəlki galandinin!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

⁵⁰ Gəlki ođan, huktirən. Dolboltōnə nān dārurān, nān kalandıwı kəjirilīn, kəşirilīn ildʻə, nān bokoldʻən, nān ikəldʻən:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
ərijən dilaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda okal
şulakī galandinin!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

⁵⁵ Şulakī ođan huktildʻən, dolboltōnə nān dārurān, nān kəjirilīn, kəşirilīn ildʻə. Nān ikəldʻən:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
ərijən dilaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda okal
kuşku galandinin!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

⁴⁰ Убежал, волком будучи. Вечером устал, опять слышался звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след!

След сделай
следом росомахи!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁴⁵ Сделался росомахой, побежал. Бежал, бежал, там ночью опять устал опять звук бега, звон котла слышен, опять стала догонять. Он опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом рыси!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁵⁰ Рысью стал, убежал. Вечером опять устал, опять звон котла, звук бега слышны, опять стала нагонять, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
лисьим следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁵⁵ Сделавшись лисицей побежал, ночью опять устал, опять звук котла, звук шагов слышны. Опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом соболя!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁶⁰ Kuxku binə, huktild'an. Dolboltönə nən dərürən, nən ild'ə kəşirilən, kalandı kəşirilən, nən ikəld'an:

„Həkuqu! həkuqu! həkuqə!
ərijən dilaca dalgalaşkal
kumalandimatıc dalgalaşkal!

galajavda ökal
sələgə galandinin!
dəwərdibgin, dəwərdibgin!“

⁶⁵ Şələgə ödan, huktıdəgnərən, nən dərürən, nən kəşirilən, kəşirilən ild'ə, nən ikəld'an:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
ərijən dilaca dalgalaşkal
kumalandimatıc dalgalaşkal!

galajavda ökal
dələki galandinin!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

⁷⁰ dələki ödan huktild'an. Dolboltönə nən dərürən, nən kəşirilən kəşirilən ild'ə, nən ikəld'an:

„Həkuqu! həkuqə! həkuqu!
ijən dilaca dalgalaşkal,
kumalandimatıc dalgalaşkal!

dalajavda ökal
cəmutkən galandinin!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

⁷⁵ Cəmutkən ödan günən: „Şinərəkər nəpkətənədu pəriləkəld'ı!“ Pəril'ə. Tədu aşadarı cömbarən nujanmən. Dəvgəlwe şukəşild'an, şukəşkin əwürgərən. Əwürgərəkən, günən: „Akā! alātıcıkāl minəl kədərəlwi ülwi əməvqəm“. Amaşki sūrürən, kədərəlwi, ülwi çuçurwi, şıdıwırwı əməwərən. Tarıl çuçurwi upkal əwrən, kədərəlwi əwrən, ələwətin əwrən. Təduk cömbarən nəkünün, tədu buddan.

⁸⁰ Сободем ставши, побежал. Вечером опять устал, опять слышны звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом хорька!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁸⁵ Хорьком стал, бежит, опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
горностая след!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁹⁰ Горностаем стал, побежал. Вечером опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
мышы следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁹⁵ Мышью стал, сказал: „Мышы во владинках у ручья разбегайтесь!“ Разбежались (следы). Там (и) потеряла его преследовавшая. Пустые места ударяла топором, топор сломался. Когда сломался, сказала: „Старший брат, подожди меня! кожемялки, скребки принесу!“ Обратно ушла, кожемялки, скребки (разн. сорта) принесла. Все скребки сломала, мялки сломала, все сломала. Потом потерялась младшая сестра там (и) умерла.

46. Murıwul

Çıwukcak aşı ādərən. Umunmæk əmərən Çıwukcatki şəriwucildʹən aqərıwa:
umunmæk ikəldʹən:

„Çıwukcak! Çıwukcak!
ēgdatpı āpnəndʹı?
5 Qəwi cāpılı
Qəwi caskılı
Cinəkəl cıpılcāl!
Cinəkəl culdʹıcāl!
10 — „umunmæk! umunmæk!
Minələjə uypkəl
huldʹarukmättuwi,
kalarukmättuwi“.
— „Ətəm-lən! ətəm-lən!
15 Ətəm-lən uypwra!
qünmæk-lın nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərəlnəqı bışım,
witrinəqı bışım,
20 hırgənəqı bışım“.
— „qünmækjəl qünmækjəl
Minələjə uypkəl
huldʹarukmättuwi,
kalarukmättuwi“.

— „Ətəm-lən! ətəm-lən!
Ətəm-lən uypwra
İlanmæk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərəlnəqı bışım,
witrinəqı bışım,
hırgənəqı bışım“.
— „İlanmæk! İlanmæk!
Minələjə uypkəl
huldʹarukmättuwi,
kalarukmättuwi“.
— „Ətəm-lən uypwra,
Diginmæk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərənəqı bışım,
witrinəqı bışım,
hırgənəqı bışım“.
— „Diginmæk, Diginmæk!
Minələjə uypkəl
huldʹarukmättuwi,
kalarukmättuwi“.

III. Кильтыно. Чиромбу

46. Муривуль

Женщина Чувукчак спит. Пришла к Чувукчак Умунмок¹, стала будить
спящую. Умунмок запела:

„Чувукчак! Чувукчак!
Зачем спишь?
5 Покойники кругом,
покойник близко,
пташки защebetали
пташки засвистели!“
10 — „Первая, Первая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
15 Вторая пусть попробует!
Муривуля шаманским плащом
окружена я,
плясовым кругом окружена,
зашаманена я“.
20 — „Вторая, Вторая!
Меня верхом посади
на одеялоносца
на котлоносца“.

— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Третья пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Третья, Третья!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
Четвертая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Четвертая, Четвертая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.

¹ Имена сестер произведены от числительных: цшп—один, цшпшэк—женское имя.

25 — „Ətəm-lən uçuwra,
Tunğamäk rəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim,
hırgənəđi bişim“.
30 — „Tunğamäk! Tunğamäk!
Minə-lən uçupkal
huld'arukmättuwı,
kalarukmättuwı“.
— „Ətəm-lən uçuwra
35 Nıçunmäk rəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim,
hırgənəđi bişim“.
40 — „Nıçunmäk, nıçunmäk!
Minə-lən uçupkal
huld'arukmättuwı,
kalarukmättuwı“.
— „Ətəm-lən uçuwra
45 Nadanmäk rəkəyin!
Murıwul lombolonmon
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim
hırgənəđi bişim“.
50 — „Nadanmäk, Nadanmäk!
Minə-lən uçupkal

huld'arukmättuwı,
kalarukmättuwı“.
— „Ətəm-lən uçuwra
çapkunmäk rəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim,
hırgənəđi bişim“.
— „çapkunmäk, çapkunmäk!
Minə-lən uçupkal
huld'arukmättuwı,
kalarukmättuwı“
— „Ətəm-lən uçuwra!
Jəginmäk rəkəyin!
Murıwul lombolonmon
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim,
hırgənəđi bişim“.
— „Jəginmäk, Jəginmäk!
Minə-lən uçupkal
huld'arukmättuwı,
kalarukmättuwı“.
— „Ətəm-lən uçuwra
dānmakja rəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərənəđi bişim,
witrinəđi bişim,
hırgənəđi bişim“.

25 — „Не стану сажать я,
Пятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
30 — „Пятая, Пятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
35 Шестая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
40 — „Шестая, Шестая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
45 Седьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
50 — „Седьмая, Седьмая!
Меня верхом посади

на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Восьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Восьмая, Восьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Девятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Девятая, Девятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Десятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.

— „dānmākjal dānmakja!
Minə-lən uyupkal

huldʹarukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.

55 Dānmāk uyurān, šururə Muriwultki. Nuḡan dūkanma lupumrak hūktiraḡ,
šururān. Muriwul umūkən əmənmurān dūkənduwi. Šururān, ūdaltin ūdašanān. Tāla
bokonən umūnməkpe, gūnən: „Ašē! ətəškə“. — „Ətəm! ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi
ətəšinqam, kədərəw garpakal“. Muriwul kədərəwən garpašcaran, urārān. Tarā nān
ḡənərən, ḡənərən dūnmək bokonān „dūnmək ətəškə!“ — „Ətəm, ətəm, əšamat icəp-
60 kəti, ətpi ətəšinqam? Čuğunmə garpakal, əniwə dānməkpi idu təwulqandʹi?“ Muriwul
garparan, urārān; šururān, nān bokonān ašīwa, llanmāk. „Ašē! ətəškə“. — „Ətəm!
ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam ūwəpkə garpaka“. Muriwul ilīwrān garpaš-
caran, urārān, nān šururān, iltənən, nān ašīwa bokonən. „Ašī, ətəškə“ — „Ətəm!
ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam? Šiduwunma garpaka“. Garpašcaran nuḡan,
urārān, nān šururān, nān bokonən ašīwa Tunḡamāk. „Ašē ətəškə“. — „Ətəm! Ətəm,
5 əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam, əniwə dānməkpi idu təwulqandʹi; ūlkāwə garpaka“.
Muriwul ūlkāwən garpašcaran urārān. Šururān nān bokonən ašīwa Nuḡunmək. „Ašī
ətəškə“. — „Ətəm! ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam? dāwalgānmə garpaka“.
Nuḡan garparan, urārān, dāwalgānma əmənən, šururān, nān bokonən ašīwa Nadan-
māk. „Ašē! Ətəškə“. — „Ətəm! ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam, šiḡunkənme
70 garpaka“. Muriwul garpašcaran, nān urārān, šururān cāskī, ašīwa bokonən. „Ašē
ətəškə“. — „Ətəm! ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam, əniḡəkpə garpakal“ Gar-
pašcaran nuḡan, urārān, šururān ašīwa bokonən, gūnən: „Ašī ətəškə“, — „Ətəm!
ətəm! əšamat icəpkəti, ətpi ətəšinqam, dālāspə garpaka“. Nuḡan garparan, urārān,
ururān ašīwa bokonən: „Ašī ətəškə“. — „Ətəm! ətəm əšamat icəpkəti ətpi ətəšinqam,
75 dāḡujwən garpakal“ Muriwul garparan, urārān, šururān, bokonən ašīwa. „Ašə ətə-
škə!“ — „Ətəm! ətəm! əšamat icəpkəti ətpi ətəšinqam, lombolonmo garpaka“. Nuḡan
garpašcaran urārān.

— „Десятая, Десятая!
Меня верхом посади

на одеялоноса,
на котлоноса“.

Десятая посадила, отправились к Муривулю. Она сквозь юрту пробежала,
55 убежала. Муривуль остался один в своей юрточке. Пошел, по следам пошел. Там
встретил Первую, сказал: „Женщина, оглянись“. — „Нет, нет! глазом увижу как
(глаза слепые), чем оглянусь, мялкой выстрели“. Муривуль мялкой бросил, про-
махнулся. Там опять шел, шел, Вторую встретил. — „Вторая, оглянись!“ — „Нет,
нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось. Мать Десятую где догонишь?“
60 Муривуль бросил, промахнулся, ушел, опять догнал женщину, Третью. „Женщина,
оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось!“ Мури-
вуль в третий раз бросил, промахнулся, опять ушел, прошел, опять женщину на-
гнал. „Женщина, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок
для выскабливания шерсти) брось“. Быстро бросил, промахнулся, опять пошел,
опять встретил женщину, Пятую. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом
65 как увижу, чем оглянусь, мать Десятую где догонишь; бугорком (на бубне)
выстрели“. Муривуль бугорком выстрелил, промахнулся. Ушел, опять догнал
женщину, Шестую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем
оглянусь, ручку (от бубна) брось“. Он бросил, промахнулся, ручка осталась,
ушел, опять встретил женщину, Седьмую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет!
70 глазами как увижу, чем оглянусь, серединку (пузыря шаманского бубна) брось“.
Муривуль бросил, опять промахнулся, ушел дальше, женщину встретил. „Жен-
щина, оглянись“. — „Нет, нет! глазами как увижу, чем оглянусь, круг от (шаман-
ской шапки) брось“. Бросил он, промахнулся, ушел, женщину встретил, сказал:
„Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, крышку (от
бубенного чехла) брось“. Он бросил, промахнулся, ушел, женщину встретил.
„Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, рог (на-
75 спинное украшение большого шамана) брось!“ Муривуль бросил, промахнулся,
ушел, встретил женщину. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу,
чем оглянусь, плащ брось“. Он бросил, промахнулся.

Şururân Muriwul, wəjəwə arcaran. ɖikild'ān. Bəjə gūnən icəpcəjə Muruwulwa:
„Aha-ha-hal“ Muriwu tiki ɖəwupki əmərān, talmīwi uyaktaɖaran, wəjə guɖirān
80 Muruwulwa: „ɖikilmākətcīyā!“ Tarī ɖəwupki şururān. Muriwul gūnān: „On ɖikilmā-
kətcīyā?“ ɖəwupki şururān. Muriwul icātt'ən. Amutkənduli hurrān ɖəwupki, ɖara binə.
Muriwul şupirə kaputtan ɖāhɖānə, şururān, iktərən mūwə hurɖāktuwi. ɖəwupki
tāduk ild'ən: „Aha-ha-hal Bəjə şōtūmārti bişind'i“. ɖəwupki gəwrān ɖikilnārān, Muri-
wul icātt'ən, talā ɖəwupki mūgdəkənə ōdan. Muriwul şururān ɖān şupirə kaputt'an
85 mūgdəkənə işşan, iktərən şupirəc. Bəjə gūnān: „Aha-ha-hal wəjə, şōtūmārti bişind'i“.
Tāduk ɖəwupki gūnān: „Kəl wəjə şi-məli ɖikilnəkəl! Muriwul gūnən: „Ənət icāttā
şi-də“. Muriwul ɖənərən, ɖənərən talā kərbukə ōdan, əpkərə hoɖolin hurrān. Gələk-
tild'ən, gələktəld'ən ɖəwupki, albaran, əşin bakara. Dolboron ɖəwupki ānɖaşnən.
Anɖald'ən tar əpkərə dagama. Togowo ilaran, pōtakīwān şilaran. Əşilə ikəld'ən:
90 „Bəjə gücə birān, ējagan ɖəwuld'ən ɖāmənd'əja ɖāşā ōmīkoti“, gūnə wəjə pōtakīwān
əmuşşəmīduwi iniktəɖəmīrən. „Bəjəkəkun ilə ōdan, ōşiktajagdal?“ Aşnən nuɖan,
aşınākin, əşilə nuɖan hişicild'an ānɖaduwi. Hişiciliktuwu Muriwul garparan şəgdə-
nd'əlin, güld'ən: „Əpkərə əɖand'i, əɖand'i? ənəl“ Nən garparan, ɖəwupki buɖɖan.
Muriwul əpkərəɖuk jūrən, wəjə ōdan, şururān. Talā pūtə dəgild'ən, dōran tādu.
95 Muriwul garparan, tar pūtəwə wārān. Gənnəcīrən, ɖawaran nuɖanmān. Pūtə han-
gūktaran, gūnān: „Bəjə ōni kənd'i?“ Bəjə gūnən: „Garpan“. — „Hatat hikənmi
ilkurild'ən“. Işild'ən wəjə, pūtə gūnān: „Bəjə ōni kənd'i?“ — „isilim“. — „Hataglat,
gūnān: „ɖəndurild'ən“. işşən wəjə, togowi ilarān, mōjawī kasturanan, pūtə gūnān:
„ōni kəlind'i? ēkun kəşəran?“ Bəjə togowi ilarān, təlgəcild'ən; pūtə gūnān: „Bəjə
100 ōni kəlind'i? — „Təlgəcilim“. Pūtə tagdūild'ən. „Hataglat, gūnim, ēkunī hişilild'ə“.
Şilarān wəjə, tarit hangūktarān: „Bəjə ōni kəlind'i?“ Muriwul gūnān: „Şilam“ — „Hata-
glat, et ɖigilild'ən“, ɖəwrən Muriwul pūtəwə. ɖəwuld'ən əşilə, pūtə gūnān: „Bəjə
ənd'i?“ — „ɖəwum“. — „Hataglat, ēkunī haktrəld'ən?“ Muriwul amunan. Muriwul

Ушел Муривуль, человека встретил. Спрятался. Человек сказал при виде
Муривуля: „А-ха! ха! ха!“ К Муривулю людоед подошел, кузов тащит, человек
80 говорит Муривулю: „Давай друг от друга прятаться!“ Тот людоед ушел. Мури-
вуль сказал: „Как друг от друга прятаться?“ Людоед ушел, Муривуль под-
сматривал. В озерко нырнул людоед, в ленка превратившись. Муривуль прут
сломал, держа пошел, по воде ударил по месту ныряния. Людоед тогда встал:
„А-ха! ха! ха! человек (ты) силен!“ Людоед вторично спрятался. Муривуль
подсмотрел, там людоед пеньком стал. Муривуль ушел, опять прут сломал, до
85 пенька дошел, ударил прутом. Человек сказал: „А-ха! ха! ха! (ты) мужик силен“.
Потом людоед сказал: „Ну, мужик, пряхься ты“. Муривуль сказал: „Ты-то не
подглядывай“. Муривуль шел, шел, там превратился в бабочку, в щель сухого
дерева залез. Искал, искал людоед, не мог, не нашел. Вечером людоед заноче-
вал. Ночевал вблизи от того дерева. Огонь зажег, глухаря зажарил. Вдруг
90 запело: „Мужик как будто говорил, что-то станет есть, по медведю голодал“,
говоря мужик понес глухаря в поняге. „Мужичок куда же пропал, только
звезды одни“. Лег спать (он), когда (он) ложился, спину грел на ночлеге
(у костра). Во время грения Муривуль выстрелил в спину его, сказал: „Бревно,
что делаешь, что делаешь? перестань!“ Опять выстрелил, людоед умер.
Муривуль вылез из сухого дерева, стал человеком, ушел. Там пальник
95 летел, сел там. Муривуль выстрелил, пальника того убил. Дошел, поймал его.
Пальник спросил, сказал: „Мужик как (что) сделал?“ Мужик сказал: „Выстре-
лил“. — „Совсем в грудь мою попал“. Стал теревить мужина, пальник сказал:
„Мужик как (что) делаешь?“ — „Тереблю“. — „Еще что“, сказал: „больно
от теребления“. Вытеревил мужина, огонь зажег, дерево срубил, пальник
сказал: „Что сделал? что-то кольнуло“. Мужина огонь разжег, стал резать,
100 пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Разрезаю“. Пальник лопнул „еще
что, говорю, чем обогреть спину?“ Сжарил, тот сказал: „Мужик, что де-
лаешь?“ — „Обжариваю (на вертеле)“ — „Еще что, отчего-то скарежился“. Съел
Муривуль пальника. Начал есть, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ —
„Ем“. — „Еще что, отчего стемнелось?“ Муривуль захотел на двор. Кал

amunIn hæpkæcildʻæn: „Tõņņal tõņņal æcēs minē wārē“. Muriwul amunni garparan, 105 lūķi langararan. Gēwā garparan, nān lūķitpi langararan. Bērītpi iktērēn, amunIn gundīrān: „Tõņņal tõņņal æcēs minē wārē“. AmunIn halganmān đawaran, nān gūnān: „Tõņņā, tõņņā æcēs minē wārē“. Gēwan đawaran, đūkrēwi halgarwi, nān gulđān: „Tõņņal tõņņā æcēs minē wārē“ Muriwul nālatpi kulturān, nālan langararan. AmunIn gūnān: „Tõņņal tõņņā æcēs minē wārē“. đūkrē nālalwān đawaran 110 amunIn. „Tõņņā, Tõņņā æcēs minē wārē“. Dilītpi đawaran ələwēn. Tādu əšīlə biđəņņērēn.

đawupki əmērān, gūnēn: „O-γo-γo! irkūkē! dēgatacā ajada!“ Munwulwa talmī-
duwi nērēn, ugašnan. Tāduk gūnān Muriwul: „Amākāl hišəγīldu dārumkilīņnəkēl“. 115 đawupki dārumkildʻən hišəγdu. Muriwul hišəwə təwūldʻən. Təwrēn hišəlwə Muriwul. Šururān nān đawupki. Muriwul gūnān: „Amākāl əšəγəšələ nəγəņņəkēl“. Nəγəņn əšəņērwe; əšəņərdu Muriwul đawaran nālalđīwi, tādu əmənmuřen. đawupki đūlāwi iššan. đūwi gulđʻən: „Atəjəj, ɯrgəgdikəkur irkukəkəkun“. Aturīkān lopororān, uņar-
tuna nimgəcə ɯrūktətpi, talmīwān gādan, ərūktaldʻān—hišəγəgdəl, hangūktaldʻān 120 đawupkiwə: „Luptimandʻi?“ hūkitəwēn huptaran, əmac ācīn, uņartijagđūn; đawupki gulđʻən: „Tišələ! tišələ! hūkitən təkərgərēn“. Šəktərēn, hūkitənəja ođan. đawupki šururān amaskī uđaliwi, bakarān əšəņərdu. Muriwul nālalđīwi đawucađarīwān.

Tarī gulđʻən: „Əγə-γə-γə! irkukəmīkun ānğaldukpi tayarpčā“. Tāduk talmīduwi 125 nērēn, ugašnan đūlāwi. Šururān, išwirān, ikōptunduwi lokorōn dēgatacāwā irkukəwə. Hūtən gūnān: „İqə šēkanmān mindū hukkal“. İqə kəndʻatcīrān, amīnIn gūnān: „Aγa-γa-γa! dēgatacāja-da binə kəndʻacāja-da biγīn!“ Cīkəldʻən Munwul, đawupki gulđʻān: „Atəjəj, lāmūlā, lāmūlā“. Šururā đəbđānērə. Muriwul gūnān kuņākārwa: „Tīkəldʻu minəl bərkərišun ođam, minə ganaciwurašun“. Gūņiğətin ətʻinəncəl-də. Tarīc dilīlwatin Muriwul hoņnārān. Bəjələwətin ɯlērān. Ašīnmurān dilwatin huldʻadutin. Əmərə wəjəlđīwər, gulđʻə: „Nīkākīlti ətʻinəncəl-də? šiwicəl-da“. Tarīc đawuldʻə.—

Муривуля спросил: „Тониня, Тониня, (ты) меня не убил“. Муривуль выстрелил 105 в свой кал, стрела прилипла. Вторично выстрелил, опять стрела прилипла. Мужчина ударил, кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Кал его схватил за ногу, опять сказал: „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Вто-
рично схватил обе ноги, опять сказал: „Тониня, Тониня, меня не убил“. Мури- 110 вуль рукою ударил, рука прилипла. Кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Обе руки схватил его кал „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Вско-
голову схватил. Там теперь и остался (Муривуль).

Людоед пришел, сказал: „Охо-хо! найденная добыча, порядочно замерз!“ 115 Положил Муривуля в понягу, потащил. Потом сказал Муривуль: „Дед, на кам-
нях отдохни“. Людоед стал отдыхать на камне. Муривуль начал набивать камни (в понягу). Набил камня Муривуль. Пошел опять людоед. Муривуль сказал: „Дед! 120 под наклоненным деревом проходи“. Пошел под деревом; за дерево Муривуль схватился руками, там (и) остался. Людоед домой дошел. Дома сказал: „Старуха! тяжелющая добыча“. Старуха прыгнула,—от радости проглотила наперсток, понягу взяла, посмотрела—только камни; спросил людоедку: „Проглотила?“
125 Брюхо ее распорол, ничего нет, только наперсток; людоед сказал: „Тышоло! тышоло! брюхо разорвалось“. Помазал кровью, брюхо поправилось. Людоед пошел обратно по следам своим, нашел зацепившегося за дерево руками
Муривуля.

Тот сказал: „Э-хэ! хэ! хэ! находка после ночевки зацепилась“. Потом в по-
нягу положил, потащил домой. Понес, дотащил, на жердь в юрте повесил замерз-
шую добычу. Сын сказал: „Мама, мне ушко отрежь“. Мать покосилась, отец 125 сказал: „А-ха! ха! ха! замерзший-то косым пусть будет!“ Муривуль помочился,
людоед сказал: „Старуха, на море, на море!“ Ушли, пошли есть. Мури-
вуль сказал детям: „Отпустите меня, лучок сделаю, в меня (орудие стре-
льбы) выстрелите“. По сказанному (как говорил) отвязали. Тогда Мури-
вуль отрубил головы их. Тела их сварил. Положил спать головы их под
одеяло. Пришли родители, сказали: „Малыши не отвязали ли? замазались“.

130 „ōn-ka, atrikān, hūṭēmægdi, wəjə hūṭəwəw ūlənən“.—„ōn, ətən hūṭəmus“ ēruktaldʼə hūrilwi, dililtin ələ.

Nuṣartın āşına, ŝoṇoḍıldʼə. Muriwul ŝəktəwuntin hərgidəḍun biḍirān, ḍəwupkilwə ŝilgiwurdı arkıran. ḍəwupkil gūnā: „ēkunḍi oldortı wəgirdəldʼə, hūrildəwəw ŝoṇojo ōḍakit“. ḍəwupkil ḍūkrə buḍḍa. Buḍəktin Muriwul ŝururān.

135 Tālā ḍūmīlwatin əwənkil bakaran. ḍūmīyıldʼān, uṣkānmə bakaran; taric nān ḍūmīyıldʼān, uṣtʼəwunmā bakaran, gūnən: „Şəm! Şəm! Şəm! gagdamarkānəwı bakam“. Taric nān ḍūmīldʼān, inməwə bakaran. „Şəm! Şəm! Şəm! tuḷgupkənəwı bakam“. Taric nān ḍūmīyıldʼān, nınakin amunmān bakaran. „Şəm! Şəm! Şəm! purcankānəwı bakam!“ Şururān nān matalwa bakaran, cinəkənün, kükəkinun ḍūlgātcirā. uṣukən

140 gundirān: „Bəjəwə ēc ulḍap?“ Muriwul gūnān: „Oṇodu purcayl bicəl“. Şururān aşı gələktənərən. Albaran wakaḍamī gələktərən, gələktərən əşin wakara. Gē ŝururān gələktərən, gələktərən, nān əşin wakara, gūnān: „nəṇəjagdi, purca acın!“ Muriwul gūldʼən: „Şiw! Şiw! Şiw! ējan biḍan purcayltın! Şiw! Şiw! Şiw!“ Muriwul ŝiṇərəkən ōdan. Şəktəl dōgidāltın hūktiktəldʼən. Kədərəlḍiwər tərəgəcildʼə, kədərəjə ūrgərən.

145 Tāduk cūcunmi gādan, cūcunə ūrgərən, ūṣwi gadan, ūṣwi ūrgərən. Tardalā Muriwul ŝiṇərəkən ōdan, tikin ŝiṇərəkən bişin.

N. Kaplin. Norbokō

47. Hāwānātmə¹ ijəci

„Əṇi! ēkun əməḍərən, untan oṇocı, hāwānātmə ijəci, hōnandus təgəḍəjən“, güllən kuṇākān. Tar kuṇākān āmuttūlā ḍawrāşcā, hāwānātmə ijəci əməcə, hōnandun təgəcə. Əṇinın cirikəwə ojoduwi nəcə. Hāwānātmə ijəci ḍəpcə tar ahiwa kalatajwa. Tuḷ-kə kəjim, hūṭələn ṇənəcə. Hāwānātmə, əriḍəwki tar ahi hūṭəwən. Tar kuṇākān aminin əməcə, hūṭəkiwi gundəwki: „Əṇinni-kə ilə hırcən?“ — „Nuṣanmān hāwānātmə ijəci ḍəpcən“. Tar wəjə hāwānātmə ijəciwə (nuṣan ahi bicən) ahiṭālcā. Tāduk tar

130 Потом стали есть. „Что-то, старуха, не наши ли дети, мужик детей моих сварил“.— „Как, не может быть, чтобы твои дети“. Посмотрели детей, (там) только головы.

Они легли, стали плакать. Муривуль под постелью лежит, людоедов шилом проткнул. Людоеды сказали: „Чем это в бок колет, от плача (видно) по детям“. Оба людоеда умерли. Когда умерли (они), Муривуль ушел.

135 Там нашел юрты эвенков. Стал искать (в юрте), железную лейку нашел, потом стал опять искать, помазок (для клея) нашел, сказал: „Шэм! шэм! шэм! кормовое весло нашел“. Потом опять стал искать, иглу нашел. „Шэм! шэм! шэм! багор нашел!“ Потом опять стал искать, нашел собачий кал. „Шэм! шэм! шэм! сухое мясо нашел!“ Пошел опять, соседей встретил, иташка с кукшей живут вместе. Одна

140 говорит: „Мужика чем накормим?“ Муривуль сказал: „В носу лодки сухое мясо было“. Ушла женщина, пошла искать. Не могла найти, искала, искала, не нашла. Вторая пошла, искала, искала, опять не нашла, сказала: „Мама, сухого мяса нет!“ Муривуль сказал: „Шив, шив, шив, какое там сухое мясо! шив! шив! шив!“ Муривуль превратился в мышь. Под подстилки убежал. Собрались колотить мялкой,

145 мялка сломалась. Потом скребок взяла, скребок сломался, (еще) скребок взяла, скребок сломался. В те поры Муривуль мышью стал, еще теперь мышью живет.

N. Каплин. Ербогочен

47. Железные рога

„Мама, кто идет, унты вышитые, железные рога, на макушку юртяных жердей сядет“, сказал ребенок. Тот ребенок на озеро поехал в лодке, железнорогая пришла на юртяной связке села. Мать его котел на голову положила. Железнорогая съела ту женщину с котлом. Так сделавши, к ребенку пошла. Железнорогая позвала сына той женщины. Пришел отец того ребенка, сыну своему сказал: „Мать-то куда ушла?“ „Ее железнорогая съела“. Тот мужчина женился на железнорогой. Потом тот

¹ Hāwānāt ot russkogo slova swinec, upotrebljajetsja w značenii swinec i železo. Železnorogaja—ważenka.

vəjə hırcə daldulāwı, ahılākājim. Hāwānātmə ijəcıqın hırcə ədiwi ahaşca. Hāwānātmə vokocə ədiwi. Guluwurwa ılatcāl, ahātkārwe gırcəl: „Ömaktawar kukınmar nənəwkəllə!“ Hāwānātmə guluwundulā hulitnācā, togolō məjınmə lambawa nōdācāl, gırcəl: „Ni ahın hōtmār, tar gaşan lambawa“. Ömaktā kukıntın gāhicılā, nuşanmān togolō anacalla. Togodu bırcəkājim, hāwānātmə guşdəwki: „Əcəi anara bıhıksun, talakacā bımcəw hakırwahun. Awalaj ijədun hālbı! hālbı!“

A. Pıtugır. Dəkənnə

48. Çulugdı

ımcəkən vəjə ırcıncəşecən, gırkuktalan, vəjıməsilən. Ahın dıkcaduwi hıtənün billä. Tar dıkcaduwar bıdərəktn, ekun-mal kacunallan, ıcəttə—çulugdı əmərən. 5 dıkcälätün ırən nuşan, tar ahıwa umnət mukuran, hıtəwən əcə mukura.

Çulugdı dəwkəjim, vəjə dıkcäduş billən. Tar vəjə dıkcäläwi dolboltönə əmərən, dıkcäläwi ırən. Çulugdı bıdərən dıkcädun, ahıwān dəpcə, hıtən bıdərən, əcə dəwrə. Tar vəjə nələlən. „Mınə dəwşən!“ gınen vəjə. Çulugdıwə atırkātılıksan öran, ədən dəwrə nuşanmān.

Dolboltönə ənnəttə dıktə Çulugdınun. Vəjə tımätne ıncəməmə tögərən, ororwi dəwattan, gınen atırkānmı çulugdıwi: „Namakājim, əməhindəwi jaşkalıw“.

10 Vəjə gırkəjim, huksıllalıw tətən, hırcırən akıntıkiwi. İstan akınmı; ıskājim, ılgıcällən akıntıkiwi: „Çulugdı, əməne, nuşgiwəw dəwrən“. Tar vəjə şalıw nələlə, tādık vəjə gınen: „Akınmı guluwuna ılawāt! Nuşanmān guluwundulā anaşanəktə“. Əhilə guluwunma ılara.

15 Ahı-Çulugdı ororwi namaran, kuşākānmə ıyırwan ıcakın amaşkın. Çulihılləkın, tar kuşākān bırcırən dınnələ. Çulugdı əmərən kuşākāndulā, ıyırwan, şan ıcakın

мужчина ушел к своей родне, женившись. Железнорогая ушла, последовала за мужем. Железнорогая нашла мужа. Зажгли костры, девочкам сказали: „Приведите новую невестку“. Железнорогая пришла погреться к костру, в огонь 10 бросили серебряную ложку, сказали: „Кто из жен сильнее, та ложку возьмет“. Новая невестка взялась достать, ее в огонь столкнули. Умирая в огне, железнорогая сказала: „Если бы не столкнули, съела бы ваши печени. Рогам оленя (возрастное название) больно! больно!“

A. Пугир. Нгоконно

48. Чулугды

Жил один мужчина, мастер ходить, промыслять зверя. Жена его в юртенке с сыном жили. В то время, когда они были в юрте, что-то такое зашуршало, посмотрели — Чулугды пришла. В юртенку их она вошла, сразу проглотила ту 5 женщину, сына ее не проглотила.

Чулугды, съевши (жену), в юртенке мужчины стала жить. Тот мужчина 10 пришел вечером, в юрту вошел. Чулугды живет в его юрте, жену съела, (а) сын его жив, не съела. Тот мужчина испугался. „Съест меня“, сказал мужчина. Сделал Чулугды своей старухой, чтобы его не съела.

Вечером спали вместе с Чулугды. Мужчина встал рано утром, оленей поймал, сказал своей старухе Чулугды: „Навьючивши оленей, иди по свежему следу моему“.

10 Сказавши, мужчина надел лыжи, пошел к старшему брату своему. Дошел до брата; дойдя, стал рассказывать брату: „Чулугды, пришедши, кочеводку (жену) мою съела“. Родственники того мужчины испугались, потом мужчина сказал: „Брат, костер зажжем! Ее в костер столкнем“. Тогда зажгли костер.

15 Жена-Чулугды оленей навьючила, ребенка посадила на оленя задом. Когда стала собираться, ребенок упал на землю, Чулугды подошла к ребенку, посадила опять

amaskin, kuḡākāntiki ḡūnə: „Bi hinə mukuḡam, buḡurəkis. Əḡinnə on uḡuwuḡkun hinə?“ — „Ücakiw iḡətkin dārəwəw nəḡkin əḡi“. Çulugdi uḡuwran tuḡ kuḡākānmə. Əhilə nulḡihinən tar wəjə jaḡkalın. Nulḡihiwki, nulḡihiwki, əhilə istan ʋrinəwi. Bəjə nəknilin arcamkara, ḡülle: „Haḡas! bu inigəktəwun“. Ahətkār inigəllə.

²⁰ Çuluwundu biḡənəl, wəjəl jəkəllə, ḡūnəl: „Ollon buḡurən ḡəhitcaksar biwki“. Tədük wəjə ḡūnən: „Minḡi atirkam ḡəḡanən“. Nuḡan ḡūnən atirkāntikiwi Çulugdiḡki: „Atrkān ḡānəkəl“. Tarḡın tuksakakuttān, əmərən, ḡāhicillan. Nuḡanmān tədu guluwundulā anara. Çulugdi əhan togodu huçərgəwki, ḡoḡḡomī. Tuḡ wərə nuḡartın Çulugdiwə.

²⁵ İləl ḡunḡirə: „Çulugdi əha əhikin ḡoḡḡorə, əhikin huçərgərə, təli əwki buḡḡa Çulugdi. Uḡkat ʋllən nuḡanḡın hələmə, ʋmukən əha illəḡəcin“.

I. Kaplin. Inḡarigḡā

49. Çulugdi

ʋmukən wəjə urumkun biçən. Nəlkə, əwiləḡə nulḡiḡəcən. ʋrinərən, ʋrinədəwi ḡənəḡəcən. ʋricə, ʋmukən halḡaci Çulugdi. Tar wəjə əmərən nuḡandulān əhilə. ʋmukən halḡaci nuḡniciwki nuḡanmān, ʋrinərən tar wəjə ḡūn. Əmərən ahin, nulḡirən. ḡūwi tar wəjə hawalcā, ḡūwi kaltakawān əlvərən Çulugdi huḡəwi buḡuçsərən, ⁵ nuḡanmān təpuḡəmi. Bəjə ḡūwi kaltakawān namaran orondu, kaltakan ḡūn bimmān. Nulḡihinən hoktokökun, muçuhinən, tar Çulugdinun ḡḡktə təḡətcənə guluwundulāwar. Dolboltənə wəjə ḡūlāwi inḡəhinən, bırawa daḡran, hoktowı dakkajım, əjəḡinḡəḡin.

Hoktowı bargidādun icəcillən caḡıçıḡı, döldirən həḡkərvən, əməḡərən: „Goro-wol biḡin, daḡa-wal biḡin taj-tul! taj-tul! Əməḡənə bırawa əjərən duḡnadun. Əjəkəjim ¹⁰ əhilə, ḡənərən, dāllan hiḡilḡəḡi hoktowo, ḡān ḡiḡitcənə biḡəḡnərən.

Çulugdi ahı ahaḡaran nuḡanmān, ədi ʋḡakakın. „Hakinmān buçakaḡaḡıḡa-wu?“ ḡunḡirən, əmərən bırawa, əjərən. Bəjə nuḡarwatın ḡḡktəwə əjirən, ʋləkkirən.

к заду (оленья), ребенку сказала: „Я тебя проглочу, если упадешь. Мать твоя как сажала тебя?“ — „Лицом к рогам оленя сажала мать“. Чулугды посадила так ребенка. Тогда отправились по свежему следу мужчины. Кочевали, кочевали, потом дошли до стоянки. Младшие сестры мужчины встретили, сказали: „Невестка! мы развяжем“. Девочки развяжили.

²⁰ Сидя у костра, мужчины засмеялись, говоря: „Крюк (для подвешивания котла) упал, кто может вынуть?“ Тогда мужчина сказал: „Моя старуха вынет“. Он сказал своей старухе Чулугды: „Старуха, поди возьми“. Та поскакала, пришла, стала брать. Ее столкнули туда в костер. Глаз Чулугды в огне лопнул, сторая. Так они убили Чулугды.

²⁵ Люди говорят: „Если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может Чулугды умереть. Все ее тело железное, один глаз как у человека“.

И. Каплин. Ингаригда

49. Чулугды

Был один короткий мужчина. Весною в период охоты (по насту) кочевал. Шел кочуя. Ходил, чтобы кочевать. Кочевал одноногий Чулугды. Тогда тот мужчина подошел к нему. Одноногий заметил его дорогу, отправился к юрте того мужчины. Пришла жена его, прикочевала. Мужчина делал юрту, половину ⁵ юрты покрыл. Чулугды бросил быстро топор, чтобы ударить его. Мужчина половину дома (покрышек) навьючил на оленя, половину оставил на остове. Отправился кочевать по дорожке, вернулся, с Чулугды вместе сели у костра. Вечером мужчина отправился в юрту передневать (переночевать), через реку перешел, дорогу прорубивши, чтобы (тот) утонул.

По ту сторону (его) дороги увидел бродягу, услышал слова, идет: „Далеко ли близко ли тай-ту! тай-ту! (сьем). Подойдя к реке, утонул в прорубленном (месте). ¹⁰ Когда утонул, (мужчина) пошел, покрыл снегом дорогу, опять остался караулить. Чулугды жена шла по следу его, по следу мужа. „Печенку его съели“, говорит, пришла к реке, утонула. Мужчина их обоих утопил, обманул.

50. Bærkältun

qur wəjəl hōniŋil biçətin. Ge nəkūnīn biçən Bærkältun, akīnīn biçən Muçunəj, əkīntin nuŋun dīlicī biçən. Nuŋartin biçəçətin əkinduwi. Əkīntin ədīməcillən Çulugdiwə-hōniŋiwa. Bultađanŋarə, əjakakur wəjəl biçətin. Əhilə əkīnīn uŋçən nuŋarbatin, gənnədətin amākawə, đawadātin inđəriwə. Amākawə irəksəwə həktəwunəwi əməwdətin hilti lidədən hamnırtınawı.

Əhilə huŋuçəl, ŋənəđəçəl, amākawə gələktəçəl. Ōpçəl hərəlgəndulə, bargidādun nəlgəkəwə icəçəl amākawə hilti lwə kapuđanŋılwān.

Akīnīn əhilə ikəlçən, gūnđənə:

„Nəkūjəj! Muçunəj
ōn buđdəkəkun
kapuđanŋılın;
ēldulə ihıwđan
əkīnti nuŋunin“

Nəkūnīn gūnən: „Icəwət awadı-wal bihikin nuŋan!“

Ūrkucəl, wakacəl amākāŋar. Amākā tuksancacən nuŋarbatin. Nəkūnīn Bærkältun hərdukin amākawə đawacən, đunnətki nōdacən amākawə. đuləwər ihıwçəl, əkinduləwər. Ihıwkājim, gorowoti ģurkuđaltın.

Əkīntin ułlılcə nuŋarbatin, đānmə tiğəl winəwə wūçən. Əhilə umkājim, həwđəpçu oçātın. Muçunəj, əkinduçki əjəçəlcə: „Ēduk-kə wakacəs hacıkān-məl winən“. Nuŋan nān wūŋən đānmə tiğəl. Hoktolçöl nuŋartin, āhicəl. Nuŋartin ilanma anŋanıł āwkıl. Ađərəktin, qırwə hələməlwə awsalwa ōçəl, dıçəl nuŋarwatın ađərəktin. Lāmulə əjıçəl Çulugdiŋun miren, əjıkəjim. Çulugdilə nułġihinən, nəknılwi dikājim.

50. Бёркольтун

Два мужчины были силачи. Второй младший был Бёркольтун (живчик), старший был Мучуной, старшая сестра их была шестиголовая. Они жили у старшей сестры. Старшая сестра их стала собираться выходить замуж за Чулугды силача (богатыря). Промышляли (они), хорошие мужики были. Тогда сестра послала их, чтобы притащили медведя, чтобы живого поймали, подстилку для шкуры медведя чтобы принесли, за гнилушками для дымокура сходили.

Тогда (они) ушли, шли, искали медведя, пришли в марник, увидели по ту сторону коряжину, медведя, гнилушки разбивающего. Старший брат тогда запел, говоря:

„Нокуей! Мучуной!
Как холмик
сломанный;
до чего доведет
сестра шестиголовая!“

Младший сказал: „Посмотрим, какой он есть!“

Пошли, нашли медведя. Медведь быстро прыгнул на них. Младший Бёркольтун схватил медведя за уши, бросил медведя на землю. Притащили домой к сестре. Притащивши, вблизи походили.

Старшая сестра накормила их, десять чашек вина дала. Тогда, опьяневши, они стали веселыми. Мучуной спросил сестру: „Где нашла, щенком ли будучи?“

Она еще дала десять чашек. Опьянели они, заснули. Три года они спали. Когда они спали, сделали два железных ящика, всунули их, когда они спали. В море утопили. Утопивши, вышла замуж за Чулугды. Откочевала к Чулугды, всунувши своих братьев (в ящик).

Hōnūl adəcāl, adəcāl, əhilə mēlcāl, ēruktacāl—haktırapcudu biđərə. İkəlcə Mıçunəj: „Nəkūjəj! Bərkəltun! Ekundu ocaltı? Əkinti Nıçunin ekurdulā ihıwran? 25 Ajadıdu awsadu nōcā əkinti Nıçunin bitpə“. Nəkūnin Bərkəltun mēlcā. Əhilə ēruktawkil—haktırapcu, humnawkil—mūdu biđəhincāl. Hācāl nuğartin mūdu biđərə, ikəcəl: „Ənəjəj Lāmujəj! Kəjuləwər gərbis. Mıñıdu mūdıs buđəkiwun. Uşəskəl! uşəskəl! kəjuləwər! uşəskəl! uşəskəl! kəjuləwər!“

Nuğartin əmıwullə; tıç kədənəl, ımnət hikcəl, humnawkil, dınnədu ođa. Bər- 30 kəltun ikəlcə: „Akıjaj! Mıçunəj hawāwatın ēruktakal! kəjuləwər! Akınān! Mıçunəj ahunmanın binən“. Ēruktallan akınin Mıçunəj, albaran kapurıtcamı awsalwı. Albakajım ikəllən: „Nəkūjəj Bərkəltun! kəjuləwər! hawāwatın hi-ə-li ēruktakal hiñıgdəwə naqəjıñki, ər mōmodu buđəkıt ərupcu ođan“. Bərkəltun hōgıltulcān hōnoskottən. uşıkun. Mıçunəj ikəlcə: „Nəkūjəj! Bərkəltun! kəjuləwər! hōnoskottən buttəgəcinin. 35 Hawuskātkał bihikin! kəjuləwər! kəjuləwər!“ Bərkəltun hōgıntucān, humtəlqi hıruknənin upkatpān hətəkıpcəcə.

Dılacawa ırganıwa icəcəl. Höt dəmılcəl; əlahada ənəduwər bihi dınnədu oca. Jūcəl awsaduk gūlcəl: „İriklə dūt binən əhilə?“ Dılaca ılkənin hıruçcəl, ɣənəđəcəl ɣənəđəcəl cıpicıkānmə wācəl. Cıpicıkānduk ɣıramnakāndi bərkənmə oca. Tarıt wācəl 40 kıkəkikənmə. Halgandukin oca nān ɣırkənmə, tāduk wācəl hinukicəkənmə halganqıwi oca ɣırjawar. Tāduk ɣıməñıwə ɣırjawar oca, wācəl wəjuncıkənmə, əñnəkənmə Nıçındukin oca ɣırılwa, warə həgdıwə wəjırwə. İssal dınnəldulə ıdu ɣırkıñkitın. İskajım, dıwar, vakacəl dıwatın upkatpatın ılapcəl, ekunda acın. uđatın hıruktətın hāwkəttən arakun. Nırlıwar oca ajamama, əkinməğ hıruđəktulən hıruçə. ɣə- 45 ɣəcətin, ɣənəđəcətin, ista nuğarbatın. Balagawān icərə həkilduk ocawə. Təra hıpkumōcilla „ōn hō binən, mañıwi đorogdı“. Bərkəltun gıçə: „Dōwađıñaw bihim“. Kə-hilə əməcəl. Ətəjəmnı biđərən. Tar ətəjəmnı kawkawān đawacān ətitcən həñkəjə acıñdı wācān. Bərkəltun ikəlcən: „Əkişəj! Nıçunin! kəjuləwər! nəknılış əməcəl, dorowomcəs

Богатыри спали, спали, наконец проснулись, посмотрели—в темноте сидят. Запел Мучуной: „Младший брат Бёркольтун! в чем мы заделаны? Сестра шести- 25 головая во что ввела? В хороший гроб положила нас шестиголовая сестра“. Младший брат Бёркольтун проснулся. Тогда осмотрелись — в темноте; толкнулись—в воде живут. Узнали они, (что) в воде живут, запели: „Мать море! Коюловор имя твое. Наша могила в воде твоей. Вынеси волной! вынеси! Коюловор вынеси! вынеси (заволнуйся)! Коюловор!“

Они стали толкаться, так делая друг, взглянули, шевельнулись, на земле 30 стали. Бёркольтун запел: „Старший брат! Мучуной, работу их посмотри! Коюловор! Старший брат! Мучуной! сколько-то (ящичков) есть“. Осмотрелся брат Мучуной, не мог разбить ящички. Не смогиши, запел: „Младший брат Бёркольтун! Коюловор! работу ты-ко посмотри, на тебя надеюсь, в этом деревянном гробу худо стало“. Бёркольтун стал толкать, немножко раздвинул. Мучуной запел: „Младший брат! Бёркольтун! Коюловор! как будто расщепил (раздвинул). 35 Если бы был побойчее Коюловор! Коюловор!“ Бёркольтун быстро толкнул, в щепы разлетелось, разбил все.

Солнце, день увидали. Сильно проголодались, на ничего неимеющей земле 40 оказались, вышли из ящичка, сказали: „В каком направлении была наша юрта“. Солнце когда стояло (в полдень), ушли, шли, шли, птичку убили. Из косточки птички сделали лучок. Убили им кукушу. Из ноги ее опять сделали стрелу, потом убили рябчика, из ноги его сделали стрелы. Потом глухариные стрелы сделали, убили зверька, теленка. Из голени его сделали стрелы, убили больших зверей. Дошли до земли, где ходили. Дойдя до дома, нашли весь дом сожженным, ничего нет. След от ухода едва-едва узнали. Стрелы хорошие 45 сделали, по дороге сестры отправились. Шли, шли, дошли до них. Увидели балаган, сделанный из елей. Там стали поглядывать. „Какой сильный Манги (чорт) зять“, Бёркольтун сказал: „Я займу“. Ну вот пришли. Пастух живет. За горло пастуха схватил, оторвал, без слова убил. Бёркольтун запел: „Сестра шестиголовая! Коюловор! братья пришли, поздоровалась бы

ajadu buʔadut, ʔūdu ajadu, nonos əməɾəw əhīlə“. Maŋimī ʔorogdi həŋkəcīlcə: „Ətə-
 50 jəmnīl əwa oʔara?“ Bərkəltun guncən: „Ətəjəmnīs, ulgucəmətcəɾən munnun, kəjələ-
 wər.“ Tāduk maŋi ikəʔəɾən: „əkun, ekun ʔəkəʔəɾən ʔwə-ku-wə, ʔwə-ku-wək. Ciri-
 camətəŋkillən londutorə uwə-ku-wək! uwəl idu bicən halkanmī, ʔuŋuŋ puʔəcī“. Tarimī jūmcə, huŋullən Bərkəltunŋun kuhiḏāwi. Jūʔəɾəkin, Bərkəltun koltoron nuŋan-
 mən, dilīlin əhīlə hətəkuɾə huḡtəḏi huŋuknənin. Buḏəkin, əkinmən ənilcən. Bərkəltun
 55 ikəlcə: „Əkiʔəj Nuŋunmən huŋskətkał mundulə“. Nuŋunŋi əkintin əwki icəwullə. Taril
 gulələn icəl. ikəjīm, gulələ, amun binə buŋuɾən, huŋuhinən mənmi əkintin ʔūduwi
 binə. Tara gəɾpacıwki „Ənukāwki, ənə icəwɾə!“ gūnən. Tarit wācətīn Culuḏdiwə—
 māŋiwə, Nuŋunŋiwə. ʔūktə billə, wəjahl oɾa.

N. Kaplin. Norbokö

51. Bərkəltun

„Bərkəltun“, gūlcə əkinin: „Venökənə ɾənnəkəl“. Tar venəwa wūcən, Bərkəltun
 umdān. Tar umcə, hoktocən. Umkajimī, ocan əkinin təmuwə, uɾcən Bajkaldulı kuŋa-
 kārəwə. Tar kuŋakār ilanma anŋanil əcəl. Nıkātikutin huŋkitən pəhirgəscə, təgəcə, Bərkəltunmə həripcə. Tarimīn təgəcə. Həripcəl, ilıwəɾ ɾırkiwəɾ.

5 Nəkūnīn ikəlcə: „Bajkalkən ʔəskəl ʔapkatki! ʔapkatki! Nuŋartın əŋɾə, jūɾə
 ʔapkalā, murıduwəɾ ukcəl, huŋtiwūscəl ʔapkatki. Huŋtiwəʔəɾəktin, ʔapkun dilicikakun
 loporocə walaʔaduk, gułcə, cıɾicəgəcın lāndorona: „ototok! ototok“. ʔapkun dilicıwa
 gəɾpacəl wuknənin. Tar omolgıl əkinduwəɾ gūcəl: „Əkiʔə əwa oʔannə?“ gəɾpacəl əkin-
 mər wuknənin.

на хорошей земле, в хорошем доме, только что пришли“. Манги зять спросил:
 50 „Караульщики что делают?“ Бёркольтун сказал: „Караульщик твой разговари-
 вает с нами, коюловор“. Потом Манги запел: „Какой, какой собирается голос,
 голос. Ни одна птичка не летала (голоса не подала), где был мой молот ше-
 стипудовый“. Тот быстро выскочил, пошел драться с Бёркольтуном. Когда
 выскочил (он), Бёркольтун ударил его (кулаком), головы его разлетелись
 в щепки до конца. Убивши, позвал старшего брата. Бёркольтун запел:
 55 „Сестра шестиголовая, покажись нам“. Шестиголовая сестра не показалась. Те
 вошли в избу. Когда вошли в избу, превратившись в кал, (она) упала, по-
 катилась сестра по дому. Ту выстрелили. „Больно, не видно!“ сказала. Так
 убили Чулуды—Манги (и) Шестиголовую. Вдвоем стали жить, богатые
 сделались.

H. Каплин. Ербогочен

51. Бёркольтун

„Бёркольтун“, сказала старшая сестра: „вина принеси“. Та вина дала, Бёр-
 кольтун чтобы напился. Напившись, опьянел. Когда напился, старшая сестра
 сделала плот, послала ребят на Байкал. Ребята те спали три года. У млад-
 шего живот заболел, проснулся, Бёркольтуна разбудил. Тот встал. Разу-
 бдили третьего товарища.

5 Младший запел: „Байкалушка, заволнуйся к берегу! к берегу!“ Они при-
 стали, вышли на берег, на коня сели, поскакали к берегу. Когда скакали (они),
 восьмиголовая вылетела из балагана, сказала, как птичка, подавая голос:
 „Ототок! ототок!“ Восьмиголовую убили на смерть. Парни сестре сказали:
 „Сестра, что делаешь?“ Убили сестру свою на смерть.

52. Nuriḡdi Nand'ınun

Bəjə aḡanki bakaran nuriḡdiḡa aḡankiḡa şinələḡəriḡə. Tar aḡanki dund'alā hərgulə inḡan. Bəjə anḡuktaran: „ēkun şi bişind'ı?“ — „aḡanki bişim“, nuriḡdi ḡünān. „irgic əməcāş?“ — „Bi əməcāw hərguḡduk dund'aduḡ“. — „İli əməcāş?“ — „Tawār āmutpa, tāli jūcāw“. — „Ətəm təḡərə“, vəjə ḡünān. Nuriḡdi ḡünān: „purtalwı dıyıtḡ“. Dıyıt'ə purtalwar. Bəjə ḡünān: „āmudıntıki ḡirkuld'ap“. Şururā āmuttıki. 5 Dənərə, nuriḡdi hırrān, tāli vəjə tar təḡərən, ḡülāwı mıçuşnān. ḡütḡıwı mıçurān, ḡünān, upkattu ulḡurild'ān nuriḡdiḡa icəḡḡkpi, purtalwar dıyıt'əşəw nuriḡdi ulḡuld'ān nuḡanḡıdu dund'adu calbar ācır, irəktəl ācır, nuḡan ələ hawalḡaran ərtiki dund'atki.

Tadu aḡankiḡilin Nand'ı vicān. Əşin nuḡan təḡərə. „Şi-t uləkkıtcand'ı“ — „ulə kıtcaraḡıw, şurukəl şi mənəkən“. Nuḡan āmuttıki əməcən vəjə uḡalın. Dənərən, bakawrān nuriḡdiḡa. Tar nuḡanmān ḡawawrān. Nuriḡdi hərguḡtki dund'atki şurıwrān nuḡanmān. Cōmbawrān Nand'ı əşilə. Alätt'ə, alätt'ə nuḡanmān, əḡnərən mərə. Nand'awa icənəşşən, cōmbavḡākin. İlə-mət şurıḡḡekin, ācın. Nand'ı cōmbawrān.

Tıḡənı ödan, ḡənərən tuḡanı, şıḡilḡən ünən, ḡugaran. ḡugarakın, ḡān hawalılda. 15 Nuriḡdi əmərən aḡankiltiki. aḡankiltiki əmərə ḡıḡrə vəjəl, ıḡukən aşı nuriḡdi.

Nand'alı tamara aşıwa. Nand'ı əjən əḡnərən təḡərə. Nuriḡdil ḡund'ərə: „Tālā inḡirān Nand'ı“. Nand'ı, əjən mən şurıwrə hərguḡtki dund'atki. Şurıwrə, işsa. Ələtpi əjən Nand'ıwa icərān. „Şi bişiş?“ Əjən icərān, — Nand'ı asilācā. Əməmşınən amaşki inəḡitki.

20 Nuriḡditil əməwrə əjən mə. Nand'ı əjənın ḡünān: „Ələtpi, inḡirān tālā hərguḡdu dund'adu“, ulḡurild'ən: „Əḡācin dund'a, ḡagḡak, şupirıḡıl bişi hıḡpikəḡıl bişi“

52. Волосатый с Нандрой

Мужчина эвенки встретил волосатого эвенки, рубящего березу. Тот эвенки на нижней земле жил. Мужчина спросил: „Ты кто такой?“ — „Эвенки“, волосатый сказал. „Откуда пришел?“ — „Я пришел с нижней земли“. — „По чему пришел?“ — „Вон по тому озеру, там вышел“. — „Не верю“, сказал мужчина. 5 Волосатый сказал: „Ножамы обменяемся“. Обменялись ножами. Мужчина сказал: „К озеру пойдем“. Пошли к озеру. Пришли, волосатый нырнул, тогда тот мужчина поверил, домой вернулся. Домой вернулся, сказал, всем рассказал, (что) видел волосатого, (что) обменялся ножами, (о том, что) волосатый рассказывал, (что) на его земле берез нет, лиственниц нет, он только ходит по этой земле.

Был там у эвенков Нандры. Он не поверил. „Ты врешь“. — „Если (я) вру, 10 поди ты сам“. Он к озеру пришел по следу мужчины. Пришел, нашел волосатого. Тот его поймал. Волосатый унес его на нижнюю землю. Пропал Нандры теперь. Ждали, ждали его, не пришел. Пошел посмотреть на место исчезновения Нандры, куда бы ни пошел — нет. Нандры пропал.

Зима стала, прошла зима, снег растаял, лето стало. Когда настало лето, 15 опять стали ходить. Волосатый пришел к эвенкам. К эвенкам пришли два человека, одна женщина волосатая.

За Нандры заплатили женщиною. Младший брат Нандры не поверил. Волосатые сказали: „Там живет Нандры“. Увели брата Нандры на нижнюю землю. Увели, дошли. Наконец брат увидел Нандры. „(Это) ты“. Младший брат увидел, Нандры женат. Быстро собрался итти обратно на дневную по- 20 верность.

Волосатые привели брата. Брат Нандры сказал: „Действительно, живет там на нижней земле“, стал рассказывать: „такая земля, сосняк, ивняки, чаща есть“.

Нүригдил эмәврә әмәмнәвәтин ашһа, гәдә дүҗүлдүквар һуһүктүвә ашһа. Нанди әҗәндун әмәврә. Нуһан асиләраһ.

Тәдүк һан ашәл дүр һаһалдара әмүтүкү, һәнәрә үвүлән һаһалд'а. Баһавра
25 һан таргәсир вәҗәл, һалгартун ашһр—Чүлүгдил. Чүлүгдил ашәһна дүрә ашәла. Асәл туһәһна, вәкәмәрәкүтүн, гә гүлд'ән: „Ши-гу-клә! Ши-гу-клә“. Гәһа ашһа вәкәнән, дәһаран, һалганмән калтакәһән һәһраһ, һәһилд'ән Чүлүгди. Гә ашһ гүлд'ән: „Илакшәһа, Илакшәһа!“ тәдүк: „лаһгәһә! лаһгәһә!“

Әһәнкү ашһ гә һәнәрән дүләһи, үлгүрүлд'ән: „әкүрһан таргәсүн дәһав вәрән“. 30 үлгүрәкүн, һуһүрә әмүттүкү, тәдәдәһәр әһәкәндү, әкүр вәрә дәһан. Ичәнәрән таргә, һуһүрән ашһ әмүттүкү вәҗәлвә, тәдәдәһән. Дәләсәкәтүкү дәләсәлд'а, һан Чүлүгдил һуһүсәл. Нүрмәһа, ичәрә әлә таргә вәдәкпәтүн ашһа, үһәсәл әмүттүкү. Тәдүк вәкәһә нәһән ашһа. Тәһи тәдәһә ашһа әләһрәһәһән. Һалганән әсүн. Һалганмән һәһләһән.

Лүсәл һаһалд'а әмүттүкү мүрәһи. Ичәрә үдәләһа гүлд'ә: „Нүригдил үдәһән шә 35 әгдү“. — әкүр үдәһән, әһәнкүл үдәһән? Мүрәһи һаһалд'а, гәрәһи һаһалд'а — әһәнкүл әсүр. Ичәрә мүһи куһәкәр һүрә дүнд'әткү, әдә тунга. Туһәһәлд'ә, үвүлү, әһилд'ә куһәкәр. Лүсәл һуһүрә: „әкүр таргәсир?“ Әһирә, әһирә, һән һүрә әмүттүкү. Лүсәл һуһүрә: „Тимәһна мит тугиткә, дәһалдәһәр“. Әмәрә әмүттүкү һәнә, лүсәл дәһуһи ләләкәлдү күпүрә әһәкәндү. үмүкән әтәһәһән әһилә, гә һуһүрән гәрәткү.

Дүһүндүн иһәһи һан һүрә таргә куһәкәр. Һән әмүт дәһкәһүн әһилд'ә. Лүсәл ичәрә 40 һуһүрәһәкәрвә. Тигүһәнә. Тигүһән үмүкән, һуһүрәһәкән һалгандүкүн дәһаран. Нүригдүкән гүлд'ән: „Мәһәкүкүтү! Мәһәкүкүтү“. Тар куһәкәр мүһи һуһүрәһә. Лүсә гәрә дәһаран.

Дәләһән, тимәһна әмәрә, әһәһәрә тәдү. Нүригдил әмәрә, әһәнкүтүн мәһүрвә әмәврә тәһилвә, дүһәтәһәр, һүтәһәр гәдәһәр. Лүсә әһүннү тәһәһән. Нүригдил мәһүрә үһкүһәрә әһүндүн. үһкүрә тәһилвә әләһән, мәһүрә лүһүрәк үһкүрә. Лүсә вүрән һүтәһән әһәкү.

Волосатые привели званную женщину, взяли из юрт своих вонючую женщину. Привели брату Нандры. Он женился.

Потом опять две женщины пошли к озеру, пошли, по берегу стали ходить.
25 Нашлись опять такие люди, без ног — Чулугды. Чулугды стали преследовать двух женщин. Женщины убежали; когда (те) нагнали, вторая сказала: „К тебе! к тебе!“ Вторую женщину нагнал, схватил, отрубил половину ноги ее, стал пить кровь Чулугды. Другая женщина сказала: „Талинку! талинку!“ Потом: „Кровь (идет)! кровь!“

Другая женщина-эвенкийка пошла домой, стала рассказывать: „Какой такой
30 родственнику убил“. Когда (она) рассказала, пошли на озеро, чтобы хорошенько удостовериться, кто убил родственницу. Пошел посмотреть, увела женщина на озеро мужчин, чтобы проверили. Из места, где слушают, стали слушать, опять Чулугды ушли. Подкараулись, увидели только место убийства женщины, поехали к озеру. Там нашли оставленную женщину. Тогда поверили во всем женщине. Ноги нет. Ногу принесли к телу.

Русские ходили вокруг озера. Увидали следы, сказали: „Следов волосатых очень много“. — „Какие их следы, следы эвенков?“ Стали кругом ходить,
35 долго ходили — эвенков нет. Увидали; из воды на землю вышли дети, (всех) пять стало. Стали бегать по берегу, стали играть дети. Русские сказали: „Кто такие?“ Играли, играли, опять нырнули в воду. Русские сказали: „Утром мы покараулим, чтобы поймать“. Пришли на озеро опять, русские лодку в мох хорошо спрятали. Один начал караулить теперь, другой ушел подальше.

В полдень опять вышли те дети. Опять стали играть на берегу реки.
40 Русские увидели маленьких волосатых. Подкараулили. Подкараулил один, маленького волосатого за ногу поймал. Малыш сказал: „Мама! мама!“ Ребятишки те нырнули в воду. Русский долго держал.

Настала ночь, утром пришли, ночевали там. Пришли волосатые, родители
45 принесли котомку денег, чтобы обменять, чтобы ребенка взять. Русский продырявил шапку. Волосатые сыпали деньги в шапку. Высыпали котомку полную, деньги сыпались через (нее). Русский отдал их сына обратно.

53. Icəgdirə

Bəjə vicən Icəgdirə. Nuşan əñinmi cımkaduwi üyırən şomomoc. Kultırdıkpı tukşaş-şan qanma. Tukşaktal gıñdın: „iñərən anşanı! dəyidutın anşanı! alətcıqal, əməqəm“.

Şururən Icəgdirə. Tələ bəjə uđapcənən həgdiñə hakdıkın kumalandın. Arcaran bəjəwə qır dililin, qəwupki. Icəgdirə günən: „Amākā! purtawı əməpkəl icädəw“.

5 qəwupki bürän, ərıktadän. Təduk Icəgdirə günən: „Amākā! icäkəl tarı hırilwi awalqara! on əñnənd'i icärä?“ qəwupki icəcırän. Icəgdirə, hırilwən icəcild'əkin, dililwän şukədərən. Dililin qırkrə bururə. Təli qəwupki ınan günən: „Gəpkal şukədəkəl!“ — „Əşin, ımun-də ələkin“. Icəgdirə irəktəlwə qırwə əyurən, burirən, qəwupkiwə tirərən.

Nən şururən qıləski. Tələ nən bakaran, nən targacın uđalın kumalandın həgdi-
10 kilin. Arcaran qəwupkiwə ilan dililin. „Tiniwə Icəgdirə hıtəwəş wārən“, cinəkəl gıccətin qəwupkitki.

Icəgdirə əmərən, günən: „Amākā, icätkəl, bi-kə ın wəqəm? ekun bi-kə, icätkəl, ın bi wəqəm, bi hılu bişim; amākā kolıcəwi ərıktadəwi əmupkəl“. qəwupki bürän, Icəgdirə ərıktald'än, nən günən: „Amākā, tarwə-wəl icätkəl, hırilwi tukşaktaqarə, ın
15 əñnənd'i icärä, icätkəl, joñtkal“. Amākā icəcild'än, təli Icəgdirə şukədərən nuşanmən. Amākā günən: „Icəgdirə, əl-kə, gəpkal şukədəkəl“. Icəgdirə günən: „ımnə-də ələkin“. İlan irəktəl əyurən, əməwrən, tirərən nuşanmən.

Nən qıləski şururən. Nən arcaran digin dililin bəjəwə. Tar günən: „şikəkən bişind'i! Tiniwə cinəkəl gıccətin: „Icəgdi hırilış manaqeran, wətcirən“. Nuşan hıy-
20 wəld'ən şukəñkiwi; Icəgdirə günən: „Amākā, kolışəwi əməpkəl“. Tar bürän, Icəgdirə ərıktald'än, günən: „Tarı icəvqənd'i?“ Qəwupki nən icəcild'än. Icəgdirə şukədərən, dililwän upkatwän hōgrən. Amākā günən: „Əl-kə şukədəkəl!“ — „Əşin əşilə ələkin; vı,

III. Кильтыно. Чиромбу

53. Ичэгдыро

Мужик был Ичэгдыро. Прекрепно привязал он свою мать к срединной жерди юрты. Прыгнул от порога десять раз. При прыжках сказал: „Прошел год! на десятому году поджидай, приду“.

Ушел Ичэгдыро. Там мужик след нашел—большая пятка с кумалан. Встретил двухголового человека, людоеда. Ичэгдыро сказал: „Дедушка, дай
5 мне свой нож посмотреть“. Людоед дал посмотреть. Потом Ичэгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, там дети ходят! как не можешь увидеть?“ Людоед взглянул. Когда (тот) детей смотрел, Ичэгдыро головы его отрубил. Обе головы упали. Тогда людоед опять сказал: „Рубни вторично!“ — „Нет, одного (раза) довольно“. Ичэгдыро две листовницы свалил, уронил, людоеда придавил.

Опять пошел вперед. Там опять нашел, опять такой след—с кумалан
10 пятки. Встретил трехголового людоеда. „Вчера Ичэгдыро твоих детей убил“, пташки сказали людоеду.

Ичэгдыро пришел, сказал: „Дедушка, посмотри, я-то как убью? какой я
посмотри, как я убью, я маленький, дедушка, нож свой принеси посмотреть“. Людоед дал, Ичэгдыро стал смотреть, опять сказал: „Дедушка, вон туда
15 посмотри, дети бегают, как не можешь увидеть, посмотри, всмотрись“. Дед стал смотреть, тогда Ичэгдыро рубанул его (топором). Дед сказал: „Ичэгдыро, ну, еще раз ударь“. Ичэгдыро сказал: „Одного (раза) достаточно“. Три листовницы свалил, приташил, придавил его.

Опять вперед пошел. Опять встретил четырехголового человека. Тот
сказал: „Топорик есть (у тебя)! Пташки вчера говорили: Ичэгдыро детей
20 твоих кончает, убивает“. Он стал точить топор свой; Ичэгдыро сказал: „Дедушка, нож свой принеси“. Тот дал, Ичэгдыро стал смотреть, сказал: „Тех видишь?“ Людоед опять стал смотреть. Ичэгдыро рубанул, все головы отрубил. Дед сказал: „Еще рубани“. — „Нет, теперь довольно; мы,

Əgdірäl əһnәрәw şukədәrә“. İcәgdірә dıgınma irәktәlwә әğurаn, tırәrән nuһanmән. Nән şururән, һән uđalwән bakaran, uđalın targacı, һән kumalan һәнmiptirin, tәduk
25 wәjәwә arcaran tunһa dililin. Dәwupki gүнән: „Şi ekun bişindı? Cinәkәl gүнә:
„İcәgdi һurilwәş wәtcәрән, manađәрән“. İcәgdірә gүнән: „Amākā, icәtkәl eһıwı
wәđam, һuһu bişim“. Dәwupki kolicәwiđan һiwәрән „Һiғiwәktә“, gүнән İcәgdірә:
„eruktadāwi bükәl!“ Dәwupki bürән kәlicәwi. Tarı һән gүнән: „İcәcilkaһ һurilwi
30 һawalđarā! օn әһnәndı icārә? icәcilkaһ tärwәwukār“. Nuһan icәcildән, İcәgdірә şukәdәrән tunһa dililwa tarwa. Hօğran dililwән. Amākā gүнән: „Nән şukәdәkәl“. İcәgdірә
gүldән: „Bi әһnәм şukәđamı, ımnә әlәkin“. İcәgdірә tunһa irәktәlwә әğurән,
uğaran, tırәrән nuһanmән tunһac irәktәl.

Nән şururән, һән arcaran nuһunđı dilin dәwupki, һән kumalandın һagdıtilin,
һәнmiptilin. Wәjәwә arcaran, nuһunđı diltärән. „Ekun şi bişindı? Өrkәkән İcәgdірә
35 һurilin manađeri, cinәkәl gүcәtin tinıwa“. İcәgdірә gүнән: „Amākā, icәtkәl, eһıwı-ka bi
manawđam, bi һuһu bişim. Amākā, kolicәwi әmupkәl eruktadәwәр. Amākā, һurilwi
tärwәwәkән әwiđәrә, icәtkәl օn әһnәndı icәri?“ İcәcildән amākā, İcәgdірә şukәdәrән
dililwән, әlәwәtin hogran; nuһunmә irәktәlwә uğurаn, uguktaran, tırәrән nuһanmән.

Nән şururән İcәgdірә, nadan dililin wәjәwә arcaran, һән dililwән wәрән. Tәduk
40 dәpkun dililin wәjәwә arcaran, dililwән wәрән. Tәduk jәgin dililin arcaran, һән
wәрән. Dән dililin arcaran, tuғı wәрән, dәнđı irәktәl әğurән, uğurаn, ugaktaran,
tırәrән nuһanmән. Muçşnan әһindulәwi. Muçşnan, әһnin uğәduwi labganan. İcәg-
dirә әһnin nintiđurән, әptәlin tagdırgara. Әһnin buđdan.

A. Камбагир. Dәkәnnә

54. Ahәtkән

Utәlә ımukәn waj ilә һawamnin bicән, ımukәn ahәtkән aһađakән. Baj һōma-
mat wolgıcwıki bicә.

тунгусы-Огдырәлы не можем рубить“. Ичәгдыро четыре лиственницы свалил,
придавил его. Опять ушел, опять следы нашел, следы такие опять с кумалан
25 подошвы, потом человека встретил пятиголового. Людоед сказал: „Ты кто?
Пташки сказали: Ичәгды детей твоих убивает, кончает“. Ичәгдыро сказал:
„Дедушка, посмотри, чем убью, маленький (я)“. Людоед нож свой точил. „Дай
я поточу“, сказал Ичәгдыро: „дай посмотреть!“ Людоед дал нож свой. Тот
сказал: „Посмотри, дети твои ходят! как не можешь увидеть? Посмотри, там близе-
30 хонько“. Он стал смотреть. Ичәгдыро рубанул те пять голов. Отрубил головы.
Дед сказал: „Еще рубани“. Ичәгдыро сказал: „Я не могу рубить, раз довольно“.
Ичәгдыро пять лиственниц свалил, притащил, придавил его пятью лиственницами.

Опять ушел, опять встретил шестиголового людоеда, опять с кумалан
его пятки, его подошвы. Человека встретил, шестиголового. „Кто ты? Вот
25 только что Ичәгдыро детей кончил, пташки говорили вчера“. Ичәгдыро сказал:
„Дед, посмотри, как, чем я кончу, я мал. Дед, ножик дай (принеси) посмотреть.
Дед, дети вон там близко играют, посмотри, как не можешь видеть?“ Стал дед
смотреть, Ичәгдыро ударил топором головы его, все отрубил; шесть лиственниц
повалил, свалил, придавил его.

Опять пошел Ичәгдыро, семиголового человека встретил, опять убил
40 головы. Потом восьмиголового человека встретил, головы его опять убил. Потом
девятиголового человека встретил, тоже убил. Десятиголового человека встре-
тил, тоже убил, десять лиственниц свалил, потащил, притащил, придавил его.
Вернулся к матери. Вернулся, мать около костра прилегла. Ичәгдыро толкнул
пяткой мать, легкие ее вырвал. Мать умерла.

A. Камбагир. Нгоконно

54. Девочка

Давно у одного богатого человека (эвенки), была работником одна девочка
сирота. Богач (ее) сильно притеснял.

um̄nə ahatkān m̄l̄šhicā. Bira ɟapkadun ilitcana, hoɟoɟowki dilacadu ɟuɟɟənə:
„Dilaca, minə gaka!“. um̄nət dəyilcə dilacalā. Nuɟanmān ɟacā dilaca.
5 Ahātkan əhikəkən hitcawki dilacadu, əhikəkən tādu biɟərən.

W. Lontogir. Nəpa

55. Anɟanī

Ətirker ulɟucən̄iɟkitin: Anɟanī upkacin urumkun, turganil ācir biɟkitin. um̄nə
vəɟadu hogdarpidu ətirkecən tisustəwi, sukəwi uniwidərəkin, dolborən; atirkācān,
ikənwi ikənɟərəkin, dolborən. Həɟdərpi biwsə, ɟcātın turganil urimil.
Ətirkenduk, atirkənduk anɟanil sālərə.

N. Salatkin. Nəpa

56. Samān

Bicān həɟdi samān. Nuɟan vūnilā aruwuɟkin, əɟkin um̄ukəmət̄jə iləjə buwkānā.
Samāndulā əmərən əksəri. ulɟucəmācillā samānnun. Əksəri ɟuɟɟəwki samāntiki: „Si
mindu um̄ukəmət̄jə iləjə bādānnı buɟāmī, si minduɟ həɟditmər biɟāwi kəɟənni,
həɟditmər minduɟ bimī. Si mindu irikəl ulləɟilwəw, bi sindu buɟālim ɟūrə misiktəl
5 ulləwə, irimī si minduɟ həɟditmər ɟɟaɟās, əsikis irirə, bi sinduɟ həɟdimər ɟɟaɟāw“.
Əksəri samāndu būrən ɟūrəwə misiktəl ulləwə. Samān səwəncällān, iricillān əksəri
ulləɟilwən. um̄ukən̄mə misiktəwə irirən, ɟəwa-da iricillān, səwəncārān, səwəncārān,
tuɟ-dā albaran ɟəwa misiktəwə iriɟāmī. Təli əksəri ɟūnān samāntiki: „Si ulləɟilwəw
alwannı iriɟāmī, bi sinduɟ həɟdimər bisim“.
10 Taripiduk iləl buɟcətın, saman albacān vūnilə aruwıɟamī. Saman iricā bisikin,
əɟnəm̄cəl iləl buɟərə.

Однажды девушка пошла за водою. Стоя на берегу реки, плакала, солнцу
говоря: „Солнце меня возьми“. Вдруг слетело солнце. Взяло ее солнце.
5 Девочка до сих пор стоит на солнце (и) сейчас там живет.

В. Лонтогир. Непа

55. Год

Старики рассказывали: Год весь короткий (был), дней не было. Раз в месяце
ноябре (мог) старичок, (чтобы) выковать топор, как только продал, (уже) ночь
настала; как только старушка посуду собрала, (уже) ночь настала. После ноября
5 месяца стали дни короче.
От старика от старушки узнали года.

Н. Салаткин. Непа

56. Шаман

Был большой шаман. Он оживлял мертвых, ни одному человеку не давал
умереть. К шаману пришел бог. Стали разговаривать с шаманом. Бог сказал
шаману: „Ты мне ни одного человека не хочешь дать, ты хочешь быть сильнее
меня. Ты сжарь мясо, я тебе дам два куска мяса, сжаривши, ты станешь больше
5 меня, если не сжаришь, я буду больше тебя“. Бог дал шаману два куска мяса.
Шаман стал шаманить, стал жарить мясо бога. Один кусок сжарил, стал жа-
рить другой, шаманил, шаманил, так и не мог сжарить второй кусок. Тогда
бог сказал шаману: „Ты мясо мое не мог сжарить, я больше (сильнее)
тебя“.
10 С тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мертвых. Если
бы шаман сжарил, не умирали бы люди.

57. Samān

ūtəlō ʋrikittʋ Kʋlʋrədu vidəcətin əwənkil. Nuɟartn manawulcätin. Samāɟitn bicən həgdiŋəkəkun. İləl manawullakitin, samān sʋrʋrən ʋrikittiki Torkätki. Samān bicən sagdandalāwi, ɟapkuŋɟärtci anɟanililn. Nuɟan bucən. Bʋrəkin samān, iləl kəcətin dəlkənimmän.

5 Bolo bagdawkil hawahina, samān kərən bagdawkilnun dəɟildəhinimmän hullataj ətaj lāmu bargiskin. Lāmu bargiskidin kərən ʋɟinummän mənɟitkiwi dunnəɟitkiwi tukulakāna ɟunnə: „Munɟil mindʋ ʋnəkitin tukulakāna, bi amaskiwi əməɟəɟəw, ɟəɟun ōkha, ɟānɟarkuci ōkha. İlələ aɟicilimmen, buɟərilə aɟilɟəɟōw“. Torkāɟən əmmän tukulaja „ʋnə bukho əməɟəɟān?“ ɟūnə. „Kəl hiləl“, samān ɟuncən: „əmi mindʋ tukulaja ʋnə, minɟi kalaniw manawɟəɟān“.

10 Nuɟanɟn kalanin ɟavul manawran. ʋmʋkən ələ sulapcān vəjə. Samān ɟuncən „Minɟiduk kalandukiw upkat manawɟəɟätin, ələ ʋmʋkən sulapcəɟān vəjə“.

58. Samān, vəjə

Bəjə vakaldıran samānɟun. Samān ɟūnən vəjətki: „mölāsəwät!“ Nuɟartn mō-lāsə, ogorə mōwa. Samān ɟūllān: „Bəjə minɟi səgdənnəw ənɟɟārən, iktʋkəl sʋkət səgdənnəliw. — „Ətəm kaputta səgdənnəwəs“. — „Ətənni, əkəl ɟələttə“. Bəjə ɟāran sʋkəwi, samān hʋkləsənən mōtki. Bəjə iktʋllən arakūkan sʋkət samān səgdənnəlin.

5 Samān ɟunɟəwki: „Şöti, söti iktʋkəl!“ Bəjə ələtwi iktʋllən. Samān təɟətcənə muɟde-kəcəndu inɟəktəllən vəjət, ɟūllən: „əɟanni? əwuna iktʋɟanni mōwa?“ Bəjə icəcillən, upkatwān mōwa əmtəcə sʋkət. Samān ʋləkkicən vəjəwə, inɟəktəɟəwi; vəjə təɟəɟən nuɟanmān.

57. Шамап

Давно на стойбище Кулуро жили эвенки. Они стали вымирать. Шамап их был великий. Когда эвенки вымерли, шамап ушел на стойбище Торкэ. Шамап был в старости, восьмидесятилетний. Он умер. Когда шамап умер,

5 эвенки стали делать лабаз.

Осенью лебеди передвигались, шамап полетел за море с лебедями, с одеялом, со всем. За морем начал отправлять на свою землю (родину) за землю, говоря: „Когда мне пошлют землю, я приду обратно, молодым ставши, восем-

10 надцатилетним ставши. Людей стану лечить, умирающих вылечу“. Житель Торкэ не послал земли: „Умерши, что может сделать?“ сказали. „Ну, теперь“

шамап сказал: „Не послали мне земли, вымрет мой род“.

Его род действительно вымер. Один только человек остался. Шамап гово-

рил: „От моего рода все вымрут, только один человек останется“.

58 Шамап, мужчина

Мужчина встретился с шаманом. Шамап сказал мужчине: „Пойдем по дрова“. Они отправились по дрова. Шамап сказал: „Мужик, у меня спина болит, ударь топором по спине“. — „Не стану, сломается спина“. — „Нет, не бойся“. Мужчина взял топор, шамап лег на дерево“. Мужчина ударил слегка по спине шамана.

5 Шамап говорит: „Сильнее, сильнее ударяй!“ Мужчина изо всей силы стал бить. Шамап, сидя на пеньке, смеялся над мужчиной, сказал: „Что делаешь? зачем бьешь дерево“. Мужчина посмотрел, все дерево разбито топором. Шамап обманул мужчину, чтобы посмеяться, мужчина поверил ему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ. БЫЛИНЫ

А. Камбагир. Дэкәппә

59. Сагисі

utälē umükēn ilē bicēn, nuḡan ahīcī bicēn, tunḡa hūtēlin bicēl. Tar hūtēlbi balagaduwi әmәncә, ahītaj hуrucәl, mōlāhicāl. Hуrucәlētin, qulātın әmәрән сағит. Tar ilē hūtēlvēn wātca. Сағит куḡākār dililbatın tәktәcә; tәktәqәнәwi, hulladun cakılca. Әtirкән әmәрән qulāwәр, hūtēlin әcır qūduwar. Әtirкән hullawı laḡihicā, kuḡākār dililtin hуklēhilcāl. Әtirкән ḡәlәlcә, tadu hanucā, bуrән.

N. Monahow. Inḡarigdā

60. Иәтi

Иәтiлwә vakaran umükēn ilē. Nәkūnḡin bicēn hunāqın. umükәndu urildirä. Inәрә umnә, tar inәktәduwәр maḡaraktalla hunātrpān umükēn wәjәнun. Tar wәjә bуrән nәkūnmi, qūwәttән, nәkūndiji ḡādan ahījaji. Tәduk hуjәttән; hуrurән, hәрәkәtpi nūlḡihinән. Иәтiл hуrurә hәрәkәtpәр, tar ilәti әminin uwasāqәwki kukinmi, әwki hawahlwkānә. Kukinmi qūjan hawalıwki; hәрәkәt qәvdән, tәpүwki oronmo, burgumәmәjә orono. Tәduk dolbo ahī әdin hoḡoqәwki, ahīn ḡunqәrән: „ēda hoḡoqәnnä?“ Әdin әwki ulḡucәнә.

umnә ahmән ahī dolboltono. Ahīcālān, әmәрә ahātкән. „Әkә, ḡünә: әr wātкәlqis bi wātкәtәqıḡaw“. Tar ahī ḡünән: „ön örakıw, ḡadawәр nәkәqis, tar wātкәlvar ön gamuqas?“ — „Әkә, hinḡi hәwәncәwüntәqәrә“. — „Wātкәlqiw upkat әwiwün-tәlqәḡәhun“. — „Ön hәwәncәwüntәqәrә minḡi?“ — „Әkә! hinә әhikәkән wәmmәciri!“

А. Камбагир. Нгоконно

59. Бродяги

Давно был один человек, он был женат, пять сыновей было. Тот сыновей оставил в балагане, с женою пошел по дрова. После их ухода, в дом пришел чангит-бродяга. Убил сыновей эвенки. Бродяга головы детей отрубил; отрубивши, под одеяло положил (запрятал). Пришел старик домой, детей нет дома. Старик одеяло отвернул, детские головы лежат. Старик испугался, там же пропал, умер.

Н. Моначов. Ингаригда

60. Людоед

Встретил людоедов один человек-эвенки. У него была младшая сестра, девушка. Остановились вместе. Продневали раз, на месте стоянки просватали девушку с одним мужчиною. Тот мужчина дал свою младшую сестру, обменял, за сестру взял жену. Потом разделился, ушел отдельно, откочевал. Людоеды пошли отдельно, отец людоеда уважал невестку, не заставлял (ее) работать. Невестки юрту делал, чтобы особо ела, убил (он) жирного оленя. Потом ночью муж женщины плачет, жена говорит: „Почему плачешь?“ Муж не рассказывает.

Однажды спала вечером женщина. К спящей пришли девочки: „Тетя“, сказали: „этими твоими бабками я буду играть“. Женщина сказала: „Как я буду (что же со мной будет, если) взять собираешься, (то) как хочешь взять бабки (суставы пальцев)?“ — „Тетя, тебя принесут в жертву“. — „Бабками моими все играть будут; как (когда) шаманить будут мною (приносить меня в жертву)?“ — „Тетя, тебя сейчас предполагают убить“.

Təli ahī gūnən: „Nəkə, hū ɣənəɖəkəllə qūlāwər, minə ɖəpildiq̄əhūn“. Ahāt-kār hūrurə. Hūrucəlētīn tətmałcirān, hulladuji dirən dəpəwə, hoktoliji hūrurən, mɯcɯ-hinən. Killəlwi gəkəjim, hoktoliji ɣənəɖənə, icərən irəktəwə əɣəɣənəmə, tarā tɯk-tirān dɯgəməklən. Tādu tɛgəcillən dɯɣədu. Dəlcatcəɣnərən, nuɣanmān həwən-cəɖəkənə, wānācāl, kotot uculərə qūwān lupumnak, ahīwə uculārā. Tarīɣitīn cāɣu-hərākin, gūnə: „Kəl kəhəyin, əhilə wārəp“. İcərə tarīɣar, tanɣitīn dəpə. Tāduk ahāt-kānmə idakalla, gūnə idakaɖanal „Ni ulɣucən, ulɣucəkəl“. Tarīɣitīn ulɣucənə: „Ərə tawar gūcān, tawar gūcān“. Ahāt-kānmə ɯmɯkənīmə tərurə həwəncəwūnəwər.

20 Tāduk ahīwa ūɖawān gələktərə toɣoldi, bakara hoktoliji, hūrucə amaski, tarā ūɖahina toɣoldi tarīɣitīn, ɯmɯkəndulə mōlā iskəjim, həkəriwrən ūɖan. Mɯɣəli mɯjirə, acin tarīɣitīn ūɖan, ilə-də ūɖan acin. „Nuɣanmān tımātənə bakaɖap, ilə-də ətən, bakaɖap tımātənə nuɣanmān“. Hūrurə qūlāwər taril vəjəl. Ahī icətəcəɣnərən mō dɯɖəɖkin. Upkat ahīcəlātīn, tarī ahī cimmənən hiɣilgəndulə. Hiɣilgənduli dōgıdāli uɣduhinən, 25 gōromomowo ɣənərən. Tāduk jūrən hiɣilgənduk, killəlwi tətən, hūrurən akīndulāji, hoktolin ahāhinən. Gōromomowo ahārən, tımātənə ɯnət bokonən. Akīnmı bokokōnə, hoɣollon, akīnīn gūnən: „əda hoɣoɖənnə?“ — „Əkurbal hargildutin bɯcəs! Minə həwən-cəwūntəɖəcətīn, qəvədwər kəɖəcətīn, tāduk tuksam“.

Akīnīn tıkcullan, wārən ahīji, nəkūnmi tətıɣəlɖin tətıwrən, hıgərən dārəwəp, əmənən 30 ɖūkcəduji, nəkūnmi gūnən: „Hi nɯlɣıɖəkəl, ilallalı əhikiw əmərə, tarā gundəji, wamɣan“. Vəjə ɖūkcəji icəwrikəkəndu biɖəcən, ətəjtəcəcən əmərıjətīn ilətıl, nuɣanmān ahāhınāktin. İcətəcəcən ahāhınıjətīn hoktolı, təli nuɣarbatın garpacılmacın bıcən.

Tırgakākin əmərə, ahara. Əməkəjim icərə wāpcəwə ahīwə, gūnə: „Əkun ajakəkun vəjə, kəl əda əcəs hıptirə?“

35 Tarıɣar təlɣəttə. Toɣoɣowər ılara, tar ulləlwbən hılara, ɖəpildəwər. ɖəpilləktin, amīnīn hələməwəp, tar ahī ɖəvɖənə, gūnən: „əda hələməw humnahınən? Ənən-məl bitki bihi?“ ɖalın gūnə: „əkəl uləkittə, ɖəvɖəkəl!“

Тогда женщина сказала: „Маленькие, вы идите домой, меня съедите“ Девочки ушли. После их ухода быстро оделась, под одеяло положила гни- 15 лушку, по дороге ушла, вернулась. Взявши лыжи, по дороге идя, увидела наклоненную лиственницу, влезла на нее к самой вершине. Там на вершине осталась сидеть. Услышала, что собираются шаманить, пошла ее убить, про- кололи пальмой насквозь юрту, женщину прокололи. Когда та затрещала, сказали: „Ну, пусть мучается, теперь убили“. Посмотрели ту, (а) та — гни- лушки. Потом девочку стали бить, говоря во время ударов „Кто сказал, расскажи“. Та сообщила: „Вон та сказала, та сказала“. Одну девочку убили для камлания.

20 Потом след женщины искали с огнями, нашли дорогу, пошли обратно, идя по следу с огнями той, до одного дерева дойдя, исчез след. Кругом обошли, нет следа той, нигде нет следа. „Завтра найдем ее, никуда не денется, найдем завтра“. Ушли домой те мужики. Женщина подглядывала с дерева вершины. Когда все стали ложиться спать, то женщина прыгнула в снег. Под сне- 25 гом поползла, долго шла. Потом выскочила из снега, надела лыжи, пошла к старшему брату, по дороге его последовала. Долго следовала, утром рано нагнала. Старшего брата встретивши, заплакала, брат сказал: „Отчего пла- чешь?“ — „Каким чертям меня отдал! меня хотели принести в жертву, собира- лись съесть, убежала оттуда“.

Брат рассердился, убил свою жену, одел в одежду младшей сестры, 30 ободрал лицо, оставил в юрте. сестре сказал: „Ты кочуй, если через три дня не приду, скажи, (что) убит“.

Мужчина оставался на виду (невдалеке от юрты), подкарауливал идущих людоедов в то время, как (те) преследовали ее. Поглядывал на дорогу пре- следовавших, предполагал (как появятся тогда) выстрелить в них.

В полдень пришли, дошли. Придя, увидели убитую женщину, сказали. „Какой хороший человек, ну к чему же не убежал?“

35 Разрубили ту. Огонь разожгли, мясо той сжарили, чтобы съесть. В то время, когда ели, отец сердцем (почувствовал), евши ту женщину, сказал: „Что-то мое сердце шевельнулось, не наша ли?“ Родственники сказали: „Не ври, ешь!“.

Әһилә улғуҫәмәсильә: „Тар вәјәwә аһаҫар-ку, әтәp-ку?“ Халтун гүнә: „Ајаwа вәјәwә еда аһаҫар, митки аһаҫанаwа wәсә“. Тар вәјә, туннун гүпәктин, аракукан
40 һурурән. Горолконом һоктолји тұлһуһинән. Һоктолји һөнәрән горомомowo, нәкүһнн
үрисә истан. Искәним, сажтллан. Сажтідана, исәрән илан вәјәл һәнәҫәрә һәрәлгәнмә вәг-
гидәли. Тар вәјә әһнәкәнми ҫаwарән, ҫаwакәјим, тәрурән, далуwән гамалсарән. Таринји
далуллан. Далунун пәһиргәрән гуннәмәтәт. Вәјә һурурән, тарһилби wәнәһинан үмүкән
вәјә јүҫәнәһисән. Јүҫәнәҫәривә гарпачән, еһалwән һүсәләкин гарпачән. Таринји
45 јоколсөн ҫалби: „Гарпачә биһим!“ Вәјә гәwрән гарпаран, wәрән нуранман. Тәдук
гил әмәҫәрә, тұлһуҫәрә, гунҫәнәл: „нурајамаспән еkun wәрән?“ Вәјә тигитсәсән әмә-
ҫәрилбә гарпаран ҫуләwуwә һәләмәкәкәнмән, таринји вурурән. Вәјә тәду-ssa гарпаран,
wәрән иланивә. Мүсүрән ҫүләји, тәдук нүлгһинән.

А. Путугир. Үәкәннә.

61. Иләти

үмүкән вәјә нүлгидәсән. Нүлгидәнә илә һоктовотун вакаран. Һоктолитун нүл-
гһинән. Вакаран үрисәҫәрилби. Тарилду үринәрән. Тәғәмиктәдин тар иләтил тар вәјә
нәкүһнмән маҫаракталла. Маҫарактанал, тар вәјә нәкүһнмән гара иләтил. Вәјә нәкүһн-
дулиwi таманмәра иләтил һунәтрәтин. Гаран тар вәјә һунәтрәтин, нүлгһинән аһинун.
5 Иләтил һән нүлгһинә. Иләти әтиркән омологивә аһивән толгокикәнду нүлгһинми, ирүҫаwки
кукнми. Кукннн гүһнән: „Минә еда ирүҫағнәннә?“ — „әwа кәһәҫәҫәннә, гиркуҫанә,
һүтә“. Әтиркән кукндуwi, ҫәwдән, wәwки вүргүмәмәјә оронә, һәрәкәт ҫүјән һа-
wалиwки.

Әһилә иләтил һәwәнсәллә. Долболтоно тар кукнннн ҫүкәдуwi һәрәкәтпи ҫүр
10 аһәткәр әмәрә һағастуләwәр. „Һағаспар!“ гүллә: „әрит би һәләҫис вәткәтәҫәғaw“.

Стали тогда разговаривать: „Станем ли преследовать того мужика или
кончим?“ Некоторым сказали: „Хорошего мужика зачем преследовать, убил пре-
следуемую нами“. Тот мужик, когда так сказали, ушел тихонько. Немного пройдя,
40 по дороге побежал на лыжах. Долго шел по дороге, дошел до стоянки сестры.
Придя, стал чай пить. Распивая чай, увидал, (что) трое мужчин идут по марнику¹
на том берегу. Тот мужчина теленка схватил, схвативши убил, выхватил лопатку.
Стал по той воровать². Лопатка лопнула прямо. Мужчина ушел, пошел уби-
вать тех. Один человек вышел. Вышедшего выстрелил, прострелил насквозь
45 глаз. Тот позвал товарищей: „Выстрелен (я)“. Мужчина вторично выстрелил, убил
его. Потом другие идут, на лыжах идут, разговаривая: „(А) командира (хозяина) кто
убил?“ Мужчину подкарауливал подходящих, выстрелил переднему в сердце, тот
упал. Мужчина там же стрелял, убил третьего. Вернулся домой, потом отко-
чевал.

А. Путугир. Нгоконно

61. Людоед

Один человек кочевал. Кочуя, встретил дорогу людей. По дороге их
пошел кочевать. Встретил стойбище. С ними остановился. На утро те людоеды
стали сватать младшую сестру того мужчины. Просватавши, взяли людоеды
младшую сестру того мужчины. Заплатили мужчине за сестру девушкой. Взял
5 тот мужчина девушку их, откочевал с женщиною. Людоеды тоже откочевали.
Старик людоедов, жену парня посадивши на санки, повез невестку. Невестка
сказала: „Зачем меня везешь?“ — „К чему мучиться пешком, дочка“. Старик для
питания невестки убил жирного оленя, отдельно юрту ее построил.

Тогда стали шаманить людоеды. Вечером, когда невестка была одна в юрте
10 своей, пришли две девочки к невестке. „Невестка!“ сказали: „вот этой твоей

¹ Марник—поросль ивняка.

² Гадание по лопатке состоит в накаливании ее: лопнет прямо—хорошо, криво—худо.

Gē gūcān: „Bi erit wātētəđəŋaw“. Tar ahī gūllən; „Bi ōn ērākiw wātētəđəs minŋi wātētəđiŋw?“ — „Hiŋđi hēwəncəptintəđərən amīja“.

Ahī əhīlə ŋələllən; untalwi, purtawa đajaran. Amakān bikəjim, hamānūn gūnən, əli bargiha ōdāwər, đūr wəjəl binəl đūrđi gidal tigittəwər, ŋənələkinnūn, gidalāwər
15 ajamāmāt. Tāduk hamān gūnən: „Ahīŋar ŋənnəkəllu!“ Ahī təyəren, amakān təkəkəjim, gūnən: „Jūđənəmūđəm, jūđənəwkəkəllu!“ — „Ərumulwi ŋjkuŋəŋin, ətəjətkəllə ahātkār“. Ahātkār icəcillə tar ahīwa. Ahī jūđənəhinən, ahātkārwə gūnən: „Əməwkəllə ŋəkəjə“. Ahātkār əməərə, ahī hūndukki jarlwa hōŋanə, wūrən đūktədu ahātkārdu. Ahātkār
20 urunə, đūkcālāwər tuksahina. Ahī hūnmi murduptiki nəməlčərən, kigləlwi gamalcaran, tuksahinimmən kərən. Tuksađana hoktoli, icərən hokto darigidādun nəŋiriwə, kigləlwi hiŋilgənduli dirən, mənin nəŋiriwə tuktirən đuyəməklən.

Əhīlə kəkəjim, dōlcacillan. Hamānūn gūnən „Kəl gənnəkəllə, əgdət beldurgaran“. Wəjəl ŋənərə, hūnin ələ. Gələktəllə, hēwulđi mujiktərə.

Ahī nəŋiriđukki icərən əməđərilwə, mīkcānən hiŋilgəndulə. Hiŋilgən dōgidalin
25 tuktirən gorokōnmo. Ilətīl albara gələktəđəmi, əcəl wakara ahīŋar. đulāwər ista, hamānūduwər gūnə: „əcəwun wakara“. Hamān gūnən: „Ōn-ka tēli aja ōđan? ŋələ-
mupcə ōđan, əcin həkəŋjə“. Gēwa ahātkānmə wəptuntərə tar ahīklā, hēwəncəptintərə.

Tar ahī, đuklacađakajim hiŋilgəndu, jūməlčərən, kigləlwi gamalcaran, hūrummān
30 kərən akīnmi hoktolin. Akīnmi hoktolōn dāraŋ, tar hoktolin hūruŋən. ŋənəđəwki, ŋənəđəwki, akīnmi istan. İrən akīndulāwi; hoŋođono, gūllən: „Ərgəcirdu ilədu minə
wūcəs. Minə wāldāwər kəđərəktin, aran tuksanım“.

Ahī akīnūn ahīwi wərən, nəkūnmi tətīyəlđin tətīwərən, dārəwān nanna hiŋrən
lokommen kərən mōdu dəwəptiki hokto dulkakundun, nəkūnmi gūnən: „Nulgiđəkə
təptiriŋpti“. Nəkūnūn nulgihinən. Akīnūn gūnən nəkūntikīwi: „Bi ədu tigicilđelim ahā-
35 rīlātūn. Ərākiw əməərə gūkəl wāmpaŋ“. Akīnūn tigicillən.

рукой я буду играть в бабки“. Вторая сказала: „Я этой буду в бабки играть“. Та женщина сказала: „Что же со мной будет, если будете играть в бабки моими суставами?“ — „Тебя принесет в жертву отец“.

Женщина теперь испугалась, унты, нож спрятала. Недолго прошло, ша-
ман сказал, чтобы приготовить там напротив двух мужчин с двумя копьями
15 караулить, когда же пройдет, чтобы хорошенько заколоть. Потом шаман ска-
зал: „Женщину приведите!“ Женщина встала, немножко постоявши, сказала:
„Хочу выйти, позвольте выйти!“ — „Худо бы не было, если отправится, девочки
покараульте“. Девочки стали следить за женщиной. Женщина вышла, девочкам
сказала: „Принесите огниво“. Девочки пришли, женщина, оторвавши корольки
от своего кафтана, дала обеим девочкам. Девочки, обрадовавшись, убежали
в свои юрты. Женщина быстро положила на жердь кафтан, схватила быстро
20 лыжи, стала убегать. Бежавши по дороге, увидела в стороне от дороги наклонен-
ное дерево, сунула лыжи под снег, сама влезла на вершину наклоненного дерева.
Засевши так, стала слушать. Шаман сказал: „Ну, тащите, что-то треснуло“. Мужчины пошли, только кафтан (увидали). Стали искать, с лучиной (с огнем)
искали.

Женщина с дерева увидела проходящих, спрыгнула в снег. Под снегом
25 долго лезла. Людоеды не могли найти, не нашли женщины. Домой дошли, ша-
ману сказали: „Не нашли“. Шаман сказал: „Как же тогда хорошо будет? худо
будет без крови“. Вторую девочку принесли в жертву вместо той, устроили
шаманство.

Та женщина, спрятавшись в снегу, быстро выскочила, быстро взяла лыжи,
пошла по дороге брата. Дорогу брата нашла, по той дороге пошла. Шла, шла
30 до брата дошла. Вошла к брату; плача, сказала: „Таким людям меня отдал.
Когда меня собирались убить, едва убежала“.

Брат женщины свою жену убил, в одежду сестры одел, кожу с лица
ободрал, на самой середине дороги распялив на дереве пошел повесить, сестре
сказал: „Кочуй до стоянки“. Сестра откочевала. Брат сказал сестре: „Я здесь
35 покараулю преследующих; если не приду, скажи, (что) убит“. Брат стал карау-
лить.

Tırgakākın dulınin ōcālān, taril ulbuḡdərə, əmərə. İcəcillə wāpcāwə iləwə, gūllə: „Bəjəkəkun, ekun cultin, ēda əcə huptira“. Wānəwə ahīwa högnālcāl, dəpildəwər. Guluwunawar ilara, hilacilla. Amintin ətirikən hələməwān mihinə, dərihinən, gūnən: „ēda-kə hələməwə hūmnahinan, ōn-ka muṭki bimcə?“ Gıl gülcəl „Əkəl hāləkəttə, uləkittə“. 40 İlətil ulgüçəməcilcəl: „Ahami-wu?“ — „Aja bimcə“. gülcəl gıl. „Targācinmā wəjəwə cultiwa ēwan ahaḡadān, nənəḡəyin“. ḡulāwər muṭcuḡicəl ilətil.

Bəjə ahāhınan nəkunmi hoktolin, dolbonīkānmə nənəgən, wokonən nəkūnmi.

I. Kaplin. Ingariḡda

62. Ahī

uṃuḡkən wəjə wakacān iləwə hunicil, hunāḡicil. Kətəkəkun; urillaṃ. Maḡaraktalla hunātpṛa, hunātpṛətin gələlən ḡuḡəcildəwər. ulgüçəməttə, ḡuḡəttə. Ahī gākājim, tar wəjə hūgṛən. Ahī nṛpcu bicən. Ədi jūḡən, ahī amardukin jūḡən, amunmān ḡəwḡən.

5 Nulḡicəl taril wəjəl, uricəl, inəcəl, həḡəncəllə dolbo. Bəjə hunāḡin tādu biḡṛən. Əmərə ḡūr ahātkār, ahītki ulgüçəndərə: „bātkətəḡmāw bi“. — „ilə hūgṛəkəiw?“ — „Ər həḡəncəḡdərə, hinə wāmücillə“. Ahī dolbo untalı tətən, gūnən: „Cikənmulcə bihim, cikənnəḡəm“. Ahī tuksaḡacān, nḡakit dagadun nṛḡəri biḡṛən. Nuḡan nṛḡəriwə tukticān. Tādu təḡətəḡnṛən.

10 Gələktəlcəl nuḡanmān, ācin ḡūdu. Ni ulgüçəcən nuḡandun, taril kuḡākār moḡnohol. ḡūktəwə kuḡakārvə wərə əhilə. Ahīwa gələktəllə həwulḡi, togolḡi, albara wakaḡamī. Muṭcuḡə ḡuldulāwər.

Ahī tuksahicā, wuḡuçən ḡunnələ, hūgṛumnān hoktoli. İstan mirəndəkki, akīnḡi hoktolin ahahınan. Ahaḡan, ahaḡan, akīnḡi wokonən. „Ajaldı iləldı wūcəs minə, mindi həḡəncəḡuṃ-

Когда полдень настал, те гуськом идут, пришли, стали рассматривать убитого человека, сказали: „Мужичок, какой умный, почему не убежал?“ Убитую женщину разрубили, чтобы съесть. Костер разожгли, стали жарить. Отец-старик, сердце ее отрезав, начал есть, сказал: „Что-то сердце шевельнулось, не наша ли?“ Другие сказали: „Перестань хвастаться, врать“. Людоеды стали разговаривать: „Преследовать ли?“ — „Хорошо было бы“, говорили другие. „Такого мужика догадливого зачем преследовать? пусть идет“. Домой вернулись людоеды. Мужчина пошел по дороге сестры, всю ночь шел, сестру встретил.

И. Каплин. Ингаригда

62. Женцина

Один человек встретил эвенков с дочерьми, с девицами. Много; остановился. Стали сватать девушку, девушку просил (за нее) чтобы обменять. Разговаривали, обменяли. Взявши жену, тот мужчина ушел. Жена вонючая была. Муж выйдет, жена за ним выйдет, кал его съест.

5 Откочевали те мужики, остановились, продневали, ночью стали шаманить. Сестра мужчины у них живет. Пришли две девочки, женщине говорят: „Я буду бабками играть“. — „Куда же я уйду?“ — „Вот шаманят, тебя собираются убить“. Женцина ночью унты надела, сказала: „Хочу помочиться, пойду помочусь“. Женцина бежала, около дороги наклоненное дерево стоит. Она на дерево влезла. Там засела.

10 Ее стали искать, нет дома. Кто рассказал ей, те дети глупые. Обеих девочек убили тогда. Женцину искали с лучинами, с огнем, не могли найти. Вернулись домой.

Женщина убежала (когда), упала на землю, ушла по дороге. Дошла до места, где замуж вышла, по дороге брата последовала. Шла, шла брата догнала. „Хорошим же людям ты меня отдал, меня хотели убить на

təḡərə“. AkInIn ahıwı wārən. Dārəwən hiḡrən, əmənen qūduwı. Nulḡihinəkin, hunātrı
uḡnən, mənIn hipkıcılın ahaḡakakūtta. Nuḡartın ahaḡara, hunātrən bakakajın,
uḡcəl hılacıkakūtta. AmInIn ḡərcən tar ahıwı „Məwanmä ḡirərən, bitki binən“,
5 ḡünən. Gil ḡünıwkil: „ekun wəjətkən cultın wənə əmənen mittı“.

М. Мүсүҗир. Төкмә

63. Иәл

Иәл бисәтин ḡırı. Бисәтин hunıltın ḡūr, ḡūr amalḡiltın ipkəlimmän, wəjuhındätin
orocəhal. ḡūrwa oror namaḡıhına, tälä urına. Uḡnarāḡa, ahınımmen. Amalḡiltın ollo-
möhıcätın, ḡajıltın bihi ännätci.

Timätna ḡə hunät kərän samnıhal ilallän. Orortın əmədirä, ərtiki icəhinän.
5 „Buləhəl əmuḡirä; kaḡakəurtänä icəulla, əmuḡäḡirä ḡüläar“. Buləhəl əmuḡäl. Amalḡi
jūrän tuleski, untalı hoaträn, ḡə kərän əmmen. Buləhəl əmuḡa, kərə wämмен
nəkünmən amalḡijä, əgeje tuhanän. Savırımmen kərän el-wal-uol inməkilwa. Hunätwa
amalḡi ahılärän. ḡḡkcə sırurə. Sırurä martiki. İdelä äḡḡahına, ḡə hunät kolovo
lokıḡki. Gorokokunmama ḡənərə. İssa ḡülwatın—kətəkəkün. „Mönaolkal hunılwa,
10 nörtın tuhanḡıätın“, ḡünən amInIn. Kərän ḡə hunät əḡındıkwı ḡəlammän kolecıkön.
„əa kəndi?“ ḡüllən əḡın „ışätcäḡawi kolecıköje wıḡal. Əḡın amentukiwi ulḡucänän:
„Nörtın kərə ḡudılımmen, kərə tuhanḡelımmen lucaldıḡ; ḡə mönauät, ḡə sırıḡät luca-
mahınmı“. ḡə mönaällän, lucama kolovo lokonörän ajtki.

Tıḡḡäkəkün örän, cannuor. Luḡur əḡın kərän tətnəhinımmän, ahın ḡıdo
əlbälçän. Əḡın sırurəkän, kərän tuhanımmen ḡıa amaḡkijı. Əḡın əmuḡan, ahın
15 äcın. ḡımahınän ḡıldulä, ḡıtnəminän. Əmərän „äcın“, ḡünən. „Noan kəcə tuha-
nımmen“.

шаманство“. Брат ее свою жену убил. Лицо ободрал, оставил в юрте.
Когда кочевал, послал сестру (дальше), сам стал выслеживать пресле-
довавших. Они преследовали, найдя девушку (убитую), обрадовались,
стали жарить на вертеле. Отец ел ту женщину. „Сердце почувствовало,
5 наша вероятно“, сказал. Другие сказали: „Какой парнишка догадливый, убитую
оставил нам“.

М. Мучуир. Токма

63. Эвенки (люди)

Было две юрты эвенков. Было две девушки, два парня. Стали заставлять
(их) промышлять на оленях. Навьючивши двух оленей, там остались. Поужи-
нали, легли спать. Парни их отправились рыбачить, лодки заночевали (оста-
вили на ночь).

Утром вторая девушка встала, стала разжигать дымокуры. Олени идут,
5 туда посмотрела. „Бродяги идут, много видно, подходят к юртам“. Бродяги
пришли. Парень выскочил, унты схватил, другой не мог выскочить. Бродяги при-
шли, убили младшего парня, второй убежал. Стала собирать скарб (и) торсуки
(девушка). На девушке парень (чужой) женился. Ушли вместе. Ушли к мар-
нику. Где заночуют, там вторая девушка повесит хлеб. Долго шли. Дошли до
10 юрт—много. „Оставь девушек (в доме), они убегут“, сказал отец. Стала вторая
девушка просить у мужа кольцо. „Что делать будешь?“ сказал муж. „Смотреть
дай кольцо“. Муж отцу сказал: „Они сбегут, они убегут от русских, одну
оставим, одну возьмем (с собою) к русским“. Оставили вторую, в лес (она)
повесить пошла русский хлеб.

Дождь пошел с ветром. Вечером муж оделся, жену дома оставил. Когда
15 муж ушел, (она) убежала обратно домой. Муж пришел, жены нет. По домам
пошел, бегал. Пришел. „Нет“, говорит: „она сбежала“.

Tuhanän, tuhanän hunät, kolovo lokonorwı gāŋki. İcaŋ nəkünmān wāwcāwā. ɗajilwa sūrūwcəl. Kolowonılwa ācır öre. ɗāmullān, omīkin gənəɗəwki. Tāduk icārān mōti huklāɗirān. Əhikənikəkun maŋi ɗammān, kəcā tūkin ɗapildāwi. Hunät²⁰ tāmīnin kərān purtat mähinimmān unlwəw; mähinän, kərān tuhanimmen. Gənərän, gənərän ahunma, tälä ilaran, kərān unləŋilwi şılaşılmmen. ɗāpcān tarıŋmı gənəɗi-hinimmān ajuma. ekun icārān, ɗawrahalɗirān bıralı. Köcaurān, köcao dütorān. Kərān wəjə gujimmān, kərān təttilimmān. Bəjə əmərän nōandullān. „əjduk əməkəkəcinnā, ōni tuhaninnā nōrduktın?“ Günän „Bi tuhacā bihim“. Kərān ɗauraldıhımmen, ətərän²⁵ gorowəj biɗamı ɗuldolātın. İhilla ɗülwal. Nəkünin icərän ahātkanmə „Əmərə, anŋe! anŋe əməcā ɗütkā“, ənintikiŋi tuhanän. Əninin jürän ɗudukki „İduk əməɗän kəɗinnā“. Əninin icəcillān hutän əməɗirıwān.

A. Қамбағир. Үәкәннә

64. Caŋit

ımıkkən ilə hunāɗınun tıktihicəl ırəldıwə. Tälä ımıkkən bıradu ırınərə. Tāduk akīnın ırırkuktallan. Akīnın hurucələn, nəkünmən caŋit hurıpcə. Akīnın ırırkuktaɗakājım, əmərən ɗülāwi. ɗülāwi əmənnən nəkünin ācın ɗıduwı. Akīnın gələktəlçə nəkünmi, icənəhicə ıyılı, icərən ıɗawān ırādu. İlə pəktirəwınnı gāmālcā, hurırən əjki⁵ bırawa. İcərən — ɗawraɗaratta. Tar ilə holotın tuksacā ɗılı, kuktılçə. Hıktıɗənə, hunātpı gücə: „ɗawwān purulkal!“ Ahātkan döldicā akīnı gıñɗəriwən, purulçā ɗawwān hilgiwıñdi. Tar ɗawıtın mülçə. ɗapkalā ākcāl; „ɗawwar müŋəlcə, caŋit gücə: „nütələkəl!“ Ahātkan nütələhicə, ımıkkən mödu lokoron hınnı, mənin akīndıwı tuksahıçā. Caŋit gıniwki: „Atırkän! kə! ma! əməkəl!“ hınnıwən əriɗəwki. Caŋit¹⁰ hurıçə, tarıŋın hınnın lokucaɗaran, gələktəlçə ahıwə. Hunät akīnın gücə: „Caŋit əri ahıs!“ Caŋit tuksahıçā, ilə ahahıçā caŋıtpa, pəktirəçə, ırərən. Tıŋə caŋit tuksahıçā, ilə nəkünmən gacā.

Бежала, бежала девушка, повешенный хлеб собирала. Увидала убитого младшего брата. Лодки уведены. Хлеба не стало. Проголодалась, голодная шла. Потом увидала—лось лежит. Только что медведь оставил, собрался²⁰ остывшего есть. Девушка села, стала ножом резать мясо, отрезала, убежала. Шла, шла сколько-то, огонь зажгла, стала мясо жарить. Съела то, отправилась сытая. Что-то, увидала, в лодке плывет по реке. Перешла через мыс. Стала мужчину поджидать, села. Мужчина пришел к ней. „Откуда пришла, как убежала от них?“ Сказала: „Я убежала“. Поехала в лодке, немного осталось до юрт.²⁵ Доехали до юрт. Младшая сестра увидала девушку: „Приехали (старшая) сестра, сестра пришла домой!“ к матери побежала. Мать вышла из дому. „Откуда пришла?“ Мать стала рассматривать пришедшую дочь.

A. Камбағир. Нгоконно

64. Чангит

Один эвенки с сестрой бродил по горам. Там на одной реке остановились. Потом брат ушел. После ухода его, младшую сестру Чангит увел. Брат, похो-⁵ дивши, пришел домой. Оставленной дома сестры нет в доме. Брат искал сестру, пошел посмотреть на берег, увидел след на песке. Эвенки быстро взял ружье, пошел вниз по реке. Увидел—плывут. Тот эвенки побежал рядом сбоку, по- кричал. Крича сестре сказал: „Лодку продырявь!“ Девушка услышала, что гово- рил брат, продырявила лодку шилом. В лодку стала набираться вода. При- стали к берегу. „Лодка протекать стала“, сказал Чангит: „Посери (серой замажь)“. Девушка начала собираться серить, на одно дерево повесила кафтан, сама¹⁰ убежала к брату. Чангит сказал: „Старуха! ну! на, держи! иди!“ к кафтану крикнул. Чангит пошел, от той (только) кафтан висит, стал искать жену. Брат девушки сказал: „Чангит, вот твоя жена“. Чангит убежал, эвенки преследовал Чангита, выстрелил, промахнулся. Так Чангит убежал, эвенки взял сестру.

S. Lontogir. Nēpa

65. Dūrpū əwənkil

urincəfəcətīn dūrpū əwənkil. umūkən vicən samān. Nuḡartın mōtmāsınā, asāltun əmənḡurə ororḡunḡər. Bəjəltin sūrurə. Sūrurəktin, əmərə maḡil, sūrurwə asāl-wətin. Əmərə bəjəl, asāltun ācir, samān gūllən: „ḡəḡinəswət asālwər“. Sūrurə ūḡakittul; ista hujaldıkkittulā, samān gūllən ḡirkitkiwi: „Si sūrəkəl anḡulı hoktolı, bi ḡəḡinḡulı“.

Alawullan samān ḡirkıwi, gūllən: „Təḡəmi tıwsıḡəḡən, si bakamı, ənə ḡūlātın ḡənərə. Ukın-ka tiḡdəlḡəḡən, si dıkəndəwi umḡəwūrduḡın, tēli asāl umḡəwūrwer tiwsalḡəḡātın, tēli si sūrurḡəḡəs asālwər“.

Samān sūrurən. umūkən bəjə bakaran maḡilwa, alacılın tiḡdəjə. Tādük tiḡdöllən, nuḡan əmərən umḡəwūrduḡlētın maḡil. Tigdölləkin, asın jürən ḡıduk umḡəwūrduḡləwər tiwsanārən. Samān asıtkıwi ḡūnən, iḡilwətin minədən. Asın irən ḡūlā, bəriltin, iḡil-wətin minārən, əmərən ḡūnən: „Minəm“. Samān əmərən ḡūlātın, maḡil bərilwə gara, bəjəwə wādāwər, iḡiltin minəwcəl. Samān nuḡarwatın wārən, asıwi sūrurwın.

W. Putugir. Norigokō

66. İltil, iləl

Bakaldıra ḡūr ḡiriləhəl. ḡūktədu vicəl ḡūr hunil. umūkən ḡirilən vicə ilətı, ḡē vicən iləmi. ḡūktədu vicəl ḡūr omōlgil. Nuḡartın ḡugəldinəl əknılwər, ahılcal.

Təḡəmi-nən hujəttə. İltil həḡəncəllə, umūkənmə nūlgıwə nūlgikənımil. Tar ahıwa wəptıntāmulla. Ahı təḡrān nuḡanḡın wəptıntāmuḡariwatın. Ahı gūllən: „minə tinkəllı,

С. Лонтогир. Непа

65. Два хозяйства эвенков

Стояли две юрты эвенков. Один был шаман. Они промышляют собрались (лося), жены их остались с оленями. Мужья ушли. Когда они ушли, пришли лесные черти (эвенки-людоеды), увели жен. Пришли мужья, жен нет, шаман сказал: „Пойдем искать жен“. Пошли по тропе, дошли до раздваивания тропы, шаман сказал товаришу: „Ты иди по правой дороге, я — по левой“.

Стал учить шаман товариша, сказал: „Завтра будет облачно, ты, найдя, в юрты их не ходи. Когда дождь пойдет, ты спрячься под походный лабаз, когда женщины будут покрывать тисками лабаз, тогда ты уведи женщин“.

Шаман ушел. Один мужчина нашел лесных чертей, стал выжидать дождя. Потом пошел дождь, он подошел к походному лабазу лесных чертей. Когда дождь пошел, жена его вышла из юрты, пошла покрывать лабаз. Шаман жене своей сказал, чтобы перерезала тетивы их. Жена его вошла в юрту, тетивы от луков перерезала, пришла, сказала: „Перерезала“. Шаман подошел к их юртам, черти взяли луки, чтобы убить мужчину, тетивы перерезаны. Шаман их убил, жену свою увел.

В. Путугир. Ербогочен

66. Людоеды, люди (эвенки)

Встретились два стойбища. На обоих было две девушки. Одно стойбище было эвенков (людоедов), другое эвенков (нелюдоедов). На обоих было два парня. Они, обменявшись старшими сестрами, поженились.

На утро же разделились. Людоеды стали шаманить, прокочевавши один переход. Ту женщину захотели принести в жертву. Женщина узнала, (что) ее принесут в жертву. Женщина сказала: „Меня пустите

⁵ tʉliskī jūdēw“. Nuḡanmān tinə tʉliskī. Ahī tʉktirən nəḡirīlā, taktikāndulā. Hamāḡitn gūllən: „Wāptinmar wākallə“. Iləti gūnən: „ācin wāptintī“. Gələktəllə ilətil wāptinmar hēwulḡi, wāptinmar albara wakaḡamī. Əmənə timānilā ḡərilḡələn. Timātne gələktəllə, hūḡcəl ḡūr binəl, hoktolwī. Ahī issa akīndulāji.

Akīnmī istakin-nun nʉlḡihincə dolbonīwə. Birawa doḡotomoktowo dakcā.

¹⁰ Dakkānmī ūḡaduwī dukcā ḡukəwə. Ilətil birawa dakḡanal duḡnadun əjətcəl.

P. Putugir. Noḡbokō

67. Ilə, caḡit

Ilə wakaran iləlwə, ɸmʉkəndʉ ɸrinə. Təḡəminən əmərə caḡicil. Caḡit maḡaraktəllən hunātrpān, ilə vūrən hunātrī. Caḡit nʉlḡihinən, hunātrpān ḡaḡawki. Həwəncəllə hūḡtʉdu ḡūdu. Hunāt āḡərəkin, ḡūr ahātkār əmərə. Gē gūllən: „Bi ərit wātkətəlḡjāw“. Hunāt hanḡuktəllən: ərakīw wātkətəlḡis? — „Wāptintāmuḡarā hinə“. Hunāt ⁵ tʉksahinən amīnmī hoktolin. Dolbo amīnmī wokonən „Caḡicildu ēḡa minə vūcəs?“ Nuḡartn nʉlḡihinə. Nʉlḡihinəl birawa dāḡrə. Amīnin wira ḡukəwən duḡrən. Caḡicil, əməḡənəl, əjərə upkat.

W. Kaplin. Noḡbokō

68. Caḡicil

ɸmnā nadan vəjəl əwənkil ḡirkuḡecəl, caḡitcenal ɸrəldʉli. Hādun əwūḡnərə ḡukcəl dulā. Pəktirəwūntin ācin biḡān. Nuḡardutin biḡātin ələ lʉkīl. Tarīḡulwar nuḡartn ḡarḡacīḡitn ciḡicala, hinʉkīlā, wəjiḡālā. Hādun ḡəḡukir ḡirkuḡaḡḡitn, ɸmnā nuḡartn

⁵ вон (на улицу) выйти“. Ее пустили на двор. Женщина влезла на наклоненное дерево, на старый пень. Шаманы сказали: „Жертву убейте“. Людоед сказал: „Нет жертвы“. Стали искать людоеды жертву с лучинами, жертвы не могли найти. Оставили до утра, до рассвета. Утром стали искать, пошли вдвоем искать. Женщина дошла до брата.

До брата когда дошла, откочевали ночью. Перешли замерзшую реку. Пе-
¹⁰ рейдя, на следу прорубили лед. Людоеды, переходя реку, в проруби утонули.

П. Путугир. Ербогочон

67. Эвенки, чангит

Эвенки встретил эвенков, вместе остановились. Завтра пришли чангиты. Чангит просватал сестру его, эвенки отдал сестру свою. Чангит откочевал, ⁵ взявши девушку. Стали шаманить в другой юрте. Когда девушка спала, пришли две девочки. Вторая сказала: „Я этим буду в бабки играть“. Девушка спросила: „Что со мною будет, если ты собираешься играть в бабки?“ — „Тебя хотят принести в жертву“. Девушка убежала по дороге отца. Ночью догнала отца. „Зачем меня отдал чангитам?“ Они откочевали. Кочуя, перешли реку. Отец прорубил лед. Чангиты придя, все утонули.

В. Каплин. Ербогочон

68. Чангиты

Однажды семь мужчин эвенков бродили, разбойничая, по горам. Иногда спускались, в юрты. Ружья (у них) не было. У них были только луки. Ими они стреляли пташек, рябчиков, зверей. Иногда голодные ходили. Однажды они

wācāl hujukunma cırcawa. Tarımar hılatta togodu. Hılatcakajım, vōritta upkattu nadandu ilēldı. Upkatwa vōritta, ımpıkēndı ələ avullan, t̄alı nuğandun v̄ıra hılawünma, cıwdān.

Tar, hılawünma cırcana, cəkərihinan. T̄alı nuğanın çalın ḡüllā nōwandun: „Hi, əğəni, kətəwə çäpinni, hi əğəni kətəwə çäpinni, upkattuk kətətmərwə“. Wəra nōwanmān.

S. Kimā. Cırəmbu

69. Şiktowul

Şiktowul Kimā vicən. Nuğanın vicən əjən ımpıkən — hunādın, hutən hulukun. Şiktowul vicən şō gēlgan. Şiktowul inçəcən Əgdirälün, əwənkilnün. Nuğan itğald'än vərılı. Aşal, icätcəri itğaderiwa, ıläkutşā huğtultiki vəjeltiki: „Şiktowul itğaderän, mitpa wäldäwi“. Bəjəl itğald'ä wäldildäwər Şiktowulwa. Şiktowul pulğısidəwi itğarän. Şiktowul çuläli tıuşınan nəkünün amarguc. Bəjəl əmuğincərə, Şiktowul nəjindıra, nəkünmən əmultana. Bəjəl ganacıld'a, Şiktowul əjənin adagaran. Adagurän, adagurän uşəlwi, tādük nuğanmən nuşamt'əwən hogişunmukän, tādük nuğanmä wərə. Şiktowul əmaşki huruləşincərən. Bəjəlnün alcardırän nəkünmən wəfacalnun. Ganamäcild'än, vəjəl wə ələwətin wərən. Tādük vəjəl ıläkitcərilwə aşälwə tild'ə, icəcilwətin högnərə.

Şiktowul şururän, jajantiki Jokonki. Jokonıwə ılrän, jajadän. Jokonın nada-ld'awa jajarän, jajarän. Şiktowul təgətcərən jajandarıdu. J okonı ḡünän: „Nadan anpanıl wədağund'ä, Kardakuwa wədənd'ä, tādük ətədənd'i wə çəmi. Şiluktalwan şılıpkändənd'i“. Şiktowul şururän, wäld'än wäld'än Əgdirälwə, ımpıkən vəjə vakawrän Şiktowulğacın, nuğanın gərvin Həcumku. Nuğatın vərildiwər ələdirə, ganamäcildäwər. Ganamätcərə, ganamätcərə nıpcıkılwar manaknan. Tütəkəldiwər şukəlcildirə, itınmat

убили маленькую пташку. Поджарили ту на огне. Поджаривши, разделили всем семи мужчинам. Все разделили, одному только нехати ло, тогда ему дали вертел, чтобы обсосал.

Тот, обсасывая вертел, подавился. Тогда его родственники сказали ему: „Ты очень много ешь, ты очень много ешь, больше всех“. Убили его.

Ш. Кима. Чиромбу

69. Шиктовуль

Шиктовуль был (из рода) Кима. У него были младший брат, сестра, маленький сын. Шиктовуль был очень проворный. Шиктовуль жил с Огдырылями, эвенками. Он стал настаивать луки. Женщины, увидевши настаивавшего, наврали другим мужикам: „Шиктовуль настаивает, чтобы нас убить“. Мужчины собрались убить (в драке) Шиктовуля. Шиктовуль собрался кочевать. Шиктовуль пошел впереди, брат позади. Мужчины собрались, Шиктовуль не дошел, дожидая брата. Мужчины начали стрелять, брат Шиктовуля увернулся. Увертывался, увертывался от стрел, потом стрела задела за лыжную петлю, тогда его убили. Шиктовуль обратно пошел. Встретился с мужиками, убившими брата его. Стал стрелять (друг в друга), мужиков всех убил. Потом мужики совравших женщин поняли, увиденных (увидевши их) зарубили.

Шиктовуль ушел к шаману Яконы. Заставил Яконы шаманить. Яконы семь дней шаманил, шаманил. Шиктовуль сидел у шаманящего. Яконы сказали: „Семь лет будешь убивать, Кардака убьешь, потом перестанешь убивать. В петлю от кишек поймался“. Шиктовуль ушел, бил, бил Огдырылей. Встретил одного человека, такого же, как Шиктовуль, его имя Хочумку. Они померились луками, чтобы стрелять друг в друга. Стреляли, стреляли. Они пока колчаны не кончились (не опустошились). Мечами стали фехтовать, никак

əwki wārə. Ətəmi şukəlciđəmi, đūktə şogoldirə. Şiktowul, albamī wāldıđamī, şururān, huŋtulə vəjəl wāđənā.

20 Əwənkil ələtin tild'ə, Şiktowul buləkətcirən. Şiktowul hunāđin Həcumkugulli umundu iŋdəcən, umundu nulgiktəđəcən. Nulgıđərə daran. Şiktowul hunāđin Həcumku hunāđin ikəmətcənəl, şokətmətcənəl. Həcumku hunāđin ikəldən: „ake-jen-de Şiktowul cəgeje-deş əməđən mugdəkəcəkərə nulgışinđəktuwi ilimnancınakan“. Şiktowul hunāđin lokomıđan nulgışinđəktuwi qumıduwi labokanılduwi nəđən lokomılwa. Şiktowul gađan lokomılawı hunātrı ɔnalwān. Huŋtul vəjəl gūndərə: „Şiktowul ekunka 25 hənmiptinđən ərā dund'awə şəgnəđəne“. Şiktowul dōlcatcən hənəkətcərilwə nuğanmān, hənəkəməldutin gundən Şiktowul: „əməpcəşun“. Şiktowul wāld'ən vəjəlwə. Vəjəlwə wāñnərən ɔroktogacınma. Şamāşal jəğərə Şiktowulwa, əmat cıpkərə əñnərən dagamāra. Şiktowul ɔulıđuđkin ilald'aduk cıpkārwe mədağnağa, hukluğnağa. Şiktowul ɔəmıld'ən; ılbimcə biñi, issan vəjəwə umukənmə, ajıtcā vəjunmə. Şiktowul nırmaran vəjəwə, 30 garpađana, hanñuktaran: „Ni bişind'i, ni hutən?“ vəjə gūnən: „Şiktowul hutən“. Şiktowul ɔnərən, şogold'on hutəwi aran əşin wārə. Tagwacilmī, hanñuktaran hutən ajıtcā vəjunma. Hutən uld'ild'ən Şiktowulwa vəjun əptəđəna. ulgumətsən, ulgumətsən, ɔəwrən uld'əwə, təduk əñpatt'ən hutənün. Təduk nān şururān, buləkətcild'ən, vokonən nulgıđərilwə əwənkılwə, əgdirälwə, vəjə jüşnəscā đudukrı. Şiktowul tar wārən vəjə. 35 Bəjə Kardaku bicən. Təduk ɔalıldaran Şiktowul „Əri, gugərin Jokoni“ şiluktalwān, siluməran şölpkəñrən şöld'an vəjə şiluktaldulin. Tukaşna, halganmı uđuran.

Bəjəl ıđalın tukşađara, Şiktowul təkundulı kumñalı irəktəli hurrān. Hurrəkinən, vəjəl ɔjolin tukşara. Tukşaşıld'a təkunmə Şiktowul tağrən vəjəl, həltin əpkil giwə şöpkamətsə. Bəjəl ɔnərəktin, Şiktowul jürən təkunduk, muçuşnañ ɔulāwi. İşnən ɔduduwi, inən 40 şəgdaknanmı. Şəgdancälān vəjəl əməncərə. Şiktowul tild'ən, əməđərə vəjəl. „Minə wāđināđərə“, hırlıtkiwı gūnən: „Mişəkald'ı! Minə wəktin, əşilə mindu ələkin əgdiwə vəjəl wācāw, şəgdacāw, ətəcəw ɔvlog bidəmi. Şu-nun mişəkald'ı, bi ədu alacılđam,

не могут убить. Кончивши фехтовать, оба заплакали. Шиктовуль, не могши убить, ушел, убивая других людей.

Все эвенки узнали, (что) Шиктовуль бродяжничает. Сестра Шиктовуля 20 жила вместе с сестрою Хочумку, вместе кочевала. Кочевали рядом. Сестра Шиктовуля (и) сестра Хочумку пели, состязаясь, хвастаясь. Сестра Хочумку запела: „Братец Шиктовуль издалека идет, пеньки на месте кочевки расставляя“ Сестра Шиктовуля вешало поставила на кочевке на брошенной юрте, мох положила на вешало. Шиктовуль взял вешало, сестрою сделанное. Другие мужики 25 сказали: „Шиктовуль как будто топает, идя по этой земле“. Шиктовуль услышал говорящих о нем, на слова их сказал Шиктовуль: „Притащились“. Шиктовуль стал убивать мужиков. Бил людей, как траву. Шаманы прокляли Шиктовуля, (чтобы) никакой зверь не мог приближаться. Приближение Шиктовуля за три дня узнавали звери, убежали. Шиктовуль проголодался; пропадая с голоду, дошел до одного мужика, добывшего зверя. Шиктовуль подкрался 30 к человеку; стреляя, сказал: „Кто ты, чей сын?“ Мужик сказал: „Сын Шиктовуля“. Шиктовуль пошел, заплакал. Сына чуть-чуть не убил. Узнавши, спросил сына, убившего зверя. Сын накормил Шиктовуля легкими зверя. Разговаривал, разговаривал, съел мясо, потом ночевал с сыном. Потом опять ушел, стал бродяжничать, встретил кочующих эвенков—Огдырылей, мужчина вышел из юрты. 35 Шиктовуль убил того мужика. Мужик был Кардуку. Тогда вспомнил Шиктовуль „Этот, как говорил Яконы“, кишки вытащил, сделал кольцо из кишек, пролез через кишки мужика. Прыгая, ногу наколол.

Мужики побежали по его следу. Шиктовуль в середину колоды (спрятался) нырнул. Когда спрятался, мужики через верх (колоду) перепрыгнули. Стали перепрыгивать через колоду, Шиктовуль считал мужиков, некоторые прыгали незаметно. Когда мужики ушли, Шиктовуль вылез из колоды, вернулся 40 домой. Жил дома, жил до старости. Когда состарился, пришли (к нему) мужики. Шиктовуль услышал, (что) идут мужики. „Меня идут убивать“, сыновьям сказал: „скройтесь! меня пусть убьют, теперь мне довольно, много людей убивал, состарился, кончил жить, не жаль. Вы-то скройтесь, я здесь подожду, чтобы

wāḡātin“. Şiktowul hūrilin misərə darkındulı. Būləşəl əməərə Şiktowul bərin tūlilā lo-
kowūndu lokucaḡarān. Bəjəl əməərə bərəwəñ gada, incərə nuḡanmān. Şiktowul
45 gūnən: „Əkəldʳu-kən wərə, bi həñkətciķtə şuntiki, dōlcatkallu minə“. Tāduk gūnən:
„Minə wākaldʳə, mēwanmāw ḡəpkaldʳə. Mēwanmāw ḡəmmi, mingəcir şō oḡaş, ēmat
ətən şunə wərə“.

Bəjəl wərə Şiktowulwa təlgətşə mēwanmān, bakara mēwanin huḡtūtmə, ələn
ıḡu. Bəjəl ḡəlildʳə əşi ḡəwdəwər Şiktowul mēwanmān. Tuḡı Şiktowul inin, Şiktowul
mudanin.

Ş. Kımā. Cırəmbu

70. Nara

Gāgdārā bicən Tānimə. Təḡədu bargıgādu bicən Şintawul. Nuḡartin əḡəşicil
bicətin. Gāgdārā dāvdatān Şintawuldu. Şintawul hunilwi tiwran.

Timi bələḡəlildʳən Narawul, Şintawul gəncədəwi. Gāgdārā Narawul şārən. Nara
əḡəşit həḡdimər Gāgdārāduk. Gāgdārā gūnən: „Şi dāvdiḡandʳi, bi aran dāvdam“.
5 Nara ḡəkildirān. Kətə əwənkil tāwrə. Dənəncəşnə Şintawulwa. Nara şururān akīnan.
Akīnin əḡəşitmər gəngəməndimər bicən Naraduk. Nara ḡelḡandimər bicən.

Jajalwə şururwā, hurkəkər şururā multaş bəricilwi. Nara işşan Şintawul ḡawān.
Nara ḡulāli şururān, Şintawul ororwōn ilbərən. Şintawul icātñərən, ēkundī olonə.
Icātñən, icātñən əmac ācın. Şintawul jūşşān, cīkəñdirān. Cīkəñdirəkin Şintawul, Nara
10 amargidādun şəḡdəndʳədun ulcamātçənə. Şintawul ḡulāwi irān, Nara nuḡannunin
irān. Şintawul əmac əḡnərən tildʳə, təḡətçirən. Nara bəduwi təḡərən. Təḡəḡərəkin, Nara
təḡəcədu icərən. ḡlḡurməcildʳə. Nara gūnən: „Kərəməḡu bişim Gāgdārā hunildulı“.

Amarguc əməərə ələtin əwənkil. Haranāldʳə. Şintawul həripçuldʳən idu əḡəşit-
tmər. Nara haranduwı kullkuşnən əpkərəwə. Ələtin ḡaralin tarəşına, ələtin ḡmkəḡtəlin
15 buḡurā. Şintawul təli ēnawrān.

убили“. Сыновья Шиктовуля скрылись под наст. Пришли бродяги, лук Шикто-
вуля снаружи на вешале висел. Мужики пришли, лук его взяли, вошли к нему.
45 Шиктовуль сказал: „Подождите меня убивать, я скажу вам, слушайте меня“.
Потом сказал: „Меня убейте, сердце мое съешьте. Съевши мое сердце, силь-
ными, подобно мне, станете, никто вас не убьет“.

Мужики убили Шиктовуля, вырвали сердце, нашли совсем другое сердце,
все волосатое. Мужики побоялись есть сердце Шиктовуля. Такова жизнь
Шиктовуля, конец Шиктовуля.

Ш. Кима. Чиромбу

70. Nara (соб. имя—недохолощенный бык)

Гагдэра был (из рода) Танимо. На противоположном берегу реки был Шинта-
вуль. Они были силачи. Гагдэра поддался Шинтавулю. Шинтавуль девушек отнял.

Утром стал помогать Наравуль Шинтавуля наказать. Гагдэра знал Наравуля.
Nara был силач больше Гагдэры. Гагдэра сказал: „Ты победишь, я немножко
5 поддамся“. Nara согласился. Много эвенков собрали. Отправились к Шинтавулю.
Nara пошел с дядей. Дядя был сильнее (и) неуклюжее Нары. Nara был проворнее.

Шаманов увели, парни пошли лучным отрядом. Nara дошел до юрты
Шинтавуля. Nara зашел вперед, испугал оленей Шинтавуля. Шинтавуль пошел
посмотреть, что случилось. Смотрел, смотрел, ничего нет. Шинтавуль вышел
10 на двор. Когда справлялся Шинтавуль, Нары позади, за его спиной вертелся.
Шинтавуль вошел в юрту. Nara с ним вошел. Шинтавуль не мог ничего по-
нять, сел. Nara на среднее место сел. Когда сел, увидел Нару сидящего. Стал
разговаривать. Nara сказал: „(я) мшу за Гагдэра девушек“.

Позже пришли все эвенки. Стали стойбищем становиться. Шинтавуль
приметил, где сильнейший. Nara на месте юрты ударил по сухому дереву (силу
15 показал). Все ветки вздрогнули, весь снег свалился. Шинтавуль тогда разобрал.

Timätñä әrildә diñnilәlikicitin, guluwün hәgdıwı ılara. Kaltakagıdın guluwünma şamāşal tәgәrә. Bәjәl ǵawşıldәrә bәrilwәр. umukән bәjә ırgәmkәрән tütәkәlwәtin, gүнәn: „ırgәmәkәkün Narañı“. Tütәkәlwәtin Naraja Şintawulnun ılıwrән. Narañıwa şıborārән mandıtmarıt. ulgucәмәtsә idiy ǵulalı gәdan, tarı şukәdәdәn. ǵıkrә tuk-
 20 şancәldә tütәkәlwәр Narañı mandıt şıborәнmucә. Nara gәscaǵalgıdan, Şintawul şukәdәşcәрән. Narawa gәlә hujıren, әñkiwә. Nara hәndıñnәn, Şintawul aşaşnan. Әşin bokonә, amaşkı huktıldәn, Nara bokorән, şukәdәрән Şintawulwa. Şintawul tәgәknәnin әñkiwә nilәşnәn burucә. Nara mұcuşnәn. Nara gүнәn: „Tıkın әdu vimcәş! Bәjәmәtmәtkәl“. Şintawul altacıldәn, hәrkәldәn әñkiwi. Nara әñin alıpkәcıldәn, Şinta-
 25 wuljawı bokowı daptaldәn, gundәna: „Әr ǵejәgartın hәjgән“, Gәgdärә gүнәn: „Bәjәmәtkәl nuganmән“. Nara әşin ǵәkildirä, әşin wәмuldә. Nara gүнәn: „Gılwә-lı nәkәktin!“ Şintawul gүнәn: „Mindü äcin targäcin bәjә“ Şintawul altacıldәn: „Bü wıǵdärәw şundü asalışun“. Nara ǵәkildirән, aşälәwi ǵırwә gәdan. Gәgdärә hunilwән tiǵәlwән amaşkı gәdiran. Huñtul hırkәkür asılara, әgdıwә aşälwa әmәwrә mәнñitkiwi
 30 dındıtkıwi. Mұcuşñä. Nara aşälwi müdilwä ugađana.

Şintawul jajaltın Narawa jәgәrә, äcin huñtäwi bidән. Nara ǵırdıuk aşal umukәmәc huñtән әcә bişi. Tәdukkı gәrbicı Nara. Nara vicән әlә әñәşi Tәnimә.

Ş. Kımä. Cırәмвц

71. Şәrincә.

Şәrincә ikәnipkәdirән nәññә. Әgdirä vicәtin әwәnkil. Bulәşәl, ıragәр, şәññә Cırәмвцtkı umıldә müwә. umukәntin döldirән Şәrincә cumırwән, gүнәn: „Cumı-

Утром раскопали место бегов, большой костер разожгли. Половину костра шаманы заняли¹. Мужчины просматривали луки свои. Один мужчина свесил мечи, сказал: „тяжелее Нарин“. Мечи Нары (и) Шинтавуля поставил. Нарин воткнул крепче. Договорились, который (из них) первым возьмет, тот ударит.
 20 Оба побежали за мечами. Нарин воткнул крепче. Пока Нара брал, Шинтавуль рубанул. Ранил руку Нары, большой палец. Нара побегал. Шинтавуль преследовал. Не догнавши, стал бежать обратно. Нара догнал, рубнул Шинтавуля. Когда Шинтавуль присел, большой палец снес, бросил. Нара замахнулся, Нара сказал: „Теперь здесь был бы! Давай рубить друг друга“. Шинтавуль взмолился, привязал большой палец. Мать Нары стала досаждать, по заду Шинта-
 25 вуля похлопала, говоря: „Вот запрятанный болотный житель“. Гагдәра сказал: „Убей его“. Нара не согласился, не захотел убивать. Нара сказал: „Другие пусть попробуют!“ Шинтавуль сказал: „У меня нет такого человека“. Шинтавуль стал просить: „Мы дадим вам женщин ваших“. Нара согласился, двух жен взял. Гагдәра девушек отнятых обратно взял. Другие парни женились, много женщин
 30 привели на свою землю. Возвратились, Нара своих жен на плечах переносил через воду.

Шаманы Шинтавуля заговорили, чтобы (Нара) был бездетным. У Нары от двух жен ни одного ребенка не было. С тех пор называется Нара. Нара был последний богатырь (из рода) Танимо.

Ш. Кима. Чиромбу

71. Шоринчо.

Шоринчо устроил весной весенний праздник обновления жизни. Эвенки были (из рода) Огдырэ. Бродяги, каменные (жители правобережья Енисея) дошли до Чиромбу, стали пить воду. Один из них услышал в воде эхо Шоринчо, ска-

¹ Межродовые столкновения звенков в большинстве случаев сводились к состязаниям богатырей—военных предводителей. Параллельно шли состязания в искусстве между шаманами. Роды встречались, устраивали костры. С одной стороны располагались богатыри, с другой—шаманы.

ɖarə“. Əlɛtpar dɔlcacaldɔ, əlɛtpi ɪdərə cuɣnr. ɛnəwra ʂolokɪ cuɣnrawa, ʂururə Cɪrə-
 mɔwə ʂolokɪ. ɔnərə ɖarkuldɔawa. ɖarkɪdutin wəmɪldɔ dɔldɪɖacəwə. Wəldənəkər
 5 icərə oronmo cɔlkəwə. Wərə oronmo, ɖəwɔ. Dolboldono dɔldɪrə əwənkɪl kənəlɪrwətɪn.
 Luɣurɪwə kənəlɪdərə əwənkɪl. Tɪmaltənəkɪn, ɪləwɣɪldɔ, jajaldən ʂəɪncə. Əwənkɪl
 ɪkənɪldɔ. Tɪmaltənə bʊləʂəl əɣəlɣərə ʂəɪncə ɖəkənman. ʂəɪncə tɪldən əɣəlɣəpcələwə
 umnaldən: „ɛkun cɔlɪn ɣɪnən? ʂəɪncəkun muʂun əɣəlɣəjəɣdɛdɪn ɖɪn tɪrəndəʂɪnən“.
 Bʊləʂəl ɣɪnə: „Umnalcə!“ Ganaldɔ ʂəɪncə ɖəkənman, ɪkənɪmnɪʂəlwə wərə. ʂəɪncə
 10 dəɣɪlɣərən ʂonəlɪwɪ, hatɪnən, ʂɪɣɪndɪ bururən. ʂəɪncə hʊktɪldən ɪnəkɪndɪ. Bʊləʂəl
 ɣarpərə ɪnəkɪnma, ɪnəkɪn buɖɖan. Tədɪk ʂəɪncə, kɪlɪn ɪnə, hʊktɪldən. Kɪlɪnma
 bʊləʂəl ɛrkanɖɪwar ɪktərə, ʂəɪncəwə wərə, ɪldəwən dɪɣdɪrə, dɪɣdɪrə ʂəɪncə nən umɪnɪ-
 ɪnɪnərən ɪdɪɖdɪrə ɪaklaltə, nən umɪnɪpɔ. Təlgətɔcɪrə ələwən, ʂəɪncə nən umɪ-
 ɪnɪpɔ. ɔmɪwən əɣnərə ɪakara. ʂəɪncə ɔmɪwɪ ɖajacə ɔcɪndu ɣəɪɪɪɖɪ. Okɪn ɔcɪɣɪwən
 15 ɣəɪɪɪɖɪ mɪnərə, təlɪ ʂəɪncə buɖɖan.

umɪkən ɔɣə wəɖəktutin ɔkɔcəɔ. ɪlan bʊləʂəl ɪrə ɖəkənɪtkɪ. Tar ɔɣə aran
 əʂɪn ɪɪncara purtatɪ, əksərən. ɔntuwɪnma ɣadə bʊləʂəl, mʊrʊkərə purtatɪ ɣələwən.
 Tədɪk ɪrə, əɣdɪ ɪnəl, kumalərwə ɪɖuldɔ wənəlɪtkɪwar, ɣɪndənəl: „ʂɪ ɛɪc ənɪtɪ-
 kəl“. ɔɣə ɪcərən cuɣsacɪ, ɣɪnən: „Ər-kə ɔn cuɣsacɪ?“ umɪkəntɪn ɣɪnən: „ətnnɪ-
 20 kəkɪntɪ“, kumalənma ɪɖurən, ɖərən ətədən ɪcəɖamɪ. ɣɪl ɖɪr hʊrkəkər tuɣsana. Asə-
 dɪlwa ʂurwə tətʂə. Bʊləʂəl ɣɪnə: „Nuɣarɪlɪn əʂəl ɛkun ɖɪndəjan ʂəɣəɖərə?“ Bʊləʂəl
 ʂururə wəɖəktukɔpar, umɪkəntɪn ɔlən ɣɪnən: „nəkəwɪ ɔmgom“. Aməʂkɪ mɪcɪʂnən
 wəɖəktɪkɪwɪ, ɖəkəntɪkɪ ɪrən. ɔɣə təɣətɔ ɣɔnən. ɔlən təɣrən hawɪ. Həɣkətmətən,
 tɪruldərən ɣɔcɪktawən əmərən.

ɖɪr hʊrkəkər ɪʂəɖalwar əwənkɪlwə, ɣənkərwə nɪmɣəcɪlcələwə, ɖəmɪlcaldɔ,
 ɔlɪmɛcələwə ɪʂa.

зал: „Раздается“. Все стали слушать, все услышали эхо в воде. Приметили,
 что) эхо сверху, пошли вверх по Чиромбу. Шли восемь дней. На восьмой ден за-
 5 хотели убить слышавшегося (того, чье эхо слышали). Убивая, увидели белого
 оленя. Убили оленя, съели. Вечером услышали шум (от эвенкийской игры в мать-
 дерево)¹. Всю ночь играли эвенки. Когда настало утро, стали греть бубны, на-
 чинал шаманить Шоринчо. Эвенки стали в круг. Утром бродяги окружили юрту
 Шоринчо. Шоринчо понял окружавших, стал говорить: „Чей язык говорит?
 10 Дух Шоринчо окружавших юрту собрался придавить“. Бродяги сказали: „Заго-
 ворил (зашаманил)! „Стали стрелять в юрту Шоринчо, всех в хороводе убили.
 Шоринчо быстро вылетел в отверстие юрты, превратился в духа, солнцем упал.
 Шоринчо стал убежать собакой. Бродяги выстрелили в собаку, собака умерла.
 Потом Шоринчо, змеєю ставши, начал убежать. Змею бродяги били кончиком
 лука. Убили Шоринчо, мясо его рубят, рубят, Шоринчо опять собирается
 в одно, разбрасывают по частям, опять соединяется. По суставам разбирают
 всего, Шоринчо опять соединился. Не могли найти его душу. Душа Шоринчо
 15 спряталась в безымянный палец. Когда палец отрезали, тогда Шоринчо умер.

Один мужчина остался полумертвым на месте убийства. Три бродяги
 вошли в юрту. Тот мужчина едва не бросил (в них) ножом, одумался. Бубен
 взяли бродяги, разодрали ножом пузырь. Потом вошли, много (их) было, раз-
 бросали кумаланы по убитым, говоря: „Ты этим вознаградись“. Мужчина уви-
 дел окровавленного, сказал: „Это почему окровавленный?“ Один из них сказал:
 20 „Уже кончился“. Бросил кумалан, чтобы лицо не было видно. Два других парня
 убежали. Женские кафтаны надели. Бродяги сказали: „Их женщины на какую
 землю (могут) дойти?“ Бродяги ушли с места боя, один бродяга сказал: „Огииво-
 забыл“. Вернулся обратно на место боя, в юрту вошел. Сидевший мужчина испу-
 гался. Бродяга узнал сородича. Разговорились, обещал притти в будущем году.

25 Двое парней во время похода проглотили корольки (крупный бисер), стали
 голодать, едва живые от голода дошли.

¹ Игра kɪnəlɪɣ „мать-дерево“—массовая. Играющие делятся на две партии: мужскую и жен-
 скую. У каждой партии свое дерево — „отец“ и „мать“. Подбрасывают палку. Партия, поймавшая
 палку, старается поцарапать дерево противной партии. Ей не дают, стараясь выбить и уронить
 палку. При падении палки игра переходит к другой партии.

72. Arka

Arka amīnin bicēn Mōlkōn. Nuḡan vakaran huḡukūtḡnma kuḡākānma. Irgi-cildʳən tarā. Tādūk Arka həgdiḡə ḡdan, həgdiḡə ḡamān ḡdan. Arka ḡmḡkēnnuḡ ḡamānnuḡ jaḡʳamattʳən əḡəḡiwi, meriḡān ḡajtaḡaldḡwi. Ni əḡəḡitmər. Togowo həgdiḡə ilara, nadanma əpkərəl mōlwa olḡonrə. Tādu jaḡʳamācildʳə. ḡmḡkēnmə inəḡiwe jaḡʳamāttʳə, ḡaman ilaran togodu ḡəwəḡaldḡwi. Davdaran huḡtu ḡamān, qəḡdirən gē, ḡajtaḡaldḡwi ilarān. Arka əḡəḡi həgdimər ḡdan. Tūtəkēcilin ilanḡār vəḡəl bicəl. Ilarakin, nuḡartin ḡıldʳə mənḡiwər ḡamānmər: „Tuḡi biwkə“. qəḡdirān tari ḡamān.

Arka ḡān huḡtḡtki ḡamāntiki ḡənərən, ḡān huḡtu ḡamān tḡrəldʳən Arkawa, ḡıldʳən: „ḡi-kə eda tuḡi ḡəkəqəndʳi əwənkilwə mən ilatcandʳi ḡi?“ Arka həḡkēcildʳən: „Ōn-ka mən ilatcaḡam, mənəkən tḡrəlcən minə“. ḡān tari ḡamān ḡıldʳən: „Jaḡʳamātkā, əkun-ka targācin biḡin həgdiḡə?“ Arka ḡıldʳən: „ḡu mənəkər tḡrəliḡnəḡ. Ajawrakıḡ, jaḡʳamātkā“. ḡān togowo həgdiḡə ilara, nadanma əpkərəl ilara. ḡō həgdiḡə togo ḡdan. Gē ijəlin baldıra, Arkayı baldıra ijəlin tuḡi. ḡāldıra qḡkrə, əḡəḡilwər merildʳə, idḡ əḡəḡitmər ḡdan. Arka davdıran, vodoloḡḡən. Əḡəḡitmər həgdimər ḡda ḡajtaḡalın. Tunḡaqār tūtəkēcilin bicəl tari davdaḡacā. Davdarakin, həḡkəcildʳə tūtəkēcilin: „ḡəkəqəkis əruḡḡi“.

Tādūk Arka ḡān ilitin ḡamaḡıl Putuḡin bakaldıra. Arka kuḡsildʳən qḡkədu, vıradu. Arkawa piḡḡaldʳən hojolin tḡrkəc. Arka tapıḡrənən hojowı, əmac ḡkḡḡə ācin, huḡa ācin ḡdan. Arkayı tunḡaqār tūtəkēcilin tari ḡamāḡıl tunḡaqār tūtəkēcilin kuḡıḡə qḡkədu. Davdara Putuḡıḡı. Arka təḡān Tanınma bicən. Arka wārən Putuḡınma ələwətin. Arkā Jələḡıdu inḡəcən. Putuḡın aḡgidālā əməcən.

72. Арка

Отец Арка был Молькон. Он нашел маленького ребенка. Стал растить того. Потом Арка большим стал, большой шаман стал. Арка состязался с одним шаманом в умении шаманить, мерился духами. Кто сильнее. Большой огонь разожгли, свалили семь сухих деревьев. Там стали шаманить. Один день шаманили, шаман сжег в огне своих духов. Поддался другой шаман, улетел второй¹,
духов сжег. Арка значительно сильнее стал. Мечников тридцать человек было
(у того). Когда зажег, они сказали своему шаману: „Тому (и) нужно быть“. Улетел тот шаман.

Арка опять пошел к другому шаману, опять другой шаман стал ругать Арка сказал: „Ты-то к чему так делаешь, эвенков сам сжигаешь ты?“ Арка сказал: „Как (я) сам сжигаю, сам вызывал меня“. Опять тот шаман сказал: „Давай пошаманим, какой такой силач?“ Арка сказал: „Вы сами вызываете. Если правитесь, давай шаманить“. Опять большой костер развели, семь сухих деревьев сожгли. Очень большой огонь стал. У второго выросли рога, у Арка тоже выросли рога. Схватились оба, силою мериться стали, который сильнее. Арка победил, сбежал (тот). Сильнее, больше стали духи его (Арка). Пятьдесят мечников было у побежденного. После победы стали говорить мечники: „Если бы начал раньше, хуже (было бы)“.

Потом Арка опять с третьим шаманом (из рода) Путугин встретился. Арка начал драться на льду, на реке. У Арка прострелил лоб насквозь. Арка вытер лоб, нет никакой крови, раны не стало. Пятьдесят мечников Арка с пятьюдесятью мечниками того шамана бились на льду. Победенными стали Путугины.
Народ (род) Арка был Танимо. Арка убил Путугиных всех. Арка жил на Ело-
гуе. Путугин пришел на эту сторону (с правого берега Енисея).

¹ Победенный сжег своих духов и, превратившись в птицу, улетел.

73. Nurgowul

Nonon Nurgowul bihin, gē ʋrən bihin. ʋrən bihin kətəkəkun ʋrilin. Tālawaʋr əmərən Nurgowul. Tāduk ʋmukənin gūnən: „Ganātmāt!“ Nurgowul manaran wəjəjil-wən ʋrənʋilwə. ʋrən tuksahinan; ʋrawa mīkcānqariwa garparan, halganmān kaputan. Kaputkānim, ahīwān hūruwrən. Nurgowul hūtəwən amākān qajaran, hōmama hujukukənme.

Tarāwa irgittan qapkun anjanīwa. qapkun anjanin irgitkəjim, ajaʋuldan, lukīwa ōran mukutiwa, tāduk, guluwun bargidālān ilwkākanim, tatigattān. Tādu əcə nawkānā' cāgi amandī gorokonqī nān tatigattān. Tāduk, gorotmordulā ilwkānim, hələmət lukit tatigattān.

¹⁰ Tar kuḡākān lukidu əcə nāwrə, nuḡan mīkcānan. Jəgitin anjanī ōdan. Jəgitin anjanī ōdakin, tar kuḡākān mōwa ilkənme bakaran, amākāduk hanḡaktaran: „ēkun ilkəncān?“ — „Əcəw hārə“. — „Amākāl ələdəkəl, hūbakal, ʋlḡucəkəl mindū“. İllan hanḡaktaran amākāji. Amakān gūnən: „Bultakəl qəwḡə wəjənə, təli gūnim“. Tādu bultaran kuḡākān kətəwə hōma wəjənme. Bultarakin, gūnən: „Nurgowul wācān amīnmās“. — „ēkuma hō wəjə, mōḡat baldiḡnāw, hi, ətirəkən, ʋlḡucəkəl, ʋlḡucəndəwi baldirakīw“. Tāduk tar kuḡākān hūruwrən. Bakaran tāla jəgin qūwa. Bakānim, kalilā qūla irən. irəkin, əninin təḡəcildan. „Hi ēkuma kuḡākān bihindā?“ ənin gūnən: — „ēkuma winən, əcəw hārə“ — „Ōn minḡi hūtəw ʋrəri?“ Hūtən tādu gūnən: ²⁰ „Tar-tı bihim“. — „Ətirəkənmi əmərəkin, ənə ʋlḡucənə“, gūnən əninin: Kuḡākān gūnən: „Ətirəkən okin əməḡiḡən?“ — „Dolboltono əməḡiḡən“. — „ʋldəjə mindū ʋḡkəl hōt qəmmulim, gorəjo əməḡəm“. — „ʋldəḡilbi taḡqāḡān, mədəḡən, ʋḡḡam, əḡam-ḡu?“.

Hujukukənme ʋrən halganin ʋldəwən. Adirākān mukukānim, ətərən. Tādu əmərən ətirəkənin dolboltono. Lōwanmı taḡdan, qūlāji ənə irə. Taḡkanım, gūnən:

73. Нурговуль

Вначале был Нурговуль, (и) второй Урон. У Урона было много стойбищ. Туда пришел Нурговуль, потом один из них сказал: „Пойдемте стреляться“. Нурговуль прикончил мужчину Урона. Урон убежал; через реку в перескакивающего (Урона) выстрелил, ранил ногу. Ранивши, жену его увел. Нурговуля сына ⁵ его (дед) спрятал, очень маленького.

Воспитывал того восемь лет. Восемь лет растивши, начал учить (увертыванию), сделал деревянную стрелу, потом, за костром поставивши, учил. Там не поповши, дальше позади далеко опять учил. Потом, очень далеко поставивши, железной стрелой учил.

¹⁰ Тот ребенок на стрелу не попадался, он отпрыгивал. Девятый год пошел. Когда девятый год настал, тот ребенок метку на дереве нашел, спросил деда: „Кто пометил?“ — „Не знаю“. — „Дед, пожалуйста, сообщи, расскажи мне“. Трижды спрашивал деда. Дед сказал: „Добудь зверя для еды, тогда скажу“. Там же добыл ребенок много сильных зверей. Когда отпромышлял, (дед) сказал: ¹⁵ „Нурговуль убил отца твоего“. — „Какой сильный мужик, может вырасту, ты, старик, расскажи, расскажешь, когда вырасту“. Потом тот ребенок ушел. Встретил там девять юрт. Встретивши, в большую юрту вошел. Войдя, мать его узнала: „Ты чей сын?“ сказала мать. „Чей был, не знаю“. — „Как похож на моего сына?“ Сын тогда сказал: „Тот (и) есть“. — „Старик мой придет когда, не рассказывай“, — сказала мать. Ребенок сказал: „Старик когда придет?“ — „Вечером придет“. — „Дай мне мяса! Сильно проголодался, долго шел“. — „Мясо сосчитает, узнает, дам ли, нет ли?“

²⁰ Немножко дала мяса от ноги. Немножко поевши, перестал. Пришел вечером старик. Повешенное (мясо) подсчитал, не входя в юрту. Подсчитавши.

„Halgan ʋldən ācın“. Taŋdākın, ikēnim dūlāji, gūnən: „ēkun kuŋākāmin əməcən? ʋldəmi idu būndā? huŋtu-γu, tawardu-γu būndā?“ Ahin gūnən: „Tawardu būmi, dər-cən“. — „ēkun kuŋākāmin əməcən? hōt ulikal, aŋađakān binən. Həksəje urkukal kalandu hujuwdən“. Tarıŋın aksaran, aksakānım gūnən: „Hi amīmāw wāđəwki bihindi?“ — „Ni amındı gərbin bicən? Hi minŋiwə gərbiwəw hāndı“. — „Ni amındı gərbin? Hi minŋiwə gərbiwəw hāndı-γu?“ — „Hāmi“ — „Gərbiwəw ŋi, hārəkis?“ — „Hiŋŋi gərbin Nurgowul“.

³⁰ Mikcānən hōnalın əldunmə caski. Mikcāndaŋiwa purtatı amandıwkānın. Tāduk tuksahınākin, hokordon; əmərən, huŋtułwə tətkenən tətigəlwə. Əmərəkin jəgin dūdu: „Okı bihis jəgin dū wākaldı“. Huwulitin uruttə, əcəl nawkānə. „Kə, hilə, bi-wə-li ganāciktə“, gūnən: „adaγukaldı! mikcākaldı!“ Lukitukindı wārən. ʋmukən hulaptan, hōŋitın hulaptan. „Amiwaw ōn wācās, tuŋi wādam“. Garparan ʋmukəlın wārən. Wā-
³⁵ kānım, əninmi huŋwərən. Amākān gūnən: „Ələ-də hōmaja bihindi“.

I. U w o c ā n. Ң o r b o k ̄

74. Nurgowul

Nurgowul gərbici hōniŋ, garpalān wəje bicə. Nuŋan ʋrilənə manawki, wəjətkərwə wāciwki, ahatkərwə gāwki mēndūji. Təgəminin nulghinən, istan ʋmukəndulə dūlā. İcərən atırkən huŋtəji dāwısađarıwān, hanŋuktaran nuŋandu: „Huŋtəs, wəjətkən-mu, ahatkən-mu?“ — „Ahatkēcən!“ Nurgowul huŋuđənə gūnən: „Wəjətkən bimı ər, ilkən-
⁵ dūliw əməŋnən!“

Nurgowul huŋucələn, əmərən amīnīn. Amīnīn huŋtəji alawullan adayakıttu. Huŋtəji huŋmən lukkānım, toγocıt, əllat noduncıwki, tarıŋın adayawki. Tāduk amīnīn ōrān ʋurwa, tarıŋıttı garpawki, huŋtən adayawki.

сказал: „Мяса (от) ноги нет“. Подсчитавши, войдя в юрту, сказал: „Какой пар-
²⁵ нишка пришел? Мясо какому дала? чужому или тому дала?“ Жена сказала: „Тому дала, съел“. — „Какой ребенок пришел? побольше покорми, сирота наверное. Кровь налей в котел, чтобы сварилась“. Тот (мальчик) рассердился, рассердившись сказал: „Ты убил отца моего?“ — „Как было имя отца твоего? Ты мое имя знаешь? Как имя отца твоего? ты мое имя знаешь наверное“, — „Знаю“ — „Как же имя, если знаешь?“ — „Твое имя Нурговуль“.

³⁰ Прыгнул в верхнее отверстие юрты за нюк. Прыгающего ножом не успел (задеть мальчик). Потом, когда убежал, потерял (его); пришел, надел другую одежду. Пришел в девять юрт. „Сколько (есть) девять юрт убивайте“. Все обрадовались, не попали. „Ну, теперь я-ко постреляю“, сказал: „увертывайтесь! прыгайте!“ Каждой стрелой убил. Один остался, сильный остался. „Как отца моего убил, так убью (я)“. Выстрелил в голень, убил. Убивши, мать увел. Дед
³⁵ сказал: „Теперь сильный (ты)“.

И. У в о ч а н. Е р б о г о ч о н.

74. Нурговуль

Нурговулем назывался богатырь, ловкий стрелок был мужик. Он стойбища кончал, мальчиков убивал, девочек брал к себе. Утром кочевал, дошел до одной юрты. Увидел, старуха сына держит, спросил ее: „Ребенок твой — мальчик или девочка?“ — „Девочка!“ Нурговуль, уходя, сказал: „Мальчик это, пусть по
⁵ метка моим пойдет!“

После ухода Нурговуля пришел отец. Отец стал учить сына своего увертыванию. Снявши с сына кафтан, огнем, углями бросался, тот отворачивался. Потом отец сделал стрелу (деревянную), ею выстрелил, сын увернулся.

Нүтэн, нурилаји ѓкәннм, қән надан анғанісі вinä, һурүрән Нурговул илкәндүлин.
10 Нәпәрән иланқарвә турғаніл. Иланқайыдуји дөлдирән көғаләһәл жүғиндәрилвә. Ісәрән, тәгрән әкннм. Әкннлн ннһүдәрә Нурговул вәнәвән вәјүнмә. Әкннлн ұлғүсәнә іду вїдә-
рївән Нурговул. дәврән ұлләвә нуған, һурүрән Нурговулдулә. Дағамалқана, нур-
маран кнкәһнән. Нурговул гәдан нурвн үрәмкәттә, гүнән: „Түксәннмн һәккәл, гар-
15 пакал городук әмәсә вәјә“. — „Нн nonokol һағднмulla“. Нурговул гарпарән, урә-
рән. Гә гарпарән һәңәнмән тәлләннәк. Нурговул гәврән гарпарән урәрән. Ге һнлу-
мәрән Нурговулва, Нурговул гүнән: „Һағдәләлә әмәннә“, нурнлвн вүрән, гүнқәнә:
„мннқәснн үрнәлә манәкнн одаји“.

Вәјәткән ороғвон қаварән, әкннлвн һурүврән қүләји.

Н. Карлин. Ногвоко

75. Илан әғәһил

үтәлә, кәтә анғаніл илтәнә вїдәнәдүктнн илан әғәһил. Нуғартнн вїдәсәтнн әләкәс,
әвәнкнл оқарәктнн.

Тар әғәһил вїдәсәл ајамамат, әвкнл үрүрә, күһирә. Әја-вал үмүкәнтнн гүнәкнн,
әвкнл мүссәрә; әја-вал омаһмн, үмүтәл әвкнл ора, оһвкнл үмүкәнду, ұлғүсәмәтнәл,
5 гүлдннәл. Нуғарватнн һәсәл үпкат әвәнкнл. Нуғарғәснртнн әғәһил іду-дә әснр вїсәл.
Вәјүһннмн, нуғартнн әмәһннвкнл үмүкәнә гнркнјәвәр. қүјавар овкнл нуғартнн һекнлдук.
Илана һекнл нуғартнн үјиүкнл дүвәлдүлнн, голомогоснн, тарнүлдүвар вїдәвкнл.

Нуғартнн турғаннүткнн тнлкнснқәвкнл әғәһнснлә илә. Кәтәвә анғаніл вїкәјәмнл,
дөлднсәл іду-вәл јәкәлткнл үмүкән бнһнн әғәһн, әғәһнмәр нағардуктнн. Нуғартнн алва-
10 сәл оһ-дә вәкәқамн нуғанмән. Тар јәкә нуғарватнн нән тнлсә, іду-вәл бнһнвәтнн илан
әғәһнл. Гәләкнлсә нуғарватнн. Гәләкнлсә тар әғәһн јәкә иланма анғаннл, днғндуви
тнлсә ајамамат нуғарватнн. Тар јәкә әғәһнлвә вәкәрән, днғннмә толғокнснл ороғво

Сын, сделавши стрелы семнадцать лет будучи, ушел по меткам Нурговуля.
10 Шел тридцать дней. На тридцатый услышал звон боталов. Увидел, узнал старшую
сестру. Сестры волочат зверя, убитого Нурговулем. Сестры рассказали, где
живет Нурговуль. Поел мяса он, пошел к Нурговулю. Приближаясь, подкрался,
свистнул. Нурговуль взял стрелы, сравнил, сказал: „Подстели подстилку, (чтобы
15 кровь не пролилась на землю), стреляй, пришедший издалека мужик“. — „Ты
начни, старший“. Нурговуль выстрелил — промахнулся. Второй выстрелил —
колено насквозь. Нурговуль вторично выстрелил — промахнулся. Второй (выстре-
лил) — по кишкам. Нурговуль сказал: „Под старость пришел“, стрелы свои
дал, говоря: „Будь, как я, кончай стойбища“.

Парнишка оленей его поймал, сестер увел домой.

Н. Каплин. Ербогочон

75. Три силача

Давно, много лет прошло после существования трех силачей. Они жили
тогда, когда эвенки (только) делались (организовывались).

Те силачи жили хорошо, не спорили, не дрались. Когда что-нибудь один
из них говорил, не противоречили. Что-нибудь желая делать, по одиночке не
5 делали, делали вместе, разговаривая, договариваясь. Их знали все эвенки.
Подобно им силачей нигде не было. Отправляясь промышлять, они оставляли
одного товарища. Дом они строили из лиственниц. Связывали они вершины
трех лиственниц, как балаган, в нем жили.

Они ежедневно узнавали о сильных мужчинах. Много лет прошло, услы-
шали, (что) где-то есть у якутов один силач, сильнее их. Они никак не могли
10 найти его. Тот якут о них также услышал, (о том, что) где-то живут три
силача. Стал искать их. Искал тот силач-якут три года, на четвертый узнал
хорошо о них. Тот якут силачей искал, на четырех санных оленях ехал

huktiwuscē dolbonīwə, turganīwa, nuḡardulātīn. Nuḡan ororwo garan tar-ḡarin, daw-
dīdamī nuḡarwatīn hēlinḡī huktiwuhindēwi nuḡarduktīn. Ələkəs ihilcā nuḡarwatīn.
15 ihilḡana, icərən hēkil uḡicəl duwəldulitīn, ḡūtāḡara.

Tar jākə ḡələlcə hōmat. „əkurdulā əməm?“ Uḡitcə ororwī, icə nuḡardulātīn.
ḡūduwar biḡərə ilanī. ḡūtīn hōmama aja. Bajakākunḡī biḡərə, kətə ḡəptilētīn. ikəjim,
dorowaran nuḡarnuntīn. Hōmamal ajaltīn bicəl, iləməhəl. uḡilcəl nuḡanmān. uḡḡucə-
mətəcəl dolbodolōn. Tādu āḡḡatcā nuḡardutīn. Timātne təḡəcəl uḡəkəkun, cātīcəl
20 okirā-dā. Təḡətəkəḡəmīl, uḡuḡkən ilanduk əḡəhīl ḡūlcə əməməktədu jākədu: „Andaḡī,
əḡəhīlwər uḡəmkkətḡət, anti bimcə“. Tar jākəḡitīn uḡərən. Jūlcəl diḡni. Nōwut ḡawal-
diran amḡatcawki əḡəhī. Tar amḡatcawki bicə upkattuk haḡdīmar. ḡawaldira jākə-
nun əḡəhinun. Jākəḡin nōdacā nuḡanmān arakūkān. ḡawaldicā duluyitīn nəkūntīn.
Nān nōdawcā jākəḡduwī. Əhīlə əmənmuḡcə nəkūndiḡitīn. Tarḡitīn bicə aknīl-
25 dukkī əḡəhītḡər. ḡawaldicā jākənun. Tar jākəwa uḡircə uḡiskī, nōdacā nuḡanmān.

Tarıptuduk nuḡartīn taḡilla mərwər upkattuk əḡəhitḡərīlḡi. Jākəḡitīn hēlinḡī
huktiwuscə ḡūlāḡ, dawdakāḡim. Dawdīdawki əḡəhī aknīlīn tikūlcəl, dawdamī jākədu.
Ahlḡacilcəl nuḡanmān, wādāwər.

Nuḡrtin ḡūtīn daḡadun bicə huḡukūkən hərəlgən. Tar hərəlgəndūlī bolo aha-
30 dara jākəḡitīn mōtīwa. Upkattuk haḡdamarḡitīn akīntīn ḡacā pəktirəwūnmi, ḡurmāscā
tar jākəwə. Daḡamākanim, pəktirəcə nuḡanmān, tādu-dā wācā nuḡanmān, huḡucə ḡūlāwī.

Tarıptuduk turganīduk əḡəhitḡər nuḡarduktīn idū-də ācin bicə.

N. Monahow. Inḡarigda

76. Cərə

Ilandār ḡamaḡīl anḡanīl amaskī bicən ilə, ḡərbicī Cərə. Nuḡan ələkən
bigəhin, hōniḡ Ərcəkən wācān əḡīnmən, amīnmān. Hularcān nuḡan amākānun.
Hōniḡ Ərcəkən manawki bicən okija-dā uḡrinəhəl. Hōniḡīl nonon uḡəmkkəciḡnəḡə

ночь (и) день к ним. Он взял оленей для того, чтобы, победивши их, от них
15 скорее ехать. Наконец дошел до них. Доходя, увидал: листовницы связаны
вершинами, юрту составляют.

Тот якут сильно испугался: „К чему пришел?“ Привязал оленей, вошел
к ним. В доме живут трое. Дом очень хороший. Богато живут, много еды. Войдя,
поздоровался с ними. Очень хорошие были, гостеприимные. Накормили его.
20 Разговаривали до ночи. Там ночевал у них. Утром встали рано, пили чай несколько
раз. Посидевши, один из трех силачей сказал пришедшему якуту: „Товарищ,
перекинемся, каков ты есть“. Тот якут согласился. Вышли четверо. Вначале
схватился спросивший силач. Тот спросивший был старше всех. Схватились с
якутом силачом. Якут бросил его слегка. Схватились с средним братом. Опять
бросил якут. Теперь остался самый младший. Тот был сильнее старших. Схва-
25 тились с якутом. Поднял того якута вверх, бросил его.

С тех пор они стали считать себя самыми сильными. Якут скорее побе-
жал домой, побежденный. Победивший силач рассердился на братьев за то,
что поддались якуту. Стали нагонять его, чтобы убить.

Около их юрты был маленький марник. Осенью в том марнике якут гонял
30 лося. Самый старший брат взял ружье, подкрался к якуту. Приблизившись,
выстрелил в него, там же убил его, ушел домой.

С тех пор сильнее их нигде не было.

N. Monahow. Inḡarigda

76. Чоро (большеротый)

Триста лет назад был эвенки, по имени Чоро. Он младенцем был, (когда) бога-
тырь Опчокон убил его мать, отца. Остался он с дедом. Богатырь Опчокон кончил
(разбил) сколько-то (очень много) стойбищ. Богатыри вначале сравнивали луки

Idu-wəl nuṇandukin daṇat biḏəcəl tunḡa iḏəriḏin. Tar iḏəriḏulən əməcəl ḏān
 5 ḏəptil, ḡilcəl: „Əbilwət! mundu aḡamama əbiwünmün bihin“. Əmərə əbiwünün biḏə-
 rən. Tar əbiwünün ḡpcā tərḡəksədük haku, ımıruḡi. ḏəptil, tarıḡdulāwər ugduḏanal,
 iḡəktəḏəwkil hıḡkənəḏənəl. ḏəptil jırəktin, ugduhina Cərə iḏəriḏin. ḏəptil upkatpa
 təkterə, ələ ımıḡkən wəjətkən huləpcā.

Təktəkəjimil, nıḡlihicəl Cərə hoktolin. Bəjətkənme tihıwkənḏəcəl. Olgadutin
 10 huḡtıcāhicā. Dolboniwa ḡənəkəjim, vokocō Cərəjəwə. ıḡıḡcəcə, on ḏalwān wānə-
 wətin.

ḏəptil əməcəl Cərələ, ḡilcəl: „Əbilwət!“ Cərə ḡünən: „ēē əvimcəltə!“ Əmərə
 əvikittulətin. Cərə ḡünən: „Hı ḡəpkālluwar, icəwkəkəllu ḡn əbiwkə!“ ḏəptil upkat
 ugduhina, Cərə hanḡuktaran ḏəptilwə: „ımıruḡwān ɛḡnarə?“ — „Tānmukā!“ Cərə tānən,
 upkatwa təkterən; wəjətkən, təktəḏiḏənə, ḡünən: „Tuḡə təktəḏəcəhın əḡiḡəwə“.

Tāduk Cərə nıḡlicən Nətəjə, ḡərbici urə, daṇadun. Tādu biḏərekin, əməcən
 aḡḡarşkaj hōniḡitin, hanḡuktalcān Cərəduk wəjəḡlə. Cərə hılbacān Nətəjə ojotkin.
 Timātne huḡurə ḏıktə. Təli Cərə haḡdacā biḏən. Nətəjəwa tıktikəjimil ımıḡkənḏu
 15 cəpkəkōdu Cərə ḡünən: „Omolḡil həkiltin ḡcəl“. Tuḡ ḡıḡkəjim, hōıicān ḏıramduḡwa
 cəlbəkānmə, tipkəcə ḡıdaduwi. ḡənəḏənəl, icətcəl ḏān ḡəpkunma amākāl. ḡırkin
 20 amardu otma ḡcā. Cərə ḡənəcə amākāldulā ḡünḏənə: „ımıḡtəlḡi, wəjəl“. Əməriklətin
 ḡıdalānə, ojoliji nōdawki. Tuḡ ḡıdaḡana, upkatwa manacā. Icəssə ḡırkıjı, tarıḡın iḏu-
 dā ācin, tuksascā, tıktəlin aran icəwrə. Cərə ilallawa hiḡḏəcə.

ḡırkin issā dolboltōno, ḡıḡcə: „ugduhinḏacān amākāl dulındulātın, iḏu tərəḏən“.
 Təli huḡtəlin ḡlcəl nırilawar, ḡünḏənəl: „Amınmawun ḏəwrə, bu nuḡardutin icəwkən-
 ḏəw“.

Cərə ḏıııduwi tıḡanıduwi, hədātın ḏalın iḏəriwān, həḡḏəḡməmə amākā ohi-
 25 ktalwān nıkimnadun ḡıjicə ḡınakıduji, kaḡālləḡācin, ḡıḡcə: „ḡənəḏəkəl“. Mənin issā
 dolboltōno. Əməcə ḡuluwündulāwi, aksakəjim ḡırkıdukkı. Timātne Cərə ḡıḡcə: „Tar

Где-то недалеко от него жили пять родственников. К тем родствен-
 5 никам пришли десять людоедов, сказали: „Поиграем, у нас хорошая игрушка
 есть“. Пришли к игрушке. Та игрушка сделана из ровдуги, закрытая,
 обшитая. Людоеды, влезая в ту, смеялись, вылезая. Людоеды, когда вышли,
 влезли родственники Чоро. Людоеды всех перебили, только один парнишка
 остался.

Перебивши, откочевали по дороге Чоро. Парнишку заставили итти впе-
 10 реди. Во время задержки (он) сбежал. Ночь пройдя, нагнал Чоро. Рассказал об
 убийстве родственников.

Людоеды пришли к Чоро, сказали: „Поиграем!“ Чоро сказал: „Да, поиграем!“
 Пришли к месту игры. Чоро сказал: „Вы, знающие, покажите, как надо играть!“
 Людоеды все влезли. Чоро спросил людоедов: „Что делают с тесемкой по обши-
 вке?“ — „Надо стянуть!“ Чоро натянул, всех перебил; парнишка, поколачивая,
 15 сказал: „Так били (вы) родителей.“

Потом Чоро откочевал поближе к горе, называемой Натайо. Когда там
 20 жил, пришел ангарский богатырь, стал спрашивать у Чоро зверей (итти на про-
 мыслы). Чоро указал на вершину Натайо. Утром пошли вместе. Тогда Чоро
 был стар. Влезши на вершину (Натайо), Чоро сказал: „Парни (медведи) свежие
 следы понаделали“. Сказавши так, отрубил толстую березку, посадил на копые.
 Идя, увидал восемнадцать медведей. Товарищ остался позади. Чоро пошел
 к медведям, говоря: „По-одному, мужики (подходите)“. Подходящих (к нему)
 насаживая на копые, бросал через голову. Так закалывая, всех перебил. Посмо-
 трел товарища, того нигде нет, лез, следы его едва виднеются. Чоро обдирал
 (свежевал) три дня.

Вечером товарищ дошел, сказал: „Влез в середину медведей, где (там)
 выдержит“. Тогда сыновья его сделали стрелы, говоря: „Отца нашего съели,
 мы им покажем“.

Чоро на четвертый день, родня (чтобы) узнала, когти от самого большого
 25 медведя привязал на шею собаки, как ботало, сказал: „Иди“. Сам дошел
 вечером. Пришел к костру, рассердившись на товарища. Утром Чоро сказал:

55 vəjə ɣihuldıyın, sārı. Ɖihunnəl əməwrə. Dolboltono urkamıɣnarə. ərirə Cəwəwə, tarıɣıtın əwki əmərə. Ɖəpılçələtin, əmərən Cərə, icərən kalandu həyɣdəy amākā dılwān, purtaɣı urnskājım, arkına, nōdarən ɣınakınduləji.

Angarskajıl bürə ajarəldıwūnawar hunətpar Cərə omolgıdun.

A. Мучуир. Токма

77. Ajaɣakān

umnā urāncādācātın iləl, kətənnukākun. Bəjaɣiltın ɣırkuɣanal, aɣılı, mōti nākəwān icārə. Əmərə ɣılduləwəɣ ulɣucənə upkattukı vəjəltikı, ɣūna: „Təmi sırıɣdälləp, vəjuhindälləp nuɣanmān“.

5 Tādu bicān umukən ajaɣakān, nuɣanɣın bicān əɣının, nuɣartın biɣaɣkitin ɣukcakāndu. Bicātın nuɣarɣıtın orortın. Nuɣandun bicātın anɣanıɣılın ɣān nadanduk hālākā.

10 Bəjəl tımətnə vəjuhinmı sırıwərə nuɣanmān. Əməllə mōti nākālān. Upkat vəjəl sırıwıçıllə hərəlihinə mōtiwa. Mōti hālārān dulındutın. Bəjəl ılıtcaɣkil icəwıltə, ədān mōti hıktıllə. Upkat ərällə. Mōti hıktıktəllən tartukıtənə. umnət hıktıllən tartukı, kuɣākāntukı. Tar kuɣākān icərən hıktıɣəriwə mōtiwa, ajat itilərən lukıwı. Mōti 15 hıktırākin dāla, nuan nəmkerən. Mōti hıktıllən caskı. Bəjəl əmərə nuandulān, kərə tərıulimmān, ɣūnɣānal: „vəjunmə sırıwra! dārəwə bihiwə, urārən mōtiwal albaɣana bimı, əmcə əməɣārə! Nı-wal ədu ılıtcə bimcə“. Söt nuɣanmān tərıwə, imannadu həkimnərə nuanmān, ojolın ɣırkura suhınuhal. Mənəkər sırıwə ɣültukıwar. Əmərə ɣılduləwəɣ, əmərə əɣındıɣlān, kapura ɣıwətin, upkatwətin orowotın imməkilwətin; 15 mənəkər nıɣlıhinə caskı.

Əɣının billān əmıkin. Əhin gorowo birə, icərən aran əmətcirən hıtən. Əɣın hanɣıktallan: „Əɣaɣa əmānmıçəs?“ Nuɣan ɣūnān: „Minā aran əhi wārə, bi nəmkim

55 „Тот мужик пусть притащит, знает“. Притащивши, принесли. Вечером сварили в котлах. Позвали Чору, тот не пришел. После еды их пришел Чоро, увидел в котле большую медвежью голову, вытащивши нож, насадивши (на его голову), бросил собаке.

Ангарские дали для примирения сыну Чоры дочь (свою).

A. Мучуир. Токма

77. Сирота

Однажды кочевали эвенки, много юрт. Мужчины их, идя по лесу, заметили след сохатого. Пришли домой, рассказали всем мужчинам, говоря: „Завтра пойдем промышлять его“.

5 Там был один сирота, у него была мать, они жили в маленькой юртенке. У них были олени. Ему было больше семнадцати лет (от семнадцати больше).

10 Мужчины утром увели его промышлять. Пришли на след лося. Все мужчины стали расходиться, окружая лося. Лось остался в середине их. Мужчины стояли на виду (друг у друга), чтобы лось не убежал. Все закричали. Лось побежал куда-то. Вдруг побежал по направлению к парнишке. Парнишка тот 15 увидел бегущего лося, хорошенько натянул стрелу. Когда лось бежал вблизи, он опустил стрелу. Лось убежал дальше. Мужчины подошли к нему, стали бить, говоря: „Зверя упустил! Под лицом (под носом) был, опустил лося! Если бы не мог, не приходил бы! Кто-нибудь здесь постоял бы“. Сильно его били, в снегу затоптали его, по нему ходили на лыжах. Сами ушли домой. Пришли домой, к его матери, сломали юрту, всех оленей торсуки; сами отко- 15 чевали дальше.

Мать осталась одна. Немного прошло, видит, едва идет ее сын. Мать спросила: „Не остался?“ Он сказал: „Меня едва не убили, я выстрелил

motiwa, nuḡan caski huktilłān. Nuartın minə tərurə; əḡa icānāwāt! ərkwā urara, ajat nāmkičaw“. Icānālūnə, əmərə nāmkičāqtałān. Mōti huktilcān caski uḡalın. Dāmakiwa 20 uḡara, icərə mōti huklāḡaraḡan wāwcā. Nuartın higrə nuanmān. Tādu billā. Kuḡākān ajat awgararan, wāllān mōtila, wārān kətəwə. Nuartın birə gorokōkunma. Kuḡākān ḡūḡan əḡintikiwi; „əḡa, bi nuarwatın icānāqta, əja-kət oḡara“. Əḡinīn ḡūḡan: „Nuartın sinə wādāḡatın“. — „Bi ətəm ḡūldulātın ḡənərə, bi ələ sipkitcaḡām“. Sūrurān, ḡənə-ḡaḡki hoktoli, ḡənərən gorowo. Tālā icərən ḡūlwatın. Umundu ḡūdu ələ too ḡəḡdə-ḡərən. ḡū daadun ilitcīrān dəlkan. Dəlkanḡu huklāḡarā kətə ulla. Nuḡan əmərən 25 daalā, ajat icəcillān. Icərən dəlkanḡu huklāḡarā iləl ḡālaltın, dililtın. Nuan dariwit icātcan, mūcuhinān. Əmərən əḡindulāwi, ulḡucanān. Əḡinīn ḡūḡan: „Miti sūrūwāt! nuḡartın mitwā wānāḡāllā“. Nuḡan ḡūḡan: „Bi nuarwatın iculilḡālim“. Adillakāḡa birə, nuḡan icānāhinān, əmərən, icərən dəlkanḡu ulla ocāl adikūkan. Nuan əmərən 30 əḡindulāwi, ḡūḡan: „əḡa! nēmat sūrūḡāt əḡuk. Kamakān əməḡāllā, nuartın ullaḡilwāl manalcāl“. Nuḡartın sūrurā, gorokōkunma ḡənərə, tādu billā. Huḡən ḡūḡan: „Əḡa! bi icānāqta, əja-kət oḡara nuartın“. Sūrurān, əmərən biḡaktulāwār, icərən too ḡəḡdə-ḡārān. Əmərən daalā, icərən ḡūr wəjal rıtcara, hınaldutın inijicāḡarā ımūḡal ḡālāl. Nuan icətcaḡkin wəjal tərərə, silacilla ullaḡilwāl. Irrəkicin, ḡapillā; manamī awulıwra, 35 ıpculla, kuḡhilla. ımūkən wəja wārān. Kuḡākān ḡurmāraḡan, nāmkiḡān, wārān ḡəwa, əmərən əḡindulāwi, ḡūḡan: „Bi nuarwatın wām“ ḡūkcā biḡāllā.

A. Putugır. ḡəkənnə

78. Aḡaḡakān

ıḡtələ biḡəcətīn iləl, hāltın bičətīn ilətīl. Tar ilətīldu atırkān huḡənūn. Atırkān huḡən bičən wəjətkən ələkəs ilḡəri. Tar atırkān bičən vajan, kətəməmə bičətīn ororīn. İlətīl tar atırkānḡa huḡənūnīn ḡuḡiwkil bičətīn.

в лося, он убежал дальше. Они меня били; мама, пойдем посмотрим, не промахнулся же, хорошо выстрелил“. Пошли смотреть, пришли к месту, где целились (стреляли). Лось убежал дальше по следу. Немного прошли по следу, увидали, лось 20 лежит убитый. Они ободрали его. Там стали жить. Парень хорошо поправился, стал бить лосей, убил много. Они жили долго. Парень сказал матери: „Мама, их пойду посмотрю, что делают“. Мать сказала: „Они тебя убьют“. — „Я не пойду к их юртам. Я только подгляжу“. Ушел, шел по дороге, шел долго. Там 25 увидел юрты их. В одной юрте только огонь горит. Около юрты стоит лабаз. На лабазе лежит много мяса. Он подошел поближе, хорошенько посмотрел, увидел, на лабазе лежат человеческие руки, головы. Он кругом посмотрел, вернулся. Пришел к матери, рассказал. Мать сказала: „Пойдем мы! они придут (и) нас убьют“. Он сказал: „Я посмотрю“. Немного дней прошло, он пришел посмотреть, пришел, увидел на лабазе человеческого мяса немного. Он пришел к матери, сказал: „Мама! 30 уйдем скорее отсюда. Скоро придут, они мясо кончили! Они ушли, долго шли, там стали жить. Сын сказал: „Мама! я пойду посмотрю, что они делают“. Ушел, пришел на свое старое стойбище, увидел—огонь горит. Подошел поближе, увидел—двое мужиков спины греют, на понягах у них привешено по одной руке. Он смотрел, мужики сели, стали жарить мясо. Когда было готово, стали есть; когда кончили, нехватило, заспорили, стали драться. Один мужик убил (другого). Парень подкрался, спустил стрелу, убил второго, пришел к матери, ска- 35 зал: „Я их убил“. Вдвоем стали жить.

A. Путугир. Нгоконно

78. Сирота

Давно жили эвенки, часть их были людоеды. У тех людоедов — старуха с сыном. Сын старухи был парнишка, впервые ходящий (встающий на ноги). Та старуха была богата, много оленей было. Людоеды били с сыном старуху.

Ilətıl bolo gırkuktalla, mōtımācillə. Gırkuktađanal mōtiwa ahılğara. Gırkuktakā-
5 jumıl, dolboltono əmərə đukcālāwər. đaldıwar ulğucəllə, gınnəl: „Bu mōtiwa ahılđa-
raw oıpkodu. Güməttə: „Təgəmi ilbənəhindəğəlti kətə binəl“.

Təyəmiktəđin, tımətnə ilbənəhinə. Atırkən hütən bərvi əjamamat takustan, lıki-
dıwi tılərən kirəktə oıoktowōn. Tımətnə hıruərə, kətə binəl, atırkən hütəwən hıruwə.
Hıruərə mōtiğar ilbənəhinə, ɣənərə, tar ista. Iskəjimil, güməttə: „Mırlə ilnəhiwət,
10 ımıykən ilbəliyin mōtiwa, əcə icəmətirə“. Mōtiğitın hıktirən atırkən hütəlin, tar
hırkəkəndıli. Hırkəkən garparan hıktıđəriwə mōtiwa həjələ. Gəjəwuğnıran, lıki-
ləwi ɣənərən, lıki dıyən həksəkən öcə. Bəjəl əmərə tar hırkəkəndılä, gülle:
„ənnə?“ — „gəjəwınim“. Hırkəkənmə güllə: „Hərgi hütən, mōtiwa ııɣən!“ Ilətıl
upkat hırkəkənmə dıgillə, həkimnəllə, gııđənəl: „Mōtiwa ııɣinni“. Hırkəkənmə
15 aran əcəl wərə. Dıkkəjimil hıruərə đulāwər. đıwar ihıksal, hırkəkən əɣəkəwən ɣən
dıgillə. Dıgrə hōmamət, aran əcəl wərə. Hırkəkən dolboltono əməttən aran đulāwi.

Tımətnə ilətıl nılgihinə upkat, atırkən ororwōn upkatwān hıruwə, mərduwər
gara, atırkənmə hütənınimə əmənə đukcəduwar. Hütən gıınən: „Əɣəkə, hıruwət mō-
tiwa gəjəwınrılāw, nəwkənmucə vimi, bıssəlnən. ɣənəlcəhinmət mōtiğı ıđalıı“.
20 Hıruərə, ıđadıanal; ɣənəđənəl, đəmıllə. Hütən icərən kəksicanmə, tarə garparan,
wərən. Tarııɣar đəpittə, ɣən hıruıtcəhinə idigəlwər ıyətcanal. İsta mōtiğar ıđalıı.
Mōtiğar ıđalıı hıruərə. Tar ıđalıı ɣənərə goromowə. Mōtiğitın toğotco, həksəcı
vinə. ɣən hıruərə ıđalıı. ɣənəđənəl mōtiğar ıđalıı, icərə mōtiğitın hıkuləđəɣən bıcə.
Hōmamət ıruıne, gııđənəl; „əksəri vıɣən“. Mōtiğar hıgrə, đəpillə. Mōtiğitın bırgı-
25 kəkıı, imıksəcıkekıı. đəpđənəl, inəttə goromorwōn bıđəktıwər. Atırkən hütən
bultallan, mōtilwa wərən.

B. Əđən. Urmı

79. Sodu Sordoncö Söldanı

Ələkəs dıınnə potomöskıgacın öđarakın, ɣaɣa kumalanğacın nədawcə öđadıahın.
Dulın dıınnəđı ımııı mata valdıđacə. „Cəl“ gııđən — nınan əcın. „Ədəl“ gııđən—gırkın

Людоеды осенью отправились промыслять лося. Идя, лося выследили.
5 Пройдя, ночью пришли домой. Родственники стали рассказывать, говоря: „Мы
лося выследели на пастбище“. Договорились: „Утром погоним, многие будучи
(много нас)“.

На утро пошли гнать лося. Сын старухи лук свой хорошо поправил,
на стрелу насадил нос дятла. Утром ушли, много собралось, сына старухи увели.
Пошли гнать лося, шли, до того дошли. Дойдя, договорились: „Кругом пой-
дем, встанем, один пусть пугает лося незаметно“. Лось побежал к сыну старухи,
10 к тому парнишке. Парень выстрелил в бежавшего лося не совсем хорошо. Ранил,
к стреле пошел, на конце стрелы кровь. Мужики пришли к тому парнишке, сказали:
„Что сделал?“ — „Ранил“. Парню сказали: „Чортов сын, лося упустил“ Все людоеды
15 стали бить парня, топтать, говоря: „Лось упустил“. Парня чуть не убили. Побивши,
ушли домой. Дойдя до дому, бабуку парня стали бить. Сильно били, едва не
убили. Парень вечером едва пришел домой. Утром людоеды отправились в ко-
чевку, увели всех оленей старухи, себе взяли, старуху с сыном оставили в юртенке.
Сын сказал: „Бабушка, пойдем к месту, где лося ранил, не может быть, чтобы не
20 попал (попался на стрелу), умер вероятно. Пойдем по следу лося“. Пошли, идя
к следам; идя, захотели есть. Сын увидал кукушу, выстрелил в нее, убил. Съели ту,
опять пошли, таща скарб. Дошли до следа лося. Пошли по следу лося. Долго шли
по тому следу. Лось сидел окровавленный, увидели—лось лежит мертвый. Сильно
обрадовались, говоря: „Бог послал“. Лося ободрали, стали есть. Лось жирный, сала
25 много. Поевши, долго жили на стоянке. Сын старухи начал промыслять,
лосьей убивал.

B. Əđян. Urmı

79. Соду Сордончо Солданы

Вначале земля шару подобна становилась когда, небо кумалану по-
добно брошено было (в то время). На средней земле один богатырь ро-
дился. „Чо!“ чтобы сказал — собаки нет. „Друг“ чтобы сказал — товарища

ācin. „Nəkū!“ gundān — nəkūnin ācin. „Amī!“ gundān — amīnin ācin. „Ənə!“ gundān — ənīnin ācin. Tar mata gərvin bicā — Sodu Sordoncō Söldanī mata. Ər mata 5 bicācē əmükəkən. Timānītkin ər-də təgənə, vəjuktəwki bicən. Tar mata ələsmə vəjəmən bicē. Tar mata dūgidəlin dūr dəktilətkən ciwkācān dūrəkən əhin dawsihina, digin halgacī vəjə digrəkən əhin hətəkənə. Tar mata soma atircā bicē.

Umnəkən mata rōyutpi, gēwanma rērcuhūdənə, təgəcē. Ər mata dəvüksəkən 10 ətərən, mənin kamufran ajamat tətibi. Matakān bimī rūrwi gaksākān, utəndükki jūrən. Jūksəkən, tərgəcin rənəksəkən utəntikiwi tūrəcillən: „Baldinaw utənmī goroh, dagali prolosti! prosti ogin! Ədükər nadan dār, dāpkun dār anjanī dōgidəlin əhikiw əmərə, bəcən guncədəwi“.

Ər matatkān bimī rənəwkəndəcē bicē. „Dərim“ gūnəri, dərim — əjəhin ācin. Ər matatkān rənəfənə, bakanan goroptimi hoktorōnma. Tādük vəjəl uqalbatin 15 vakaran. Uqawān icənən bicē, mükü huklənəgəcinin bicē. Ər vəjə hoktorōndölin rənəfəcā. Tar rənəfənə, vəjətəkən bimī daldəqəwki bicē: — „On biktə? Əmükin baldicaw, dunnə ojudun əmükəkən. Tikin dagamaran icəjətiw dunnə ojudun baldical vəjəlvə“.

Tikən binə, rənəfəcē gundəcē: „Mindük əjəhītəmər vəjə dunnə ojudun ācin.“ 20 Ər vəjə rənəfərəkin, dūlgidədun ēkun-ka həgdiqəmijə dəptiki əməfəcən. Ər vəjə bimī okin-kat əcin rələlə, vəjə rələlcē. Dəptiki əməfəri vəjə gundərən: „Alakə dān! Mindü mən dəptiləw amgaləw əməfərən“. Ər vəjə gundərən: „Sī dōn-da əjəhi bimī, umnəkəmə ətənnī dəptə. Tar-da bihikin, mit dūksə-bakaldimātəcəjət. Sō sōlbar sāmātəcəjət“. Ər vəjəl bimī kühin təkənin ku-ku biwki. Ər vəjəl bimī tar dunnəndü- 25 wər kühildərə. Ər-kən, tar-kan kühidəcəl bicəl. Ahunma-dā kühinəwər əcəl sərə. Umnəkən toktomōr dōksākār, taqdacāl bicəl kühilnəwər. Kühilnətin dōcā ilan dār anjanī. Tādük caskī ər matal kühidərə. Kühidənəl, mata bimī gūnillən: „Toktokoll volkojkol! dōn-mal rəkəksəkən minəwə inəkinđi sulakal!“ Ər awayē bimī, əwki dōl-

нет. „Братишка“ чтобы сказал — брата (младшего) нет. „Папа“ чтобы сказал — отца нет. „Мама“ чтобы сказал — матери нет. Того человека имя было Соду 5 Сордончо Солдоны богатырь. Этот богатырь жил одиноко. Ежедневно рано вставая, промышляющий был. Тот богатырь первейший промышленник был. Того богатыря впереди двукрылая пташка дважды не взмахнет крыльями, четырехное животное четырежды не отскакнет. Тот богатырь очень старый (много живший) был.

Однажды богатырь передовым вторично вперед собираясь итти, про- 10 снулся — встал. Этот богатырь, есть кончивши, сам собрал хорошо одежды свои. Богатырь будучи, стрелы взявши, из юрты вышел. Выйдя, немножко пройдя, юрте своей сказал: „Рождения моего юрта, долго ли, коротко ли (на долго ли, на коротко ли), прости, прости пусть будет. С этих пор семьдесят, восемьдесят лет спустя если не приду, умер — думай“.

Этот богатырь будучи быстро пошел. „Устал“ если сказать, устал — силы 15 нет (устать не может). Этот богатырь, идя, нашел далекую, старую тропинку. Потом людей следы нашел. След выглядел как бы кабарги от лежания. Этот богатырь по тропинке пошел. Так идя, богатырь будучи, думал. „Как буду? один родился, земли на поверхности одинешенек“. Теперь приблизилась необходимость увидеть на поверхности земли родившихся людей“.

Так будучи, шел, говорил: „Меня сильнее на поверхности земли человека 20 нет“. Этот человек шел когда, перед ним что-то большеющее навстречу шло. Этот человек будучи никогда не пугался, (но здесь) человек испугался. Навстречу идущий человек говорит: „Вкусно стало! Ко мне сама еда в рот идет“. Этот человек говорит: „Ты как бы ни силен, сразу не съешь. Так, если будет, мы вдвоем схватимся! Очень сильного (из нас) переселим“. Этим людям будучи драки причина кукиш был. Эти люди будучи на той земле стали биться. Так 25 (и) этак бились. Сколько (времени) битва была, не знали. Однажды остановку сделавши, подсчитали бой свой. Бой их шел тридцать лет. Потом дальше эти богатыри бьются. Дерясь, богатырь будучи заговорил: „Остановись! подожди! как-нибудь принимаясь, меня живым оставь“. Это чорт будучи не слушает.

dıra. Gəgdəkmə ımütəkəndi koltođowki bicən. Ər mata bimi əriksən mudanin ođan.
30 Ər matatkən bimi tırəcillən: „Bi akınmi Oluktuk Ordancā Oldanı, mata, döldıđakalı
Bi əriksəw mudanin ođan. Awaγe minəwə əriksəwəw tıtəllən. On-mal rəkəksəkən,
mulan ərı ömi, bihanakal“.

Tādukkar tırənın əđəlin ətərə, hərgu dınnədək əməđərən ig. Tādukkar gorowo-
do əđəlin ođa, akinin əmərən. Akinin gıllən nəküntikiwi: „Nəkū ələkəhipti bakaldı-
35 nadu dorowojo döldikal. Targacın əğəhiwi ācinmān saksākān, ēdā kühilcəs?“
Akinin bimi nəkūnmi awaγədək tıtərən. Akinin bimi awaγıyn ılarākān əđəlin koltoro,
tırəcillən: „Eda, baγas, si tikən əğəhi öcās, toktokol, bolkojkol, ın-dā əğəhi bicə-
liwi, bi əriksəwəw əkəl tıtərə“.

Akinin bimi gıncərən: „Bi valdicāw dulin dınnədə awaγe ajmakan manadāwi“.
40 Tādukkar Oldanikān mata bimi awaγıni əriksəwən hōgıllan. Hōgilđana, gūnən:
„Nəkū əməkəl awaγıni dılwān hōkkal. Hōgıksākān muđdəkəndu tıpkəkəl awaγıni
dılwān“. Ər matal bimi awaγınar wāksakar, dərumkiđəqərə. Tādukkar nuğartın
ılgucəməcillə: „Si, nəkū, irtiki ajağahincas?“ „Bi əmükəkən rənəhincəw. Tar rənə-
đənə, awaγəwa bakaldıksākān, kühilcəw. Kühilıksəkən, minəwə wāksällākin, sinəwə
45 ərıcəw, minəwə bihadās“. Akinin gıncərən: „Si irtiki daldānatkıwi, rənəkəl! Ekun-
mal uha ođakin, minəwə ərıqnekəl, ahın-da gororo buğadu bimi, sindulə əməđəğəw.
Bi hərgu dınnə awaγıwān manadıqāw. Gəl nəkū, gorolu, dagalı prosti ođagin“.

Söldanı mata bimi gıncərən: „Akı bi goro dulin dınnə hərəwən kuptuhınāmi
rənəđəm“. Ər vəjə bimi akınacə, nəkunəcā hıjəldirə.

50 Söldanikān mata bimi dıləskəki mən ıđawı rənəđərən. Ər-kə, tar-ka rənəđərə-
kin mata, dılgidədun ekun-ka dıgınadərən. „Edu baγas, uha ımyı əməđərən?
Ekunmi gıləktəmi rəkəğəđənni dınnə ojolin? Hitəməwə dınnəwə maradāğanni!
Mükəngəcın mıncıđıqəs ıdawı mudandun. Təkəngəcın tağadıqās!“

Однако по разу кулаком ударяет. Этого богатыря будучи дыхание конец
30 настал. Этот богатырь будучи заговорил: „Мой старший брат Олуктук Орданча
Олданы (за глотку хватаящий) богатырь, послушай. Моего дыхания конец
настал. Чорт мое дыхание отнимает. Как-нибудь собравшись, жалеющим сде-
лавшись, выручи“.

После того (как) слово его еще не окончилось, из нижней земли идет звук.
После того долго еще не прошло, старший брат пришел. Старший брат ска-
35 зал младшему брату: „Братишка, при первой встрече здорово, послушай. Об от-
сутствии силы зная, зачем начал биться?“ Старший брат будучи младшего от
чорта отнял. Старший брат будучи чорта трижды еще кулаком не ударил, (тот)
заговорил: „Для чего, силач, ты так силен стал, остановись, подожди, хотя и
сильным бывая, мое дыхание не отнимай“.

Старший брат будучи говорит: „Я родился на средней земле, чтобы
40 чорта народ прикончить“. Потом Олданыкан, богатырь будучи, чорта дыхание
стал рубить. Рубя, сказал: „Братишка, приди чорта голову отруби. Отрубивши,
в пенек всунь чорта голову“. Эти богатыри, будучи чорта убивши, отдыхают
долго. Потом они разговаривать стали: „Ты, братишка, куда путешествовал?“
„Я один шел. Так идя, чорта встретивши, биться начал. Бившись, меня когда
45 убивать (чорт) собрался, тебя позвал, меня чтобы выручил“. Старший брат гово-
рит: „Ты куда думаешь итти, туда иди! Что-нибудь худое если будет, меня
зови, на какой бы далекой земле я ни был, к тебе приду. Я нижней земли
чорта пойду прикончить. Ну, братишка, долго ли, близко ли, прости пусть
будет“.

Солданы, богатырь будучи, говорит: „Брат, я далеко средней земли дно
чтобы обыскивать итти, пойду“. Этот человек будучи с братом старшим,
с братом младшим расстались.

50 Солданы, богатырь будучи, вперед по своему следу идет. Так (и) сяк шел
когда богатырь, впереди него что-то раздается. „К чему, силач, плохой дух
(запах) идет? Что искать собираешься земли на поверхности? Зря землю пор-
тишь! Как кочка на болоте сгниешь, следа своего на конце. Как колода рас-
сохнешься!“

Sōdanikān mata bimī tikunawī sōdun nēmkuḍuliwi naran əcə pəhirgərə, diram-
 55 ḍuliwi naran əcə dālpəgərə. Sōdanikān bimī mən nūrwi gaksākān, ugiskākī cəkər-
 ḍənə, turəcillən: „Bī nūrkanmī hīmāt dəgrī dəktiləci ōksākān, minəwə bokonmuksākān,
 tar kihitcarī ahākānmā bokonmuksākān, nuḡanḡunīn kihitnawān bokondōw“. Ər mata
 bimī nūrwi tinḍərən. Tiniksəkən, mən ōn-da ōnawī əcən sārə. Nūrin bimī nuḡanmān
 60 əḍuk-ta hīmāt dəgiwḍərən. Sēnin bimī nuḡanmān cıgınaḍaran. Ehadukin bimī tuksa-
 kīgacının bihi ēnamutkān tikcərən. Ər wəjətkən bimī ər-kən, tar-kān dəgḍərən.
 Ər mata bimī dəgnəwi mudandun ılḍaran. Tikunan bimī iltəncə. Ər mata bimī dərim-
 kiḍərən. Dərimkiḍənə ḍaldācəḍərən, ḡənədəwi dilaca jūptutkīn. Gorowo-kon ənə
 ḍaldāḍārə, wəjətkən bimī ḡənəwkənḍəhinən. Ər wəjə ḡənəḍərəkin, amargidādun tuksu
 baldıḍaran. Gorokot əcə ōda, tarkān-dat bokonıllan. Umun wəjəndə — tar awayıkāt
 65 əməḍərən. Umun əḡuhinḍa bicə ukcakīn. Tar bokonḍorī bicə awayə omolḡin.
 Nuḡan turətcərən: „Bī sinəwə əḍu ḍəwḍiḡəw ıḍaduwi əḡəhijəwi“.

Ər mata bimī ḡunıllən: „Sī minəwə əkəl ḍəptə. Minəwə wəkanawī gakal. Bī
 sinəwə, ōn ḡənəriwəs döldiḍiḡaw“. Awayıḡın bimī mataḡı turənmən döldiran, wəka-
 nawī nuḡanmān gadan. Ər mata bimī tar əḡuhinḍagān mudanaja ācın muḡitcaran.
 70 Əḡuhinḍaḡın sərḍiwən manaran. Sulaptan umukəmə ḡıramnan. Ər mata gugdanḍa
 ıḡəwə tuḡtihinən, ıḡəḡi ojolōn iscana, wəjə bimī əḡuhinḡi dilwān tongolıran. Awayın-
 ḍaḡı oluktukin ḍawaran. Awayıḡı tardat wārən.

Ər mata bimī mən ıḍawı ḡənəḍəhinən ḍuləskəkī. Tar ḡənəḍərəkin, həgḍiḡəmiḡə
 hoktorondulā iscaran. Ər wəjə bimī ēkunma-kat ənə sarə hoktorondolin ḡənəwkən-
 75 ḍəhinən. Mata ḡuncəḍərən ḍalduwi: „Uḍa biksəkən mudacı biḡiḡən. Ər wəjə bimī
 ər-kən, tar-kān ḡənəwkənḍəḍərən ḍuləskəkī. Tar ḡənəḍərəkin ḍulgidəḍun sōma aja
 cuturin cuka ḍḍaran. Calbar möltın, əvdannaltın ḡilwəkəcillə. Tāḍuk icənən ḍuləskī
 sōma aja digin kirici ḍünḍa ḍdan. Ər wəjətkən bimī dıldulāwi iktərən, mən kiraku-
 cān omolḡıcan ḍdan. Kirakucān omolḡi ōksakan, ḍünḍatkī tuksaḍaran. Wəjətkəcən

Солданы, богатырь будучи, гнева своего в силе (от силы) тонкие кишки
 55 едва не порвал, толстые места свои едва не лопнули (едва удержал от лопания).
 Солданыкан, будучи свои стрелы взявши, вверх нацелившись, заговорил: „Моя
 стрела быстро с крыльями полета сделавшись, меня в догону унося, ту оскорбля-
 ющую маленькую женщину догнавши (до той донеся), с ней за оскорбление
 ее рассчитаться чтобы (я)“. Этот богатырь будучи стрелу пускает. Пустивши,
 сам никак действие свое не понял. Стрела (его) будучи его отсюда быстро
 понесла (он за конец стрелы держался). В ухе (ухо его) будучи свистит. С глаз
 60 его будучи, как заяц слезка скатывается. Этот человек будучи так (и) сляк
 летит. Этот человек будучи полета своего в конце останавливается. Гнев бу-
 дучи прошел. Этот богатырь будучи отдыхает. Отдыхая, думает, чтобы пойти
 солнца на восход. Долго же не думая, человек будучи (в далекий путь)
 отправился. Этот человек шел когда, позади его туча выросла. Много еще не
 прошло, кто-то нагонять стал. Один человечище — то чорт идет. Один бычище
 65 был верховой его. Тот нагоняющий был черта сын. Он говорит: „Я тебя здесь
 съем, на следе твоём силу (покажу)“.

Этот богатырь будучи заговорил: „Ты меня не ешь. Меня слугою возьми.
 Я тебя, как говорить будешь, слушать буду“. Чорт будучи богатыря слѡва
 послушался, слугою его взял. Этот богатырь будучи того бычища без конца
 70 бил. Бычища круп кончил (забил). Остался только один костяк. Этот богатырь
 на высокую гору влез. До вершины горы дойдя, человек будучи бычьё голову
 оторвал. Чорта за глотку схватил. Чорта тогда же убил.

Этот богатырь будучи своей дорогой пошел вперед. Так шел когда,
 большущей дороги достиг. Этот гость, будучи ничего не зная, по дороге
 75 долго пошел. Богатырь думает в уме: „След будучи с концом будет“. Этот
 человек будучи так (и) сляк долго идет вперед. Так шел когда, впереди
 очень хорошая зеленая трава делается. Берез стволы, листья поблескивать
 стали. Потом в виду его впереди очень хороший четырехгранный домище
 стал. Этот человек будучи по голове ударил, сам маленький мальчик стал.
 Маленьким мальчиком ставши, к очень большому дому бежит. Мальчиком

80 bimī, qūlā isnan. Sōma varan wəjə uruwupcā. Tar qūnqalā inən bicə. Sōma varan wəjə ajmakin uruwupcā. Tādu awayıŋda ahilāqaran dilaca hunātrān. Mit wəjəjit wōkanqa ōdan. Tāduk nuḡan sōma varan tiḡəlbə cukcaran. Awayıŋn bimī tūkullan. Tikulkisākān, nuḡan Soldanıwa tūliskī ahaqaran. Sōldanī nuḡantikīn ḡunqərən: „Sī ēkunma gilēmī, ēdawī, minəwə tūliskī ahacinnī?“ Mata bimī ḡunqərən: „Kūhidəwī
85 əjəttəkis, kūhigət! Bī sinəwə wəyas icədəwəs, icəwkəndiḡəw“. Ər wəjəl bimī kūhilqərə. Kūhicəl, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, tādukkar awayıŋn multullan. Awayıŋn bimī ḡunillən: „Sī minəwə ōn-mal nəkəksəkən, əkəl wərə!“ Sōldanīkān bimī awayıŋı turənmən əcə dōldıra. Gorowo-kot əcə nəkərə nuḡanmān, tar-dat wərən.

Sōldanīkān awayıŋı wāksākān, dilacaḡı hunāqın qūlan ḡənəqərən. Sōldanīkān
90 iscarakin, dilaca hunāqın ḡunillən: „Sī dulin dunnə wəjəḡin ōksākān, minəwə awayıdu əcəs bīwkənə amīnmāw“. Tādukkar Sōldanī nuḡanmān ulḡumillən, nuḡanmān ahilāmnāk. Ahākān bimī nuḡantikīn ḡənəḡət ōdan. Sōldanī dilacaḡı hunātrān ahilāra. Adillakūnma biksəkən, Sōldanī ḡunqərən ahitkīwi: „Bī nān qūcī bicəw. qūwi ḡarandānā, adı-kat qān anḡanī ōdan. Tikin mit bī qūlāw ḡənəhinerittūt-tə ələkin ōdan.
95 Sī amīnnī sinəwə tinqin-də, minḡun ḡənəlqədəs?“ Hunāqın ḡunqərən: „Bī nānā ədu amīnḡunmī bimī, aḡunmulm, gəgdəkmə ūmḡun wugadu biḡiwi. Tikin bī sinḡun ḡənəḡiw inəḡiḡw ōdan“. Ahākān amīnin hunāttuwī qūr murmma wələktirān. Sōldanīkān mata ahinḡunmī ḡənəhillən qūtkiwi. ḡənəhilqənə, Sōldanī hunāqı amīntikīn ḡunillən: „Tikin sī, bī amīnmagacinnī ōksākān, əmənmulinnī. Tikin gorolı, dagalı
100 porostı ōḡin. Ədukkər caski bakaldiril ōdar-ku, əhip-ku?“

Nuḡartın bimī ḡənəhille, amahıpkıwı ūdawı ḡənəhinā. Nuḡartın bimī murinqı
gorowo-do əcəl sūrərə. Sōldanī qūn ōdan daga. Sōldanīkān bimī ḡuncəwki: „Bī tirqimən sōma gorowo ajanḡacāw. Tikin, qūlawı istiw inikinđi ōqaran“. Nuḡan qūwi iscana, tırətcərən: „Gəl ələkəs istidu baldicā ūtənmi dorowōjā dōldıdakal!“ Nuḡan
105 bimī ūtə, uhamı ūtəndulən iscaran. Akinīn nuḡanḡın nonon əməcə qūlāwı. Ər wəjəl bimī ūmḡundı baldiqara.

80 будучи до дому дошел, очень много людей собрано. В тот дом вошел. Очень много людей народа собрано. Там чортище женится на дочери солнца. Наш человек слугою стал. Потом он очень много чашек разбил. Чорт будучи рассердился. Рассердившись, он Солданы вон гонит. Солданы ему говорит: „Ты что требуя, чтобы что сделать, меня вон гонишь?“ Богатырь будучи говорит:
85 „Если биться попросишь, побьемся! Я тебе, силач, морду твою покажу“. Эти люди будучи начинают биться. Бились, бьются, бьются, бьются, бьются, потом чорт обессилел. Чорт будучи сказал: „Ты меня, хотя собравшись, не убивай“. Солданы будучи чорта слово не послушал. Долго его не держал, тотчас же убил.

Солданыкан, чорта убивши, солнца дочери в дом идет. Салданыкан дошел
90 когда, солнца дочь сказала: „Ты средней земли человеком ставши, не дал моему отцу отдать меня чорту“. Потом Солданы ее стал уговаривать за него замуж выйти. Женщина будучи должна была пойти. Солданы солнца на дочери женился. Сколько-то дней прошло, Солданы говорит жене: „Я тоже с домом был. Дом свой бросивши (с тех пор, как бросил) сколько-то десятков лет прошло. Теперь нам в мой дом ити пора пришла. Твой отец тебя
95 отпустит ли, со мной чтобы пошла?“ Девушка говорит: „Я также здесь с отцом живя, соскучилась, всегда на одной земле будучи. Теперь моего с тобой отъезда день настал“. Женщины отец дочери своей двух коней дал. Солданыкан гость со своей женой отправился к своему дому. Уходя, Солданы девушки отцу сказал: „Теперь ты, подобно отцу моему ставши, остаешься. Теперь
100 долго ли близко ли, прости пусть будет. Отсюда дальше встретимся ли, нет ли?“ Они будучи отправились, по старому следу идя. Они будучи на конях долго не шли. Солданы дом стал близко. Солданыкан будучи думает: „Я пешком очень долго путешествовал. Теперь до дому дохожу живым“. Он, до дома дойдя, говорит: „Ну! На первом приходе родившая (меня) юрта здорово
105 услышы! Он будучи до юрты, до худенькой юрты дошел. Старший брат его раньше пришел домой. Эти люди будучи вместе живут (растут дальше).

80. Kıldınakān

Dulin dunnədy umun əttikətkən, attikān bicəl. Tar biqərəktin, utətin baldicā. utətin baldırakin, amulın uqtutira, buga vəjgəwəp ərirə. Əttikən gūnən:

„Nəri, nəral nəri, nəral
Bī utəw gərbijən bukəllu!“

5 Umun ətti gərbiwən gūnən:

„Kälä, kälä! Kälä, kälä!
Bī būqəwəw sī utəs gərbijən,
utəs gərbin bigin —
dulin buga kıldınakānən!“

10 Tar siwajbawa, qəwüksəl upkat sıruru qulawər utətin umnəkən gūnən:

„Käldinqərə! Käldinqərə!
Bi, amī, nənəktə
jənəwə bargiskī!“

Əttikən gūnən: „Nəri, nəri! utə əkəl nənərə. Tədu bihin so sardak nakita. 15 Bilir vī kuhiksə, əcəw kəjra tar nakıtawa“. utətin gūnən; „Käldinqərə! Käldinqərə! Bī nuqandulān nənəqəwəw“. Tar gūnəkin, əttikən vürən vərijən. Kıldınakān mata nənərəp. Jənəwə tuktirən. Tar tuktiksə, icənən, bihin təwüklə. Tar təwüktəlvə qəptān. Dəwqərəkin, nakita amardukin nırmaqaran. Kıldınakān vərbə gaksa, rəktirəren. Nakitan onda əcə ora. Nakitan gūnən: „Dulin buga əttikən utən əməcə“. Kıldınakān gūnən:

80. Кильдынакан (ловкий человек)

На средней земле один старичок, старуха жили. Те (когда) жили, сын (их) родился. Сын (когда) родился, родители зашаманили, земли зверей созвали. Старик сказал:

„Нэри, нэре! Нэри, нэре!
Моему сыну имя дайте!“

5 Один тигр имя сказал:

„Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Я дам твоему сыну имя,
сына имя пусть будет —
средней земли ловкий человек (кильдынакан)!“

10 Так свадьбу отъезши (на празднике угостившись), все ушли домой. Сын их однажды сказал:

„Кильдынэро! Кильдынэро!
Я, отец, пойду-ка (отправлюсь-ка)
за реку (на противоположный хребет)!“

Старик сказал: „Нэри, нэри! сын, не отправляйся. Там имеется очень 15 страшный медведь. Давно я, подравшись, не поборол того медведя. Сын сказал: „Кильдынэро! Кильдынэро! Я к нему пойду!“ Тот (когда) сказал, старик дал лук. Кильдынакан богатырь-человек пошел. На гору влез. Взобравшись, увидел — ягода есть. Ягоды поел. Когда ел, медведь сзади подкрадывался. Кильдынакан, лук взявши, выстрелил. Медведю ничего не сделалось. Медведь сказал: „Со средней земли стариков сын пришел. Кильдынакан сказал:

20 „Bī sinəwə wāḏiḡāw“. Nakita tukullan. Tar gūnəkin, nuḡanmān ahaktallan. Kıldınakāndu pokōjwa əcən vūrə. Ahaktacā, ahaktaran Kıldınakānma. Kıldınakān buḏḏəwi nəkərən, soḡoron: „Kıldiḡērə, Kıldiḡērə! Sī nakita bī əḡənī ədərduw tuwəhinni. Nī əməkə, minəwə addiḡān?“ Tar gundərəkın, uḡiskəki tırən döldıwran. İcərəkın, ḏıḡ ahātkār ḡaḡḡadu dəḡḡərə. Tar dəḡḡənəl umun ahātkān gūnən: „Gıḡḡəjwə varaksan

25 matawa nakita ḡəbḡiḡən. Əki nuḡanmān ḡənəwḡət ḡülāwar!“ Əkinin gūnən: „Ekunmān nuḡanmān karajīnnı? dulın buga bułirkəwən. Bī-ləkə ətəm karaja, sī karajkal!“ Tar gūnəkin, nəḡūnın Kıldınakānḡa ḡadan. Tar amarduḡtin nakita gūnən: „Mulal ḡəḡḡətwəw ḡənəwrə“.

Kıldınakan ḡənəwḡənə gūnən: „Sī ahātkān ilə ḡənəwḡənni minəwə?“ — „Bī sinəwə

30 ḡənəwḡəm ḡülāwı“.

Ahātkān ḡülāwı əmıwıksə, gūnən:

„Gē, gēḡ! gēḡ, ḡəj!
Ərā-kə gūnām:
Kıldınakān mata,
35 sinəwə ḡəwımcə nakita.
Bī sinəwə əməwum,
bī ḡəḡwıw Məḡḡnkən.
Bī akīnnı bihin —
dulın buga Awdanikānın“.

40 Kıldınakān gūnən:

„Kāldiḡərəj! Kāldiḡərəj!
Ahātkān Məḡḡnkən
ēda minəwə əmıwıcsə əḡ bugalā?
45 Amīnnı, ənīnnı soḡoḡiḡātın,
minəwə buḡıksəl“.

20 „Я тебя убью. Медведь рассердился. Так (когда) сказал, начал его преследовать. Кильдынакану не давал покоя. Преследовал, преследовал Кильдынакана. Кильдынакан умирать собрался, заплакал: „Кильдынёро, Кильдынёро. Ты, медведь, на мою молодость сильно нападаешь. Кто, придя, меня спасет?“ Так когда говорил, сверху слово послышалось. Когда посмотрел, две девушки в небе летают. Так летая, одна девушка сказала: „Красивого очень богатыря медведь

25 съест. Сестра (старшая), его снесем домой?“ Сестра сказала: „К чему его спасешь, со средней земли негодного. Я-то не стану спасать, ты спасай“. Так (когда) сказала, младшая сестра Кальдынакана взяла. После того медведь сказал: „Жаль! Еду (добычу) унесли“.

Кильдынакан, переносясь, сказал: „Ты, девушка, куда меня несешь?“ —

30 „Я тебя несу домой“.

Девушка, домой принеся, сказала:

„Гэ, гэнг! гэнг нэй!
Это-то скажу:
Кильдынакан-богатырь,
35 тебя съел бы медведь.
Я тебя принесла,
меня звать Монгункон (серебришко).
У меня брат (старший) есть —
средней земли Авданикан (листочек)“.

40 Кильдынакан сказал:

„Кильдынёрой! Кильдынёрой!
Девушка Монгункон
зачем меня принесла на эту землю?
45 Отец (мой), мать (моя) будут плакать,
меня потерявши“.

Kıldınakān mata Məṇṇkān ahātkānma ahījawī gadan. Adı-da anjanīwa biksə, umnəkān vađıkr, ələkəs dıłaca jūdərəkin, tıksə koṇnomo jūrən. Tıksu ɟapkalın icəwrəktin, həgdigəndə dəgi dəgdərən. Tar dəgdənə tırəttən:

„Gēñi, gēñə! nəkū Məṇṇkān!
Cajja vəlinnəkəl!
turgən, turgəñđi!
Mata hamattan amardukiw“.

Abdanınđa mata dagamaran ɟulāwı, nān tırəttən:

„Gē-ñē, gē-ñō-ō! Gēñə, gēñə!
Sikən ɟūdus ekun matan vihin?
Turgəñđi gūkəl:
iduk əməcə mata vəjə?“

Abdanınđa əməksə, iwəktıwı dōran. Məṇṇkān ahātkān tırəttən:

„Gēñ, gēñ nəñj! Gēñ, gēñ nəj!
Akin Abdanı tar matadu
bı nənəcəw attikəñjan.
Tar mata dulin buga Kıldınakānın!“

Abdanı mata tırəttən;

„Gēñı, gēñə! gēñı gəñəj!
dulin buga vultirkən-kəl
Eda bı nəkūnməw gacəs?
Bı acınduw ənə mindu ɟlgumırə.
Bı sinəwə dərəwəs əttəđiñəw!
Jūkəl ɟūdúkki kuhiğəti!“

Кильдынакан-богатырь девушку в жены взял. Сколько-то лет проживши, однажды утром, когда солнце только что взошло, тучка черная вышла. Тучки края когда показались, большая птица полетела. Так, летя, заговорила (запела):

„Гэни, гэнэ! Сестра Монгункон!
Чай приготовь
скорее, скорее!
Богатырь догоняет позади“.

Абданиндя-богатырь подошел домой; опять заговорил:

„Гэнэ, гэнэ! Гэнэ, гэнэ!
В твоём доме какой богатырь есть?
Скорее скажи:
откуда пришел богатырь-человек?“

Абданиндя, придя, на поленницу сел. Монгункон-девушка заговорила:

„Гэнг, гэнэ-нэй! Гэнг гэнг-нэй!
Брат Абдани, к тому богатырю
я пошла старухой (женой стала).
Тот богатырь средней земли Кильдынакан!“

Абдани-богатырь заговорил:

„Гэни, генэ! Гени, генэй!
Средней земли негодный!
Зачем мою сестру (младшую) взял?
В мое отсутствие (и) не сказавши мне.
Я тебе морду разобью!
Выходи из дома! Побьемся!“

70 Kıldınakān mata ɲələlcə. Əhin ɟūdukkı jūrə. Məɲunkən gūnən:

„Geɲ, geɲ gē-ɲəj!
Kıldınakān matakān!
əkundukın ɲələlinni?
jūkəl turgəndi! kühikəl“

75 Kıldınakān mata ɟūdukkı jūrən. Nurbı ganaja, tūrəttən:

„Kıldınərə mata-bəjə
ilicərəkis, vı-də mata sōɲın bihim!
Gəl əhilə kühıɟət!“

Matal kühilla. Kıldınakān mata Abdanıɟawa kejrən. Ahın əməksə, gūnən:

80 „Gēɲ, gēɲɲəj mata Kıldını!
akınmāw əkəl wərə“.

Ahın gūnəkin, Kıldınakān əcə wərə akınmān. İlanı ɲənərə ɟūlawər.
ɟūr anjanı ōdan, ōn akının əməcən. ımınəkən siksə ədin ədinillən, tigdə tigdəllən
Tar tigdəcələn icərəktin, murilkān bəjə dəɟdərən. Tar dəɟdəne tūrəttən:

85 „Niki, niki, mata Abdanakın!
Ərdə sinəwə vakam,
niməwım sindulā.
Ahıwı gənnəm.
Aja-gu əjəɟin,
90 uha-gu əjəɟin
vıɟıɟəs nəkūnmi?“

70 Кильдынакан-богатырь испугался. Не вышел из дома. Монгункон сказала:

„Гээнг! гээнг! гэнэй!
Кильдынакан-богатырек!
Чего испугался?
Выйди скорее! побейся!“

75 Кильдынакан-богатырь из дома вышел. Стрелы (железные) беря, заговорил:

„Кильдыnero богатыря-человек
если тронешь, я-то богатырь силач!
Ну! теперь побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь Абданиндю поборо. Жена
его, придя, сказала:

80 „Гэнг, гэнг-нэй, богатырь Кильдыни!
брата (старшего) моего не убивай!“

Когда жена сказала, Кильдынакан не убил брата. Втроем пошли домой.
Два года стало (прошло), как брат пришел. Однажды вечером ветер задул,
дождь пошел. После того, как дождь прошел, (когда) посмотрели, с коңем
человек летит. Летя заговорил:

85 „Ники, ники, богатырь Абданакин!
Здесь же тебя нашел,
гостить (пришел) к тебе.
Жену (себе) взять.
90 По хорошей просьбе,
по плохой просьбе
отдашь сестру (младшую)?“

Әмәксә, муринми ұјирән. Тар ұјдәрәкин Кıldынакән мата јүрән:

95 „Гәни, гә-нәј! вїкә синду
аһїјави әтәм вүрә!
Бї гасәw Мәнүнкән аһїwa.
Әмәкәл, күһиәт!“

Матал күһиллә. Кıldынакән мата нуғанмән давдыран. Сәллулиндә мата сучаран. Тар амардун Кıldынакән, Абданкән амардукун аһамәттә. Сәллулиндә вугалән иста. Кıldынакән түрәттән:

100 „Гәни, гәнә! гәни гәнә!
Мата-ја Сәллундә,
јүкәл түргәндї, күһиәт!“

Сәллулиндә акїрін јүрә. Кıldынакән исәрәкин, Сәллулиндә акїрін ұмұр әһалкәһәл, ұмұр алгәкәһәл. Тар јүксә ұмұнтин гүнән:

105 „Кәдәрәгәјкән мата Кıldыни, дорowo!
Күһидәwi әмәсәs вїдїнә? Гә! күһиәт!“

Кıldынакән мата гадан нурwi, гәрпәлән upkatpatın. Тар гәрпәдәракын, сәндун аһин соңоттон. Кıldынакән гүнән Абданкән мататкї:

110 „Гәни, гә-нә! Гәни, гәнә! Мата Абданн
вї нәнәм құләји. Аһїwәw әкун-ка һүктіwүлсә.
Pоrōsaj, pоrostu! Pоrōsaj, pоrostu! нәнәм құләји!“

Придя, коня привязал. Когда привязал, Кильдынакан-богатырь вышел:

95 „Гәни, гәнәй! Я-то тебе
жену (свою) не отдам!
Я взял Монгункон в жены.
Приходи, побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь его победил. (Вновь прибывший) Сәллулиндя-богатырь убежал. Того позади Кильдынакан, Абданкән позади его погнались. До земли Сәллулинди дошли. Кильдынакан заговорил.

100 „Гәни, гәнә! Гәни, гәнә!
Богатырь Сәллулиндя,
выходи скорее, побьемся!“

Сәллулинди братья (старшие) вышли. Кильдынакан (когда) посмотрел, Сәллулинди братья с одним глазом, с одной ногой. Так выйдя, один из них заговорил:

105 „Кожемялка богатырь Кильдыни, здорово!
Биться пришел пожалуй? Ну! побьемся!“

Кильдынакан-богатырь взял стрелы, выстрелил все. Так (когда) стрелял, в ушах его жена заплакала (услышал плач жены). Кильдынакан сказал Абданкән-богатырю.

110 „Гәни, гәнә! Гәни, гәнә! Богатырь Абдани,
я иду домой. Жену мою кто-то увез.
Прощай, прости! Прошай, прости! Иду домой!“

Kıldınakān mata ukcalāraṅ murinduwī, dægđəhinən. Tar dægđənə goronik icət-təkin, ahīn ukcatukin umuṅn mata əlgəđərən. Tara icəksə, Kıldınakān mata turgəndi ɲənərən. ɲənəđənə tırəttən:

115 „Gēnī, gēṅā! gēnī gēṅā!
Hī, mata wəjə,
Eda ilicənni bī ahīwāw?
Əkəl ilicərə! Ər-ti garpam!“

Mata əlgəđənə Məṅɲunkən ahīwa. tırəttən:

120 „Guṅrē, guṅrē, mata wəjə,
sī ahīs əhin bihi.
Əkəl kihilgərə,
duln wuga wultırkən“.

Məṅɲunkən ahī turəttən:

125 „Gēṅ, gēṅ-ṅəj! Gēṅ, gēṅ-ṅəj!
Mata wəjəndə əkəl ilicərə
huṅtu wəjə ahīwān“.

Tar guṅđərəkin, Kıldınakān mata matawa garparan. Mata ɔn-da əcə ɔra. Kihillə. Kihicəl, kihirə, nī-də əcən kējra. uḡu wuga mata tırəttən:

130 „Guṅrē, guṅrē! guṅrē, guṅrē!
Mata Kıldınakān, əhīlə ətəṅət!
Sī — duln wuga sōṅɲɲɲ bihinni,
bī — uḡu wuga sōṅɲɲɲ bihim.
Bī gərbiw — uḡu wuga ɲiṅtənikənin“.

Кильдынакан-богатырь сел верхом на коня, полетел. Так летя, издалека когда посмотрел, жену на верховом один богатырь ведет. То увидевши, Кильдынакан-богатырь быстрее двинулся. Идя, заговорил:

115 „Гэни, гэне! Гэни, гэне!
Ты, богатырь-человек,
Зачем трогаешь мою жену?
Не трогай! Сейчас же выстрелю!“

Богатырь, ведя Монгункон-жену, заговорил:

20 „Гунгрэ, гунгрэ, богатырь-человек,
твоя жена не есть (это не твоя жена).
Не задавайся,
средней земли негодный“.

Монгункон-жена заговорила:

125 „Гэнг, гэнг-нэй! Гэнг, гэнг-нэй!
Богатырь-человек, не трогай!
другого человека жену!“

Так когда говорила, Кильдынакан богатырь в богатыря выстрелил. Богатырю ничего не случилось. Стали биться. Бились, бились, никто не победил. Верхней земли богатырь заговорил:

130 „Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
Богатырь Кильдынакан, теперь кончим!
Ты — средней земли силач,
я — верхней земли силач.
Мое имя — верхней земли Нинтокон (корешок)“.

Kikiksəl, ətərə. Duntəkənin qūlāwı ɲənərən, tādük tırətən:

135

„Gungrə, gungrə! gungrə, gungrə!
Bı qūlāw nıməwudəwi“.

Kıldınkən qūlāwı ɲənəhincə, ahıwı minilgilcə. Ahı galıwı ɲənəhilcə. Tar ɲənə-
çərəkin ıyiskı ēkun-ka tırətən:

140

„Səlluləjəjə, Səlluləjəjə,
mata wəjə dorowo! İlə ɲənəçənni?“

Tar gūnəkin, Kıldınakən mata ıyiskı icənən, ɔn-ka ahıwān gacə. Kıldınakən
mata ahamättən nuɲanmān. Uçadu bokonıksa, kisillə. Awahı nuɲanmān wällän.
Kıldınakən mata tırətən:

145

„Gēni, geɲə! gēni, geɲə!
ēkun minə, əməksə, ajdıɲān?
Bılır, bılır gūniktə:
nəkūnmi bihin.
Tarɲıw-da, əməksə, oɲın ajra“.

Tar gūnəkin, ıyiskəkı tırəcittən:

150

„Gēɲ, gēɲəj! gēɲ, gēɲəj!
Kıldınakən mata, amɲawı aɲakal,
umuktalwa garadām!“

Kıldınakən mata amɲawı aɲaran. İcərəkin, umukta əmərən. Tarā nımɲərən. Tar nım-
ɲəksə, əɲəhı-də əɲəhı odan. Kıldını awayıwa wərən. Nān-dat ɲənəhillə qūskıwar. Kıldın-
akən qūlāwı İstan. İcənən çūn ajırcə, oɲonın ācın, ənıñın ācın, amıñın ācın. Dəɲdın ɔcān.

Повоевавши, кончили. Нинтокон домой пошел, потом заговорил:

135

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
В мой дом гостить приходи“.

Кильдынакан домой пошел, жену увез. Жену отнятую повез. Так (когда)
шел, сверху что-то заговорило:

140

„Сəллуло, Сəллуло,
богатырь-человек здорово! Куда идешь?“

Так (когда) сказал, Кильдынакан-богатырь вверх посмотрел, как жену его
(того) взял. Кильдынакан-богатырь стал преследовать его. На следу нагнавши,
начали биться. Чорт его стал убивать. Кильдынакан-богатырь заговорил:

145

„Гэни, гэнэ! Гени, генé!
Кто меня, придя, спасет?
Давно, давно скажу:
брат (младший мой) есть.
Тот-то, придя, пусть спасет!“

Так сказал (когда), сверху заговорило:

150

„Генг, гэнэй! Гэнг, генэй!
Кильдынакан-богатырь, рот открой,
яйца сбросу!“

Кильдынакан-богатырь рот открыл. Когда посмотрел, яйцо пришло
(упало). То проглотил. То проглотивши, силачом (очень) сильным стал.
Кильдыни чорта убил. Опять пошли домой. Кильдынакан до дома дошел.
155 Посмотрел — дом сломан, оленя нет, матери нет, отца нет. Опечалился.

İcəttəkin, awayı hunāđın iltəcaran. umun algalkān, umun iēhalkān, prowlōka
nūriktəkēn, iēha hojo dūlundun bihin. İjın bicē nōnımınđa. Amıan əgdigəndə. Kıl-
dınıkānma Məyunkēnmə ahaktallan cəbdəwi. Kıldınıkān nırvı gadan. Tar gaqarakın,
ahiwān uktuwran. Kıldınıkān soıoron. Tar amardukin ahamättan. Ahamätcä, aha-
mättan, əcə bokono. Nān tırəttən:

„Gēni, gēnəl gēni, gəñəl
Ekuıw əməksə, aıdanān?
Bılır, bılır bı gırkıw bicēn.
Dıntəninđə! Dıntəñaj mata,
əməkəl tırğəñđil
Ahiwāw uktuwran
awahı hunāđın.
Tar awahı hunāđın bihin, gūniktə,
ılan lāmu cagidādun bihin“.

165

170 Tar gūnəkin, Dıntəninđə əməksə, dūri nənəhinə. Dənəcəkər, nənərə. Tar nənə-
dərəktin, umun sıwkacān, dūlgidəđutin dōksa, tırəcittən:

„Sıpcə, sıpcə, matal vəjəl! İlə nənəfərəs?

Nuıartın nuıanmān əcəl icəhinə. Nān-dāt dūlgidəđutin dōllan:

„Sıpcə, sıpcə, matal vəjəl! ēda əhis tırəttə?

175

Nuıartın nənəfərəktin, dūr anıanı iltəcən. Sıpkacān tırəcittən:

„Sıpcə, sıpcə! Sıpcə, sıpcə-əj!
Ərəj vıddəm. Matal vəjəl,
ōn əhis mulānə minəwə?
Bı Kıldınakan tən bihim“.

Когда смотрел, чорта сестра стояла. Одноножка, одноглазка, с проволочным
волосом, глаз по середине лба. Язык был длинный. Рот большущий. Кильды-
накана (и) Монгункону стала преследовать, чтобы съесть. Кильдынакан стрель-
взял. Когда взял, жену (его) увез (тот). Кильдынакан заплакал. Потом пресле-
160 довать стал. Преследовал, преследовал, не догнал. Опять заговорил:

„Gēni, gēnəl gēni gēnəl!
Kto, priđya, spaset?
Davno, davno moy tovarısh byl.
Ngintonindē (koreshok)! Ngintonėj-bogatıry,
priđi poskoree!
Jenu moyu uviezla
çorta sestra.
Togo çorta sestra, govoryu,
za treıya morıami naıodıtısa“.

165

170 Так (когда) сказал, Нгинтониндэ придя, вдвоем пошли. Идущие, идут
(шли, шли). Так (когда) шли, одна пташка, впереди их севши, заговорила:

„Çipçə, çipçə, bogatıry-lyudi! Kuda idete?“

Они ее не заметили. Опять перед ними села:

„Çipçə, çipçə, bogatıry-lyudi! Poçemu ne govoryte (otvetaete)?“

175

Они шли (когда), два года прошло. Пташка заговорила:

„Çipçə, çipçə, çipçə, çipçə-ėj!
Sejças umru. Bogatıry-lyudi,
kak meıya ne jalıete?
Ya syn Kalıdyınakana esmı“.

180 Kıldınakān mata gadan ʔtəwi, tʔrəttən:

„Gēye, gēṅə! Gēyē, gēṅə!
ʔtəkən, ʔtə, ʔdu bisin sī ənīnni?”

Cıpkacān tʔrəttən:

185

„Bī ənīnməw awahı gacā.
Hīmat dəṅṅətin. Tʔrgəndi ṅənəkəllu!”

Matal ṅənərə. Icərəktin, həgdiṅə sō sələmə ɖu bihin. Tar sələmə ɖu oldondun gırkuktaɖaran ʔmʔn awahı. Kıldınakān tar awahıwa wāksā, tərgəksəwən təttən. Tar tətikse, sələmə ɖulā ʔrən. Icərəkin, ɖudu ahin arandu təgətcərən, soṅoɖoron. Tāduk tʔrəttən:

190

„Gēṅ, gēṅəj! Gēy gēṅəj!
ʔtəw ʔlə ṅənərən?
Əttikəṅjw ɛda əhin əməgə?”

Tar ṅənəkin, Kıldınakānnān tʔrəttən:

195

„Gəṅ, gēṅəj! Gēy gēṅəj!
dorowo, ədəl əkəl tʔrəttə varanma,
tʔrgəndi tətılwi tətəkəl ʔənəgət!”

Ahıwi ṅənəwrən ɖulāji. Tar ṅənəɖərəktin, ʔtətin tʔrəttən:

200

„Cıpcə, cıpcə! Cıpcə, cıpcə!
Ami bıldınıkān!
Bı-kə ṅənəm ʔu vugatkı,
su ṅənəkəllu ɖulāwəg.”

205

Кильдынакан-богатырь взял сына, заговорил:

„Гəнгə, гəнгə! Гəнгə, гəнгə!
Сынок, сын, где твоя мать?”

Пташка заговорила:

210

„Мою мать чорт взял.
Скоро должен съесть. Скорее идите!”

Богатыри пошли. Увидали (когда), большой очень железный дом есть (стоит). Того железного дома сбоку ходит один чорт. Кильдынакан, того чорта убивши, ровдугу (одежду из ровдуги) его надел. Так одевши, в железный дом вошел. Посмотрел (когда), в доме жена его у кострища сидит, плачет. Потом заговорила:

215

„Гəнг, гəной! Гəнг, гəной!
Сын мой где идет?
Старик мой (муж мой) почему не приходит?”

Так сказала (когда), Кильдынакан опять заговорил:

220

„Гəнг, гəной! Гəнг, гəной!
Здорово, жена! не говори много,
скорее одежды надевай! Пойдем!”

Жену свою увел домой. Так шли (когда), сын их заговорил:

225

„Чипчə, чипчə! Чипчə, чипчə!
Отец Кильдынакан!
Я-то пойду на верхнюю землю,
вы идите домой.”

Kıldınıkān ahī galıwı ɲənərə ɟulāwər. Uɟətin ɲənərən uɟu buɟatkī. Uɟu buɟatkī ɲənəɟərəkin, oldondulın uɟuɲ dəɟi dəɟɟərən. Tar dəɟɟənə turəɟittən:

„Kimənin, kimənin, mata wəjə,
Cırcınıkan, ilə ɲənəɟənni?
ɟənəɟət, akännəɟət!“

Cırcınıkān turəttən:

„Cırcē, cırcē! ətəm ɲənərə
Bugalā ɲənəkəl!
Əkəl ilicərə minəwəl!“

Asi ēkunma-dā əcə turəttə uɟtu buɟatkī ɲənərən. Cırcınıkān tar amardukın ɲənəhinən. ɟənəcə, ɲənərən. ɟənəɟərəkin, icəttən, araj əkəɟərə. Cırcınıkān mata nadan tuksu caɟıɟadun sıpkıttan. Sıpkıtcarakın, uɟuɲ ahında əkəɟənə, turəɟittən:

„Kimənin, Kimənin, mata
Cırcınıkān, ēda əməcəs?
Əɟətkəcin əmərə wıcs.
Tikkəl turğənɟi, əkəl sıpkıttā“.

Cırcınıcān mata tiktən uɟu bugalā. Əkənilən. ɟır ahında dagalın irən. Uɟuɲ ahında turəttən:

„Gərəwlakānın, Gərəwlakānın!
Mata Cırcınıkān
Bı dagalıw ēda əcəs irə?“

Кильдынакан, жену взявши, идет домой. Сын их пошел в верхнюю землю. В верхнюю землю когда шел, сбоку одна птица летит. Так, летя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь-человек,
Чипчиныкан, куда идешь?
Пойдем, попоем-попляшем!“

Чипчиныкан заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Не пойду!
На землю иди!
Не трогай меня!“

Женщина ничего не сказала, на другое место пошла. Чипчиныкан за ней пошел. Шедший идет (шел, шел). Шел (когда), посмотрел вдруг — пляшут-поют. Чипчиныкан-богатырь через семь облаков подслушал. Подслушивал (когда), она, женщина, поя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь
Чипчиныкан, зачем пришел?
Как не желающий пришел (хотя и не хочешь, пришел).
Падай скорее, не подслушивай“.

Чипканыкан-богатырь упал на верхнюю землю. Начал петь-плясать. Две женщины к нему подошли. Одна женщина заговорила:

„Гэрэвляканын, Гэрэвляканын!
Богатырь-Чипканыкан
Ко мне почему не подошел?“

Сириникан мата әкәниксә әтәрән. Тәдук гәнәксә, тәгәтән қоло ојодун. Долон курбуттан. Сириникан мата илдәји нәкәрән — намарасә. Аһәл әкәндәрә, иңәттә. Умұн аһи түрәттән:

225

„Кимәнин, Кимәнин,
Сириникан мата!
әда қолоду намарасә?
Икал! иәмәјә!“

Сириникан күрбүрән, илан. Нокіуи тәкәргәр илан. Тәдук қолово гакса, гара-дәраң, иәнән — аја аһиңда илтқаңаран. Нуғанмән иәтсәјәрән, тәдук түрәттән:

230

„Дәгри, дәгри-дә! Дәгри дәгри-дә!
Мата Сириникан, поросај порост!
қавамі, гақуғәс аһијави, әми — әтәнни!“

Аһи дәгилдәһинән. Сириникан тар амардун дәгилдәһинән. Даваран нүриктәјүқин. Тәдук құләји гәнәврән. Аһин гәрвин Нуғәтмәк. Сириникан құләји әмәксә, аһијалиқи билсә. Әнинин, әминин бүсәл.

235

Тар видәрәкин ұмнәкән долво аһин толкисилсә, тәдук түрәттән.

„Дәгрә, дәгрә!
Сириникан мата сәләкәл!
Әмәрә мата. Надан мата әмәрән.
Тәдук би әкинми әмәрән!“

240

Сириникан мата қурви гадан. Түлилә јүрән. Арај иәнән, надан мата нуғанмән гарпалсә. Сириникан мата нуғарватин гарпаран. Умұнмәтин вәрән. Умұнтин түрәциттән:

„Ники, ники! Мата сириникан,
әда би нәкүнмәв вәсәс?
Би синәвә вәдиқав.“

Чипчиныкан-богатырь, попевши, перестал. Потом, подойдя, сел на поверхность камня. Камень шевельнулся. Чипчиныкан-богатырь встать попробовал — приклеен. Женщины поют, смеются. Одна женщина заговорила:

225

„Кимонин, Кимонин,
Чипчиныкан-богатырь!
Почему к камню прилип?
Встань! Стыдно!“

Чипчиныкан шевельнулся, встал. Штаны разорвав, встал. Потом, камень взявши, бросил, посмотрел — красивая женщина стоит. Его рассматривает, потом заговорила:

230

„Догри, догри! Догри, догри!
Богатырь-Чипчиныкан, прощай прости!
Поймавши, возьмешь в жены, не (поймавши) — не возьмешь“.

Женщина полетела. Чипчиныкан за той полетел. Схватил за волосы. Потом домой привел. Жена его по имени Нюнгормок. Чипчиныкан, домой придя, с женой жить стал. Отец его, мать его умерли.

235

Так жил (когда), однажды ночью жена увидала сон, потом заговорила:

„Догрә, догрә!
Чипчиныкан-богатырь, проснись!
Пришли богатыри. Семь богатырей пришло.
Потом мой брат (старший) пришел!“

240

Чипчиныкан богатырь стрелы взял. На улицу вышел. Едва посмотрел, семь богатырей в него выстрелили. Чипчиныкан-богатырь в них выстрелил. Одного убил. Один заговорил:

„Ники, ники! Богатырь Чипчиныкан,
зачем моего брата (младшего) убил?
Я тебя убью“.

246

Umüşŋi mata gadan ŋurwı garparan Cırcıkänma. Garparan näcä Cırcıkän-
kändu. cırcıkän tiktän. Tiktäkin ahın, jürän, türöttän:

„Dəgri, dəgri-dəl Dəgri, dəgri-dəl!
Akı umüşŋi ėda wännı kutetpi?“

250

Cırcıkän mata dilbı tıullan, ŋan ŋurwı gadan. umüşŋinđe ilitarıwän gar-
paran. umüşŋinđewə nārən kaltaka iehawän Umüşŋinđe kaltaka iehajan äcin kühilcän
Cırcıkänŋalı. Cırcıkänma kejrän. Cırcıkän ahın ġünən: „Əkəl wärə ədiwəw“. Tar
ġünəkin, əcə wärə. Täduk ilanı biđəlcətin.

A. Afanasjew a. Sahalın

81. Dulın buğa Umüşŋinđan

Dulın buğa duikakındun,
Umüşŋ jənə burkacändun,
Dulın buğa umüşŋinđan birə.

Umüşŋ utük utakacı đarkun mö kaltakın öwca täduk ėkuġindä äcin, ələ
anıdä ġälädun bihin uların məŋun uqakaptun. Tətin urkacın kumaksa. Tawar biđana,
umnaqan togotkokıwı caksaxa, tıkan ġunna, turätcağan:

„Niki, ŋikimə, bi öŋ umüşŋin valdicəw?
Dulın buğadu oġı mınğacın wəjə äcin“.

246

Умусни-богатырь взял стрелы, выстрелил Чипчиныкана. Выстрелил, попал
в Чипчиныкана. Чипчиныкан упал. Когда упал, жена вышла, заговорила:

„Дəгри, дəгри! Дəгри, дəгри!
Дядя Умусни, зачем убиваешь свояка?“

250

Чипчиныкан-богатырь головой рассердился (в уме рассердился), опять
стрелы взял в Умусниндю стоящего выстрелил. Умуснинде попал в половину
глаза. Умусниндя без половины глаза начал биться с Чипчиныканом. Чипчины-
кана победил. Чипчиныкана жена сказала: „Не убивай мужа моего! Так (когда)
сказала, не убил. Потом втроем стали жить.“

A. Afanasjewa. Saخالین

81. Средней земли Умусниндян

На средней земле, на самой середине,
На островке одной реки,
На средней земле Умусниндян жил.

6

Одну дряхлую юртенку, из восьми полуплах сделанную (имел), кроме
того ничего не было, только на правой руке было из красного серебра
кольцо. Одежда вся нерпичья. Так живя, однажды сидя у огонька, так
говоря, разговаривал:

Ники, никимо, одинокий, родился?
В середине земли подобного мне человека не может быть“.

Taduk tuliski jūkānam, ularin mēḡun ūḡakaptunmi ḡāḡadukwi cuptuhksa, ḡḡiski
10 garadāraḡ, tikān ḡunḡa, tuḡātcaḡaraḡ:

„Niki, ḡikimē ularin mēḡumēcamē ūḡakaptunmi, bi tuḡānmi musilkān
ēdu ḡōḡākin, ularin mēḡun ūmḡḡecun ḡōḡaksa, tikkəl“.

Tēḡḡimē-dē, ḡḡḡḡit ularin mēḡun ūmḡḡecun tiktēn. ḡē! ūmḡḡḡinḡa ularin mē-
ḡunmā ūmḡḡecundḡwi tēḡēksē, ūḡākāntikiwi icātcaḡnē, tuḡātcaḡaraḡ:

15 „ḡḡḡḡ ḡḡākānmi pudan purasaj!
Okin mucanariwi sāḡa, ikalḡam, ḡunḡam sōt gorolmi,
ilan tugurun anḡanilduli mucana-wal ēḡēm“.

Tardāt ēhilā ēḡēkēkī ēḡēḡḡehinān. Tar ēḡēḡḡērēkin, ḡmḡn kumacān jḡksa tu-
ḡātcaḡaraḡ:

20 „Mata vēḡē dulin buḡa ūmḡḡḡinḡān dorowo! dorowo!
ilē ḡḡēnēlkaja ḡḡānmi? ikal! alatkal ḡḡḡḡkāḡa ḡḡḡḡcāḡḡāt“.

ḡ mḡḡḡinḡa, ēcē-kāt icāhina, ḡḡēnēwi ḡḡēnēḡḡehinān.

„Dulin buḡa vultaran, ēwa sōkancanni? ḡi sināwa ēhin sāḡa?“

ḡē! Tar ḡḡēnēḡḡehinān, tar ḡḡēnēḡḡehinān jēnē ulidun ularin mēḡunmā cōraa
mawa. Tartiki ēḡēḡḡehinān, tar ḡḡēnēḡḡehinān jēnē ulidun, icārān ḡḡḡr ahātḡār ajagḡ-
25 sārēwē sārēḡḡērē. Gē abatkān, nḡanmān icēksē, tuḡātcaḡaraḡ:

„Kime kimēkē nḡaj mēḡḡḡkān! icētḡal ēkun ēmēḡḡn,
awadi bagas ajatāraḡ, ḡḡḡḡḡtḡḡḡn ularin mēḡun ūmḡḡḡcḡḡin“.

Потом, выйдя вон, из красного серебра кольцо с руки сдернувши, вверх
10 подбросил, так говоря, заговорил:

„Ники, никимо, мое (золотенькое) из красного серебра кольцо, мое
слово имеющее духа,¹ здесь когда станешь, лодкой из красного се-
ребра сделавшись, упали!“

Действительно, сверху упала лодка из красного серебра. Ну! Умуснидян,
севши в лодку из красного серебра, на хижину смотря, заговорил:

15 „Старая, старая хижина, прощай!
Когда вернусь, не знаю, метить дорогу буду, говорю очень далеко,
едва ли вернусь через три обратных года“.

Оттуда тогда вниз поплыл. Когда тот плыл, одна нерпа, выскочивши, заго-
ворила:

20 „Богатырь-человек среднеземельный Умуснидян, здорово! Здорово!
Куда направился? остановись! подожди! разговоры поразговариваем!“

Умуснидян не глядя ехал своей дорогой.

„Среднеземельный, охотник, чего задаешься? кто тебя не знает?“

Ну! Так двигаясь, Умуснидян увидел на берегу реки избушку из красного
серебра. Туда подплыл, так идя, на берегу увидал двух девушек, красивую вы-
25 шивку вышивают. Одна девушка, увидя его, заговорила:

„Кимо! кимоко! сестричка Монгункон, посмотри, кто идет,
какая лодка красивая, красуется лодка из красного серебра“.

1 Скажу заговор, словом заставлю превратиться.

Үмүсүндө тавар ақтан. Аққанам, нугарткітін сұрұрән. Аһәткәр, матава
нәләдүкин әлгәнәл, сөрәмәләвар іврә. Ајагда сәгәвүксә, сулакїкса сәктәвүндү
30 төгәвкәнә. үмүн салди сасарїва вәксакәр, ајагдгдар тужәнтүрәтін.
Сїксәнҗї өллан, әкїндәгү тїкән гүннә турәтсәрән:

„Кимә! кимәкәл мата үмүсүндә бу әмәрї сұрұрї матава дүдүвар әвкїл әнҗав-
кәсїнә бїһїв“.

„Кимә! кимәкә әнҗавкәнәквүн сїркән, кекән үркәткәнтін іпәктәлдіҗәтін.
40 Бу мата сөнҗә әнҗавкәвун, дүләвун әнҗанәкәл“.

35 Аһәткәр, үмүсүндәвә нәләдүкин гәксакәр, әлгәдәһїнә. үмүн һоктокөндөлү
сұрұврә, тәдүк үмүн сәләмә дүндәлә іврә. үркәдүк үркәлә гәнәвуксәл, катаксәл
Үмүсүндәвә мәртін тұлскї іпәдәтін:

„Кимә! кимәкәл дүлн буҗа үмүсүндә булдар кїлвїлвәтін нүлгїврән“.

40 Үмүсүндә тїкулсәләвї соҗосөләвї әҗа-да вәләдән, нәкәдїҗән, Нән-дат аһәткәр
іпәдәтін:

„Гїруканн! Гїруканн, әкәҗ Сәкәнкән! іпәмәсәҗә!
Дүлн буҗа үмүсүндән дїлҗан вусүврїләвї істан вїдәнҗү“.

Үмүсүндә аҗат ісәрән, вәҗәл гїрамнәкәкүнтін гәлтәнҗәсїн, вәҗәл муннүкткїндү
нїнүдәгә. үмүсүндә амәскәкї туксакса, дәркүн дүрпүл сәләмә үркәдәнә әкїһїнсән.
45 Тар сәклән туксандәһїнән. Аһәткәр дүләтн істан, аһәл, тәгәтсәнәл, ајагда сәрәвә
сәрәдәрә.

Умусниндя пристал туда. Приставши к ним, пошел. Девушки, гостя за
руку ведя, ввели в дом. На красивые соболя, лисьи постели посадили. Одну
30 двухгодовалую важенку убивши, хорошо угощали.

Вечер настал, старшая так сказала:

„Кимо! кимоко! гостя Умусниндяна, к нам пришедшего, хорошего гостя, не
можем уложить спать в своем доме.“

Кимо! кимоко! если уложим спать, утка, пташка, все засмеют (нас).
Мы гостя-богатыря уложим спать. В дом иди спать“.

35 Девушки, взявши Умусниндяна за руки, повели. По одной дорожке увели,
потом в один железный домище ввели. Из двери в дверь проводя, замкнувши
Умусниндяна, рассмеялись сами снаружи:

„Кимо! кимоко! среднеземельный Умусниндян дочерей моря увез!“

40 Умусниндян, рассердившись, расплакавшись, ничем не мог (себе) помочь,
опять девушки рассмеялись:

„Гїруканн! Гїруканн! тетка Сәкәнкән! очень смешно!
Среднеземельного Умусниндяна пусть голова засохнет“ (до засыхания
дойдет).

Умусниндян осмотрелся хорошо, человеческие кости рассыпаны, люди
в каждом углу стонут. Умусниндян, обратно побежав, восемь двойных желез-
45 ных дверей сломал, потом убежал дальше. Дошел до дома девушек, девы, сидя,
красивую вышивку вышивают.

82. Aksirē-Baksirē

Ətirkan atirkannun biđicətin. İlan huniltin bićətin, gəjukəkür. Nandanār büləhəl əmədirə, surlədwəl hunilwa. Bićən nərət ukunmıma. Tartiki nuşartin dəgilđicətin, bağdawkił öhal. Kəl əmədirə büləhəl. Hunil əhilə amintikiwal guñdirā: „Mıñə dəjekal (zajekal) əmmın bürä“. — „Hilla ekurwahun suña dəjedidıñaw, su əñkitərəs minə dölditcö; ajama, suñə surluqtin. Aptərə tāmkedāhına ipkərəkiw, əñkitərəs ımukəmətcə aptuna tāmkehina. Ajama surluqtin, əđaktin-mal“. Kə, əməllə büləhəl ıñadıdırā ıñadıdırā ıñadıdırā. Huniltin bağdawkił öhal dəjilüktađırā. Kə, ıñadıdırā, noartin ıñıskı ıñıldırā. Sagdawu ahätkän inmə örän tıkimmen. Đırwa surlwrä. Đütki əmərän ahätkän, amintiki guñdirän: „Minə dəjekal (zajekal) ədətın minə büləhəl surlwrä“. — „Ajama, surluđuqtin (surluwtuqtin) əđaktin-mal əđıñaw dəjedara, amınin guñdirän: ərəkəncə surlkəl, ərkəklä surlkəl, tälä biđirän Aksirē Baksirē, sinə zajeđıñän. Tari ölanduk ölandıtmər: korokalıñ kaloköcändi, əhalin öhiktadı, oñokto pəşnaomokun, zəgin ulıwmokun, öhamıñakurın həəkinmən“. Ahätkän gənəđähinän.

83. Əwənkil

ıtälə ədu birkə jajan bićən. Əwənkililin đır buđđə. Nuğan təlkiptşan, vakaran, nuşarwatın wärän cäğıganmə. Təlkindu icəcild ən jajanma, nuğan ırəgən bićən. Tari đərcə nuşarılın əwənkilwətin. Jajan icəcildən təlkindu, surluñan ırəgəntiki. Tunğadār əwənkilwə mənğilwi ıñuwrən. Şururän, Jendıiwə dayran, daptulin hurran Pidi. Nuştułwə vakaran. Bargıdä tuğı jajan bićən əməğun. Daptudun Pidi bakaldıra, ulğurməcildə. ulğurməttə, ulğurməttə, jajan hañuñuktaldən huştuwə jajanma: „ilə gənəđəndi?“ — „əli hurısilđalıñ“. ımundə surlurä Pidi, tunğadārıl əwənkililin namađı öran.

82. Акшире-Бакшире

Старик со старухой жили. Три дочери было, красивые. Семьдесят бродяг подходят, чтобы увести девушек. Было озеро молочное. Туда они (девушки) летали, лебедями ставши. Вот подходят бродяги. Девушки отцу говорят: „Нас спрячь не отдавай“. — „Ну для чего вас спрячу! вы не хотели меня слушать; хорошо, (пусть) вас унесут. Постегонку ссучить приказывал когда, не хотела ни одна постегонку сучить. Хорошо, пусть увезут (что хотят, то делают)“. Вот подошли бродяги, пошли неводить на озеро. Девушки, лебедями ставши, полетели. Вот неведют, они (девушки) вверх поднимаются. Старшая девушка иглой стала, упала. Двух увели. Домой пришла девушка, отцу говорит: „Меня спрячь, чтобы меня бродяги не увели“. — „Хорошо, пусть уводят, пусть делают (что хотят), не спрячу“. Отец говорит: „Вот иди, сюда иди, там живет Акшире-Бакшире, тебя спрячет. Тот из мастеров мастер. Уши его как котлы, глаза как звезды, нос как пешня, подбородок как весло, камысы на коленях. Девушка пошла.

83. Эвенки

Раньше здесь коренным жителем был шаман. Двое эвенков умерло. Он видел сон, нашел (что) их убил дальний. Во сне увидал шамана, он горный („каменный“ — с левого берега Енисея) был. Тот съел его эвенков. Шаман увидел во сне, пошел к горному. Пятьдесят эвенков с собою увел. Ушел, Енисей перешел, пошел по нижнему течению Пита. Других встретил. На том берегу также эвенкийский шаман был. На устье Пита встретились, стали разговаривать. Разговаривали, разговаривали, шаман спросил другого шамана: „Куда идешь?“ — „Здесь вверх собираюсь пройти“. Пошли вместе по Питу из пятидесяти эвенков сто стало.

Daptudukin tunjawa inəgilwə ɲənərə. Ayrə. Dürə jajaşal şururə dŭrdŭli uđalı. Gə ilanma inəgil ɲənərən, hontāđırān. Iidutin inəgil jajantin gunən: „umukənmə
10 inəgiwə ɲənəđəp, ɲəkuduk şaɲɲantin icəwuld'ən. Namurdun dŭyiltin, digindār dŭyil“.
ɲənəncərə, ɲənərə mŭrəli, əgəlgərə jajan əwənkiltin. Jajan gŭnān: „ilakald'u gulu-
wurwa“. Əwənkilwi ipkərən mŭrəli əlgərə. Luɲuld'ə əwənkilin mŭrəli, itigaldātin
kuşilwə ɲəkəđəwər. Nān luɲuld'ə, ilarā luɲuld'ə. ɲrəgər ənnərə jŭwətt'ə. Ətirikən
nugarwatin tunɲən, şukşalwi lukca binə. Jajan tarā gŭld'an: „Şurukəl, itigađanākald'u“
15 əşilə kuşinə. Nān amaşki şururān ətirikən. Luɲuqəɲnərə, hata luɲuqəɲnərə, ətirikən
əmərān, ɲān tariltiki tŭrəld'ən jajan, ɲān dŭlāwi şururən. Jajaltin ɲrəgər əməşinə,
isilmī şəbdəptiki. Əməşinə tŭtəkəlwətin itigara, şəbdəptiki təgərə dŭkrə jajaşal.
Əɲkəcild'ən jajan, əwənkilwə đəpcə: „əkunac! əcəp tild'ə đəwujəwi“. Əɲkəcild'ən,
mirətt'ən ilanma aşalış. Əɲkəcild'ən: „bŭđam“. Awgidā əşilə ətərən tŭrəđəmi. Na-
20 murɲil jajaltin gŭld'a: „Əşilə niməgilkał“. Niməgild'ā taril, gorowo niməgild'ə,
nadald'aja. Əɲkətt'ən, şurulmī, əđən tŭyi ɲəkərə, gəwrā əđən, ɲān đawuşcara əđən.
Awgidā jajan gŭld'ən: „Ənə tŭyi ɲəkəld'ə əşilə ninakmāt şulapt'a ətən. Ilanma aşal
bŭrə ɲrəgər jajantin. Şururwā dŭlāwəɲ əwəşki, ɲuşuktal aşalış. Mŭlwə ɲaɲɲārā.
Đəptikiwəɲ ɲənəwrə; ɲənərə kuşicəl, dulintin hālupcəl binəl, ɲwiğə əmərə, hər-
25 kəptirtin ɲāləwə hujulwŭrkəkun. Dulintin ācir. Huɲtŭl şurucəl dŭlāwār, əşi icərə.
Taril tŭyi əməşinə dŭlāwəɲ, aşalış đŭrə ajalwa əməwrə.

N. Bajakī. Cirəmbu

84. Илудən

Илудən əɲəşicī vicən, Kimā vicən. Nuɲan lucadıwə əɲəşicilwə ɲədurən ilanma. Kupeş ipkərən, saklaldı ɲōrcadātın, ılandu cetweril vinoldı. Ilandu đavdıran Илудən, ɲədurən upkatpa. Şutnəwə ıruşnan lucadıwə nadan əwənkil, nuɲan əmukən ıruşnan.

От устья шли пять дней. Пристали. Два шамана пошли по двум дорогам. Один
10 шел три дня, без дороги шел. На третий день шаман их сказал: „Один день
пройдем, дым их с большой горы станет виднеться“. „На (хребте) Намуре юрты
их, сорок юрт“. Быстро пошли, обошли кругом, окружили шаманские эвен-
ки. Шаман сказал: „Разжигайте костры“. Заставил эвенков окружить кругом.
15 Стали кричать кругом эвенки, направились (собрались) войну начать. Опять
стали кричать, трижды кричали. Горные не хотели выходить. Старик их преду-
предил, снявши тесемки от обуви. Шаман тому сказал: „Иди, собирайтесь
теперь воевать“. Опять обратно ушел старик. Кричали, долго кричали, пришел
старик, опять тех стал ругать шаман, опять домой ушел. Шаманы горных жите-
20 лей пришли, шевеля (спиной) кафтаном. Пришли, мечи скрестив поставили, сели
спинами (друг к другу) два шамана. Спросил шаман, съевший эвенков: „Зачем
не знаем съеденных (не слышали о съеденных)“. Стал просить выдать замуж
трех женщин. Сказал: „Дам“. Живущий на этом (левом) берегу теперь кончил
ругаться. Намурские шаманы сказали: „Теперь гости“. Стали те гостить,
25 долго гостили, неделю. Просил, уходя, чтобы так не делали, чтобы вторично
опять не хватали бы. С этого берега шаман сказал: „Не поступайте так, (а то
и) собаки не останется“. Дали трех женщин горные шаманы. Увели домой
к себе, вонючих женщин через воду переносили.

Людоедку увели. Шли, воевали (по пути), половина оставшись, мало при-
шло с перевязанными руками, раны большие. Половины нет. Другие незаметно
ушли домой. Те тоже, придя домой, двух красивых женщин привели.

И. Баяки. Чиромбу

84. Илудон

Илудон силач был, (из рода) Кима был. Он поборол трех русских силачей. Купец заставлял бороться на заклад, на три четверти вина. Трех победил Илу-
дон, всех бросил. Русское судно тащили семь эвенков, он один тащил (такое

Luca əwənkīwə kołtorən. Kołtorōkin, icättən əwənkīwə, şururən. Irura, irura gorowo, 5 tälä cätild'a. Ətərə. „Əwənkī“, gūnən: „alawa tətkel nōraškal“. Şururä nän. Kołto-
qocōwo lucawa əwənkī kołtoron amarguc. Kołtorokin əwənkī, bururən luca. Buđđan
lucadı əğəşi. Əmənə nuğanmān. Hıptul lucal hənkətcirə: „tuğı nādē!“ İludən nān
iruşnan, ista derewnələ. Ağrə, tādū cätild'ə. İludən tərünmatın tərütşan; kupes, qəwuld'ən,
vinovo tıjutt'ən, ulild'ən əjalđi dəptiləl. Ənkəcild'ən əwənkīwə kupes, gadāwı
10 mənñijəwi əğəşijəwi illəməgdijəwi tışca ruşlıl. Əwənkī əşin qəkildirə, əşin şurumuld'ə.
Gorojo əjəcild'ən kupes əğəşiwi. Đalıldārən, qalıldārən, umnət gūnən İludən:
„Ətəm şururə“. İludən oltowrən kupespa, derewnədu işinən. Gorowo inən tādū.

Lucal korobalwatin amikān qəmuld'ən. Lucal ipkərə İludənmə, vəjuştən. Şururə 15
vəjuşimnıl ilan: đır lucal, İludən ilitin. Bakara amikānma. Amikān nuğarwatin əmən-
cərən qəbdəwi. Amğawı aqacə, qawaran gələldiwi. İludən kaltakadun, qəğdukin qawaran
kaltakadun şərdukin, gōrcald'ən. Hıktəwıktəməcild'ən amikānnun əwənkī. Lucal
arkıra gidaldı amikānma. İludən uşigindərən amikānma. Amikān əjurən. Nuğanmān
wārā. Wārə hənkətmətcərə: „qəwuldəp-gū?“ ətəp-gu? Lucal gūna: „tağa“. İludən hata
20 ipkətcəqən, qəbdətin. Lucal gūnə: „hiğət ərıktadāwı imıqşanā-γu birən!“ Hiğild'ə,
higrə, əmac əcin imıqşawa, umıqən giramd'a. Əmənə amikānma, irəkşəwən gada,
şururə. Uğasınə lucal. Şururə derewnətki, irəkşəwən hiğni. Derewnələn əməre.

Lucal ulğurild'ə, gūnə: „Tälä vakaraw amikānma, korowowa qəpcən. Mınə 25
qəbdəwi hıktincərən. İludən qawaran, amikān gōrcald'ən“.

Lucal ulğurild'ə qaltikiwar: „Arkıraw wı, əwənkī qōdarən amikānma, amikān 25
əjurən. Jıktə vəjə, mēwanın mand'ı, əramat əğnərən jənə“. — „Vəjə gələjə əcin,
umıqətməc əwənkī gələnəjə“ gūnə.

İludən qılāwı şururən. Qılāwı gənərən qaltikiwi ulğurild'ən: lucal orotıymatın 30
lıruləqə. Qələtcirə, ənlitin ön-mət vəjuş, ənitin ön-mət“. Əmıqənma anğanıwa inən
İludən, tādük buđđan.

же). Русский эвенка ударил кулаком. Ударивши, взглянул на эвенка, ушел. 5
Тащили, тащили долго, там стали чаевать, перестали. „Эвенки,—сказал (тот),—
лямку надень, тяни“. Пошли опять. Ударившего русского эвенки ударил обратно.
Когда ударил эвенки, упал русский. Умер русский силач. Оставили его. Другие
русские говорили: „Так (и) надо“. Илудон опять потащил лямку, дошли до
деревни. Пристали, там стали чай пить. Илудон договор выполнил; купец на-
кормил, вином угостил, накормил хорошей едой. Стал просить эвенка купец,
10 взять (продать) свою силу, предлагая тысячу рублей. Эвенки не согласился, не
захотел итти. Долго просил купец силу. Думал, думал, вдруг сказал Илудон:
„Не пойду“. Илудон оставил купца, в деревне жил. Долго там жил.

Медведь задрал корову русских. Русские заставили Илудона убить. Ушли 15
три охотника: два русских, один Илудон. Нашли медведя. Медведь быстро по-
дошел, чтобы съест (их). Рот открыл. Схватил руками Илудон, одною рукою
за подбородок, другою за ухо схватил Илудон, стал бороться. Стали двигаться
медведь с эвенком. Русские насадили медведя на копые. Илудон перевернул
медведя. Медведь пропал. Его убили. Убили, разговаривают: „Съедем (его) или не
будем“. Русские сказали: „Сухой“. Илудон еще настаивал, чтобы съест, русские
20 сказали: „Обдерем, чтобы посмотреть, жирный ли!“ Стали обдирать, ободрали,
никакого жира нет, только кости. Оставили медведя, шкуру взяли, ушли. Пота-
щили русские, несли в деревню ободранную шкуру. В деревню пришли.

Русские стали разговаривать, сказали: „Там нашли медведя, задравшего ко-
рову. Нас (чтобы) съест, подпрыгнул. Илудон схватил (медведя), медведь стал
бороться“.

Русские стали рассказывать товарищам: „Насадили на копые мы, эвенки 25
бросил медведя, медведь пропал. Бойкий человек, сердце крепкое, ничего
не боится (ни перед чем не постоит)“. — „Мужик без страха, нет ни одного
эвенка боящегося“, сказали.

Илудон ушел домой. Домой прошел. Домой пришел, товарищам стал рас-
сказывать (о том, как) русские медведя били. Боятся, никак не могли убить. 30
Один год жил Илудон, потом умер.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Д. Сѣмба. Сирѣмбу

85. Iwul

Ḍūr wəjəl biçst̄in. ɯm̄ȳk̄ən Iwul biçən, gē Akarāmə. Nuḡartin şururə wəjuşildʰə multala. Ḍawrāšnā, Ḍawrāḍāḡnārā, Ḍawrāḍāḡnarā bıralı, icərə tōkī bırawa dagḍaran. Iwul ḡñān: „Amıḡaşa kırkacānden bi tukşāncək̄tə“. Iwul m̄l̄i tukşāncərən. H̄uktı-wuşınm̄rān, tōkīdu bimrək h̄uktildʰən. Akarāmə ūḍaḍāḡnarān, tālā. Iwul halḡanmān bakaran. Tarā uḡaşnan Akarāmə, ḡñ n̄n ūḍaşnan, tālā gēwa ḡñ bakaran halḡanmān, ḡñ tarā uḡaḍāḡnārān, tāduk ḡñ ḡlāwān bakaran, ḡñ şururān. Ḣənəḍāḡnārən, tālā gēwa ḡlāwān bakaran, tarī ḡḍān. Şururān tōkī ūḍalın, kəḡtirəwəñ bakaran, tarī uḡaşnan. Tāduk dilwān bakaran. Ḣññān Akarāmət̄ki tar: „şi etəkəl minə icət̄cəm̄i, halḡarwāw ɯm̄und̄u n̄əkəl!“ Akarāmə əl̄əwəñ ildʰəwəñ ɯm̄und̄u n̄ərən, Iwul ḡñ wəjə 10 ödan. Ḣññ Iwul şururān Akarāmənun ḍ̄ıkrə. Akarāmə ḡññān: „Bi wəjuktə tōkīla, şi n̄lḡişinkāl, tālā Cinəḍ̄u ḍ̄ūyutkəl“.

Akarāmə wəjürən, şururān. Ḍ̄ırwə tokilwa ajran, Iwulwa ūḍalın şururān. Iwul tālā şonəorəñ, əlbaḍaran şərəḡilwa tuktiwuşcaḍamī Cinət̄ki, ɯm̄ȳk̄ən̄mə tuktipcə. Akarāmə ḡññān: „Iwul əlcāş tuḡi?“ — „O! əwa-dāḡlə ḡıçs̄ş Cinəḍ̄u ḍ̄ūyutödāw“.— „Şi 15 n̄lḡiḍəkəl tālā örandu ḍ̄ūyutödāndı“, ḡññān Akarāmə. Iwul ḍ̄ıncaran. Akarāmə ḡñ əmərəñ, ḡñ ḡññān: „Iwul şi əḍāndı tuḡi?“ — „əwa-dāḡlə ḡıçs̄ş örandu ḍ̄ūyutödāw! Öñ bi m̄üḍ̄u ḍ̄ūyutödām?“

Tāduk Iwul wəjürān tōkīla, mənək̄ən darıwuşnan. Akarāmə n̄lḡişinən. Iwul ḍ̄ırwə ororwo olḡoşnən, ḡənəḍāḡnərəñ, tālā bıra öḍān. Iwul ḡññān ororwı: „Untalwar lukulkaldı! Öñ əḡnəs tildʰə?“ Tāduk Iwul ororwo halḡarwatın higrən. Oror buḍḍā. 20 Iwul tālā tōkīwa icərəñ, ḡıcıldʰən tōkīwa: „Amıḡaşa sırumın! kul kul kul!“ Tar h̄uktildʰən. Ḣññ Iwul şururān. Tālā jantakıwa icərəñ, ḡñ ḡıcıldʰən: „Amıḡaşa nınakının! əl! əl! əl!“ Jantakı h̄uktildʰən. Iwul ḍ̄ılāwı m̄ıçuşñān, əmərəñ. Akarāmət̄ki wul ḡññān: „Tālā untalwatın lukcāl, lukrakıtın, āşınə“. Akarāmə tur̄ıldʰən Iwulwa:

Д. Чэмба. Чиромбу

85. Ивуль

Два мужика были. Один был Ивуль, второй Акарамо. Они шли промыслять табуны диких оленей. Поехали в лодке, плыли, плыли по реке, увидели, лось пересекает реку. Ивуль сказал: „Покойного отца собака, выскочу-ка я“. Ивуль прыгнул быстро на воду. Хотел бежать, лось мимо пробежал. Акарамо бежал (за ним), 5 нашел там ногу Ивуля. Притащил ту, опять побежал по следу, там опять вторую ногу нашел, опять пощачил ту, потом еще руку нашел, опять ушел. Шел, там вторую руку нашел, ту взял. Пошел по следу лося, грудную клетку, корпус его нашел, потащил его. Потом голову нашел. Сказала та Акарамо: „Ты меня не рассматривай, ноги сложи вместе!“ Акарамо сложил все тело вместе, Ивуль 10 опять человеком стал. Опять Ивуль пошел вместе с Акарамо. Акарамо сказал: „Я пойду промыслять лосей, ты кочуй, там (на) Чино (горе) поставь чум“.

Акарамо ушел промыслять. Два лося добыл, пошел по следу Ивуля. Там Ивуль плачет, не может жерди втащить на Чино (скалистую гору), одну (только) втащил. Акарамо сказал: „Ивуль, что сделал так?“ — „O! для чего же 15 говорил, на Чино юрту ставь!“ — „Ты кочуй, там на пороге юрту поставишь“, сказал Акарамо. Ивуль юрту пошел ставить. Акарамо опять пришел, опять сказал: „Ивуль, ты что делаешь так?“ — „Для чего же ты говорил, чтобы я юрту на пороге ставил! Как я в воде юрту поставлю?“ Потом Ивуль помышлял лося, сам пошел выслеживать. Акарамо кочевал. Ивуль увел двух оленей, идет, там река. Ивуль, сказал оленям: „Унты снимайте! Как не можете понять?“ Тогда Ивуль ободрал ноги оленям. Олени умерли.

Ивуль там увидел лося, покричал лосю: „Олень покойного отца! ку! ку! ку!“ Тот убежал. Опять Ивуль ушел. Там росомаху увидел, опять покричал: „Собака покойного отца! оль! оль! оль!“ Росомаха убежала. Ивуль в 20 домой, пришел. Акарамо Ивуль сказал: „Там, унты сняли, снявши, уснул рамо стал ругать Ивуля:

²⁵ „ēwunawī ororwī wānd'ī“. Akarāmē umūkēn šurūrān. Tādūk əwənkīlwə bakaran. Həḡkəcild'ən Akarāmē: „Minḡiwə širuwəw ši wāš'ī?“. Əwənkīl ḡḡnē: „Bū əcəlwun wārē“. — „Şu wāşun“. Əwənkīl Akarāməwə ḡawara. Akarāmē luyıld'ən: „Iwul əmē-kəl! Bəjəl minə tirəcəl! Himāc!“

Iwul əmərən ḡimiciwi ḡalirān. Akarāmē ḡawaldırān bəjənun. Iwul ḡḡnən: „ḡimiciwə uḡkuḡəs“. Akarāmē şōmnāşinān Iwul şiləwən, ḡḡnən: „Şi wākəl! bərilwi ḡawakal ḡanāt'kəl“. Iwul əwənkīlwə ələwətīn wārən. Nān şurūrān Akarāmənun bəjūrə, hēlakīla bəjuşcamī. Akarāmē əmərən, Iwul ḡıld'ən: „Ōn ajiḡnand'ī?“. — „Tuḡi ajiḡnam! Şi-wəli bəjukəl hēlakīla. Bi oricāw hēlakīlā, tādu şi škəlşinḡend'ī“. Iwul orıld'ən: „He-la-ki-ı-l! əməkəld'ı-ı! şıḡdələw!“ Hēlakīl bürürə hūkitədun. Iwul hak-tancald'ān, nəmürıḡdi ōdan. „Aha-ha-ha! bi, bürürəktin, əşim maḡıcara“. Hēlakīl upkat dəḡild'ə. Iwul umūkəmşc əşin ajiwra, əşin ḡawara. Dülāwī əmərən, Akarāmē ācin ḡūduwī. Tādūk əməwrən əḡnəkənmə Akarāmē. Iwul ḡḡnən: „ulḡurkəl ōn ajiḡnand'ı əḡnəkənmə“. — „Bi ḡoromocōw atırıkānduk“. — „Bi tumātḡa bakalḡam“. Timātḡa Iwul şurūrān tālā. Iwul ḡarparan aktakīwa, uḡaşışcald'ən. Atırıkān əmərən, ⁴⁰ kədərəwī ḡalıḡaran, əmərən. Iwul dārəwən kədərəşnən. Iwul şoḡold'ən, Akarāmē ḡḡnān: „ət şoḡogond'ı?“. — „Atırıkāḡeşu minə dārəwəw kədərəşnən“ — „ēda-kə aktakīwa wānd'ı? Şinə ḡüçəw əḡnəkənmə, wādāş“.

Nān şurūrā Akarāmē Iwulnun. Akarāmē nuraḡırān hişəwə, ḡḡnān: „Iwul ḡawakall əri tōkī“. Iwul ḡawaran. Hişə nuḡanmān tirərən, Iwul buḡḡan.

I. Lontogır. Nəpa

86. Iwul, Cərə

umūkēn biḡəcən atırkən, nuḡanḡın biçətīn ḡūr hütəlīn. umūkēn biçən ḡərbīn Iwul. Nuḡandun biçətīn anḡanḡılīn ılandār, nəkündiwuḡu biçətīn ḡān tunḡa, nuḡanḡın ḡərbīn biçən Cərə. Iwul ḡülən Cərətki: „Cərə ḡawja ḡawıḡılwāt“. Cərə ḡḡnān Iwulki: „kəl ḡawıḡılwāt“.

²⁵ „Зачем оленей убил?“ Акарамо пошел один. Встретил потом эвенков. Спросил Акарамо: „Моего быка ты убил?“ Эвенки сказали: „Мы не убивали“. „Вы убили“. Эвенки поймали Акарамо. Акарамо стал кричать: „Ивуль, приходи! Мужики придавили! Скорее!“

Пришел Ивуль, щербу (уху) держит. Акарамо схватился с мужиками. Ивуль ³⁰ сказал: „Щербу прольет!“ Акарамо толкнул ногою щербу Ивуля, сказал: „Ты бей! возьми лук, иди стреляй“. Ивуль всех эвенков убил. Опять ушел с Акарамо промышлять, тетерек промышлять. Акарамо пришел, Ивуль сказал: „Как промышлял?“ — „Так промышлял! Ты-ко попромышляй тетерек. Я кричал (звал кричалкой) тетерек, там ты западней будь (подкарауливай!)“ Ивуль стал звать: „Тетерки! приходите! на балку мою!“ Тетерки упали ему на живот. Ивуль ³⁵ засмеялся, смешно стало. „А-ха! ха! ха! Я не выдержу, когда они упадут!“ Тетерки все улетели. Ивуль ни одной не добыл, не поймал. Пришел домой, Акарамо нет дома. Акарамо потом принес теленка. Ивуль сказал: „Расскажи, как добыл теленка?“ — „Я украл от старухи“. — „Я утром найду“. Утром Ивуль ушел туда. Ивуль выстрелил в холощеного быка, быстро уволок. Пришла старуха, ⁴⁰ мялку в руках держала, пришла. По лицу Ивуль мялкой ударила. Ивуль заплакал, Акарамо сказал: „Что плачешь?“ — „Старуха меня по лицу мялкой ударила“. — „Зачем же быка убил? я тебе говорил, чтобы (ты) теленка убил“.

Опять ушли Ивуль с Акарамо. Акарамо принес камень, сказал: „Ивуль, держи, это лосы!“ Ивуль взял. Камень его задавил, Ивуль умер.

И. Лонтогир. Нена

86. Ивуль. Чоро

Однажды жила старуха, у нее было двое сыновей. Один назывался Ивуль. Ему было лет тридцать, младшему было пятнадцать, его имя было Чоро. Ивуль сказал Чоро: „Чоро, давай лодку делать“. Чоро сказал Ивулю: „Ну, сделаем лодку!“

5 Әңіртін һилтіләсә биçән һилтіләвәр. Ивул гүнән Сәрәткі: „җи, Сәрә, әвтиләләдәкәл би җәвтәвә үллілҗәлим“. Сәрә гүнән: „Кәл сурүлҗәлим“. — „Си, Сәрә, гәкәл пәктирәвүнә, еја иçәми, тара пәктирәниҗнәкәл“.

Сәрә сурүрән, гәрән пәктирәвүнмә мәннүнми, җәнәдәвкәи үрәли, иçәрән муғдәкән давадун әкун-мәл тәктәдәрән, нуҗән пәктирәвүнми миәрәдүквәи гәрән җәләлдуви кәрән цокониммен, тар пәктирәнән. Сурүрән давалән, әмәрән, иçәцилән, кәрә әңинми 10 вәсә. Нуҗән әңинми һигрән, әвтиләлвән гәрән, сурүврән дүткиви. Әмәрән дүләви, акинин җәвтәвә үллідәрән. Әмәллән давалән, әвтиләлвә нәдәрән акинми давадун.

Иçәцилән акинин, тәгрән әңинмәр вәсә, гүллән нәкүнтәкиви: „еда си вәсә биçинни әңинмәр“. — „Си гүчәс митики: еја иçәнни, тарә пәктирәниҗнәкәл — тар би иçәм, пәктирәсәв“. — „Си җәлја әцин биçинни, әмәтјә, авәди-вал моҗнон биçинни“. Түви нуҗән-мән һәҗкәтрән әңиндүливәр. Нуҗартин аран-аран җәвја өра.

Нуҗартин җәлидәцилла, үриндәвәр гелә үриндүлә. Ивул гүллән Сәрәткі: „Си Сәрә ороҗо дүтәскәл һоктоли, би кочово җәвду улисәлим“. Ивул гүңдәвкәи: „Си дүтәми үнә, тәлә дүҗа өдәдәви әјә давадун“. — Кәл би, әмәдәләс, дүҗа өдәҗәв“.

20 Ивул үрәрән: „Кәл өракис әмәдәләв дүҗа аја бимсә“. — „Өдәҗәви“ Нуҗартин сурүрә геткәи үринтәки. Ивул җәвду җәврәснән. Сәрә ороҗи дүтәснән. Сәрә дүтәрән тәлә үриндүлә, дүҗа өллән әјәдү, әмәвүвкәи серәҗја илвусәлиwkи — тарә әјәнмүсиниwkи. Алварән дүҗа өдәми, үпкәтвә сәраҗилвә манарән. Әсәлә сурүрән ороҗдүләви, әмәрән даваләтин, гүллән: „Кәл лүкәллә унтәлвар“. Ороҗ әвкәл әмәтјә гүнә. Нуҗән гәврән гүнән ороҗтәки: „Лүкәллә унтәлвар“. Тәли Сәрә гәрән пүртәви, кәрән һигилмән өсәлватин. Авәднәҗја өсәҗән һигрән, тарә вүкәи орон. Түви үпкәтвә тәпүрән ороҗво, Ивул әмәдәлән. Ивул әјәнән Сәрә давалән, һәнүктәллән: „ири-кә дү өнни-ву, әсәс-ву?“ — „Би алвәм дүҗа өдәми“. — „ири-кә ороҗ?“ — „Би ороҗтәки гүлсәв: лүкәллә унтәлвар! даҗисәлләп вәргидәткәи вәрәвә, нуҗартин әсәтин лүксә унтәлвар. Би кәсәв һигиммән 25 унтәлватин, нуҗартин кәрә вүрәҗүммән“. — „Си Сәрә әкун моҗнон биçинни, әмәтјә әсәс сәрә! Окін ороҗ унтәлвар лүкәкәл? окин-мәл әвкәл лүксә. Би синҗүн әтәм биçәрә, сурүдәлим гәроҗкәи“. Сәрә ороҗво җәпсәллән, тәду үринду әмәнән.

3 Мать за гнилушками пошла. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, ребра принеси, я бересту сварю“. Чоро сказал: „Ну (я) пойду“. — „Ты, Чоро, возьми ружье. что увидишь, то стреляй“.

Чоро ушел, взял с собою ружье. Шел лесом, увидел—что-то двигается около 10 пенька; он ружье с плеча взял в руки, стал нацеливаться, выстрелил. Пошел поближе, пришел, увидел — мать убил. Он мать ободрал, ребра ее взял, понес домой. Пришел домой, брат лодку шьет. Подошел поближе, ребра бросил около брата.

Посмотрел брат, узнал мать убитую, сказал младшему: „Зачем ты убил мать?“ — „Ты сказал мне: что увидишь, то стреляй! Вот я увидел (и) выстрелил“ 15 — „Ты без ума, какой дурак“. Так его ругал за мать. Они едва-едва сделали лодку.

Они придумали кочевать на другое стойбище. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, с оленями перейди по дороге через мыс, я в лодке погребусь“. Ивуль 20 сказал: „Ты перейдешь раньше, там построй юрту около течения (реки)“. — „Ну, до прихода твоего я юрту построю“.

25 Ивуль согласился: „Ну, если сделаешь до моего прихода, дом будет“. — „Сделаю!“. Они ушли на другое стойбище. Ивуль в лодке поплыл. Чоро на оленях пошел через мыс. Чоро пересек мыс, пришел на стойбище, стал строить юрту на течении, приносил жерди, пробовал ставить — те уносило течением. Не мог построить юрту, все жерди кончил. Пошел тогда к оленям, сказал: „Ну! снимайте унты“. Олени ничего не могли сказать. Он вторично сказал 30 оленям: „Снимайте же унты“. Тогда Чоро взял нож, стал обдирать камысы. У которого обдерет камысы, тот олень упадет. Так, до прихода Ивуля задавил всех оленей. Ивуль подплыл к Чоро, спросил: „Где же дом? сделал или нет?“ — „Я не мог сделать“. „Где же олени?“ — „Я оленям сказал: снимайте унты, перейдем на другой берег! Они не сняли унтов. Я ободрал унты, они 35 упали“. — „Ты, Чоро, какой дурак, ничего не знаешь. Когда олени унты снимают? Никогда же не снимают. Я с тобой не стану жить, уйду далеко“. Чоро оленей есть стал, там на стойбище остался.

macāləwa. Tādük ɯlək gūnən haldatıdu: „Bi mū muhundukin ahiwa gacaw“. ɯlək tərɯcə macāləlwə, həkıtəldutın nətçə haldatılwa, ɯllılçə nuɟarwatın. Tuɟı ɯlək əjıtcən mūdɯ haldatılwa b̄ɯcələtın.

N. Ɓanagır. Olokno

89. Atırkacān

ɯmɯkən hunādıci, ɯmɯkən hutəci, murının kulıncıkāci, atırkacān biçəci. Murının buçā, kulıncıkānın əmānmuçā. ɯmɯkən vəjə əməcā: „Kulıncıkānma əməwkəl!“ gūniwki. „Bi ətām b̄ürə kulıncıkānma“. Nuɟan, əməksək, huɟucə. İlan turganıja ānɟatçāl, digılāwi əməcā nənə vəjə. „Kulıncıkānma əməwkəl“, gūcə. „Ətām b̄ürə“
 5 gūcə. „ēda? bağdarın çanankān kulıncıkānma gələdirān; b̄ürəksun-məl, əhəksun-məl, gədaɟāw“, gūndirān: „kulıncıkānma aja biçəhiwər b̄ükəllɯ“. Hunādın gūniwki: „B̄ūyar!“ Atırkacān əni əwki b̄ūglərə. Vəjə mucuɟahıçā, çıllıja ānɟatçāl, ilırcā əməcā vəjə. Tar əməcā gūcān: „B̄ükəl-wəl, əkəl-wəl, bi gədaɟāw“. Hunādın: „B̄ūyar!“ gūcā. Atırkacān mılacā. „B̄ükəllɯ-wəl, əkəllɯ-wəl, bağdarın çanankān gawkānɟan“. Hunādın
 10 b̄ūcā, ɯırcāl kulıncıkānma, əlgəɟəhiçā.

Ɖaldulāwi issa, ɟalın gūcāl: „Atırkacān eda soɟorcə oɟərəs?“ — „ekuna kəçəgən kulıkān?“ Gūcā ɯmɯkəntin tikā. Kulıncıkān gūcā: „ēda miɟa gaduhiçeras? bi issagaw ilā-dā dınnə icəçali“. Sələməjə tolgokıja, sələməjə homutja, sələməjə luɟaja kəlutçā. Tādük ukçāl, sērgadu ukçāl. Kətəkəkür binəl vəjəl, ukçāl tolgokıdu. Ələ
 15 gūcā bağdarın çanankān: „Dınnə nāmilin nāmırəkəl, buɟa cacalın cacarıkəl!“ Murın kulıncıkān hıktılçā. Ahullaja-wal əçāl ɟənərə, muɟdəkəcərdɯ hakırbatın n̄əwarbatın lokotçö. Uprkat buçāl, sələməwə tolgokıwə jawırgacā, əlgəjəwi uruwçacā. ɯmɯkən vəjə cukawa kadiçacā, murın hıktıktəɟərıwān icətçā. Murına äcındı ələ əmərən mə-nəkıtpı. Kulıncıkān gūnən: „Minəwə əkəl çawalättə, bağdarın çanankān hoktodu
 20 ɟənəçəm. On-dā gūkəl: kəgəldıps kəgəl oɟəɟāw, ırgıdu ırgı oɟəɟāw“. Murınma laɟalımən, nuɟanmān tādı n̄əwarbān, hakırbān lokotçö.

корову. Тогда лгун сказал солдатам: „Я жену взял от хозяина (духа) воды“. Лгун убил коров, в брюха их положил солдат, зашил их. Так лгун утопил в воде солдат до смерти.

N. Hɟanaɟır. Olekma

89. Старушка

Жила одна старушка с дочкой, с сыном, с кобылой, у кобылы был жеребенок. Кобыла умерла, жеребенок остался. Пришел один человек: „Жеребенка отдай!“ говорит. „Я не дам жеребенка“. Он (как) пришел, (так и) ушел. Три
 5 дня продневали, на четвертый опять пришел человек: „Жеребенка отдай“ сказал. „Не дам“, сказала. „Почему? белый царь просит жеребенка; дадите или не дадите, возьму, говорит, жеребенка хорошего дайте“. Дочь говорит: „Отдадим!“ Старуха-мать не желает дать. Человек вернулся, десять дней прожили, в третий раз
 10 приходит человек. Пришел тот, сказал: „Дашь ли, нет ли, я возьму“. Дочь сказала: „Отдадим“. Старуха жалела. „Дадите ли, не дадите, белый царь заставит взять“. Дочь отдала, привязала жеребенка, увел.

Пришли к соседям, соседи сказали: „Чего, старушка, плачешь?“ — „Что
 15 делается с жеребенком?“ сказал один из них. Жеребенок сказал: „Зачем меня берете? я дойду до какой-нибудь земли, увижу“. В железные санки в железный хомут, в железную дугу запрягли. Потом сели, в санки сели. Много людей было, сели в санки. Теперь сказал белый царь: „Через землю поезжай, краем
 20 объезжай!“ Конь-жеребенок побежал. Не прошло несколько дней, на пеньках развешал их печени, их сердца (разбил). Все умерли, железные санки сломал, упряжь (с оглоблями) таскал. Один мужик траву косил, увидал бегущего коня. Конь без всего, только сам идет. Жеребец сказал: „Меня не лови, к белому царю по дороге иду. Так скажи: „На гриве твоей гриву сделаю, на хвосте твоём хвост
 20 сделаю“. Стал ловить коня, там же его сердце, печень повесил (убил).

N. Kaplin. Norv

90. On ʋl̥k̥itc̥ən ʋm̥ʋk̥ən v̥əj̥ə.

Umn̥ə ʋm̥ʋk̥ən v̥əj̥ə əm̥əc̥ən ʋj̥əð̥ər̥ildul̥ə. ʋh̥əð̥ər̥il̥ gull̥ə: „Əc̥əs-γ̥ʋ ham̥ān v̥ir̥ə, h̥əj̥ənc̥ək̥əl̥ m̥ūn̥ə“.—H̥əj̥ənc̥ə, əm̥-d̥ə əð̥əj̥ən̥ən̥ ajiwra—w̥əpt̥in̥ə ācin̥!“ ʋh̥əð̥ər̥il̥ h̥əj̥ənc̥əwk̥əl̥l̥ə, oronmo w̥āk̥ānim̥il̥. Ham̥ānj̥it̥in̥ ət̥ər̥ən̥ h̥əj̥ənc̥əð̥əm̥i, g̥ūn̥ən̥: „llall̥al̥i ajiwgarad̥ās“.

⁵ Ham̥ānj̥it̥in̥ t̥əəm̥ikt̥əð̥in̥ h̥ur̥ull̥ən̥. ʋj̥əð̥əw̥kil̥ v̥ir̥ə ʋm̥ʋk̥ən̥mə oronmo, t̥ət̥ij̥əll̥ən̥ nuj̥andun̥. Ham̥ānj̥it̥in̥, oronduj̥i ʋj̥ucað̥ana, istan̥ ɸ̥ul̥āji, h̥ōkac̥illan̥ ʋl̥əkk̥in̥ətri̥ i̥ləlw̥ə, ham̥ān̥ ð̥na.

P. Putugir. Norvoko

91. ʋm̥ʋk̥ən̥ culluw̥ki¹ m̥ud̥ur̥ən̥

J̥əj̥in̥ haldat̥il̥ v̥ic̥əl̥, m̥ud̥ur̥ən̥ v̥ic̥ən̥. Culluw̥ki̯ ð̥ran̥ j̥əj̥in̥mə v̥ər̥il̥, j̥əj̥in̥mə luk̥t̥il̥. Haldat̥il̥in̥ əm̥ərə m̥ud̥ur̥ənd̥ul̥ā. G̥ūn̥ən̥ m̥ud̥ur̥ən̥: „B̥ər̥il̥vi, n̥i-w̥əl̥ g̥āmmul̥āk̥in̥, v̥ūm̥c̥əw̥ ŋamað̥idu aruw̥l̥il̥“. Haldat̥il̥in̥ g̥ūn̥ə: „ēda aja v̥ər̥, luk̥i“. M̥ud̥ur̥ən̥ g̥ūn̥ən̥: „Ərg̥əc̥in̥ v̥ər̥ aja v̥iŋn̥ər̥ən̥, hu, g̥ām̥i, t̥əl̥ij̥n̥ə v̥aj̥ɸ̥iŋ̥āhun̥. Bi v̥aj̥c̥əw̥ v̥ər̥il̥q̥i̯ji“. M̥ud̥ur̥ən̥ n̥ətc̥ə
⁵ j̥əj̥indu̯ ir̥əkt̥əl̥ m̥əj̥ur̥w̥ə, j̥opoc̥ō. M̥ud̥ur̥ən̥ haldat̥il̥in̥ g̥ūn̥ə: „B̥ər̥il̥v̥ə əm̥əwk̥əl̥“. M̥ud̥ur̥ən̥ v̥ir̥ən̥, g̥ūn̥ən̥: „ic̥ətk̥əl̥l̥ə“. Haldat̥il̥in̥ ic̥əc̥ill̥ə. M̥ud̥ur̥ən̥ garparan̥ ir̥əkt̥əw̥ə ð̥ayac̥āndul̥i, luk̥in̥ lupur̥ar̥ān̥. M̥ud̥ur̥ən̥ g̥ūn̥ən̥: „Ic̥ətk̥əl̥l̥ə ʋl̥āl̥ɸ̥əl̥im̥“, ʋl̥āll̥an̥ m̥əj̥ur̥w̥ə. M̥əj̥un̥ v̥iks̥ən̥m̥ən̥ vakaran̥. Haldat̥il̥in̥ g̥ūn̥ə: „Əhil̥ə aja-ð̥a!“

¹⁰ ɸ̥ul̥āw̥ər̥ h̥ur̥ur̥ə, ɸ̥ūwar̥ ista. Cəj̥t̥ur̥ə, ah̥ālduw̥ər̥ g̥ūn̥ə, əjalwa v̥ər̥ilw̥ə g̥ādaw̥ər̥. Cəj̥t̥ik̥ānim̥il̥, h̥ur̥ur̥ə, garpat̥n̥āhin̥ə. H̥ək̥ilwa garpatta, garpatta, ʋl̥āll̥ə, ʋl̥āll̥ə, əc̥əl̥ vakara. G̥ūn̥ə: „M̥ud̥ur̥ən̥ ʋj̥əkk̥ið̥əkin̥, ēkun̥ ərg̥əc̥in̥; ēlah̥a-w̥əl̥ v̥akað̥iŋ̥ālt̥i nuj̥an̥m̥ān̥“.

H. Каплин. Ербогочон

90. Как обманул один мужчина

Однажды один мужчина пришел к больным. Больные сказали: „Не шаман ли (ты), пошамань нам“.—„Пошаманил бы, да не поправлю—нет жертвы!“ Больные заставили шаманить, оленя заставили убить. Шаман кончил шаманить, сказал: „Через три дня поправитесь“.

⁵ Шаман на утро ушел. Больные дали ему одного оленя, одежду. Шаман, на олене ехавши, доехал до дома, хвастался, (что) обманул людей, ставши шаманом.

П. Путугир. Ербогочон

91. Один болтун хитрец

Было десять солдат (и) хитрец был (один). Якут (болтун) сделал девять луков, девять стрел. Солдаты пришли к хитрецу. Хитрец сказал: „Если кто-нибудь хочет взять луки, отдал бы за сотню рублей“. Солдаты сказали: „Разве хорошие лук, стрела?“ — Хитрец сказал: „Такой лук хороший бывает, вы, купивши, сразу
⁵ разбогатеете. Я разбогател от луков своих“. Хитрец положил в девять листовенниц деньги, закопал. Солдаты хитрецу сказали: „Дай луки“. Хитрец сказал: „Посмотрите“. Солдаты стали смотреть. Хитрец выстрелил около листовенницы, стрела взлетела. Хитрец сказал: „Посмотрите, стану копать“, выкопал деньги. Клад нашел. Солдаты сказали: „Теперь хорош!“

¹⁰ Домой ушли, дошли до дома. Пили чай, женам говорили, что взяли хорошие луки. Попивши чаю, ушли, пошли стрелять. Стреляли, стреляли в листовенницы, копали, копали, не нашли. Сказали: „Хитрец обманул, такой сякой! когда-нибудь встретим его“.

¹ Culluwki — прозвище, которое ербогоченские эвенки дают якутам.

92. Ətirкән, atırкән

ımnəkən biđəcətın ətirкән, atırкан. Nuğartın biđəcətın ımnəkəndü qūdu. Nuğartın əñkitin əja-dā öra.

ımnəkən ətirкән gūnən atırкәntikī: „Si mindū tiləkəl kımкәлә dıldulıw“. Atırкән gūnən: „Kəl tiləktə! Hıкәläskəl tırūduw“. Atırкән tiləllən, albaran əja-da 5 bakamī, gūnən: „Sinğidü dıldus kətəməwə ıağna, upkatwa ıālalıw ıağnam. Si mindü tiləkəl!“ — „Kəl hıкәläskəl“. Ətirкән atırкәndü dıldun tiləllən, bakaran qūrwa kımкәl, gūnən: „Sindü bisi kımкәl“. Tar jeñillen, bakaran ilıwa, tar upkattuk həğdimər. Ətirкән gūnən: „Nuğanmān ıllilwət; baldırakın, kə, əğəp wāmmən, təli miti siləwkə- 10 cıl ö, ağar“. Atırкән gūnən: „ıllilwət, nuğandun öwāt qūjan, tədu nuğanmān, ıllilıñnər“.

Kərə nuğandun qūjan ömmen, ıllillə, nuğan ānğəttən. Təyəmī ətirкән icəcillən, nuğan baldıca həğdiməmə. Ətirкән tuwsasınan qūlawı, gūnəsinən atırкәntikıwı. „Mitki macələp baldıran, nuğanmān wāwāt“, gūnən. Tuwsaran ətirкән, urısınan 15 purtawı, kərən gıdaləmmən macələwə. Hiğillə, hiğrə nuğanmān. Ətirкән gūllən atırкәntikıwı: „Kəl ılləwə uwawaculkəl qūlawər“. Uwawättə. Ətirкән gūnən: „Si imälkəl qūwar“. Atırкән imärən qūwa ırkətəjwən, gūnən: „Bi-kə əsilə ili idəlim?“ — „Bi sintikī gūcəw idəs“. Atırкән ıltısan, ıltısan, kərən sırırən birajawə solokı. Atırкән ıñnəñnən gorowo, icərən awsa cıñırkətcərən. Nuğan kərən tar awsawa 20 sükətwi təktəsinimmān, tədu qalum umar. Ta:ā gəran umarwa, kərən sırımmān qūlawı. Nuğan istan qūwı. Tıktırən, qū ojolön, icəcillən, ətirкәnmī icərən. Nuğan macələwi qəwcə. Atırкән kərən bırimmān umanma. Ətirкән gāncaran, qəpsən, gūllən: „Həncəkl hata mindü bükəl!“ Atırкән hata bırirən. Ətirкән icəcillən əduk bırumqərən, tığrən atırкәnmı. Ətirкән gūnən: „Si mindü nikəl ırkəwə“. Atırкән niwrən ırkəwə. Tar billə, əsilə ətərə əniləməi, hawalilla ajat.

92. Старик, старуха

Однажды жили старик, старуха. Они жили в одной юрте. Они ничего не делали.

Однажды старик говорит старухе: „Ты поищи мне вшей в голове“. Старуха 5 сказала: „Ну! поищу, ложись на подушку“. Старуха стала искать вшей, не могла ничего найти, сказала: „В твоей голове много грязи, все руки замазала. Ты мне поищи!“ — „Ну! ложись“. Старик стал искать в голове старухи, нашел две вши, сказал: „У тебя есть вши“. Стал искать, нашел третью, эта больше всех. Старик сказал: „Покормим ее, когда вырастет, убьем, тогда мы со щербой (с супом) будем“. Старуха сказала: „Покормим, сделаем ей дом, там ее кор- 10 мить станем“.

Стали ей делать домик, стали кормить, она ночевала. Утром старик посмотрел, она выросла большая. Старик побежал домой, пошел сказать старухе. „Наша корова выросла, убьем ее“, сказал. Побежал старик, выдернул нож, заколол корову. Стали обдирать, ободрали ее. Старик сказал старухе: „Ну! 15 таскай скорее мясо домой“. Перетащили. Старик сказал: „Ты зарой снегом юрту“. Старуха зарыла юрту (и) дверь, сказала: „Я-то теперь где войду?“ — „Я тебе говорил, чтобы вошла“. Старуха стояла, стояла, ушла вверх по реке. Старуха долго шла, увидела—горновик катится. Она начала рубить топором тот горновик (берестяная коробка), там полно костного мозга. Взяла тот мозг, пошла 20 домой. Она дошла до дому. Влезла на верх юрты, посмотрела, старика увидела. Он корову (уже) съел. Старуха уронила мозг. Старик быстро схватил, съел, сказал: „Бог, дай мне еще!“ Старуха еще уронила. Старик посмотрел откуда падает, узнал старуху. Старик сказал: „Ты мне открой дверь. Старуха открыла дверь. Так стали жить, теперь перестали лениться, работать хорошо стали“.

lētce wki əwki ərimətirə. Amākān̄in icətəwki ərihinəwən, ətəjtəwki tar iləwə dolbo
5 nīwa. Tırucəcə, tar ilə həkūləḡəwki, ənə hugnahına. Amākā hūrurən. Tar ilə ilcā
hūrucə.

Aw. Putugir. Ɖəkənnə

96. On wəjə amākān̄un t̄wəḡəcən

um̄ukən wəjə wolonīdu ḡukcād̄ukki girkuktallan. Girkuktaḡarakin, udullan,
palıllan, ekun-da ətərən icəwḡəmī. Palikākun oḡan. Bəjə, ɳənəḡənə, icərən awdumıwa.
Awdumıdu ugduhincallan, palı iltəndələn. Pəktirəwunmi ırkəḡun lokoron mōdu,
mən̄in gorokökunmə hata ugduhincaran. Awdunduwi ekun-da əwki icəwrə. Ugdu-
5 hincəḡarākin, amākā illən tar awdundulā. Bəjə ɳələlən, ənə humnara həkələhinən.
Amākā ɳəwdiləren tar wəjəwə, maluduwi nərən. Bəjə həkələḡənə, ḡaldācā: „Bi j̄rə-
kiw, əɳurcu oḡan, aḡat əktə j̄rə“.

Həkələḡənə, tar wəjə ḡəmmullən hōmamat, ḡaldācā: „ēda cīwḡawki hagḡik̄wi,
hagḡik̄wān bi-də cīwukta“. Amākā hagḡik̄wān cīwran, cīwkājim itiki-wəl ajiwri-
10 gacın oḡan. Amākā j̄rən t̄liskī, wəjə n̄an t̄liskī j̄rən. J̄rkəjim, icəttən—ɳəɳnənī
oḡā. Hiləkəcā ḡapkanḡald̄u. Amākān̄in hūrurən ḡapkanḡalı hiləkənḡəli hūrurən.
Bəjə pəktirəwunmi garan, hiləkənḡəli hūrurən. Ɖənəḡənə, kolōmkalwi, wərilwətin
təktəḡənə, hūrurən „girk̄iw tayaḡan“ ḡūnə. Bəjə ɳənəkittuləwi hūrurən, ḡalın ɳənə-
kittuwi biḡərə. Bəjə ḡalwi wakaran, ḡulā ırən, ah̄in əcə taḡmatira. Bəjə mən̄in
15 ulḡcəl̄lən ah̄it̄kiwi: „Bi amākān̄un t̄wəḡəcəw“.

A. Камвагир. Ɖəkənnə

97. Ulta

um̄ukən ilə dul̄bun biḡən. um̄nə girkuktalcā. Girkuḡana, ḡūwi hokorron.
Upkat dolbonıwa girkunkāt̄cā, kolowon̄kōrwi upkatpān manacā. Girkuḡana, j̄kəl̄cə.
J̄kərək̄in, ırəlḡul̄ə ultacā j̄kən̄in. Tartiki tuksahicā, t̄alā tuksacā, j̄kəcə n̄an, ultacā,
n̄an, amask̄iwi tuksahicā. Tarā hata tuksaktaḡacā nadallawa, aran wakacā, ḡūwi.

Человек лежит, не дышит. Медведь смотрел дыхание его, караулил человека ночь.
5 Понажал, человек тот лежит, не шевелясь. Медведь ушел. Человек то встал, ушел.

Ав. Путугир. Нгоконно

96. Как мужик с медведем зимовал

Один мужик осенью пошел из дома. Пока ходил, ветер задул, слякоть
пошла, ничего не стало видно. Большая слякоть стала. Мужик, идя, увидел старую
берлогу. В берлогу влез, до того, как слякоть перейдет. Ружье повесил на
дерево у входа, сам еще долго лез. В берлоге ничего не видно. Когда влезал,
5 медведь вошел в ту берлогу. Мужик испугался, не двигаясь, лег. Медведь
обнюхал того мужика, на главное место положил. Мужик, лежа, думал: „Если
я выйду, худо будет, лучше не выйду“.

Лежа, тот мужик проголодался сильно, подумал: „Почему сосет лапу,
пососу-ка я пятаку его“. Медведя лапу пососал, пососавши, как будто сыт
10 стал. Медведь вышел вон, мужик тоже вышел вон. Выйдя, увидел — весна стала.
Проталинки образовались на берегах. Медведь пошел по берегу, по проталинке
пошел. Мужик ружье взял, по проталинке пошел. Идя, кулемки, самострелы
ломаю, ушел, „товарищ попадется“ (о медведе) говоря. Мужик пошел к месту, где
ходил, на этом месте сородичи живут. Мужик сородичей встретил, в дом вошел,
15 жена его не узнала. Мужик сам рассказал жене: „Я с медведем зимовал“.

A. Камбагир. Нгоконно

97. Эхо

Один человек глупый был. Однажды бродил. Бродя, потерял дом. Всю ночь
ходил, хлеб весь кончил. Ходя, крикнул. Когда крикнул, крик в горах раз-
дался. Туда побежал, туда прибежал, опять крикнул, раздалось опять, обратно
побежал. Таким образом бегал семь дней, едва нашел дом.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ. ЗАГАДКИ

L. Kīmā. Cigəmbu

98. Cinəkə

„Cinəkə olboşkōtnōgōt!“ — „Ətəm əjə dəp!“ — „Oroktolduk dəwa dəp!“ — „Djalaltı mil dəp!“ — „Kokold' o dōp!“ — „Kokold' oltı uld' apcurə“. — „Olgı dəp“. — „Kətə dərə!“ — „Mağı dəp!“ — „təpürgə dərə“. — „İmmət şağana dəp!“ — „İnmə mükürgə dəp“. — „İrəgəc irü dəp“. — „İrəgəjə jələrcən“. — „Təktəjkət təktə dəp!“ — „İr-kə təktəjkə?“ — „İnməktü“. — „İr-kə İnmək?“ — „nəküdü“ — „İr-kə nəkü?“ — „Togo dərcən.“ — „İr-kə togo?“ — „üdü şicə“. — „İr-kə üdü?“ — „Nəpkuptun nərcücə“. — „İr-kə nəpkuptun?“ — „Tar-wa-wəl əwə dəkin hijilə dərən“.

N. Kaplın. Norkokō

99. Pereden

Pereden ilə hürəcən ükinəscənə. ükikəjim, ükidüwi təyətcəcən Pereden. Uşağan garparan Peredene, təyətcərəkin. Pereden ükiləwi bürəcə. Uşağan, tar wəkōjim, hürürən. Tar nəpədənə, vakacə mötiwa. „əja dəwünnənni?“ — „Həktakənə dəriğnəm“. Uşağan gücə: „Baldıdukwi baldıdakal!“ Uşağan hürürən, gələktənəhicə aməkəl. Vakacə aməkəwə „əja dəriğnənni, aməkə?“ — „Hiğərəkəcərə dəriğnəm, mötilə dəriğnəm, iriktəkərə dəriğnəm“. Uşağan hürürən, gələktənəhicə irgicijə. Vakacə irgiciwə: „əja dəriğnənni, irgici?“ — „dəriğnəm orokōro, iləkərə, şnakıra“. — „Baldıdukkı baldıdakal“. Uşağan hürürən, gələktənəhicə horokıwa. Vakacə horokıwa; „əja dəriğnənni?“ — „dikətəjə dəriğnəm“. — „Baldıdukwi baldıdakal!“ Uşağan hürəcə, hulakıwa gələktə-

Ш. Кима. Чиромбу

98. Чинок¹

„Чинок, пойдем купаться!“ — „Нет, утонем!“ — „За траву захватимся!“ — „Руки порежем!“ — „Рукавицы наденем!“ — „Рукавицы промочим“. — „Высушим“. — „Засушим“. — „Разомнем“. — „Сломаются“. — „Иглой заштопаем!“ — „Игла тупая“. — „Напильником поточим“. — „Напильник затуплен“. — „Стамеской выдолбим“. — „Где стамеска?“ — „В торсуке“. — „Где торсук?“ — „На лабазе“. — „Где лабаз?“ — „Огонь съел“. — „Где огонь?“ — „Ветер затушил“. — „Где ветер?“ — „Водяной выпил“. — „Где водяной?“ — „Вон там едва виднеется“.

Н. Каплин. Ербогочен

99. Пэрэдэн

Эвенки Пэрэдэн ушел морду ставить. Морду сделавши, сидел у морды Пэрэдэн. Унянган выстрелил в Пэрэдэна, когда он сидел. Пэрэдэн упал в морду. Унянган, убивши его, ушел. Идя, встретил лося. „Что ешь?“ — „Талинки, ем“ Унянган сказал: „От рождения расти (расти большой)!“ Унянган ушел, пошел искать медведя. Встретил медведя. „Что ешь, медведь?“ — „Мышей ем, лосей ем, муравьев ем“. Унянган ушел, пошел искать волка. Встретил волка: „Что ешь, волк?“ — „Ем оленчиков, людишек, собак“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать тетерева. Нашел тетерева. „Что ешь?“ — „Ягоды ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, лисицу пошел искать,

¹ Чинок — маленькая свистящая птичка похожая на кедровку. Здесь передан разговор двух птичек, живущих на главной шаманской реке, чинок и клейстика.

¹⁰ nēhicē, vakacā hulakīwa. „Hulakī, ēja dēriņnēni?“ — „Munnukārē, hiņārēkārē dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“, gūnēn Uņāņan, hūrūrēn. Ba karan hēlakicānmē, „ēja dēriņnēni?“ — „Hēktakārē, čiktēkārē dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“. Uņāņan hūrūcē, gēlēktēnēhicē hinukicēnmē, vakacā hinukicēnmē, „ēja dēriņnēni?“ — „Hēktakārē, himiktēkārē, kuņaktala dēriņnēn“. Uņāņan hūrūcē, gēlēktēnēhicē
¹⁵ ilēwē, „ēja dēriņnēni?“ — „Kolovojo dēriņnēn“, — „Baldidukwi baldidakal“, gūlcē Uņāņan, hūrūcē, vakacā murinma; „ēja dēriņnēni?“ — „Cukaja dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“. Uņāņan hūrūcē, gēlēktēnēhicē macālējē. Vakacā macālēwē, „ēja dēriņnēni?“ — „Oroktojo dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“, Uņāņan hūrūcē, vacaka oronmo, „ēja dēriņnēni?“ — „lawiktala, cukala dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“, Uņāņan hūrūcē, gēlēktēnēhicē ģinakinma. Vakacā ģinakinma, „ēja dēriņnēni?“ — „Tērgēksēlē, kolobolo, ūllējē dēriņnēn“ — „Baldidukwi baldidakal“, gūnēn, Uņāņan hūrūrēn, gēlēktēnēhinēn hēkalānmē. Vakacā hēkalanmē, „ēja dēriņnēni?“ — „Orogo dēriņnēn, hinē dēriņnēn“. Hēkalān dēwrēn Uņāņanma.

H. Salatkina. Норвokō

100. Bējētkēn

Bičēn vējē, ilan asālin. Bičēcētin ajat. Bolo vējē tūktisinēn, ūļumēsinēn, vējumēsinēn. Sūrūļdērēkin, umukēn asin gūnēn: „Bējē, si ēmēdēlēs, vi ūllidēlim sūnēs“. Gē gūnēn: „Bi ūllidēņēw untalas“. Ili gūnēn: „Bi hūtēņdēņēw omolģijas“.

Bējē vējūsinēn. umukēn sūnēn ūllirēn, gē untala, ili hūtēņgillēn. umukēn asin
⁵ gūnēn: „Asi ēlēcēs hūtēņgilmī, ēsalwi ūjiwki“. Tarā ēsalwa ūjirēn. Hūtēņnēkin, hūtēwēn nōdānārē birālā, kacikānmē ēmēwrē hūtēņēn. Bējē ēmērēn. Dūri asāl ēmēwrē ūllinēwēr, umukēn ēcē ēmērē. Bējē vēwē icēsinēn. Icērēn ēcē kuņakān birē — kacikān bičērēn. Bējē tikulihsa, asi umukēnmēn ģālēwān kaputtan, kacikānmē wārēn.

¹⁰ нашел лисицу. „Лисица, что ешь?“ — „Зайцев, мышей ем“. — „От рождения расти“ сказал Унянган, ушел. Встретил куропатку. „Что ешь?“ — „Талинки, ягоды ем“ — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать рябчика, нашел рябчика. „Что ешь?“ — „Талинки, брусику, бруснику, толокнянку ем“. Унянган ушел, пошел искать человека.
¹⁵ „Что ешь?“ — „Хлеб ем“. — „От рождения расти“, сказал Унянган, ушел, нашел лошадь. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать корову. Нашел корову. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, нашел оленя. „Что ешь?“ — „Мох, траву, грибы ем“ —
²⁰ „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать собаку. Нашел собаку. „Что ешь?“ — „Кожу, хлеб, мясо ем“. — „От рождения расти“, Унянган ушел, пошел искать рысь. Нашел рысь. „Что ешь?“ — „Оленей ем, тебя ем“. Рысь съела Унянгана.

X. Салаткина. Ербогочен

100. Мальчик

Был мужик, три жены (у него). Жили хорошо. Осенью мужик лазил (ходил по горам), промышлял белку, зверя. Когда собирался уходить, одна жена сказала: „Мужик, до твоего прихода я сошью кафтан твой“. Вторая сказала: „Я сошью унты твои“. Третья сказала: „Я рожу сына твоего“.

Мужик отправился промышлять. Одна кафтан его сшила, другая унты,
⁵ третья ребенка родила. Одна жена сказала: „Женщина, впервые рожая, глаза завязывает“. Та глаза завязала. Когда родила, ребенка ее пошли бросить в реку, щенка принесли за сына. Мужчина пришел. Две женщины принесли шитое, одна не пришла. Мужчина, рассердившись, сломал одну руку жены, щенка убил.

Бəжə дүрнүн асáлнунми нүлгисинə, илiвə асiвə əмəндəнəл.

10 Tar asī birən, nəŋnədələn biđəcən. Nəŋnə ɨra arbarakın, asī müləđəne, icərən
əkun-mal nđakārın. İlə nđalın. Nuɨan, iləwə đawadāwı, ɨra đapkadun ɨrəwə tāduk
çuçunmə nərən. Ğünən: „Bəjətkən ɨmı, ɨrəwə gađaɨan, asātkən ɨmı, çuçunmə“.
Mənın sıpkıcıllan. Kuɨākən mūdük jürən, ɨrəwə garan. Asī kuɨākənmə icəksə,
15 tuksaran, nuɨanmān đawammən kərən. Tāduk đulāwı tuksađasınan. Bəjətkən, cəɨɨā-
đəne, wākəcıllən: „Mınə səɨan hakındıwı ulıđəcən“. Səɨan mūdük jüssərən, nən
mūtki hırrən. Asī đulāwı ɨjətkənəmə əməwrən, ulğucəllən, ən nuɨanmān mülə
nəđacātin. Bəjətkən həđiməkən əhsa, ɨkəncusnan amınmı. Amınmı ɨkənon.
Đulān irən. Upkat nuɨanmān icəcillə. Ũi-mət əcə sərə nuɨanmān, nuɨan ɨjəɨi
hıten.

20 Cajiɨra, nuɨanmān təɨəwəkəcıllə, cajiɨldān. Nuɨan cajiɨran. Amının hanɨuktallan:
„ıdük ɨsinnı?“ Nuɨan ulğucəllən upkatwān. Asā mədəllə əcə ajat ulğucəndərə,
ğullə: „āmə əskəl“. Bəjə Ğünən: „ulğucəkəl, ulğucəkəl“. Bəjətkən ulğucənən upkatwān
ajamamat, ən ənının hıtəɨrəkin, nuɨanmān ɨralā nəđacātin, ən ənının nuɨanmān
đawaran. Təli bəjə tıkullan, asālwı nəđərən, ıltki sırımān kərən.

Nuɨan hıtətəj ənındulən əməɨə. Biđəlimmār kərə.

M. Mōldākitow. Kalār

101

umun—umukta
Dūr—dugukta
İlan—ılaglı
Digin—dilkəcən
Tunɨa—tuksakı

Nuɨun — nıriktə
Nadan — nanna
Dapkun — đaw
Jəɨin — jalwuka
Đān — đantakı

Мужчина с двумя женами откочевал, третью жену оставив.

10 Та женщина живет, до весны жила. Весною, когда река обмелела, жен-
щина, идя за водою, увидала какой-то следок. Человека след. Она, чтобы
человека поймать, на берегу реки лук, потом скребок положила. Сказала:
„Мальчик если—лук возьмет, девочка если—скребок“. Сама стала следить.
Ребенок из воды вышел, лук взял. Женщина, ребенка увидев, побежала, его
15 поймала. Потом домой убежала. Мальчик, ворча, закричал: „Меня налим печенью
своею кормил“. Налим из воды выскочил, в воду опять нырнул. Женщина
домой мальчика привела, рассказала, как его в воду бросили. Мальчик, боль-
шим ставши, отправился искать отца. Отца нашел. В юрту вошел. Все его
смотреть стали. Никто его не знает, (что) он—мужика сын.

20 Сварили чай, его посадили чай пить. Он чаю попил. Отец его спросил:
„Откуда ты?“ Он рассказал все. Женщины почувствовали, (что) не хорошо
рассказывает, сказали: „Сном спи!“ Мужик сказал: „Расскажи, расскажи!“
Мальчик рассказал все хорошенько, как мать его когда рожала, его в реку
бросили, как мать его поймала. Тогда мужик рассердился, жен бросил,
к третьей ушел.

Он с сыном к матери пришел. Стали жить.

M. Молдякитов. Калар

101. (Считалки)

Один — яйцо
Два — паут (овод)
Три — гусенок
Четыре — „плевок“ (муха)
Пять — заяц

Шесть — волос
Семь — шкура
Восемь — лодка
Девять — мох
Десять — росомаха

102. Əwədil təγıwkāl (nāγāwkāl, tilkəl)

1. Dūr nəkūnān mēn mēnmər əhi icəldirə? əhal. (Af. Sah.).
2. Bağdarın vəjə iwəqārān, uların vəjə kistaqaran? iktəl, ingi. (Af. Sah.).
3. Dān vəjə, dān qūqawā inaqara? nālə, ohıktal. (Af. Sah.).
4. Hulakı hiγılıqaran, hulakı awdundukin? ilksa. (Uw. Norv.).
5. Dūr-dār vəjəl nəkūnəhəl vicəl, digin awucıl? halgar, nāləl ımıqəcərtin. (Uw. Norv.).
6. ımıqən vəjə hawaduk-ta hawa. ilə qalın.
7. Tawar ekun garparan? əsa. (Bajakı. Cir.).
8. Tawar ekun hamald'an? (əsa). (Bajakı Cir.).
9. Tar ekun ajilun? dah. (Bajakı Cir.).
10. Tar ekur tōkıl təwəjdərə? sər. (Bajakı Cir.).
11. Dūr mötıl oγkoqoro kaltırdı? sər. (Uw. Norv.).
12. Vəjəl amutkänmə bargımnak nınnukärqi iktumätcərə? sarımıktal. (Uw. Norv.).
13. Calbuktu möti gırkuqaran? colı. (Uw. Norv.).
14. Tar ekun ası, hiluktala həkindərən? colı. (Bajakı Cir.).
15. Tar ekur hisükərwə näləktəqərə? osıktal. (Bajakı Cir.).
16. Tar ekun amutkakājadu hisükər? iktəl. (Bajakı Cir.).
17. Tar ekun amutkänmə mürəli hişəkər? iktəl. (Bajakı Cir.).
18. Tar ekun vəjə şəvdənd'ə inıktəqərən? nırikta. (Bajakı Cir.).
19. ımıq ınak ojalıwı nöduqarān? əriwın. (Af. Sah.).
20. Dūr vəjə məkkuscārā: vı sināwā vokonqıγāw, vı sināwā vokonqıγāw? kıγgal (Af. Sah.).
21. İnan vəjəl gukcandara, gıncənəl: vı hıptıdam, vı hıptıdam, nı-də əwki hıptıwra? huksılla, howgura. (Uw. Norv.).

102. Эвенкийские загадки

а) Части тела

1. Два брата друг друга не видят? (Глаза).
2. Белый мужик пихает, красный рубит? (Зубы, язык).
3. Десять мужиков десять льдин несут? (Ногти).
4. Лисица выглядывает, лисица из норки? (Сопля).
5. Двадцать мужиков братья были с четырьмя шапками? (Пальцы рук и ног).
6. Один мужик из бойких бойкий? (Человеческий ум).
7. То что — выстрелило? (Глаз).
8. То что — стрельнуло? (Глаз).
9. То что — промышленник? (Ум).
10. То что — лоси пасутся? (Уши).
11. Два лося пасутся на косогоре? (Уши).
12. Мужики на двух берегах озера жердями бьются? (Ресницы).
13. В березняке лось ходит? (Язык).
14. То что (за) — женщина кишки топчет? (Язык).
15. То что — камни таскают? (Ногти).
16. То что — на озерке камни? (Зубы).
17. То что — вокруг озера камни? (Зубы).
18. То что — мужик соболя тащит? (Волосы).

б) Предметы домашнего обихода и орудия труда

19. Одна корова через лоб бросает? (Лопата).
20. Два мужика спорят: я тебя догоню, я тебя догоню? (Лыжи).
21. Три мужика бегут, говоря: я обгоню я обгоню; никто не обгоняет? (Лыжи и палка).

22. ɸmɸkən ətirkən, ɸɸnne hærgidəlin ɸırkuɸana, iləl orowotin ɸoromıwki. ırcacıwın.
23. ɸmɸn wəjə, ilıtcana, ɸäləjə, halgana äcın bınə, wəjəjə ɸawawki? adı. (Uw. Norb.).
24. ɸmɸkən ətirkəcən, həkələɸəne ɸäləjə, halagāna acın bınə, wəjəjə ɸawawki? ɸki.
25. Tar ekun ɸədi? ərkan. (Bajaki Cir.).
26. Tar ekur atırıkār tiləmətcərə? cımka, ikoptunnun. (Bajaki Cir.).
27. Tar ekun atırıkən saɸɸanmutcaran? old'owun. (Bajaki Cir.).
28. Tar ekur atırıkār tərucımātcırə? kultur. (Bajaki Cir.).
29. Tar ekur wəjəl dilmātcərə? şona. (Bajaki Cir.).
30. Tar ekun ɸəlilɸəkəncəɸərən? golo. (Bajaki Cir.).
31. Tar ekūr wəjəl ɸūnmātcərə? irəgə. (Bajaki Cir.).
32. Bi-kən biktə, si-kən bikəl? kiglə. (Bajaki Cir.).
33. Tar ekun nəjirıwə sirikəkən dawdıtcaran? wəri. (Bajaki Cir.).
34. Tar ekun äcın ɸəlinəjə, ɸəlinəcıtmər? uşə (lukı) (Bajaki Cir.).
35. Tar ekun ası cogı, wəjə cogı? kəɸakta, cog. (Bajaki Cir.).
36. Tar ekun aɸunaju, aɸunacıtmakən? togo, gulu. (Bajaki Cir.).
37. Tar ekun ajiwnaja, ajiwnacıtmakən? togo, gulu. (Bajaki Cir.).
38. Tar ekun ulgukı huktıktəɸərən, siluktala ıruktaɸana? kuwuka. (Bajaki Cir.).
39. Tar ekun ɸıttələn? uşi. (Bajaki Cir.).
40. Tar ekun darıwulan? tıjəwun. (Bajaki Cir.).
41. ɸmɸkən murın ilıtcawki hıttən dıɸniləhiniwki cıɸərıtcənə. pəktırəwın, pulki.
42. Tar ekur mugdəkəcəndu wəjəl həkınɸərə? tawıtkıt. (Bajaki Cir.).
43. Tar ekur təkıl əɸtimətcərə ɸəkıwə lupumrak? kurgə. (Bajaki Cir.).
44. Tar ekun wəjə ɸıkəwə inıktədərən? iwəɸki. (Bajaki Cir.).
45. Tar ekun şıyıkəgdulı ulgukı huktıktəɸərən? igdiwun. (Bajaki Cir.).
46. Tar ekun atırıkən ıruktaɸaran şıluktalwa gəlgajərənı? inmə. (Bajaki Cir.).
47. Tar ekur aşəl təɸtcərə ämutkənıɸa mırəli? cıɸun. (Bajaki Cir.).

22. Один старик, под землей бродя, человеческих оленей ловит? (Невод).
23. Один мужик, стоя, без рук, без ног людей ловит? (Сеть).
24. Один старичок, лежа, без рук без ног человека ловит? (Морда).
25. То что — незамерзающее? (Кончик лука).
26. То что — старухи вшей ищут? поперечная жердь и срединная на месте соединения (в юрте).
27. То что — старушка дымит? (Таган).
28. То что — старушки договариваются? (Порог).
29. То что — мужики головами опираются? (Связка юртяных жердей).
30. То что — налимом стоит? (Бревно).
31. То что — мужики куртами стоят? (Напильник).
32. Я есть, ты есть? (Лыжа).
33. То что — прутик толстое дерево поборол? (Лук).
34. То что — без страха, немного страшна? (Стрела).
35. То что — женщина болтуня, мужчина болтун? (Колокольчик и язычок).
36. То что — едящий, не наедающийся? (Огонь, чурка).
37. То что — сытый, не насыщающийся? (Огонь, чурка).
38. То что — бурундук бегаёт, кишки таскает? (Рубанок).
39. То что — через протянулось? (Узда).
40. То что — измеритель? (Посох).
41. Один конь стоит, детеныш его бегаёт, покрякивая? (Ружье, пулька).
42. То что — на пеньке мужики топчутся? (Наковальня).
43. То что — лоси едят мох через гору? (Кузнечный мех).
44. То что — мужик льдину тащит? (Пешня).
45. То что — по чаще бурундук бегаёт? (Гребень).
46. То что — старуха тащит кишки ловко? (Игла).
47. То что — женщины вокруг озера сидят? (Скребок — круглый).

48. Tar ēkur ašāl təyətcārā, tākənma ɟalum təyətcārā? kədəṛē. (Bajakī Cir.).
49. Tar ēkun naŋnaltakājadu tuksəkən? hargan. (Bajakī Cir.).
50. ɟmukən ətirəkən huṭəwi anakakuciwki tarjalā hətəkəknənin. homok nəkə.
51. ɟmukən mōti iltcaran, oldonin upkacın pəktiruwçə? curbuɟar. (Uw. Nɔrv.).
52. Tunɟa vəjəl ɟmütəl ɟücił? kokollo. (Uw. Nɔrv.).
53. ɟmukən atirkācān halgarwi həmkəkənənin ɟənəwki? kədəṛē. (Uw. Nɔrv.).
54. ɟmukən atirkācān horolılłakin, dunne upkacın horolıwki? məsləɟəfi.
(Uw. Nɔrv.).
55. ɟənəmi, ɟənəmi ūdaja ācın? ɟaw. (Zujew. Tut.).
56. Aɟjakakındu kalan ɟıɟārān? irinək ɟün. (Af. Sah.).
57. ɟmün vəjə ɟənəɟānā mawutı vıricā? hokto. (Uw. Nɔrv.).
58. Atirkākun ilcā, amikunma turgamı? saŋan. (Zujew Tut.).
59. Tar ēkun ūɟagda? mō hoŋon. (Bajakī Cir.).
60. Tar ēkur muiltakça kujinə? ösıktal. (Bajakī Cir.).
61. Tar ēkun ətirikən saşuɟırcə? amun doɟotokınınduk. (Bajakī Cir.).
62. ɟmukən ətirikəcən vaɟdama awuci? Mugdəkəcəndu hiɟılɟən. (Uw. Nɔrv.).
63. Koŋnomo macälə əməṛəkin, vəjəl upkat vıɟnəṛə; vaɟdama macälə əməṛəkin,
vəjəl upkat aruɟnara? dolbonı tırganı. (Uw. Nɔrv.).
64. Dān ɟakaci ɟāndūrin atirkān vicā? kārke. (Af. Sah).
65. ɟūr kəräl gukcanma, gukcanma, awgutın-məl əwki suptıra? tuhakı koŋnolın
sərdun. (Sujew Tut.).
66. Tar ēkun dəɟnaldun? mund'ukān. (Bajakī Cir.).
67. Tar ēkun tākın hərgidun əɟırcə? ulkı ūɟan. (Bajakī Cir.).

48. То что — женщины сидят, полно на колоде сидят? (Мялка).
49. То что — на ясном небе облачко? (Береста на лыже).
50. Один мужичок толкает сына (так, что тот) отскакивает? (Замок и огниво)
51. Один лось сидит, бок весь прострелен? (Поленница).
52. У пяти мужиков по одной юрте? (Перчатка).
53. Одна старушка до мозолей на ногах ходит? (Кожемялка).
54. Одна старушка повернется когда, земля вся поворачивается? (Масло-
бойка).
55. Еду, еду следа нет? (Вода, лодка).

в) Природа

56. В тайге котел кипит? (Муравейник).
57. Один человек, идя, аркан потерял? (Дорога).
58. Старушка встала, небо подпирая? (Дым).
59. То что — следистое? (Трещина в дереве).
60. То что — шкура (дикого оленя) продырявлена? (Звезды).
61. То что — старик, побелевший от мороза? (Замерзший кал).
62. Один старичок с белой шапкой? (Снег на пеньке).
63. Черная корова придет когда, люди умирают; белая корова придет
когда, люди оживают? (Ночь(и) день).

г) Животные и растительность

64. Десятиценная, вниз опущенная старуха была? (Сарана).
65. Два ворона соревнуются, соревнуются, никто не опережает? (Черные
пятна на ушах зайца).
66. То что — с приподнятым затылком? (Заяц).
67. То что — под колодой растоплено? (След белки).

ШАМАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ

I. Bajakī. Cigəmvə

103.

şırınçal! şırınçal! şırınçal! şırınçal!
ewal şırindakic togındulān!
omī ədāwi səktakāıra!
əñəkər itiwul, əməl kagancaldı!
nıñgakājadu-wal ələdə itiwul
itiwul gajicāl itiwul
gelgaruñnikuldı, ənəl mınıkcara,
amñarişadanaldu cagıdälä!
omī ənəl qalalıwra
luñuru dolbonı əjındulān.
omī! bi-wal cölıgađam!
ewal ukşanđakuc.

Ş. Kimä. Cigəmvə

104. Jand'apkā

ewalgıld'a jand'adukic,
jand'apkāja ıld'ıpkəşpañ
ıld'ıpkəş gırıwlin
şomtogorkoš iltıgıdı
đarıwlıgın tətəgən
ııkigikəş dawugulan
jand'apkāja tətəñıwəñ.

ewalgıld'a täptəđəkic.
amıyañu Gurıwulja
Gurıwulja hırgagalđuñıgıwar
əragilwa əlıgilbəl
əlıgikəblişəgəlwə
tikigin-məl bidəgətin
ərgəgəcir əlıgilbəl.

И. Баяки. Чиромбу

103. (Проводы души покойного в мир мертвых).

Покатились! покатились! покатились! покатились!
Какая покатость в нижний мир!
Пусть душа не пропадет!
Священные телята не пугайтесь!
В каком-то камлании только божьи олени,
Божьи олени обменялись, божьи олени!
Ловчее идите, не беспокоясь,
разговаривайте вдаль!
(О) душе не говоря лишнего
вечер (и) ночь в чистом месте.
Душа я ли (тебе) языком говорю!
Как-нибудь дойдете.

Ш. Кима. Чиромбу

104. Камланье

Кто-нибудь сделает место, где кам-
лают,
камланья — песни границы
по кругу границы
выемкой впадинки (на ободу шаман-
ского бубна)
душа его (шамана) звучит (поет)
бугорок откликается (передает)
камланья — песни звучание.

Кто-нибудь сделает место, где подсчи-
тывают души.
Отец Гуривуль
Гуривуль первую веру в шаманский
дар (дал)
эту веру (эти молитвы),
теперь существующую веру (молитвы),
теперь чтобы были
такие же, как эти молитвы.

15 biḵəyluy ɲacincurkaw,
 kunincurkaw
 əɾəgilwə əligilbəl?
 əcəgəw ɲacincugurə!
 əcəgəw kaɲalbərə!
 20 Tuxsinməwə kaɲaldʻən
 amigidi ildugudi,
 ildugulɟaɲəsiwi,
 əɾəgiliwəl əligilbər,
 ɲuɲɲugildəɲəsiwi,
 25 ʃirugukəɲəsiwi,
 tuɟigilgu ɲunigirkəʃ.
 əɾəgilwə ɟalagaʃal:
 ɪɟaganuɟakʃugona,
 ənəgə talguraganā,
 30 hiɟigindʻi ɟəkʃəgənā
 dundʻəgə talguraganan.
 Iʃigicā ɟəkʃəgənā
 məkogoldʻəriduguwi
 dundʻəgəwi ɟirəgəwəp.
 35 ʃignigik ecikagikun,
 talguguraci biguran.
 ʃiwuɟuʃin harpagalkan
 dundʻəɲəʃu ʃurgulɟakan
 40 ɪrgigidəʃukəgənmət
 kalbugulɟaɲiɟagawar
 aɲagaɟar ʃɪntagalnal

bəɟigilɟəɲiɟəgəwar.
 Ami ɲə ɲuɲɲildʻəkin
 ilədə ətəm ɲuɲəluɲu.
 45 Tuɟ-wəl bicəɟudukpi
 nikutanun nikuldʻəktin
 nikuguldilikətəɟətpi
 hərgigic, ɟigigic
 təwurtənul təwuldinəl
 50 əɲigidi dundʻəgədi.
 Dalbancādəl danncana
 dolbonɲuʃu ɲrkəlbisɲən
 ʃələgəɟəl, mōragagdal
 əciɟır ʃaʃanagaldʻə
 55 koleɲɪran nalbaganran.
 Dalbaganca ɟəkʃogonal
 dolbonoʃo ʃəkarkiwən,
 əɾəgilwə ɲəpkəɟətəl,
 dundʻəɲəʃə ɟaliktalwən.
 60 Akɪɲiɲəʃaɟagamı
 buɲugəɟəkilduguktən
 oldʻogonraʃmildigitin
 ɟarɟagagantuɟugunu.
 Nōɟigivɟakildugukpi
 65 ʃəwɟəgəwɟəɟilduguwi
 wələɟagdul təlāɟimnaw
 ʃuguguʃıw təlāɟimnaw
 amaga jombuʃugukən

15 Я разве звал (кричал)
 звал издалека (разве)
 эти молитвы?
 (нет) не звал!
 (нет) не звонил боталом!
 20 Облаками звонил
 отец поучающий,
 (во время) передачи
 этих молитв
 (во время) начала указания
 25 своего быка-пороза (оленя)
 так учил (говорил вероятно).
 эти годы
 отмахивая духов,
 не затихая
 30 ветришь (дуешь) беспрерывно
 земли тишину.
 Дошедший без остановок
 до своего хорошего лесного места
 до хребта земли.
 35 Любимое место очень хорошее
 с тишиною есть.
 Вихрь верхней земли
 землю нехорошую
 где-нибудь обойдя
 40 по краям хребтов
 сироты оставшиеся

протиснутся.
 Верхний отец когда (тогда) указывал
 куда не стану говорить (куда бы ни го-
 ворил).
 45 Так от бытия своего,
 подталкиванием (незаметно) пусть по-
 могут
 подталкиванием своим
 снизу сверху
 соединенные соединились
 50 на матери-земле.
 На границе жизни охраняют
 ночную дверь (проход)
 железные, деревянные (духи)
 не поддающиеся болезни (смерти)
 55 острый забор (образуют).
 Границу жизни сторожат
 пропасть ночи,
 эти ручьи из слез (плач по покойнику)
 осыпь земли.
 60 Покойный мой дядя
 из места падения (смерти)
 боковыми стенками (гроба)
 дразнит.
 Из красивых мест
 65 для радости (веселья)
 смерти духам всесильным.
 Ко всему привык
 отец спокойный (успокоившийся)

70 hilkenēmīl, digencūmīl.
 Өңгәнһәшә uwraländum,
 әдәгәwi һәкәгәлд'ә
 дүнд'әгәjәl олдәгдәdun.
 Amagajur mēligišal
 75 һarigicanukuguld'у!
 ilgәgәnү һәnәгәкәl,
 әlagajal әүdigilә
 әдәгәwi һәкәгәлд'ә
 дүнд'әһәшә lәpәktүdun.

Әһi дүнд'ә kawırašin
 80 һәрәгәwi kәdәgunnu.
 Әһi дүнд'ә түһүлкәнmән!
 Әһi дүнд'ә тәнmәкәwән!
 mökogold'әriduguwar
 әnagaqar şintagalnal.
 85 Amagajә әrәdәгәкәr!
 Amaja әdү jәmbuşukәl!
 şarkaganu tanqugukal!
 ilgagancuşkәrguguld'ә!

A. Камбагир. Үәкәnnә

105

Timanī! gelkәrkәllә, çulәkәllu
 Tәgәtәmilwән gēmunkallu!
 dolboksodun gēmunkallu!
 Timanī һәkalandun һanqukallu.
 5 һүтәкәrwī imnәjwәtin!
 Giralwatın çuwkәki çugduwkәllu!
 һүтәw ömīwan tumnәjkәllu!
 һүтәкәrwī дүnnәwәtin çuksәwkәllu;
 Baldınıl calbakәr çuksәrçitın çuksәwkәllu!
 10 Cımkar, әki һintәrdүlin һölinmunal,
 çalunmunal, gēmunkallu!
 Nikälwәw һүтәкәrwәw timanіtki çlgәnkәllu!

(немного) рассердившись (и) отстрани-

вшись.

70 Ненужное задержу,
 чтобы не начинать
 обмана на земле.
 Отцы, дремлющие с открытыми глазами,
 начинайте выслеживать!
 75 Подсматривая иди,
 что-нибудь плохое
 чтобы не начать
 в трясине земли.

Мать-земля камнем

80 дно свое охраняет.

Мать центра земли!
 Мать безветреной земли!
 в хорошем месте
 сироты оставлены.

35 Отец, подожди!
 Отец, здесь остановись!
 табаку покури,
 остановись ненадолго!

A. Камбагир. Нгококио

105. (Проводы души)

Утро! (быстро) двигайтесь, (травы) растите
 Только что выросшие (родившиеся души) проводите!
 Ночью проводите!
 У рыси утра спросите!
 5 Детей души (по дороге, по которой ведут души мертвых в мир мертвых),
 шагами ровно шагайте (переносите)!
 Душу сына перенесите!
 Сыновей кровью землю окровавьте (помажьте)!
 Выросшие звезды кровью помажьте!
 10 По корням тетки жерди (через лазейку для души)
 потихоньку проводите!
 Маленьких детей к востоку (друг за друга) свяжите!

15 Hütəlwi gulimunal, upkattuk ərukirdük kəjunmükəllu!
Timanī hərgə p̄intəldūlin tarkākəndulī hūrunkəllu!
Amtil muhur hütəkərwi āliwkəllu timanī p̄ektardun!

A. Камбагир. Пәкәннә

106

Nonon kənən tēmigdət!
Əki cımkar niqtərgilin təminəl!
Əni haran gēlkərgilin təminəl!
5 Arakūkān himurməgdət təminəl!
Amtıñıl, nađul p̄ewımagdāt,
harajıl muhuraltın bıwginñəđərə.
Ərukirdu p̄əlıcəmət,
amtıñıl p̄ənəksənmər tiđuriwdātın.
10 Hütəkəmi imnəjniwən erunkallu!
Timanıñuñın ömıwān erunkallu!
Dolboksonmon ömıwān erunkallu!
Əni timān garpaltandun tālı erunmat!
Amtıñıkārı hütəkərwəw
16 timānıtkı dotunıđun nılgıwkəllu!
Ajamamat gulimunal hütəw ömıwān!
Utələwtil amakaltın gıraltın
đugdıwkənəl gıliwkəllu!
Utələwtil amākāl đugdısqıltın
Ulgənkəllu hütəkərwər!

15 Сыновей оставляя на ночлег, от всего худого охраняйте!
По корням утренней зари прямо ведите!
Духи-водители сыновей уложите спать в утреннем мире мертвых!

A. Камбагир. Нгоконно

106. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего
в верхний мир)

Вначале попробуем!
Тетка-жердь корнями попробуй!
Мать-место (для юрты) взглядом попробуй!
5 Понемножку потихонько попробуй!
Родители, родня покойников
духи места (для юрты) урчат.
Худым пугая,
чтобы родители дороги уменьшили (сузили).
10 На душу сына предков посмотрите!
На душу утра посмотрите!
На душу ночи посмотрите!
В лучи матери-утра туда посмотрим!
Родители детей моих
15 в хорошее место верхнего мира перевозите!
Хорошенько провожая душу сына!
Прежних дедов шагами (по старым путям)
заставляя ровнее шагать, провожайте
Прежних дедов по следам
перевозите сыновей!

А. Камбагир. Үәкәһнә

107.

Dolbonitki gulinmünəl hargıwa,
Dolbonıñıw Һәкәrkidun tinucanal,
dolbonitki gulinmünəl, dolboni Һәкәrkidun,
hargıwa әңдәкит gagılkāndun mūmēnānūčkəllu!
Әңдәкит gagılkāndun kalırtpar dörpısallu!
Tādük cāski dolbonıw, hakanın һуруwдәһән!
Үәнәксәнмән тідүркəllu!
Tādük cāski dolboni gēmakadın nūlgikəllu!
Mucānduwar ēkurduwar lapkānmūdas!
Upkatpān hoktol binəl mucanduwar
Dür nadar tärkələrdi upkatpa lipkidəwər!

Коһнокө ир. Төкма

108.

Һәләмә! Һәләмә! Һәләмә!
әsilə-dä Һәләмә! Һәләмә!
әnikānmi Һәләмә! Һәләмә!
әjbəranmәktә Һәләмә! Һәләмә!
ajtəҗta gəläm Һәләмә! Һәләмә!
ajamägda kauḍә Һәләмә! Һәләмә!

әsiləj, әsiləj
tūwä gənim päsäluj
aja mindä päsäluj
10 varajaldu әsäləj
әsi-bäləj әsäləj
әjaḍakär әsäləj

А. Камбагир. Нгоконно

107. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего
в нижний мир)

В полночную сторону провожая, душу
Ночная птица на границе перенося,
в полночную сторону провожая в длинную ночь,
душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше ночью пусть шука понесет!
Дорогу его сузьте!
Потом дальше через отверстие ночи кочуйте!
На обратном пути как-нибудь проголодаетесь!
Все дороги на обратном пути
10 Две семерки (четырнадцатью) крестами все закройте!

Конгнокоир. Токма

108.

Голамо, голамо, голамо (припев)
теперь (припев)
тетушка (припев)
попытаюсь-ка попросить (припев)
5 промысел прошу (припев)
хорошим покрытым! (припев)

теперь, теперь
так говорю (припев)
хорошо мне (припев)
10 на просторах теперь (припев)
женщина — дух! (припев)
сироты (припев)

15 amīnmatān aṣālāj
 daḡdaḡawəttā aṣālāj
 barajaldu aṣālāj
 garajaldu aṣālāj
 kacākānmā aṣālāj
 dolboṣıdın aṣālāj
 5 5̄ni dilgan aṣālāj

20 ilgəradın aṣālāj
 ajtan əlā aṣālāj
 gələtāgnām aṣālāj
 gələl, gələl aṣālāj
 25 tuwā gənim aṣālāj
 aja mindā aṣālāj

ПЕСНИ И ПРИПЕВЫ

P. Bajaki. Cırəmbu

109. Ərkəṛəyil

Ərkəṛəyil ginilkəşun!
 Irəwəyil şirgilkəşun!
 əgəḡənə, əḡalənə:
 5 5̄ḡəlāḡ! ḡəlāḡ ḡəlāḡə-əj! } 2 rəza
 Calbukəyil əwilkəşun
 taktikəyil koḡrilkoşun
 əgəḡənə, əḡalənə
 5̄ḡəlāḡ! ḡəlāḡ, ḡəlāḡə-əj! } 2 rəza

P. Bajaki. Cırəmbu

110.

əḡəj! əḡəj! əḡə-əj! əḡə-əj!
 5 5̄ülkuncəḡəḡəm, 5̄liləḡəm
 əḡəj! əḡəj! əḡə-əj! əḡə-əj!
 kişirkəḡəm 5̄liləḡəm
 əḡəj! əḡəj! əḡə-əj! əḡə-əj!

15 отца их (припев)
 унесли (на крыльях) (припев)
 на просторы. (припев)
 На ветках (припев)
 щенок мой (припев)
 5̄ночной, (припев)
 как голос его (припев)

20 раздается (припев)
 добычи теперь (припев)
 прошу (припев)
 просьба, просьба (припев)
 так говорю (припев)
 25 хорошо мне. (припев)

П. Баяки. Чирəмбу

109. Сушняки

Сухие деревья покачиваются (вы)!
 лиственницы вверх подымаются (вершинами, как шильями!)
 5 5̄делая так, делая так: } припев
 дёленг! дёленг! дёленг!
 Березы трепещете листьями!
 кедры чернеетесь!
 5̄делая так, делая так: } припев
 дёленг! дёленг! дёленг!

110.

ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
 нагрудник шью! бисером вышиваю!
 ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
 5̄кафтан шью! бисером вышиваю!
 ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!

111. Припевы к импровизации

1. Šiwār, siwār dakūga! āđärtən, ādirkəl dakūga!	6. alätin! aläjə jəhəräjə Əjukəl əjukəl!
2. nājəkāl nājəkāl nājəkajəl jəkəj! jəkājəl jəkəjəl!	7. Gajuläl! gajuläl! dəkuđəl dəkuđəl!
3. ədäl! ədäjən! olokall ədäl ədäjəs! şolokoll!	8. jəno ənəkə ena äkəl! äkəl! əkarəla!
4. jəhär! jəhär-jəl jəhəräl! jəhə jogaj! jogaj! jogaj!	9. ikälal! ikulal! ekala!
5. Oljöl! oljöl! əmukəj əmukəj! Olələ! lələ! Olələ! lələ!	10. jəl jəhəl! jəjəl!
	11. dāwijəl! dāwijəl! dāwijəl!
	12. kädänəj! kädänəj! kädänəj! ikən ajama!
	13. jəhəgəl! jəhəgəl! jəgä əgaj!

I. MomoI. D. Kätənǰā

112. Импровизация

Jəhär! jəhär! jəhär jəl!
 Jəl jəhär! jəhär! jəhəhər! jəhär jəl!
 Hınödəl! nödäm ədin! ədin!
 Həđugəl! həđugəl! əđu! əđugəl!
 Əlälə! əlälə! jəhərjəl! jəhərjəl!
 Henalbulkal ənəkəl! şəl käjəl! ənəkə sərjə:
 Olkumkəl! kumkəl! kukājəl! əliləl! əliləl!
 Həki şäläl! həki şäläl! şəlil! şiläl! şöläl! şolol!
 Hınödəl! nödəm! hədin! ədin!
 E vi vajəl! vi şoronmudın vāl! hədin! ədin!
 Aşađakānucəñə vıđam vāl!
 Amikāma, noan! hədin! ədin vāl!
 Aşılāw alkarin hədin! ədin vāl!
 Əñi əđuqa əməşucəñə hədin! ədin vāl!
 Dulin möda mulıgacāwı hədin! ədin! vāl!
 Itkın ədin aşakānā hədin! ədin! vāl!

111.

1—13—припевы к импровизациям; перевода не имеют.

И. Момоль. Подкам. Тунгуска

112.

Иохэр! йохэр! йохэр йо! Йо! йохэр! йохэр! йохахэр! йохэр! О ветер! ветер! ветер! Ходюго! ходюго! ходю! ходюго! Олэло! олэло! йохэр-йо! йохэр-йо! Открой уши бабушка уши! бабушка уши! Послушай, слушай сказ теперь! теперь! Хоки шолэ! хоки шолэ! шолі! шилэ! шоля! шоло! О ветер! ветер! ветер! Эх я! я бедная я! ветер! ветер! Осиротевшая живу я! Отец-то мой он! ветер! ветер! К жене своей отправился ветер! Мать отсюда пошла (о) ветер! ветер! В середину дерева жить ветер! ветер! (умерла) Душа ветра сироту (охрані)! (о) ветер! ветер!	} вступление из припевов для мотива.
--	---

Pətrələfəmilü vēja əhirjə! jəhirjə!
 əna polademü vēja əhirjə! jəhirjə!
 Əhəgəj jə! həgəj! ikən! ikən!
 Culugda jo həgəj! ikən! ikən! ikən!
 Kocqagda ja həgəj! ikən! ikən! ikən!
 Hərə əməfəmjə həgəj! ikən! ikən! ikən!

НОВЫЕ ПЕСНИ

S. Gerasimow. Tupik

113. Urəl

urəl minjil, su ajakiker,
 vəjuna wəpnəm copkoldus.
 Sinji irəktəldus sigidu
 kətə vəjür dikancawkil.
 Əgdildü bıraldu kōcōldutin
 kətə əwənkil urincawkil.

Tar goroptildutin dükəldutin
 kətə əwənkil buçal biwkil.
 Ətkən sowətñi wlast öcälän
 əwənkildü aja ödaran.
 Əgdil bıraldu kōcōldutin
 bolnisal, skolal öwqara.

S. Gerasimow. Tupik

114. Asal

Nonoptildu tar anjanıldu
 əkunat-kat əñkiw sərə,
 dalawduwi, çalawduwi.
 Okın-kat əñkiw çiguçāna,
 vəjəji (h)awawān awalqana

urğakura, urğakura.
 atkən sowətñi wlast öcälän,
 ahñi turanın ultallan
 urıldılı, urıldılı.

Всевидающая луна йохирьо! йохирьо!
 Что видящая луна йохирьо! иохирьо!
 Эхэгой йо! хогай! икан! икан! икан! (припев)
 Чулугды йо! хогай! икан! икан! икан!
 Кокчагда я! хогай! икан! икан! икан!
 Вниз иду! хогай! икан! икан! икан!¹

Соч. С. Герасимова. Турик

113. Горная тайга

Горы мои, вы красивы,
 зверя бью в лощинах твоих.
 В твоих листовничниках, в чащах
 много зверя скрывается.
 На многих реках, на мысах
 много эвенков кочует.

На старых стойбищах
 много эвенков умерло.
 Теперь советская власть настала (когда),
 эвенкам хорошее делает.
 На многих реках, на мысах
 больницы, школы строятся.

Соч. С. Герасимова. Турик

114. Женщины

В старые же годы
 ничего не знала,
 в уме своем, в уме своем.
 Никак не разговаривала,
 мужскую работу работая,

тяжелую, тяжелую.
 Теперь советская власть настала,
 женское слово раздалось
 по тайге, по тайге.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Бу татти

On бу upkat әwәnkil һөнәфәрәw,
Mүнә upkat ǫalwun ǫдәкәлсәтин.
Үнәсиндәсәwun бу gorogiti,
Upkattukin Sibirji дүннәлдукин:
5 Nil marduk, nil agılduk һөнәсәтин.
Tar gorogit Sahalin дүннәндүкин.
Leningrattulā әмәсәwun,
Әнәл гәләллә, ајатку татсарәwun.

Holoktodu indү munә tirәnkitin,
10 Tıkın бу оǫaraw омактаја инә.
Nonon mүнә тапınkitin вәјүрдј
Bajasal mündük кәтәјә гәпkitin.
Tıkın sowetıı wlast оcалән, wlast тәгәлји
Mundu niwrәn һәријә hoktojo, һәријә инә.
15 Saǫnan ǫıdu гәјәдәгин әри ikән!
Upkat dawladaktin әr әikәнә!

A. Salatkin. Nәpa

116. Nәһһәni

Nәһһәni, alat һоǫana, әмәрәкин
ǫүкәл, гүлкәнәдәпәл, әјәсәһәтин,
ıdү-dә ајат һамаллакин,
cırıcal, ılgүkıl, тәpurәkәr uruǫaǫatın.
5 Ајат һамаллакин;
tәduk tuǫı-dә әwәnkı jүдәһән.
Upkacın mürәli culargallakin,
ајаткуја ikәнә ikәлдәһән.
Dılaca ајат nәllәкин,
10 kuǫakacär tulili tuksaktaldәǫatın.

Namı һәһһә һүтәһрәкин,
ǫүдәјǫujә sönnacәнә alәtcәldәǫatın.
Dәǫıl, һәһһәkıl umulǫaǫatın,
һүтәләwәр umudәwәр.
15 Bәјәtkәсәр tawulǫaǫatın,
nuǫarwatın ǫәwdәwәр.
Әләkәs күktikән күktidәһән
һınnusaldu dōcaǫana
upkatwa unә sәriwүcildәһән
20 әләкәндјwı wәkәtcәнә.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Мы студенты

Как мы все эвенки уходили,
Нас вся родня провожала.
Шли мы издалека,
Изо всего сибирского края:
5 Кто из тундры, кто из тайги шли.
Те с далекой Сахалинской земли.
В Ленинград приехали,
Не боясь хорошо учимся.
В старой жизни нас притесняли,
10 Теперь мы строим новую жизнь.

Раньше нас считали зверьми,
Кулаки от нас много брали.
Теперь советская власть настала, власть
народная
Нам открыла светлую дорогу, светлую
жизнь.
16 (Пусть) раздастся эта песня в дым-
ной юрте!
Все запойте эту песню!

A. Salatkin. Neпа

116. Весна

Весна, вкусно пахня, придет когда,
льдины, шумя, поплывут.
Всюду хорошо пригревать станет
когда,
пташки, бурундуки, мыши обра-
дуются.
5 Хорошо пригревать начнет
когда,
потом также эвенки выйдет.
Все когда кругом зацветет,
хорошую песню запоем.
Солнце хорошо лучи свои бросать
начнет когда,
10 ребятишки по улице забегают.

Важенка весною отелится когда,
красивого теленка начнут ждать.
Птицы, гуси яйца начнут класть
когда,
15 детей высиживать чтобы.
Ребятишки начнут собирать,
их есть чтобы.
Впервые кукушка запоем,
на вершинках сидя,
всех рано начнет будить,
20 полным голосом крича.

P. Möldäkıtaw. Tokko

117. Kalār-əni sıgıjaldun

5 Kalār-əni sıgıjaldun,
 tuksakımawan, bülətəlcəm,
 ajaŋkarvı vəjəŋkərvı
 anŋanıdu vakaldımı —
 hakın — nevan səvəriwki...
 Kalār-əni karcajaldun,
 Sacarıntı ođalıksak,
 kamramıldu kajırcatcam
 10 həmukərvı vəjəŋkərvı
 hələndəwı qaldalıŋnam...
 Kalār-əni kadasalın
 horolmojə inəgiwə
 hoŋandıwı kajdallakın

əjətılwəm girkijəwəm
 15 əcən-i-də icəpkənə...
 Bılırgıdu wılasjadu,
 nonoptıdu wıdəjədu
 ənin, amin wəgin binmi
 20 ɣələpkətnəl wınəlitin;
 wıdəjəwı qaldalıŋnam.
 Cuturıma qıyanıŋım,
 cutumama əməcələn,
 cülələmə səksəjətpı
 25 qükəndukkı suptıdāŋnam
 gırkıdukkı ilwəwqəŋəm

M. Pawlow-İjanagır. Kalār

118. Bıragacın

5 Bıragacın kuğunəpəl,
 əjəgəcin, jaŋınənəl,
 aŋlan, kadar qarkadukın
 andagıltı kətəllilə.
 agdıgacın miğdikənəl,
 ədingəcin cuwkənəl,

sıgı, wəna dəjaldukın
 gırkıjaltı əməllə.
 Lenın ɣınnən tırəjəlwən,
 10 ɣılləduwər namarəqənəl,
 qalawsajal kuŋajəkər
 qalanduwar ihilla.

П. Мольдякитов. Токко

117. Калара-матери в чаще

(Песня девушки)

5 Калара-матери в чаще
 зайцу подобно прыгаю,
 любимых подружек
 в году встречаю (когда)
 печень-сердце бьется.
 Калара-матери в горах
 трехлетней важенкой (подобно)
 10 окруженная худым пребываю
 (с) любимыми подружками,
 чтобы жить (вместе) обдумываю.
 Калара-матери в скалах
 круглое солнце (самое жаркое)
 тенью своюю покроет когда,

15 желаемых подружек моих
 не показали даже (не дали встре-
 тить).
 При прежней власти,
 при прежней жизни
 отец, мать, хозяином будучи,
 20 запугивали до замужества;
 чтобы умереть обдумываю (о
 смерти заставляли думать).
 Зеленое лето,
 зеленое после того, как придет,
 всей своей кровью
 из дома стремлюсь убежать
 25 от товарищей убегу.

М. Павлов-Нганогир. Калар

118. Как река

5 Как река шума,
 как струя перекатываясь,
 равнины, скалы от краев
 товарищи умножаются (собираются).
 Как гром гремя,
 как ветер воя,

чащи, града (гольцов) из середины
 товарищи сходятся,
 Ленина заветов слова
 10 в тела свои нагружая,
 веселые ребята
 в звено начинают вставать.

119. Куҗакәр биҗәсиwәр

Куҗакәр куҗакәр биҗәсиwәр әбиwүрә әбидәкәр!
 җалаw, аҗа биҗәсиwәр түрәтсәнәл даwлаҗакәр!
 Дөнсаҗанал, соҗоктодоҗит әтән аҗа бирә.
 әбиҗәнәл, даwлаҗанал таҗарит аҗа бирә
 Коҗномол, коҗномол нуриктәлтә әҗәлитин бағдаҗара,
 муҗумәҗәл иктәлтә әҗәлитин сәмкәрә.
 Куҗакәртәлтә түрәртә әҗәлитин сағдана,
 гиркилнунмәр әбиҗәкәр, даwлаҗакәр!

120. Гиркиҗәл, акнәҗәл.

Гиркиҗәл, акнәҗәл! } Гиркиҗәл, әкнәҗәл! }	припев	Umунҗи дилғанҗи сәwҗәрcut ikәҗәт! припев
Umунҗи гирактат тұлҗунәл пәнәҗәт! припев		Umунҗи җәлитwар бинәwәр оҗаҗәт! припев
Сәскәки һәлҗәҗәт әҗүдүк бододүк		¹⁰ Binilә һawälä җүләскәи сүҗинмәт! припев

Җүҗпәwә җүҗәwә
 җүләскәи пәҗәҗәт!
 припев

119. Ребята при жизни своей

(Пока живете в детстве)

Ребята, ребята, в жизни своей игры играйте!
 В молодую, хорошую жизнь разговаривая пойте!
 Помня, что плачущим не хорошо быть,
 играя, поя, учащимся хорошо быть.
 Черные, черные волосы пока не побелеют,
 твердые зубы пока не сломаются.
 Детские слова пока не состарятся,
 с товарищами играйте, пойте!

120. Товарищи, братья ¹

Товарищи братья! (старшие) } товарищи сестры! (старшие) }	припев	Одним голосом весело запоем! припев
Одним шагом, сцепившись, пойдем! припев		Одним умом ¹⁰ жизнь (свою) построим! припев
Вперед продвинемся от худой жизни! припев		К жизни, к работе вперед протянемся! припев

По прямой линии (направлению)
 вперед последуем!
 припев

¹ Эта песня сочинена учениками Ербогоченской школы и вывезена в 1934 г. Н. Садаткиным.

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ ПРИАНГАРЬЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Во время командировки от Комитета Севера ВЦИК к эвенкам, кочующим по рр. Комо (левого притока Подкаменная Тунгуски) и Каменке (правого притока Ангары) б. Канского округа Сибирского края, летом 1927 года, я записала несколько эвенкийских сказок. Так как специальной моей задачей было собирание экономических сведений, то уделить большое внимание записям текстов я не могла.

Известные среди эвенков хорошие рассказчики мне в том районе не встретились, и пришлось записывать со слов лиц, которые на мою просьбу рассказать что-либо выражали согласие. Чаще это были сравнительно молодые эвенки, не шаманы, и, возможно, этим объясняется упрощенный, лаконичный стиль рассказанных мне сказок, из которых некоторые здесь приводятся.

Из опубликованных до настоящего времени сказок и рассказов сибирских эвенков мне известно лишь небольшое количество².

Сказки мною записывались на эвенкийском языке. На месте работы делались некоторые заметки относительно отдельных слов и форм. Окончательно же сказки были переведены на русский язык уже по приезду в Ленинград. В затруднительных случаях я обращалась к студентам б. Северного факультета Ленинградского Восточного института (теперь Института народов Севера ЦИИ СССР) А. Чернышину и Н. Салаткину.

Всего здесь я привожу одиннадцать сказок.

Первой помещается сказка о Kāgāndēs и Uqan, записанная от Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 8 сентября 1927 года. Перевести точно имена героев сказки (Kāgāndēs, Uqan), выявить их смысловое значение довольно затруднительно, да и сами рассказчики не смогли это сделать. Имя Kāgāndēs можно производить от слова k ā g ā, что означает у эвенков „ворон“; это название ворона чаще употребляется в сказках, сбывшие же его название — ōi. Подтверждением прагматичности такого происхождения имени Kāgāndēs является и то, что, по объяснению рассказчиков, именно в ворона обратился в конце концов Kāgāndēs, когда, после долгих усилий, выбрался из моря. Сказка эта среди эвенков имеет большое распространение. Песню Uqan, которую он поет, когда вызывает Kāgāndēs'a помериться силами, на-

¹ Тексты, представленные Т. И. Петровой, уточнены в переводе и переписаны принятой в настоящее время сборнике транскрипцией. Ред.

² В. Васильев, „Тунгусские предания“, „Жирная старина“, 1900 г., в II, и 1909 г., в I, Его же, „Образцы тунгусской народной литературы“, сборник в честь 70-летия Гр. Н. Пастернака, Записки РГО по этн. отд. 1900, в. 34. Н. Н. Поппе, „Материалы для исследования тунгусского языка“, Л. 1927 г. Небольшие отрывки и фразы из сказок и песен имеются в статье Huth'a „Die tungusische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute“. Известия Академии Наук, том XV, 1901. В. Васильевым приводятся эвенкийские сказки и рассказы на русском языке в переводе с якутского. У Н. Н. Поппе они даны на эвенкийском языке с русским переводом; кроме того, в начале предпосланы грамматические замечания, а в конце помещен словарь, составленный на основании тех же рассказов. У Huth'a приведены упомянутые отрывки на эвенкийском языке с переводом на немецкий язык. Разбираются они автором с точки зрения стилистических форм (стихосложение).

певают даже женщины во время работы. По словам эвенков, в память о добром Уҗапи, отомстившем за убийство эвенков Kāgānpdēs'у, шаманы имеют на своем костюме железные крылья.

Вторая же и третья сказки про Акагātэ записаны 9/10 сентября 1927 года от А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке). Из разговоров, во время рассказывания этих сказок, можно было вынести впечатление, что Акагātэ—это какой-то родоначальник эвенков, которому покровительствует земля и небо, будучи его женами. Прямо об этом в сказке не говорится, и лишь некоторым намеком служит эпизод с лягушкой, когда две жены Акагātэ на обращение последнего к богу отвечали, одна с дерева (сверху), а другая из земли (снизу). Четвертая сказка о Mūgāwū'e записана со слов П. Е. Киринова (кочует по р. Каменке) 3 сентября 1927 года. Huth, приводящий отрывок из сказки о Mūgāwū'e, записанной им приблизительно в тех же местах, где работала после него и я, находит, что рассказы о герое с таким именем встречаются у тунгусо-манчжурских народностей различных районов. По его мнению, сказка, записанная Протодьяконовым у уссурийских нанай (гольдов)¹, с героем, носящим имя Нэннэ Моракху, по имени и характерным чертам героя напоминает записанную им сказку о Mūgāwū'e. Huth и значение этого имени ищет в нанайском (гольдском) слове „кричать“ (тога—основа глагола кричать). Имя Mūgāwū, по толкованию Huth'a—„громко кричащий“, вполне соответствует содержанию сказки, записанной им, и с большой натяжкой упомянутой сказке Протодьяконова.

Пятая сказка о Mūjijjē записана со слов Н. П. Оллода (кочует по р. Комо) 12 августа 1927 года. Содержит рассказ о кровной мести. Следует обратить внимание на то место, где огонь своим „чиканьем“ дает знать Mūjijjē о приходе Huladigir'ов. Примета основана на распространенном у эвенков поверьи, что огонь всегда предупреждает о какой-либо опасности. Во время моей поездки бывали такие случаи: соберемся уже совсем в дорогу, как огонь „чикнет“, и эвенки отказываются выезжать из дома, уверяя, что в дороге ждет несчастье, „огонь не велит ехать“.

Шестая и седьмая сказки об Iwū'e записаны со слов Максима Филатовича Берегова (кочует по р. Онок) 23/25 августа 1927 года. Интересны как пример юмористических рассказов у эвенков. Комический элемент в данных сказках заключается в неправильном понимании Iwū'ем обращенной к нему речи и особенно в тех случаях, когда одними и теми же словами обозначаются разные понятия. Например: pīnti означает пятаку человека и pīnti — тонкие кедровые корни, которые идут на шивание бересты; әrtilē—ребро у человека и әrtilē—шпангоут у берестянки (лодка); pīpakig—собака и pīpakig—деревянные зажимы, которые поддерживают бересту при обшивке берестянки. Я слушала сказку об Iwū'e от одного эвенка на русском языке два вечера, и она все-таки не была окончена. Приключения Iwū'я крайне многочисленны и нелепы. К сожалению, передать мне содержание сказки по-эвенкийски у рассказчика не хватило терпения, и я принуждена была ограничиться только несколькими отрывками. Среди эвенков рассказ об Iwū'e очень распространен.

Одиннадцатая сказка о Намонные и шамане записана со слов А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке) 16 сентября 1927 года. Nāmōnpēja представляет собою один из видов тех мифических существ-полулюдей, которые, по представлению эвенков, населяли или еще населяют землю. Они рисуются людьми медведеобразными, огромного роста и покрытыми шерстью.

Восьмая и девятая сказки записаны со слов Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 2 сентября 1927 года. Лисица, по мнению эвенков, является очень хитрым и озорным зверем. Содержание этих сказок не ново: они являются вариантом некоторых эпизодов сказки, приведенной В. Васильевым на русском языке под названием Хулян и Кувшичан.

Десятая сказка—о мужике и огне. Мораль ее заключается в том, что к огню надо относиться почтительно, иначе разгневанный дух огня наказывает виновного.

¹ „Песни, былины и сказки уссурийских гольдов“. Записки Общества изучения Амурского края, 1896 г.

1. Kārändəs, Uḡanı

Bicətin qūyil kətəkəkün. ımıčkən bicən atırkən. Kārändəs əməran. Upkatwə əwənkilwə manaran. Atırkən kalandıwı mənmi kupuran. Atırkənma əşin bakara. Kārändəs dəyillən. Atırkən, Kārändəs dəyilləkin, kalandukki illan. Sıruḡən, eruktallan əwənkilwə. İcəttən ekun-da acın. Atırkən sıruḡən biralə. uḡılı sıruḡən. Tələ ilbərən
 5 numnakilwa. Numnakil amusına. Amunmatin gadan, sıruḡən qūlawı. Əməran əmkəjən oran, əmüçillən — kuḡākənmə ırəsnən. Nən əmüçillən—soḡollon kuḡākən. Nənə əmüçillən — gırkullan. İrgicillən. Tırғанıdu baldıllan. Dür-därdu tırғанıl bəjə ödan. Hanmuktallan tarə bəjə atırkənmə: „ekun amtilwaw wacən?“ Atırkən ḡünən: „Ətənnə bakara wəḡəpkıwa, nuḡan uḡılı sıruḡən“. Tarə hırkəkən ḡünən: „İrilə sıruḡən?
 10 Silbakal mintiki“. Atırkən silbaran. Hırkəkən öllan hurakılawı. Atırkən kalanmən kuputcawunmən oran hurakılawı dəwəcillən. Dəyillən. Purasınan Kārändəspa. Tələ bakaran Kārändəs dəcakıtpən, doran tadu. Albaran dəḡdəḡəmı nuḡanmən, kapur-garan, ḡanə dəyillən. Tələ bakaran qūwən. Nurməran. İcəran Kārändəs hurakılın biḡərə tülilə. Nuḡan qoromoron hurakılwən irəḡöllən. Kārändəs döldıran, ḡünən: „əkun paskanḡaran?“ Asın ḡünən: „Badarḡaran“. Hırkəkən irəḡərən. Nənə əməran, biḡəktutin nərən, sıruḡən, ərillən. „Kārändəs əməkəl, ləmə uḡurəkəndün dəḡdüməkətcılləp“. Kārändəs döldıran, itıgallan. ḡünən: „Əkəl-kənə alakıwı tətissəḡəm“. — „Kārändəs, Kārändəs, əməkəl, əməkəl, uḡurəkəndün dəḡdüməkətcılləp“. — „Əkəl-kənə əkəl-kən, sıraqəmılwı tətissədəm“. — „Kārändəs Kārändəs, əḡdakəndəwı tətissəlinnə,
 20 əməkəl, əməkəl“. Kārändəs dəyillən, ıyıləllən ləmulə. Əḡməncıllə Uḡanı ıyırəjə ödan. Kārändəs hōlosməḡḡan albaḡaḡan. Uḡanı hata ıyırəḡan, ḡorokökunma ıyırərə. Uḡnət Uḡanı ıyijit iktərən. Kārändəs hurakılwən əwrən. Kārändəs bıruḡən ləmə, uḡurəkəkəndün. Dəpkunlawı jüsməḡārən, cumdaləwı aran jürən.

1. Карэндос, Уняны

Было юрт много. Одна была старушка. Карэндо пришел. Всех эвенков кончил (съел). Старуха котлом себя покрыла. Старуху не нашел. Карэндо улетел. Старуха, когда Карэндо улетел, из-под котла встала. Ушла, стала смотреть эвенков. Увидала—никого нет. Старуха пошла к реке. По берегу пошла. Там испугала гусей. Гуси обделались. Помет их взяла, ушла домой. Пришла, люльку сделала, стала качать—на ребенка похож стал. Опять покачала—заплакал ребенок. Опять покачала—стал ходить. Стала воспитывать. Днями рос. В двадцать дней мужиком стал. Стал спрашивать тот мужик старуху: „Кто родителей моих убил?“ Старуха сказала: „Не найдешь убийцу, он вверх ушел“. Тот мальчик сказал: „Куда ушел? сообщи мне“.
 10 Старуха сообщила. Мальчик стал делать крылья. Старухиногo котла из покрышки сделал крылья, стал летать (пробовать). Полетел. По следу Карэндо отправился. Там нашел Карэндо место посадки, сел там. Не могло удержать его, сломалось (место посадки), улетел. Там нашел дом его. Подкрался, увидел Карэндо—крылья лежат снаружи. Он украл, крылья подпилит. Карэндос услышал, сказал: „Что потрескивает?“ Жена сказала: „Горит“. Парень подпилит. Опять пришел на место положил, ушел, стал кричать. „Карэндо, приходи над морем серединой померяемся летанием“. Карэндо услышал, стал собираться, сказал: „Подожди, обутки надену“. — „Карэндос, Карэндос, выходи над серединой (моря), померяемся (летанием)“. — „Подожди, подожди, маховые крылья надену“. — „Карэн-
 15 дос, Карэндос, чего ты долго одеваешься, иди, иди“. Карэндос полетел к морю. Спланировали. Уняны выше стал. Карэндо внизу, не может. Уняны еще поднялся, далеко поднялся. Вдруг Уняны сверху ударил, Карэндоса крыло сломал. Карэндос упал моря на середину. Восемь дней вылезал, (до того что) уменьшился.

A. Cernousow. Kamenka

2. Akarāmē

Akarāmē nənəḏācən hoktoli. Tālā vakaran əwənkil ḏəkālwatin. ḏūkcāldu bṽniwatin vakaran. Asiwa gadan uwasinan hoktoli:in. Tālā vakaran nuḡarwatin, bṽniwḡ vakarawī əmənən. Mənəkən qūlātin əmərən. Hanmūktalla: „ili əməmṽs Akarāmē?“ Nuḡan gūnān: „Hoktolisun əməm“. — „Sī-kə əmūkin əmənṽ?“ — „Əciw, mṽnḡi tālā asīw biḏərən“ — „əda əcis əməwrə“. — „Nuḡan bəlin, nḡlātəcəw əmərkitwi nuḡan bəlikəkun“. — „icənəkīəwun nuḡanmān, əlḡ əməḏən“. — „Ca! əkəllu, bəlilḏəlḏən, mənmi ṽcilḡ, ān“ — „icənəkīəwṽnti“. — „Ca, əkəllu bəlin, mənmi wāḏən“.

Nuḡarṽn hatadiki gənnəsina nuḡanmān, əmərə. Nuḡan mənmi ṽcilḡə purtat. Nuḡan, Akarāmē bikḡjim, mənəkən purtawā ṽcilḡərən əwtəlin. Taril icinḡrā, icḡrā—
10 mənmi wācā. Mucusina Akarāməlā, gūnā. „Aṡis mənmi ṽcilḡrə“. Akarāmē soḡolkō-kuttan. „ṡṽnə gṽcəw, əkəllə icinḡḡā, ḡṡiw bəlin bicən“. Taril gūllə, gūnə: „Əkəl soḡodoro, Akarāmē, aṡijas bṽ bṽḡārāw“. Nuḡan hata soḡoḡoḡon. Nānā gūllə: „Ətəkəl soḡoḡomī, ṽḡrə aṡāl bṽḡərəw“. Akarāmē ajakākun odan. ḏṽrwə aṡāl gadan.

A. Cernousow. Kamenka

3. Nimḡakān

Əmūkən bəjā sṽḡṽrān, ororwī onosinan. Tala arcaran ərəkīwə tasaḏarīwā ororwī. Gūnān: „Minḡil ororwī“. Gə gūnān: „Minḡil“. Mṽṡṡəmḡcillə, ṽcullə. Əhsəriwə ərillə, Ərəkī ərillən—ekun-dā əcin. Bəjā ərillən. Bəjāḡil ḏṽr asālin: gə mōwā tḡktirān. Gə ḏṽnnā ḏṽnnəmḡcā. Bəjə əhsəriwə ərillən. Mōdu bisin aṡin ḏawurillan: „Bəjāḡil ororin“. Ərəkī ḡānə gəwullan ərillən ḏṽnnəwə, ḡānā ekun-da əcin. Bəjā ḏṽnnəwə ərillən. Nānā ḏṽnnḡḏṽ bisin ḏawurillan. „Kəl! irā sinḡil ərinəllā. Minḡilwḡ ḏōldicinnā ḏawṽḏarīwə“. Ororwon tirān, tāsīsinan ḏūlāwī. Tikin-mḡl oror biḏḡtin.

A. Черноусов. Каменка

2. Акарамо

Акарамо шел по дороге. Там встретил эвенков юртовища. В старой юрте покойницу нашел. Женщину взял, потащил по дороге. Там нашел их, найденную покойницу оставил. Сам до юрт их дошел. Спросили: „Откуда пришел, Акарамо?“ Он сказал: „По вашей дороге пришел“. — „Ты-то один пришел?“ — „Нет,
5 моя там жена осталась“. — „Почему не привел?“ — „Она—мэнеричка, боялся привести, она сильно „кружает“. — „Пойдем-ка посмотрим, сюда придет“. — „Нет, не ходите, кружает, сам посмотрю“. — „Пойдем посмотрим“. — „Нет, не ходите, мэнеричка себя убьет“.

Они все-таки пошли за ней, пришли. Она себя заколола ножом. Он Акарамо сам нож вколот в легкие. Те пошли посмотреть, увидели—сама себя убила.
10 Вернулись к Акарамо, сказали: „Жена твоя сама себя заколола“. Акарамо сильно заплакал. „Вам говорил, не ходите смотреть, жена моя—мэнеричка“. Те стали говорить, сказали: „Не плачь, Акарамо, жену мы дадим“. Он сильнее заплакал. Опять сказали: „Перестань плакать, две жены дадим“. Акарамо перестал. Двух жен взял.

A. Черноусов. Каменка

3. Сказка

Один мужик шел, оленей вел. Там встретил лягушку, гнавшую оленей. Сказал: „Мои олени“. Другая сказала: „Мои“. Заспорили, заругались. Бога позвали. Лягушка закричала—ничего нет. Мужик закричал. (У) мужика две жены: одна на дерево влезла, другая на земле осталась. Мужик бога покричал. На дереве
5 бывшая: жена откликнулась: „Мужика олени“. Лягушка опять вторично закричала на землю—опять ничего нет. Мужик земле покричал. Опять на земле бывшая жена откликнулась. „Ну, где же твои вызванные? Моих слышишь откликающихся“. Оленей отобрал, погнал домой. Теперь олени чтобы были.

4. Mırāwul

Bicən Mırāwul ətir-kən. Asıja ācın, əmükən. ěn-dā ācın. Nuñan Mırāwul lukı-jawı ođarān, kulukāt kulukādarān. Ası uđılı dāgđārān, guñđārān: „Sı-gdē-glē ođannā ācındē“. Mırāwul əsin dōldıra ajat, ěkun həkəcillən, muñnilillən ilē-dē əsin icə-wullē. Ası nānā: „Sı-gdē-glē ođannā! Səvbəpcukit bodođonnā?“ Mırāwul muñnilən,
 5 icərān asıwa, uđiskikěkun uđikundulı dōwatcarān. „Asıjaj“ ərillən“ Mırāwul: „Eyrükəl mindulē“. — „Ətəm, irgikturəl minə huđicētın, asađıra uđalıw, səhşuw uđadara cur-gıđarıwa“. Təli bururān. Mırāwul guñan: „Bı guləjəwər ođam, ilandı baksanma“. — „Ətəm“, ası guñan, əsin dōkıra. Mırāwul guñan: „Bı ođam guləjəwər digindı baksanma“. Ası guñan: „Ətəm, irgikturəl əməmi, guləwə əwđərə, wāđara minə,
 10 ətəm“. Mırāwul guñan: „Bı guləjəwər ođam, baksaldam“.

Ası tārā bururān, dōkiran. Adikānma dolbonil ānñaktarā, hutətın baldırān. Mırā-wul tārā asıtkıwı guñan: „Bı ilan urəl cāgıdāduktın dōldıđam, ərilləkis minə, irgikturəl əməlləktın. Bı tālā dōldıđam, ərilləkis, lukıwı, wərılwı uđđam sindulā. Əmükən binə, lukıw manađam, nuarwatın wāđan“.

15 Mırāwul sururān, gırkullan goroskı. Amardun irgikturəl əmərā, purara asıwa tārā. Irgikturəl tārā asıwa lukıtpar garpara dəgđərıwə uđılı. Nekakıwān nālāwān timirə, əwrə. Irgikturəl, ilan binəl, purışına uđılı dəgđərıwə asıwa. Njālāduktın neka-kıduken səhşın curgıđarıwə uđara Mırāwuldułā gulələn. Mırāwul ācın guləduwi — gırkuđarān. Əmərā ası dūlān, ası əmükən. Güllə, əməmi: „Ası tuktiwunmi dūlkukəl“.
 20 Mırāwul asıwı alawuran: „Tuktiwunmi uđiskı tākəl, tuktiñnandarā irgikturəl əməmi. Ənə əjəcilləlitin, ənə ulěkciwrə, əksəkəl tuktiwunmi dūlkurə“. Irgikturəl əməmi, əjəcillə tuktiwunmən. Ası tārā əsin dūlkurə. Hata nuartın əjətcıđarā, tuktiwunmi hərgiskı şundədən. Gorokōkunma əjəcırā. Nuñan hata əsin ulěcimə nuardutin.

4. Мурэвул

Был Мурэвул старик. Жены нет, один—ничего нет. Он, Мурэвул, стрелы делает, рубанком стругает. Женщина вверху летает, говорит: „Ты-то зря работаешь без ничего“. Мурэвул хорошо не слышит, кто заговорил, оглянулся, ни-где не видно. Женщина опять: „Ты-то зря работаешь, весело живешь?“ Мурэвул
 5 оглянулся, увидел женщину, высоко поверху парит. „Женщина!“ закричал Мурэвул: „упади ко мне“. — „Не стану, волки меня ранили, гонятся по следу мое-му, по каплям крови моей следуют“. Потом упала (спустилась). Мурэвул сказал: „Я дом строю, на трех ногах (подставках)“. — „Не стану“, сказала женщина, не согласилась. Мурэвул сказал: „Я сделаю дом на четырех ногах“. Женщина ска-зала: „Не стану, волки, придя, дом снесут, убьют меня, не стану“. Мурэвул ска-
 10 зал: „Я дом построю, подставки сделаю“.

Женщина та упала, согласилась. Сколько-то ночей проспали, сын родился. Мурэвул тот жене сказал: „Я из-за трех хребтов услышу, если позовешь меня, когда волки придут. Я там услышу, когда позовешь, стрелу, лук pošлю к тебе. Один будучи, стрелу истрачу, их убью“.

15 Мурэвул ушел, ходил далеко. После него волки пришли, выследили женщину ту. Волки в ту женщину стрелой выстрелили, в летящую вверху. Маленькую руку ее (мизинец) сломали, утащили. Волки, трое будучи, стали выслеживать летя-щую вверху женщину. Из руки из ее по каплям крови следили (следом шли) к дому Мурэвула. Мурэвула нет дома—ходит. Пришли к дому женщины, женщина
 20 одна. Сказали, придя: „Женщина, лестницу спусти“. Мурэвул жену научил: „Лестницу вверх втяни, как бы не залезли волки, придя. Как бы ни просили, как бы ни обманывали, лестницу не опускай“. Волки, придя, стали про-сить лестницу. Женщина та не спустила. Все еще они просят, лестницу вниз чтобы спустила. Долго просят. Она все еще не обманывается ими.

Nuartin ikteldiwær kəŋillə waksawa. Əmüčkənmə çapkiwatın kəŋirə ikteldiwær. Əmü-
23 kənmə hata əwraq. Asī tārā ɣələllən, Mürāwulwa ərillən: „Mürāwul idu ođannā, əwa
güçəs: ilana ırəl çagıdäduktın döldüdam?“ Mürāwul döldürän, asın ərilləkin, lukiwi
ılanma ırnən, garparän bəritpi. Əmüčkən lükün əmərän asilän. Irgiktürəlwə upkatpa,
əmüčkən binə manaran. Upkatpän ilanıwa wārän.

N. Ollōda. Komo

5. Mujiñə

Mujiñə bicən sönij. Ganälçädu maɣıcän. Əwənkil ilanna, gəwbitin Huladıgır,
Mujiñə manaran. Dür hürkəkər sırurä, tuksasinä. Bəjel öda. Gələktəllə Mujiñəwə.
idu biçarän, bakara.

Dölboltoño Mujiñə aşıldarakın, əmərə. Tüligit dölcatta. Mujiñə aşıllan, toyo
7 hiçkərän. Asın günän: „əwa hiçkərän, Huladıgır əmədərə“. Mujiñə günän: „əduk
Huladıgır əməjirä, nınnükärđi halgarwar sıranal, əməjirä“. Asıwənən.

Əmərə Huladıgır Mujiñələ. Bakara hütən jaŋkawän. Mujiñə hütən şukşillalın
mönögsolin çükəməl. Purasına, wokonon, tulinuşınən, əmənən wəjelwə. Tälä, jüktəldu
turgaran. Mikcänän çükəməlwi ularan. Tädu wəjelwə wokono, wəcə. Sururə Mujiñələ.
10 Mujiñə sagdı öcä. Tüligit ərillə: „Mujiñə jükəl! Huladıgır əməcəl, nınnükärđi hal-
garwar seranal“. Tädu Mujiñəwə wəcətin.

M. Beregow. Ənək

6. İwul

„İwul tusınçakal, nəküdu ırıkaj, çüja hawalçakal nəküdu“. Nuan nəküdu
hawallan ojon. Akınin əmərän, günən: „İwul sinä güçəw, hawalçadäs çınnədu, si-də
nəküdu. Moɣnon bisinnä“. Täduk günən: „İwul tusınçakal əsı, ırıkaj tārä ırıadu,

Они зубами стали грызть подставку. Одну восьмую сгрызли зубами. Одну
25 все-таки свалили. Женщина та испугалась, Мурəвула позвала: „Мурəвул,
где работаешь, что говорил: из-за трех хребтов услышу?“ Мурəвул услышал,
когда жена закричала, стрелы три послал, выстрелил луком. Одна стрела при-
шла к жене. Волков всех, один будучи, кончил. Всех трех убил.

Н. Оллода. Комо

5. Муинго

Муинго был богатырь. В стрельянии укрепился. Эвенков три хозяйства,
по имени Хуладыгир, Муинго кончил. Два паренька ушли, убежали. Мужики
(они). Пошли искать Муинго. Где живет, нашли.

Вечером, когда Муинго спать ложился, пришли. С улицы услышали. Муинго
5 спать ложиться стал, огонь чикнул. Жена сказала: „Что чикнул, Хуладыгиры при-
шли“. Муинго сказал: „С чего Хуладыгиры придут, жердями ноги свои подпи-
рая придут“. Спал много.

Пришли Хуладыгиры к Муинге. Нашли сына его лыжный след. У сына
Муинги ободки лыж ледяные. Отправившись следить, нашел, стороной прошел,
оставил мужиков. Там на ручей наткнулся. Прыгнул, свои ледяные (обшивки)
замочил. Там мужиков, найдя, убил. Пошли к Муинго. Муинго состарился.
10 С улицы закричали: „Муинго, выходи! Хуладыгиры пришли, жердями ноги под-
пирая“. Там Муинго убили.

M. Берегов. Онок

6. İвуль

„İвуль, иди вперед, у лабаза останись, юрту построй у лабаза“. Он
на поверхности лабаза стал строить. Брат (старший) пришел, сказал:
„İвуль, тебе говорил, чтобы на земле строил, ты же на лабазе. Дурак
есть“. Потом сказал: „İвуль, иди вперед сейчас, останись у той реки,

đūja hawalkai, siruwi sūrupkai, mēnduwi əlgəskəl, tādu ʔrikai, ʔiradu“. Iwul ha-wallan đūja mūdy. Bira dōndun sērittan, albaran. Bira əjədy sēraŋlīn əjəsindəra. Gūnan siruwi: „Sīru əməkəl, đawucinākai sōnawa“. Sīru əsin tillə. Ōron bisin ōron.

Nuŋan sūrūrān sīrulāwi, gūnđana: „Untalwi ədūwi ulara, əkəl-kən-nuŋ, sindulə əməđəm, untalwās luknāđam. Gūcə ʔirān, luktan untalwān. Sīrun Iwulŋi ʔuddān. Nānā akīnīn əmərān, Iwulwa həŋkəcillən, gūnan: „Iwul, sīruwa wānnā?“ Nuŋan gūnan: „Bī untalwān lukim, nuŋan āsinaŋ“. Akīnīn gūnan: „Miti matal əmərəktin, ətī, sīrul ʔsīpkəncilləktin, ekunde ʔsīpkəsiđap?“ — „Bī-kə ʔiđəm“ — „Sī elđi ijətə-đənnā?“ — „Çuçunkək, kedərəkək, nānā ʔi ʔsīlđam“. Sīrul ʔmūnūptā. Kətəkakūn matal əmərā. Sīrulwa ʔsīpkəcillə. Iwul çuçunmi, kədərəwi đawaran, sūrūrən sīruldulā. Sīrul ʔsīđārā. Nuŋan sīrulwa tuksamalcallan kədərəlđiwi. Sīrul upkat ʔləllə.

15 Tāduk akīnīn gūnan nuanmān: „Iwul sī gənnəkəl nintələ“. Iwul əməwrān ʔiraduk kuŋakār nintilwātīn, əməwrān akīndulāwi. Akīnīn nuanmān həŋkəcillən, gūllən: „əcāw sinə gūcəw ərgəcirə əməvdəs. Əwənkīl hūtəlduliwər mitpə wāđarā. Iwul gənnəkəl əpūlələ“. Nuŋan əməwrān kuŋakār əpūləlwātīn. Akīnīn gūnan: „Iwul nīnakira gənnəkəl“. Iwul sūrūrān. Upkattulī đūŋil gīrkuran, əwənkīl nīnakīrwātīn 20 əlğarān. Nīnakākūrīn ʔsīpkətçūlkākūtə. Nīnakīr təkəgərə đaptan upkacīn. Ərūmə ōđan. ʔsīndəkīt ōđan, hūğtulwə đaptalārān. Əsīlə Iwulwə əsīn ʔnītə əmūkən đawwi ōllan. Ətərān, irəktə lulđīn luhran, luŋillan, nuŋəllan. Ətərān, upkatpān ōran, italwi italārān, simiptīraŋ ōran, ʔlīkilin similīn dīlaptun.

* * *

7. Iwul

Iwul ʔicəŋ moŋnon. Nuŋartīn ilana aknīl. Əmərā nuŋardulātīn çapıtīl. Iwul sīləŋđərān. Çapıtīl ganacilla nuŋarwatīn. Aknīlīn adagasilla. Iwul sīləwi ollonđorān. Akīnīn ʔəritpī sīləwəŋ ʔŋkūrən. Nuŋan sīləduwi soŋollon. Amīnmī lukīđīn nuŋarwatīn ganattan. Manaran.

5 дом построй, быка отпусти, к себе сведи, там остановись у реки“. Ивуль стал юрту строить на воде. На середине реки жерди ставил, не мог. На быстрине реки жерди уплывают. Сказал быку: „Бык, иди, иди поддержать связку жердей“. Бык не понял. Олень есть олень.

Он пошел к быку, говоря: „Чтобы унты не замочить, подожди, к тебе приду, унты твои приду снять“. Сказал, снял унты его. Бык Ивуля умер. Опять брат пришел, Ивуля спросил, сказал: „Ивуль, быка убил?“ Он сказал: „Я унты снял, он заснул“. Брат сказал: „Наши соседи когда придут, чем быки начнут драться, чем заставим драться?“ — „Я-то есть“. — „Ты чем драться станешь (какими рогами)?“ — „Скребок, мялкой опять же я начну драться“. Быки собрались. Много соседей пришло. Быков заставили драться. Ивуль скребок, мялку схватил, ушел к быкам. Быки дерутся. Он быков разогнал мялками своими. Быки все испугались.

15 Потом брат сказал ему: „Ивуль, ты принеси корней“. Ивуль принес с реки пятки детей, принес брату. Брат его спросил, сказал: „Разве я тебе говорил, чтобы такие принес. Эвенки за детей своих нас убьют. Ивуль, принеси ребра (для лодки)“. Он принес ребра детей. Брат сказал: „Ивуль, зажимы (для лодки) принеси“. Ивуль ушел. По всем домам ходил, собак эвенков привел. Собаки 20 его (сильно) дерутся. Собаки разорвали лодку всю. Худо стало. Разрушение стало, другие лодки стал делать. Теперь Ивуля не посылал, один лодку делать стал. Кончил, листовничной смолой намазал, замазал, смочил. Кончил, все сделал, дранки подвел, продольные дощечки сделал, поперечины, нос покрыл.

* * *

7. Ивуль

Ивуль был дурак. Их три брата. Пришли к ним бродяги. Ивуль суп варит. Бродяги стали их стрелять. Братья старшие увернулись (от стрел). Ивуль суп свой вешает на крюк. Брат луком суп пролил. Он по супу заплакал. Отцовской стрелой в них выстрелил. Убил.

8. Sulakī

Sulakī, irgikturā bakaldira, ulgucēmācillā. Sulakī gūnan: „Bəjə ū ēdu vimcəs?“ — „Bī dəkīdu mōlīdu vimcəw“. Irgikturā hanmūktaran: „Sī-də ēdu vimcəs?“ Sulakī gūndān: „Bī nūšuktəkəndu vimcəw“. Irgikturā gullən: „Āləktəlləp targacira mōtilā“. Sulakī urūnān. Gələktəllə. Tālā urədu bakara dūktəwə. umūndu ilbərə. irgikturā
 5 ašašinan dəkīwə, sulakī ašašinan nūšuktəwə. Sulakī tarkāndulā ašaran-da həwginmūrən, əkənəllən: „Bəjəjə, ū mōtilipkal, həwginmucə bišim“. Irgikturā ašašinan dawanan mōtiwa. Sulakī purāšinan. „Tālā əmərən bürgükəkuṅ mōti“, gullən: „Bəjə eja ōdarp?“ — „Hərkəmətkətəqəp“, irgikturā gūnan: „hərkəkəl minə, imuksəkərə uliḍaqəl, tarit nānā bī-wə-li šinə hərkəqəm, imuksəkərə bī-wə-li uliḍqam“. Irgikturā
 10 dəkərən. Hərkərən sulakīwa, əsilə imuksəlāji uliḷlan. Gorowo ulirən. Əsilə suwran sulakīwa. Gūnan sulakī: „Bī-wəlī šinə hərkəkətə, imuksəla uliḷəṅəw“. Irgikturā dəkərən. Hərkərən sulakī irgikturəwā. Hələnəlwə sulakī mənəkən, dəwqəqən. Irgikturā, hərkərcə binə, icətəqən. Ətən eja-dā būrə. Irgikturā qəmullən, əjəcillən sulakīduk dəbdəwi. Sulakī būcillən gudigālwə. Sulakī manaran upkatpān mōtiwa, sūrurən.
 15 Irgikturā hərkurāmnin əmən mūrən.

Ōli dəgsən nuṅanduln, irgikturāli. Nuṅan ōliwa ərillən: „Ōli əməkəl, minə sumrakal“. Ōli gūnan: „Sī minə callamīkəndukīw əlgəpkəndāinnā“. Ōli əmənən, dəgillən. Tādu nānā hinniril dəgrə irgikturələ. Dōra mōdu. Irgikturā ərillən, hinnirilwa gullən: „Hinniril šupkālə minə“. Hinniril šuwilla, inṅinnərcəkəkun. „Suwraki-
 20 šun, bī ašaḍam mōtija“. Nānā šuwicilla.

udurūlwəq təštəqənəl, aran lukta. Irgikturā šuwīwran. Əsilə hinnirilūdu šuwqan-
 litin ašaran mōtiwa. Būrən, hinniril dəwqədətīn. Mənəkən purāšinan sulakīwa. Sulakī
 ūḍan aran icəwūlra. Puratcaḍan tālā əsilə həlkin ōdan, dūkcāldulā əməqəkin. Tādu
 sulakīwa bakaran, giramnawa kəṅillən. Kəṅidəmī iktəwi kaputtan. Tāduk nānā sūrū-

8. Лисица

Лисица (и) волк встретились, заговорили. Лисица сказала: „Мужик, ты где бы побыл?“ — „Я в старом лосе побыл бы¹“. Волк спросил: „Ты где бы побыла?“ Лисица сказала: „Я в молоденьком побыла бы“. Волк сказал: „Давай
 5 искать таких лосей“. Лисица обрадовалась. Стали искать. Там на горе нашли двух. Вместе спугнули. Волк погнался за старым, лисица за молодым. Лисица до тех пор гнала, пока судорога не свела ногу, закричала от боли: „Мужичок, ты притащи лося, я судорогой сведена“. Волк погнался, схватил лося. Лисица
 10 следила. „Туда пришел жирный лось“, сказала: „мужик что станем делать?“ — „Свяжемся“, волк сказал. „Свяжи меня, жирком корми, потом опять я тебя свяжу, жирком тебя покормлю“. Волк согласился, связал лисицу, теперь жиром кормить
 стал. Долго кормил. Тогда развязал лисицу. Лисица сказала: „Я-то тебя свяжу, жиром кормить стану“. Волк согласился. Связала лисица волка. Остатки лисица
 сама съела. Волк, будучи связанным, смотрит. Не стала ничего давать. Волк проголодался, попросил у лисицы поесть. Лисица стала давать брюшину. Лисица
 15 кончила всего лося, ушла. Волк связанный остался.

Ворон прилетел к нему, к волку. Он ворона позвал: „Ворон, приди, меня отвяжи“. Ворон сказал: „Ты меня от сосания крови задерживаешь“. Ворон оставил, улетел. Туда опять клейстики прилетели к волку. Сели на дерево. Волк позвал клейстиков, сказал: „Клейстики, отвяжите меня“. Клейстики отвязывать
 20 стали, узлы тугие. „Если освободите, я нагоню лося“. Опять стали отвязывать.

Клювы свои попортя, едва отвязали. Волк распутался. Теперь клейстикам за развязывание погнался лося. Дал, клейстики чтобы ели. Сам погнался за лисой. След лисы едва виден. Следом идет там теперь, свежий след стал, когда к юртам пришел. Там лису нашел, кость грызет. Грызя, зуб сломала. Потом опять

¹ (в брюшине, объедаясь внутренностями. побыл бы).

25 rən. Tālā vakaran sulakīwa. Sulakīl tarīlwa iltənən. Irgikturā sulakīl dūkcāldulātīn
əmərən. Dūkcāldu vakaran iktəwən kaputcawān. Gadan iktəwə, nānā purasīnan.
Tālā əmərən. Sulakīl gūlūwūndū kətəkəkūn bīdərə. Irgikturā əmərən. Gūlūwūndū
irgiwi karapkānən. Sulakīl haktānə. Nuḡan munnīlī:ān, iktəjə ācīn ācīn, upkat iktəcīl.
Nānā gələktəllən, uḡawān vakaran. Purasīnan, əmərən. Nānā sulakīl gūlūwūndū
30 bīdərə, kətəkəkūn. Nānā irgiwi karapkānən. Sulakīl haktānā. Upkatkākūn munnī-
līllən. Icərən əmūkən iktəjə ācīn. Tarāwə dagamāraḡ, gūnən: „Bəjā miti tiləmē-
cīllər“. Sulakīwa tiləllən, iktəḡīn nuḡanman utunmərən, gūnān daltakīn: „Girkīsūn
āmūllən, tirūjən nəkəllə“. İkələsinmūkənən nuḡan, sūrurən, hūktīlkākūtən, ədətīn
sulakīl nuḡanmān dāwara, tarītpı-dā mişəraḡ.

I. Kirənəw. Kamenka

9. Sulakī

Sulakī əmərən. Ətirkən sagdikökun atirkānīn bīsīn dūktə. Nuḡartın hütəltīn
ācīn. Sulakī uləksicərən tar ətirkənmə: „Amākā ororwos tinəktə, bī tādu icəm oḡko-
kökunma. Tālā ororwos tinəktə“. Ətirkən dəkīrən. Ətirkənḡil ororīn əmərə. Tinnə-
sīnən sulakī. Tālā tərurən ororwōn. Arakākūn dəvḡən. Əsīlə asuna-wal bīdən.
5 Adija-wal turganīl icənəskənḡən ətirkən. Sulakī upkatpa manaran; ororwo ətirkən-
ḡilwə manamī, gūnən: „Amākā si-wəli icənəkəl ororwı“. Ətirkəcən icənəsinən,
sulakī upkatpān ororwōn dərəcə.

Tarā ətirkən mucusīnan dūlāwı. Ənə dūwı dagamāra gorogit atirkāntikīwı
ulgucəməcīllən, jəkənətcən: „Soḡoḡokol atirkānəj, sulakī ororwo manəcə“. Atirkān
10 əsīn ajat doldıra. Sulakī ulgucələsilən, gūllən: „Amākā ḡunḡārən: „Atirkānəj, sulakī
ororwo bürḡupkəcə, ḡākajən būḡākəl bürurḡan, siltiksənḡjən eḡkəl“. Tar atirkān ḡākəjən
būrən, bürurḡan būrən, siltiksənḡjən būrən.

Əḡālīn ətirkən əmərə, sulakī, bürəkīn upkatjān, tuksanan, tarīklā, sūrurən.

25 ушел. Там нашел лису. У тех лисиц остановился. Волк к лисьим юртам при-
шел. В юртах нашел сломанный зуб. Взял зуб, опять по следу погнался. Туда
пришел. Лисицы у костра живут, много. Волк пришел. На костре хвост прижег.
Лисицы захохотали. Он оглянулся—беззубой нет, все с зубами. Опять пошел
искать, след нашел. Пошел по следу, пришел. Опять лисицы у костра живут,
30 много. Опять хвост прижег. Лисицы засмеялись. Всех осмотрел. Увидел—одна
без зуба. К той подошел, сказал: „Мужик, мы поищем-ка друг другу вшей“.
Лисице вшей искать стал, зубом ее заколол, сказал родным ее: „Товарищ ваш
заснул, подушку подложите“, положил он, ушел, сильно побежал, чтобы ли-
сицы его не схватили, сразу же исчез.

II. Киرونв. Каменка

9. Лисица

Лисица пришла. Старик старый со старухой живет вместе. У них детей
нет. Лисица обманула того старика: „Дед, оленей твоих пушу-ка, я там видела
пастбище. Туда оленей пушу“. Старик согласился. Стариковы олени пришли.
Пошла пускать лисица. Там убила оленей. Понемногу съела. Теперь сколько-то
5 произошло. Через сколько-то дней пошел посмотреть старик. Лисица всех кончила;
стариковых оленей кончивши, сказала: „Дед, ты-ко посмотри поди оленей“. Ста-
ричок пошел посмотреть, лисица всех оленей съела.

Тот старик вернулся домой. Не доходя до дома, издали старухе стал рас-
сказывать, идет, кричит: „Плачь, старуха, лисица оленей съела“. Старуха хорошо
1 не расслышала. Лисица также рассказывать стала, сказала: „Дед говорит: ста-
руха, лисица оленей жирными сделала, огниво дай, брусок, шило дай“. Та старуха
огниво дала, брусок дала, шило дала.

До прихода старика, лисица, когда дала все, убежала, туда ушла.

10. Тоҗо

Бөжә суksıllawa ǝllan. Irəpcınəwi, pururcānəwi ıllaran. Nuɣan tıkuıllan, toɣowı ganātən. āsınan toɣon sıwran. Tımānna albaran ılaɣamı toɣowı. Mucusınan hoktolıwı amaskı. Tālā bicən hokton toɣon. Əmərən tālā, tadu ətir-kən səgdənnəwi higətcə.

Бөжә ılacıllan atırkən toɣowön — tärä toɣo sıwran. Albaran ılaɣamı. Mucusınan düləwi. Əmərən hullalıwı udgusınan. Gokolɣomo ǝdan. Əwənkı əmərən, toɣon ācın. İrən, ɣunɣan: „ıdu toɣos?“ — „ācın“, nuɣan ɣunɣan: „albacāw ılaɣamı toɣowı“. Əwənkı ıllaran toɣowön — ɣaɣdallān. Nuɣan itıɣaran, oronmı onǝrən, əlgəsinān ətir-kənduli. Təpütən. İmırwə ılacıllan. Toɣo təli arurān.

A. Cernousow. Каменка

11. Hınıkcıcən

Бөжә wəjuscārən. Nuɣan şamān. Tālā ılbərən hınıkcıcənmə. Hınıkcıcən dörən. Şamān ɣurmārən, ɣarparan nuɣanmān. Wārən, ɣaddan, toɣojowı ıllallan ıştən. Sılacıllan. Hınıkcıcən ɣūnān: „ənnə minə ışinnä?“ Şamān ɣūnān: „ışım“. Hınıkcıcən ɣūnān: „Hata ɣunɣam ətı şəjirillən“. Şamān təlgəttən nuɣanmān. Nānā hınıkcıcən ɣūnān: „ənnə, minə təlgəcinnä?“ — „Təlgəcım“. Şamān səlarən nuɣanmān toɣodu. Hınıkcıcən nāɣā haɣuktallan: „ənnə, minə səlannä?“ — „Səlam“ — „Hata ɣunɣam əkundı ıriktəw ɣijirəllən“. İrirən hınıkcıcənmə, ɣawıllən. „ənnə, minə ɣawıllinnä?“ — „ee, ɣawıllım“. Hınıkcıcən ɣūnān: „Hata ɣunɣam əkundı minnillən“. Bөжә şurırən, manamı. Tālā amunan. Amunın ɣūnān: „şamān əcəs minə wārä“.

P. Киринов. Каменка

10. Огонь

Мужчина лыжи делал. Скобель, сверло сжег. Он рассердился, в огонь выстрелил. Заснул, огонь погас. Утром не мог зажечь огонь. Вернулся по дороге обратно. Там была дорога огня. Пришел туда, там старик спину грел.

Мужик стал зажигать огонь старика—тот огонь погас. Не мог зажечь. Вернулся домой. Пришел, в одеяло влез. Долго был. Эвенки пришел, огня нет. Вошел, сказал: „Где огонь твой?“ — „Нет“, он сказал: „не мог огонь зажечь“. Эвенки зажег, огонь загорелся. Он собрался, оленя привести пошел, привел к старику. Убил. Жир поджег. Огонь тогда ожил.

A. Черноусов. Каменка

11. Рябчик

Мужик охотится. Он шаман. Там спугнул рябчика. Рябчик сел. Шаман подкрался, выстрелил. Убил, взял, огонь зажег, оципал. Стал жарить. Рябчик сказал: „Что делаешь, меня обдираешь?“ Шаман сказал: „Обдираю“. Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то холодно стало“. Шаман на огне подвялил его. Опять рябчик сказал: „Что делаешь, меня вялишь?“ — „Завяливаю“. Шаман его на вертело насадил у огня. Рябчик опять спросил: „Что делаешь, меня жарить?“ — „Жарю“. — „Опять же говорю, чем-то кожа моя коробиться стала“. Сготовил рябчика, есть стал. „Что делаешь, меня ешь?“ — „Да, ем“. Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то зашевелилось“. Мужик ушел, кончивши. Там на двор сходил. Кал его сказал: „Шаман (ты) меня не убил!“

1.1 Şamān tikullān, nuḡanmān ganāttān, albaran wāḡamī. Halganḡiwī həkcişinān — halganīn lambarārān. Ũālātpı koltoron—ḡālān nomotōrān. Albaran şucaḡamī. Tādu-dā dogotowron.

1.2 Nāmēnnəḡə əmərān. Bakaran dogotocōwo, hennaduwi inisiḡan ḡūlawī. Tāla şamān nəḡirīduk ḡawawran. Hitēnmə Nāmēnnəḡə inirēn asilawī. Asīwi ḡūnān: „Niptəḡə niptəkəl wəḡunmə wācā bisām“. Asīn urūnān, jūrān ḡūdukwi, uḡaptunma nimḡərān. Gaḡan Nāmēnnəḡə hinnawān „ėkun-dā ācın“, ḡūḡan. „Ŗn ġkun-dā ācın?“ Nāmēnnəḡə ḡūḡan: „şī nimḡēnnā“. Asīwi tikullān, ḡawaran, huḡitəwōn huḡtərān, bakaran uḡaptunma. Ələ ḡanā dalbullan. Asīwi ḡūḡan: „ḡūkəl kamnun!“ Asīn hata ətən ḡūḡə. ḡanā dalbullan. Asīn ḡūḡan: „Əşilə kamnun“. Huḡitəḡōn kammundāran.

2.1 Mucusinan Nāmēnnəḡə šḡalıwi. Tāla bakaran şamānmə, inisiḡan ḡanā ḡūlawī. Əməwrān. Dogotocō inirēn. Şamān amultallan. Nāmēnnəḡə cəməwi gaḡan, alikittan amunman. Şurūrān biralā, siruḡit ḡəbdəwi.

Şamān illan, huḡəwətin wārān, šlōrān. Pompowōn asınmuraḡ hulladutin. Mə-nəkēn həḡḡitin ukələşinān. Nāmēnnəḡə əmərān, icərān huḡətin əşira. Nuḡan haktāḡan, ḡūḡan: „Huḡət əjipcā-dā“. Nuḡartin ələnıwēn ḡəwulle. Asīn ḡūḡan: „Ətirkēn Ŗn-ka huḡəmuḡca?“ Nāmēnnəḡə ḡūḡan: „huḡə šlləwən Ŗn-ka? ətən?“ Huḡəwi ḡəwra, aḡıwra, əşina. Şamān həḡḡit silḡiwūḡı arḡıcıllan. Nāmēnnəḡə ḡūḡan: „ėkunḡı halḡarwi ḡawsınalla, huḡəwəw ḡəwrəkıt?“ Tikullān, təḡərān, mōwa gaḡan, halḡarwi mōti cəpcıran. Ũūktə halḡarwar, ḡālāwḡar cəptıra. Şamān şurūrān.

1.0 Шаман рассердился, в него выстрелил, не мог убить. Ногою толкнул — нога приклеилась. Рукою ударил — рука прилипла. Не мог отклеить. Там же замерз.

Намонный пришел. Нашел замерзшего, на поняге потащил домой. Там шаман за наклоненное дерево зацепился. Зря Намонный тащил к жене. Жене сказал: „Подстилку подстели, зверя убил“. Жена обрадовалась выскочила из юрты, кольцо проглотила. Взяла Намонный понягу. „Ничего нет“, сказала. „Как ничего нет?“ Намонный сказал: „Ты проглотила“. На жену рассердился, схватил, живот ее распорол, нашел кольцо. Опять стал соединять (брюхо). Жене сказал: „Скажи: клей“ Жена все еще не говорит. Опять стал соединять. Жена сказала: „Теперь клей“. Брюхо склеил.

2.0 Вернулся Намонный по следу своему. Там нашел шамана, потащил опять домой. Принес. Замерзший ожил. Шаман испражился. Намонный чашку взял, собрал кал. Ушел на реку, с песком чтобы съесть.

Şamān vstal, сына их убил, сварил. Голову его положил в одеяло. Сам вниз лег. Намонный пришел, смотрит — сын спит. Он засмеялся, сказал: „Сын наш наелся же“. Они остатки съели. Жена сказала: „Старик что-то сына чувствую“. Намонный сказал: „Мясо сына как же? нет не станет (не может быть)“. Сына съели, насытились, легли спать. Шаман из-под низа шилом колоть стал. Намонный сказал: „Чем-то ноги закололо, не от сына ли еды? (не оттого ли, что сына съел)“ Рассердился, встал, палку взял, палкой ноги свои ударил. Обе ноги, руки сломались. Шаман ушел.

ДВЕ СКАЗКИ ТАЛОЧСКИХ ЭВЕНКОВ¹

G. G. Torgonow. Hуlugli. Tаlаса

I. Nимgакāwun

Сiwкākān дəyилcān. „Dilacawa icānāsinām“, gūnān: Dəgdācān-nun, dəgdācān-nun ʏiskakī, ədikakun ōlcā. Tādu asakikāzıwı səmkəwmanzācā, tıkimmen kəcā. Tıkıysa səktakāntikī mıkamukliwı ʏucə. Ōn-mal kəzāmı vulturgacā səktakāndukwı. „Sakta, səkta əhəylə ʏkʏsəldu kugdikaw kənzıyāw“. ʏkʏsəltikākı sʏrucə „Kəl ʏkʏsəl, ʏkʏsəl, səktakānmə-wəl kıgdikānəkəldu!“ — „Būciyi mənni cūkaɣmar əlārəw manamı!“ — „ʏkʏsəl, ʏkʏsəl əhə-ylə wəjcārdu zāpıwkəziyāw sūnāwə!“ Wəjcār tikākı sʏrucə. Wəjcārdu lā gānācā. „Wəjcār, wəjcār ʏkʏsəlwə-ylə zəpnəkəldu!“ — „Mənni wəjɣɣmər əzārəw manamı!“ — „Wəjcār, wəjcār əhə-ylə najarəldu pəktıruwkəziyāw!“ — „Bū mənni imuwər əzārəw dəgdəmı, wəjcār wə pəktırunāzəkəsəl.“ — „əhalıyər oɣukucārdu kırgawkənzıyāw“. Oɣukucār tikākı, sʏrucā oɣukucārdu lā gānācā. „Kəl nōjacəl imulwətin kuganəkəldu oɣukucār!“ — „Məɣnilwıl ɣunɣmər əzārəw manamı“.

Kəpālcān cıwkānıkāntın ədikākunmə tincān. Bolgokokutcəl tarıɣılın. „Əsilə kırgānāscāldaw“, oɣukucār gūlcəl. „Kə əsilə pəktırunāscāldəw!“ gūlcəl. „Dəpnāscāldəw ʏkʏsəlwə“, wəjcār gūlcəl. „Kıgzıkanāscəldəw“, ʏkʏsəl gūlcəl. Səktakānmər manawdan.

Т. Т. Торгонов. Хулугли. Талоча

I. Сказка

Пташечка летала. „Солнце отправляюсь смотреть“, сказала. Летала, летала — вверх, ветер сделался. Там крылышки износила, упала. Упала на тальник, задницу занозила. Как-то делая, сорвалась с кустика. „Куст, куст, ведь коровам скормлю“. К коровам отправилась. „Ну, коровы, коровы, кустик съешьте!“ — „Мы-то свою траву не можем кончить“. — „Коровы, коровы, ведь волкам скормлю вас“. К волкам отправилась. К волкам пошла. „Волки, волки, коров съешьте“. — „Свое мясо не кончим“. — „Волки, волки, ведь начальников заставлю выстрелить!“ (Пошла к начальникам, стала просить волков убить, те сказали:) „Мы свой жир не можем поднять, (не только) волков итти стрелять“. — „Ведь мышей заставлю (вас) загрызть“. К мышам пошла, к мышам шла. „Эй, начальников жир сгрызьте, мыши!“ — „Свои запасы не можем кончить“.

Рассердилась пташечка, ветер сильный напустила. Перепугались те. „Теперь пойдем грызть“, мыши сказали. „Теперь пойдем стрелять!“ сказали. „Пойдем есть коров“, волки сказали. „Пойдем жевать“, сказали коровы. Кустик кончился.

¹ Приводимые здесь сказки записаны русской транскрипцией эвенком Г. А. Ниргунеевым в 1926 г. на левом притжке верхнего Витима Витим-Олекминского национального округа. При переписывании принятой в настоящем сборнике транскрипцией все особенности талочского говора были сохранены. Ред.

2. Ңуcакн вәжә

Bәjә ңucакн ңānāzācān, isin sārā ēduk-wal baldicājāwı. Ңānāzāmmān, ңānā-
 җammān unāt wә turgaldicān, mänduldicā. ulğucanā-wəl ənā, tarıñın kulin öcā. Nıkin-
 mawān ucıecā. Ön-mal kādāwı gajkazana-nun ңānāzāwki. Ңānāzānә uñt wә wәjāwә
 turgaldicā. Tarıñın suraktalcā: „Nāysāci əmāndı?“ guncā. Tarıñın mañmi icāmcā—
 5 nāysājan uñj. „Uñj-mat“, guncā: „nāysājāw“. Tarıñın guncā: „Tar-ka nıkinmadus“.
 „Ön-mal gürəkəmi āzām“. Tarıñın tartıki-kān ңānācā ilan markānmә ciputcā, ma-
 rıñılzıwı iktulcā tarı kulinñıwān. Tarıñın gürəgēcā da i misēcā. Tar marıñkār wı
 wıçā tar wәjādı: „ē-wal öräkin, zōnmalısimdak, iktəgnəkəl“. Tar marıñkār wı ңālzā-
 nā-nun sırucēn. Tar-nun ңānāzāmmān, kadardun ғıwa bakacān, zāmēklācāzārān
 10 ırkēn. Marıñkār zıwı zōnmalısimdak-nun iktēcā, zāmōkkākunmān bürēi. İcā, aktıra-
 kākun. Tēmiktözānә ғırkulcā, ңān ırkewә bakacā, zōnmalısimdak-nun iktēcā zā-
 mēkkākun mañ bürēi.

Ңārikākun İrēkin, azırğa kēnazenān, uñcözānә, oroktolwo ulıcā. İcāscā, ңān
 ırkēn zāmēklācāzārān. Ңān marıñkār zıwı iktēcā, zāmēkwān bürēi. İcā ңınakin kikiñlā-
 15 zāran uñcözānә. Tādu uldēl bizārә. Tar uldēldıç ulıcā ңınakındı. Ңān cāskın zā-
 mēklācāzārān. İktēcān—bürēi. İcā, ңān ңārikākun. Duldığuzın ilan dılicı wәjā əmözā-
 rān, turgaldicā mänduldicā. Tarıñın suraktalcā: „Azırğawān tiñlā ıñındı, ңınakinmāw
 dāylә ulındı?“ — „Ulim“, tarıñın guncā. Tuñ-nun kēmi wədәwıscā, umıwkāncā, zula-
 kın bisikin əjucılcā. „Aja wәjā bisındı, dawarındı minәwә, tarı zarın bı sinәwә wәl-
 20 zığāw. Əri urbāskēs, əri ərkıjās, əri paltōjās, əri sapayılas, əri kotomılas, əri azırğa-
 jas kenzāna. Kә, sırucəkəl əsılō; əma-wal kamayā öräkin, tötıyēlwı əñnəkəl lukta“.

Azırğadu wı uñcā, sırucē, əsin tēki sarē ilā wəl sırucētēwı. Sırucē-nun murınnı
 zıñlāklān ңēnәdācā. Gorōjo-wal, dāğaja-wal ңēnәzācā, ғorotwә wakacā. Tarıñılın
 kacıl, kandulātın ңēnәcā. Tarıñın wәlāñēnmılcā, wıñēldēwı. Uñuñ unāñıcı. „Ərkiñdi-

2. Голый человек

Человек голый шел, не знает, откуда родился. Шел, шел—девушку встретил,
 поздоровался. Не разговаривая даже, та змеей стала. Шею его обвила. Как
 5 делать, недоумевая идет. Идя, другого человека встретил. Тот спросил: „С ношей
 идешь?“ сказал. Тот себя осмотрел—ноши нет. „Хотя и нет, сказал, ноши“. Тот
 сказал: „Вот на шее-то“. — „Никак сбросить не могу“. Тот туда пошел,
 три ветки сломал, ветками ударил ту змею. Та развилась, да и скрылась. Те
 веточки отдал тому человеку: „Если чего-нибудь случится, вспомнивши, ударь“.
 10 Тот, веточки держа, ушел. Тот, идя, на скале дом нашел, на замке дверь. Веточ-
 ками, вспомнивши, ударил, замок свалил. Вошел, темнота. Ощупывая пошел,
 опять дверь нашел, вспомнивши ударил, замок сам упал.

Очень светло когда вошел, жеребец ржет, привязанный, сеном по-
 кормил. Взглянул, опять дверь с замком. Опять ветками ударил, замок упал.
 15 Вошел, собака хочет укусить, привязанная. Там мясо. Тем мясом покормили
 собаку. Опять дальше с замком. Ударил—упал. Вошел опять свет. Перед ним
 трехголовый человек идет, встретил, поздоровался. Тот спросил: „Жеребца-
 то покормил? собак также покормил?“ — „Покормил“, тот сказал. Так повел,
 напоил, хотя и нагой, пожалел. „Хороший человек есть, навестил меня, за это
 20 я тебе помогу. Это рубашка, это штаны, это пальто, это сапоги, это сабля, это
 жеребец ржущий. Ну, иди теперь, если что-нибудь нехоршее будет, одежды
 не снимай“.

На жеребца верхом сел, ушел, не зная все-таки, куда итти. Уехал, конь
 (куда) вперед шел. Далеко ли, близко ли ехал, город нашел. Тот взял (да) к
 хану поехал. Тот собрался воевать, воевать. С одной дочерью (был). „Если

25 rækis-nun ær bulēndukiw unätwi būziyāw“. Nuḡan ʔrēcā, bulānnāscāl nuḡan, gilām-
nəj ʔyša, nḡascā. Kotomijatwi ənnirjāwi ənniwki, murinīn karjirjāwi karjwki. Tar
təyḡnkākunmān manacāl, mucucāl kāndulāwər.

Unätwān gācā atirkānə-wu. Unāziḡin ʔḡtu kānḡi omolgīnunīn takilwiptulal.
Omolgīnunmi gūmātca, tar wəjāwə wādāwər. Baḡuwa topilcāl ərdəmmān sāsərə,
30 tətīyədun ərdənīn, waḡunāyıləcā. Baḡuḡduwi omolgiwi təruldicā. Tar-dā waḡunācāl
wəjānən. Wəjān tətīyətwi luktawi nḡələzällān, tətīl waḡuylalcā. Unāziḡin kukecā, tətīyətwi
lukmardān. „Tətīlnər kəktə“, guncā: „əyā-wit ʔmūnḡpcārəp. Wəjājanən mit ʔzarap.
Lukiḡsa, waḡukəl!“ Luktan da tādu nākīrən. Tuḡ-nun lukcānmān, waḡulḡanmān da
cakīdārən omolgiḡin. Tətīyətīzīn tətənī kotomi ajamelizīn dilwān təkətəstān, ʔḡḡlikān
40 təkətārān, kuḡdu təwdən, azīrgan irgidun kansukaran kuḡwə. Azīrgawān tinən. Azīrgan
əzāntikākīwi misərān. Əzāndulāwi ḡenḡrən, ilan dilicīnlāwi tulīndun kēnalcān-nun.
ilandīlcā əzānīn dōldīran. Dōldīyša jūrən, əkun kenazerān. „Minḡi azīrganācinmi“.
jūrən, nuḡannīntītkān azīrgan kēnazerān. Irgidun karīḡ kuḡkun kansukucasaran. Kuḡ-
wān kansukalḡacā, eruktalcā, wəḡəḡḡimāldə ʔldəlīn. ʔriḡḡāḡa eruktalcā: „Karīn ʔnekī“
40 wəjāḡin. Dawaj ʔriḡḡāḡa, bizāk bidākizīn nḡlcā, wukulīwān nātca nazīḡannun zalmāssīḡan.
Wəjəjā-dā wukūli ʔcā, ʔwusca, karīḡ tarīḡin əriścā, ilcā. Ilan dilicīḡin suraktalcā:
„ḡorowot-lā āndi ḡūnnā!“ — „ḡorowo ām“, guncā tarīḡin. Tāduk ilan dilicīḡin walalcā:
Bī-wit sinəwə ḡunzārkwə, tətīyətī wukta ədās. Kuḡkəlīwḡ-ḡəs əndəməndecāw.
Əri atanmi wokōmarkəl“. — „Ōn-dā wokōnzam“, guncā ḡekākun. Ilan dilicīḡin:
45 „Bī wələziyāw ḡān“. — „Wələmī-nun, wələkəl“, wazan guncā. Altama azīrgaḡcā tīzānḡi,
asiwān aduwundun ʔḡkoldīnāscā, altama azīrga ʔyša. Ōḡkoldīzacān, ʔḡkoldīzacān,
ḡəḡəlcāl karīḡ altama azīrga ḡirkuzaran. Icarācīldulāwər icārīwkwānscāl. Icarācīlīn karīn
ḡuncāl: „ʔnekī wəḡḡḡmisun, ʔḡḡlikān təkətəkəldu, toḡodu ilammer“. Tuḡi ḡumātcarəktīn,
ʔmūn unät dōldīcā. Tādu altama azīrgatkākī tuḡsascā, azīrgalā ḡənəcā. „Iḡəl sinīwə tək-
50 tərəcāl, iladāwər kəsərə“. — „Zanakaktīn, ilaktīn“, guncā: „təlkā sī minəwə ajatnujizəndi
əməḡāwi. Ələkəs təkətəstaktīn, sḡhās ʔskəniscīḡan, tarāwə tukalakānzi buladāwī“.

25 поможешь, после войны дочь отдам“. Он согласился, поехали воевать, он, глав-
ным сделавшись, впереди шел. Саблей своей рубит (и) рубит, конь (попав-
шего) грызет (и) грызет. Тот народище кончили, вернулись к хану.

Дочь его взял старшую. Дочь с другим ханским парнем знакома. С пар-
нем сговорились, того человека чтобы убить. Баню затопили, силу его знают,
30 в одежде сила его, захотели сходиться в баню. В бане с парнем договорились.
Тот тоже в баню пошел человек. Человек одежды свои снять боялся, в одежде
захотел мыться. Девушка (жена его) соблазнила, одежды чтобы снял. „В одежде
помоюсь“, сказал. „Ведь соединимся, супругами мы будем. Раздевшись, мойся“.
Снял, да тут положил. Пока снял, пока мылся, набросился парень. Одежды надел,
40 саблей хорошей его голову отрубил, на мелкие куски разрубил, в куль набил,
на хвост жеребца привязал куль. Жеребца отпустил. Жеребец к хозяину своему
скрылся. К хозяину пошел, у трехголового снаружи (около дома) заржал. Трех-
головый хозяин услышал. Услыхавши, вышел, что ржет. „Мой жеребенок“. Вышел
к нему, жеребец ржет. На хвосте его для чего-то куль привязан. Куль отвязал,
посмотрел—человека бывшего тело. Вытащив, посмотрел: действительно раньше
40 (был) человек. Давай вытаскивать, как был сложил, слюну положил, по кускам сле-
пил. Человек мертвый стал, подул, вдруг тот очнулся, встал. Трехголовый спро-
сил: „Долго ли спал, говори?“ — „Долго спал“, сказал тот. Потом трехголовый
закричал: „Я ведь тебе говорил же, чтобы одежды не снимал. Предупреждал—
ошибся. Эту обиду вороти“. — „Как же ворочу“, сказал второй. Трехголовый:
45 „Я помогу опять“. — „Если поможешь, помоги“, тот сказал. В золотого жеребца
превратил. На отнявшего жену, на пастбище его ушел, золотым жеребцом ставши.
Пасся, пасся, узнали вдруг, золотой жеребец ходит. К колдунам пошли. Кол-
дуны сказали: „Прежний человек, на мелкие куски разрубите, в огне сожгите“.
Так когда говорили, одна девушка слышала. Туда к золотому жеребенку
побежала, к жеребенку пришла. „Люди тебя убить, сжечь собираются“. — „Пусть
50 убьют, пусть сожгут“, сказал: „только, меня если любешь, приходи. В первый
раз когда ударят, кровь потечет, ту (кровь) землю покрой“.

Tarda tæktænāscāl, unazīnīn əməldicā. Kətəkākun binəl, əməcāl. Ələkəs tæktæstæktin, sähəjə cıcincā, tarkānmə tukaladu zajacā unazīnīn. Tæktæcāl-da ɯrgulikān toɯodu ilacāl, sɯɯcāl. Goroja-ɯu, daɯaja-ɯu birkəl. Tādük altama zagdakān baldicā.

55 Tādük kariɯ bəjäl bakacāl altama zagdakānmə känduwar silbacāl. Kāntin icārāciltikākīwi. Icārāltin kariɯ gulcāl: „ɯnəki bəjānisun, ɯrgulikān tæktəkāldu, toɯodu ilamər. Unazīnīn nān döldicā. Zagdatkāntikākī tuɯsacā: „Sinəwə nān iladāwər kəzərə“. — „Tæktəɯsəlzanākaktin, si əmədāwi; da aɯnistaktin, sāpkə ətəkənsiɯān, tarāwə zajadāwi“.

Tæktænāscāl. Tæktæcāl, toɯodu ilacāl. Ələkəs sāpkākān ətəkənəkin, zajacān unazīnīn. ɯənɯscāl, tæktəɯsəl, ilaɯsal.

Gorojo-ɯu, daɯaja-ɯu bizācātīn. Tādük əsilə altamakān gulɯpkə oɯsa, prāmə ulicəlītin tɯtɯktəlçā. Nuɯanmān wāzəna kānɯ omolɯin, asīwān tizāna, icāçā: „Ərkə altamakān gulɯpkə“. Əsilə gulɯpkəɯmī asaktallan sət kəlçā ənə-wəl ɯənərə icārācildɯlāwi.

65 Bököltakun ozawki, tariɯnīn ərnun tɯtɯktəzəwki. Ərnun zawassazawki kānnīn. Tuɯi kəzāmmān āmuttu tısaktazana, misəsilçā. Bəjānīn tətīɯəlwi lukɯɯsa, əlbəskātcān, asaktalçā. Tālikākin gulɯpkəɯkənin ɯɯigdalīn dəɯçā də tətīɯəldun docā, wəjājā ocā. Tətīɯəlzīn tətçā, tuɯsamalçacā, tæktəçā ɯrgumkān, toɯodu ilacā.

70 ɯnəki asīɯlāwi tuɯsacā tæktəçā ɯrgulikān, da toɯodu ilacā. Icārācīndɯlān ɯənəçā da tæktəçā, ɯrgulikān, toɯodu ilacā. ɯnəki unazīnmī, səpkəɯmān zajatcanan, gacān. Kānmī tari-da gorottu bilçan, təɯāɯi-də tarī kantin ocan.

Вот пошли убивать, девушка с ними пошла. Многие будучи пошли. Впервые когда ударили, кровь потекла, немножко той спрятала девушка. Изрубили да на мелкие куски, в огне сожгли, ушли. Долго ли, мало ли было (прошло). Потом золотая сосенка выросла. Потом вдруг люди нашли золотую сосенку, хану сообщили. Хан к колдунам. Колдуны сразу сказали: „Прежний человек, на куски разрубите, в огне сожгите“. Девушка опять услышала. К сосенке побежала: „Тебя опять сжечь собираются“. — „Когда рубить станут, ты приходи, рубнуд когда, щепка отскочит, ту спрячь“.

60 Пошли рубить. Разрубили, в огне сожгли. Первая щепка когда отскочила, спрятала девушка. Пошли, разрубивши, сжегши.

Долго ли, коротко ли жили. Потом тогда, золотой голубкой сделавшись, прямо по улице пошел. Его убивший ханский парень, жену его отнявший, увидел: „Вот золотая голубка“. Вот голубку стал гонять, сильно гонял, не сходил даже к колдунам.

65 Почти догнал, тот все ходит, пытается схватить хан. Так по озеру поплыл, скрылся. Парень, одежды снявши, поплыл, гонял. Тогда голубка вверх улетела да на одежду его села, человеком стала. Одежды надел, быстро побежал, разбил на куски, в огне сжег.

70 К прежней жене побежал, зарубил на мелкие куски, в огне сжег. К колдунам пошел, разрубил на куски, в огне сжег. Прежнюю девушку, щепку спрятавшую, взял. Ханом в том же городе жить стал, народа того ханом стал.

МАТЕРИАЛЫ ПО УСТНОМУ ТВОРЧЕСТВУ ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Материал для этой работы был собран мною в разное время: на севере Байкала и в Верхне-Ангарском крае в годы 1919, 1920 и 1925, в верховьях Лены и Кирэнги зимою 1925 г., по Нерче, Витиму и Карэнге весною 1926 г. Поверстный маршрут поездок, о численности эвенков, а также замечания о характере языковых материалов изложены в предисловии к книге „Тунгусско-русский словарь“ (Иркутск 1926 г.)² Эвенки обследованных районов называют себя „эвэпкi“. Все они—оленоводы или были оленеводами еще на памяти живущего поколения. Верхоленские эвенки „сели на землю“ — построили избы, завели лошадей и коров. Отдельные хозяйства расчистили пашни. Но все это пока только привесок к охоте на зверя. Оседлые хозяйства „береговых“ эвенков, иногда более окрепшие, чем ленские, мы встречаем на севере Байкала, по Нерче и Карэнге.

У эвенков сохранились остатки родового быта. Каждый знает название рода, к которому он принадлежит. Браки их экзогамны, кочевья распределены по родам и уже в пределах рода происходят дележи охотничьих участков по семьям. Не соблюдается этот порядок только по Нерче и Витиму—погоня за белкой нарушает традиционную неприкосновенность родовой территории.

То, что предлагается в этой работе в качестве эвенкийской поэзии, можно разделить на следующие группы: сказания о богатырях, сказки бытовые и о животных, песни, загадки, детские рифмы, пословицы.

Сказания о богатырях были сообщены мне в виде обычного повествования, а не напеты, за исключением отрывка № 20, в котором рассказ сопровождается припевом. Все же в характере изложения этих сказаний можно установить особые, присущие только им черты: ритмическая конструкция фразы с оттенком торжественной интонации, местами подчеркнутые аллитерации и рифмы, сгущенные поэтические преувеличения. Темой сказания в большинстве случаев является борьба богатырей с мифическими великанами „тапi“ или „kalusal“. В современном представлении северо-байкальских эвенков „kalul“ — хозяева рек и гор, раньше это были „большие люди, которые убивали“. У ленских эвенков „kalusal“ — это великаны „тапi“, у северо-байкальских эвенков — видовое название медведя, у ленцев — чорт, богатырь, людоед, великан; „тапi jaŋkup“ — название Млечного Пути, обозначает лыжный след тапi (медведя).

¹ Тексты, представленные Е. И. Титовым, уточнены в переводе и переписаны транскрипцией, принятой в настоящем сборнике, с сохранением особенностей говоров и со следующими соответствиями транскрипции словаря:

В сборнике: а, ā, а̄, ā; в; с; d; з; е, ē; э, э̄; і; g; γ; і, і̄, і̄; j; k; l; m; n; ŋ; p; o, ō; p; r; s; š; ц, ɕ, ɕ̄, ɕ̄; w; z.

В словаре: а, аа, ā; б; ч; д; дж, дж'; е; э(о), о(а), ы, э, ы, о; ф; г; h; і, ы (после т, д); j; k; л(і); м; в; н'; нг; о; п; р; с; ш; т; у; ɕ(w); ж.

² Палатализация в словаре обозначается буквами: у, ъ, е; иногда знаком „‘“ после буквы. Ред. См. также путевые очерки „Северная Даурия“, „Кони, тайга и суглинок“ в журн. „Сибирские огни“ Новосибирск, 1926, кн. 5—6; 1927, кн. 1 и 3.

Все сказания связаны с каким-нибудь собственным именем богатыря. Наиболее популярный, должно быть, Акши-Бакши, по пояс в стружках, он занят изготовлением луков и стрел. Весьма возможно, что имя другого богатыря, Хани-Хубун-Хэкэр-Богдо, является эвенкийской версией сказаний о Гэсэр-Хане.

Сказки эвенков имеют черты своеобразия. В отличие от большинства русских, они построены на диалоге. Иные из них рассказываются с припевом, который может быть имитацией игры на музыкальном инструменте (vигvип-vигvип). Эвенки заимствовали отдельные сказочные мотивы и целые сюжетные построения у русских, но заимствованный материал всегда использован творчески (сказка № 8 на тему ершовской истории о Коньке-горбунке). В сказках о животных главный герой — лиса (то самец, то самка).

Песни благодаря обязательному речитативному напеву имеют более или менее строгую метричность, часто воспроизводящую рисунок наших ямбов. В песенной строчке можно наблюдать „красоогласие“. Рифмуются и концы и начала слов, созвучия располагаются свободно. В любовных песнях наблюдаются символы — застывшие штампы образов: оленья самка двух лет — девушка, бычок — парень, бык дикого оленя — вдовец и т. д. Любовная игра изображается в виде борьбы и встречи диких оленей, самцов и самок. Обычно в слова песни добавляются лишние суффиксы, что затрудняет толкование текста.

Несмотря на суровую борьбу за существование, эвенки-оленовод находят достаточно поводов для забавы и творчества. Песни поются во время длинной процедуры сватанья и свадьбы, в недели торжищ после выхода из тайги, когда радость встречи и неизменная водка развязывают языки и фантазию. Вечерами молодежь, сцепившись руками, плечо в плечо движется в круговых плясках и поет в один голос музыкальную фразу, замкнутую в определенную словесную форму — в слово без смысла. Мотивы сменяют друг друга, люди ритмично приседают, выставляя вперед ноги, азарт нарастает, в круг вовлекаются все новые и новые участники, и пляска превращается в радение.

Для эвенкийского быта характерна следующая картина: семья жениха принимает родовичей. Гости сидят в порядке по кругу юрты перед дымящимся ворохом мяса. Гостей обносят вином. Принимающий рюмку говорит приветствие. В зависимости от таланта он может говорить много или мало. Кто-нибудь начинает петь, нанизывая слова на нитку однообразного мотива. Это большей частью импровизация, но есть песни, которые знают все. Есть и певцы, которых слушают с уважением, ибо в песнях их есть сила. Такие певцы на учете. У оленных эвенков хороших импровизаторов много. На Лене я нашел только двух мастеров импровизации. Я не исчерпал и десятой доли их импровизации.

Вот перечень певцов и сказочников, от которых я делал запись: 8-11

1. Полин Дмитрий (№№ 1—9) живет в 100 километрах от Качуга по дороге в Карам, в деревне Шевыкан, населенной обрусевшими бурятами. Ему 63 года. Последний представитель шевыканских эвенков продиктовал мне 9 сказок, заметив, что это только начало того, что он знает. Он поделился со мною только сказаниями о богатырях. Судя по записи № 9, у него есть запас бытовых сказок. Полина знают все верхоленские эвенки. В молодости он служил выборным общества. Сейчас живет в своем доме, зимою ставит капканы на рысей, „белкует“, летом охотится на рысей. Полин был трижды женат, одна из жен была дочь шамана. Полин говорит по-бурятски и по-русски, играет на гармошке.

2. Стариков Петр Яковлевич (№№ 13—15)—60 лет, с Тутурского стойбища (р. Тутура — правый приток Лены), бедняк-безлошадник, когда-то имел оленей. Похоронил 7 детей, сейчас живет с дочерью и сыном. Один глаз с бельмом, постепенно слепнет. Стариков — отличный сказочник. Перед каждой сказкой Стариков помолчит — „наперво подумать, как ловче говорить“; рассказывая, волнуется, потом увлекается, забывая о том, что записывают. Стариков смотрел мне под карандаш и сам просил читать вслух прочитанное.

3. Сафонов Иннокентий Михайлович (№№ 10—11),—30 лет, карамский эвенки, недавно прикочевавший с Кирэнги в стойбище Тьрка. Это

отважный и умный парень. Незадолго до нашей встречи его серьезно измял медведь в неравном единоборстве. Сафонов хорошо говорит по-русски, хотел бы очень пробраться в город на учебу.

4. Монастырев Федор Константинович (№ 12)—37 лет, цветущий, высокого роста эвенки, основательный в делах, сказочник случайный.

5. Комарицин Иннокентий Николаевич (№№ 16,49,50)—42 лет, эвенки Чильчагирского рода из поселка Ченчи на Верхней Ангаре, внук оленого эвенки, женатого на „смешнице“ (дочери эвенка и русской). Комарицин говорит по-русски и по-эвенкиски.

6. Петухов Федор Николаевич—63 лет, из выселки Дагары в Нижне-Ангарске, метис с преобладанием русской крови и привычек. Его эвенкийская речь имеет русский акцент.

7. Шаньгин Федор Николаевич (№№ 17—18, 51—53)—35 лет, эвенки Киндигирского рода с Нижне-Ангарска, береговой, знает русскую грамоту в пределах начальной школы, женат на русской, многодетен, беден и психически подавлен. Мать была шаманка. За три года знакомства я успел добиться от него не более двух сказок. В течение трех месяцев зимы 1919/20 года Шаньгин помогал мне изучать эвенкийскую речь.

8. Аеулев Яков Иннокентьевич (№№ 19—22, 24—27)—43 лет, горный эвенки Киндигирского рода, вдовец, очень скромный и честный человек, старательный промышленник. Уходя на промысел, оставляет двух детей в избушке берегового эвенка. Я „открыл“ Аеулева случайно. На мою просьбу что-нибудь рассказать он, отложив выход на промысел, диктовал и пел мне два дня. Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово в слово.

9. Букидаев Николай Иванович (№№ 23, 28—35, 45)—23 лет, горный киндигирец, товарищ Аеулева по промыслу. Песни диктовал с азартом и уверял меня, что сочиняет все сам, потом его песни поют другие. По-русски почти не говорит. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией.

10. Муктонов Алексей Николаевич—22 лет, с детства живет среди русских в Нижне-Ангарске.

11. Шонгото (№№ 36—38)—12 лет, сын горной эвенки, вдовы из Киндигирского рода, сообщил несколько загадок и рифмы-считалки. Шонгото учится в русской школе. Жалобу зайца (36) сообщила его мать.

12. Аеулева Ольга Николаевна (№№ 39—44)—18 лет, берег. эвенки.

13. Нергунеев Александр Герасимович—22 л., из рода Бултэбир со стойбища Чондак на Карэнге. Нергунеев—близкий приятель известного среди нерчинских эвенков сказочника с р. Имурчен (приток Витима) Торгонова Георгия Гавриловича. Нергунеев не профессионал-сказочник, но человек с талантом, обладает музыкальным слухом, очень охотно рисует.

14. Нергунеев Афанасий (№№ 54—60)—старик из рода Бултэбир.

15. Баксанаев Семен Анипатович (№№ 61—68)—19 лет, из рода Урпиюлевых (Туруягир) с р. Ципы (приток Витима). Прослышав, что я интересуюсь сказками, Баксанаев сам пришел ко мне на фабрику Калакан и предложил свои услуги. На кормежке, у костра он продиктовал мне сказки и спел песни. Пел Баксанаев чудесно.

На Лене и Кирэнге у разных лиц, главным образом у подростков и молодых парней записаны загадки. Все записи выверены, но ошибки должны быть, так как мои сказители при повторном чтении часто находили неудобным вносить мелкие исправления. Перевод сделан слово за слово.

В заключение необходимо заметить, что мои наблюдения над поэтическим творчеством эвенков были кратковременны, хотя, может быть, и счастливы. Все же мне кажется, что я собрал лишь осколки чего-то прежде значительного. Я решился на публикацию этих скудных и несовершенных записей, полагая, что даю их в качестве пробы, которая будет полезна, так как эвенки изучены плохо.

1. Caɣalaj-Cakulaj

3ür baɣatırıl gəjıwhəl arcaldıra. Gə Zerdıšan-3üııkta gərvın. Gə Caɣalakaj-Cakulaj gərvın. Bakaldımı ırıldırä, ılgıcöllä, ıröcalımmər kərə. İlanma şutkal ıröcara, tıra onımmər kərə, awgu-wal əhın dävdirä. Günmötçä „Hojuwər halızahınmät“: Murıcıl zükcä, murırduwar uwra, şırımmär kərə. Goroo ırənərə, icərə gorot, ırävä

5 əwzärä. ırä hərädın jē-al kəmi günän: „Əräwə gorotpraw dulumkän ırənəkəllu! Bı şınä döldicäw ıröcasıcāhun ilanma sutkal, dınnä habalzıcān“.

Nuartin icərə atırkəkun. Jaga-bava hukcasırän, səgdənnəduwi. Caɣaläj-Cakuläj möwa həgdikəkunmā şullutcan. Jaga-babawa möt şuwuruzın, amıalın ıgdırämman kərän.

10 Şırırı gorottuli, vəjəl nuarwatın nəmkiçalimmär kərə, baɣatırıl alımmər kərə. Gorotpra weşpän həkimnəmmär kərə. Cäskı şırırı, icərə ləmuıkün. Caɣalaj-Calukaj icämi inəmıhinän, Zerdıšan-3öııkta əhın ırınä. Günmötçä: „Mıkcanmät ləmuwa bargıskı“ Caɣalaj-Calukaj mıkçänän ceres. Zerdıšan-3öııkta mıkçänän ləmuwa, murın n kəkcanmə ılammən müdü kərän.

15 Cäskı şırırı, gorowa ırənərə, icərə Moıokun-3əgdızärän, rəbowa ıştalä. Caɣalaj-Cakulaj inəmıhinän. Zerdıšan-3üııkta öhadöllän. Nuartin günmätçä: „Murırduwar mıkçänmät“. Caɣalaj-Cakulaj mıkçänän cakumnak. Zerdıšan-3öııkta murın n ırıwi palımmən kərän towadu.

Cäskı şırırı, icərə kammakur kajtläzärä, Caɣalaj-Cakulaj icämi inəmıhinän.

20 Zerdıšan-3üııkta inəmıllän Nuartin günmötçä: „Miti murırduwar mıkçänmükänmät“. Caɣalaj-Cakulaj mıkçänän cakumnak. Zerdıšan-3üııkta mıkçänän murınman halgänmən rəhitçä. Amäşkiwar mıkçänä. Caɣalaj-Cakulaj mıkçänä, Zerdıšan-3üııkta mıkçänän murınman ırırıkçän rəhitçän. Pişkəm sulapçän. Nuartin günmätçä: „Pişkəlıl mıkçänkiwät“. Caɣalaj-Cakulaj cakumnak mıkçänän.

Д. Полнн. Карам

1. Чагалай-Чакулай

Два богатыря красивые встретились. Один Жердышан-Джюгикта по имени. Другой Чагалай-Чакулай по имени. Встретясь обрадовались, стали говорить, бороться стали. Трое суток боролись на-разных, никоторый не одолел. Переговорили. „Конец пойдем искать“.

5 Далеко уехали, увидели город, с хребта спускаются. Под хребтом кто-то сказал: „В этот город смирененько заезжайте, я вас слышала, боролись (вы) трое суток, земля дрожала“.

Они увидели—старушица. Яга-баба лежит на спине. Чагалай-Чакулай дерево крупнейшее вырвал. Яге-бабе дерево вершиной в рот воткнул.

10 Поехали в город, мужчины стрелять их из луков стали, богатыри рассердились. Город весь распотали. Дальше поехали, увидели морище. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта не рад. Сговорились: „Перескочим моря на ту сторону“. Чагалай-Чакулай прыгнул, моря не задев, Жердышан-Джюгикта прыгнул (через) море, конь его копыто замочил в воде.

15 Дальше поехали, долго ехали, увидели огнище горит, до неба достает. Чагалай-Чакулай усмехнулся, Жердышан-Джюгикта рассердился. Они сговорились: „На конях перескочим“. Чагалай-Чакулай прыгнул, ничего не задел. Жердышан-Джюгикты конь (его) хвост опалил в огне.

20 Дальше поехали, увидели утесы, ножицами сдвигаются. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта заплакал. Они сговорились: „Мы на конях перепрыгнем“. Чагалай-Чакулай прыгнул, не задел, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коню своему ногу оторвал. Назад прыгнули. Чагалай-Чакулай перепрыгнул, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коня его пополам разорвало. Пеший остался. Они сговорились: „Пешие будем прыгать“. Чагалай-Чакулай, не задев, прыгнул,

²⁵ Zerdīšan-3ūhıkta mıkcānā, halganmān pəhitimmān kərān. Amaşkiwār mıkcānā. Cağalaj-Cakulaj cakumṅak mıkcānān, Zerdīšan-3ūhıkta uṅurıkcān pəhitcēn. Cağalaj-Cakulaj uməkēn sulapcān. Zerdīšan-3ūhıkta buḍān.

Cağalaj-Cakulaj murıduwı uwrān, şurımmān kərān. Ɖənerān, Ɖənerān gorokökunma. Hoktokönmo vakaran, hoktoköndulı şurıṅun. 3ükāndulā işşan. Luṅurkikin ³⁰ morıdukpı jūrān. Ahātkān züdukc jūrān. Arcamkārān Cağalaj-Cakulajwa. 3ūla irā, cajsıwa ūlārān, ūlləlwə ūlārān, zərcālimmār kərā. Kəhilā niṅahındar kəzirə. Ahātkān ḡunān Cağalaj-Cakulajwa: „Ərā zū ṅəlıwkwāciṅki dolbol, əkəl! əkəl ırkəwə nırə. Öntānā, öntānā ḡunziyān: Əkəl! əkəl ırkəwə nırə“. Niṅahınmer kərā.

Dolbukökin döldıra jəwal kəmi murıdu əmərān, ḡunān: „Ciwəkcin! ciwəkcin! ³⁵ ırkəwə nıkəl“. Tarı ciwəkcin əṅki nırə. Hırkönmə ḡunzārān: „Əkəl! Əkəl hawalla“. Kummıcā hırkānma. Tarā hilā ḡunzārān tilında: „Ciwəkcin! ciwəkcin! ırkəwə nıkəl. Bı ularpā bihim. Bəjırdı mıḍı arnawa özacāw. Orordu waḡdākāldu lawıktawa özacāw. Murırdı, kukuḡildu oroktolwo worulwa özacāw. Ajaldı woṅatırıldu hōitın özacāw. Lāmuwā tincāw. Toṅowa tincāw kojmına öcāw. Kaṅitılāzirān. Nuṅartın mıkcānkıcātın. ⁴⁰ Hojwor tādū wakacātın... Cağalaj-Cakulaj ciwəkcinmə əkəl dölcətca, hündākāl cāwəkcinma. ırkəwə nımmın kəkəl!“

Cağalaj-Cakulaj kərān ciwəkcinmə hundārān, ırkəwə nımmın kərān. Ahātkākıkn ḡəjıkcəkıkn təlki irān zūlā. Ciwəkcinmi dılwān pəhimcēn. Tılişki hündāmmān kərān. Nuartın zıkcə kəhillā aṅṅacımmar kərā. Məkəməcillā, önkā zıkcə ḡəjıkcəkı.

D. Polın. Karama

2. Akşirə-Bakşirə

Ətirkan bizican. İlan ahātkār, huṅəlin wölnakākır. Əṅkil əja-wal vəlārə amıduwar. Baḡdawkil öhal, dəṅilihinā vırakundulā. Ulbuşkəcıllā waḡdawkil. İlanzār kaluşal əmərā. Adılıt adılımmar kərā. Nuḡkündiwu hunāt

²⁵ Жердышан-Джюгикта, прыгая, ногу свою оторвал. Назад прыгнули, Чагалай-Чакулай не задевая прыгнул, Жердышан-Джюгикта пополам разорвало. Чагалай-Чакулай один остался, Жердышан-Джюгикта умер.

Чагалай-Чакулай на коня своего сел, поехал. Ехал, ехал очень долго. Тропинку нашел, по тропинке поехал. К юрточке подъехал. Глубоким вечером ³⁰ с коня слез. Девушка из юрты вышла. Встретила Чагалай-Чакулая. В юрту вошли, чай сварила, мясо сварила. Поели, потом стали ложиться спать. Девушка сказала Чагалай-Чакулаю: „Эта юрта погугивает ночью, не открывай, не открывай дверь. О всяком, о всяком будет говорить, не открывай дверь“. Уснули.

Глубокой ночью услышали—кто-то на коне приехал, сказал: „Стряпка, стряпка, ³⁵ дверь открой!“ Та стряпка не открывает. Парню говорит: Не шевелись, не шевелись“. Обняла парня. Та говорит на дворе: „Стряпка! стряпка! Дверь открой, я промокла. Сохатым в воде осоку делала. Оленям диким белый мох делала. Лошадям (и) коровам траву „буруй“ делала. Добрым богатырям конец делала. Море напустила. Огонь напустила, утес сделала стригущий (как ножницы). Они (до тех пор) перепрыгивали, (пока) конец там (не) нашли. ⁴⁰ Чагалай-Чакулай, стряпку не слушай, брось стряпку, дверь открывай-ка!“

Чагалай-Чакулай стряпку бросил, дверь открыл. Девичища красивейшая только вошла в юрту. Своей стряпке голову оторвала. На двор бросила. Они оба спать вместе стали. Совокупились, как же, оба красивые.

Д. Полин. Карам

2. Акширə-Бакширə

Старик жил-был. Три девушки, его дочери, очень непослушные. Ничего не помогали отцу своему. Лебедями сделавшись, полетели на речку. Купаться начали лебеди. Тридцать великанов пришли. Сетью обсетили. Младшая девушка

5 cınıkā ōwha, adilwatın top dəyillən. Zūrūwə şagdawulwa hunilwān kaluşal dawara. Nükündıwu cınıkā owha, dəyilzāhinān amıntıkiwi. Amınnı sōnadun dōmmen kərān, gūnān: „Amal minā zajakal, əktılwə ilanzar kalusal zawacāl“. Amınnın gūnən: „Za-naka, əŋki hūŋkā birkā. Ahantina tēmkerri, əhinkəncā, dəyilsākāl! Akşirē-Bakşirē şınə zajazırān, wādān basalakīma, oŋokton ihālāma, zarıwahammeln oŋŋakımmān nurlıwı ōzəŋki“.

10 Hunāt tartıki dəyilzāhinān. Issan, Akşarē-Baksarē şōnadun dōmmen kərān. Zūt-kın icəhinān. Akşarē-Baksarē nurlıwı ōzarān. „Təzət!“ gūnən hunāt: „Akşarē-Bakşarē minə zajakal“,

Akşarē-Bakşarē uwişki icəhinān, şōnatki. „Hunāt əməcā“, gūnān Akşarē: „əmə-kāl zajzeŋw“. Aşatkān zülā İmmān kərān.

15 İlānzār kaluşal ahara. Akşirē gūnā: „Akşirē-Bakşirē əmıwkwāl hunātpa. Əhikiş əmıwwrə, sınə wəzılləw“. Akşirē-Bakşirē gūnən: „Şū minā əziŋəhūn wārā“. Nurlıwı garan, nuartıŋıtın ŋənəhinān. Əmərān. Kūhilinımār kərā. İlānmə-zār kaluşalwa wespa wārān. Hunātpə ahıjəwı gammən kərān. Akşirē-Bakşirē tar mujən.

D. Polin. Karama

3. Sarältə

Ətirkan bizəllən. Bayatır şagdıcā guləduwi təyātcārān. Tirga wəjūkun-anamkun əmərān. Tūlındı binā ərillən: „Amākā Şarältə, tūlışki jūkāl!“ gūnān: „Əhikiş jūrā, ərəwā guləwəş kəkəjizirəw“ gūnān. Amākā Şarältə wəjūnmā gūnān: „Şō wimi, kəkəkəjəl, minŋiwā guləwəl. Bı gəjəwındıwı ōcaw ərəwā guləwā“.

5 Bəjūkun tuharān, guləwā kəkəjrān, hammen ŋərutmi. Amākā Şarältə nurlıwı garan, tūlışki jūrān, anamkūnma nəmkımmān kərān, wārān. Tar mujən.

пташкой сделалась, сеть их сквозь улетела. Двух старших девиц великань
5 поймали. Младшая, пташкой сделавшись, полетела к отцу своему. У отца на дымовое отверстие юрты села, сказала: „Отец, меня спрячь, старших сестер тридцать великанов поймали“. Отец ее сказал: „Так и надо, непослушны были, лицом похож на лягушку, нос его — как ящерица, в стружках по пояс, стрелы делает“.

10 Девица туда полетела. Достигла. Акширə-Бакширə на дымовое отверстие села. В юрту заглянула. Акширə-Бакширə стрелы делает. „В самом деле“, сказала девица: „Акширə-Бакширə, меня спрячь“.

Акширə-Бакширə вверх посмотрел в дымовое отверстие. „Девица пришла“, сказал Акширə: „иди, спрячь“. Девушка в юрту вошла.

15 Тридцать великанов нагнали Акширə, сказали: „Акширə-Бакширə, отдай девку. Если не отдашь, тебя уьем“. Акширə-Бакширə сказал: „Вы меня не убьете“. Стрелы свои взял, к ним пошел. Пришел. Дратья начали. Тридцать великанов всех убил. Девушку в жены взял Акширə-Бакширə. Это конец.

Д. Полин. Карам.

3. Шаральто

Старик жил. Богатырь старый, в избе сидит. Днем зверь сохатый пришел. На дворе будучи, закричал: „Дедушка Шаральто, на улицу выйди“, сказал: „Если не выйдешь, эту избу твою бодну“, сказал. Дедушка Шаральто зверю сказал: „Если очень (сильный), (то) бодни мою избу. Я в молодости своей делал эту избу“.

5 Бык разбежался, избу боднул, не мог сломать. Дедушка Шаральто стрелы свои взял, на улицу вышел, в сохатого стрелять стал, убил. Это конец.

4. Hırkākān

Umūkən ahī bizällän. Hükitaci ahī. Ədin bicān. Şurucən. Əŋkin əmərä. Ahī tarä əhin sarä. Hütən bicān vəjā toza boyatır. Şurucən. Əŋki əmərä. Əhin sarä. ilarä ojotin-məl hükitän. Tarä ilä hütəgnän hırkākənma. Luğur hütəgçän. Timätnä hırkākən gırkullan. Hütän ängätcä, işə ängätcä zırıwə dolbonıl. Hütän həgdikəkun
5 örän. „Əninmi,“ gūnän: „ükündükpi şırkal, kalacıkärä ökal, ilana ahukärä“.
Hırkākən kalacıkärwə garan, əwurdıji nərän kərän. Şururun hoktolı. Tälki vəjəkunma arcaran. Ahī amardun nülğizärän orordu.

Bəjəkun həgdikəkun, vəyatırkun hırkākənma zavarän. Arcaldımı ənä öm-mal gūnä, tirämmän kərän. Wädäwi kəzəcän hırkākənma. Hırkākən əwərdükpi kalacıkra tənän. Bəjəkündü amğalın cıkiwammın kərän. Bəjəkun şeran, şeran, nimğarän.
10 „Ənimükä!“ gūnän. İşşə hırkākənma tiräzirän wädäwi kəzärän. Hırkākən kalacıkra əwərdükpi tənän, vəjəkündü amğalın cıkiwammın kərän. Bəjəkun şezellan, şeran, nimğərən, gūnən: „Ənimükä!“ Potom hırkākənma, işşə tiräzirän, hata-mat wädäwi işşə kəzärän. Hırkākən kalacıkra əwərdükpi tənän, vəjəkündü amğalın cıkiwammın
15 kərän. Bəjəkun şezellan, şeran, nimğarän. Gūnän vəjəkun hırkākənma: „Əri kalacık on bihin ənimükä“. Hırkākənma gūnän: „şī idük əmənni? niği bihinni?“ Hırkākən gūnän: „Ərə ədu dağadu bizäräw, təkə əninunun bi zıkcəkän, amä acın“. Bəjəkun hırkākənma kuğnärän, nukanırımmen kərän, gūnän: „şī mingi nəkunnı bihinni“.
Ahıwi gūnän: „Oroıwı inilwətin, vurikəl ängätcäwät“. Ängäcilla.

20 Dolbo hırkākən tolkitcän maııkünma. Maııkün üwijälä dəyiliktäzirän hələgəcin. Ʒäläduıwı ikokunma Ʒäləktäzärän, guızärän: „Hütäkır əlakar, mindü vükällə jekükänə-wəl, kurıwükənə-wəl, borokono-wol, iranuhun irawazığaw şəgdändulawər aji-känzi vizığahun“.

Timättə təğərə. Ahıwkən hırkākən əninmi gūnän: „Maııkün əməzällän. Mittük Ʒäläzällän ekuna-wal, əkəl vürä ekuna-wal, əkəl vürä“. Cajcella, cajcella. Maııkün

4. Мальчик

Одна женщина жила. Беременная женщина. Муж ее жил. Ушел. Не пришел. Женщина того не знала. Сын ее был, мужик тоже богатырь. Ушел. Не пришел. Не узнала. В три раза (увеличился) живот (ее). Та эвенкийка родила мальчика. Вечером родила. Утром мальчик заходил. Сын проночевал, еще
5 проночевал две ночи. Сын большим стал. „Мать“, сказал: „из груди нацеди, сделай калачики, три маленьких“.

Мальчик калачики взял, за пазуху положил. Пошел по дороге. Только мужчинецу встретил. Женщина позади (его) на оленях кочевала.

Мужчинеце большущий, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик из-за пазухи калачик вынул. Мужчинеце в рот запихнул. Мужчинеце жевал, жевал, проглотил.
10 „Матерью (пахнет)“, сказал. Еще мальчика стал давить, убить собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчинеце в рот сунул. Мужчинеце начал жевать, разжевал, проглотил,сказал: „Матерью (пахнет)“. Потом мальчика еще давил, все-таки убить еще собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вытащил, мужчинеце в рот сунул. Мужчинеце стал жевать, разжевал, проглотил. Ска-
15 зал мужчинеце мальчику: „Этот калачик каков (почему) матерью пахнет?“ Мальчику сказал: „Ты откуда пришел? Чей есть?“ Мальчик сказал: „Вот здесь близко живу, только с матерью я вдвоем, отца нет“. Мужчина мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: „Ты мой младший брат“. Жене своей сказал: „С оленей вьюки сними, ночевать будем“. Заночевали.

20 Ночью мальчик увидел во сне чудовище. Чудовище вверху летает, как коршун. В руке своей лукошко держит,говорит: „Детки сладкие, мне дайте что-нибудь, немножко, маленько, за вас буду молиться до старости, хорошо будете жить“.

Утром встали. Младший мальчик матери сказал: „Чудовище идет. От нас
25 просит чего-нибудь, не давай чего-нибудь, не давай“. Пили чай, попили. Чудо-

əməran, ʊwijaḷā dəyiktällän, gūnzänä: „hütakar alakār mində vükəllə ekukanə-wəl, kūrīwəkānə-wəl, borokono-wol, bī şundu irənəhun irəwəđiŋəw şagzənduləwər, ajakānzī gērkuzidəhun“. Dähäkəndü özeren. Həgdikun vəjəkun ənā tillā ərikən: „Nədə vükəl ətirkan əjakakun, həgdikun vəjəkun, nədə muŋnəkəkənə vükəl“.

³⁰ Ətirkan əjakakun muŋnəkəkənma hundəran ikəndulən. Nəkünin hırkakən ʊllən, ʊmən kəran. Maŋi gūnən: „Aya! zanaka, şöl-wal bimī, mindü ʊləkciwəş zanaka“.

Potom həgdikun vəjəkun nəkūnmi icəran ʊcə, nurılan garan, maŋıwa nəmkimmən kəran. Amargijsın ŋələwən pəhitimmən, ıkaqunin dūnŋilə tıkkımmen kəran.

³⁵ Luŋnakətāj muŋnakan dūnŋilə tıckakin, nəkūnin hırkakən əremmən kəran.

Nuŋartin zəpcə kərə. Itigara maŋıwa, əhazahımmər kərə. Bakanə, maŋi züduwi vizəran. Nuŋanmən wəmmər kərə. Zūwatkiwar sūrurə. Züləwər əməərə. Ənintin ʊrucəkəkun. Züduwar bizəlimmir kərə.

⁴⁰ Tərə vəjəkun vəyatırkun amınımı ʊsalın ʊzasahınam. Bakaran kaluşal wəcətin amınmən. Amınımı geremniwən uruwran, biəcəditiŋ nəwəran. Bəjunmə wəran, higrən. Mənikən hıkləhinən. Ojoduwi ʊlləwə nəwəran.

Timättä kərə dəyiliktällən. Kərätkər ʊlləwə icərə. Zəptəwər kəđərə. Əninnmər gūnzərə: „ʊlləwə zəpciyam“. Ənintin gūnən: „Əkəllə zəpcə ərəwə ʊlləwə“. Kərätkər əhawkar əninnmər əhiş dölcatca, ʊllələ dömmer kərə, zəpcədəwər. Tərə vəyatırkun

⁴⁵ kərätkərwə zawammən kəran. Kərätkər ənintin gūnzəran: „ʊtələwəw tınkəl, pozalusta, tınkəl“. Tərə vəyatırkun kərəwə gūnən: „Zıwoj wöda“ gūnərijətin ŋənnəkəl təli, əmuwrəkiş, hutələwəş tinzəŋəw“.

Kərätkər ənintin dəyiləhinən. Əmuwrən „Zıwoj wöda“ gūnəriwətin, ɸırwə butılkal əmuwrən. ʊmükəndük butılkaduk kərätkəndü ʊŋkırın, kərätkən ʊmmən

⁵⁰ kəran. Gəduk butılkaduk ʊŋkırın, kərätkən awgarammən kəran. Noŋan amınımı tərət butılkat əjatkut ʊŋkucilimmən kəran, amının ʊlləci ollan. Potom nannəci ɸran. Amŋalıŋ ʊŋkırən əhukənma, amının təyərən, awgarammən kəran. Zütkiwar sūrımmər kərə. Züləwər əməərə. Bizəlimmər kərə. Tar mujeŋ.

вище пришло, вверху стало лётать, говоря: „Детки сладкие, мне дайте чегонибудь, немножко, маленько, я вам (за вас), за ваше добро буду молиться, что бы до старости хорошо ходили“. Садящимся делается (сел). Большой парнишка не поняв, крикнул: „Надо дать, старик хороший, большой мужик, надо годовалого оленя дать“.

³⁰ Старик хорошего оленя (годовалого) бросил в грудь. Младший брат, паренек, заболел, умер. Чудовище сказал: „Ага! так и надо, хотя сильные, мне обмануть удалось“.

Потом большой парень младшего увидел мертвого, стрелы взял, чудовище стал стрелять. Заднюю руку его оторвал, локоть его на землю упал. Вместе

³⁵ с рукой олень (годовалый) на землю упал когда, младший брат, паренек, ожил.

Они стали есть. Снарядились, чудовище преследовать стали. Нашли, чудовище в доме живет. Его убили. Домой пошли. Домой пришли. Мать рада. Дома жить стали.

Тот парень-богатырь отца по следам пошел. Нашел великанов, убивших

⁴⁰ отца. Отца кости собрал в кучу, как были положил. Зверя убил, ободрал. Сам лег. На лоб себе мяса положил.

Утром ворон прилетел. Воронята мясо увидали. Есть стали. Матери говорят: „Мясо едим“. Мать сказала: „Не ешьте это мясо“. Воронята маленькие, матери не слушал, на мясо сели, чтобы есть. Тот богатырище воронят поймал. Воронят мать говорит: „Детей отпусти, пожалуйста, отпусти“.

⁴⁵ Тот богатырище воронихе сказал: „Живой воды называемой принеси, тогда, если принесешь, детей отпущу“.

Воронят мать улетела. Принесла „живую воду“ называемую, две бутылки принесла. Из одной бутылки на вороненка вылила, вороненок умер. Из другой

⁵⁰ бутылки вылила, вороненок выздоровел. Он отца из той бутылки хорошо облил, отец с мясом (телом) стал. Потом с кожей стал. В рот его налил немножко, отец сел, выздоровел. Домой пошли. Домой пришли, жить стали. То конец.

5. Bolontur - boγatır

Bolontur boγatır ahiçi. 3ŷr murır: ıııŷkēn murın vėjuktēhik, ıııŷkēn murın bıłanıŷki. Oroγın kētekākun. Bėjıŷikākun, vėjurā inniwāccāŷki, amākāla inniwāccāŷki.

Gē boγatır Tōrganaj ahinunin niγazarān, sōkanzārān. Bolontur əhin sārā. Ahıwān alawurān: „Gıınkəl, ıllälwā nādē. Zān ıräl cāyılātın, zān ırar cāyılātın, tälā vėjun bihin, tälā wārəkıŷ, tēli zəpçıŷāw“.

Bolontur timättə murınmı zawaran, ıımēliwrān hawahımmın tartıkı. Murınin əhin əməzārā, murınin gıııđārān: „Amaŷkı icāhikāl, tulup tikcāhā, vėjā Tōrganaj awunzıyı awlārān“.

Nuan icāhinān, Bolontur amaŷkı icāhinān. Tōrganaj tikcāhā tulupızın. Nuan amaŷkı muçıhinān. Tōrganaj kēlcārārān. Nuan ahıwı hanγūktaran: „ēkun tulupızıw tızāγan?“ Ahın gıınān: „Bı ticcāhāw, sıruγəkıŷ, ənājıııā“.

ŷənārān, gənārān, zānmā ıräl gənārān, zānmı ıral gənārān, iŷŷan. Bėjun nārātķānmā tälā əməzārān. Əgdikēkun vėjun—mamont. Nuan nurmārān, nēmķımmān kērān. wāmmen kērān. Potom hiγzällān. Bėjunmā higrān. Ulləlwā morııdujı namallan, namaran hēgdikēkunmē, halgarın balkaldulā kokcalın tēptirē dııııāwā. Murınin gıınān: „ēwanəwı namazannı əgəni hēgdıwā, ēkun zāpçıŷan əgēwə ıllälwā? Tōrganaj ahıwas sıruγwcē. Zııdus ēkun-mal ācın“.

Nuan ıllälwā (dunılwātēn). Bolontur boγatır alıırān, murııdujı āwrān, dəyılzā-hınāmmān kērān.

„Murınmaŷ bıłāhıkrəs Tōrganaj lāmulā bargılā mōduk kaduwacā. İpēmək-täldııkın ırakıcan əjāhıçā.“

Nuan Bolontur zıılā əmərān, ē-wal ācın. Murııdukrı hanγūktarān: „Bıłāhık ēdu vakazellap?“ Murınin gıınān:—„Lāmudu tııııjē ökal, minē əlgəmmān ökal. Bı ılı-γāw fırtıkı gənəzākāl“.

5. Болонтур-богатырь

Болонтур-богатырь (имел) жену. Два коня, один конь промышленный, один конь военный. Оленей множество. Промышляет, зверей-лосей вьюками возит, медведей вьюками возит.

Другой богатырь Торганай с женой его спит, совокупляется. Болонтур не знает. Жену его научил: „Скажи (ему), что мясо надо, за десятью хребтами, за десятью речками, там зверь есть, там когда убьешь, тогда я буду есть“.

Болонтур поутру коней своих поймал, обседлал, поехал туда. Конь его не идет, конь говорит: „Назад оглянись, тулуп надел мужик-Торганай, шапку надел“.

Он оглянулся, Болонтур посмотрел назад, Торганай надел его тулуп. Он назад вернулся. Торганай спрятался. Он жену спросил: „Кто тулуп мой наденет?“ Жена его сказала: „Я надену, когда ты уедешь, скучно (о тебе)“. Он тогда отправился.

Ехал, ехал, десять хребтов ехал, десять рек проехал, достиг. Зверь по озерцу-солонцу там ходит. Большущий зверь—мамонт. Он подкрался, из лука стрелил, убил. Потом шкуру снимать начал. Зверя ободрал. Мясо на коня вьючить стал, навьючил множество, ноги до бабок копытами увязли в землю. Конь его сказал: „Зачем ты вьючишь очень много, кто есть будет это мясо? Торганай жену твою увел, дома у тебя никого нет“.

Он мясо разбросал. Болонтур-богатырь рассердился, на коня сел, помчался. „Коня твоего боевого Торганай за морем к дереву приковал. От его слез речушка протекла“.

Он, Болонтур, домой приехал, никого нет. У коня спросил: „Боевой (конь), где найдем?“ Конь его сказал: „В море плот сделай, меня введи на плот. Я встану (куда голосвой), туда поезжай“.

25 . Təmuwə ǝran Bolontur baɣatır. Murınmı əlgərən, təmuɣdu ılıwkənən. Tartıktı hıla zawrəzähina, lämu bargıŝkı. İŝsa, murınmı bakaran, möduk kaduwcäha. Murınmı lǝrcan. Potom tınən, cukadu dərümkidän.

İlanma ŝutkal tädu bicən. Potom murırwı təmulä əlgərən zükcwä. Lämuwa dayrən. Zapkalı təmurəzähinən. Goro ɣənərən. İcərən müdu kukıŝketcera, ahın Tǝrganaj tumnızera.

30 Nuan Bolontur ıwıŝkı icəhinən. İcərən—Tǝrganaj ahın kukıŝketcara. Bolontur baɣatır ǝünən: „Tuluppraw bükəl, awunmaw bükəl“.

Tǝrganaj tuluppa hundadāwı kəcən. Ahın əhin büřä, ǝünən: „Tuluppa hundarikıs, ŝi ıdu, bı ıdu?“ Tǝrganaj ətəmmän hundamı.

35 Bolontur ǝünən: „Ahıwa əkəl döldıcəta. Lämuwa hərəndun baɣatır bihin. Tarıı hunəzın bihin. Bı tārəwə ǝazırıaw ahıjawı. Minıı ahıw sııııı, mindu ne nədə. Tuluppraw mindu hundəkəl“.

Tǝrganaj tuluppa, awunma hundərən. Nuıan tuluppa ǝaran. Bolontur baɣatır tulupı təcən, awunmı awlärən. Uwiŝkı tomnən. „Leŝnica ǝkal“, ǝünən. Leŝnica 40 ǝran. Nuıan ojokcehinən leŝnicolı. İŝsan. Tǝrganajwa dılwän pəhitcən. Zırwə azırǝal omnikılwa zawaran. Ahıwı ırǝılduktin ıııwəmmän kərən. Tinimmän ǝzır ǝalwa. ǝzırǝal tuhana: ǝə ərıtkı, ǝə ərıtkı. Ahıwän bükülin ikənəlin ıarıtummer kərə

D. Polın. Karama

6. Hani Huvun Nəhər Bogdo

Bizəllən baɣatır, həǝdikəkun baɣatır. Nəkünin ıııçkən hunət. Hani Huvun vəjŝıkəkun, vəjırwə wəzəııı, murınduwı innıwwətçəııı ıllälwä. Mənııkən əıııı ııııahına ııskolko, tırǝa-wal, dolbo-wol əıııı ııııahına.

5 Nəkünin ahətıkən akınmı mulanzeren, əhıkin ııııazera. Nəkünin akınmı ǝünən: „əmı əııııtənnı ııııahına? ııııahıkel, dərəmııııdāwı“.

25 Плот сделал Болонтур-богатырь. Коня своего завел на плот, поставил (как надо, головою). Туда поплыл, за моря. Доехал, коня своего нашел, к дереву прикованного. Коня снял. Потом отпустил, на зелени чтобы отдохнул (конь).

30 Трое суток там был. Потом коней на плот завел обоих. Море пересек. Вдоль берега поплыл. Долго ехал. Увидал в воде кукиши ставят, жена его (да) Торганай плюют.

Он, Болонтур, вверх посмотрел, увидал—Торганай (да) жена его кукиши показывают. Болонтур-богатырь сказал: „Тулуп отдай, шапку отдай“.

Торганай тулуп хотел бросить. Баба не дала, сказала: „Тулуп если бросишь, ты где, я где (окажемся тогда)?“ Торганай не стал бросать.

35 Болонтур сказал: „Бабу не слушай, в конце моря богатырь есть. У него дочь есть, я ее возьму женой, моя баба [пусть будет] твоя, мне не надо. Тулуп мне брось“.

40 Торганай тулуп, шапку бросил. Он тулуп взял, Болонтур-богатырь тулуп надел, шапку надел, кверху плюнул. „Лестница сделайся“, сказал. Лестница сделалась, он полез по лестнице. Достиг. Торганаю голову оторвал. Двух жеребцов неиманных поймал. Жену за хвосты их привязал. Отпустил жеребцов, жеребцы побежали: один сюда, другой сюда. Жену его всю пополам разорвали.

Д. Полин. Карам

6. Хани Хубун Хохор Богдо

„Жил-был богатырь, весьма большой богатырь. Сестра у него младшая одна — девушка. Хани Хубун — самый промышленник, зверей убивает, на коня своего вьючит мясо. Сам не спит нисколько, ни днем ни ночью не спит.“

5 Сестра-девушка брата жалеет, что не спит. Сестра брату сказала: „Почему не спишь? Ляг спать, чтобы отдохнуть“.

Nuḡan arkıwundu imḡhəwə ahuwkänmə arkırän, ḡünən nəkünmi: „Ərəwə arkıwünma icätcəkəl. Irıjakin, minə şiriwdawı“. Ahätkän arkıwünma irıjakin, dişki nərän, ḡünän: „puşşaj nıqazıyın. Əktə siriwrä gorowo“. Bicälä siriwucillañ, ḡünan: „Təḡəkəl!“ Akınin əñki təḡərə. Kərän akınmi siriwmı, kərän. Qälämnı haḡälbəhinän, akınin

¹⁰ buçähä.
Bizällän hunät. ḡünə: „Dılıca hunättuwı zenıhpä neḡizärän. Təḡəwə, upkatpa əmədətin, uruwzaran, aja vəjə döstanızıḡän“.

Tärä hunät nəkünmi tətiḡälziyın tətcän, nəkünmi murınmän bułəhikpän ərirən. Murınin əmərän. Murındun üwran, ḡənəhimmän kərän, işşan. Upkat təḡə
¹⁵ urupcäl, höcəkəkun nı-wəl dostanmı. Tärä hunätkän əmərän, uwiski murınduwı dəḡillän. Dılıca hunatpän işşan. Dılıca hunäzin uqakaptunmi bürän. Nuḡan zuwatkiwar şurḡun.

Opeḡ ḡünə: „Beḡa hunätpi büzärän, zenıhpän neḡizärän. Aja vəjə əməmi, dostanıḡän. Hanı Hıvun Həhər Bogdo nəkünin tətiḡəlwan akınmi tətcän, murınman
²⁰ bułəhikpän ərirän. Murındun üwran, hawahımmen kərän, işşan.

Upkat təḡə urupcäl, nı-wäl hacəkəkur dostanmı. Nuḡan əməmi-nun dəḡillän murıtaj. Bega hunäzin uqakaptunmi bürän. Amaskıwı şurḡun, züləwəḡ əmərän.

²⁵ ḡünə: „Calban hunätpi büzärän, upkatwa təḡəwə uruwzarän“. Tärä hunät nəkünmi tətiḡəlwan tətcän, murınmän bułəhikpän ərirən. Murınin əmərän. Murındun üwran, ḡənəhimmän kərän, işşan.

Upkat təḡə urupcäl, höcəkəkur nı-wəl dostanmı, nuḡan əməmi-nän dəḡillän, murıtaj. Calban hunäzin uqakaptunmi bürän, nuḡan amaşkiwı şurḡun. Züləwər əmərän, ılara əñḡəcän.

³⁰ ḡünə: „Dılıca omuwkätcärän tarəwə, zenıhpä ahıjawı gadän. Təḡəwə upkatpa uruwzaran“. Nuḡan nəkünmi tətiḡəlwan tətcän, murınmän bułəhikpän ərirän, ḡurılıwan garan, murındun üwran. Hawahımmen kərän, işşan. Hunätpa dılıca ahıjawı garan.

Opeḡ veḡa hunätpi büzärän, upkatpa təḡəwə uruwzarän. Nuḡan ḡän ḡənəḡän, tarəwə-da garan ahıjawı.

Он навертел жиру немножко, поддел, сказал сестре: „Этот вертел смотри, когда поспеет, меня разбуди“. Девушка же, вертел когда поджарила, выше поставила, сказала: „Пусть поспит. Не буду будить долго“. Когда время прошло, сказала: „Вставай“. Брат не встает. Брата будила, будила. Рукой потрогала —
¹⁰ брат умер.

Стала жить девушка (одна). Говорят: „Солнце дочери жениха ищет. Народ весь отовсюду чтобы пришел, собирает, хороший человек достанет“.

Та девушка младшего брата в одежду оделась, брата коня боевого позвала.

¹⁵ Конь прибежал, на коня села, поехала, достигла. Весь народ собран, никак не могли никто достать. Эта девчища приехала, вверху на коне залетела. Солнцеву дочь достала, солнца дочь кольцо свое отдала. Она домой вернулась.

Опять говорят: „Месяц дочь свою отдает, жениха ищет. Добрый мужик, придя, достанет“. Хани Хубун Хохор Богдо сестра одежды братовы надела,
²⁰ коня боевого скликала, на коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, никто никак не мог достать. Она, придя же, залетела с конем. Месяцева дочь кольцо свое дала. Назад вернулась, домой уехала.

Говорят: „Вечерняя звезда дочь отдает, весь народ собирает“. Та девка братовы одежды надела, коня его военного позвала. Конь пришел. На коня
²⁵ села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, не мог никто достать, она, придя же, залетела на коне. Звезды дочь кольцо свое отдала, она назад поехала. Домой приехала, три ночи проночевала.

³⁰ Говорят: „Солнце зовет того жениха, жену чтобы взял. Народ весь собирает“. Она братовы одежды надела, коня боевого позвала, стрелы взяла, на коня села, поехала, достигла, дочь солнцеву женой своей взяла.

Опять меслц дочь свою отдает, весь народ собирает. Она снова поехала, ту и взяла женой своей.

Ореҗ салбан һунәтпә вүзәрән, уркатпа тәҗәвә урувзәран, „Зениһ әмәҗин“
 35 гүнән. Уркат тәҗә урупсә. Нуҗан-да әмәрән, нә-вәл һәсирә. Нуҗан әмәми-нән
 уркатпунми әмүврән, аһиҗәви гаммен кәрән. Зүткәивар сүрүврүн аһәлвә ilanma.
 Аһәлин сөканмузара. Нуҗан әҗки аһәлнуҗми нүҗәһина. Аһәлин нүҗәдәнкитсәрә. Нуҗан
 гүнән аһәлви: „Вә суннун нүҗәдәв нелзја, зүвар issalәwәр“. Салбан һунәзин залви
 гүнзәрән: „Әриҗит оннәкә аһи“. Сүрүрү, пошледней нүлҗи өран. Нуҗан аһәлви гүнән:
 40 „Вә зүләли нәнәзәктә, тоҗоҗо ilazәdәwи, сәҗе җәдәwи. Шү амарду нүлҗизигәһүн.“
 Җәнәзәһинән. Октәли арцерен туһәкәиwa. Туһәкә әләрән, туһәнән, амашкәиwi, иҗәһинән
 гүнән: „ек! cortu! вә гүнсәw Нәһи Нубун Нәһәр Богдоке, тәлкі әри аһикәкун“.
 Аһәткән туһәкәиwa заваран гүнән: „Дилваш пәһитсәлим. Туһәкә гүнән: „Әкәл пәһитсә,
 вә шиндү гәдәтсәҗәw“. Тәрә һунәт мөду ләпкәран туһәкәиwa, гүнән туһәкәиwa: „Аһәл
 45 нүлҗирәктин, һанҗүктәлзигәтәтин, шә гүнмурәкәл: „Һәни Нубун Нәһәр Богдо минә
 лакүсән“.

Потом зүләскәи сүрүрүн, арцаран зихүкәwә. Зихүкә әләрән, туһәнән, амашкәиwi
 иҗәһинән, гүнән: „ек! cortu! вә гүнзәм Нәһи Нубун Нәһәр Богдо, тәлкі нуҗан
 аһикәкун, екунзи-ка вә әләм!“ Нунәт зихүкәwa аһәткәмәссән, заваран, гүнән: „Шинә
 дилваш пәһитсәлим“. Зихүкә гүнән: „Әкәл дилwәw пәһитсә, вә шиндү гәдәтсәҗәw“.
 50 Нунәт зихүкәwa мөду җәлә ләпкәрән: „Аһәл әмәрәктин, һанҗүктәлләктин, шә гүнмур-
 рәкәл: „Минә Нәһи Нубун Нәһәр Богдо лакүсән“.

Нунәт сүрүрүн зүләскәиwi арцаран амәкунма. Амәкә әләрән, амәшкәиwi туһәнән,
 ilan, амәшкәиwi иҗәһинән: „ек! cortu!“ гүнән: „екунзин-ка әләм, вә гүндәм Нәһи
 55 Нубун Нәһәр Богдо әмәрән, нуҗан тәлкі аһикәкун“. Нунәт аләрән, аһәткәмәссән,
 амәкәwә заваран, гүнән: „Дилваш пәһитсәлим“. Амәкә гүнән: „Әкәл дилwәw пәһитсә“.
 Мөду җәлә ләпкәрән гүнән: „Аһәл әмәми, һанҗүктәлләтин, шә гүнмурәкәл: „Һәни
 Нубун Нәһәр Богдо минә ләкүсән“.

Нуҗан сүрүрүн зүләwәр. Әмәрән, нәкүнми тәтәҗәwән мәндүкпә ләкүсән, нә-
 60 күндиwү тәтәҗәммән кәрән. Тоҗоwо зүду ilарән мәникән кәлсәрәммән кәрән.

Опять звезда вечерняя дочь свою отдает, весь народ собирает, „Жених
 35 пусть приедет“, говорит. Весь народ собрался. Она тоже приехала, никто не
 может (кольцо принести). Она, придя же, кольцо привезла, жену свою взяла.
 Домой повезла, жен трех. Женам хочется спать с мужем. Она с женами своими
 не спит. Жены очень спать хотят. Она сказала женам: „Я с вами спать не могу
 до приезда домой“. Звезды вечерней дочь товарищам говорит: „Это
 однако баба“. Поехали, последнее кочевье стало. Она женам сказала: „Я вперед
 40 поеду, огонь чтобы разложить, чай сварить. Вы позади прикочуете“. Уехала.
 По дороге встретила зайца. Заяц испугался, побежал, назад оглянулся, сказал:
 „Э! к чорту! я думал—Хани Хубун Хохор Богдо, а это—бабища“. Девушка
 зайца поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Заяц сказал: „Не отрывай, я тебе
 пригожусь“. Та девушка к дереву привязала зайца, сказала зайцу: „Бабы когда
 45 прикочуют, будут расспрашивать, ты скажешь (тогда): Хани Хубун Хохор Богдо
 меня подвесил“.

Потом вперед поехала, встретила волка. Волк испугался, побежал, назад
 оглянулся, сказал „Э! к чорту! я думаю—Хани Хубун Хохор Богдо, а она—бабища,
 кого это испугался“. Она волка догнала, поймала, сказала: „Твою голову оторву“.
 50 Волк сказал: „Голову мою не отрывай, я тебе пригожусь“. Девушка волка
 к дереву вверху привязала: „Бабы когда поедут, будут расспрашивать, ты ска-
 жешь: меня Хани Хубун Хохор Богдо подвесил“.

Девушка поехала вперед, встретила медведя. „Медведь испугался, назад
 побежал, остановился, назад посмотрел: „Э! к чорту!“ сказал: „кого это испу-
 55 гался! Я думал—Хани Хубун Хохор Богдо приехал, она—только бабища“. Девка
 рассердилась, погналась, медведя поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Мед-
 ведь сказал: „Голову мою не отрывай“. К дереву наверху привязала, сказала:
 „Бабы, приехав, если будут расспрашивать, ты скажи: Хани Хубун Хохор Богдо
 меня подвесил“.

Она уехала домой. Приехала, братовы одежды с себя сняла, на брата
 60 надела. Огонь в юрте развела, сама спряталась.

Ahal tuhakilā əmərä, icärä üwilä lokucezeren hanjuktara: „ėkun şinə lokucän?“ Tuhakı günän: „Hani Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“.

Zihükälä ahal əmərä, icärä zihükä mödu lapkucezeren, hanjuktara ahäl: „ėkun şinə lokucän?“ Zihükä günän: Hani Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“.

⁶⁵ Ahäl günmətcä: „Onnäkə əriñit vəjə“. Amākälä əmərä ahäl, hanjuktara: „ėkun şinə lokucän?“ Amākä günän: „Hani Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“. Ahätkär uruncəkəkür „şlawu boŷ!“ günə: „edäkə vəjə“.

Ahäl züləwər nұлgırä. Icärä tookön züdütin zəgdäzärän. Ororwor inirulwatın buŷırä, zülä İra. Dilica hunäzin günən: „Bəjəñit niŷahicä“, günän: „cajə ėmī əhinni ıłəŷə?“ ⁷⁰ Bəjəñitın əñki hawahına, nuŷartın şariwutçärä. Icärä — təlki buçä nuŷan. Dilica hunäzin, wəya hunäzin amaskiwar tuhandəwər kərə, colbon hunäzin günän: „Ekunzi-ka ŷäləhs?“ Kormetrı bädälın cälihinän. Bəjəñitın mıkcänän, günän: „Niŷahicä bihim, uçalä şü umuçahun?“ Nuŷartın günə: „unämə əməräw“.

⁷⁵ Kəhilə ahäkäkür uruncəkəkür ŷekemäcilla. Bəjicəñki ıllälwä murıduwı inıwuŷki, zıŷı tökil, bagdäkäjä umnət inıwuŷki. Nəkünin tuhakikän öha, gırkuzeren. Ahäl günə: „Tuhakı tılıjidälä əməñkə loşkutkilwa zəpcärän“.

Hani Hubun Həhər Bogdo dogadalsa: „Əŷə onnäkə nəkünmi gırkuzeren, loskutkilwa zəpcärän“.

⁸⁰ Umnə dolbo imannarän. Bəjuhinän. Tuhakikän bicən nuarduktın ıŷrätki şıŷuçə. Nuŷan üzalın üzaran. Nəkünmi wakammen kərän, züjan öran. Bəjuñi əməmmän, nəkündüwi ıllälä wıŷki, samaj ajatkukär.

Colbon hunäzin tillän, gullän zalwi: „ėmī-ka oranşe vəjuñduk upkacın wıŷkin ıllä. Əhi äcın, tädük äcın, äcın, onnäkə ahiränin bihin?“ günän: „dawaj timi vəjuhä-näkin, miti zəlupkän amardun ŷənəwät“.

⁸⁵ Timnin vəjə vəjuhinän, nəkündüliwi ŷənəmmän kərän. Nuarwatın wakammer kərə. Günmətcə: „Ahiränin, miti nuŷanmän wəyät“. — Öni-ka wəşıyät?“ günä. Umukən günän: „Siwincece lejkədu huluhwät“.

Бабы до зайца доехали, увидели—вверху висит, спросили: „Кто тебя повесил?“ Заяц сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

К волку бабы приехали, увидели — волк к дереву привязан, спросили бабы: „Кто тебя повесил?“ Волк сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

⁶⁵ Бабы друг с другом переговорили: „Однако это—мужик“. К медведю приехали бабы, спросили: „Кто тебя повесил?“ Медведь сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“. Женщины весьма обрадовались „Слава богу“, сказали: „Такой мужик!“

Бабы домой прикочевали, видят—огонек в юрте горит. С оленей вьюки свои сняли, в дома вошли. Солнца дочь сказала: „Мужик наш уснул“, и ⁷⁰ сказала: „Чай почему не сварил?“ Мужик не двигается, они будят. Видят только—умер он. Солнца дочь, месяца дочь назад хотели убежать, звезды вечерней дочь сказала: „Что напугались?“ Исподом по лицу провела. Муж их соскочил, ⁷⁵ сказал: „Уснул я было, давно ли вы приехали?“ Они сказали: „Раненько приехали“.

Теперь бабищи весьма обрадовались, стали спать (с мужем). Промышленник ⁸⁰ мясо на коне своем вьюком возит, двух лосей, оленя дикого зараз вьючит. Сестра его, зайчиком сделавшись, похаживает. Жены говорят: „Заяц во двор приходит, лоскутки ест“.

Хани Хубун Хохор Богдо догадался: „Это, однако, сестра моя ходит лоскутки есть“.

⁸⁵ Раз ночью выпал снег. (Муж) пошел промышлять. Зайчик от них на хребет ушел. Он по следу выследил сестру, нашел, юрту сделал. Зверя добывши, пришел. Сестре своей мясо отдает самое хорошее.

Звезды-Венеры дочь догадалась, стала говорить товарищам: „Почему раньше от зверя всё было мясо. Теперь нет, потом нет и нет, однако любовница есть“, ⁹⁰ сказала: „Давайте завтра, когда пойдет промышлять, мы тайком позади пойдем“.

⁹⁵ Назавтра мужик пошел на промысел, к сестре своей пошел. Их нашли. Говорят: „Любовница его, мы ее уьем“. — „Как уьем?“ сказали. Одна сказала: „Свинец в лейке расплавим“.

Зүгэ бинэл, дилwән тилэзирэ, умүкән гүнән: „Талэ лежкату хулуwизигät шивинешрә каракүлин шивинешрә ұққүммәр кәсигät“. Уҗқүрә, аһткән бүммән кәрән.

⁹⁰ Хану Хубун Нәһәр Богдо луғур әмәрән нәкүндүләwi, icārән—буçә. Тәлки гәрәп оран, бәјүнмә заварән анамқунмә, iләдүн әwуҗки гәрәппа нәрән, бисәwкәлзи уғәwаммен кәрән, бәјүнмә гүнән: „Тартүки туһазәкал, тәлә әwәнkil бизәрә, тәду һундәдәwи“.

Бәјүн туһанән, иләдүлә ишсан гәрәппа һундәрән. Әтиркән, атиркән icārә — һундәткүн гәјикәкүн буçә. Нуартин гүнмәтсә: „Һүтәдүwәр аһиҗан гәwät, зүҗан оҗät“. Зүҗан ора. Тәли-мәл тоҗова илара. Һунәтпә иwрә зүлә һикаһадун тәҗәwкәниммәр кәрә. Һүркән һүтәтин луғур әмәрән, бәјүһә, дәрцәкәкүн. Әнинин әминин гүнә: „Ши, һүтә, аһткәwи җәнәкәл, аһиҗаш гәçәл биһiw. Зүткәwи җәнәкәл, әмәни муңдүлә, зүткәwи җәнәкәл“. Һүркән илан, сүрүҗүн, ирән зүлә, аһи тәҗәтсәрән. Һунәт гәјүкәкүн, ¹⁰⁰ сәјҗә әсәҗә үләрә. Нуған гүнән: „Сәјҗә үләрә“. Аһи әҗки ән-мәл гүнә. Бәјә алран, аһiwи карукалин шәлторон, карукадүкин шивинәс һәтәкәнән. Һунәт миқсәнән. Тәли-мәл сәјҗә үләрән, үлләwә үләрән. Аһиçи оран. Бизәлиммәр кәрә. Тар муҗен.

D. Polin. Қарама

7. Әҗинил

Әтиркән бизәçән, ваҗатир Әҗинил, шағдәçәкәкүн. Умүкән күкинин һүкитәçикәкүн. Иланзәр кәлүсал әмәрә, әтиркәнмә wәдәwәр. Күкинин дөлдирән кәлүсалwа җәләллән, зүлә ирән, амәкәwа гүнән: „Тәҗәкәл, иланзәр кәлүсал миҗра wәнәçәл. Амәкән ниҗазирән, һәрән ширiwми, шәғоллон, иҗамуктан амәкәлә wадиллан, сүргихинән. Тәли амәкән ⁵ шәләрән сағдәçәкәкүн. „Әгә!“ гүнән: „wәдиw әкәт иланни“. Күкинин гүнән: „иланзәр кәлүсал әмүçәл, миҗра wәнәçәл“.

Әтиркәкәкүн итиҗарән, дүрилwи гәран, әнәртүнми гәран, һаwаһинан арçәткәки. Кәлүсалwа арçәдирән, күһилән.

Двое будучи, в голове ее вшей ищут, одна сказала: „Там в лейке расплавим свинец (да) в ухо свинец нальем“. Налили, девушка умерла.

⁹⁰ Хани Хубун Хохор Богдо вечером пошел к сестре, видит — умерла. Тогда гроб сделал. Зверя поймал дикого, на рога поперек гроб положил, бечевкой связал, зверя отпустил. Зверю сказал: „Туда беги, там эвенки живут, там брось“.

Зверь убежал, к людям добежал, гроб бросил. Старик (и) старуха увидели — девчица весьма красивая, умершая. Они друг с другом переговорили: ⁹⁵ „Сыну нашему жену возьмем, юрту сделаем“. Юрту сделали тогда же, огонь разложили. Девушку ввели в юрту, на зад посадили. Парень, сын их, вечером пришел, охотившись, сильно устал. Мать, отец говорят: „Ты, дитя, к жене иди, жену тебе взяли, домой иди, зачем к нам, домой к себе иди“. Парень встал, ушел, вошел в юрту, жена сидит. Девушка красивейшая, чай не сварила. Он ¹⁰⁰ сказал: „Чай вари“. Жена ничего не говорит. Мужик рассердился, жену в ухо ударил, из уха свинец вылетел. Девушка вскочила, сразу же чай сварила, мясо сварила. Женатым стал. Жить стали. Это конец.

Д. Полин. Карама

7. Онгыниль

Старик жил, богатырь Онгыниль, очень старей. Одна невестка у него брюхатая. Тридцать великанов пришли старика убить. Невестка услышала, великанов испугалась, в юрту зашла, дедушке сказала: „Вставай, тридцать великанов пришли нас убивать. Свекор ее спит, не могла разбудить, заплакала, слеза ее свекру на лицо капнула, скатилась. Тогда проснулся, старей-⁵ престарей. „Ой-ой“, сказал: „Лицо чем-то обожгла“. Невестка его сказала: „Тридцать великанов пришли нас убивать“.

Старичище приготовился, стрелы взял, саблю взял, пошел навстречу. Великанов встретил, драться начал.

10 Kukinīn huṭəyṇaṇ ʔrkaṇmə. Tariṅin tēli-maḷ gerkullan. Kuṇākākān gerkulmī, əninmi haṅṅuktaraṇ, gūnān: „Əṇə, mitilil zūkcakānaḷ bihin, amā ācına-waḷ, amākāw ācına-waḷ?“ Əninin gūnān: „Amīnni vicən, sʔrʔcən, əṅki əməgə. Kaluṣaḷ birā wacatīn ʔhi amākāṣ bihin, kalusalnun kuḥizārān“.

15 ʔnāmā kuṇākākān əninmi ʔkʔrʔn, kaluṣaltikī tuhanān. Əməran, kaluṣalwa gūnān: „Amākāwā tinkəllə, ṣagdacā zəptəyin zūtkiwar, bi ilkaldikta“. Kaluṣaḷ ətirkaṇmə tinə. Kuṇākākān kuḥillān. Ətirkaṇ zutkiwar tuhanān zūlāwəṛ əməran munṅakānmə wārān, hiṅrān, ʔlləlwə ʔlārān. Wespaṇ zəpimmān kərān, munṅakānmə wespaṇ ʔmnət manaran. Kaluṣaltikī tuhanān, kuḥidāwi. Əməran kaluṣalwa gūnān: „kuṇākānmə tinkəllə, bi-də ilkaldikta“. Kaluṣaḷ tinā kuṇākānmə, ətirkaṇ kuḥillān. 20 Kuṇākān zūtkiwar tuhanān, zūlāwəṛ əməran, əninmi ʔkʔllʔn. Səhətajwə ʔkʔrʔn. Amaṣkiwī tuhanān. Kaluṣalnun kuḥillā. Kaluṣalwa wespa wārā, ilānmə zār ʔpkatpa wārā. Tar mujen.

D. Polin. Karama

8. Ucanaj

Ətirkaṇ bizəllān. Baṅatir həgdikəkʔn, əṇəni ṣagdicā, Laṅha gəṛbin. Ilan vəje huṭəlin; ṣagdawun huṭān gəṛbin Mīkulka, ʔṅṅrāṅṅu huṭān Waṣka, nʔkīndiwʔn huṭān Ucanāj-Tonṅenaj, amultun, pecidu oṅodun bizānā, amultuzəṅki.

5 Ətirkaṇ bunin əməran. Huṭəlwi gūnān, ṣagdawuwa huṭəwi gūnān: „ʔhi buzəlim luṅur, əmədəwi dolbonil minnʔn āṅṅaṣiṅṅṣ“. ʔṅṅrāṅṅuwa gūnān: „Timi luṅur əmədəwi mindʔlə“. Ucanajwa gūnān: „ilidu dolbonidu luṅur əmədəwi mindʔlə“. Buṭān. Dəṛpuṣṣal. Luṅur Mīkulka nədə ṅənəṭan. Nuṅan əhin ṅənəṛə. Ucanaj gūnān Mīkulkuwa „Amātki ṅənəkəl!“ Mīkulka gūnān: „Hək cortu! buçalā iṣṣə ṅənəzəmmin əṅṅaw. Nədə

10 Невестка его родила парня. В тот же раз ходить стал. Паренек, похаживая, мать свою спросил, сказал: „Мама, мы разве вдвоем живем, отца нет, дедушки нет?“ Мать его сказала: „Отец твой ушел, не вернулся. Великаны, должно быть, убили. Теперь дед твой есть, с великанами дед спра- жается“.

15 Сейчас же паренек мать свою пососал, к великанам побежал. Прибежал великанам сказал: „Дедушку отпустите, (он) стар, пусть кушать идет домой, я с вами попробую“. Великаны старика отпустили. Паренек стал драться. Старик домой побежал, до дому добежал, годовалого оленя убил, ободрал, мясо сварил. Все съел, оленя своего зараз кончил. К великанам побежал, чтобы драться. Прибежал, великанам сказал: „Паренька отпустите, я же попробую“. Великаны отпустили паренька, старик стал драться. Парень домой побежал, до дому добежал, мать стал сосать. С кровью пососал, назад побежал. С великанами драться стали. Великанов всех убили, тридцать всех убили. Это конец.

Д. Полин. Карам

8. Учанай

Старик жил. Богатырь величайший, очень состарился, Ланха по имени. Трое мужиков — дети его; старший сын — по имени Микулка, средний сын — Васька, младший сын — Учанай-Тангенай (раскоряка), замарашка, на печи вверху сидя (живя), испражняется.

5 Старикова смерть пришла. Детям сказал, старшему сыну сказал: „Сегодня умру вечером, приходи ночью, со мной ночуешь“. Среднему сказал: „Завтра вечером приходи ко мне“. Учанай сказал: „На третью ночь вечером приходи ко мне“. Умер. Схоронили. Вечером Микулке надо итти. Он не идет. Учанай сказал Микулке: „К отцу иди“. Микулка сказал: „Э, к чорту! К мертвому еще пойду Нет. Если

10 dak ši ɣənəkāl“. Ucanaj tātiɣaran, amīntikiwī sūrurūn. Amīndulawī əmərən, təyat-cällän. Amīnin jūrān, Ucānajwa gūnān: „Mikulka əhin əmərə?“ Ucanaj gūnān: „Mikulka guncān: „Hək cortu, buçalā əziɣəw ɣənərə“, bi şindulā əməm“. Amīnin Ucanajdu bürān murinma bułāhikpā, gūnān: „şinji biɣnaŋ“. Ucanaj zütkiwar sūrurūn.

15 Gədu dolbonidu nādā Waska uɣārāngu, amīntikiwī ɣənədən. Ucanaj gūnān: „Amätki ɣənəkāl“. Waşka gūnān „Hək cortu! buçatki əziɣəw ɣənərə, nādā bişik, ši ɣənəkāl“. Ucānāj itıɣaran, amīntikiwī sūrurūn. Amīndulawī əmərən. Təɣəmmän kərän, amīnin jūrān, Ucanajduk hanɣuktārān, gūnān: „Waşkə əhin əmərə?“ Ucanaj gūnān: Waşka gūncān: „Hək cortu! buçalā əziɣəw ɣənərə, nādā bihikin, ši ɣənəkāl! Bi itıɣam, əməm sindulā“. Amīnin Ucanajdu bürān şırukunma həgdikakūn. Gūnān amīnin: „Əri şıru şinji biɣnaŋ“. Ucanaj zütkiwar sūrurūn, pecidu ojudun amaltuzallan.

20 İidu dolbonidu Ucanaj ɣānāɣätin luyur. Ucanaj itıɣarān, amīntikiwī sūrurūmmän kərän. Amīndulawī əmərən, təɣətcällän. Amīnin jūrān. Ucanajwa gūnān: „Huṭā əmənñä?“ Ucanaj gūnān: „Əmäm amā!“ Amīnin Ucanajdu gewa murinma bürān. Ajakākun murin bułəhik ələniwi bułəhikilwi weşpi bürān. Ucanajwa gūnān: „şingil biɣnətin“. Ucanaj zütkiwī sūrurūn, pecidu ojudun amaltuzallan.

25 Gūnā: „təyimār hunätpi büzārān. Təɣawə upkatpa uruwzaran. Ńi-kə dostajziɣān, tādu hunätpi büzārān təyimār. Aktilīn itıɣalla. Ucanaj gūnān: „Aktje! bi-də ɣənəktə!“ Aktilīn gūnə: „Hək cortu! təɣawə amuzıwı takıdāwı. Peci ojudun amultuzakal!“ Mənikər awahına, mənɣılduwār murırdıwar. Nuɣartın məriwər ɣunzārā: „Miti ajal bihin“. Gūnnəl, hawahına. Ucanaj amarduktın jūrān, murinmı ajatkuwı əriɣən. Murin 30 nın əmərən. Zəɣinjidəlin oɣoktolin huɣduhınān, anɣıdalın jūrān. Bəjəkihın ōran, ɣəjukəkun. Murındıwı ūwan, aktilwi hawahınān, işşan.

Upkat təɣə urupcal, hacakākur nı-wəl mıkcanmukānmı. Ucanaj əməmi-nun murındıwı dəyiliwkānān, hunättulā işşan. Hunät ıqakərtunmı bürān. Ucanaj amaşkiwı kəjjin. Züləwər əmərən, murinmı tinän, tātiɣəlwi lukcan, hataptıcarwı tātçan, pecıla 35 ojkəcārān amultuzalimmen kərän.

надо, так ты иди“. Учанай оделся, к отцу пошел. К отцу пришел, сел. Отец 10 вышел, Учаная сказал: „Микулка не пришел?“. Учанай сказал: „Микулка сказал: э, к чорту! к мертвому не пойду. Я к тебе пришел“. Отец Учаная дал коня боевого, сказал: „Твой будет“. Учанай домой ушел.

На другую ночь надо Ваське, среднему, к отцу итти. Учанай сказал: „К отцу 15 иди“. Васька сказал: „Э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты иди“. Учанай собрался, к отцу своему пошел. К отцу пришел. Сел, отец вышел, у Учаная спросил, сказал: „Васька не пришел?“ Учанай сказал: „Васька говорил: э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты отправляйся! Я собрался, 20 пришел к тебе“. Отец Учаная дал пороза огромного, сказал отец: „Этот (олень) пороз твой пусть будет“. Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

25 На третью ночь Учанай должен итти вечером. Учанай собрался, к отцу пошел. Пришел к отцу, сел. Отец вышел, Учаная сказал: „Сын пришел?“ Учанай сказал: „Пришел, отец“. Отец Учаная другого коня дал, отличный конь, боевой, всякие доспехи, все дал. Учаная сказал: „Твои пусть будут“. Учанай 30 домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

Говорят (слух пошел): царь дочь свою (замуж) отдает. Народ весь собирает. Кто достанет, тому дочь отдает царь. Братья собираться стали. Учанай сказал: „Братушки, я тоже пойду“. Братья его сказали: „Э, к чорту! народ испражнениями 35 (своими) выпачкаешь. На печи вверху испражняйся“. Сами поехали на своих конях. Они про себя говорят: „Мы красивые“. Сказав, поехали. Учанай носле них вышел, коня своего доброго скликал. Конь его явился. В левую ноздрю влез, в правую вышел. Молодище стал, прекраснейший. На коня своего сел, за братьями поехал, достиг.

Весь народ собрался, никак не мог никто допрыгнуть. Учанай по приезде на коне своем залетел к девушке, достиг. Девушка кольцо дала. Учанай назад поехал. Домой приехал, коня своего отпустил, одежду снял, старенькую надел, 35 на печку вверху влез, испражняться начал.

Aktilīn əməṛā, gūnā: „ē-wal kəmi wəjə əməṛā, nu i wəjəkəkun“, gūnā: „murinīn gəjəkəkun, gūnā, „jakuma birān, əməmi-nun, murinduwi mīkcanmukānān, newestulā iṣṣan“. Ucanaj gūnān: „Akije, bi-ḡən bičəw?“ Aktilīn Ucanajwa hukirwālā, gūnā: „Hək cortul ēkunma hitānmə voltajzanni, amultun binā“.

40 Gūnā: „Təyimār təyəwə wəṣpa uruwzaran, zenih əmədān, ahīwi gadān“. Upkat təgə hawahina. Ucanaj aktilīn itiyalla. Ucanaj gūnān: „Akije! bi-də ḡənəktā“; Aktilīn butirwāṛa: „Peci ojodun“, gūnā: „amultazakal, amursiwi təyəwə maḡaziḡāṣ“. Mənikər hawahina. Ucanaj aktilwi amardutin itiyāṣṣaran, hawahinan peṣkom, iṣṣan. Təyimār kəwārinin mujedun uliçsezellan. Təyimār hunāzīn zenihpi hēzirēn bakamī. Tiḡəndu 45 arakiwa upkattu, təyədu podawājzirān. Zenihin ācin, hēṛən bakamī. İcārān təyimār kəwārinin mujedun əwal kəmi ilā ilitceren. Təyimār təyəwə gūnān: „Nādā doṣtat tarawə iləwə“. Uḡnə wəjālwe, gasudātin. Tarawə iləwə gazura. Nuḡan Ucanaj-Tonḡenaj amultun təlki ṛān. Ucanaj amultun nəweṣta iḡakāptunman omkocoduw: palatkānzī cakiliha, çəwəçā. Nuḡunmān əlgəṛā. Ucanaj aktilīn ḡunzārā təyəwə. 50 „Kırā, əri muḡḡi, Ucanaj amultun, ēdan əlgəzāṣ? Amursiwi niwestawa lakaziḡān“. Təyimār gūnān: „ajama əlgəkəllə“. Nuḡunmān Ucanajwa əlgərə niwestilā. Niweṣta ṣtakandu arakiwa podane. Nuḡukākun omkocodukin iḡakāptunma palatkanmā lukcān. İḡakāptunma niwestadu ṣtakandun nēṛān. Upkat təyə gajkuwārā. Niweṣta Ucanajni ahīnārān. Ponewole biṣizārān amultun niwesta, əhin ajawzırā, çelat-ta 55 necevo“.

Potom dukun əmurān təyimārdulā, gūnā: „Maḡi hunātpəṣ zəptizillān. İlīdu tirḡanīdu hunātpi lāmu zapkalān əmuwdāwi. Maḡi tādu əməhē. Maḡi zərciḡān“. İlīdu tirḡanīdu təyimār hunātpi ḡənəwrān lāmu çapkalān, maḡi zərcidān. Ucanaj-Tonḡenaj amultun dariṣki ḡənəṛən, ajatkuwi murinmı əṛirən. Ajatkuw 60 murinīn əməṛān. Ucanaj murinmı zəwəran, zəḡinḡidəlin oḡoktolin uḡduhināç anḡidālin jūrān. Wəjəkikin oran, gəjəkəkun. Buḡāhikilwi tātiyālwi tātçan, murin duwi uwrān. Maḡi tēṛulān iṣṣan. İcārān ahīn lāmu zapkadun tāyātçārān, ṣoḡozona

Братья его приехали, говорят: „Какой-то человек пришел, ну и молодечище говорят, конь его самый красивый, говорят, по приходе же на коне своем допрыгнул к невесте, достиг“. Учанай сказал: „Братишки, может я был? Братья на Учаная закричали, говоря: „Э, к чорту! что зря болтаешь, замарашкой будучи“.

40 Говорят: „Царь народ весь собирает, жених чтобы пришел, жену взял“. Весь народ поехал. Учаная братья собираться стали. Учанай сказал: „Братья, я тоже поеду“. Братья его заругали: „На печи, говорят, испражняйся, испражнениям народ запачкаешь“. Сами уехали. Учанай после братьев кое-как собрался, отправился пешком, достиг. На царевом лугу в конце едва стоит. Царь дочери своей 45 ей жениха не может найти. В чашке вино всему народу подает. Жениха не может найти. Видит, царского луга в конце какой-то человек, видна стоит. Царь народу говорит: „Надо достать того человека“. Послали людей, чтобы достали. Того человека достали, он—Учанай-раскоряка, замарашка только оказался. Учанай-замарашка невесты кольцо на лоб себе, платком за вернувши, привязал. Его привели. Учаная братья говорят народу. „Кал! (ругательное слово) это наш Учанай-замарашка; зачем ведете? Испражнением невесту замарает“.

Царь сказал: „Ничего, ведите“. Его, Учаная, привели к невесте, невеста стакане водку подала. Он-то со лба с кольцом платок снял. Кольцо невесте стакан положил. Весь народ удивился. Невеста за Учаная вышла замуж. По ее 55 воле кое-как живет, замарашку невеста не любит, (да) делать-то нечего!

Потом бумага пришла к царю, сказывают: „Чудовище дочь твою съест. На третий день дочь чтоб к морю на берег приведи. Чудовище туда придет. Чудовище съест“. На третий день царь дочь свою привел моря на берег, чтобы чудовище съело. Учанай-раскоряка-замарашка в сторону пошел, доброго своего коня 60 скликал. Добрый конь пришел. Учанай коня своего поймал, в левую ноздрю в правую вышел. Молодечище стал, прекрасный. Боевые доспехи надел, на конь сел. Чудовища к сроку достиг. Видит, жена его моря на берегу сидит, плачет

Ucanaj əməran ahiləwi. Mañıwa alacilla. Mañıkun müdük jürän, günän: „Bı guncəw
uñkənmən təjimər hunəzin“.

65 Nuğartın zür kühillə. Tırənzərə. Ucanaj şıruwi ərirən. Şırुकunin tuharən, mañıwa
carıran, do konca, do smerti. Ucanaj ahıtaj zütkiwar şurıru, məkəməcilimmər kərə.
Ahikəkunin uñcəkəkün. Tar mujen.

D. Polin. Karama

9. Nımpakəwun

Zür hunil bizicətin bıra zarkadun. Tuğlahına oñkolwo tırğa. Əmətə züləwər.
Hoğırdutin bəkəndə kuñakəkən. Kolleduk bəkən lakucəzərən, şoşozorən, günzərən:

„Aja ahı gazurakin,
aja wəjə ömcəw.
Dəwijkanin! Dəwijka!
Aja wəjə gazurakin,
aja ahı ömcəw.
Dəwijkanin! Dəwijka!“

10 Züləwər irə. Kalandutin supa üləwəş hüjizərən. Nuartın günmətə bəkənmə
gazudəwər toğowo bargımnak. Gə wırızınən, bəkəndük tənzəğən kuñakəkənmə
güzəncillən: „ön bihin gızajən kuñakəkən?“ günzərən: „kızığət toğowo ceres, ku-
ñakəkənmə wınzığət“. Gə ahətkən toğowo ceres galzınən, kalandulə dilizın kuñakə-
kənmə cıkıwammer, kalandu bədən kuñakəkən.

15 Tuğı günmətə zükə. Ahətkər bəkənmə hoğırduk gazura. Gə ahətkən
bəkəndük kuñakəkənmə lukıha, tənən, güzəncillən, günzərən: „ön bihin
kuñakəkən ajan?“ Günne, güzəncizərən. Gə ahətkən günən: „Mındu-də

Учанай пришел к жене. Чудовища стали ждать. Чудовище из воды вышел
сказал: „Я говорил, одну (чтобы) царя дочку“.

65 Они двое драться принялись. Меряются. Учанай пороза-оленья позвал. Поро-
зище прибежал, чудовище порвал до конца, до смерти. Учанай с женой
домой приехали, совокупились. Женища его весьма обрадовалась. Это конен.

Д. Полин. Карам

9. Сказка

Две девки жили на берегу реки. Пошли по ягоду днем. Вернулись домой, на
заездке их в зыбке ребеночек. На колышке зыбка висит, плачет, приго-
варивает:

„Добрая баба если бы взяла,
добрый муж стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!
Добрый муж взял бы,
доброй бабой стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!“

10 Домой пришли. В котле каша сварена, кипит. Они сговорились, зыбку пере-
тащить через огонь. Одна вывалит из зыбки, вытащит ребеночка, станет гово-
рить: „Какой красивый ребеночек“, скажет: „Кинем через огонь, ребеночка
передадим“. Другая девушка через огонь примет, в котел головой ребеночка
отпустит, чтобы в котле умер ребеночек.

15 Так переговаривали между собой. Девушки зыбку с заездка взяли. Одна де-
вушка из зыбки ребеночка, раздевши, вытащила, занимать принялась, приговари-
вает: „Вот какой ребеночек хороший“. Говоря, занимала. Другая девка сказала: „Мне

vükəl kuṇākākānmə, guzāncizaw“. Gē gūnān: „Gakal ši da guzāncikāl“. Toṇowo cərəs vüllān. Gē gallan toṇowo cərəs, kalandulā tikiwəmmān kərān. Tuhammer hunil.

Tuhammer kərā, tuhara, tuhara gorowo tuhara. Döldira—maṇikun ahadarān.

- 20 Şagdıwu ahātkān palātpə amaşkiwi hundārān. „Lāmukān ökal“ gūnān. Lāmukūn öran, həgdikākun. Maṇikun tuharan lāmu zapkalān, amaşkiwi tuhanān zütkiwar. Zawwa əmüwrān, lāmuwa dəyran. Ahātkār tuhazāra. Döldira—maṇikun vokonzoran. Şagdawu ahatkān āgdāwūnmə amaskiwi hundārān, gūnān: „Şikākun ökal əziṇān ugdūwra“. Maṇikun tuharān sikāndulā, həmmān ugdūmī, amaskiwi tuhanān, zütkiwi,
- 25 onoptunma ganārān. Şikāndulā əmārān, onoptunzi sikaṇwa həgnizāna, ṇenārān. Ahātkār tuhaşşazāra, döldira, maṇikun vokuncō. Ahātkār ṇālällä. Şagdawu ahātkān hiwəṇkiwə hundārān. Uhat hundämmān kərān. Amaskiwi hundādāwi kəcən, zulaşkiwi hundämmān kərān, gūnān: „İnmə şöndinin saṇākān ökal“. Nəkūndāwu ahātkān gūnān: „İnjāktəkan öka“. Şagdawu ahātkān gūnān: „Bī iriktə öka“. Nükūndiwi
- 30 injāktəkan oha, saṇākāndulı diṇilimmān kərān, şagdawu ahātkān iriktə oha, ugdūhiṇān hıkaṇaduwi tāṇəmmān. Nükūndiwu əkinmi dildukin zawaran tāncimācılımmān kərān. Hərān tānmı. Maṇikun hıkaṇawān zapimmān kərān. Nəkūndiwu ahātkān əmüḵun şırırın. İlədlüḷə işşan, vizālimmān kərān. Tar mujen.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

10. Nımpakāwun

Maṇikun hıkaṇawān pəhiṭcān, zāpimmı. Nəkūnin əkinmi uwazahinān mēndüji kərān sulammən. icāhinān əkinin soṇozorān. Nəkūnin müçürān, əkinmi uwazahinān.

Uwaran, uwaran, ṇan sularān, icāhinān—əkinin inəzārān. Mənikān şırırın. Nəkūnin ṇenārān, ṇenārān. Suhan lukurgarān. Noan cokcoköndü halganzi suhuw-

---

тоже дай ребеночка позанимать“. Другая сказала: „Возьми ты да позанимай“. Через огонь передала. Другая приняла через огонь, в котел опустила. Побежали девушки.

Побежали, бежали, бежали, долго бежали. Услыхали — чудовище догоняет.

- 20 Старшая девушка платок назад бросила. „Морище сделайся“, сказала. Морище сделалось большое. Чудовище прибежал моря к берегу, назад побегал домой. Лодку притащил, море переехал. Девушки бегут. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка гребенку назад бросила, сказала: „Чащица стань непроходимая“. Чудовище прибежал к чаше, не мог пролезть, назад побегал домой,
- 25 саблю пошел взять. К чаше пришел, саблей чашу разрубая, пошел. Девки едва бегут, услыхали — чудовище догоняет. Девушки испугались, старшая девушка брусок бросила. Худо бросила. Назад бросить хотела, вперед бросила, сказала: „Иголка с дырочкой (буду-ка), дыра сделайся“. Младшая девушка сказала: „Шерстинкой пусть буду“. Старшая девушка сказала: „Я муравьем пусть стану“.
- 30 Младшая, шерстинкой сделавшись, в отверстие пролезла; старшая девушка, муравьем сделавшись, поползла, задницей увязла. Младшая (старшую) сестру за голову принялась тянуть. Не могла утянуть, чудовище зад ее съел. Младшая (девушка) одна ушла, до людей добралась, жить стала. Это конец.

И. М. Сафонов. Тырка. Караме

10. Сказка

(Продолжение предыдущей)

Чудовище зад оторвал, съел. Младшая (сестра) старшую тащила на себе, оставила. Взглянула, старшая сестра плачет. Младшая вернулась, сестру потащила.

Тащила, тащила, опять оставила, взглянула — сестра смеется. Сама ушла. Младшая шла, шла, оборка (вязка на обуви) развязалась. Она на палку ногой

- ⁵ dāwī. Bazalakī mīkcānān: „Əki, əki zūjaw həkimməzəlīnni“, gūnzān: „əməkāl mīnñilā zūlā“. Hunāt İrān. Bazalakī ularān hunātrə, zəjammen. Ədīn əmərān, rān vəjürin ədīn; bazalakī gūnzārān ədītki: „Pulkərukciş inñişazəñāw“. Bəjāñin sūrurūn, vəjuzāhinān. İpkārān hunātrə, inñihazıdān pulkərukci. Ədīn əmərān vəjuzi, pulkərukpra būrān ədīduji. Ədīn dumajseren: „Ōn-ka ōran əgə pulkərukpra, okın-mal ənə ōra“.
- ¹⁰ Timīnin ədīn vəjūhinān. Nuan hunātrə ipkārān rān niptijān inñihazıdān. Bəjāñin kərān kəlcārāmmān, zū cājadādın dölçitcalımmen. İcārān təlki hunātkıkın gəjūkəkun. İrān zūlā. Bazalakī ələrān. Bizāllān. Bəjürwə wācā. Bazalakīwa ıñdārān, nihūdān. Gūnzārān: „Nanñajā həkülğəziñāş, nanñadu sāhajā ıñkuzıñāş kıdājā niñahānımmen, cakılımmen nanñadu rāmāt ānñatcıgāş“. Bazalakī niñahınān. Ətrikān
- ¹⁵ uhat izıñāndā alawurā, rāmakā nanñadu əziñāş hiktərəmmān.
- Ədīn tarnun hunātnun kərān bizālimmān. Nihuzahınān tarnun hunātnun. Əmərā. Bazalakī hiktiricā nanñadu. Ulləñirwār sūrurwı zütkiwar. Bazalakī ororwōn tipuçā. Tādu əmərā bizālimmār kərə.
- ²⁰ Hunāt tārā bihin bihin əkinmi zōnān: „Əkiniw ilācān?“ icāñahınān. Çənərān, çənərān. Əmərān tālā mestilā, gūlələ İrān. Təlki əkinin tādu gūlədu vizārān hıkañahə ācin. Bihin, bihin əkinin ororwo būrān kətəkəkənmə. Əlgəzinən zütkiwar orokökör vokon-zoñkıl əmərān. Bizālimmār kərə ədīnñmī.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

II. Niñjakāwun

- Ətrikān atırkannun vizicātin. Hıtāla ācır, jədakukākur. Bicān ıñıkkən hıkkırətin. Ətrikān gūnzārān: „Wāwāt hıkkırıwı“. Atırkān gūnzārān: „Əwāt“.
- Ətrikān kurətki rənārān. Hıkkırwı wāmmān. „Atırkān āməkāl. Solutkol vıratki sılkinākəl“. Atırkān əmərān suluktalwa garan, sılkināhınān. Amaski əmərān ətrikānin
- ⁵ əhin gūlətki tınə. Atırkān sūrurūn oñoktoji zūlāski. Çənərān, çənərān, icārān

- ⁵ (стала), чтобы завязать. Лягушка выскочила: „Тетка, тетка, юрту мою растопчешь“, говорит: „Иди в мою юрту“. Девушка вошла. Лягушка накормила девку, спрятала. Муж ее пришел, опять промышлять идет муж, лягушка говорит мужу: „Напульник (тебе) буду шить“. Муж ее ушел промышлять. Заставила девушку, чтобы шила напульник. Муж пришел с промысла, напульник дала мужу своему. Муж думает: „Как сделала этот напульник, никогда не делаешь?“
- ¹⁰ Назавтра муж ушел промышлять. Она девку заставила, опять кисет чтобы сшила. Муж ее спрятался, за юртой стал слушать. Увидал только девицу весьма красивую. Вошел в юрту. Лягушка испугалась. Жить стали. Зверей убил. Лягушку посылает мясо принести. Говорит: „Кожу разогреешь, в кожу кровь нальешь, возьми ляг спать, завернись в кожу, тепло ночуешь“. Лягушка
- ¹⁵ уснула. Старик (муж) худо не научит, тепленько в шкуре, не замерзнешь.

Муж с той девушкой стал жить. Отправились с той девушкой за мясом. Пришли. Лягушка замерзла в шкуре. Мясо домой притащили. Лягушкиных оленей побили. Туда пришли, стали жить.

- ²⁰ Девка эта жила, жила, про сестру свою вспомнила: „Сестра моя куда девалась?“ Смотреть пошла. Шла, шла. Пришла в то место, в избу вошла. Только сестра ее там в избе живет, зада нет. Жила, жила, сестра старшая оленей дала множество. Повела домой, много оленей ее догоняющие пришли. Жить стала с мужем своим.

Е. М. Сафонов. Тырка. Карам

II. Сказка

Старик со старухой жили. Детей не было, очень бедные. Была одна корова у них. Старик говорит: „Давай убьем корову“. Старуха говорит: „Нет!“

³ Старик во двор пошел, корову убил. „Старуха, подой иди. Кишки на реке иди мыть“. Старуха пришла, кишки взяла, пошла мыть. Обрати пришла, старик ее в дом не пускает. Старуха пошла носом вперед (куда нос покажет). Шла, шла, видит—

gulikān. Talā gulūkāndūlā irān. Ostoldu zāptilā adilānə. Zāpcān, tāduk zāptilādūk mēnākān garan, niḡahinimmən.

Dolbikōkin əmərān Jaga-Jagısna. Talkıdu murdāhinān. Atırkān tārālduk zāpcı-
ladūk garan. Zūtkiwar sırūnimān. Zūlawar əmərān. Ətirkanın hıķırwı manıca.
10 Zūjatkın ajakcucā, icātcārān. Ətirkanın horkılwı ūlēsārān. Atırkān hundaykı maslı-
kānə. Ətirkanın gūnzārān: „Imurānzārān horkıldukın“. Sönatkı icāhinān, atırkānmı
icārān. „Atırkān, əməkāl“. Atırkān əmərān, „Dawaj, ətirkan, zāptililwān zāpcākəl“!
Zəpcā, zəpcā, gūnzārān: „Hıķaḡal ūlikāl!“ Potom gūnān: „özahıkāl“. Özahınān
amurdun, əjəmmān kərā.

F. K. Monastırəw. Murınḡa

12. Nımḡakāwun

İlan nəķūnəhəl bicətin. Bəjhincətin, too omḡocötın. İlan nəķūnəhəl ətirkanmə
icəcəl, too zəgdizārān. Əməcən noandulān, toal gələlçən. Amākā gūncən: „Nımnakān-
kəl əhiyəw sarā. Sarā nımnakānıķış, taḡalləjə miziyāw hekanḡadukıķ, səgdənnədəukıķ
uhıya sırzıyāw. Tojo būzayāw, əhiyəw sarā nımnakānıķış“.

5 „Nımnakānzālım“. — „ülək“ gūnəķış, səgdənnədəukıķ sırzıyāw uhıya həkanḡadukıķ
taḡalləjə magalzıyāw“.

10 „Diḡin zār nəķūnəhəl bicəwun. Gönmun bicən. Diḡin zār Patnəlin. Nəķū-
nəhəl əwcaḡa, mordohincəun. İcihinim, səgdənni cehurgacca. Bı calban hıķaḡalın
dıcəw, icəhinim, mordohınaw, gən illan. Calban valdicā amikundulā tırgacā. Ojokco-
zāhım, talə şayar bihin nəvədu, talə dınnə, talə təḡā vizārā. Bəjır kətikəķun. Bə-
jıtcəca, bəjırwə wām, hiḡzicəw, ūlləbətın jadəkəldu būjıtcəw, uhıla sırəwātəw,
iraktədu uḡwātəw, əwdəhānim. Uhıl manawra, dınnə lis gumagadın icəullān.
Mıķcahınım, icəm wəjə wejdərən talganaw. Dawaj mikinəduk zajzəkəl top dınnə
mıķcalım. — „Əniniw amınduş məkzazārān!“ ətirkan gūncən. „Ulək bihinni“. Səg-
15 dənnən uhıwa sırcə, hıkanḡadukın taḡələ miçə. Ətirkan bıçə, tōwo sırcwəçə.

избушка. Туда в избушку вошла. На столе еда разная. Наелась тогда, из
еды сама взяла, спать легла.

В полночь пришла Яга-Ягища. В мялке приехала. Старуха после этого
из еды взяла. Домой пошла. Домой пришла. Старик ее корову кончил. На
10 юрту залезла, смотрит. Старик ее штаны варит. Старуха бросает масло. Ста-
рик говорит: „Жир топится из штанов“. В дымовое отверстие посмотрел, ста-
руху увидел. „Старуха, иди сюда“. Старуха пришла. „Давай, старик, еду есть“.
Ели, ели, говорит (старик): „Зад зашей“. Потом сказал: „Распори“. Рас-
порола, в кале утонули.

Ф. К. Монастырев. Муриння

12. Сказка

Три брата жили. Отправились зверя промышлять, огонь забыли. Три брата
старика увидели—огонь горит. Пришли к нему, огня попросили. Дед сказал:
„Скажи сказку, которую не знаю. Если расскажешь знакомую, круг вырежу из зада,
из спины твоей ремень выкрою. Огонь дам, если незнакомую расскажешь“.

5 „Буду рассказывать“. — „Ложь если скажешь, из спины узды вырежу, из зада
круг вырежу“.

„Сорок братьев было (нас). Кобыла была. Сорокояблочная. Братья сели,
поехали. Оглянулся, спина сломана. Я березу в зад сунул, оглянулся, поехал
на коне, кобыла встала. Береза выросла, до неба уперлась. Полез, там дыра
10 в небе, там земля, там народ живет. Зверей много. Промышлял, зверей бил,
обдирал, мясо беднякам раздавал, ремней накроил, к лиственнице привязал,
стал спускаться. Ремни окончились, земля с лист бумаги показалась. Прыгнул,
вижу—мужик веет хлеб. Давай за мякину хвачусь, на землю прыгнул. „Мать
моя на отце твоём ездит“. Старик сказал: „Лгун“. Из спины ремень выкроил,
15 из зада круг вырезал. Старик умер, огонь забрал.

P. Starikow. Tutura

13. Маји

Маји бизällän. Дөнәзәһинән, әмәрән һунәттүлә. Һунәт һәлһилсә, маји гүнән „Дөнәкәл, үллә ганәкәл, тәрә муғдуққачәнә кәҗкиһинә“, гүнән: „шини гәрбиш?“ Һунәт гүнән: „Кәдәрәк-Чүчүләк“. — „Акинни һи гәрбин?“ — „Бәғалдар-Бағатир“. — „Они туји өран гәрби?“ — „Бәғатикундун мајила вәзәмми“. — „Нинакин һи гәрбин?“ — „Иликә да лакә“. — „Еми туји өран?“ — „Буцә мәји сәһәлә иләнзәмми да ләканзәмми“.

P. Starikow. Tutura

14. Акширә—Бакширә

Долодур нуwandун јәҗин һунил. Амһн вәҗһинән. Бәҗүзи әмәрән. Һунил әсир. Умүкән әмәрән. „Амһнми зајакәл!“ Нуан гүнән: „әдуви зајзиҗәв? сәкәду зајамсәв, сәкәв сәзиҗәтин. Си иҗәккици һөнәзәкәл, тәли иҗәзиҗәш гуләкүнә, тәду Акширә-Бакширә, тәри зајамһи зајзиҗән“.

Тәрә һәнәзәһинән һунәт. Гору даҗа дәҗиллән, иҗәрән зүкәкән зүр һүркәр онһизәра лүкилә, вәрилә, зүр аһәткәр тәду да онһизара. Һүркәр иҗивкәм, әриллә: „Авгуғәҗәт вәрит өрәп“. Гә гүнән: „еј, кәки өләһәл миһи биһип!“

Акширә-Бакширә тәрә өлән әмәрәкин, зајәвәһәмнән тәҗәтсәрән. Сүрүрүн тәрә һунәт, зәҗилзиһинән. Ишсан окоскадун дөран. „Кәл һанһүктәллән: „Акширә-Бакширә миһә зајакәл“. Әһин дөлдирә, гәвран гүнән: „Акширә-Бакширә миһә зајакәл“. Тәрә гүнән: „Әмәкәл, могу зајакәл, зајзиҗәв“, гүнән: „миринзиҗәш, тәли вһ шинә зајзиҗәв“. Зајарән.

Тирғанһвә биһин, гәвә биһин, әсир. Илһду әмәрә вүләлзир. Котово тәнән Акширә, остөлдун нәрән, аһәткәммә гүнән: „Иҗтсәкәл котово, шәмтүзиҗән, тәли вһ даудәзиҗәв, езелә кимәргәзиҗән, тәли вһ даудим“.

П. Стариков. Тутура

13. Чудовище

Чудовище (медведь) жило. Пошел, пришел к девушке. Девушка испугалась чудовище сказал: „Иди, мясо возьми, тот пенек стукнувши“, сказал: „Твое имя?“ Девушка сказала: „Мялка-Скоблилка“. — „Старшего брата какое имя?“ — „Бәғалдар-богатырь“. — „Почему так имя стало?“ — „В каждом месяце чудовищей убивает“. — „Собаки как имя?“ — „Лизун да лакало“. — „Почему так стало?“ — „Мертвого чудовища кровь лижет да лакает“.

П. Стариков. Тутура

14. Акширә-Бакширә

Долодур, у него девять дочек. Отец отправился промышлять. С промысла пришел. Дочек нет. Одна пришла. „Отец, спрячь“. Он сказал: „Куда спрячу? В запятник спрятал бы, запятник распорят. Ты вниз (по реке) иди, там увидишь избушку, там Акширә-Бакширә, тот спрятатъ спрячет“.

Та пошла девушка. Далеко близко летела, увидела юрту, два мальчика дарят друг другу стрелы, луки, две девочки там же одариваются. Мальчики, увидевши, закричали: „Какой лук мы сделали!“ Другой закричал: „Эй, какие мы мастера!“

Акширә-Бакширә, тот мастер, когда пришел, спрятавшись сидит. Ушла та девушка, полетела. Долетела, на окно села. „Ну!“ спросила: „Акширә-Бакширә, меня спрячь“. Не услышал, вторично сказала: „Акширә-Бакширә, меня спрячь“. Тот сказал: „Иди, могу спрятать, спрячу“, сказал: „Выйдешь замуж, тогда спрячу тебя“. Спрятал.

День прошел, второй, нет. На третий пришли войска. Нож вытащил Акширә, на стол положил, девушке сказал: „Смотри, нож заржавеет, тогда я буду побежден, если побелеет, тогда я побужу“.

¹⁵ Kə-hilə, ɣənəhinə, bʉlələ.

Tārā ahātkān icātcārən kotowo. Akşirə koton şämtuzārən. Ahātkān mǝrgāhinān — dawdazərən. Potom icātcārān ahātkān kotowo, tārānı kimārgārān, bağdar-garan — Akşirə dawdıran. Akşirə əmərən. Zapkunma baʉatırıl wārən. Ahātkān urunun: „Şindu mirinsinʉaw“. Tar mudanın.

P. Starikow. Tutura

15. Altānāj

Bolontur bizällān. Ahin urgägdi. Kükünāj dālāhınan, dilıca hunātpān. „ācınduw baldıdıǵan, Altānāj ǵərvidāwi“.

Sururun tārā wəjā. Dalāhınan. Dilıca hunātpān dalarən. Tālā nuanmān maǵıl wācilla.

⁵ Tārā ahin huṭāǵnān amardun, -Altānāj ǵərbirān. Huṭān bihin, ilallawa wərilāwi oran, nāmkiçillān. İrəktəduǵ dōra cinəkəl. Nuan nāmkiçcārān, wārən nuarwātın. Umučkən suwārādun solōwcān. Nāmkiçcārān hēran nawkānmī. „Altānāj ēdaw wəjūtçānnı? Amınnı bicēn Bolontur ǵərbı. Nuan sindu ahıjāş dālāhicā“.

¹⁰ Nuan əmərən ənındulāwi. „Ənə amıçı bicəw?“ Ənınnın ǵünān: „ācın amına bicəş“. — „On ācın amına biziǵaw? ēduk-ka baldıçāw?“ Ǵünān ǵünān: „Amınnı bicēn, kamnıyaduk hučkulçēn, buımmān kəçē“. Ǵünān: „Dawaj bı ɣənəktǵ tikkiçələn“. Tuhanān, tikçēn, kamnıyaduk əmərən, əhin buçā. „Bicēn amınnı, bicēn“, ǵünān: „İlāçā?“ — „Necewo çəlaṭ“ ǵünān: „ahıjāş dālāhicā, dilıca hunātpān“.

¹⁵ Tavun murınnın ǵırkuzeren, ǵünā umučkən murıncıkān ihāktə upkacın. Murındulā əmənki, bułihiniǵki, murın buǵki, səgdənnə cıkurgǵki. Tārā ihānə tuhak-təzārān. „Minə, minə kəkāl“, ǵunzārān. Əmərən əhilə bułihinin, ıǵaktalın buǵurı. Ǵewran bułihinin, həgdimikaǵ oran. İlwran bułihinin, nuan həgdikākun oran. Bułihinin, zawran murınnı, nırilwi gadan, wərilwi gadan, hawahınan. Ǵənərān, ɣənərān, icārān — zapkun maǵıl āwızārā igdiwūnzı uwişki huıdāwātçārā. Nuan

¹⁵ Ну, пошли, стали воевать.

Та девушка смотрит нож. Акширə нож ржавеет. Девушка опечалилась — побеждается. Потом смотрит девушка, нож тот светлеет, белеет — Акширə побеждает. Акширə пришел. Восемь богатырей убил. Девушка обрадовалась. „За тебя выйду замуж“. То конец.

П. Стариков. Тутура

15. Алтанэй

Болонтур жил. Жена беременна. Невестку сватать поехал, солнца дочь. „Без меня родится, Алтанзем назови“.

Ушел тот мужик. Сватать отправился. Солнца дочь просватал. Там его чудовища убить собрались.

⁵ Та женщина сына родила после него, Алтанзем назвала. Сын живет, в три дня луки сделал, стал пристреливаться. На листовницу сели пташки. Он прицелился, убил их. Одна на вершине осталась. Прицелился, не мог попасть. „Алтанэй, зачем убиваешь? Отец твой был Болонтур по имени. Он тебе жену сватать отправился.“

¹⁰ Он пришел к матери. „Мама, отец был?“ Мать сказала: „Не было отца“. — „Как без отца жить буду? Откуда родился?“ Сказала тогда мать: „Отец был, со скалы скатился, умер“. Сказал: „Давай я пойду к месту падения“. Пошел, скатился со скалы, пришел, не умер. „Был отец, был“, сказал: „куда делся?“ — „Нечего делать“, сказала: „жену твою сватать отправился, солнца дочь“.

Табун лошадей идет, говорят, один жеребенок в коросте весь. К коню подойдет, коня погладит, конь умирает, спина ломается. Тот коростистый бе-
гает. „Меня, меня лови“, говорит. Подошел тогда, погладил, шерсть упала, вто-
рой раз погладил, он большой стал. В третий раз погладил, он очень боль-
шой стал. Погладил, поймал коня, стрелы взял, луки взял, отправился. Ехал, ехал, увидел — девять чудовищ играют, гребешками вверх бросают. Он

гəпəммəн Altənəj, cəpkənən. Əhin mədərə, ɣənəzəhinən cəski, irtiki ɣənəcən,
 20 tartiki ɣənəzəran. İcəran ɣuləkəkənmə, ɣuləkən hunət okoşkoli ciyiccəran. Nuan
 ɣünən: „Altənəj əmcəw icəhinə ucukən“, kəjəran: „minduɣan“... Altənəj ɣünən hunət-
 pən: „Bisikiş, əmcəw icəhinə“. Nuruwə ɣarən, wərwijə ɣarən, nəmkirən, hikəməran,
 hunət buđən. ɣənəzəhinən, ɣənəran icəran ɣuləkəkən. Tələ ɣuləkəndulə iran. Hunət
 arcamkarən. Arcamkarən, tikcən nuan, harullan. „E, miɣecikəkun icəjəş icərə“,
 25 hunət ɣünən: „miɣecikəkun icəjəş icərə-un kərə“. Buhijanzi hikihinən, tarə illan.
 Əhilə ostoldulə ɣənəran, ostoldu təyarən. Hunət potciwajillən. „Kə!“ ɣünən: „ɣənə-
 zikal aminməş maɣı wəzirən, amakən ɣənəzikal“, ɣünən. ɣənəzəhinən, amin
 arcarən əməzirən təlki murinin tuhakidin ora, mənikən kərəmündin oran.

30 Заркун маџал амаргızı нәмкicəllən. „ɣənəzəkəl, amə, bi wuləizəlim“. Suru-
 ruwə aminin; nuan buləllən. Maɣikun nəmkitinəcəllən. Nəmkicən, namkicən, tam-
 naha tinə. Əninin ɣələji buəcən. ɣələwan tənən əninmi, ərpəlihinən, tamnaha əcin
 oran. Utunɣəwə tinən, həɣnəkənduləwi bulərə. Əninin uqunmi buəcə, nuan nəpkə-
 hinən, uđun, uđullən, sirən toɣo. Nəmkicəllən, wes wəran maɣilwa. Muɣurən
 newestulə. Əməran hunəttulə, mirənzəran hunətwə ələniwər uməktəɣɣə...

35 Sururu zütkiwar, züləwər əmərə. Əninin, aminin kultirduwar lambarəcə. Aɣacə
 ziwəj wəda, imurə ɣəjuwhihikir ora. Tar kəhilə bizəllə. Tar mudanın.

İ. Komaricin. Сепса. Аҗара

16. Dəkimdəki

Umnəkən ɣrədu gorodu, gorodu wəjunmə wəcəw. Bicən mindu ɣmukən ɣtə.
 İgzərəkiw wəjunmə, ɣənəɣən ɣəɣ ɣtəwə lawəɣəcən.

„Amijaj, amijaj!	asakal, asakal
Goroki, goroki	minəwə“.

пошел Алтанэй, схватил. Не знает, поехал дальше, куда ехал, туда едет. Увидел
 20 избушку, избушка, девушка в окно смотрит, она сказала: „Алтанэй, не глядела
 бы на коня его“, позавидовала: „мне бы такого“. Алтанэй девушке сказал: „Если
 бы и была, не посмотрел бы“. Стрелы взял, лук взял, нацелился, в грудь
 попал, девушка умерла. Отправился, ехал, увидел—избушка. В ту избушку вошел.
 Девушка встретила. Встретил, упал он, голова закружилась, „Э, такой же,
 25 как я, не видывал“, девушка сказала: „мне подобную не видывал“. Обшлагом
 погладила, тот встал. Теперь к столу пошел, за стол сел. Девушка подчивать
 стала „Ну“, сказала: „иди, отца твоего чудовище убивает, скорее иди“, сказала.
 Отправился, отец встретил, идет, только конь его с зайца стал, сам с белку
 стал.

Восемь чудовищ позади начали прицеливаться. „Иди, отец, я воевать стану“.
 30 Ушел отец, он воевать стал. Чудовище стрелять (друг в друга) стало. Стрелял,
 стрелял, туман напустил. Мать его руку дала. Руку потянул матери, махнул,
 тумана не стало. Горячую тундру напустил, по колена завяз. Мать грудь дала,
 он пососал, дождь пошел, задул огонь. Стрелять начал, всех убил чудовищ
 Вернулся к невесте. Приехал к девушке, взял в жены девушку со всяким
 (добром).

35 Поехали домой, домой приехали. Отец, мать к порогу прилипли. Принес
 живой воды, помазали, молодые стали. Тогда стали жить. То конец.

И. Комарицин. Ченча. В.-Ангарск

16. Докимдоки

Однажды на горе далеко, далеко зверя убил (я). Был у меня один сын.
 Когда обдирал зверя, шел (летел) лебедь, сына схватил.

„Отец отец!	гонись, гонись
далеко, далеко	за мною“.

5 Амәниксә вәјунмә, асасынан. Үнәрән, җәнәрән, ичәрән үмүкән аранма. İрән тәлә арандулә. Бизәрән үмүкән атиркәцән шагди, шагди. Үмүкән амалдәдәвә үзәрән. „әвгү“, җунзәрән. Сә шагди, шәрилдук јалбука балдичән, шәндук тәктикәцән балдичә. Анмүктәрән: „аңакәјәј, аңакәјәј әсәш ичәрә гәҗ ләвәдәзәривә куңәкәнмә?“ — „Үтәјәј, үтәјәј, җороду, җороду гәҗ җәнәицән, ләвәдәјцән куңәкәнмә. Бә җәјүн, җәјүн биңә-
10 шиwi тәлијә, тәлијә җәнәицән. Үтәјәј! үтәјәј! җәнәсиқәл октоләнән, октоли“.

Тәли октолинун октоли җәнәм, җәнәм, аранма җәнә ицәм, ім арандулә. Әтиркән бизәрән шагди әтиркән бизәрән. Үмүкән амалдәгәвә үқулцизәрән, шәрилдук јалбука балдирән, шәндук салбакәцәр шәлдирә. Анмүктәм: „Амәкәјәј! амәкәјәји әсәш ичәрә гәҗ җәнәицән ләвәдәјцән куңәкәнмә?“ — „Үтәјәј, үтәјәј, җәнәицән, җәнәицән, тәлијә, тәлијә
15 җәјүн биңәшиwi, әли җәнәицән, шәнәндули, инәмүктәл тикимдичәтин, минду вәңгәјцән, амәкәјәј, амәкәјәј әли амә ашаҗнакин әли-нун октолинән, октоли. — Үтәтәј! үтәтәј, җорокі, җорокі, әрлувар ашаҗамә ашаҗамә“. Ашарән, ашарән сүптивдән ләмудулүвар далүган.

F. Шаңгин. Дагарә. Аҗарә

17. Ашә

Әтиркән атиркәнән вичәтин. Ашә үмүкән һүтәтин вичән. Әси метал әмәл-вал әһнәкил магарарә, магарактура. Нуартин үрәрә. Тәдук җороківа биқшәл, аҗарә, оксосто мәртикәвәр. Анҗанәивә бишин, гәду анҗанәиду үлидә сәт нуанмән.

Тәдук нуантәкин һәргәлтин үтәлтин гүнә: „Бү шинә амәкән зәпилзиңәвүн“. 5 Нуан мулиштән: Өн җәләмин бишин, өн мәнми ајзаләм? Нуан ашәлгарән малүкләвәр, мөвә куңәвә, мөли куңәли әси үгдүштәви. Әмәрән времә, нуанмән вәлмәцәтин, вәлдәвәр италда, котолбор килгәдәлдә.

Нуан тәли гүнән: „Бә тәлишкә јүмүзәм, јүкәлдү минә“. Јүстә тәлишкә нуанмән, куңәкәр тәлвә җәлмәл. Нуан тәлвәтин сирән тукшәстан малудуләвәр, куңәләви ошәл-
10 гәләви. Тукшарән, да үгдүштән. Нуартин шәкороду нуанмән.

5 Оставив зверя, погнался (он). Шел, шел, увидел одну юрту. Вошел в ту юрту. Живет одна старушка, старая-старая. Одну головню раздувает. „Оүгү“, говорит. Очень старая, из ноздрей мох вырос, из уха кедр вырос. Спросил: „Старушка, старушка, не видала лебедя, схватившего ребенка?“ — „Сынок, сынок, давно, давно лебедь прошел, держал ребенка. Я молодая (тогда была), туда, туда
10 прошел. Сынок, сынок, иди по дороге его, по дороге“.

Тогда по дороге его, по дороге шел, шел, юрту опять увидел, вошел в юрту. Старик живет, старый старик живет. Одну головню раздувает, из ноздрей мох вырос, из уха березки выросли. Спросил: „Дедушка, дедушка, не видал лебедь прошел, пронес ребенка?“ — „Сынок, сынок, шел, шел тогда, тогда молодой был я, здесь шел, в дымовое отверстие, слезы падали, мне кричал: дедушка, дедушка, здесь отец если попомнится по этой дороге, пусть пойдет по дороге. Сы-
нок, сынок, далеко, далеко того гонять, гнать“. Гнал, гнал, отстал, до моря дошел.

Ф. Шаньгин. Дагарә. Н.-Ангарсқ

17. Женцина

Старик со старухой жили. Женцина одна дочь их была. Теперь соседи, (чужеродцы) какие-то не могли просватать, сватают. Они согласились. Потом
немного спустя пришли, увезли к себе. Год прошел, на второй год стали кормить сильно ее.

Потом ей младшие ребяташки сказали: „Мы тебя скоро съедем“. Она 5 подумала: как страшно, как себя сохранию? Она заметила за священным местом в юрте дерево дуплистое, тогда на дерево в дупло чтобы влезть. Прошло время, ее предполагают убить, убивать стали собираться, ножи заточили.

Она тогда сказала: „Я вон выйти хочу, выпустите меня“. Выпустили вон 10 ее, дети огонь в руках держат. Она огонь загасила, побежала к священному месту (юрты), к дуплу запримеченному. Убежала да влезла. Они потеряли ее.

Şokorkşal, irä arandulā, gūnā: „şokordon zäpmäcinmař ēja əsilə zäpcığat?“ — „Minə zəpkəldə!“ ənintin gūnān, atirkān. Nuartın əninmər wārā, zəptə. Gūldā: „ekun əni gūlimaçinmař gūlimaziñān?“ Amintı ətirikən: „vī, vī gūlinəktə“, gūnān.

F. Şaŋgın. Dağarā. Ağarā

18. Вərvūlin, вərvūlin

Ətirin, ətirin, vərvūlin, vərvūlin!
vəjūnmi-nūn vəjūkəl vərvūlin vərvūlin!
ırkəwər zūklēn, vərvūlin, vərvūlin!
əgūməwə tolkiçim, vərvūlin, vərvūlin!
5 aşı tolkinin okın biçən vərvūlin, vərvūlin!
ınanaj ınanaj vərvūlin, vərvūlin!
aşı tolkinin vərvūlin, vərvūlin!
okın kakoj biçən vərvūlin, vərvūlin!
atırın atırın vərvūlin, vərvūlin!
10 urkəwər galgākəl vərvūlin, vərvūlin!
— əzəñəw galgārə vərvūlin, vərvūlin!
hıñtükə dılgandı vərvūlin, vərvūlin!
— vəjūjılınmər wəşşəmätçəmi vərvūlin, vərvūlin!
dılgana ācın ğran bişim vərvūlin!

J. Ajeulew

19. Nıñjakān

Sulakı ɳənəzāñnārān. Bakaran mañıwa, guşkəwə, tukşakıwa, gūldən: — „minñi ədiw beda bərkən“. Mañı gūnān: „Əməwdəj, icādəñ“. Sulakı gūnān: „Əməwzāñāw şū tərɳmätciñəşun macələjā, təli əməzāñān minñi ədiw“. Sulakı əməwdən, mañı

Потерявши, вошли в юрту; сказали: „Потерялась еда, что теперь будем есть?“ — „Меня съешьте“, мать сказала, старуха. Они мать убили, съели. Сказали: „Кто матери остатки на лабаз положит?“ Отец старик: „Я, я на лабаз положу“.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

18. Бурбулин, бурбулин

Старик, старик бурбулин, бурбулин!
если промышлять, промышляй бурбулин!
двери напротив бурбулин!
5 Худое во сне видел бурбулин!
женщины сон когда был бурбулин!
свойк, свойк бурбулин!
женщины сон бурбулин!
когда какой был бурбулин!
старуха, старуха бурбулин!
10 двери отопри бурбулин!
— не стану открывать бурбулин!
чужой голос твой бурбулин!
— со зверями кричавши бурбулин!
без голоса стал бурбулин!

Я. Аеулев

19. Сказка

Лисица идет. Встретила медведя, волка, зайца, сказала: „Мой муж—беда бойкий“. Медведь сказал: „Приведи, чтобы посмотрели“. Лисица сказала: „Приведу, вы корову убейте, тогда придет мой муж“. Лисица чтобы приг...

guşkə, tuşkəkī tərurə macələwə, təlgəttə. Maņı gūnān: „Bī əduq mattāmə ōzılıñaw, mōwa tūktizīñəw. Guşkə gūnān: „Bī ədu dikənzālim“. Tuşkəkī gūnān: „Bī ədu dikənzālim“.

Şulakī ədīn koşka. Şulakī əmıwədən ədiwi, ındıldān tərüzəkwətin. Tuşkəkī kırıbuştān, zərəş ōran. Koşka cokıdārān „Ənukəcān“ gınnə. Tuşkəkī ɣələldān ıktıl: dān. Koşka ɣələldān, mōwa tūkkāştān, maņı tadu bizārān. Maņı zālāldān, mercānān, şəgdəndən burırān. Şulakī nuanmān zıpıldən. Məkələrān, mənmi ajdāwi.

J. Ajeulew

20. Akşı-Bakşı

— Şū-wal anıŋuktaktu	Şinə nəmkişālim —
elā-mə tuşkənzandı?	əwşəcərdə jıñnəktin!
— Dēmā-dēmāləncə!	Şinə təktəşcālim —
Akşılā-a Bakşılā.	takşakāş ətəkəniñnətin!
Akşıjaj-Bakşıjaj!	Şinə təktəşcālim —
Amakān-ka jıŋkəl!	ɣələwə kəñəcəmdək!

Akşı-Bakşı jūrān, nəmkirān, əwşālin jıñnəntin haplastuk takşakawān təktəştən hətəkəniñnənin. Takşakāwı cokıdārān, gūnān: „Ēcā vimī hətəkəmidan? Aucān əri“, vizəktın tüləğən. ɣələwān təktəştən hətəkəniñnənin, cokıdārān, gūnān: „ēcā vimī, toñomıdan? Ukşəcən əri“, vizəktın tüləğən.

J. Ajeulew

21. Şıñəcən

Şulakī: „şıñjä gukcānmāt“.—„Dawaj gukcānmāt“.—„Liñejamikākun ilə lıptur-şıñān?“—„Bi-glə şıktılhiñaw, kocolo dūtāzānə“.

волк, заяц убили корову, ободрали. Медведь сказал: „Я отсюда смотрящим стану, на дерево влезу“. Волк сказал: „Я здесь спрячусь“. Заяц сказал: „Я здесь спрячусь“.

Лисица муж—кот. Лисица привела мужа, стал собирать остатки на месте их свежевания. Заяц пошевелился, затрясся. Кошка прыгнула, „мышь“ говоря. Заяц испугался, убежал. Кошка испугалась, на дерево полезла, медведь там есть. Медведь испугался, прыгнул, спиной упал. Лисица его съела. Обманула, чтобы себя спасти.

Я. Аеулев

20. Akşı-Bakşı

— Если вас спрошу	Тебя выстрелю —	
куда бежишь?	легкие выскочат!	
— ДOME домелончо!	Тебя разрублю —	
К Akşı-Bakşı	} припев	верхушка отскочит!
Akşı-Bakşı!		Тебя разрублю —
Поскорее выходи!	руку отсеку!	

Akşı-Bakşı вышел, выстрелил, легкие выскочили из раны, голову отрубил, отскочила. Голову поймал, сказал: „Какая была отскакивать начала? Шапка это“, на место посадил. Руку отрубил, отскочила, поймал, сказал: „Какая отлетать начала? Рукав то“, на место насадил.

Я. Аеулев

21. Nalimişka

Лисица: „Nalim, побежим!“—„Давай побежим“.—„Nalim куда поллететя?“—„Я-то побегу, мыс через пересекая“.

22. Şulakī

Şulakī gənəzārān mañija bakaran. Nanmaktaldu kıkcawdan mañı. „Amakā! amākā! minñilā gənəwāt şaldıskıtlawajāncək şāñān-şāñān“.

— „Uŋej, gənəwāt şaldıskāndulā“. Şururə kadara ojolōn. „Amakā! amakā! Bı ŋəsuktə ŋkəlziğəw“. Aştə.

5 Şulakī mañı dıdēlān oran, məkälērān. „Amākājaj! amākājaj, diskı kənəkəl, həkəlzälım!“ Diskı kənəşcaldən, ŋkələştın, noptərorān. Şulakī gənəgən, nuanmān təlğättān lomolbōn kucındān. Nuarbatın ırgıdık ŋjıdān, mənğələrān kucılzı. Şururūn, bakaran guşkəlbə. Guşkəl güldə: „Şulanaj, şulanaj, eduk bakandı tawarılba?“ — „Ulızälım“. — Alakə? şulanaj tədəwkəl“. — „Əziğāw tədəwdə, tuğəlziğāşun“. — „Tədə-
10 wkəl, tədəwkəl“. — „On, tədəwziğāw. Şı əjikəldı ırgırbər mūdı, gildikākun özıgān, ənər ŋriştā, ətizıgātın gildizāmı, təli urıscığāşun“. Əjırā amutkāndı ırgılbər. Şulakı karauccəran. Doñotoldāra guşkəl ırgiltın. Şulakı nuarbatın təpuldān, ŋmıčkōn suçārān, ırgın pəşırgərən.

N. Bukıdaew

23

İlan asāl
güliğnərə:
„Minə gaka!“,
güliğnərə.
5 „İlwatın
gazalzalım!“
İlan-zarzi
sıgazarzi
10 süğülzitin
əlbənətäne,

gənəlzitin
inməktənə,
İsalzitin
mıruçəntənə,
sılıktalzitın
çsıtənə,
zaraltzitin
orontono,
säsirzitin
kumalāntənə.

Я. Аеулев

22. Лисица

Лисица идет, медведя встретила. Комарами закусан медведь. „Дедушка! дедушка! ко мне пойдем на мое место, хороший ветерок подувает“.

„Дочка, пойдем на ветреное место“. Пошли на вершину скалы! „Дедушка, дедушка, я ниже лягу“. Заснули.

5 Лисица через медведя перешла, перелезла. „Дедушка! дедушка! дальше ляг, скачусь!“ Дальше подвинулся, покатился, разбился. Лисица пошла, его освежевала из околокишечного жира колбасу сделала. Ее к хвосту привязала, обмотала шею кишками. Ушла, нашла волков. Волки сказали: „Лисичка, лисичка, откуда нашла те?“ — „Покормлю“. — „Вкусно? Лисичка, сообщи“. — „Не стану сообщать,
10 узнаете“. — „Сообщи, скажи“. — „Ладно, сообщу. Вы опустите хвосты свои в воду, холодно станет, не вытаскивайте, пока не замерзнут, тогда потащите“. Опустили в озеро хвосты. Лисица караулила. Стали замараживать волки хвосты свои. Лисица их ударила, один оторвался, хвост лопнул.

Н. Букидаев

23

Три женщины
заговорили:
„Меня возьми“,
5 говорят.
„Третью
возьму“.
Тридцати
налимов
10 кожи (из)
покрышки (делая),

икры (из)
торсуки (делая),
глаз (из)
круглые короба (делая),
из кишек
ремни (делая),
из позвонков
олений (делая),
из пупков
кумаланы (делая).

J. Ajeulew

24

5 İlan aşäl
 gūniḡnārä:
 „Minə gaka!“
 gūniḡnārä.
 „İliwatın
 gazalıḡāw“.
 ilan-zārzi
 şēḡacārzi
 10 manalzītan
 inməkiwəḡ,
 ārpuḡkilzītin
 usīwzāḡ,
 şēşēzītin
 15 tiḡəptunma.
 şergesanaḡ,
 nenaktınaḡ,
 okın ḡūcən:

„Minə gaka!“
 sērulaktaj,
 hukacānaḡ,
 ewan tārä
 əktanzāndi?
 ḡūnzārkes-ka
 cənnaḡmaşnār
 kırıcādun:
 „Minə gaka!“
 ilan binəl
 tətçärkät
 ḡunzarəş-ka,
 ḡunzarəş-ka:
 „Ambarlāwun
 āzānāwāt,
 amī, amī
 dawuduci.

J. Ajeulew

25

5 Ədäsäləj!
 pārisələj!
 kalatkavur
 tətçānəwət!
 vışəkərvər

kaḡkurzewāt!
 jāḡdikəkur
 ḡānıçäl-täl
 tēndikəcər
 əndəwkəşul.

Я. Аеулев

24 (вариант)

5 Три женщины
 говорят:
 „Меня возьми!“
 говорят.
 „Третью
 возьму“.
 Тридцати
 налимов
 10 (из) икры
 торсуки (делая),
 (из) плавников
 узды (делая),
 (из) болоней
 15 подпругу.
 Сергей,
 собака,
 когда сказал (я):

„Меня возьми!“
 Серулак,
 сучка,
 чего в том (тому)
 отказываешь?
 Когда говорила же
 Чернова
 на крыльце:
 „Меня возьми!“
 Трое были
 когда сидели же,
 когда говорила же,
 когда говорила же:
 „В амбар наш
 пойдем спать,
 отца, отца
 в тулупе“.

Я. Аеулев

25

5 Товарищ!
 друг!
 халаты
 пойдем надевать!
 пояски

подкрепим!
 горные (девушки)
 пришедшие
 равнинных (парней)
 обманывают.

J. Ajeulew

26

Akī Samajıŋkur,
gırın tēnzıwēt,
əwınə-wəl bargılzewāt,
jəkənnu-wəl kaltawzewāt.

Bikə etwı kaltawzəŋaw?
Bı-kə et-wı bargıwzəŋāw?
Bagdan buwaduwı
ıjırjəkə bıŋım,
jəgdərjəkə bıŋım.

J. Ajeulew

27

5
Aşıjakır
amandıŋnam.
Bənəsəlvi
şıwätwəwətın
amandıŋnam.
Cırgāsiktə
kaltakazın.
10 Həyəwānə-wəl
həjəziŋəw bicə.
Gowokşıl
gowotcokimjatın.
ırinəcı-wal
ırinəziŋāw bicə.

İŋaksəl
iŋəzəkimjətin.
Həgdəw bənaraŋw
ıwəwşəziŋtin
lāmukākun
zarkajadan.
Hülitku bənəriw
həndinzəŋtin.
lāmutkūnmə
əjəkəkı
wəşəwəlin
torōkarıktın
tamnanzəŋtin.

Я. Аеулев

26

Дядя Самаинкур,
вместе поиграем,
песнями ли посоревнуемся,
хороводом ли половинками
поиграем.

Я-то как буду с тобой?
Я-то как спою?
В Багдана стране
привязан (я),
к колу привязан.

Я. Ае лев

27

5 Немножко
не застал.
Шурьяков
свадьбу их
не застал.
Накаплю-ка
с половину.
Песни
петь бы мог.
10 Лающие
пусть лают.
Вотрую жену
мог бы взять.

Смеющиеся
пусть смеются.
Старший шурин
волнами качается
морища
на берегу.
Младший шурин
прыжками бежит
морища
к низу,
северной стороной
только пыль
вьется туманом

28

Čaja Čunun
dayandutin
kaḡaldāwə
lokodōwōt.
Bəjəḡşəlbı
gūkitjətin

N. Bukidaew

əri — tāri
kaḡaldājan.
Kālūkitin
unāzitin.
Həgəllagin!
Həgugəlān!

29

Ədātkənəj!
Parıtkanaaj!
Tizārməkən,
adilkāndı
asujakır
jūlinmūtin!
Uḡakəptunma

N. Bukidaew

mūliməjə,
ıḡakəptukān
mūlimətkān
əməmıwi
jūlicinān!
Həgəl-lagin!
Həgū-gəlān!

30

Tolkindo tolkiticicāw—
hunātnun ārāwı.
ılguziməmōnkə,
huluzınmamanka,
zəkinə, zəkinə,

N. Bukidaew

wəlikətkənikə,
sinə—sinəməmə
əkun vizāsındə?
ilə ədu vizāsındə?

28

Чая с Чуней
на водоразделе их
колокольчики
повесим.
Женихов своих
говоренное их

Н. Букидаев

это (и) то
колокольчики (звонят).
О Калуки их
девушке их.

Пусть звенит! } припев
Пусть звенит! }

29

Товарищ!
Друг!
Путо,
сеть твоя
немножко
выпутываются!
Колечко

Н. Букидаев

кругленькое,
колечко
кругленькое
по приходе
выкатилось!
Пусть поет! } припев
Пусть поет! }

30

Во сне видел—
с девушкой спал.
Говорливая,
теплое тело,
красивая, красивая,

Н. Букидаев

белолицая,
тебя — тебя (то)
кто ты?
Где (ли) здесь (ли) живешь?

N. Bukidaew

31

Əni Cence
cuwarjadun
kuktikətkən
kuktizārān.
ekunmama

kuktiməzən?
Kuktiməkirəkin,
irgindājan səmkəsəmdā.
Əgāl-əgāj
Əgu-gālāj

N. Bukidaew

32

Duškacāni
derewnədun
əzəlīm-lā
arkatcistā
əṙā-əl-du
anṙanildu?
Bolonikān
turgarakin,
sacarīla
tūrğaşçıṙaw.
Ṙandarkānma
solokōki
gāşımzəkīt
ṙındəlān
əḡlən ḡundā.

Gūkəşcālim
zūlāşkiwər
ḡuṙājāwər.
Əzəlīm-lə
kumnuzāstə?
karmacila
kumnuzāstə?
kuti mṙnṙi
bugadukwi
ātəşuglə
kṙpārizālim.
Zagdajalı,
vōṙanduli
sinitikīn
uḡduzāna.

Н. Букидаев

31

Мать Ченча
на холме ее
кукушечка
кукует.
О чем

кукует?
Пока куковала,
хвост чуть не затупился.
Эгей-эгей! } припев
Эгу-гэлэй! }

Н. Букидаев

32

В Душкачане
в деревне
стану ли
стоять
в эти
годы?
Осень
когда встретит,
оленицу
встречу.
Нгандаркана (речки)
вверх
Гашимдékита
до стойбища
эḡлэн говоря.

Стану говорить
вперед
старые слова.
Буду ли
обнимать?
.....
Обнимать?
Счастье наше
от неба
.....
закрою.
По ельнику,
по горелому месту,
к тебе
пробираясь.

20 Əni Sağı
 voşoodun
 sacarikār
 alinnakār
 25 Əni təur
 ojojolin
 ātaksuglə
 ədinzəlim
 zəlgətikīn
 zəlgəscinə,
 cuwkatikīn
 cuwkānzāna,
 jūktətikīn
 uminzəna
 30 həgāl-lagin!
 həgū-gālān!
 amaysugla
 dıuktāmçə.
 Sacarikār
 35 nısuqtālā
 ətāməllə
 ıkcılıdə.
 Gəgəncijə
 ıkcılıdə.
 40 Kutı mınnı
 mınnıktəkənin.
 Cūkajā-wal
 gəvbirikən.

İlə-uwuļ
 ınsastakın,
 ajamək söt
 gərbizāñān.
 nırektəni.
 Nırekkərdun
 zalər vəjün
 ədinzästān.
 Kowoktonji,
 kowocoldun
 vəjünjirkə
 gırkunzeren.
 Əşin sārā
 mudanəwi.
 Okın-mal-ka
 ımacinan.
 Gəwəktəni
 gəwətildun
 ırkin vəjün
 təwālzəri.
 Oronowı
 gərbizāñəw
 təwānkənzi
 gərbidāñəw.
 Təwālzəri
 özacındān.
 Okıdolā
 arkātcalım.

20 Мать Чанги
 на северной стороне
 оленницы
 взволнованные
 как . . . .
 поверх
 . . . . .
 завихрю (задую)
 25 каждую щель
 задувая
 каждую . . . .
 . . . . .
 к каждому ручью
 идя пить
 30 Пусть поет! }
 Пусть поет! } припев

. . . . .
 поднялся бы.
 35 Оленницы
 красивые
 . . . . .
 пососали бы.
 . . . . .
 пососали бы.
 40 Счастье наше
 наше большое.
 Траву какую-то
 когда назовут.

Куда-нибудь
 когда пойдет,
 хорошо очень
 назовет.
 Впадины (ямки)
 во впадинах
 большой зверь
 дует.
 Холма
 на мысах
 зверь должно быть
 похаживает.
 Не знает
 конца своего
 когда-нибудь же
 будет.
 Холма
 на бугре
 бык зверь
 чужой.
 Оленя своего
 назову.
 Тэванконом
 назову.
 Тэванконом
 чтобы был.
 До каких пор
 буду стоять.

45

Duşkacānı
ulicedun?
əglān-əglān!
həgü-galān!
əriıldı

anjanıldı.
Okıdola
muljalım
sələmətəjdükwi
mulizeñaw.

N. Bukıdaew

33

5

Sařarıkān
ənüktikēn
əmərəkin
üzastakış,
turgarıkan,
üzalzalım.
Sařarıkān
ənüktikēn,
vidənuwər
dircäktəri,
vidənuwər
kurgəlgətpi
kurejanən
kulurmaja
vidənuwər
igdəyətpi
igdərjanən
igdəyətpi.

Sařarıkān
ənügdikēn,
sī-wu, sī-wu
turkummitin.
Sī-wu, sī-wu
ñoramnitin
ñorarikān?
üzaldakış,
turgarıkān
üzaldalım.
Güktätkörä
ımñədəwər
sīwu, sī-wu
ımñənädä?
Güktəkärä
ımñənädä?
horor hororduwin,
cürçärduwun

15

45

Душкочаны
на улице?
эглэн-эглэн! } привев
гəгу-гəлэн! }
в эти

годы.
До какого-то (времени)
подумаю
из сердца
подумаю.

Н. Букидаев

33

5

Оленница
болезненная
если придет
к следу твоему,
когда встретит,
пойду по следу.
Оленница
болезненная,
жизнь свою
встречающая,
жизнь свою

Оленница
болезненная,
ты ли, ты ли
передовая?
Ты ли
вожак,
идешь впереди?
Когда по следу пойдешь,
навстречу
(я) пойду.
Говоренное
чтобы забыть
ты ли, ты ли
забудешь?
Говоренное
пойдешь забыть?
Вершин на вершинах,
на низинах

15

ограда ее
.....
.....
.....
.....
.....
.....

20 ədāsäləj
 parıcalaj,
 on-mu gınnəl,
 zawurzalğan
 25 əri, əri
 turkumıtıkı.
 Mittənıwər
 zawurzañat.
 Sañarıkān
 çükəstəkin,
 əzəlğən-lā?

Sañarıkān
 gıskətəkin
 əzəlğən-lā?
 Sañarıkān
 turkurakin,
 amaskiwar,
 muğdərəğ,
 əzəlğən-lā
 muğdənmatte
 Duñıldılı
 sıñıldılı.

34

N. Bukıdaew

Añurakākun
 orokonmı
 şəğzə, gınnə

dırcəjicān
 ıñıçakucān
 əunmərān.

35

N. Bukıdaew

İja, İja! əkin zır
 saksaksəkumar.
 Sadrakān tıraldın:
 murinkuku dıldığın,

sıktakata orandun
 irginziwi
 nəksur-nəksur ɔtcana,
 İksur-İksur ɔtcana.

20 мужья
 парни,
 как бы говоря,
 запоет
 к этой, этой
 25 выступающей вперед.
 Мы тоже
 запоем.
 Оленница
 если захворает,
 поведет ли?

Оленница
 к волку
 поведет ли?
 Оленница
 если встретится,
 не отпустили,
 обратно не отпустим,
 не станем
 отпускать
 по Дунгилу
 по твоему } припев

34

Н. Букидаев

Ангуракакун
 оленчик мой
 дикий, говоря,

при встрече
 пороз (вдовец)
 с боку зашел.

35

Н. Букидаев

Рог, рог! тетки две
 кровавые,
 Пташка говорит:
 коня на голове,

прутика (сухого) на вершине,
 хвостом своим
 распуская вот так,
 собирая вот так.

Bädäk, bädäk:
ätirkär
ıjili-wəl,
ərgili-wəl
duktəp
mujikəmi.
Ətirkär,
ätirkär
buṭiləwətin

36

Şoŋoto (ənin)

äwgasäl
bəşälkəldü!
ıwgasäl
bəşälkəldü!
təpuliwzaldəp,
oldonzı
təpuliwzədəp,
təpürädät . . .

jäkətқан,
sāwəraşka,
sajān-sajānzəkäl!

37

Şoŋoto (hürkākān)

Sajargon oronmı
sajun şajanzaldan.

Ərä şöna
ılalılın

38

Şoŋoto (hürkākān)

sısakutkän
gekılaldän

Плачет плачет (заяц):
старики
выше ли,
ниже ли
не могли
добыть.
Старики,
старики
смерти

36

Шонгото (мать)

в стороне
берегитесь!
В стороне
берегитесь!
Побьем,
железом
поколотим,
чтобы побить.

Якутенок,
савраска
под копытом щель раздвой!

37

Шонгото (сын)

Щелевый олень
щель раздваивать начал.

Этой связки (юртяных жердей)
по верху

38

Шонгото (сын)

пташка
заходила.

- 39 O. Aeulewa
Solojim-wəl ədištəkin,
turukānmi mandikakun.
Əzihim-wəl ədištəkin,
solokī soloscāḡōw,
əjəkəki əjaşciḡaw,
bargişkəki əjaşciḡaw!
Turukānmi mandikākun,
lirḡiwkānmi mandikākun.
- 40 O. Aeulewa
İḡəzārīl iḡəzəktin,
gowozorīl gowozoktin,
uktin, uktin inārə,
ācin mindu ənīnə-wəl,
ācin mindu amīnu-wəl,
əşim bīmi gooptintin;
əşim bīmi iḡəptintin.
əḡəniwə ḡəwācārāş...
- 41 O. Aeulewa
Mindu ācin ənīnə-wəl,
mindu ācin amīnə-wəl,
nəkūnə-wəl ācin,
akīnə-wəl ācin,
amākəjə-wəl ācin,
aḡəkəjə-wəl ācin,
nīnakcānmi mukalcān
- 42 O. Aeulewa
dōwā dōwādə
dōwəri—dōwādə
jāhə—jāhədā
jəhə—jəhədē
əḡəhər—əḡəhərə
ḡāḡəhər—ḡāḡəhərə
ḡōşa—ḡōşa
ḡōşən—ḡōşa
ḡōseri—ḡōşa
-
- 39 O. Aeulewa
Сверху если подует,
мачта моя крепка.
Если снизу подует,
вверх поплыву,
вниз понесусь,
на ту сторону понесусь!
Мачта моя крепка,
весло мое крепко.
- 40 O. Aeulewa
Просмешинки пусть смеются,
лающие пусть лают,
пусть пусть не смеются,
нет у меня матери,
нет у меня отца,
нет у меня отца,
без иголок (я),
без наперстка (я).
Много просишь (желаешь)...
- 41 O. Aeulewa
У меня нет отца,
у меня нет матери,
младших нет,
старших нет,
деда нет,
бабки нет,
собачка моя мукальчан.
- 42 O. Aeulewa

- 5
- 43 O. Aeulewa
Ənikəndü Duşkacāndu
ācın ərijəjan
kətəkəkün zəncarkāw bi.
Ənikəndü Duşkacāndu
amalgəjə-wəl kuḡnəzəḡaw
anḡdādujı,
- 44 O. Aeulewa
Ərā ədu
nirəkəndü
- 45 N. Bukıdaew
Əni lāmu
voşoodun
caıbakātkaḡ
- 46 S. Kowalew
Lāmu — lardı,
zarkajalın
multakacān
gırkuzaran.
- Əcandawı ḡukānzıḡaw.
Əmḡgdənün ḡəri biḡin,
zokıjan-məl ācın biḡin!
Əmḡgdənün ḡəri biḡin,
gəjəjan-məl ācın biḡin!
- irkincikən
döwalzaldın.
- dılgudıja
vidni biran.
- İjəmətjə ācın,
iḡəktəmətin
kıcılğara

-
- 43 O. Aeulewa
У матери Душкачаны
нет такого
много (хорошо) помню я.
У матери Душкачаны
парней буду обнимать
правой рукою,
- 44 O. Aeulewa
Это здесь
во владинке
- 45 Н. Букидаев
Матери-моря
на северной стороне
березка
- 46 С. Ковалев
Море — зыбь,
на берегу его
олененок
ходит.
- в глаза понюхаю (поцелую).
Сердце светлым будь,
без красоты будь!
Сердце светлым будь,
без красоты будь!
- бычок дикий,
рогами махая, ходит.
- сочная,
видно, была.
- Рогов нет,
шерсть
пообносилась.

47

umıldəwə umjəm,
zıldəwə zırgım,
ilaldəwə ilacım,
dıldəwə dikəncəm,
tuğaldəwə tuqşam,

***
nuğıldəwə nurkuncam,
nadaldəwə nadıcım,
zapkuldəwə zapkaram,
jəyildəwə jokotım,
zıldəwə zarıcım.

48

umuckən—umjəti,
zır—zıkuşəl,
ilan—ıyəliktə,
diyin—dikşiqə,
tunğa—tukala,

***
nuğun—nurkuje,
nadan—nakita,
zapkun—zaltuğa,
jəyin—joköcän,
zän—zagdakan.

I. Комарісін. Сєнсā

49

Aktıran bimī,
umun bimī,
zamun bimī,
diyin-zār tunğa

anjanıci,
kordon ācāw
tətcārə.

47

В первый день выше клал,
во второй рядом,
в третий поджег,
в четвертый спрятался,
в пятый убежал,

***
в шестой упал раком,
в седьмой отнекивался,
в восьмой берегом шел,
в девятый окуня съел,
в десятый подпевать стал.

48

Один — чайка,
два — выдра,
три — смородина,
четыре — черника,
пять — земля,

***
шесть — сиг,
семь — медвежина,
восемь — камень,
девять — окунь,
десять — сосенка.

49

Темно мне,
один (я),
голоден,
сорок пять

И. Комарицын. Чєнча

лет (мне),
в кордоне не
сидел.

Amājaj! amājaj!
Dulumcırēt, dulumcırēt,
kuḡakār, kejkōtcēmī,
iktārānā.
Amājaj! amājaj!

50

I. Komaricın. Cēncā
Dulumcırēt, dulumcırēt,
ədu-lu-wər jākəl bizārā,
səḡkirāl, ərgidəkdördülün
dulumcırēt, dulumcırēt,
amājaj, amājaj!

F. Şaḡıḡın. N.-Angarsk

51

Minḡi hütew
aşcāldən,

eşakarwı
nimdiniksə.

F. Şaḡıḡın. N.-Angarsk

52

əgdijāja dundāja
əhin girkulara,

umukəndük şilkıduk
amıkun wūzıḡān.

F. Şaḡıḡın. N.-Angarsk

53

Şagdıwa nada wəlamī,
tārā amıkundu aja.

Дедушка! дедушка!
Потихоньку, потихоньку,
ребятишки, блуждая,
нашли.
Дедушка! дедушка!

50

И. Комарицын. Ченча
Потихоньку, потихоньку,
здесь якуты находятся,
под кустами, под ними
тихонько, тихонько,
дедушка, дедушка!

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

51

Мой сын
заснет,

глаза свои
зашуришь.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

52

По большой земле
не ходи,

от одного распадка
бог дает.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

53

Старому надо помочь,
то богу хорошо.

A. Nırguneew. Cōndak

54. Sulakī, ətirkan

Ətirkiyə aṃarān, sulakī aṃarān. Nuṃartın vakaldıra. „İlä ətirkan gjanāzāndı?“ — „Ünmiktäl bimī“, amā gūnān. „Sıruṃp“, gūnān: „minṃı buyalā“. Sıruṃrān nuṃan. Bakacān kadarkākunmē. Kadardulā tuktirē. Əşilē gūnān ətirkiyə: „Əri kadar“. Sulakī ədu āştān, sulakī gūnān: „ükälmeçā bişim“. Ükälimmān. Ətirkaṃun amardun ükäl-dān, buçā.

A. Nırguneew (Bultägir). Cōndak

55. Utān

Ümün vəjā bicān asıci. Asın surkın bicān. Asıwān dawdācātın jəyin murınu ırumı. Dawdāksəl, valdılcān ütən, irəktə taskanadalān. Soṃocōn amīnı, ṃenəzācēn oktomıjoli, ulan murınma turgaldıcān muṃumə əməṃəciwə, muṃumə kadamāriciwə, muṃumə vərəgəciwə, vukulin muṃumə, uṃṃa zülälın üktäziṃawə, bulgedazıcānkākun, ulaja murın bişin. Tārā ütəji amīnı irgəwə əmuvcēn ütəduwi. Zəptən ütān; tun-ṃaldıcınun öksa, gerkulcān. „Amı, amı“, ṃuncān: „İlan dawacān cāyıdıtın sinəwə wānāzıllān“... Əməzārān nınakın, ṃunzārān: „Durıkıl kınızere, dawancak cāyıdıtın“. — „Əzən, əzən“, ṃuncān: „minəwə-nun aṃı təzərə, tədu dilis öziṃān“.

A. Nırguneew. Cōndak

56. Sırunaj-Mərgēn

Sırunaj-Mərgēnci bicān, Təcülün nəküci vəjṃāja-nun manawki, buṃuja-nun buṃ-ktawki, soṃono-nun soṃtowki, lıkcūcənə-nun luṃduwki, giwcənə-nun giwzuwki.

Koṃoja murıci bicān, sıruçēn dawan ojolın. Dawan ojodukın icācēn āmutkānmə muṃumükənmə, bağdama müciwə, altama əmkəriciwə. İlan gaṃ dōcazara. Sırunaj-Mərgēn ṃuncān: „Emajakıl vəjṃəl dōcazara?“

A. Ниргунеев. Чондак

54. Лисица, старик

Старик пришел, лисыца пришла. Они встретились. „Куда, старик, идешь?“ — „Мошка“, отец сказал. „Пойдем“, сказала: „в мое место“. Пошел он. Нашел скалищу. На скалу влезли. Теперь сказал старик: „Это скала“. Лисица здесь загнула, лисица сказала: „Покачусь“. Покатилась. Старичок за ней покатился, умер

A. Ниргунеев. Чондак

55. Сын

Один мужик был с женой. Жена беременная была. Жену его не могли на девяти конях везти. Не смогли когда, родился сын, (так что) лиственница затрещала. Заплакал отец, идет по дороге, рыжего коня встретил с серебряным седлом, узда серебряная, с серебряной плетью, все серебряное, перед грозовой тучей бегущего, [.....] рыжий конь. Того сына отец принес мозг сыну своему. Съел сын пятдневным ставши, начал ходить. „Отец, отец“, сказал: „Из-за трех перевалов тебя идет убивать“. Идет собака, говорит: „Стремена побрякивают за перевалом“. — „Хозяин, хозяин“, сказал: „Если мне не веришь, там голову твою отрубят“.

A. Ниргунеев. Чондак

56. Сирунай-Мергенъ

Сирунай-Мергенъ был, с Точулуном, младшим братом, зверей кончал, изюбрей-самцов убивал, изюбрей-самок убивал, лосей черных убивал, козуль диких добывал.

С черным конем был, поехал на хребет. С верха хребта увидел озерко круглое с белой водой, с золотыми берегами. Три лебедя сидят. Сирунай-Мергенъ сказал: „Какие звери сидят?“

Əjəki sūrçən, ɣənəzicən-nun, ɣənəzicən, ororwo icăcən kətākəkunmə. Atırkăcən səwəkilwi targıwzecən maluduwi. Koɣojo murınnı ıjicən irăktəduɣ, ɣımkadukın, zawacə, ilan beɣawa əzəcən Sirunaj.

„Emajaki wəjə bisindi? Murındı-wal zəmıldan. Emajaki wəjə bisindi? Egɣawa 10 əzəndi?“ Təɣəcən Sirunaj-Mergen, təɣəcən. Nuɣan təɣəksə, ɣuncən: „İlaldawa əzəm“, ɣuncənə, ilan beɣawa əcə bınə. Tərə atırkən ilan unəcıci bıcən. Nəɣucaduj omolɣıci bıcən, wəjəjə-nun manawki. Sirunaj-Mergen cəjwa umcacən, atırkən ɣuncən: „Bı kənnun bılənzəm“.

Nəɣucaduj omolɣın ımıgdəwə əməwçən. Sirunaj-Mergencıɣı ihılçən nuɣanmən. 15 „İlan unəttukıw awɣuje-wal sınmatkal“. Nəɣucaduj kokolmocən ɣılɣəduwi uɣçən, bılənnəsımmən. Sirunaj-Mergencıɣı koɣojoduwi ukçən. ɣənəzicəl-nun, ɣənəzicəl, dıɣın-zăr nınakır zıləɣıduɣın ıktızərə. Lıquləcən ləksəlwətın. Təɣıt kən əməzicən. Kən torgıduwi ıɣıksə, zəɣınnı dəɣaɣawən bışəlin kəpcıcən. Zəɣınnı esawən əwıɣduwi təwıstən. Ʋɣımmən amaskəkıwi.

20 „Jəɣın cōɣkewə ıpkatwa. Duluɣı cōɣkedu umuktal bışı, tarılwa lıquləɣər, awaɣı-wal nawkənnı dawdızeyər“.

Sirunaj-Mergencı dawdıçən. Nəɣucaduj əɣən bıcən, ıyılı dəɣıktəzıcən kokol-kən oronduwi ɣaɣıalı. Manawdan.

A. Nerguneev. Cōndak

57. Altanaj

Altanaj bıcən. Bırawa əjəkəki ɣənəzəcən, altama zawduwi, altama gurgaktacı altama ɣıɣıktacı, altama igdəwıci igdızənə, ɣənəzıcən əjəkəki bırawa.

Zıləɣızın ımıwın wəjə əməzəcən əɣdəkəkun wəjə, bılətcınəkəkun, ılmı, bıɣawə turgawki, jərəkə dəwdəzərən nuɣanmən, dəɣdıdəwi, aldınnıkwıl alɣarın.

5 İşşə ɣənəzəcən, ɣənəzəcən, zıwa wakacən. İşşə ɣənəzəcən, ɣənəzəcən, wəjə zıləɣıdɣıdın zolokokurwa ıyırızəcən kadarduk, əɣdikəkun bıkıqəkun wəjə, bıɣanı əzənın bağdama sının. İşşə əjəkı ɣənəzəcən sıɣıduɣ k. mıwçən, aməşkəkı aməşkəkı mucusçən Altanaj ənındıləwi.

Вниз (по реке) пошел, шел ли, шел, оленей увидел много. Старушка божков окуривала в (священном) месте (юрты). Черного коня привязал за листовницу, за (срединную) жердь (юрты) схватился, три месяца спал Сирунай.

10 „Какой человек? Конь твой проголодался. Какой человек? Чего спишь?“ Встал Сирунай-Мергень, сел. Севши сказал: „Три дня сплю“, говоря, три месяца проспал. Та старуха с тремя дочками была. Няргучадуй сын был, зверей кончал. Сирунай-Мергень чай выпил, старуха сказала: „Я с ханом воюю“.

Няргучадуй парень (кабанью) самку принес. Сирунай-Мергень обдирать начал ее.

15 „Из трех девушек хоть которую выбирай“. Няргучадуй на коколмочоне, на быке поехал воевать. Сирунай-Мергень на черного сел. Ехали, ехали, сорок собак перед ними бегут. Выстрелил из лука в ноги их. Оттуда хан шел. Хан, на телеге сядя, левую руку за пояс заткнул. Левый глаз за пазуху засунул. Отправил назад.

20 „Девять дыр всего. В средней ямке яйца, те давай выстрелим, если который (нибудь) попадет победим“.

Сирунай-Мергень победил. Няргучадуй товарищ был, по верху летал на коколконе олене своем по небу. Кончилась.

A. Нергунеев. Чондак

57. Алтанай

Алтанай был. По реке вверх шел, в золотой лодке, с золотыми усами, с золотыми волосами, с золотой гребенкой приглаживаясь, ехал вниз по реке.

Перед ним один мужчина шел, большой мужик, в грязи увязающий; вставши в небо упирается, земля не выдерживает его, чтобы удержать, прсваливаются ноги его.

5 Еще шел, шел, дом нашел. Еще шел, шел, человек впереди камнищи подымал со скалы большой, очень сильный человек, (того) места хэзыин в белой шубе. Еще вниз шел, ехал, из чаши выехал, назад вернулся Алтанай к матери.

A. Nerguneew. Cōndak

58. Ңөлвә

Ңөлвә әнә вичән, зүр омолгичи. Умұн вәјә әмәсән нуңандулән. „Sū әду ēzaras, e, ēmajakī atirkān bişindi? Bələtmәcән cuculaduwi işātcāndi, sәgdәnnәdus baldicāl lābiktal“. — „Utәl, utәl, utәl, ezanal zāmұlzāzāyār, bī sundu bәrilasun bōzıyāw pәrәrijә pәrdә, cırorıja cırdо“.

5 умұн омолгичән лүкүләсән, cırorıwa cırgadarcādalan, әnındұлāwi җānāwcān. „Cırorıwa wām“, ғүncән: „pәrirwә pәrdә ғүncәw“...

10 Ңөлвә әнә вичән, вәләтмәкән cuculaduwi cājwә cajımcān, şәwәkılwi cacuzacān. умұн вәјә әмәксә, омолгıwan ғәләсән. Bī nuңandun wucıyāw“. — „Bī sindu tārā zarın tamazıyāw ēja-wal ғәләrilāş-nun“ — „Mindu azırgajaw budāwi, mindu gilgәjәw“...

A. Nerguneew. Cōndak

59. Әникүсән воровейнун

Әникүсән воровейнун бурдуква тарелцәтин. Әникүсән тукалаңҗавар үләлцән маналзıwi. Воровей зорокоşcән oro siҗilәwәр. Әникүсән ғүncән: „Cowokılwi sәmkәdәlәtin үләсәw tukulawa“. Воровей: „Bī wutıldukwi-nun jūzānә, zорокуşcezecāw oro siҗkәrәwәl“. Bүтәcәtin, тарәcәtin, kowwecilcәtin. умұн орос әләсән, әникүсән,

5 ғүncән: „Manalwı manacā bişim“. — „Bī wоровей zороkunzecāw wutıldukwi araj jūzānә, wı sindu әтәм вүрә oro siҗimmi“ — „Әsikis-nun wүрә wүләнҗәр. Bī orlowo gazıziҗāw orloo-kānmә“.

10 Әникүсән ғүncән: „Gēywa gazıziҗāw, dәyiwkılwә upkatwa tawziyāw, bī jәrkәlī tuttuwkılwә, kütılwә, ғүskәlwә, sulakılwa, zantakılwa, mұrdүkәlwә, omkucārәw, wәjälwә, solоҗolwo, zälәkılwә, җrikәlwә, dorokolwo tawziyāw“.

Вүләncәtinнун, wүләncәtin, orlo-kān mұrdүkәwә ғeydacān asakıwi tәkcә. Orlo-kān умұн wәjәлә әмәсән. „Asakıwāw tәkcәttән wүләndu dawdıwum“. Wәjә ғүncән:

A. Нергунеев. Чондак

58. Нголбо

Нголбо мать была, двух сыновей (имела). Один человек пришел к ней. „Вы здесь что делаете, что за старуха есть? На раскаленном железе (спину) греешь, на спине твоей вырос мох“. — „Дети, дети, дети, что делая проголодаемса, я вам луки сделаю, фыркающую птицу, чирикающую птицу (чтобы убили)“.

5 Один парень выстрелил, чирикающую убил, к матери принес. „Чирикающую убил“, сказал: „фыркающую убил (?) говорю“.

Нголбо мать была, на раскаленном железе чай сварила, богам брызнула. Один человек, придя, парня просить стал. „Я ему отдам“. — „Я тебе за то заплачу что попросишь“. — „Мне жеребца отдай, мне быка...“

A. Нергунеев. Чондак

59. Мышь с воробьем

Мышь с воробьем хлеб сеять начали. Мышь землю рыть стала лапами. Воробей отправился воровать ржи семена. Мышь сказала: „До изнашивания лап рыла землю“. Воробей: „Я, от смерти уходя, воровал ржи семена“. Кончили, посеяли, стали делить. Одно ржи семя осталось, мышь сказала: „Лапы свои

5 кончила (изорвала)“. — „Я, воробей, воровал от смерти едва уйдя, я тебе не дам ржи семя“. — „Хотя и не дашь, повоюем. Я орла приведу. Орла-хана“.

Мышь сказала: „Ястреба приведу, птиц всех соберу, я по земле ползающих, медведей, волков, лисиц, рассомах, кабанов, мышей, людей, хорьков, горностаев,

10 сусликов, барсуков соберу“.

Воевали, воевали. Орел-хан кабана ударил, крыло сломал. Орел-хан к одному человеку пришел. „Крыло мое сломалось на войне, победился“. Человек

„Buyawa turgucazarı irəktə bizārān, buyawa turgucazarı“. — „Minəwə irgikəl ilan anpanıja, ilan anpanıduk irəktəməsün gəgdazınāw, jağurazegān, nolturazegān“.

¹⁵ İlan anpanıwə bicān, gəgdanāścān. Gəgdacān, dāwdacān. Soğocōn, sūrūmmān kəcən mənqi buyalāwi, əzānmi guncən: „Bukawə ucelākəl, nandadu ıldawān taummen minqi ojaduw nēdāwi, ıldəksə. Gəlaldaqiw-nun, bürnəkəl ajaduw namadāwi, mənükən ugdāwi“.

²⁰ Dəyilcətin, dəkcətin-nun, dəkcətin-nun, bukəməğ manacətin, orlo zəmpilcān. „Algandukwi, amargıdukwi mişiniksə, zəptəw, bükəl“, nuğan guncən: „Alakākun sinqi ıldəs!“ Ər-nun minazawki, amargıwān ənıldən.

A. Nerguneew. Cōndak

60. Bejä

Umun wəjä bicān, zür omolgići bicān. Andacı bicān. Zür umuktalwa wakacān, dukuwcälwə wakacān. Andan guncən: „Wəkəl, wukulıkānzı ıldəmmān, nı-wəl ənpan zəptə, miti züri zəriğāt“.

⁵ Zür amalgın dukundu tatıgäticətin. Zür amalgı əməcətin, tar dəyiwə zəpilcətin. Zür amalgıcān hunāt nukūntin bicān. Hunāt guncən: „Dəyiwə ıkitəldük urıssıyāw zəptəksi-nun“. Guncən kupes: „Zür omolgićānma gazukəl“. Unāt gazussan. Hunāt nənəcən, zür omolgićān ənuwdan, soğolımmen kəcən. „Edāwi soğozendi?“ Guncən aknılın zürin. Nuğan guncən: „ıkitəldük dəyiwə urıldāwi kəzəgān“. Zür omolgićān ətərə nənərə. „Bü tuksanzıñawun, əsalwun irtiki icättä“. Nənəcən amındulāwi „Əcəməzərə“, guncən.

¹⁰ Zür omolgićān nənəzəcətin, nənəzəcətin, ilan gılpkə dägzərə züləyidilin. Urıgdandu döcäl əmkərdün. Zür wəjä täräl, zür wəjätkən, nuğartın qurmätcətin, əlwəskətcärilwə, ilan unätkär tärəñiltin. Ulitkunji unätın jupkəlwə umun amalgıcān zəcəcən. Unätkän gələktälcān, tādük wəjätkən wakacān zəjətcāwə. Hunāt guncən:

сказал: „Небо поддерживающая лиственница есть, небо подпирающая“. — „Меня покорми три года, после трех лет лиственницу вашу ударю (так, что) сломается, развалится“.

¹⁵ Три года жил, пошел ударять. Ударил, не смог. Заплакал, пошел в свою землю, хозяину сказал: „Быка заколи, в кожу его мясо затолкнув, на лоб мне, положишь, сваривши. Если я попрошу, дай, на лоб мне навьючь, сам сядь верхом“.

²⁰ Полетели, летели, летели, быка кончили, орел проголодался. „От ноги моей, от задней отрезавши, чтобы поел (я), дай“, он сказал: „Сладкое мясо твое“. Все резал, задняя нога заболела.

A. Нергунеев. Чондак

60. Человек

Один человек был, два парня было. Друг был. Два яйца нашел, исписанные нашел. Друг сказал: „Убей, целиком сварь, никто не съест, мы двое съедим“.

⁵ Два парня грамоте научились. Два парня пришли, ту птицу съели. Двух парней девушка, младшая сестра, (у) их была. Девушка сказала: „Утку из животов вытащу (хотя и) съели“. Сказал купец: „Двух парней приведи“. Девушка пошла (за ними). Девушка отправилась, двух парней привела, плакать стала. „Чего плачешь?“ сказали братья два. Он сказал: „Из животов утку вытащить собирается“. Два парня не пошли. „Мы убежим глаза куда глядят“. Пошла к отцу „Не идут“, сказала.

¹⁰ Два парня шли, шли, три голубки летят перед ними. На глубоком берегу сели. Два мужика те, два парня их скрали купающихся, три девочки те (оказались). Маленькой девочки юбку один паренек спрятал. Девочка стала искать, потом парень нашел спрятанное. Девушка сказала:

¹⁵ „kuluwəku wuḥān əṛə, kuluwək oktoli mukārdāziyān, bodosedāwə-nun, bodosedāwi, kuluwəkwə minəwə bakazeḡās“.

Ḥənəzācāl-nun, ḡənəzācān, iṣcāl zūkākūr kətə, zūl kətākākūr. Uṃuṃ zūkān-dulā iḥātin. Uṃuṃ atirkākān təyāccārān. Suracāl wəjātkār tārā: „ḡiḡil zūltin?“ „Kāḡil zūltin tawarcıla“.— „Ḥənəzārəp“ guncātin. „Ḥənākāldu“, guncān.— „Ajaksə ḡə-nəmi tālā“.

Kān əməcān, guncən: „āmacāl biṣis ilan unāttukiw, targacınmə gundāwi: tārālwa-nun əmṃi ḡənārā, bī sinəwə wāziḡāw“. Ḥənəcə wəjətkən tārā zūldulā. İlan unātwə okoṣkoli təyətcərilwə icācən.

²⁵ „Guluṃkəl öksal, dəyiktälziḡāwun, sigdiləli dözizāwun, bī duluḡu unāt biṣim, asakitwi kaptācəziḡāw“. Nuḡartin hacātin dəyilcātin. Nuḡan omolgicān sāməhicān. „Awḡu unātwə gazandir“ Nuḡan guncən: „Duluḡuwə gazizāw“.— „Əsikin-nun ḡənārə, nəkəndi gakal. Unātwu əja-wal ḡənəkiw, ödāwi əsikis-nun öra, bī sinəwə wāziḡāw. Talḡənəjə tārəkəl, kiltinəjə kiltirəḡkəl, timātnə irımmen, əmərəkiw-nun wəllān wıḡnən“.

³⁰ Soḡozono, atirkāndulāwi əməcən. „Atirkān, atirkān“, guncən. ḡoḡkozizāp“.— „Əksəkəkəl-wəl soḡoro si, miti tuksaḡnār sinḡi buyalās“.

Tuksancāl. Ḥənəzācāl-nun, ḡənəzācāl birawā soloköki, amaskiwar əssəncəl, ḡaykākun asazerān. Nuartin oldol öksal, mü döndulin ugduscātin. Tārāḡitin mucuṣcān, kānilāwi ḡənəcān, ətirkiwə uḡimmān kān.

³⁵ Amaskiwər əssəncətin, asazāw-də ətirkiwə, uṃnəjəcən uwuscān — zūw öcān. Zūldu tārāl murguzārə wəjəl kətākəkun. Kuṭi ḡənəcān, ḡənəcān, guncən: „əzaras, ezaras?“ Nuḡartin guncətin: „Murguzārəw“. Kuṭi mucuscān mənḡi buyalāwi iṣcān, irān kāndulā. Kān guncən: „Bokondi-ḡu?“— „Əṣim. Wəjəl zūdu murguzārə zūkākāndu əmajakidu-wəl əgdikākındı, tārāḡildi uwej, əṣim wakara, mənəkən wokotkol, wokondijewi ilkəkəl-kə“.

⁴⁰ Bokocoktoduk sırucən. Bokocitö-nun, wokocitö, toḡodu uḡıksə. Mırduke unāziḡin uḡuscən, mırduke öknānı tıyisḡimmān. Tıyiscən, züləyisin. Nuḡan' dēg-zācən, surkatwi surkadāṣcān, zəḡinḡu asakiwān landu. Tārāḡın soḡocən, mucuṣcān. Sırucətin tādük. Ḥənəzācātin, ḡənəzācātin adı-wal anḡanı-wal alḡar-wal əḡıldələtin,

¹⁵ „Голубок пропал этот, голубок по дороге покатится, иди (за ним) иди, голубка—меня найдешь“.

Шли, шли, дошли, домов много, домов много. В один дом вошли. Одна старуха сидит. Спросили парни ту: „Чьи юрты?“— „Хана юрты те-то“.— „Идем“, ²⁰ сказали. „Идите“, сказала: „Хорошо как будто итти туда“.

Хан пришел, сказал: „Пришли от трех девушек если, такое скажите: если по тому не пройдете, я тебя (вас) убью“. Пошел парень в ту юрту. Трех девушек, ²⁵ у окошка сидящих, увидел.

²⁵ „Голубками сделавшись, начнем летать, на улице сядем, я средняя девушка есть, крылом замахаю“. Они взяли (и) улетели. Он, парень заметил. „Какую девушку возьмешь?“ Он сказал: „Среднюю возьму“.— „Если не пойдешь, младшую возьми. Девушке что-нибудь если скажу, чтобы сделать, если не сделаешь, я тебя убью. Хлеб состряпай, сухари сделай, завтра (чтобы) поспели, когда приду, готовый пусть будет.

³⁰ Плача, к старухе пришел. „Старуха, старуха“, сказал: „понесем (пойдем)“.— „Перестань плакать ты, мы убежим в твою землю“.

Убежали. Шли, шли по реке вверх, назад оглянулись, лебедь догоняет. Они, рыбами сделавшись, в воду внутрь влезли. Тот (лебедь) вернулся, к хану пошел, медведя отправил хан.

³⁵ Обратно оглянулись—догоняемы медведем, разок дунула—дом стал. В домах тех молятся люди, много. Медведь шел, шел, сказал: „Что делаете, что делаете?“ Они сказали: „Молимся“. Медведь вернулся в свою страну, дошел, пришел к хану. Хан сказал: „Догнал ли?“— „Нет. Люди в доме молятся, в домище каком-то ⁴⁰ большим, тех нет, не догнал, сам догоняй, догонишь, может быть, попробуй“.

В погоню ушел. Догонял, догонял, на телегу севши. (На) кабана дочь его дунула, кабан [. . . . .] стал караулить. Подкарауливал спереди. Он летел, клыком зацепил, левое крыло долой. Тот заплакал, вернулся. Пошли потом. Шли, шли сколько-то лет, пока ноги не заболели, пока пятки не смозо-

agdikilduliwar sëmkaeldäləwər. Tārāqiltin gənəscətin mənni buyalāwi, asakıwi dam-
45 bıcıwukə, iscān buyawı, usmälcə binə. „emajakı wəjälđulā orrocōw, mənñi cinəm
dawdam, həkəmi bāra“, guncān: „ōnaki wəjgə wəjgölə orrozokıw kərrənāk, mənñ:
ilə girkunmi, aldammen, əsilə əzəlīm taduyla, meyanmi əsin ələktərə, ɣələmu kərukuj
Tartı koron.

S. Baksanaew (Turujayır). Сіра

61. Bayatır

Bayatır bicə. Bəjä bicə bayatırdu, awalılca bəjä. Bayatır murının bicə. Bayatır
irəmässə, wəjäwə gücə: „Tar cukaduk ɣlıkənə murınuw ɣlıdəwi“. Uli ɣənəwca,
murın zəpılcə, manacə, əcə tancımı, mülə ɣənəwca, mıwə umılca murın, manacə,
murın gücə: „əşilə bayatırdu büzälzəp, misəyar“. Uka da misəca.

5 Tälə ɣənəcə. Tādük tığa urupcān, wəjä ɣunzārān: „üməkəran wəjāñilə zıra
bakakäl“. Murındulāwi ɣənəcə, tıyı ɣunzārə, murının ɣunān: „sendulıw ugduskal,
bagdamawa umuktawa zəpkəl, gelıw səndulıw ugduskal, kognomowo umuktawa
zəpkəl, sırıyır aritnāskār bukatırwa jəyin dılıcıwa, wānāyar“.

10 Sükəcānmə tunya-zār pıdıcıwə ɣılca, əwəjılca, tıllıgidəlln gerkuzanə. Ər-kə
lupəlicə jəyin dulılın, upkacın sələmə tətken nıkımqaklān, atasazərān təpuskənti
təpılicə.

S. Baksanaew (Turujayır). Сіра

62. Sulakı

Sula bicə əwəjkəkun wakaldıcal. „Amıkān, naktankənduw ısıtcānāyar, iləkəndu
kadardu tıyı kəyər“.

ɣənəcəl. „Amımıkān, wı ɣəgu bıktə tatıkənzıwi, sı dıyı bıkəl“. Āscāl. Amımıkān
ɣkəlsıyāñıluyər“. Āscāl. Tolkııcılca tärdat lıglılca. Sula dıyıləñ copkoruscə. „Amı-
5 mıkān, ɣkəlməcə bışım“. Uyiskı əsatca əwəjkəkun pəkənti anacə, kadarduk ɣkəlcə.

лили. Те пришли в свою землю, крыло изломавши, дошел до земли, голодный
45 будучи. „К каким людям попался, своей силой поддался, связать не могли“,
сказал: „К какому зверю, зверям когда попался [. . . . .] свое тело ходя,
изломал, теперь не буду там, сердце мое не вынесло, грех какой“. То конец.

C. Бақсанаев (Туруяғир). Чипа

61. Богатырь

Богатырь был. Человек был у богатыря, начал работать человек. У бога-
тыря конь был. Богатырь пошел в гости, человеку сказал: „От той травы не-
множко коню моему есть дай“. Немного принес, конь есть стал, кончил, не жует,
к воде свел, воду попил конь, кончил, конь сказал: „Теперь богатырю дадим (и)
скроемся“. Сел верхом да исчез.

5 Туда пошел. Потом народ собрался, человек говорит: „Пальцы человече-
ские два найди“. К коню своему пошел, так говорят, конь его сказал: „В ухо мое
влезь, белое яйцо съешь, в другое ухо влезь, черное яйцо съешь, пойдем искать,
пойдем, богатыря девятиголового пойдем убивать“.

10 Топорище пятидесятипудовый в руки взял, спустился, по улице идя. Вот
выскочил девятиголовый, вся железная одежда его до шеи, нацеливается, битьем
стал бить.

C. Баксанаев (Туруяғир). Чипа

62. Лисица

Лисица была, с медведем повстречалась. „Дедушка, на солнцепеке спину
греть пойдем, на вершине скалы так сделаем“.

5 Шли. „Дедушка, я ниже буду по привычке, ты выше будь“. Заснули. „Дедушка,
как бы не скатились“. Спят. Сон видеть стал (медведь), потом захрапел. Лисица
через него перелезла. „Дедушка, качусь (я)“. Вверх встала, медведя в бок (?) толк-
нула, со скалы скатился.

Ḡənəcā, ikcē, mōmanajilwān moḡolōcā, irgiwi ʉcicā zūkəli sūrūcē, aḡikākūr wə bakacā. „Ḡəjəkā, ḡəjəkā sulalaj, ēduk tawarilwa kačās?“ Amtakaldūwal minəsca. „Sulalaj, sulalaj, alakā, alakā! ōni kəcaš?“ — „Bī zūkəwi, dūkəw irgiwi əjicəmmān, əril baldıknantın, zūkədu doḡoldıcacāw“. — „Būo-da tūyi kəkəwun silbatkəl“. Dukcā, 10 əjicəl irgilwər doḡotoldıcəl. Sulakı ʉtkənmi iḡadu burūskātčārān. „Sulalaj! Sulalaj! əməkəl gildikə, ōkin baldızıḡātın?“ — „Bītəkān ōkaldı, sō əcisūkr.“

Utkənziwi təktəlcən, ʉnūkən mē cokidācā, diḡin əḡniscā zūrəwəcakıdācā, nıknımanlın əḡniscā, ilanma cakıdācā səḡdəlın əḡnissā, diḡitin irgiwi pəsi mnək misəcā.

S. Baksanaew (Туруягыр). Сира

63. Carcıkān

Carcıkān bicē, zūduwi bidācā. Maḡı zūlā əməcē, Carcıkānmə zəptəwi. „Am-
mıkan“ ḡūcē: „Zūwa amḡaduwi zəpildəwi, səwaksakardı, iltikərzi səliksā. Bara-
wugdadāwi ʉtəməwəw“. — „Aḡat zōnmuran“. Karmandulıwi nācē, zālāwi ḡənecē
maḡı. Sınnı lukcā, zūduwi lokocō sınnı. Carcıkān bizācē. Maḡı kuçuləscē. Sıḡa-
5 dākin, amaltalcā Carcıkān. „Cımulcā, cımulcā maḡı“, ʉtəlın kəlcəl ciwzānəl. Mənəkər
gakaldu“, ḡūcē. Ḡācəl. „Amın kotowōn əməwkəldı. Əli, əli ilaḡı təḡəkəldı daran“.
Ilaḡıwə təktəssə kawkaldulıtın ikcē, ʉldəḡicā. Ilaḡ dılwa nūrıktalwa icəwəzānə,
nācē, kalandutın ʉldəlwətın əjicē. ʉmukəp akıkanmə sılacā mululıtın. Maḡı-
ḡızıtın bizəcē. Əməcē. „Əhə-hə! ʉtəlwə wələnıktəlcəl carcıkācā miwə“. Akinmə
10 zəpılcē. „Məwan! məwan! ədawı tanındı Carcıkā gamıt. etacaaw bice? ʉtə zəpılgər“.
Carcıkānmə uldaduk muktulajdukin ʉḡircē „Əhə-hə! Carcıkān əlacāš — Ədu! ədu! Amı-
mıkan bizəm“. Tuksacā. „Carcıkān! Carcıkān idləndı?“ — „Ədu, ədu? bizəm amımkān
əlı, əli kədəḡnəndı?“ Carcıkān dılt pırulılcā, toskontı əḡnissā kotozıbn, misəkəkutca.

Пошла, ободрала, кишки вытащила, на хвост намотала, по льду пошла, волков
нашла. „Милая, милая лиса, откуда же достала?“ Для пробы отрезала. „Лисичка,
лисичка, вкусно, вкусно, как достала? — „Я лед прорубила, хвост опустила, пока
эти не выросли, во льду морозила“. — „Мы так же сделаем, укажи“. Продолбила,
10 опустили хвосты свои, замораживать стали. Лисица нож на песке точит. „Лисичка
лисичка, приди, холодно, когда вырастут?“ — „Немножко подождите, очень скоро
не поспеют“.

Ножом ударила, одного изловила, четырех рубнула, двух изловила, по
шеям их рубила, трех изловила, спины их рубила, четвертый, хвост оторвав
скрылся.

C. Баксанаев (Туруягыр). Чипа

63. Чарчикан (бычок)

Чарчикан был, дома вырос. Медведь в дом пришел, Чарчикана съест
чтобы. „Медведь“ сказал: „Дом ртом съешь, с гнилушкой, со старой гнилушкой
смешав. Съешь (?) детей моих“. — „Хорошо напомнил“. В карман положил,
домой пошел медведь. Одежду снял, дома повесил кафтан свой. Чарчикан
5 жил. Медведь пошел за гнилушками. Когда ушел, обделался Чарчикан. „Стал
жарить, стал жарить медведь“, дети его сказали, облизывая. „Сами берите“,
сказал. Взяли. „Отца нож принесите. Здесь, здесь сядьте трое рядом“.
Троих зарубив, по шеям разрубил, мясо освежевал. Три головы волосы пока-
зывая, положил, в котел мясо опустил. Одного старшего поджарил на вертеле
в почетном месте юрты. На этом месте был. Пришел (медведь) „Охо-хо! Дети
10 сварили Чарчикана“. Старшего есть стал. „Сердце! сердце! почему тянешь
бычка взявши. Для чего его есть? Ребенка съедим“. Чарчикана за кишки
мяса поднял. „Охо-хо! Чарчикан, ты где?“ — „Здесь, здесь, медведь“. Убежал.
„Чарчикан! Чарчикан! где спрятался?“ — „Здесь, здесь, медведь, за что, за что
сердишься?“ Чарчикан головой боднул, голову отрубил ножом, убежал (без
головы).

Lēna. Dudowka. Cancur

24. Takicān mūnuzārān? (Oŋokto)
25. Gē gunzārān: gənizāktē; gē gunzārān bizāktē? (mū, zolo)
26. Dūwutkēn zūr wējur tawgijajidun təwətcəgə? (karuka)
27. Taktikāydu amakal tuḡəəktəzārə? (kūmkəl)
28. Narutkāndu nikə-nikə tihaktəzārā? (kowurda, aladı)
29. Atirkān hikaḡaji iḡim-pəḡimnə biḡki? (uwəl)
30. Takicākān hərgilin imanḡa əḡki hūlurə? (kəḡəmūn)

D. Polin Lēna. Sēwīkān

31. Aja wējā gənāḡki ūsaja ācin? (zaw)
32. Aja wējā, mūkənın, mūḡi? (pəktirəḡın)
33. Bəḡakūn kamnidu zuḡakān ūwiəlā, wējākūn jūllān, tikcēn dūnnilā dilıtrı, səgdənnəwi cikəs? (amun)

Kıreḡa. Murıḡa

34. Aja wējā, zuwanıdu mukcakalaḡki, tuwanıdu aramuslaḡki? (oron ijəlin)

Kakıḡır. Witim-Muja

35. Buḡukūn wıḡawa ōdazerān əḡān əzāna? (adıl)
36. Zūr zəlı gukcānzārān? (alḡar)
37. Zān wējā dililziwar turgucamāccırān? (zūkca)
38. Bı kəm, bı kəm gunzārān? (ḡālā)
39. Zān ahı təḡətcəgə urgəgdəməkin? (ūmūkcəcār)

Лена. Дудовка. Чанчур

24. Колода гниет? (нос)
25. Один говорит: пойду; другой говорит: останусь? (вода, камень)
26. Маленькой горы два зверя по обеим сторонам сидят? (уши)
27. В кедровнике медведи зимуют? (вши)
28. На озере утята плавают? (сковорода, олады)
29. Старушка зад греет? (загородка у огня)
30. Под колодой снег не тает? (белка)

Д. Полин. Лена. Севикан

31. Хороший мужик идет—следа нет? (лодка)
32. Хороший мужик—зад воняет? (ружье)
33. Мужчина на скале, развилина наверху, мужчине вылезает, упал на землю головой, спину сломал? (экскремент)

Киренга. Муриння

34. Хороший мужик, летом шубу надевает, зимою летние унты? (оленья рога)

Какигир. Витим. Муя

35. Изюбрище в реку стреляет крича, кричит? (сеть)
36. Два налима соревнуются? (ноги)
37. Десять мужиков головами подпираются? (юрта)
38. Я да я, говорит? (рука)
39. Десять женщин сидят беременные? (пальцы)

Тунгусские сказочники
(в зарисовке автора)

Д. Полин

Д. Полин

Шонгото

Я. И. Аеулев

О. Аеулева

ДВЕ СКАЗКИ АЯНСКИХ ЭВЕНКОВ¹

I. W. Karamzin (Макагир). Аян

1. Nimkän

Dulin buça äläkäs oʻzascā. Dulin buça äläkäs nitkūn bicā. Nugan mōja ācin bicā. Elan anğanī mōja. ācin bicā. Tāduk cāsķī mōn ələkəs baldicā. Tādu birā ōwulran. Tar birāḡ icirāķiw, mūlkān ōwķi. Icisakı bimī, sololkōn ottan. Kalızıma kırāḡilkān ōwķi. Jēyarī jēksalkān owzascā bicā. Marıwķarī maruktalkān ōzascā bicā.
⁵ Kırķır kırı āmūlkān ōwzascā bicā dulin buça. Tar birāḡı icirāķiw, amdundalkān bicā. Kihil kumus kutihlikān uswızicā bicān. Tāduk icālrāķiw, urūnərī urāķalkān bicā-ḡit. Kırķil kuntikilkān buça baldizascā. Tāduk icərāķiw, orokto baldızicān-ḡit cukalkān ōzascān. Oroktion baldıcālān, mōn upkacın baldicā bicā. Niwaktal baldilcā, siektalkān ōzascā
¹⁰ ār birāḡiw. Tāduk dulin buça ojodun, āwūšķi upkacın mōn, cutarı baldilcā. Dulin buça ojodun baldıcālān, icərāķiw, upkacın mō irāķtā bimī suwitkilkān ōzascā, irāķtā garalkān ōcā-wit, mūcīktalkān baldiwķi. Buça bimī ḡartalkān ōwķi-wit. Nān icərāķiw, zagdalkān owķi-wit. Tāduk urūķān, urāķān. Tar urāķāḡı icərāķiw, volḡıktalkān owķi-wit. Jēḡtarī antāḡalkān. Tar antāḡadan calbakān ōzascā. Dulin buça birān bimī ḡarḡna dərālkān biwķi-wit. Daptuḡı icərāķiw, nāmḡikī daptulkān biwķi-wit. Tar birāḡı dap-

И. В. Карамзин (Макагир). Аян

1. Сказка

Средняя земля вначале делалась. Средняя земля вначале маленькая была. Она без деревьев была. Три года без деревьев была. Потом дальше сама стала расти. Там река стала. На реку если посмотрю, с водою становится. Смотри (посмотрев), с камнями стала. Гористая, с гольцами становится. Скалистая,
⁵ со скалами стала. Марниковая, с марниками стала..... со всяким стала средняя земля. На реку если посмотрю, с наледью стала..... с берегами стала. Потом если посмотрю, гористая, с хребтами была. Хорошая, крепкая земля выросла. Потом если посмотрю, трава выросла, с травой стала. После того как выросла трава, деревья всякие выросли. Ивы выросли, тальники стали в это время. Потом на поверхности земли дальше всякое дерево, трава расти стала.
¹⁰ Потом, после того как на поверхности земли выросло, если посмотришь, всякое дерево, лиственница с ..... стала, лиственница с сучками стала, с хвоей растет. Земля с кедрами стала. Опять если посмотрю, с сосной стала. Потом горушки, горки. На горки если посмотришь, сланец—кедровник стал. Скалы с солнцепеками. На солнцепеках березка стала. Средняя земля будучи с грязью на поверхности стала. Устье (реки) если посмотрю,—к морю с устьем. То устье

¹ Тексты записаны В. И. Левиным в Аянском районе Охотского побережья в 1930 году; обработаны и переведены Г. Василевич; особенности аянского говора сохранены полностью. *Ред.*

¹⁵ tuwān icərəkiw, gırilkān ōzicā-wit. Tar buaŋi daptuwān adulałzaki bimī, nāmuŋt icəzaki bimī, otalkān bittan-i-wit nāmuŋw.

Nonomo bimī dulin buɣadu wəjgā gārwalkānduk nuŋan āhākā bilcā bicā wəs-kałcā bicā. Dulin buɣa icərəkiw, āhālkān ōcā bicā. Dulin buɣa oɣodun, tāduk āwuskī upkattin wōkalcā baldicā. Tar biraŋni mūwān icərəkiw, ololkon biwki-wit.
²⁰ Biraŋni daptulān ŋənərəkiw, nāmmaj icərəkiw, etalkān biwki-wit nāmuŋiw. Biraŋ dārānmān icəzaki bimī, bujulkān ōca-wit. Tarit, tolkuɣzarakiw, dulin buɣa oɣodun, upkacin balēlcā, uoskılcā. Tāduk āwəski okcilkān dulin buɣa oɣodun gerkulcā. BaldinIn cukawān əkilcā bicā. Tarit bimī dulin buɣa oɣodun wəjŋəlkān ōzacasana-wit.

Dulin buɣa oɣodun zūr wəjə ahilkān wəjə bilcāl. Nuŋartin bimī uŋiŋit, iduk
²⁵ baldinawar āhil sārə, bihiwər-ŋun sārīl. Tar biraŋni daptudun bizəcāl wācāli-wit. Tar nuŋardutin jakun-d(a) ācin bicā. Oron-da, gunitin, ācin bicā, jakun-hal-dācır bicāl. Zadaŋil bicāl. Zūjācır bicāl. Dulin buɣa mōlkān ōcālān, utan kaltakan zūwa ōcāl mōn baldicālān. Tarıŋduwar bizənəl, wəjergu bimī, wəjıŋāwə wəjəŋāwki ōcā. Tar wəjəŋāwə wəjəŋālcālān zəwıwkil ōcāl. Dulin buɣa wəjəŋālkān ōzakın aja-wit
³⁰ amŋaduwar zəwıttə bi-wit.

Nonon tāwuktālkan ōcālān tāwuktāwə zəpnəl bicāli-wit, tar biraŋdukkar olrowo māciwki. Tar wəjıŋawu mālca dukur əwuskī. Tar wəjəl tərgəksilkəhəl ōcāl. Tar bizərəkitin utātin baldicā, ırkān kuŋākān baldicā. Utātin bimī tarıŋutin zān āŋa-nilkān ōcān bicā-wit. Tāduk cāski ciwkācānma nukiciwki ōcā. Bərkānzī nukiwki
³⁵ ōcā. Ər kuŋākān bimī, gerkuktazana, zūdukkı goroliwki, gorotki gerkuwki ōcā-wit, Tardalān əjācılıwki ōcā, amilkān ānındukki ulgumıca: „Biŋinidāj nikkəm buɣawa gerkudāj əjācim“. Tarā amınin bimī əcu ugalra. „ākəl ŋənərə“ guncā. Tar guncālān umnākān āŋğācā zūduji. umnākān āŋğākānam, tāminin ān ulgumıŋə ŋənəhincā. Ze buɣaskı ŋənəhincā. Biraŋi solokı ŋənəhincā. Tar ŋənəkānam bimī, ŋıltən tıkcā-lān, woruŋıj ōzarakın, amıccān-i-wit zūlāj, ānilkān amındulāj əmıca. Tar gerkuna
⁴⁰

¹⁵ если посмотришь, с..... стало. Той земли устье если посмотреть, море если посмотреть, с волнами (?) море наше стало.

Вначале на средней земле из зверей с именами он, медведь, появился, закричал, (траву стал есть?). Среднюю землю если посмотрю, с медведями стала. На поверхности средней земли и ближе всякие звери выросли. На воду реки
²⁰ если посмотрю, с рыбой стала. На устье реки если пойду, на море если посмотрю, с..... стало море. На истоки реки если посмотреть, со зверями стала. Таким образом, когда объясню, на поверхности земли все выросло и кричало (звери). Потом здесь кричащий на поверхности земли заходил. Выросшую траву стал есть. Таким образом на поверхности земли звери стали.

На поверхности земли два человека, женщина (одна) начали жить (появились). Они будучи сверху, не знали откуда родились, только существование свое знали. На устье реки жили убивая (промыслом). У них ничего не было. Оленя, сказать, не было, ничего не было. Бедные были. Без дома были. Когда на земле дерево появилось, шалаш из полуплаха сделали после того, как
³⁰ деревья выросли. В той живя, охотниками будучи, зверей добывали. Зверя добыв, съедали. Когда на средней земле звери стали, хорошо ртом есть стало (хорошо для рта стало).

Вначале, после того как появились ягоды, ягоды ели, потом из рек рыб убивали (добывали). Позже зверя убивали, дальше выдру. От тех зверей с ровдугой (шкурами) стали. Так жили когда, сын родился, мальчик, ребенок родился. Сын будучи их десятилетний стал. Потом дальше птичек стал стрелять.
³⁵ Из лука стрелял. Этот ребенок будучи, ходил от дома далеко, далеко ходил. После этого стал просить, от (y) отца, от (y) матери спросил: „Я собираюсь по земле ходить, прошу“. Тот отец не посылал (не отпустил): „Не ходи“, говорил. После того, как сказал, однажды ночевал дома. Один раз переночевав, наутро, не спрашивая, пошел. В мир пошел. Вверх по реке пошел, Так пройдя до захода солнца, когда вечер стал, пришел домой, к отцу, матери пришел.

rāsnej ūzawān icācā-wit. Tāminin ānjākām, amīndukki ūlgumicā-wit: „Bi ār girkuna icerēm, rāsnej (ikukta) ūzawān icerēm. Tāla gənədəj əjācim“, gūnən: „ūzawatın ūzadāj, ōn bihil bittā-wit zuḡunmatın icidāj əjācim. Tarāw ūzarakıw, ōn biḡiḡān. Tarılwa icāmı wəjəḡārakıw ōn biḡiḡān?“ Araḡ tarā ūlgumittən-i-wit amīndukki: „ḡə-⁴⁵nəzəm“, gūnən: „icāzākildulaj, ūzalbi icinaḡāj“. Amīnin bimı „ākāl gənəra“, gūttən.

Tara ānā dōldara gənəhitin-a-wit. Tar gənəkānam ūzaḡılıbı ūzahittan-i-wit. Tar ūzakānam inəḡı bimı sıksadālān ūzattan. Sıksadālān ūzakānam, aktıralcālān mucat-tan-ı-wit. Jakuna-da aḡ icıraḡ, ūzakānam ācā bokono. Suptıwca zülāj āmıttən ānılkān amīndulāj. Jakun nada ən icaraḡ. Amıḡkānam, oluskıhuttan. Oluskıhukānam, ānā zāp-⁵⁰ra-da huklāhiniwki-wit.

Tāminin bimı, təgənə-wit baldızākāndukki: „Zābdāw astakal“, āninmi gūni-tan-i-wit. Anınin bimı: „ilā gənədəj nıkanrı?“ Tādu ıtən bimı, ūlgucānin-a-wit: „Tināwā gerkuna, ūzaktacāw, jakun-dā ūzawatın āhım sara, rāsnej (ikukta) ūzatin bittan-i-wit, mārwaḡın icādāj əjācim. Tolko āhi icıwra. İcācā bimı, wəjəḡāmca.⁵⁵ zuhunmatın icāmcāw“. Anınin bimı, ūlgucāncālān „ākāl gənəra“, gūttan: „Tara kəjan ātāmı wəjəḡāra, surdak biḡiḡān targacın wəjəḡā surdak biḡiḡān. Targacın majcımı āḡarākāl wəjəḡāra“. Tar nıkākānam gənəhincān-wit, ānā dōldıra gənəhincā. Tar gənəkānam ūzahıncā, bokoncō. Bokonkōnom, icācā; tar icākānam ūruncıcn-wit. Tarıḡı nırmazacān-i-wit. Dagamacān-i-wit. Wəjəḡāldāj nıkalca. Bərkan pəktəraḡlkān bi-cā, nırilkān bi-cā. Tarıḡı dagamakānam, ajamat watkankānam, sēndulāj āmıdān, alaḡaj tānzāḡān-ı-wit. Tādık garpacān-i-wit wəjəḡāḡı. Garpakānam, mā ttan-i-wit. Tarıḡıza ūrunıttən, buddakın. Tādut-tı āmānıttan. Zıtkıḡı mucuttan, ānılkān amıntıki zıḡı ihıttan. İskānam ūlgucālıtın. Amīnin bimı ūrunıttən-i-wit. „Uttən bimı tāmi ḡālnāziḡāt“. Amīnmı gūnıttan-i-wit: „Timınā amınmı gənəziḡāt“ gūttan: „icənəziḡātt, wəjəḡāwā wəjəḡāram okın-da ānā icıraḡ, icıram. İcənəḡāt. Saḡdı sānrı biḡiḡān. Wəjə zāprıwān-gu āḡıwān-gu wəjəḡāram, mākānam, āmānam“. Tarıḡıtkıwar gənəhincātin zıḡı ıtəḡəli. Tar gənəkānam, wəjəḡāzāklān issatın. Tarıskānam, amınin bimı, amīndukki ūlgumılcān-i-wit: „ār jakun ḡārvı wəjəḡəḡıttın bıttən, sı sānrı-gu?“

Бродя, разные следы видел. На утро, переночевав, отца спросил: „Я это, бродя, видел разные следы, видел. Туда итти, прошу“, сказал: „по следу итти и как живут, что представляют собою, посмотреть прошу. По следам если пойду, что будет? Тех увидев, если добуду, что будет?“ Только спросил отца: „Пойду“,⁴⁵ сказал: „на виденные следы, следы посмотреть“. Отец будучи: „Не ходи“, сказал.

Тот, не слушая, пошел. Так идя, по следу пошел. Так идя день, до вечера, шел по следу. До вечера шел, когда не стемнелось, вернулся. Ничего не видел, идя по следу, не нашел. Не догнав (зверя), домой вернулся к отцу, матери. Что нужно, не видел. Придя, сильно рассердился. Рассердившись, ничего не евши, лег.⁵⁰

Утром вставши от родительницы (спросил): „Поесть приготовь“, ма-тери сказал. Мать: „Куда итти собираешься?“ Тот сын будучи рассказал: „Вчера, бродя, по следу шел, никакого следа не знаю (не знаю, чей след), раз-ные следы, самих (этих зверей) посмотреть (хочу) прошу. Только не показались (звери). Если бы видел, убил бы, всех увидел бы“. Мать будучи, после того,⁵⁵ как рассказал, „Не ходи“, сказала: „Не может быть, чтобы убил, страшный будет, такой зверь страшный. Такой... (запрещен?) не убивай“. Тот, собрав-шись, пошел, не слушая, пошел. Тот, идя, по следу пошел, нагнал. Нагнавши, увидел; увидевши, обрадовался. Того скрал (подкрался). Подошел. Убить со-брался. Бойкий стрелок был, со стрелами был. К тому подходя, хорошо встав⁶⁰ (на твердое место), чтобы до уха дошла (тетива), тетиву натянул. Потом выстрелил (в) зверя. Выстрелив, убил. Тем обрадовался, когда умер (зверь). Там же остался. Домой вернулся, отца матери до дому дошел. Придя, расска-зал. Отец будучи обрадовался. „Сын, завтра принесем“. Отцу сказал: „Завтра, отец, пойдем“, сказал: „Пойдем посмотреть, зверя убил, никогда не видел,⁶⁵ увидел. Пойдем посмотреть. Старый, знаешь, будет. Зверя съедобного ли, не съедобного ли добыл, убил, оставил“.

К тому пошли двое с сыном. Идя, до места зверя дошли. Дойдя, отец будучи, от отца спросил: „Это что за имя зверя, ты знаешь ли?“

Amīnīn bimī ḡunittin-i-wit: „ār bujun,“ ḡunittin: „wəjəŋəŋit. Āduḡ zūlāskī wəjəŋəw-rāḡaḡ ārgacīnma“. Tarīŋar bimī inihinzacātin zūtḡiwar. Zūlāwəw ehiwra. Tar ehiwra-kītin, atīrkān bimī uḡunzəcən-i-wit. „Uḡəw wəjəŋəcā bihinri? Ajat wəjəŋəcā bihinri.“

Tarīŋni zāwzīnə elaira; āŋgācān zūlrawə inaḡcān. Iī inaŋidu ḡənəsnən. Bujurən āhilā. Tar ḡənəkānam, āhāwə icəttən. Tarīŋni wəjəŋəlitin āhāgni. Tarīŋni māttan. Mākānam zūtḡījī ətəkənittən, zūlāj hittən. Ānīlkān amīndulāj uḡḡucānittən gerku-zakku. Wəjəŋəwə wəḡinḡānə icira. „Wəjəŋəram, icirəm zuyunmanicim. Jaduk-da šurdak wəjəŋə biwki-wit. Targacīnma wəjəŋəram. Tarāwə tāmi icānəzīŋət zūri,“ amīntḡī ḡunittən mānəjī. Tāminīn təgəkānīm ḡnāhinzacātin-i-wit, wəjəŋəzāḡklān iscātin amīŋali. Iskānəm amīndukḡī uḡḡumittən-i-wit: „ār jakun ḡərbu wəjəŋəŋit bittən? Sī sānrī—sayḡi wəjə“. Amīnīnza uḡḡucān-i-wit: „Āhā“, ḡunittan: „wəjəŋəŋit ārgacīn bittən. Āduḡ zūlāskī āwārāḡal wəjəŋərə—surdak wəjəŋə“.

Tarīŋar zūlāwəw āmūwacātin-i-wit. Tarīŋar innəl, āmūwḡil zūlāwəw kantirāduwəw innəl. Zūwar ehiwra. Tarīw ehiwraktin, atīrkān bimī uḡunzəcən-i-wit, atīrkāntḡī atīrkān turācilcā: „Uḡət wəjəŋkānam uḡliŋət ōdan, amḡaduwar zəḡḡātīl ōddap, uḡət wəjəŋəl-ran, uḡəwḡr āzālin baldira omītnal binkitirəp. Arīdāḡil binkitirəp, zəmuḡnəl binkitirəp. Tikin uḡəwəw āḡḡiŋālcālān, uḡət wəjəŋəlḡrakīn, zəwḡāwəw bakātəlirəp, tarīt āduḡ zūlāskī amḡawar bakatīŋātīl bihip-i-wit. Huḡət ajat gerḡurakīn zəwḡət uḡliŋət buḡḡlāt irḡiḡuḡāt-wit.“ Ār uḡə bimī amīndukḡī uḡḡumīlcān-wit: „Muḡḡacīn wəjə bihin wizəŋnā sānrī wīgrazīn. Targacīn wəjəw, bihikin, wakaldīdāj əjācim, icīdāj əjācim. Sānrī surakcan dōldīcās wīgrazīn“, amīndukḡī uḡḡumīcāḡin turānīn, uḡḡumīzīcā-wit. Amīnīn uḡətḡī uḡḡumīlcān-i-wit: „ār dulin buya oḡodun wī sānrīw araj ḡayālī ācin, wīlr āḡār wīŋāhījī araj dōldīnkittam, ḡorolō dōldīnkittam muḡḡacīn wəjəl bihi, ḡunḡəl səhəḡḡḡkittərə. Tālā muḡḡacīn wəjə, sohuḡjācīn wəjə, āhin iscā wuḡa, ḡoro wuḡa, ḡunīnkittara, alḡanzī wəjə āhin isca wuḡa. Tālā kəjən ātān isca, ḡənəcālizəŋānī. Tar wuḡawa araj sohuḡkān wəjə ihīmcā, muḡḡacīn jekun-da ācin wəjə kəjən āḡātin isca“.

Отец будучи сказал: „Этот зверь“, сказал: „Зверь наш. Теперь вперед добывай такого“. Те будучи потащили (тушу) домой. Домой принесли. Когда принесли, старуха будучи обрадовалась. „Сын добыл? Хорошо добыл“.

Того ели три дня; ночевал два дня, жил. На третий день пошел. Промышлял теперь. Идя, медведя увидел. Тот зверь медведь. Того убил. Убивши, домой побежал (быстро), домой (вниз по реке) пошел. Матери, отцу рассказал о том, как ходил. Зверя кричащего увидели. „Промышлял, увидел какой есть. Отчего страшный зверь бывает? Такого добыл. Того завтра пойдем смотреть вдвоем“. Отцу сказал о добыче. Утром вставши, пошли, к месту зверя дошли с отцом. Дойдя, у отца спросил: „Это какое имя зверя? Ты знаешь—старый человек“. Отец сказал: „Медведь“, сказал: „зверь такой бывает. Отсюда вперед не промышляй—страшный зверь“.

Те домой пришли. Того таща, домой пришли, на спине таща. До дому донесли. Когда пришли, старуха будучи обрадовалась, старику старуха сказала: „Сын промышляя, могущим кормить стал, во рту могущими есть стали. Сын начал промышлять, если бы сына не родили, голодными бы жили. Голодными бы жили, голодая бы жили. Теперь, после того как сын вырос, сын когда стал промышлять, пишу найдем (с пищей стали), поэтому отсюда вперед пишу найдем (с пищей во рту можем быть). Сын хорошо когда бродит, чтобы ели (мы), кормильцем до смерти (нашей) можем вырастить“. Этот сын будучи отцу рассказал: „Как мы, человек будет, может быть знаешь. Такого человека, если (он) есть, найти прошу, посмотреть прошу. Знаешь, далеко слышал, может быть“, когда сказал слово отцу, спросил. Отец сыну рассказал: „Этой средней земли на поверхности я знаю (по моим сведениям) не близко, давно, когда парнишкой был (я), чуть слышал, давно слышал. Подобные нам люди имеются, говорят, разговаривают. Туда подобный нам человек, небойкий человек не дошел (до) земли, далекая земля, говорят, ногою (пешком) человек не дошел. Там заблудился, не смог дойти, идя. Той земли (до того места), если бы неловкий человек пошел, подобно нам, ничего не имеющий человек, заблудился, не смог дойти“.

⁹⁵ Tarān nuḡan dumajsecān-i-wit. Zūlramaktu, zūlramaktu dumajzakānam, amīndukki ulgumīlcān-i-wit: „Tarīldulā ḡenērīkiw, ōn biẓiḡān? ḡenēmī, bakamcāw-da, nuḡni-rākis“. Amīnīn bimī umuḡ inīḡi kaltikāmaktun dumajsecān āhīlā. Tāduk dumajsekānam utōtkīji turācilcān āhīlā: „utō“, ḡunzicān-i-wit: „Si tar buyalā ḡenērēkis, bu ədu əmnākānam buḡātil bihiw. Si nān ḡenērēkis, tarīt āhikis ḡenērā, ōn biẓiḡān.
¹⁰⁰ Ādās ḡenērā ājācīcim“. Uḡan bimī turācilcān-i-wit amīntīkīji: „Bi emī daḡanı ḡenədāj nikram“. Ānīnīn bimī: „ākāl ḡenērā“, ḡūtḡan-i-wit: „si ḡenērəkəs, bu sagdancāl zəbdāwār ānāl bakatīrā, ōminakānam buḡātil bihiw, tarīt muḡawā karajkal“. Tar ḡunčālātin umnākān ānḡəttān zūduji. Ānḡəkānam āhīlā, təmīnīn təḡəkānam, ḡenədāj nikilcān-i-wit, ānīlkan aminmī turānmān ānā dōldīra. ḡenədāj nikilkānam amīndukki
¹⁰⁵ ulgumīlcān ihīlā: „Təḡəkəsəjəw tətīwucīnri-da, zəbdaw irḡihəjəw irḡiwucīnri-ḡa“.

Tur ḡenəhəlraḡin, ḡanmakāmī tətīji tətīcān āhīlā mētākāmī awunmī tətīcān āhīlā. ḡenəhindāj nikilcā āhīlā. ḡenəhindāj nikilkānam āhīlā ānīlkān, amīndukki ulgumīlcā: „ḡenəškəm, irīklā ḡenēmī bakazīḡaw, nuḡnikāl“. Amīnīn bimī: „ānā dōldīra ḡenēmī ār dulīn buḡadut rāsnej surdakīl bihi“, ḡutḡa: „targacīra bakalzīḡās.
¹¹⁰ Tarīkin uha biẓiḡān. Tarākin si ḡenērīwəs āhin ālākīḡra“. Uḡan bimī ḡunittən-i-wit: „umuḡ umukta idū-dā ḡeni, buḡin sin umuḡ. Tarīt āhikis taḡanı nuḡniḡā, ḡenəcīm“. Amīnīn bimī, dumajsecān-i-wit. Dumajzakānam, turācāhīncān āhīlā: „ār bīraḡar də-reklān ḡenērēkis, āḡdīḡa ḡaḡinzalā dəreklān bīraḡit. Tarīklā ḡenērēkis, bīlir ādar bī-ḡahīji kejan āḡkittān tukīra. Targacīn surdak buḡa. Tarāw sī kejan ātānri ḡenērā.
¹¹⁵ Bī bīlir turkəwčāw, kejan ācū ḡenērā, araj minduk ulukər-ḡu bimī, ḡenəzīḡās. Tar cāḡāklān, ḡenērēkis bihi; ḡūnəl, səhəḡhīnkittaw bīlir wəjəl bihi, ḡirkuktara bīlir, sə-həḡḡərīwəttīn dōldīnkittān, surakatīn tālā kejan ānkittām isra. ḡoro buḡa, ḡunittā. Elrākān ḡenəscīkānam turkəwčāw, kejan ācəw isra. Tarīt minduk ulukā bimī, iscaḡah araj“. Tar nīkākānam ḡenəhīncā āhīlā. ḡenənəkin, atīrkālkān atīrkān soḡonol, soḡonol āmārcāttīn
¹²⁰ Bīraḡi dəreḡāklān tuksazahīncā āhīlā. ḡenəwkānzicān āhīlā. Ahun-da anḡanı ḡoroḡo ḡenērīji ācā sārā. Zūlāji ḡenəzāwki tar nīkazīḡa. Bīraḡi dəreḡmā iscān-i-wit

⁹⁵ Тогда он задумался. Два дня, два дня думавши, спросил отца: „К тем если пойду, что будет? Пойдя, нашел бы, если укажешь?“ Отец будучи до полдня думал теперь. Потом, подумавши, сыну сказал теперь: „Сын“, сказал: „Ты если пойдешь в ту землю, мы, здесь оставшись, сможем умереть. Ты еще если
¹⁰⁰ пойдешь (или) если не пойдешь, как будет? чтобы не шел прощу“. Сын будучи сказал отцу: „Я, как бы то ни было, пойти собираюсь“. Мать будучи, „Не ходи“, сказала: „Если ты пойдешь, мы, состарившись, поесть не найди, проголодавшись, должны умереть, поэтому нас прокорми“. После того, как сказали, один раз переночевал дома. Переночевавши теперь, утром вставши, уйти собрался,
¹⁰⁵ матери, отца слов не слушая. Итти собравшись, отца спросил теперь: „Ровдугу (одежду) приготовь, поесть подорожники приготовь“.

Так когда начал уходить, теплую одежду надел, из головной шкуры шапку надел теперь. Уходить собрался теперь. Уходить собравшись, теперь мать, отца спросил: „Идя, куда идя, найду, укажи“. Отец будучи: „Не слушая, идешь, на этой средней земле разные страхи имеются“, сказал: „Такие найдешь. Таков
¹¹⁰ след будет. По этому следу твоего перехода (ходьбы) нехватит“. Сын будучи сказал: „Одно яйцо где бы ни пропало, все равно одна смерть. Поэтому, если (и) не поведешь, не укажешь, пойду“. Отец будучи задумался. Подумав, сказал теперь: „К вершине этой реки если пойдешь, на большом гольце исток реки. Туда если пойдешь, раньше в молодость (мою) никак не мог подняться.
¹¹⁵ Такое страшное место. Ты тоже никак не дойдешь. Я раньше подымался, никак не прошел, едва ли сильнее меня будучи, пройдешь. За ней (за горой) если пройдешь, говорят, слышал рассказанное (о том, что) раньше люди были, ходили раньше, рассказанное слышал . . . . .туда никак не мог дойти. Далекое место, говорили. Три раза подымался, никак не дошел. Поэтому, если сильнее меня, может быть дойдешь“. Тот, собравшись, пошел теперь. Когда пошел,
¹²⁰ старуха, старик плача, плача остались.

На истоки реки побежал теперь. Шел теперь. Сколько лет, долго (ли) шел, не знал. Домой итти (иногда) пытался. Вершины реки достиг,

Tar sojorokin, ätə äməcä. Ätə guncä: „tuŷānilbər taŷmätkär!“ „Aŷı“, guncä: „taŷmätciŷät“ guncä

Täduk narga äməcä. „Narga tuŷānilbər taŷmätkär“, guncä. Kumacān äməcān. „Tuŷānilbər taŷmätkär!“ „Aŷı taŷmätcät“ guncä „Tikin-ti, tikin taŷmätkär“, guncä. 20 „Aŷı, Ʒa, taŷmätkär“, guncä: „si nām bargıdälān mudan tuŷānilbi kolbokol“, guncä.

Ätə, narga, kumacān upkacın ımıñdu cakıbcäl. Nām bargıdälān mudan azas (?) dayawalin zapkan ätə nücä. Zə, tar ätə ojolin, dilin ojolin taŷcä „ımıñ zut, ımıñ zut“ guncä. Ätə dilin ojolin nām bargıdälān mudan tuksacä. Ätə guncä: „uŷakə taŷanrı, nān ajat taŷzawkaŷın, taŷzawkaŷın. Aŷıka! taŷdaj-da“, guncä. Dupkuli sulakı ätəkəncä. Sulakı guncä: „ätə, sergıgda, muka mukıs“, guncä. Ätə guncä: „Sulakı-mıkān uləktuj dawunrı.“ Zəl ätəkəncä. Tar Ʒənəkām, akıñdulāŷı Ʒənəcä. Tar Ʒənəkām akıñgalıŷı bilcä. Täduk akıñgalı zün Ʒənəhincä. „Akaj“, guncä: „bi istaŷalā-zam“.— „Mānrı äkaŷ istaŷalāra“, əhıgdıkān guncä. „ätəm māra, ätəm māra, istaŷalākta“, guncä. Istaŷalācä, ānā döldıra. Tar istaŷalākām, „celgen ənə, celgen ənə, guncä. „Jānrı, jānrı?“ guncä. „Akaj, akaj, halganrı cılkattam“, guncä. Zəl akıñin cələskadu ırıñcä. Tarıt ırzacä akıñin, ulƷumıcä: „ıdu āñƷəzät“.— „Akaj, akaj“, guncä: „kopıtalgjadu āñƷəñƷawar“, guncä. „är jama buƷawa Ʒənəzərəp“ akıñin guncä. „Belgalıjawa Ʒənəzərəp“. Täduk Ʒənəzıcäl. ımən buƷalā iskānam. „Jema buƷalā issap?“ guncä akıñin, nəküñdukkı ulƷumıcä. „Dulıgıjawa Ʒunıwätin ısrap“, 30 guncä. Tarıt Ʒənəzəcäl. Akıñin ulƷumıcä: „ıdu āñƷəzä?“— „Akaj, akaj äduı-da āñƷəgär?“ guncä. Akıñin ulƷumıcä: „är nı Ʒərvin?“— „Ər kopıtalgı Ʒərvin“.— „Gäl ədu āñƷəgär“. Tädu āñƷəcäl. Tädu āñƷəkām vicäl. Nəküñin möjajı möläcä. „Alganrı magaranrı, äkəl mölära“, akıñin guncä. „Aja bızañ, aja bızañ akaj“, guncä. Ätə tälä Ʒənəkānam, möwa tok-tok ıktəcä. Akıñin alazakān alacä. Tar alacä, tarä äcın 40 da äcın. Ʒa, akıñin alatkam albakam, Ʒäləktəcä. ımıñ buƷadu möwa əñnızaƷkān

Так когда плакала, медведь подошел. Медведь сказал: „Народ давай считать!“— „Хорошо“, сказала: „давай считать“, сказала. Потом тюлень пришел. „Тюлень народ давай считать“, сказала. Нерпа пришла. „Народ давай считать“. „Хорошо, давай считать“, сказала. „Вот сейчас давай считать“, сказала. 20 „Хорошо, ну, давай считать“, сказал: „Ты на том краю моря народ собирай“, сказал.

Медведь, тюлень, нерпа, все вместе выстроились. На противоположной стороне моря конец, до ближайшего берега медведь вышел. Вот! медведя по головам начала считать: „Один, два, один, два“, говорила. Медведя головы по макушке на другой конец моря побежала. Медведь сказал: „Плохо считаешь, еще хорошо пусть посчитает, посчитает пусть. Ну-ка, подсчитай“, сказал. По головам лиса побежала. Лиса сказала: „Медведь песок.... (ругательное слово)“, сказала. Медведь сказал: „Лисица завралась (в обман попалась)“. Вот! убежала. Та, идя, к брату старшему пришла. Та, придя, с братом стала жить. Потом в дом брата пошла. „Братец“, сказала: „Я побегу“. „Убьешься, не беги“, Эхигдыкан сказал. „Не убьюсь, не убьюсь, побегу“, сказала. Убежала, не слушая. Та, убежавши, сказала: „..... (ругательное. слово)“, сказала. „Что делаешь, что делаешь?“ сказал: „Братец, братец, ногу сломала“, сказала. Вот, брат потащил ее на салазке. Таким образом тащил брат, спросил: „Где заночуем?“— „Братец, братец!“ сказала: „там, где съедобное хранят, заночуем“, сказала. „Это по какому месту идем?“ брат сказал. По горлу-глотке идем“. Потом шли. До одного места дойдя, „до какого места дошли?“ сказал брат, от младшей (младшую) спросил. „До середины сказанного (до половины того места, о котором говорила) дошли“, сказала. Опять же пошли. Брат спросил: „Где заночуем?“— „Братец, братец, здесь и заночуем“. Брат спросил: „Это как называется?“— „Это место, где хранят съедобное“.— „Ну, здесь заночуем“. Там заночевали, там заночевали. Младшая (лиса) дрова носила. „Ногу сломает, не носи дрова“, старший сказал. „Хорошо, хорошо будет, братец“, сказала. Только туда придя, де-рево ударила (поколотила). Брат ждал, ждал. Ту ждал, нет, да нет. Вот, 40 брат, не могли дожидаться, пошел искать. В одном месте, дерево рубнув,

Sulakī, ṛōncazana, āhākāwā vakaldıra. Əhəkā gūnən: „ātaṅnāj sulakī ēduk
vakanı,“ gūnən. „Əj əhəkā,“ gūnən: „irgiji cukācam əta ottan. Sī ṛān, əhəkā irgi-
70 „gilrimitti kahın gilrimi.“ Əta nūttən: „Buzilṛam! vuzilṛam!“ gūnən.—„Aja vizan! aja
vizan!“ gūnən. Tarıt əhəkā elran. Sulakī ṛōnan. Əhəkā irgiji icərən. Irgin toṅorgo-
ron. „O sulakīmikan vokom, vokonzo“, gūnən, ahamacıran. Tarıt vürirən.

Лиса, убегая, медведя встретила. Медведь сказал: „Жир лиса с чего
нашла?“, сказал. „Ой, медведь“, сказала. „Хвост опустила, жир стал. Ты тоже,
40 медведь, хвост опусти в воду“, сказала. Медведь опустил. „Холодно, холодно,
маленькая“, сказал. „Холодно, очень холодно“. Медведь выскочил. „Пропаду,
пропаду“, сказал. „Это хорошо, хорошо“, сказала. Медведь встал. Лиса поду-
мала. Медведь на хвост посмотрел. Хвост оторвался. „О, лисица, найду, найду“,
сказал, стал преследовать. Таким образом пропал.

СКАЗКИ ТУНГИРО-ОЛЕКМИНСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Приводимые здесь материалы были собраны мною летом 1934 г. в командировке от Ленинградского отделения Учебно-педагогического издательства в Тунгиро-Олекминском районе Витимо-Олекминского национального округа.

Записаны они от следующих лиц:

Сахаров, Петр Николаевич — 19 лет, секретарь комсомольской ячейки, весной 1934 г. окончил районные курсы ликвидаторов неграмотности; до поступления на курсы был неграмотным.

Сахаров, Павел Васильевич — 22 лет, член комсомола, ликвидатор неграмотности, активный, энергичный общественный работник.

Максимов, Иван Павлович — 27 лет, малограмотный, бригадир в колхозе.

Глазирев, Дмитрий Дмитриевич — 25 лет, член ВКП(б), активный советский и колхозный работник. Был председателем Тунгиро-Олекминского районного исполкома; член правления колхоза и член райисполкома.

Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—32 г. я встречал очень мало эвенков, знающих сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников. Молодежь, в лучшем случае, хранит только обрывки и, по словам стариков, мало интересуется сказаниями и сказками. Встречались старики, уже в течение целого десятка лет и больше не имевшие случая передать свои сказки. Несомненно, что древний эвенкийский фольклор исчезает на наших глазах. Приводимые здесь сказки отрывочны и достаточно характеризуют свое отмирание.

I. P. Maksimov. Nenuga

1. Nimgakān

Bilir vicān ətirkān dā atirkānin. Zəmūzēcāl vicāl. Ekun-dā zəpgōtin ācin vicān. Bəjə, huṅtu mata, nuḡardulātun zəmūzəřildulā əməcā. Tarvājə ūlūkiłwə əmūwcə ūlləlwətin.

Ətirķān gūcā atirkānmi: „ūləkəl zəpdəwər!“ Atirkān ūlēcə nadan zār ūlūkiwə. Ūlėksəkil zəřilcāl. Ətirķān kətətmərwə zərcə atirkāndukki. Atirkānīn gūcā ətirkānmi:

И. П. Максимов. Ненюга

1. Сказка

Давным-давно жили старик и старуха. Проголодавшиеся жили. Никакой пищи у них не было. Человек, чужой богатырь, к ним пришел к голодающим. Тот человек мясо белок принес.

Старик сказал старухе: „Свари, чтобы кушать!“ Старуха сварила семьдесят белок. Сваривши, стали кушать. Старик больше старухи съел. Старуха

„Әһәни зәрзәһни“. Әтиркән гүсә: „Зәмүнәви вәкәңсүзәм“. Тәдүк зәпиксән гүсә һүгтүт: „Әкун-да әдүк-тә әмәзән“. Атиркән гүсә: „Зәмү-дә сә“. Әтиркән гүсә атиркәнми: „Си һүрүдәви һүгтүлдүлә!“ Атиркән гүсә: „Илан анғанли иәлдизигәт. Тәли сину бүзигәв әкунә-вал!“

10 Илан анғанли вәсәл һәрәкәлтә. Атиркән иәлсә әтиркәнми. Иәрәкин, әтиркән сә сәгдәсә. Әтиркән гүсә: „Улгүсәнзәкәл, ән вәзәнни!“ Атиркән һангүсә һән әтиркәнми: „Ән вәзәнни?“ Әтиркән гүсә: „Уһат вәзәм“. Атиркән гүсә әтиркәнми:

„Билір аја биһкис. Ән тикә әнни?“ Әтиркән гәләлсә атиркәндүккә: „Миндү бүкәл әкунә-вал“. Атиркән бүсә оронмо әтиркәндүви: „Оронтозәкәл!“ Әтиркән гүсә: „Әзәли 15 вүрә, зәрзигәв. Кә, си һәнәзәкәл, һүгтүлдүлә вәжәлдүлә, һүрүдәви!“ Атиркән тәли гүсә: „Әһнис ајат минә нәкәрә“.

Горәкәрә вәсә атиркән һүгтү вәжәдү. Вәжәгин әтиркәнмә вәкәлүкә вәсә. Әтиркән гүсә: „Атиркәнми гәсә биһинни. Миндү әкунә-вал бүкәл. Зәмүзәм“. Бүсә вәжәгин әтиркәндү тунға зәрвә солкәвәжә. Әтиркән гүсә: „Аја вүнни. Би һәнәзәзәлим 20 гәрәлүкәкә, үрәлүкәкә. Минә әкүн-да әтәрәс вәкәрә. Мингүвә гүрәмнәвәв зәрзә. һәтин. Би вүзигәв әкун-да әкиттүн һәнәрә“. Тәргәсә әтиркән, һүрүксән, үрәдү вүсә.

Әкүн-мәл һәнәмкәлүдүвәр иәзигәһүн, тәргәсә әтиркән вүзәкүвән. Тәра миндүлә сипкәсән, әмәксәк, үлгүсәсән.

* * *

2. Зәптигир

үмүкәһ әвәнкә вәсә, нәдән зәр-вәл анғанлисә. Омәлгә вәсә. Тәр вәзәнә омәлгәдүви атиркәнән гәһнәһиә зәптигирдүк. Зәптигирдүлә иһкәсәк, омәлгәдүви мә- җарәсә. Тәр мәҗарәкәт, зәптигир һүнәтвәр вүсәл. Тәр вүрәкәт, әвәнкә вүгәткәкәви нүлгәһиә.

зала старику: „Сильно ешь“. Старик сказал: „Голод нагнал“. Затем, съевши, ска- зал по-другому: „Ничто с этих пор не придет (ничего не случится)“. Старуха сказала: „Голодно очень“. Старик сказал старухе: „Ты уходи к другим“. Ста- руха сказала: „Через три года встретимся. Тогда я тебя дам что-то“.

10 Три года жили врозь. Однажды старуха увидела старика. Когда увидела, старик ее—старый-старый. Старик сказал: „Рассказывай, как живешь?“ Старуха тоже спросила старика: „Как живешь?“ Старик сказал: „Плохо живу“. Старуха сказала старику:

„Прежде хорошо жил. Как таким стал?“ Старик стал просить у старухи: „Дай мне что-нибудь!“ Старуха дала старику своему оленя: „Возьми оленя!“ 15 Старик сказал: „Как только дашь, съем. Ну-ка, ты поди, уходи к другим людям!“ Старуха тогда сказала: „Нехорошо мне делал“ (со мной поступал).

Долго жила старуха у другого человека. Ее муж старика повстречал. Ста- рик сказал: „Ты мою старуху взял. Мне что-нибудь дай. Голодаю“. Человек дал старику пятьдесят рублей. Старик сказал: „Хорошо дал. Я уйду далеко 20 в тайгу. Меня никогда не найдете, кости мои съедят. Я умру там, где никто не ходит. Тот старик, ушедши, в тайге умер.“

Когда-нибудь там, где вам придется ходить, вы увидите того старика мо- гилу. То (о том), ко мне пришедши (прилетевши), птичка рассказала.

* * *

2. Дәптигир (род людоедов) ¹

Один эвенки был семидесяти лет. Сын его был. Так живя, отправился (он) взять своему сыну жену от Дәптигиров. До Дәптигиров дойдя, сыну сосватал. Когда сосватал, Дәптигиры девушку свою отдали. Когда отдали, эвенки домой откочевал.

¹ Сказания об эвенках-людоедах встречаются в разных районах расселения эвенков. Обычно людоеды называются иләи (человекоед), әвәти (эвенкоед), зәвиркә (поедающий). В слове Зәптигир к слову зәртә (поедание) добавлен суффикс принадлежности к организации — -гир, образующий название рода.

5 Tar nūlgizənə, ədələwi bugawı ista opət zəptigirwə bakacā. Tar bakarakin zəptigir omolgıduwar tar əwənkiduk hunātwan gələlcəl. Tar zəptigir gələrəktin, əwənkı hunātwi būsə zəptigirdu. Hunātwi būsək, əwənkı bugatkakıwi nūlgihicə. Bugawı isca. Bugawı ihıksək, bugaduwi bilcə. Tar bızənə bugaduwi, döldica, hunātwi bñnədun zəptigirdu, hunātwan əwənkıwiwə zəptigir kükünmər zəpcəl. Tar əwənkı
 10 döldıksak hunātwi zəpnəwətın zəptigirtikakı nūlgihicə. Tar nūlgizənə, bugawatın ədələwi ista kütətwi bakacā. Tar bakaksak, əwənkı hanjūktalca: „Eda hunātww zəptəs?“ Tar kütətın gücə: „Bu əcəlwın zəptə. Nugan mənziwi rucən“. Tikə gñnəkin, əwənkı hunātwi bücətki zılāwi hırucə. Tar kütətnunmi matayca zğr bəgawa. Tar matayıksak, ıjətəcə. Ujəcıksək, gənuhicə opət bugatkakıwi. Tar gənuzənə, bakacā
 15 zəptigirıkwə. Araj tarıgñn kükünmi ganan omolgıduwi. Tar bakaksak, swatwi, kükünin amındulāwi irəməcə. Tar irəməksək amındukki, əmırcə sawgumakən hutakācənma. Tar əmıwıksək, cəgaldıwi nəcə. Tar nərəkın, vəjəgñn hanjūktaca: „Ekunma əmıwınnı amındukki?“ Ahñn gücə: „Hətəmıknmə əmıwım amındukki“. Tikə gñnəkin, vəjəgñn ətəcə hanjūktazamı. Tar tikə nəkəzərəkın, luğur
 20 oca. Atırkənan dıçətñnəl ahıcal. Araj-ka əzərəkın, ekun-ka gızaran. Vəjəgñn ahıdukkı hanjūktaca: „Ekun gızaran?“ Ahñn gücə: „Əcəw sərə“. Vəjəgñn ətəcə hanjūktazamı. Dolbo mēlcə vəjəgñn. Ərəgər səmat gızaran. Tar vəjəgñn gñktaca ahıwi amğawān. Araj-ka amğadukın gğ əməzərən. Tar vəjəgñn ahıwi səriwcə: „Eda amğadu'ıs amızaran?“ Ahñn gücə: „Əñıjəduk (h)ətəmıknmə zəpnəw gızaran“. Tar tikə gñnəkin
 25 atırkənmi, vəjəgñn ər əmtıldukki əmıwnəwən (h)utakācənma icəcə. Dolbo vəjəgñn icəcə, araj-ka hutakācəndu atırkənın cırcıazarar zalumkākı amun. Tara icəksək, vəjəgñn ahıca. Təgəltənə təgəcə. Tar təgəksək, əzəliwi cəjıgñı ımnə, tılıskı amunnācə. Tar amunnāksak, atırkanmi icəcilcə. Atırkənın, loskawi gaksak, tılıskı jıccə. Dənəcə vəjəgñı amunnalən. Dənəksək, umkənzıwi vəjəgñı amunnən təkəcilcə.
 30 Tar təkəcilləkin, vəjəgñn vərkənəzəwi garpacā. Tar ahñn dırkuncacə təgətərımələwi.

5 Кочуя, прежде чем достигнуть дома, опять Дёптигиров встретил. Когда встретил, Дёптигиры стали просить у того эвенка его девушку для своего сына. Когда Дёптигиры попросили, эвенки девушку свою отдал Дёптигирам. Девушку отдав, эвенки на родину свою откочевал. На родину приехал. На родину приехавши, на родине жить стал. Живя на родине своей, услышал, (что)
 10 у Дёптигиров, которым он отдал свою девушку, девушку эвенкискую, невестку свою, Дёптигиры съели. Эвенки, услышавши о том, что съедена его девушка, к Дёптигирам откочевал. Кочуя, прежде чем достигнуть их места, тестя встретил. Встретивши, эвенки спросил: „Почему дочь мою съели?“ Того тесть сказал: „Мы не ели. Она сама умерла“. Когда так сказал, эвенки в дом, где умерла девушка, пошел. С тестем прожил два месяца. Проживши, отошел
 15 (отделился). Отделившись, направился опять в свое место. Едучи, повстречал Дёптигиров. (от) Тех невестку взял для сына. Встретивши свата своего, невестка к отцу в гости пошла. Погостивши, от отца принесла из рыбьей кожи мешочек. Принесши, в (женский) угол (чума) положила. Когда положила, муж спросил ее: „Что ты принесла от отца?“ Жена сказала: „Женскую сумку принесла от отца“. Так когда сказала, муж кончил спрашивать. Когда так сделали,
 20 настал вечер. С женой вместе уснули. Как только уснули, что-то запахло. Муж, у жены спросил: „Что пахнет?“ Жена сказала: „Не знаю“. Муж перестал спрашивать.

Ночью муж проснулся. Попрежнему здорово пахнет. Тот муж понюхал рот жены. Оказывается, из ее рта вонь идет. Тогда муж жену разбудил: „Почему из твоего рта пахнет?“ Жена сказала: „Из материнской сумки съеденное пахнет“. Когда так сказала, муж увидел ранее принесенный женой от матери мешок. Ночью муж увидел, вдруг жена его в мешок полным-полно
 25 экскремент складывает. То увидев, муж уснул. Утром встал. Вставши, до того как напиться чаю, отправился на двор. Оправившись, за женой стал смотреть. Жена его, ложку взявши, вон вышла. Пошла к тому месту, где оправлялся муж. Пришедши, ложкой стала разгребать. Когда стала разгребать, муж из лука выстрелил. Жена его споткнулась на том месте, где присела.

3. Turēciwki zahikkān

Waņa wicē omolgicān, ekun-da acin. Aņazakān tar wizənə, ȳcā zūjawī murir amurzitn. Mōlāhicā mojawī. Mon dagadu acin wicē.

Tar mōlāzaņa wakacā kulijawa cigranunma kuhizərīlwə ilan anganīwa. Kuln gūcē: „Mūnəwə awguja-wal wākəl, ədəwun kuhizərə. Tar wāmī awguja-wal, dīlwān 6 koltahidāwi, tādu ekun-mal wizəņən“.

Tar omolgicān dumajīlcā. „Ər awguja wāzaņāw!“ Waņa dumajcā, wadāwī kuhindigawa. Dumajīksak, kulnma wācā. Tar wāksak, kulnma dīlwān koltolicā. Araj dīldun zahikkān wizərən. Tar zahikkānma gacā Waņa, zūlāwī əmūwcē.

3ūlāwī əmūwūksə, zahikkānma nīcē. Tar nīrəkin, zahikkāndulā dōndulān 10 omolgicakān turəhinən: „Waņuska, sindu ekuna nada?“ Waņa gūcē: „Mindu mojawī mōlādāw sō goro“. Tar zahikkān dōndulān gūcē: „Ərdət¹ mōlas əmūwzəņəw“. Tar Waņa zahikānīwī sōmca. Təgəltənə təgəcē, araj sō kətə mō. Tāduk Waņa dumajīlcā: „Nada zūjawī ȳdāw!“ Tar dumajīksak, zahikānīwī nīcē. Tar nīrəkin, zahikkān dōndukīn hanğūktacā: „Waņuska, sindu ekuna nada?“ Waņa gūcē: „Mindu 15 nada zūjaw“. Tar zahikkān dōndulān gūcē: „Ərdət, Waņa!“

Tar tikē gūnəkin, Waņa zahikāngīwī sōmca. Sōmīksak, amumaņduwī zūduwī ahīcā. Təgəltənə təgəcē, araj zūn, sō aja zūn ȳcā. Waņa tar zūduwī wicē ȳmūkəņ wegawa. Tar wīksak, opet dumajīlcā: „Mindu nada atirkānaw“.

Tar dumajīksak, zahikānīwī nīcē. Opet zahikān dōndulān gūcē: „Waņa, sindu 20 ekuna nada?“ Waņa gūcē: „Mindu nada atirkānaw“. Tar zahikān dōndukīn gūcē

М. С. Абрамов. Средняя часть Олекмы

3. Говорящий ящичек

Жил Ваня, молодой парень, ничего не имеющий. Сиротой живя, построил дом из конского навоза. Отправился по дрова. Дров поблизости не было.

Рубя дрова, повстречал змея и тигра, дерущихся три года. Змей сказал: „Из нас кого-нибудь убей, чтобы мы не боролись. Если убьешь из нас кого- 6 либо, то голову его расколи, там что-то будет“.

Тогда молодец задумался: „Кого же убью?“ Ваня задумал убить змея. Подумавши, змея убил. Убивши, голову змея расколел. Оказывается, в голове его ящичек есть. Тот ящичек Ваня взял, домой принес.

Домой принеши, ящичек открыл. Когда открыл, внутри ящичка молод- 10 чик заговорил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне за дровами (надо) итти очень далеко“. Тогда внутри ящичка сказало: „Сейчас дров при-несу!“ Тогда Ваня ящичек свой закрыл. Утром встал, вдруг очень много дров. Тогда Ваня задумался: „Надо дом построить!“ Подумавши, ящичек открыл, ящичек изнутри спросил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне надо 15 дом“. Ящичек изнутри сказал: „Сейчас, Ваня!“

Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши в доме своем, сделанном из навоза, уснул. На утро встал, вдруг дом его очень хорошим домом стал. Ваня прожил в том доме один месяц. Проживши, опять задумался: „Мне нужна жена“.

Подумавши, ящичек открыл. Опять внутри ящичка сказало: „Ваня, тебе 20 что нужно?“ Ваня сказал: „Мне нужна жена“. Тогда изнутри ящичка сказало:

¹ Употребляется у якутов в значении „сейчас“, „сию минуту“.

„Waṇa, ərdət atırkənas əmıwzəṇəw“. Tar tikə gūnəkin, Waṇa zahikanmə sōmcət Tar sōmıksək, zūduwi əhicā. Tar dolbo ɔzarakin, hunət, so aja hunət araj əməcə. Wāṇəskəli-raj əhicā. Wāṇəska tarā atırkənəwi gacā. Tar gaksak, Waṇa atırkanunm. bıcə ımpıkən bəgawa.

²⁵ Tar bıcəjən Wāṇəskəli araj vəjə əməcə, huṇtu dınnədəkin. Tar vəjə Wāṇəskaduk hanṇūktacā: „Ər si atırkənəw ekunduk gacas!“ Wāṇəska gūcə: „Bi mora bargıdādükün gacaw atırkənəwi“. Tar əməwki vəjə gūcə: „Ər minṇi atırkənmi“. Tar tikə gūnəkin Wāṇəska gūcə: „Gəkəl atırkənmi“. Tar tikə gūnəkin Wāṇəska, vəjə əməwki amaski gacā atırkənmi. Tar vəjə atırkənmi gaksak, amaskəki ṇəṇṇinənə, Wāṇəskə ³⁰ zahikənəmən zoromoco. Wāṇəskə mədəksək, ızajalın tar vəjəwə ahalcā. Tar ahalıksak bokocə anṇətəcəriwə hoktodu. Wāṇəskə tar azarıldulā ṇənəcə, ṇurmahıcā. Tar ṇənəksək, zohikənmi əricilcə. Araj icəcə oṇoktodun, tar vəjə zahikanmə oṇoktolıwi zajacā. Wāṇəskə dumajılca: „ön nada oṇoktodukin gadaw zahikanmə?“ Araj dumajca — ³⁵ tərərəkənṇən zoromokol!“ Tərərəkən, tar vəjələ ṇənəksək, ırgıwi dızəhicə kaltakalın oṇoktolın. Dilləkin, tar vəjə əksinihicə. Araj zahikan tılijələ ətəkənən Tar ətəkənəkin, Waṇa gacā, zütakıwi ṇənəzəhinən mən, zūwi-dat isca.

M. S. Abramow. Olokno

4. Öli

Öli bıcə. Tar vizənə atırkənəwi gacā, əwəmṇuwə. Atırkənnunmi bıcə ımpıkəndu ımpıkən anṇanıwa. ımpıkən anṇanıwa bıksək, öli vəjühıcə. Tar vəjüzənə vəjürwə gəjəwıccə. Tar gəjəwıpnıksək, züləwi mucuhıcā. Öli orocı bıcə. Zūwi ihıksak, öli

---

„Ваня, сейчас жену тебе принесу“. Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши, в доме своем уснул. Когда наступила ночь, девушка, очень хорошая девушка вдруг пришла, к Ванюшке вдруг спать легла. Ванюшка ту женой ²⁵ своей взял. Взявши, Ваня жил с женой своей один месяц.

После того как прожил, к Ванюшке вдруг человек пришел, из другой земли. Тот человек у Ванюшки спросил: „Это ты мою жену откуда взял?“ Ванюшка сказал: „Я с той стороны моря взял жену“. Тогда пришедший человек сказал: „Это моя жена“. Когда тот сказал так, Ванюшка сказал: „Возьми свою жену“. Когда так сказал Ванюшка, человек пришедший назад свою жену ³⁰ взял. Тот человек, жену свою взявши, назад идя, ящик Ванюшки украл. Ванюшка, догадавшись, по следу того человека бросился вдогонку. Бросившись вдогонку, нагнал (того человека), ночевавшего на дороге. Ванюшка к спящим пошел, стал подкрадываться. Подошедши, ящичек свой стал кликать. Вдруг увидел, тот человек ящичек в ноздрю спрятал. Ванюшка задумался: „Как надо ³⁵ из ноздри его ящичек взять?“ Едва только подумал, мышка-воровка случилась. Подумавши, сказал мышке: „От того человека ящичек укради!“ Мышка, к тому человеку подошедши, хвост свой засунула в одну ноздрю. Когда засунула, тот человек чихнул. Вдруг ящичек наружу выскочил. Когда выпал, Ваня взял, к дому направился, домой пришел.

M. C. Абрамов. Средняя часть Олекмы

4. Ворон

Ворон жил. Жену себе взял эвенкийку. С женой своей жил вместе один год. Один год проживши, ворон на промысел отправился. Промышляя дикого зверя, сохатого ранил. Ранивши, домой пошел. Ворон оленей имел. Домой пришедши, ворон сказал жене своей

gūcā atirkānmi: „Inəhənəkəl (inəgnəkəl) ororwar!“ Tarījīn cəruļi. Opet gēpcā
5 gūcā: „Ororwor inəhənəkəl!“ Ərəgər cəruļi. İiṛcā gūcā: „Ororwor inəhənəkəl!“
Tarījīn ərəgər cəruļi. Tar tikē guniksək, ororwı mənīn inəhəcā. Inəhəksək, zülāwı
icā. „Togowor ılakal!“ Gūcā atirkānmi. Tarījīn cəruļi. Gēpcā gūcā: „ılakal togo-
wor!“ Atirkānīn cəruļi. İiṛcā gūcā: „Togowor ılakal!“ Atirkānīn cəruļi. Tar tikē
guniksək, togowı mənīn ılacā. Togowı ılaksak, (h)ullawı nəṛhihcā. Araj-ka (h)ullahicā
10 (h)ullawı. Tar öli züduwı aṅgətcā. Təgəltənə təgəcā. Təgəksək, uḡiskəkī dəḡilcā.
Uḡiskəkī dəḡilikək, üzajan müjiktəlcā. Tar müjiktəzənə, uzawān icəcā. Ər nənət-
cəkīn, tar üzajalın ahalca. Ahasana, wokocō nənəzərıwə. Atirkānīn uḡidəlin ərilcā.
Tar ərizənə gūcā: „Züləwər mucukal! — „Ərdət dilacaṅṅas kajzəlīm!“

Tar ahı gūcā: „Əkəl kajjə! ekunas-wal sindu öziṅawı!“ Tar tikē guniksək, gūcā:
15 „Tərgəmiləs öziṅawı! Öli gūcā: „Minji halgarwı majamall!“ Tədük ahı gūcā: „Dər-
vəkijəs öziṅawı! Əkəl kajja dilacawa!“ Öli gūcā: „Minji dilw sukəcəmə!“ Tədük
ahı gūcā: „Näljäs öziṅawı!“ Öli gūcā: „Minji tiṅənni zəjəmə“. Ahı gūcā:
„Nöṇamakina tawurṅam“. Öli gūcā tikə: „ṇaḡir-kik!“ Züləwı mucuhıca öli.
Wot əsitkən öli amumakınma zərzərən.

D. D. Glazırow. Туңгирікән

5. Nimḡakān

Goro bilir¹ vicā ətirəkən. Bizəcən atirkānīn. Zəmüzəcəl nəlki. Ətirəkənīn gūcā
atirkānmi. „Bi uḡzəlīm ırakəndulā, tuksakıl hoktoröndulätin hüklənəzəlīm“.

Atirkānīn gūcā: „Əda?“ — „Doḡotonözölüm“. Hükləzəcə ətirəkən tuksakıl (h)ok-
toröndutin. Tuksakıl əməcā. Tuksakıl gūcā: „Ər ətirəkən tırəwkəcā (h)oktoröndü“.

5 „Пойди приготовь, навьючь оленей!“ Та глуха. Опять вторично сказал: „Оленей
пойди приготовь!“ Попржнему глуха. В третий раз сказал: „Оленей пойди
приготовь!“ Та попрежнему глуха. Так сказав, оленей сам пошел приготовить.
Приготовивши, в дом вошел. „Огонь зажги!“ сказал жене. Та глуха. Второй
раз сказал: „Зажги огонь!“ Жена глуха. В третий раз сказал: „Огонь зажги!“
Жена глуха. Так сказавши, огонь зажег. Огонь зажегши, одеяло свое стал
10 искать. Постлал одеяло. Тот ворон дома ночевал. Наутро встал. Вставши,
вверх улетел. Ввысь взлетевши, стал след (раненого зверя) разыскивать. Разу-
скивая, след увидел. Этого (зверя) след, по тому следу погнался. Гонясь, на-
гнал идущего. Жена закричала вверх. Крича, сказала: „Домой вернись!“ — „Сей-
час солнце загорю!“

15 Тогда жена сказала: „Не загорайвай! Что-то тебе сделаю!“ Так ска-
завши, сказала: „Торгоми (специальное название обуви) сделаю!“ Ворон
сказал: „Мои ноги...!“ Тогда жена сказала: „Шапку сделаю! Не загора-
живай солнце!“ Ворон сказал: „Моя голова — как топор!“ Тогда жена сказала:
„Нагрудник сделаю!“ Ворон сказал: „Моя грудь острая“. Жена сказала:
„Помет соберу!“ Ворон сказал так: „Нянир-кы-ы-к!“ Домой вернулся ворон.
Вот теперь ворон помет ест.

Д. Д. Глазирова. Туңгирікән

5. Сказка

Давным-давно жил старик. Жила его старуха. Заголодали весной.
Старик сказал старухе: „Я пойду к речке, на заячью дорожку пойду лягу“.

Старуха сказала: „Зачем?“ — „Пойду замерзну“. Лег старик на заячью
тропку. Заяц пришел. Сказал заяц: „Этот старик заставил остановиться на

¹ bilir — употребляется у якутов в значении „прежде, раньше, давно“.

⁵ Tuksakī ērilcē zalwī: „Əməkəllu bırakātkanaduk. Amıkakakun tırəwkəcē“. Zalıñ əməcəl—ilan zār tuksakıl əməcəl. Ətirkənmə ırıhəcəl zıtkakın. Zıñan ihıwılcal. Atırkəndulān gücəl tuksakıl: „Əri ətirkənni dođotocō hoktorənduwun“. Atırkən gücə: „Utəkəkırıvı ajat vakara dođkotocōwo ətirkənməw. Zıñla iwıwəllı!“ Atırkən ırkəwı ırıkəzı ırıtıcə, ətirkənın ırıđnaran. Tuksakılwa walcəl. Umıkən tuksakı ¹⁰ cucarpā. Atırkən ıktəcē tuksakıwa səndulın ollonzıwı. Sənman kođnohokı. Sənın tuksakıđı əhıtıkəndələ kođnomo.

D. D. Glazırow. Tuđırıkən

6. Nımđakan

Bılir vızəcən ətirkən də atırkən. Umıkəndu vızəcəl. Ekura-da acır vıcəl. Tar ətirkən səksəlwa ölcə. Tuksakılwa səksəlnicə. Ələ səkımđa wacə tuksakıwa. Ulləđın kətəkün öcə. Tar ətirkən dəlkənıwı öcə. Tədu dəlkəndu nəcə ılləlwən. Atırkənın ılləcə. Ətirkəndıwı vıdıwıki vıcə. Ətirkənın əwki zəptə. Dumajılca (zaldaca) ətirkən. ⁵ Diskəkı ırəkünmə ırıđıcəl. Tələ hımımkıđıwə vakacəl. Zaldalca ətirkən: „Ədu takın bıhın“. Atırkəndulāwı gücə: „Ər takınđa hətəkənzəlım. Ekun-ka özəm“. Takınđa hətəkəcə. Hətəkənıksək, amıkən öcə. Atırkənı gücə: „Hətəkəkəl! Sı nən amıkən özıđās“. Atırkənın hətəkəcə—amıkən öcə. Əhıtıkəndələ amıkar vızərə.

I. P. Maksımow. Tuđırıkən

7. Nımđakan

Bılırkəkun ətirkən vıcə. Atırkənın vıcəl zıđr. Söl sagdıł vıcəl. Nuđartın zəmüzəcəl. Nuđanđın ılın oronın vıcə. Ətirkən zalduwı gücə: „Bəjudəw nada“. Bəjuhıcə ırətəkəkı. ırədu tōkıl ızalwatın ıcəcə. Ətirkən gücə „Tımı əməzıđəw

⁵ дороге“. Заяц стал сзывать товарищей. „Подите сюда с речушек. Дедушка (дорогу) загородил“. Товарищи его пришли—тридцать зайцев пришли. Поволокли старика к его дому. Притащили домой. Старухе сказали зайцы: „Это твой старик замерз на нашей тропке“. Старуха сказала: „Мои детки, хорошо, (что) нашли моего замерзшего старика. Втащите в дом!“ Старуха дверь ремнем ¹⁰ привязала, старик ее встал. Зайцев начали бить. Один заяц убежал. Старуха ударила зайца по уху крючком. Ухо его почернело.

До сих пор ухо зайца черное.

Д. Д. Глазирова. Тунгирикэн

6. Сказка

Давно жили старик и старуха. Вместе жили. Ничего у них не было. Старик ловушки начал делать. На зайцев ловушки поставил. Вот большого, очень большого, здорового зайца убил. Мяса много, много стало. Старик лабаз построил. Там в лабазе мясо сложил. Старуха сварила мясо. Старику дала. ⁵ Старик не ест. Задумался старик. Обратнo в лес ушли. Там брусничник нашли. Подумал старик: „Здесь бревно есть“. Старухе сказал: „Это бревно перепрыгну, чем-то сделаюсь“. Бревно перепрыгнул. Перепрыгнувши, медведем стал. Старухе сказал: „Прыгай! Ты тоже медведем станешь“. Старуха перепрыгнула—медведем стала. До сих пор медведи живут.

И. П. Максимов. Тунгирикэн

7. Сказка

Давным-давно старик жил. Две жены у него было. Очень старые были. Они голодать стали. У них три оленя было. Старик подумал: „Промышлять надо“. Пошел за зверем в тайгу. В тайге следы сохатых увидел. Старик сказал: „Завтра приду

вəjurdulə. Timi əməcən vəjundulə. Vəjunmə vultallan. Nuḡan vəjunmə icəcə təgət-
5 сəriwə. Nurmahicə. Nuḡanmən ḡurmaca, irəktəduk itıgaran. Pəktirənən — vəjun
öykanan. Ətirкən tuksaran vəjunḡiləwi. Hıgillən vəjunḡiwi. Hıgrən, təlgəttən, nətirən,
nannazın dastan ullawən. Ərtiləwən garan. ḡənəhinən züləwi, ḡälzənə ərtiləwən.
Züləwi əmərən. Züduwi ulləḡi zəpillən. Zəpzərəkin, togon inkərizəwki. Ətirкən
ḡünən: „Ekuḡma inkərizəren?“ Gıdalərən togowı purtatwi. Ətirкən əhinən.

10 Təgəltənə təgərən, togowı ilallan. Togon əwki zəgdəllə əmərən atırкən — əhan
cokoti. Tar atırкən ḡünən ətirкənmi: „Tinəwə əda gidalacəs əhawəw?“ Ətirкən
zaldərən. Atırкənmi ḡünən: „Oronmor ḡannəka!“ Atırкənin əmүwren oronmi. Ətirкən
təpulirən, səksəwən toḡodu ıḡkırən. Togon zəgdəllən.

P. Saharow. Gıḡa

8. Nıḡakən

Nonon bicəl vəjəl, Dukəjil ḡərvicil, ıḡütəl halḡacil, ıḡütəl ḡäləcil. Taril
bicəl tunḡazər, ḡənəzəcəl oktojoli. Vəjəwə naldicəl, ḡənəzənəl, ḡərviciwə Cınənəj.
Cınənəj icəcə, Dukəjil əməzəḡə. Kokollotwi ḡaradancacə tarilwə. Taril ḡücəl:
„Cıjəkəcənə kükəkınun dəḡrə“. Tar Dukəjil kokolbə nəldidükın tikıwkıl dıḡnələ.
Cınənəjwə zawalcəl Dukəjil, kikcənəl iktəlzıwər. Cınənəj həḡdikun bicə. Nuḡar-
watın Cınənəj algarduktın koḡkocə irəktədulə. Cınənəj weswə wəcən.

за зверем“. Назавтра пришел за зверем. Зверя стал промышлять. Он зверя
5 лежащим увидел. Стал скрадывать. Скрал его, из-за лиственницы прицелился.
Выстрелил, зверь упал. Старик побежал к зверю. Стал свежевать зверя. Осве-
жевал, разрезал на части, сложил, его шкурой прикрыл мясо. Ребро его взял.
Отправился домой, неся в руках ребро. Домой пришел. Дома мясо стал кушать.
Когда кушал, огонь зашипел. Старик сказал: „С чего шипит?“ Ткнул огонь
10 ножом. Старик улегся спать.

Наутро встал, огонь стал разжигать. Огонь не горит. Пришла старуха,
на глаз косяя. Та старуха сказала старику: „Вчера зачем глаз мой уколол?“
Старик задумался. Старухе-жене сказал: „Поди оленя возьми!“ Старуха при-
вела оленя. Старик убил, кровь его в огонь вылил. Огонь запылал.

П. Сахаров. Гуля

8. Сказка

Вначале были люди, Дукаями называвшиеся, с одной ногой, с одной
рукой. Их было пятьдесят, шли по дороге. Человека встретили, идя, назы-
ваемого Чинаной. Чинаной увидел: Дукаи идут. Рукавицей бросился в них. Те
сказали: „Пташка с кукшей полетели“. Те Дукаи от бросания рукавицы упали
5 на землю. Чинаной схватили Дукаи, кусая зубами. Чинаной большой был. Их
Чинаной с ноги сбросил о лиственницы. Чинаной всех убил.

И. Георги

ТУНГУССКОЕ СКАЗАНИЕ¹

У тунгусов, которых я видел, нет никаких музыкальных инструментов, кроме особого вида дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими „кур“; зато у них в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно приятное.

В их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чувствах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинны, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают. При рассказывании каждый период начинают с последнего слова предыдущего периода. Благодаря любезности баргузинского комиссара г. Фернера, через которого я получил много сведений о тунгусах, я имею также перевод тунгусского сказания, которое они обычно поют. Я привожу здесь это сказание, так как оно дает возможность до некоторой степени ознакомиться со вкусами этого народа. Переводчику, повидимому, не удалось вполне схватить дух тунгусского языка. Может быть, многие слова заимствованы у монголов: они слишком роскошны для туземцев; имена героев — Долодай (властитель гор), Арсалан Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (учитель львов) — монгольские. Но это сказание у тунгусов в ходу, они развлекаются пением и рассказыванием его. Они украшают его чуждыми картинами, наподобие того, как наши писатели украшают свои романы.

В одной стране жил князь Долодай, имевший две тысячи слуг. Он жил в городе, окруженном тройною стеною: наружной — деревянной, средней — каменной и внутренней — железной. У входа в его юрту стоял столб из стали, к которому он привязывал своего роскошного коня.

У него было семь княжен, и из них самая младшая — Сувудангина — была чрезвычайно красива и молода. У каждой из них было по служанке и по золотой телеге, в которой они часто ездили для развлечения в высокую, красивую местность.

Однажды неожиданно прилетела птица Ногой и так быстро унесла их по воздуху, что служанки не заметили, куда они девались. Лишь одна Сувудангина спаслась благодаря своему уму. Она превратилась в орла и улетела к своему отцу, и Ногой не мог найти ее, так как она смесалась облака.

Она села на стальной столб, к которому был привязан конь. Конь испугался и стал так громко ржать, что многие юрты в городе развалились и многие люди упали без чувств.

Князь схватил свою саблю и хотел убить орла. Орел же обратился к князю с человеческой речью: „Прости, князь, и откажись от своего намерения, ибо я имею кое-что рассказать тебе“. Князь крайне удивился человеческому голосу и сказал: „Говори!“ — „У тебя было семь дочерей, а теперь у тебя нет ни одной“. От испуга князь не сразу смог ответить птице, но он сказал тихо: „Хо, хо, девушки, обязанные наблюдать за моими дочерьми, где мои семеро детей?“ — „Мы гуляли с ними по прекрасным полям и играли, и вдруг внезапная буря унесла их неизвестно куда“. Разгневанный князь хотел отсечь головы девушкам.

„Гнев твой напрасен, мой князь, — молвил орел, — Если бы ты даже был с ними, ты не мог бы спасти их. Караткакан Нойен, большой, сильный человек, прилетел с запада и увел твоих детей. Он очень мудрый и у него есть вороной конь, такой быстрый, что облака и ветер не могут его догнать. Я — орел, твоя младшая дочь Сувудангина, убежала от него благодаря своему уму; я прилетела к тебе, чтобы узнать, можешь ли ты спасти меня от него, за него я не могу решиться выйти замуж, или же ты укажешь мне другого сильного человека, который может бороться с ним?“ — „Я уже стар, — ответил отец, — но если бы я даже был молод, я бы не мог тягаться с Караткаканом Нойеном. Но я слышал о герое с юга, которого зовут Кулудай. Он живет так далеко, что птица до него летит три года, а самый быстрый конь бежит десять лет“. — „О Кулудай я тоже слышала, — ответил орел, — но он не в силах побороть Караткакана, не знаешь

¹ Перевод из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von I Georgi. Erster Band. Spb. 1775, стр. 288 — 295. Ped.

ли ты более сильного героя? — „На востоке живет знаменитый герой, — возразил старик, — которого зовут Арсалан Бакши. Его конь Шамаи Чагая знает, что происходит во всех странах; притом он быстрее птицы и даже ветра. До Арсалана однако так далеко, что ни птица, ни добрый конь не могут добраться до этой местности“. — „И я об этом слышала“, — сказала дочь и попросила у старика пищи на дорогу; он велел заколоть восемь верблюдов и дал их орлу.

Целых семь лет летел орел без отдыха под самыми облаками, а порой и в облаках. Когда от земли исходил белый отблеск, он знал, что на земле зима; когда отблеск земли становился темным, он думал, что наступило лето. Однажды Сувудангина обнаружила прекрасную юрту. Направо от нее находился стальной столб, и у него семь гнедых коней. У них были золотые гривы, серебряные седла и уздечки. На каждом седле лежала рысья шуба. По левую сторону юрты к дубовому столбу было привязано семь рыжих оседланных коней. Гривы у них были серебряные, подковы стальные, седла и уздечки серебряные. На каждой из них лежала шуба из лисьего меха. Орел обратился в пучок шерсти, сел на крышу и стал смотреть в юрту. По правую сторону огня сидело семь юношей. Каждый из них изготовлял стрелу. По левую сторону огня семь служанок готовили меховую одежду, украшенную семью различными серебряными узорами. Юноши передали девушкам стрелы и спросили, видели ли они кого-либо, кто бы умел изготовлять более красивые стрелы. „Они красивы, — ответили девушки, — но Арсалан Бакши, живущий на востоке, так ловок и силен, что один его палец превзойдет все ваше искусство и силу“. Юноши сломали стрелы и бросили их в огонь. Когда семь служанок закончили платье, они спросили юношей, случилось ли им видеть более красивых, умных и ловких девушек. Те ответили: „Вы очень красивы, умны и искусны, но у князя Долодая есть семь дочерей; младшая из них, Сувудангина, настолько красивее, умнее и искуснее вас, что вы все не стоите ее ногтя“. Девушки сожгли свое платье.

Когда Сувудангина услышала это, она снова обратилась в орла и полетела дальше. Через год она заметила землетрясение, и когда она приблизилась к земле, то узнала, что это Арсалан Бакши изготовлял стрелы. Она полетела туда, где воздух дрожал от его работы, и увидела возвышение наподобие горы, на котором росли серебряные травы с золотыми цветами. По обе стороны горы находилось по озеру, наполненному молоком вместо воды. На самой горе стояла роскошная юрта; стены ее были из серебра, а крыша из золота. В юрте сидел человек; у него в руках была почти законченная стрела, и он просил богов, чтобы они дали ему перо для полета стрелы, чтобы ему никогда не приходилось дрожать перед врагом и чтобы ни один хищный зверь не мог убежать от него. Орел услышал это, вырвал у себя перо из правого крыла и бросил его в юрту. Арсалан взял его, удивился его величине, доделал стрелу и пожелал себе второе перо, которое и получил из левого крыла. Он посмотрел вверх и увидел большого орла. „Кто ты, огромная птица? — Ты спрашиваешь меня, не сказав, кто ты такой? — „Я Арсалан Бакши“. — „Если ты Арсалан Бакши, то зачем же ты день и ночь изготовляешь стрелы? — „Потому что я намерен пойти походом на запад. Там живет князь Долодай, и я женюсь на младшей из его семи дочерей“. — „Я и есть эта младшая дочь, Сувудангина“. — „Это ты? О, тогда иди ко мне“. — „Ты мне докажи сперва, что ты Арсалан Бакши. Я полечу через девять холмов и на десятом я водружу маховое перо. Твоя стрела должна пройти через девять холмов, на десятом она должна рассечь перо; после этого она должна пронзить еще пять холмов, а в шестом она должна застрять“. Птица сунула перо, Арсалан взял лук. Стрела пронзила девять холмов, на десятом она рассекла перо, прошла еще через пять холмов и застряла в шестом, откуда ее вытащил орел и вместе со стрелой полетел к герою.

После этого птица снова обратилась в красивую девушку, села к герою в юрту, разговаривала и спала с ним. Когда они на другое утро встали, то пришел любимый конь Арсалана и спросил: „Кого это господин мой держит при себе?“ — „Это красивая девушка, которую я взял в жены“. — „Ты добыл себе не жену, а опасность, — возразил умный конь, — и там, где ты хочешь жить, укрепи свою юрту двенадцатью железными цепями и надень твои походные доспехи и оружие. Если ты в полдень услышишь крики и град, сперва величиною с овец, а затем с верблюдов, то не выходи из своей юрты, ибо это придет герой Караткакан Нойен. Он разломает твою юрту и станет издеваться над тобою; но ты ничего не отвечай и оставайся в юрте. Если же ты выйдешь из нее, то ты никогда больше не увидишь своей жены“. Конь снова побегал на пастбище, Арсалан же все исполнил согласно его совету и остался сидеть в юрте.

В полдень он заметил землетрясение и услышал шум. Пошел град; первые градины были не меньше овец, а последние были величиной с верблюдов; при этом поднялась такая буря, что разорвались десять цепей, на которых держалась юрта. Вскоре после этого прибыл герой, ударил юрту сперва кнутом, а потом копьем. При этом он воскликнул: „Ты ли Арсалан Бакши, о котором весь свет говорит, что он храбр и непобедим? Теперь, когда я тебя вижу трусливо сидящим перед женщиной, я считаю тебя самым робким и жалким человеком под солнцем. Разве ты не слышишь, как ужасно мое прибытие?“

Арсалан не мог более слушать, он взял свой меч и вышел из юрты. Он никого не увидел и вернулся, но его жена пропала. Он позвал своего умного коня, взял свое оружие, сел на коня и ускакал. Ему казалось, что конь недостаточно быстро бежит, он ударил его, и конь понесся выше леса, чуть не под самыми облаками. Арсалан встретил орла, державшего в когтях его княжну; он выстрелил в него и тот раскололся от головы до хвоста. Княжна выпала из его лап и упала на землю, так же как орел, но как только орел коснулся земли, обе половины его снова срослись и он полетел со своей добычей дальше. В орла попала вторая стрела, и он потерял правое крыло, но он сразу же приставил его снова, и благодаря своему колдовству он излечивался от всех ран, которых он получил множество. Арсалан Бакши преследовал его в течение трех лет, а на четвертый год он достиг жилища орла. Город был окружен тройною стеною: наружной — каменной, средней — железной и внутренней — стальной. Орел сразу закрыл ворота и

выставил стражу. Арсалан взял свою стрелу, оперенную пером княжны, сказал ей: „О моя стрела, ты сделана не против врагов, помоги мне“ и разрушил три стены и жилище.

Караткакан примчался из города на лучшем своем коне и сказал: „Арсалан Бакши, уходи от меня с миром туда, где ты хочешь жить, ибо не ты, а я—первый жених. Я принес в свой лагерь семь княжен, предназначенных мною себе в жены. Одна хоть и убежала от меня, но все же она моя, а не твоя“. Арсалан ответил ему: „Пока у меня еще есть руки, ноги и жизнь, я не уйду. Только тогда, когда я всего этого лишусь, ты можешь взять мою невесту. Я хочу бороться с тобой“.— „Пусть это будет,—сказал Караткакан Нойен,—на такой отвесной, высокой и узкой морской скале, что на ней едва можно стоять одной ногой“.—„Где ты хочешь,—возразил Арсалан,—я приду“. Оба сели на своих лучших коней и отправились к месту битвы.

Караткакан превратился в оленя, а Арсалан в дикую козу (сайгу). Борьба была очень горяча. Олень превосходил козу силой, но когда он падал, то скатывался вниз, тогда как коза могла удержаться на скале. После трехдневной борьбы они увеличили свои силы. Олень превратился в лося, а коза—в кабана.

Борьба снова продолжалась три дня. После этого они стали бороться в человеческом образе, и для этого они избрали равнину. Они были верхом. Сперва они боролись копытами, а после вынули мечи, и когда все сломалось, то они взяли кнуты. Когда эти сломались, они сошли с коней и стали бороться без оружия. Борьба продолжалась три года, и ни один не мог убить другого.

Наконец, кони вмешались в состязание. Конь Арсалана сказал: „Мой господин не убит Нойена, так как он очень силен и бессмертен. Но я знаю, где его смерть. За тридцатью морями находится остров, там живет его сестра, стерегущая его смерть. Смерть его—в стреле, а стрела лежит в ящике, а ящик всегда в руке его сестры. Я постараюсь достать эту стрелу“.

Конь Нойена сказал своему господину почти то же самое: „Я знаю смерть Арсалана. Она—около его юрты в стальном столбе, к которому он привязывает своего лучшего коня. В столбе пила, а в пиле сидит его смерть. Оба коня отправились в путь, чтобы достать смерть врага. Когда конь Арсалана добрался через тридцать морей до острова, где стояла юрта сестры Нойена, он побегал по острову с такой силой, что юрта сестры упала от сотрясения. Сестра хотела схватить юрту; при этом она уронила из рук ящик со стрелой. Конь сломал ящик и убежал со стрелой во рту. Конь Нойена сломал столб Арсалана и принес пилу во рту.“

Когда оба коня одновременно приблизились к своим господам, то каждый из них захотел быть первым; конь Арсалана ударил коня Нойена задней ногой, причем смертоносная пила выпала из его рта; конь Арсалана схватил ее и проглотил и таким образом пришел со стрелой к своему господину. Этой стрелой Арсалан Бакши убил Караткакана Нойена, вошел в город Нойена, взял сперва свою жену, а потом и жен Нойена, его слуг и стада и стал жить в большой славе.

Г. Гут

ТУНГУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

Введение

О трудностях лингвистических занятий с тунгусами

Первой причиной поездки к тунгусам на Енисей, предпринятой мною летом 1897 года при содействии Академии Наук и Археологической комиссии в С.-Петербурге, были мои занятия с одной надписью¹ некогда столь знаменитого и для истории Восточной Азии столь значительного тунгусского народа юченей или нойчжей, который во время наивысшего расцвета и развития своего могущества (1125—1231 гг. нашей эры) простирал свою власть над всей Манчжурией, Монголией и северной половиной Китая. Разбор этого текста привел к весьма существенным результатам: к частичной его расшифровке и к сознанию, что для более полного или по меньшей мере исчерпывающего разъяснения этого документа, как и немногих до сих пор мало известных юченских текстов², необходимо восстановление исчезнувшего юченского языка. Но для этого, как и для объяснения сохранившихся в китайских источниках более или менее полных списков слов этого языка³, нужно знать не только манчжурский, как раньше думали⁴, но и собственно тунгусские в более узком смысле наречия⁵. Так как большинство из этих наречий известно далеко не достаточно или совсем неизвестно, то я и решил изучить наречия различных тунгусских народностей и в связи с этим предпринял изучение их исторических памятников и их этнологического значения в Азии.

В конце мая 1897 года я начал свое путешествие из Москвы через Пермь, Тюмень, Тобольск и Томск и 16 июня достиг Красноярска. Отсюда я направился к кочующим на золотых

* Перевод из „Известий Академии Наук“, т. XV, № 3, СПб. 1901. В квадратных скобках даются уточнения Г. М. Василевич. *Ред.*

приисках между Ангарой и Средней Тунгуской тунгусам, язык которых был до сих пор почти совсем не изучен. С этой целью я поехал по Енисею до устья реки Ангары; затем по Ангаре на восток, до деревни Рыбное, начального пункта южно-енисейских золотых приисков. Я начал путешествие по этой области 27 июня, проехал ее всю с юга на север и лишь после продолжительных бесплодных поисков, 9 июля я нашел первых тунгусов на золотых приисках близ реки Пит (правого притока Енисея), образующей северную границу этой области.

Я тотчас же начал свои исследования языка, но должен был сразу же, как и в дальнейшем, при столкновении с другими тунгусами этой области, убедиться, что занятия с ними для изучения языка представляют затруднения, которых я и мои ученые советники в С.-Петербурге не могли предугадать. Так как эти затруднения по большей части зависят от особенностей тунгусов, отличающих их от большинства прочих сибирских народов; то мне кажется очень важным их описание в интересах будущих исследований этого народа.

Мои старания были направлены к тому, чтобы получить какого-нибудь тунгуса Енисейской области постоянным проводником и учителем языка, чтобы с ним можно было отправиться к другим тунгусским племенам на верхнем Амуре.

Так достиг бы я дальнейшей цели своего путешествия и одновременно использовал бы промежуточное свободное время для научных целей. Я сделал все, чтобы найти между тунгусами Енисея спутника, который согласился бы следовать за мною. Я делал подарки, давал обещания, предлагал большое вознаграждение, но ничего не помогало. То они говорили, что они не могут жить без леса и покинуть жену и ребенка, что от тоски по ним они не выдержат; то указывали на то, что за время их отсутствия их олени погибнут от недостатка нужного ухода и их юрты и прочее имущество придет в упадок; то высказывали они свою боязнь заразиться болезнями, свирепствовавшими по деревням, главным образом оспой, — к сожалению, очень обоснованное опасение. К этому присоединяется почти невероятное отвращение тунгусов ко всякому другому занятию, кроме привычной им охоты и рыбной ловли и приготовления необходимых для этого орудий и инструментов, и меновой торговли. Даже если тунгус имеет много свободного времени, он предпочитает празднично провести его в своей юрте, чем делать что-нибудь ему непривычное, и особенно поступить к кому-нибудь на службу.

В конце концов мне удалось добиться согласия отдельных тунгусов провести со мной некоторое время в палатках на соседних золотых приисках, владельцы которых находились с ними в постоянных сношениях и были им хорошо знакомы, и там учить меня их языку. Один тунгус заключил со мной даже настоящий договор, который составил и подписал от его имени владелец приисков, на которых мы жили. Но хотя этот договор обязывал его, по крайней мере, на двадцатидневное пребывание со мной, он меня покинул через три дня. Другой, мой первый учитель, объявил мне сразу, что он останется со мной только несколько дней, а один старый тунгус выдержал только один день. Когда я с ним ласково раскланялся при его следующем посещении приисков, на которых я остановился, и предложил вознаграждение за некоторые сообщенные им этнологические сведения, он мне сказал: „Сегодня ты ласков и любезен, но недавно, когда ты мучил меня своими расспросами и мы с тобой поспорили, я был близок к тому, чтобы тебя побить“. Этот ответ указывает на отличительную черту дикости, которая проявляется в характере тунгусов, когда они считают себя оскорбленными, и так резко не согласуется с их обыкновенно спокойным и миролюбивым нравом; эта черта ясно указывает на самое большое затруднение, с которым вообще связано изучение языка у полудиких народов. Так как тунгусы никогда не получали самого элементарного обучения и не владеют письмом, их ум не делал ни малейшей попытки к достижению отвлеченных форм речи.

И вдруг я пришел и требовал от этих бедных, необученных голов размышлений относительно богатства форм их языка. Разве не было совершенно естественно, что при моих расспросах, особенно вначале, мне приходилось бороться с самыми большими затруднениями и что мои тунгусские учителя при моих настойчивых вопросах и изысканиях теряли в конце концов терпение. Принимая во внимание, что они только на несколько дней были в моем распоряжении, я старался в это короткое время установить происхождение возможно большего числа форм и слов их языка и прибег к методу расспросов посредством русского языка (в большей или меньшей степени знакомого и моим учителям); этот способ обычно и применяется исследователями сибирских языков. Научно он менее ценен, чем естественный способ практического изучения языка, который затруднительнее и требует больше времени, но дает гораздо большие результаты и открывает исследователю самые трудные формы языка. С другой стороны первый метод доставил мне ценные сведения об умственных склонностях моих тунгусских друзей, которых я был бы лишен при применении второго способа.

Сказанное можно пояснить примером.

Так как мои тунгусские учителя не имели ни малейшего понятия и, как выше показано, не могли знать, что меня интересуют формы языка, то они переводили мои русские вопросы не на свой язык, а отвечали на их содержание так, как этого требовало в данный момент положение вещей. Так, например, когда я говорил: „ты куришь“ и прибавлял: „скажи это на твоём родном языке“, мой учитель отвечал по-тунгуски (как будто это относилось к разговору), если он случайно курил: „я курю“, если он не курил: „я не курю совсем“. Если я хотел узнать третье лицо единственного числа, например: „он курит“, то, чтобы сделать это понятным моему учителю, так как он не видел никакого третьего присутствующего, кроме нас двоих, я должен был прибавить: „он, наш хозяин, Дмитрий Дмитриевич“ и одновременно показать пальцем на дом, перед которым мы сидели. Мой тунгус отвечал по-русски: „Как я могу знать, курит он или нет сейчас? Его и дома нет!“

К только что описанным трудностям изучения языка присоединялась еще одна, совсем другого рода. Она происходила от громадной жадности тунгусов к водке, с которой они познакоми-

лись через русских золотопромышленников, рабочих и торговцев. Без предварительного обещания водки нельзя было побудить ни одного тунгуса согласиться на самые незначительные занятия в целях изучения языка. И если они начинались, то мои тунгусские учителя их прерывали несчетное число раз требованиями „стаканчика водки“, которые я, смотря по обстоятельствам, то должен был отклонить (особенно вначале, чтобы отучить мешать, но главным образом чтобы сохранить его трезвым), то исполнить, чтобы он остался услужливым при моих дальнейших занятиях. О том, как мешали мне и затрудняли мою работу эти беспрестанные прерывания, эти вечные отказы, успокаивания и обещания, мне не приходится и говорить.

После всего, что я сообщил, понятно, что тунгусы находили мои занятия с ними, особенно вначале, в высшей степени для себя тягостными и утомительными. Поэтому было вполне естественно, что они на все мои просьбы дать образцы песен, изречений, сказок и рассказов вначале упорно отрицали существование таковых, а затем объявляли, что хотя раньше и существовали у них песни и сказки, но они их забыли. Если я обращаюсь к старикам, то они отсылали меня к молодежи: те должны знать сказки, потому что их память не ослаблена употреблением водки, как у стариков. Если я обращался с моими просьбами к юношам, то эти говорили опять, что им сказки рассказывали старики, потому они их должны знать и, кроме того, у них лучше память, чем у молодых людей. Я постоянно слышал только одну коротенькую песню, которая, по утверждению золотопромышленников, переведена с русского, и вторую, состоящую из очень немногих слов. Это все, чего я мог от них добиться.

Сперва я думал, что они вследствие заметного и в других областях вырождения как бы окончательно забыли произведения своей национальной литературы, тем более что в старых русских произведениях, в которых описываются енисейские тунгусы, отрицается существование у них собственной народной литературы⁶.

Но отрицательные результаты моих старательных исследований в этом направлении ни в коем случае не могут считаться окончательными. Вследствие вышеописанных затруднений и препятствий, которые встретились мне при попытке изучения языка у тунгусов на золотых приисках, я решился на совместную жизнь с ними в юртах. Здесь мне удалось основательно подвинуть мои исследования именно относительно народной литературы. Вероятно, побужденные чувством большего доверия ко мне, вследствие моей совместной жизни с ними, тунгусы стали рассказывать мне сказки и т. п. После того как первое затруднение было устранено, мне удалось дружеским и внимательным обращением, подарками и обещаниями водки, выпить у них произведения их народной литературы, но особенно старики среди моих рассказчиков не переставали меня уверять, что непривычно медленное рассказывание и диктование особенно более длинных рассказов для них чрезвычайно затруднительно. Большинство из них только с большим трудом и после долгих уговоров и споров соглашалось дать к своим тунгусским рассказам хотя бы частичный русский перевод или, по крайней мере, приблизительное изложение, описание или объяснение их содержания.

Когда обстоятельства принудили меня снова перенести мою деятельность на золотые прииски, то мои отношения с тунгусами, мое знакомство с особенностями их характера и мое знание их языка и литературного творчества были уже так значительны, что возвращение к старым, неблагоприятным условиям работы не могло серьезно повлиять на результаты моих исследований.

Таким образом удалось мне установить большую часть запаса слов и форм енисейско-тунгусского диалекта и записать довольно значительное число песен, сказок, шаманских изречений и заклинаний и даже отрывки древнего эпоса — старинных преданий, изложенных на таком древнем языке, что и сами тунгусы понимали его с большим трудом, а иногда и совсем не понимали.

В частности ценность полученного мною материала состоит в первую очередь в том, что он, насколько это нам известно, отличается от материала других тунгусских диалектов, а также и в том, что он дает нам возможность через сравнение форм, известных на других диалектах, главным образом форм глагола, установить их образование, происхождение и значение и вместе с тем получить понятие о лежащих в их основе общетунгусских воззрениях и умственных способностях.

Установленный мною запас слов отличается богатством и разнообразием содержания и особенно достоин внимания потому, что в нем есть выражение целого ряда понятий, которые или совсем не находят выражения или лишь приблизительно выражены в известных до сих пор чрезвычайно ограниченных записях тунгусских диалектов. Таким образом мои записи представляют существенное обогащение наших знаний по тунгусским наречиям вообще.

Что касается упомянутых образцов, то они особенно ценны как подлинные документы, вскрывающие дух языка, как основа для исследования построения предложений и периодов и многочисленных других относящихся к области синтаксиса лингвистических явлений, отчасти также и для знания древних форм, особенно важных для сравнительного языкознания и истории языка. Эти произведения тунгусской народной литературы имеют выдающееся значение и по содержанию, как благодаря указаниям на нравы и воззрения тунгусов и на разнобразные стороны шаманского культа, так и благодаря сведениям об упомянутых важных событиях из истории этого народа.

Для пояснения сказанного и, главное, чтобы ознакомить с характером и разнообразием тунгусской народной литературы, целесообразно привести некоторые произведения из моего сборника, составленного во время путешествия, и присоединить к каждому из них некоторые замечания, относящиеся к форме и содержанию. Точное исследование этих литературных образцов, особенно со стороны языка, завело бы нас слишком далеко, поэтому я оставляю его для более обширного издания.

Образцы енисейско-тунгусской речи *

1. Колыбельная песнь

(Сообщено мной последним тунгусским учителем, Тимофеем Ефимовичем Прокопием из „третьего Куркагирского рода“; записано в деревне Каменское Пинчугской волости на Ангаре).

a-bā, a-bā!	А-ба, а-ба!
niṗan hūjun huikutkan	Он, (мой) маленький, (он, моя) малютка [очень маленький],
tiṗiwa balduṣan.	(Только) вчера у меня родился.
niṗan aṗan soḡogo,	Плакать он не смеет (не станет),
niṗan bāldimakta!	Он (мой) новорожденный!

Что касается содержания этой колыбельной песни, то нам кажется странным холодное обращение матери к ребенку в третьем лице вместо нежного обращения на „ты“, которое нам кажется единственно естественным, как выражение сердечного отношения матери к новорожденному, как раз здесь, когда мы должны представить себе ее занятой ребенком. Во всяком случае не исключена возможность, что употребление третьего лица (так же как у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер.

2. Сбившаяся с пути истинного девушка

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

asaikan amaski girkurān hurkokon bakaldiren.

əntiilin həḡkəcillə huttuwur:
„surūkūl niṗandun! bakaldinne.

surūkūl! anāḡem.
ətam əde ḡaḡera,
əkin bakaldinne.
ətām sindu əjesta büre,
kogda maṗanakan maṗni būnne.
əkirda okəl iceulle əhilə mindūla hinne,
eret sinne anāḡam;

ahile sinne əkəl iceullā mindulā!

tāritta surūkūl ahillā!
„ahatkar, ḡarūkan əḡestere maḡur halḡepkānes,

oḡinne, aminne, əkinne!
urkat halḡerrep,
ḡəkdərsenne urkatpa“.

Девушка ушла на сторону, чтобы жить у юноши.
[Девушка обратно ушла, юношу встретила].
Родители стали бранить свое дитя:

„Иди к нему, ты же хочешь (у него) жить! [ты встретила]

Иди, я отрекаюсь от тебя, [иди, отталкиваю].
Ничего не получу я (как выкуп за тебя),
Когда ты выйдешь замуж [когда встретишься].
Ничего не дам я тебе (в приданое),
Так как [когда] ты сама себя отдала.
Никогда не показывайся мне на глаза,
Отсюда (из моего дома) я тебя выгоняю [отталкиваю].

Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне],

Поэтому уходи прочь сейчас!⁴
„Девушки! Со всякой виной, которую вы на себя берете, срамите вы себя,

А также мать, отца и брата!
Мы все стыдимся,
Нас всех ты опечалила“.

Этот образец сообщен мне моим учителем без обозначения его литературной формы; вполне возможно, что мы имеем здесь дело со стихами, так как на основе бессмысленного расчленения без особого труда можно разделить текст на четыре строфы, из которых каждая состоит из четырех связанных между собой аллитерацией строчек.

Что аллитерация начальных слогов или начальных звуков, соединенных в одну строфу строчек, играет в стихах тунгусских народов важную роль, но не такую существенную, как в народной и художественной поэзии монгольских племен⁷, доказываются приведенными Ивановским в манчжурской хрестоматии (часть II, С.-Петербург, 1895, стр. 189—192) манчжурскими песнями (по Радловским записям) из Илийской области и одой об императоре Цзян-Луэ во славу города Мукдена в книге Harlez „Manuel de la langue mandchoue“ (Paris, 1884, pp. 134—137); далее, в гольдском — песней, сообщенной Протодиаконным в книге „Песни, предания и сказки уссурийских гольдов“ (подлинный текст в русском переводе находится в Записках Общества по изучению Амурского края⁸ (том V, выпуск I, Владивосток, 1896, стр. 6).

Строфа 1-я указывает, что с одной стороны стихи 1-й и 2-й и стихи 3-й и 4-й с другой стороны попарно связаны аллитерацией — прием, которому мы находим соответствие в манчжурской⁹ и монгольской¹⁰ поэзии.

2-я¹¹, 3-я и 4-я строфы указывают каждая на нарушение аллитерации в начале 4-го стиха — явление, имеющее параллели и в стихах манчжурских¹² и монгольских племен¹³, в поэзии которых неправильности выступают то в 4-м, то в других стихах. Тунгусское стихосложение совпадает с манчжурским¹⁴ и монгольским¹⁵ еще и в том, что аллитерироваться могут самые различные гласные.

* Ряд знаков работы д-ра Гута заменен знаками транскрипции, принятой в данном сборнике, а именно: у Гута: ā, č, у, ü, č, ñ, ñ, ö, š ž, здесь: а, с, j, ц, i, q, п, э, š, t. В прямых скобках добавлен дословный перевод, данный составителем. *Ред.*

В этих стихах на ряду с аллитерацией в строках стихов выступает второй метрически-ритмический принцип: parallelismus membrorum. В 1-й строфе первая часть 3-го стиха находится в соответствии с первой половиной 4-го стиха. В 4-й строфе приведены в соответствие между собой стихи 1-й и 3-й через употребление одного и того же глагольного корня. Наиболее совершенно и отчетливо проведена параллель в строфах 2-й и 3-й, в которых 1-й и 3-й стихи и 2-й и 4-й по смыслу параллельны, причем соответствующие части характеризуются то подобием, то противоположностью содержания. В 3-й строфе очень ясно сопоставлены сходные по содержанию строки, в которых употреблен тот же самый словесный материал, хотя и в другом порядке.

Что касается формы стиха, то необходимо заметить следующее: хотя в введении говорится о родителях девушки, большая часть брачной речи вложена в уста одного лица, именно отца девушки. Также в начале и середине заключительной строфы происходит смена говорящих лиц.

Эта бросающаяся в глаза и достойная внимания, как часто встречающаяся, замена найдет себе объяснение при разборе третьей песни, которая даст мне возможность к этому вернуться.

Содержание этого стихотворения, позволяет нам установить следующие этнографические данные из жизни тунгусов Енисея:

- 1) что при венчании непорочной девушки отец последней получает калым от жениха;
- 2) что он с своей стороны дает дочери приданое;
- 3) что при венчании порочной девушки калыма не дают;
- 4) что в таком случае невеста не получает приданого;
- 5) что, хотя в негодовании родителей по поводу увода их дочери и играют роль и стыд и горе, причиненные ею себе и всей семье, главным мотивом негодования все же следует считать материальные убытки от потери калыма.

Для первого приведенного факта — выплата калыма у различных тунгусских племен — мы имеем много¹⁶ доказательств; для второго — выдача невесте более или менее богатого приданого — имеются тоже достаточные подтверждения¹⁷, приведение которых завело бы нас слишком далеко; поэтому я и оставляю для более обширного издания. Они подтверждают существование этого обряда у различных тунгусских племен.

Третий момент — случай лишения калыма, если девушка порочна. Я считаю себя в праве сделать заключение о существовании этого обычая из первой части второй строфы; слова во второй строчке стихов „если ты повенчаешься“ дают указание на возможность законного венчания с возлюбленным или с другим человеком, который пожелает признать ее законной женой. На это же указывают слова *akin bakaldinne*, имеющие значение „так как ты вступаешь в связь с возлюбленным“, — толкование, которое эти слова вполне допускают. По указанию моего тунгусского учителя, их надо объяснить именно в последнем смысле, и к предыдущим словам: „ничего я не получу (первая строчка моего разделения текста) прибавить: „никакого калыма от будущего жениха“.

Четвертый момент — лишение невесты приданого, если она порочна. Нельзя сказать, указывают ли слова: „ничего я тебе не дам“ на общепринятый в таких случаях обычай или они выражают только намерение одного говорящего и представляют наказание за проступок данной девушки.

Мне не удалось найти ни у кого из других путешественников никаких сведений по третьему¹⁸ и четвертому пунктам; только у Латкина (Енисейская губерния, С.-Петербург, 1892, стр. 729) находим указание, что у енисейских тунгусов за порочную девушку уплачивается меньший калым.

Наконец пятый и последний момент — перевес недовольства из-за потери калыма над чувством стыда — кажется мне главным выводом из этой песни и имеет существенное значение как подлинное свидетельство о взглядах енисейских тунгусов. (Здесь мы имеем одновременно ценный документ для изучения наивных нравственных понятий вообще у всех примитивных народов).

Интересно отметить, что наряду с воззрениями, высказываемыми в этой песне, отсутствует то, о чем говорит Гикиш¹⁹, ссылаясь на указания Георга²⁰, именно: об обычае у байкальских тунгусов принуждать соблазнителя девушки вступить в законную связь, заставляя его даже побоями; иногда бывали даже случаи убийства виновного родственниками девушки. Вот как говорит Гикиш: „Эта строгость вызвана не моральным негодованием, но единственно материальным ущербом, в виду потери калыма“. Это замечание не обосновано никакими данными, заключение — лично Гикиша, которое он сделал, основываясь только на существовании обряда выкупа невесты. Если же мы рассмотрим изложенное Георга в подлиннике, то дело представляется в другом виде. Там значится (часть I, стр. 273) дословно: „Блуд наказывается только у мужчин. Отец девушки может взять из имущества любовника столько, сколько он захочет. И если любовник не желает жениться, то это желание вызывают побоями. Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой“. Из этого изложения ясно, что у байкальских тунгусов в случае увода или соблазна девушки выкуп за невесту не отпадает, а его величина зависит от отца невесты, который может распространить свои требования на те или иные владения жениха. Тем самым отпадает материальное основание для негодования за нанесенный девушке позор и остается только моральное основание. По представлению Георга, для объяснения поведения родителей у байкальских тунгусов приходится принять только моральный мотив, так как вопрос о калыме отпадает. Из его слов ясно, что главной целью является восстановление чести девушки посредством замужества, и только в случае отказа жениха прибегают к принудительным мерам. Нет и речи о ненужной строгости, которую можно было бы объяснить как проявление гнева за неуважение материальных эгоистических интересов. Что касается происходящих иногда убийств (стрелой) любовника родственниками девушки, то это указывает на остаток древнего обычая кровавой мести. Увод девушки у тунгусов Байкала еще в древние времена рассматривался как кровное преступление против чести всей семьи.

Таким образом окажется, что в последствиях, вытекающих из соблазнения девушки, существует заметная разница между обычаями байкальских и енисейских тунгусов, но это только если не признать, что обрисованное Георги положение вещей имеет место только тогда, когда речь идет об уходе или соблазне девушки против ее воли. В противном случае, если это происходит при ее согласии, соблазнитель освобождается от уплаты калыма (как это предполагает Гикиш, (ср. прим. 18). Если согласиться с этим предположением, то обычай байкальских тунгусов сходится с затронутым в нашей песне „уходом“ у енисейских тунгусов, так как в этом случае, который говорит о потере калыма, речь идет, как это ясно вытекает из стихотворения, о полном согласии между девушкой и ее любовником. Если же это предположение не может быть подтверждено, то нужно констатировать разницу в обычаях обоих тунгусских племен. Этим наша работа усложнилась бы: 1) надо было бы найти аналогичные различия между этими племенами в других обрядах, в быте, представлениях и т. д., или установить их отсутствие; 2) исследовать, какое значение имело для образования этих различий соседство с одной стороны бурят, с другой—остяков, самоедов и особенно якутов.

3. Жалобная песнь осиротевшей девушки (Старая песнь, переданная Тимофеем Прокопием)

„ikačewat, ikačewat! araköčep!“

irpatkändewi soqočonon:
əntilwä əntilduwi haqəčepnäm,
irnamuktaw oktirrän.
ähilä indawida arnam ačəwəčire!

лэпникəрдүwi суңуңуңnum.

əрnam ақем қулашки!

amäka, yənəpkəl ačamalä awunkilä!

tikin ähilä əmukun [ostälen]²¹,
ačaqakän ödan!²²
hukutəmnun ačewükünən,
vikti wodotəčəm aңkarwal қулашки!

ähilä ahim säre wädačəwi!

„Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!“
(пожалуемся)

О всех своих плачу я:
Оплакиваю своего отца и мать,
Теките мои слезы [слеза скатилась].

Я не хочу и не могу дольше жить [теперь я свою
жизнь не люблю]!
(И) моих братьев оплакиваю я [о весне—юности
своей плачу].

И все-таки я должна дальше работать и творить!
[не могу спать дальше]

О боже, направь меня к хорошим людям [эвен-
кам]!

Теперь я осталась совсем одна,
Осталась одинокой [сирота стала].

И чтобы только насытить тело [живот],
Должны быть направлены мои помыслы отныне
и навсегда. [Поживу-ка, буду жить как-ни-
будь дальше].

Я не знаю больше ничего (на свете), о чем я
могла бы думать (и заботиться) [теперь не знаю
жизнь свою]!

В этом стихотворении, которое мой учитель называет древней песней, я решил самостоятельно произвести разделение стихов по содержанию. Аллитерация начала стихов встречается только в 1-й строфе, которая, как и 3-я, состоит из пяти строк, между тем как 2-я состоит только из трех строк. В этой песне встречается и аллитерация внутри стихов, хотя во 2-й и 3-й строфах она и не особенно четко выражена (ср. стр. 16, отрывок из песни о герое Марэвуле). Доказательством того, что эта хорошо знакомая нам из древне-немецкой и северной поэзии форма стихов встречается и в области монгольской литературы, могут служить сообщенные Гальсаном Гомбоевым у Castrén-Schiefner, Burjätische Grammatik (С.-Петербург, 1857, стр. 228—233) „60 бурятских загадок“ и приведенные Банзаровым известные молитвы шаманов (там же, стр. 234—239). Кроме того, в этих образцах встречаются отдельные с намерением подобранные полные рифмы в нашем смысле слова, расположенные рядом с основной рифмой (Stabreim).

Относительно формы важно заметить следующее: слова вступительных строк: „Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!“ заставляют предположить, что вступительные слова поются хором. Жалобная же песнь, в которой представлено говорящим только одно лицо, исполняется одним голосом. Можно предположить, что это поэтическое произведение составляет часть большего (может быть, эпического) целого, в котором в предшествующей части песни рассказывается в кратком виде о смерти родителей и братьев девушки и в котором она сама изображена как определенная историческая или сказочная личность, хор же изображен состоящим из окружающих ее лиц—ее подруг и сверстниц. Как бы то ни было, во вступительных словах этой песни имеется ясное указание на существование хора, весь же остальной текст исполняется солистом. Это дает возможность объяснить указанное явление в песне о „сбившейся с пути истинного девушке“, где тоже встречается замена множественного числа единственным.

Если же действительно существует предполагаемая мною аналогия между обоими случаями, то можно допустить, что переход от родителей (в введении этой песни) к одному лицу (изображенному говорящим в главной ее части), под которым, очевидно, можно предположить отца девушки, имеет основание в распределении ролей между хором и соло.

Особенно интересно, что в песне об обольщенной девушке заключительная строфа опять переходит к хору, который следует представить себе состоящим из двух частей: одна часть исполняет повествовательные, объективные составные части стихотворения, как первая часть заключительной строфы и первая (вводная) часть вступительной строфы только что упомянутого

стихотворения, в то время как другая часть хора исполняет те части, в которых действует группа лиц (родственники или друзья), лично заинтересованных в судьбе главного лица (сольный голос), например, вторая часть заключительной строфы той же песни и первая строка в первой строфе „Жалобная песнь осиротевшей девушки“.

4. Орывок из песни о герое Марэвуле

(Старое предание, сообщенное Тимофеем Прокопием)

Жена Марэвула сказала *:

Marāwul, āwa gucaṣ?
sakarwe koḡakti,
ḡure dawahlul doldijem.

Марэвул, что ты сказал?
Мои уши далеко слышат [ушами своими знои],
Через два хребта гор слышу я.

Марэвул ответил:

deghinḡe wakṣaḡdam tadu ḡoldecelḡem.

На подмостках на четырех столбах нахожусь я,
там меня можно услышать [улечу, столбы (для
лабаза) сделаю, там услышу].

wakṣalwaw Boietil kāḡillie.

Столбы моих подмостков обглодали самоеды [Мои
столбы людоеды грызть начали].

arim, arim; ḡhinne doldire?
ḡemūḡere minne!
lamoiem rakakindu kākdemat kākilla!
[lāmē ojomrakakindu gegdumātākāilla]

Я зову, я зову; разве ты меня не слышишь?
Они хотят меня съесть!
На середине озера кусают они меня зубами [над
серединой моря начали соревноваться].

Жена Марэвула возразила:

ḡdu oḡer temaniḡduli?

Здесь должны мы жить на свете [что будем здесь
делать до утра]?

mina wārekti, saḡanilḡenne.

Меня они убьют, ты будешь плакать [когда убьют
меня, заплачешь].

hucākārtū doḡotowḡire;
si oḡpan oḡenne?

Твои детки умрут [дети наши замерзнут].
Должен ли ты один остаться жить? [ты как-ни-
будь сделай].

ḡtan temani oḡenne.

Нет, ты не останешься жить на свете [утро еще
не станет].

si da wūḡenne.

Ты тоже умрешь.

Этот текст был мне передан Тимофеем Прокопием как древнее предание, но не как стихотворение. Я же все-таки думаю, что мы имеем дело со стихотворением, за это говорит эпическимифологическое содержание и еще более, чем в предыдущей песне, выступающая аллитерация внутри стихов. Поэтому я предпринял деление стихов по их содержанию: так, мне кажется, что существуют три строфы: в 3 строки, в 5 или 6 строк и в 6 строк.

О содержании отрывка и герое Марэвуле мой тунгусский учитель сказал мне следующее: Марэвул кричал на скале, его жена слышала его: так громко он кричал. Он имел крылья и полетел; она слышала его издали (очевидно, надо дополнить: приближающихся, идущим домой). Он спрятался на высоких подмостках (похожих на те, на которые тунгусы кладут своих покойников) от самоедов (людоедов), потому что они, как показывает их русское имя, друг друга поедают²³ (очевидно, надо дополнить: и угрожали его съесть).

Если пополнить эти отрывки стихотворения по указаниям моего учителя, то обнаруживается замечательный факт, что мы имеем дело с рассказом о герое, который в измененном виде встречается и у другого тунгусского племени, а именно у гольдес на р. Усури, в настоящий момент по пространству очень отдаленного от тунгусов Енисея члена тунгусского народа.

У Протодрваконова (1 ч., стр. 1—6) мы находим рассказ о великом герое по имени Могаккли, о котором нам сообщается следующее²⁴: Он „обошел в один день гору Кхиккиг (около 100 верст). Теперь, после обхода, он отдыхает на Мии-Кхонко (горный хребет у с. Воронезского) и икает. Его жена вышла в это время (в лес) за дровами и услышала, как ее муж икает (на расстоянии 10 верст). Она принесла дрова домой и вышла вгорично; в это время пришел ее муж. Она его спросила: „Где ты икал?“ Он ответил: „Я икал на склоне воронезского хребта“. Его жена ответила: „Удивительно! Как скоро ты отсюда пришел?“ [Он возразил:] „Какое же это расстояние? Ясно, что возможно (так скоро сюда) вернуться!“ [На горе он убил медведя и (вместе) с братом ночью его съел. После того вернулись они обратно домой. Дома он отдыхал, ничего не делал“.

Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с той же самой мифической личностью, как и в древнем рассказе енисейских тунгусов. И сходство имен слишком велико, чтобы быть случайным. К этому же присоединяется еще и то обстоятельство, что оба имени, Марэвул и Магракху, произошли от одного глагольного корня, значение которого яснее всего характеризует героя — его громкий голос, его способность быть услышанным на большом расстоянии, происхо-

* Весь текст представляет собою слова жены Марэвула. Ред.

дящий от корня *moa* — „кричать“, этот корень сохранился в этой форме (со звучащим *m*) до сих пор только в голыдском²⁵, манчжурском²⁶ и ойротском²⁷ наречиях; может быть, и нерчинское — тунгусское *barkiġam* — я вою²⁸ относится сюда же.

О других подвигах героя Моракху и прежде всего о том, каким замечательным способом он убил свою мать и как потом он погиб сам, я расскажу на основании голыдских повествований в последующем моем более обширном труде.

5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

Шаман говорит духу болезни, который внедрился в члены больного:

akirwal āhīlā etekellē
 ērūmat dəkəfərə!
 doidicaṣʔ!

Никогда более [навсегда теперь кончайте]
 Не причиняй боли! [худое причиняете]
 Слышишь ты?! [слышите]

Здесь могут быть интересны некоторые сообщения моего тунгусского учителя о том, как шаман излечивает больные части тела, о процедурах его при лечении вообще и, наконец, о его положении как врача. Больное место на ноге, на руке и остальных частях тела шаман излечивает, накладывая дощечки по обе стороны больного места и затягивая их ремнями или веревками. Через два дня больное место наверняка должно быть излечено; резать же шаман не имеет права.

При церемониях лечения шаман зажигает свечи и молится христианскому богу или Иисусу Христу или Николаю-угоднику (милостивому Николе, который называется тоже Николаем-чудотворцем), одному из главных святых греческой церкви. Номинально теперь большая часть тунгусов крещена по православному обряду, но из сказанного ясно, как мало эта внешняя принадлежность к христианской вере отгеснила шаманизм. Характерно для их детских религиозных взглядов то, что шаман полученные от семьи пациента деньги кладет под стекло находящейся в юрте иконы, так что их можно видеть, и вешает эту икону при своих церемониях; при этом мой учитель заметил: „Шаман говорит очень умно, особенно, когда висит икона“. В вознаграждение за лечение шаман получает от каждого взрослого члена мужского пола семьи пациента пять рублей, или соболя, или оленя. У неимущих он отказывается от оплаты. Из своей выручки он дает каждому одинокому старцу, каждой одинокой старухе и каждому сиротевшему ребенку, состоящим в родстве с пациентом, по три рубля. Это проявление социальной заботливости со стороны шамана достойно большого внимания: оно обрисовывает деятельность и положение шамана в моральном отношении в более благоприятном свете, чем раньше.

6. Заклинание шамана против оспы

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

ṣuwancālmī piṣapmān piṅākāriṣe
 ipkaṭ toriṅkollo!

Схватите собак и с ними его (демона болезни)
 и убейте всех (собак)! [Если шаманить ему собаками,
 всех (их) убейте!]

Это требование убить всех собак в данной тунгусской орде и тем самым изгнать оспу имеет, по сообщению моего учителя, тот смысл, что духи убитых собак понесут болезнь обратно в деревню, из которой они пришли. Тунгусы думают, что оспа к ним заносилась, заносится и впредь будет заноситься из русских поселений.

Интересно сравнить с воззрениями, выраженными в этом заклинании, некоторые показания и выводы Bartels'a в его книге „Die Medicin der Naturvölker“ (Лейпциг, 1893). В 87-м отделе этой книги (стр. 194—196) автор говорит о ловле и задержании демона болезни у различных народов. Различные предметы употребляются для вызова и задержания демона: ветки и листья, зерно перца, куклы и человеческие фигурки из пальмовых листьев. Эти предметы затем выносятся и выбрасываются или уничтожаются и тем самым приготавливается конец существованию демона болезни. В этом случае, продолжает Bartels, демон болезни заключен в фигуру человека, иногда же встречается, что для этой цели ставится фигура зверя. Это бывает тогда, когда и злого духа, который причиняет болезнь, представляют себе в образе зверя (многочисленные примеры приведены Bartels'ом, стр. 21—23). На Танембаре и Тиморландских островах старые женщины пытаются лечить эпилепсию, которая, по мнению жителей этих островов, вызывается птицей, сидящей в больном. Для этого они изготовляют изображение птицы. Вечером они приносят в жертву рис и куру и после этого стреляют в изображение (стрелами). И у индейцев-дакота очень часто стараются объяснить болезнь тем, что дух зверя или, лучше сказать, дух в образе зверя, проник в тело пациента. Тогда врач изготовляет из коры дерева изображение этого зверя и ставит его перед хижинкой больного в сосуд, в котором красная земля смешана с водой. Два или три индейца стоят с заряженными ружьями наготове. Как только врач подает им сигнал, они стреляют в зверя, изготовленного из коры, чтобы его уничтожить. Если найдутся еще какие-нибудь остатки от изображения зверя, в которого стреляли, то их старательно сжигают. Если это не исцеляет больного, то предельвается подобная же церемония²⁹, но вырезают уже другого зверя и опять стреляют в него.

В только что приведенных примерах говорится вообще о заключении демона болезни в изображение какого-нибудь зверя, а не в живом звере, как в приведенном нами заклинании тунгусского шамана. Мы наверно не ошибемся, если предположим, что требование, выраженное в последнем, представляет более древнюю ступень развития по сравнению с первым обычаем замены

смерти самого приносимого в жертву зверя уничтожением его изображения. Вера в возможность вселения демона болезни в предмет или фигуру связана тесным образом с идеей умиловивления духов и исцеления больного посредством искупительной жертвы и развилась именно как следствие этой идеи. Этим объясняется, что мы в некоторых церемониях встречаем выражение обоих этих представлений (например, в вышеуказанном случае).

Это показывает нам, что во всех случаях, где церемония заклинания встречается сама по себе, мы усматриваем вторичное образование, в котором первоначальный смысл уже утерян. Правильность этого взгляда вытекает из соображения, что по наивному воззрению дикаря, для вызова демона из больного необходимо побуждающее средство, находящееся в предмете, в который надо заманить демона, с этого и надо начать церемонию лечения. Нельзя предположить, что при такой церемонии заклинания имеется в виду применение насилия по отношению к демону, так как примитивный человек боится демона. С другой стороны, тот же психологический аргумент принуждает нас принять, что более древняя ступень развития — умиловивляющие жертвы. Связывающим звеном между этими двумя стадиями и является одновременное проявление: с одной стороны — желания примирения, с другой — тенденции удержать явившегося съест умиловивляющую жертву демона и уничтожить его, одним словом, переход от способа укрощения или умиловивления к применению хитрости. Поводом к этому послужило то, что из экономических и частью моральных причин людей и животных при жертвах стали заменять их изображениями, а также ветками, листьями, плодами, а человеческие жертвы стали символически изображать, хотя и подлинными, но с незначительными повреждениями той или иной части тела кого-либо из родственников пациента. Так как надо было думать, что демон не будет доволен такими показными жертвоприношениями, то пустились на хитрость и жертву употребляли лишь для обмана, как приманку, чтобы с ее помощью поймать изгнанного из больного демона. Интересно заметить, что даже в довольно скудном материале, который по этому вопросу собрал Бартельс, мы находим примеры для каждой из вышеобозначенных трех ступеней развития.

Подробное доказательство я отложу до моего будущего более обширного труда, здесь же я хочу указать на то, что вышеприведенное тунгусское заклинание шамана представляет соединение обоих обсуждаемых воззрений, а поэтому и принадлежит ко второй стадии развития. Здесь мы ясно видим переход из первой стадии, так как здесь идет речь еще о настоящей, а не показной жертвоприношении, но при этом уже выражена и идея задержания. Мысль заманить демона через жертву, которая здесь состоит из убитых собак, не была высказана моим учителем, наверно для него и его соплеменников давно утрачен настоящий смысл этого заклинания шамана.

7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

ātan baldārā amakan, goroje biđen. sewunfeđir piṇanman.	Она не рожает [не станет рожать] так скоро, Начались родовые боли [долго уже]. Мы ее будем лечить изображением идола [пошаманим на нее].
nikəllə, nikəllə!	Лейте, лейте жертвенное питье! [свяжите, свяжите]
oropno tarutkəllə!	Убейте (принесите в жертву) оленя!

8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

ahilikalla tarāwa ahīwa (или: ahatkānna) ,piṇanmān ajāum adīwal bine ⁸ .	Женись на той женщине (девушке) [возьми в жены ту женщину]. „Я люблю ее [ее люблю] одну из всех женщин на свете [сколько-то будучи]“.
surūkulluo əntildulan onmal gūndire əntillin.	Пойди к ее родителям и Скажи это каким-нибудь образом им! [Что-либо скажут ее родители.]

П р и м е ч а н и я

¹ Надпись Jen-t'ai у Kai-fu fu в китайской провинции Хэ-нань; см. Devéria, в Revue de l'Extrême Orient, Paris, I, 1883 г., стр. 173—186, и мою краткую статью: Zur Entzifferung der Nüsi-Inscripit von Jen-t'ai в „Известиях Академии Наук“, СПб. 1896, декабрь, т. V, № 5, стр. 375—378.

² Юенско-монгольско-китайская надпись со скалы Тыр у устья Амура, см. об этом статью Васильева в „Изв. Акад. Наук“, СПб. 1896, апрель, т. IV, № 4, стр. 365—367, и Grube „Vorläufige Mitteilung über die bei Nikolajewsk am Amur aufgefundenen Jučen Inschriften“, Берлин, 2 дек. 1896 г. — Далее в более древних и сложных, еще совершенно не расшифрованных рукописях, Kinz ec, которые Wylie опубликовал по китайскому изданию в I. R. A. S. XVII (1860), стр. 331—345.

³ Из находящегося в китайской „Цинской истории“ списка 84 слов юеней Visdelou опубликован в Herbelot's Bibliothéque Orientale, вып. in 4°, la Haye, 1777—79, том IV (1779).

стр. 288 (перепечатано в Langlès „Alphabet mantchou“, 3 изд., Париж, 1807, стр. 38—39). Полный перечень сделал Klaproth, Asia Polyglotta, Париж, 1823, стр. 292—294, и после него Wylie в предисловии к своей книге „Translation of the Ts'ing wan k'e mung“, a Chinese grammar of the Manchu Tartare language, Шанхай, 1855, стр. LXXVI—LXXX. На это издание ссылается Harlez в своем сочинении „Niu-tchi et Mandchous“, Journal Asiatique, 1888, стр. 220—249. Из многоязычного словаря Hoa-i-i-you (см. Hirth в I. A. S. North China Branch, том XXII) Grube опубликовал 871 юченское слово (Die Sprache und Schrift der Jučen, Лейпциг 1896, также статья Grube в T'oung Pao, том V, стр. 334—340).

⁴ Правильно было определено отношение между юченями и манжурами, именно относительно их языка, в первую очередь Harlez на основании лингвистических и исторических исследований, см. только что упомянутое сочинение. В нем (стр. 248) автор делает вывод в следующих словах: Манжуры принадлежат к той же семье народов, как и нью-чжи, но они не являются их потомками и продолжателями их рода. Их язык находится в тесном родстве с языком нью-чжи. Тот и другой являются диалектами одного наречия, но диалектами разнородными, представляющими на ряду со сходством и большое различие.

⁵ См. приведенное мною выше сочинение, стр. 376, и заключительный абзац, стр. 377

⁶ Например, у Степанова „Енисейская губерния“, 2 части. СПб., 1835, II ч., стр. 76.

⁷ См. Позднеев, Образцы народной литературы различных монгольских племен, ч I, Народные песни монголов, С-Петербург, 1880, стр. 323.

⁸ Полное наименование сочинения: „Записки Общества изучения Амурского края, подотдела Амурской секции Русского Географического общества“.

⁹ См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфа 5; стр. 190, песнь 1, строфа 12; стр. 191, песнь 4, строфы 6 и 7.

¹⁰ Позднеев, стр. 326, в), а главным образом стр. 332, а).

¹¹ В строфе II неправильность наверно не древнего происхождения, так как вместо взятого из русского языка „когда“ в начале 7-ой строки, которое, очевидно, внесено моим тунгусским учителем, знающим русский язык, наверно стояло тунгусское слово, и очень возможно, что равнозначное с „когда“—*akin*. Подтверждается это тем, что мой учитель и в начале второй строки сперва говорил „когда“ вместо *kin* и заменил его тогда, когда я выразил свое удивление, что нашел русское слово в тунгусском тексте. Это доказывает, что у живущих в постоянных сношениях с русскими тунгусов внедрились русские слова так глубоко в язык и употребление, что тунгусы более не сознают их чуждого происхождения и употребляют их вместо первоначальных равнозначных—явление, которое я мог наблюдать в еще более замечательных случаях, а также в таких случаях, когда первоначальное слово молодому поколению тунгусов совсем не известно (забыто). Следующий пример вставления русских слов в тунгусский текст, даже совсем древнего происхождения, со стороны знающих русский язык тунгусов см. ниже, прим. 21.

¹² См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 1, 4 и 9; стр. 190, песнь 1, строфы 11 и 14; песнь 2, строфы 1 и 2; стр. 191, песнь 3, строфа 1; стр. 192, строфы 3 и 12.

¹³ См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 77, строфы 1 и 6; стр. 78, строфа 2; стр. 88, строфа 7; стр. 95, строфа 6; стр. 107, строфа 1; стр. 110, строфы 1, 2, 6, и т. д.

¹⁴ См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 2, 3, (5), 9; стр. 190, песнь 1, строфа (12), 14; стр. 192, строфа 13.

¹⁵ См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 64, строфа 4; стр. 66, строфа 1; стр. 77, строфы 3 и 6; стр. 78, строфы (1), 2 и т. д.

¹⁶ См. Brand, Neu vermehrte Reise-Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... 3 изд., Любек, 1734, стр. 99, Gmelin „Reise durch Sibirien“, ч. II, стр. 215 и 648, Геттинген, 1752; Georgi, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche J. 1772, (СПБ., 1775), стр. 264; Middendorf, Sibirische Reise, том IV, часть 2, изд. 3, стр. 1497—1499 (СПБ. 1875); Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, том III, изд. 3, стр. 658 (С.-Петербург, 1895); Латкин I, стр. 129.

¹⁷ Георги, I, стр. 264; Миддендорф, I, стр. 1497.

¹⁸ Когда Hiekisch („Die Tungusen“, С.-Петербург, 1879, стр. 91) в приведенном выше отрывке говорит о потере калыма вследствие увода, его приходится обвинить, если он имеет в виду описание байкальских тунгусов у Georgi (часть I, стр. 273), в недостаточно тщательной разработке материала, как это показывает приведенный далее подлинный текст из книги Georgi. Если же он (как это показывают слово „уход“ и указание на безнаказанность девушки) делает вывод о различии обычая при добровольном и недобровольном уходе, так что калым отпадает только в первом случае, то можно предположить, что он относит слова Georgi только ко второму случаю. Все-таки его замечание об утрате калыма остается неподтвержденным источниками.

¹⁹ Hiekisch, I.

²⁰ Георги, I.

²¹ Русское слово „ostalen“ должно быть правильно, так как в женском роде „ostalpä“, которое мой тунгусский учитель здесь вводит, как будто это принадлежит подлинному тексту и, очевидно, не сознавая его нетунгусского происхождения, является совершенно лишним, так как прибавляет к совершенно ясным словам: „так я совсем одна“ дополнение „осталась“. Поэтому придется заключить, что русское слово стоит не вместо ранее бывшего здесь равнозначного с ним слова, как это указано в примечании 11, но что мой тунгусский учитель сам его прибавил, не сознавая его непринадлежности к тексту, вследствие частых употреблений.

²² По смыслу вместо *bdan* — он стал, конечно, надо читать *bdam* — я стал.

²³ Русская народная этимология, происхождение названия „самоеды“ от русских корней *amo* — себя и *jed* — есть. О вероятности финского происхождения этого слова и его значения см. Fischer, *Sibirische Geschichte* (С. - Петербург, 1768², ч. I, Введение, стр. 118; Castrén, *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*, С. - Петербург, 1887, стр. 68.

²⁴ Я следую здесь русскому переводу, изд. Протодиаконовым.

²⁶ Н. С. von der Gabelentz, *Mandschu-Deutsches Wörterbuch*, Лейпциг 1864; *mura - mbi* — кричать, блять, оленя заманивать, также приведено у Грубе.

²⁷ Леонтович, Русско-ороченский словарь в Записках Общества изучения Амурского края, том V, часть 2 (Владивосток, 1896), стр. 80: муррай — кричать; приед-но также у Грубе, I; при этом Грубе дает новый корень из другого произведения на орочком языке.

²⁸ Castrén, *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre*, С. - Петербург, 1856, стр. 94-в, 104-в.

²⁹ Все не имеющие для моих выводов значения части этой церемонии я пропустил, чтобы не усложнять изложения.

Г. Гут

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВАРИАНТОВ ТУНГУССКИХ ПРЕДАНИЙ *

1. Kərəndə, Uqani

... (Uqani): „aqa, aqi, gūko, taqə-wəl-nun?“ — „uoka, taqə-wəl-nun?“ (Nəyan) tawicillān, nān dəgullān. Atirkān: „taqə-wəl-nun odān“. Uqani atirkānma anullān, dəgullān. Uqani Kərəndəwə galāktəllən, kušidāwal. Uqani atirkānma (nānyūktallān: „Kərəndə il gənəcān? ugigū-il, hərgūil?“ nānyūktallān ollān, mucūdirān Kərəndəwə. Uqani ištān, dəktənəbən la kucəqārā. (nānyūktallān. Kərəndə aqārān, asiwān Uqani (nānyūktallān: „idu dəktūnālīn Kərəndəniil?“ — „Ujilə lokucəqārā“. Irura təgullān dəktūnāl-wən. Kušidāwi, Uqani tawicillān Kərəndəwə. Kərəndə dəqullān Uqani fata ištān kušidāwi. Kərəndə: „dəbqəm əsikānān əkəl-kən, Uqani; əkəl-kən, dəbqāmkən, kušilləp ləmə uyūrikānkīndə“. Kərəndə gūnān: „dəbqām-kən, həkīwi təktəm-kən, əkəl-kən məyūnā Uqanūqani, si-dān əkūnma abamdānnā Uqanūqani hərgūšuk, hərgūšuk təgəndūlās okta. Haruni, haruni hərgūšuk, hərgūšuk. Kərəndə kušillən Uqaninun. Kərəndə Uqaniwə dəktənəwən aulicillən. Uqanīwalīn Kərəndəwə dəktəwān tıpatān auran. Kərəndə əjərān, b(i)radu, əjərān dəktənən aurgārān, albarān jušidāmi, lāmudu buddān. Uqani mucuhinān atirkəndulā. Kərəndəwə wārān, əjīrən b(i)radu, gūnān: Kərəndəwə wāmə“. Atirkān aqin taqārā: „Ši-kəqun wəqānnā, əšim taqāmātərə. „i-huwār wārakis, əšim taqāmātəkəkutə Nān aqindulān ištān, atirkəndulā. Atirkān kəttūrən...“

... Kərəndə Uqani dəgtūnəcā. Dəgtūnəllən bišə. Lāmudu kušillā. Kərəndəwə Uqani əjīrān, b(i)radu əjīrān. Nəyan buddān. B(i)raduk albara jučəmi. Nəyan bəjəlwə wəcān, dəpcān. Nəyan bəjəlwə ətədān dəbqāmi, Uqani Kərəndəwə wārān. „Si ətəkəl wəqāmi bəjəlwə Kəwəwə dəqūnma ənilā“. B(i)radu əjīrān. Nəyan b(i)raduk jučārān. dəpkunma tīrganil ištācān. Əi huləkən odān (Kərəndə həgdīpə bičān) Uqani mucuhinān, gūnān atirkāndu: „Bī Kərəndəwə wāmə“. Atirkān tārā aqin taqārā, gūnān; „siqārīkə kəttīrā wāmi...“ Atirkān amāwmurān. Kərəndə upkatpa dəptān. Atirkān sulacān. Kərəndəilmakta upkatpa dəptān. Uqani aqat surūrān, (Ət əduk nānə odān?) Atirkān Uqani bakārān, ilə ācin, ələ atirkān Uqanīwə igrīcān...

Корэндо, Уняны

... (Уняны): „Мама, мама, скажи, правильно ли (довольно ли)?“ — „Малыш, довольно ли?“ (Он) начал ковать (крылья), опять взлетел. Старуха: „Довольно стало“. Уняны старуху оставил, взлетел. Уняны Корэнду искать отправился, чтобы биться. Уняны старуху спросил: „Корэндо где шел (легал)? выше ли, пониже ли?“ Пошел, нагоняет Корэндо. Уняны дошел, крылья (Корэндо) висят. Спрашивает. Корэндо спит, жену его Корэндо спросил: „Где крылья Корэндо?“ — „Вверху висят“. Пришавши, укрепил крылья. Биться Уняны стал просить Корэндо. Корэндо начал есть. Уняны все еще просит биться. Корэндо: „Ем сейчас, подожди, Уняны, подожди, поем, биться начнем над самой серединой моря“. Корэндо сказал: „Ем, хорти наделаю, подожди... Уняны... ты-то что... Уняны пониже, пониже до посадки спущусь“. Головокружение, головокружение, пониже, пониже“. Корэндо стал биться с Уняны. Корэндо Уняны крыло ломать начал. Уняны Корэндо крыло двинул, сломал. Корэндо потонул в реке, утонул, крыло сломалось, не мог выйти, в море пропал. Уняны вернулся к старухе. Корэнду убил, утопил, сказал: „Корэнду убил“. Старуха не поверила: „Ты-то убьешь, не поверю. Если и убьешь ты, не поверю никак“. Опять к матери-старухе пришел. Старуха...

... Корэндо (и) Уняны полетели. Стали летать. На море начали биться. Корэнду Уняны утопил, в реке утопил. Он пропал. Из реки не мог выйти. Он людей убивал, ел. Чтобы он людей прекратил есть, Уняны Корэндо убил. Ты перестань людей убивать. Много съел теперь“. В реке утопил. Он из реки выскочил. Восемь дней жил. В это время уменьшился (Корэндо большой был). Уняны вернулся, сказал старухе: „Я Корэндо убил“. Старуха не поверила, сказала: „Мышей вероятно убил...“ Старуха... Корэндо все съел. Старуха осталась. Корэндо молодой все съел. Уняны хорошо ушел. (Чем же с тех пор стал?) Старуха Уняны нашла, людей нет. Только старуха Уняны воспитывала...

* Тексты д-ра Гута, из его полевых тетрадей, хранящихся в архиве Института востоковедения Академии Наук. Перевод сделан Г. М. Васильевич. *Ред.*

2. Cулугди

Cулугди иҥактаҕи, иктэлин суркамал, әрәктүн гиматра аһин урәрә.

„Амакә иһаһилә аҥукаҕинни?“ — „Талаһаја ајама шһни ҕакәри?“ — „Коктагда“. — „Нина-киннә әнә гәрби?“ — „Тинтанду гәрбим“. Угутаҕарән Коктагда „Коктаматак аҥам суларә, Тимтаматан аҥам суларә...“

...Тәгрәр шүлакә әмәрән аһиwa суwrән, һәркәрсәwә шуwrән. Дәмәтпәжә һәркәсәп: „Шүлакә әләс тинә аһиwa?“ — „Амака, би иркәкунә тинәм“.

Чулугды

Чулугды волосатый, зубы клыкасты, клюв не похож на гимат.

„Дедушка, бабками играешь (бабки перекатываешь)?“ — „...Хорошего твоего верхового оленя как имя?“ — „Коктагда (копытистый)“. — „Собаки как имя?“ — „Тинтанду называю“. Села верхом на копытистого. „Копытистого не оставлю. Тимтамду не оставлю“.

...Узнаем, лиса пришла, женщину освободила, привязанную отвязала. Медведь сказал: „Лиса, почему освободила женщину?“ — „Дед, я иркәкун освободила“.

В. Н. Васильев

ТУНГУССКИЕ ПРЕДАНИЯ 1

Помещаемые ниже тунгусские предания записаны мной в Туруханском крае в 1905 году на обратном пути из Хатангской экспедиции. По завершении ее главных задач и разделении состава экспедиции на две партии для следования в обратный путь мне пришлось ехать с начальником ее И. П. Толмачевым, направлявшимся на Олекминск на реке Лене. Часть этого пути между озерами Ессеем и Яконглой мы совершили с илимпийскими тунгусами. В пути, на ночлегах, в чуме у тунгусов я занимался записыванием тунгусских слов и фраз и собиранием этнографических сведений. При этом же мне были сообщены и предлагаемые предания. Главным рассказчиком был тунгусский князь Николай Харагир, по прозвищу Чунго, человек выдающийся по уму в своей среде. Только одно предание — „Умна“ — рассказано другим тунгусом. Оба мои рассказчика не говорили на якутском языке, которым я владею, почему приходилось пользоваться переводом тех, которые знали этот язык, записывая предания уже на русском языке у себя в чуме, непосредственно за рассказом. При этом я старался держаться возможно ближе его духа. Пять из этих преданий относятся исключительно к тунгусскому быту. Одно, озаглавленное мною „Юраки“, по словам самого рассказчика, позаимствовано от юраков на реке Енисее. Наконец, последнее — „Дыгын“ — представляет, повидимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованный от якутов и несколько видоизмененный. Все эти предания приводятся здесь без всяких изменений, как были записаны мною в то время, в предположении, что под свежим впечатлением они были воспроизведены с большим сохранением окolorита и что позднейшие поправки и переделки лишь отдалили бы их от духа рассказа.

1 Уриән и Молуна

Жил в старину витязь, по имени Уриән. Он был прекрасный охотник и неустрасимый боец. Не было зверя, которого он не мог бы догнать и убить; не было человека, который мог бы противостоят ему; всех он побеждал, лучше всех стрелял и был сильнее всех.

Далеко шла слава об удалом, непобедимом витязе Уриәне: все тунгусы о нем знали и слышали, всем были известны его подвиги. В то же время жил другой тунгусский витязь, Молуна, также знаменитый, одолевший многих сильных и главных удалцов-тунгусов. Много наслышался и Молуна об Уриәне, и досадно ему было, что о нем говорят меньше, чем об Уриәне, и завидно; хотелось ему уничтожить славного Уриәна, но вступить с ним в открытый бой он не решился. Слава об Уриәне между тем росла да росла и не давала покоя Молуна. Наконец, он собрал своих людей и направился к жилищам Уриәна. Жил последний на берегу одной речки, где стоял его чум и чумы его людей. Подкрался Молуна со своими людьми к речке вечером, уже темнело. Уриән с частью своих людей в это время были дома. Молуна, со своими людьми, держа в руках свои луки вверх, подобно рогам, стали перебрывать речку. Уриән слышал, что на воде происходит что-то, и, увидев в темноте какие-то торчащие кверху предметы вроде рогов, решил, что это дикие олени.

— Ну, утром поохотимся на них, а теперь темно, — сказал не подозревающий ничего Уриән и успокоился.

Люди его и работники разошлись тем временем по разным делам, кто в лес, кто куда. На одного из них как раз попали люди Молуна, схватили бедного тунгуса, скрутили и привели к вождю своему. Молуна посмотрел на схваченного и говорит ему:

— Скажи нам, как узнать твоего вождя, по каким приметам, и мы оставим тебя в живых, а иначе тебе грозит смерть.

Испугался пленник и говорит:

1 Из „Живой старины“, в. I, СПб. 1908, стр. 362—370, и в. I, СПб. 1909, стр. 90—100. *Ред*

— Когда мы сядем за еду, он один лишь среди нас будет сидеть на камне¹ и, когда ему станут давать пищу, будет подставлять не голую ладонь, как мы, а таловые стружки, чтобы не смягчить на пальцах кожу и мозоли от тесивы лука; вы это и примечайте.

— Хорошо, да смотри не проговорись,—сказал Моуна.

Тунгус ушел и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уриан со своими людьми сел на берегу у костра есть. Но только он принялся за еду, как над головой его прожужжала стрела, пущенная из-за кустов рукой Моуна. Не ожидавший ничего подобного Уриан метнулся с места и одним прыжком, без всякого оружия перескочил через речку, но здесь его догнала вторая стрела Моуна и впиалась ему в икру ноги. Безоружный и раненый Уриан сел на берегу, а враги его тем временем, выскочив из-за кустов, стали осыпая его тучами стрел.

Однако, и безоружный и раненый, Уриан так ловко отстранялся от направленных на него стрел, что ни одна из них не попала в него. Долго стреляли в него, но все без результата. Наконец, Уриан крикнул своим противникам:

— Что же вы одни все стреляете? Бросьте и мне кто-нибудь свой лук и стрелы, попробую и я пострелять в вас.

Никто, разумеется, не бросил ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказал тогда Уриан,—что мне теперь маяться хромоту; скоро вы меня так или иначе доканаете, так стреляйте же хорошенько, — и, закрыв глаза, тотчас же пал, пораженный в нескольких местах стрелами.

Моуна с людьми очень скоро после этого справились и с людьми и с работниками Уриана. Жена Уриана сделала добычей победителя, но перед тем, как быть уведенной, успела спрятать маленького своего сына под опрокинутый котел.

Довольно далеко от места побоища, в стороне, в лесу, жил престарелый отец убитого Уриана. Туда-то и направился Моуна. Явившись к старику, Моуна с насмешкой сказал ему:

— Убили сегодня одного мойку², но он оказался настолько худ, что даже мозги растаяли³.

Понял старик, какая участь постигла его сына, поник головой и проговорил:

— Как не быть сухим и не стать мозгом, в последние три года си один своей охотой на дичь прокармливал семь семей.

Посмотрел Моуна на старика, на его дряхлость и, решив, что не стоит убивать его, отправился к себе домой. По его уходе старик пошел к месту табора своего сына, увидел его труп, нашел под котлом мальчугана и, взяв его с собой, вернулся к себе домой. Старик воспитывать своего вничка. Долго ли, коротко ли—неизвестно, сколько прошло времени—мальчик уж подрос, стал резвиться, поигрывать луком, а скоро стал и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый раз дальше и дальше от дома стал уходить сын Уриана: что ни день, то он позже и позже возвращался домой. Бродя так по лесам и лугам, между гор и озер, он увидел однажды затесь на дереве, там другую, третью. Затесь была старая, совсем посеревшая. Старик парень проследить затесь и увидел, что она показывает чей-то путь, идя в одном направлении, правильно и на близком расстоянии друг от друга. Вернувшись домой, парень стал спрашивать деда: какие это затеси на деревьях? Старик отделился незнанием. Заинтересовали парня эти старые затеси, чужалось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще стал он приходить к этим затесям и пробовать проследить их и чаще и настойчивее спрашивать о них деда. Спрашивал он его и об отце своем:

— Скажи же, дед, ведь должен быть у меня отец и мать; где же они или что с ними стало?

Но дед упорно молчал. Старик сын Уриана приходил к загадочным затесям еще чаще и проследить их еще дальше, так что начал уходить не на день, а на несколько дней и настойчивее приставать к старику с расспросами. Видит старик, что парень возмужал и окреп и что его не удержишь: того и смотри, уйдет сам, и рассказал ему все об Уриане и его смерти.

— Был у меня Моуна,—добавил старик к своему рассказу, —посмеялся надо мной и сказал, что на обратном пути сделает затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Уриана. Но ты, дитя мое, не вздумай преследовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя был отец, и не плох должен быть человек, которому удалось убить его; не тебе с ним тягаться.

Не таков был, однако, сын Уриана, чтобы его можно было испугать. Попрошался он со стариком, взял свои охотничьи снаряды и отправился в путь. Долго он шел и пришел, наконец к старому кузнецу. Здесь парень остался на некоторое время и заставил старика ковать себе оружие, а сам занялся охотой и прокармливал старика, пока тот ковал ему. Скоро старик выковал ему броню железную и множество стрел, но, догадываясь о том, что может быть его заказчик, долго уговаривал его не ходить к Моуна и вернуться обратно. Тот опять-таки не послушался. Тогда старик указал ему путь к Моуна и пожелал ему успеха, и тот снова отправился в путь. Скоро показался лагерь Моуна. Снял сын Уриана с себя броню, колчан со стрелами, отложил лук, спрятал все это в лесу и сам, одевшись в рваную одежку, пошел к чумам. По середине лагеря стоял чум, сделанный лучше и просторнее других. Решив, что это и должен быть чум вождя, парень вошел в него. В чуме были одни женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины спрашивать парня, кто он, откуда и зачем ходит. Пришелец выдал себя за заблудившегося сироту, случайно набредшего на жилище. Скоро стали слышны голоса возвращающихся с охоты хозяев. Сын Уриана выглянул за дверь и, увидев подходящих к чумам людей,

¹ В те времена люди садлись за еду не в чуме, а вне его, вокруг костра.

² Годовалый олений теленок.

³ Костный мозг оленя в сыром виде у тунгусов лакомое блюдо. У сухого животного он разжижается и теряет свой вкус, почему выбрасывается.

сразу и безошибочно определил, кто из них должен быть сам Молуна. Действительно, скоро вошел в чум сам Молуна и, заметив новое лицо, спросил, что это за парень. Тот сам повторил ему то же, что перед тем говорил женщинам.

— А накормили ли его? — спросил хозяин баб.

— Кормили, — ответили те.

Стал Молуна тут рассказывать, как он убил когда-то Уриана, как делал затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уриана родных, — закончил он, — иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гм, так ты хвалишься, оказывается, тем, что убил его хитростью, из-за угла? — воскликнул, сын Уриана, вскочив с места. — Я проследил твой путь и пришел по твоим следам.

Услышав это, Молуна кинулся на него с ножом, но тот успел выскочить. Крикнул тогда Молуна своим людям:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Урианов сын был уже далеко; он прибежал в лес, к тому месту, где спрятали свои доспехи, оделся, взял свои стрелы и лук и двинулся навстречу людям Молуна. Тем временем и сам Молуна, одетый и вооруженный, вышел к своим людям, а те уже начали стрелять в пришельца; уже целые тучи стрел летели на сына Уриана, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Молуна один за другим падали, пораженные стрелами пришельца; ни одной стрелы он не пустил мимо; что ни выстрел, то убитый или смертельно раненый. Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов. Метко стрелял парень, ни разу не промахнувшись и скоро перестрелял всех людей и работников Молуна. Остались они вдвоем друг против друга; у них уже начали разрываться от стрел съедипительные вязки брони, а сын Уриана все приближается к своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себе в жены; дам я тебе за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мне, — взмолился Молуна.

Парень опустил свой лук и перестал стрелять. Помирившись, Молуна действительно выдал за него свою дочь. Тут же сын Уриана нашел свою мать. Долго ли прожил здесь сын Уриана — неизвестно, только однажды он собрался в обратный путь. Взял свою жену, мать, оленей с женским имуществом и двинулся в свою сторону. Дорогой, на обратном пути, он охотился. Иногда останавливались и дневали; тогда он уходил охотиться на целый день. Однажды на одной из таких остановок их догнал Молуна, хозяина не было дома. Молуна знал это; он давно уже следил за своим зятем и искал лишь удобного случая убить его. Выдача за него своей дочери была с его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя в чум, Молуна приказал женщинам собрать всю кладь вокруг чума. Когда женщины исполнили это, он сказал:

— Сын Уриана придет вечером, поздно; я спрячусь здесь, между кладью. Вечером, когда он будет возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстречу, и когда он осветит его в темноте, я застрелю его.

Женщины не посмели послушаться. Залег Молуна между тюками и стал ждать. Наступил вечер, стемнело. Скоро послышались и шаги человека. Вот они ближе и ближе подходят к чуму. В это время раскрылась дверь чума и огонь от костра осветил сына Уриана. Охотник подошел к чуму и только стал заносить ногу, чтобы войти, как мимо него прожужжала стрела.

— Ну, Молуна, на этот раз я тебя уже не пощажу, — проговорил сын Уриана, сразу узнав своего врага, и бросился к тому месту, откуда прилетела стрела. Увидев, что промахнулся, что старая испытанная рука изменила, Молуна кинулся бежать; но не долго бежал он: стрелы, пущенные верной и сильной рукой Урианова сына, поразили его на смерть. Так кончил Молуна свою жизнь, а сын Уриана с женой и матерью продолжал наустро свой путь.

2. Оран

Среди илимпийских тунгусов был один человек, по имени Оран. Жил он на речке и, перераживая ее заколом, добывал себе рыбу. Однажды человек около тридцати тунгусов направились к нему, чтобы убить его. На последнем ночлеге встречей с ним двое из них остались хозяйничать, а остальные направились к Орану. Подкрывшись тихонько лесом к речке, они увидели Орана. Тот был на своем заколе. Тут же в воде у закола был вбит развилыстый кол, на котором был повешен его лук. Из предосторожности он не оставлял своего оружия на берегу. Увидев Орана и неразлучность его с своим оружием, тунгусы не решились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли к оставшимся двум товарищам, те спросили их, убили ли они Орана.

— Нет, — ответили те и рассказали, что видели.

— Эх, вы, столько человек — и побоялись напасть на одного! — заметили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите так, как будто вы можете убить его, — возразили те, — так идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдем! — сказали оставшиеся и действительно отправились.

Придя к заколу, храбрцы увидели, что Орана там уже нет и что он укочевал, причем шел, не выбирая чистые места для своего аргиша¹, как делали и делают обыкновенно, а прорубая целые просеки, если попадалась чаща. Двигался Оран поэтому медленно, и тунгусы скоро подошли к нему настолько близко, что могли рассмотреть его, и, зайдя к нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, как раз против пути Орана, так что последний в своем стремлении итти прямо должен был непременно выйти на них.

Выбили они в двух местах глину с корневища вроде маленьких окошек и стали ждать. Скоро действительно подошел Оран и всего в каких-нибудь двух-трех саженях от засады стал рубить

¹ Обоз.

мешавшее ему деревцо. Один из спрятавшихся пустил в него из своего окошка стрелу, но промахнулся, так как Оран успел уклониться от нее, прокричав криком какой-то птицы. Страх тут напал на сидевших в засаде, и они бросились бежать. Оран пустил им вдогонку стрелу и убил одного из них. Затем он закричал:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тот остановился. Подойдя к нему, Оран спрашивает:

— Зачем вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя, — отвечает тунгус.

— А разве вы слышали об Орране, что пришли убить его?

— Как не слышать, все говорят о тебе, вот и пришли мы.

— А много вас?

— Да, порядочно, — ответил тунгус.

— Ну, так я не убью тебя, как и обещал; теперь же ты ступай и скажи своим, что видел Оррана и что один из вас поплатился за свое желание убить меня, — и Оран мирно отступает тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

3. Два брата

Жили два брата: старший, женатый, вел хозяйство, младший же, холостой парень, был лентяй. Однажды жена старшего брата заметила, что к ним подходят три вооруженных луками человека, и сообщила своему мужу. Тот посмотрел и видит, что действительно идут люди и, как ему показалось, довольно подозрительные. Затем старший брат говорит, обращаясь к младшему

— Слушай, брат! Если я увижу, что это — дурае люди, то я мигну тебе. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымок для оленей (а надо заметить, что была комарная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказ¹ и лук.

Брат ничего не ответил. Тем временем пришли замеченные люди, все вооруженные и очень подозрительного вида. Поговорив немного с пришельцами, хозяин мигнул брату, потом еще раз и еще, а тот и не смотрит на него; уставился глазами в пол и сидит себе как ни в чем не бывало. В это время один из пришельцев вытащил нож и ударил им в лентя; удар пришелся в самое сердце, и парень тут же умер. Увидя это, хозяин кое-как, в чем был, успел выскочить на двор; ни лука, ни чего другого, кроме старого отказа, он не успел с собой захватить и пустился бежать. Пришельцы пустились за ним, но им не удалось догнать его, и он спасся. Некоторое время он скрывался, но потом, когда вернулся наконец домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья там уже не оказалось. Все было похищено; даже с брата его, с мертвого, было снято все, и он лежал голый. Ничего не осталось у бедняги, ни поесть или попить чего, ни одеться во что, ни укрыться где от стужи; остался он в одном летнем платье. Долго скитался бедняк в поисках своих обидчиков, питаясь чем бог пошлет.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, как нам опять соединиться? — думал он, а сам все искал да искал.

Наконец, ему удалось напасть на их след. Нашел он тут, на месте одного из ночлегов, кусочек мяса, спрятанный его женой. В другом месте он нашел старые унты². Так находил он, идя изо дня в день по следам, в разных местах кое-какие необходимые для него вещи. Пока так скитался ограбленный муж, наступила уже осень; пошел снег, начался холода. Скиталец мерз, голодал, ночевал где придется, но шел все вперед, пока, наконец, не открыл убежища своих обидчиков. Однако он не мог ничего поделаться: похитители, три брата, из которых старший владел всем его добром и женой, всегда были на-стороже. Между тем морозы росли. Наконец, в один морозный день, после такой же ночи, старший брат говорит своим младшим братьям:

— Ну, враг наш теперь наверняка уже замерз и более не придет, так что опасаться нам нечего больше.

— А пороз³ ваш был охотничий? — спросил он, обратясь затем к своей пленнице.

— Да, был охотничий, — ответила та.

— В таком случае я отправляюсь сегодня охотиться, — сказал он, — вы тоже можете идти поохотиться, если хотите, — добавил старший, обращаясь к братьям, и действительно уехал на охоту за дикими оленями. Братья тоже уехали в разные стороны. Осталась пленница одна домовничать. Заметив, что все разошлись из чума, следивший за ними ограбленный муж пришел в чум, где нашел свою жену.

— Ты еще жив? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, жив! Ну, а лук мой еще цел? — спросил в свою очередь муж.

— Цел. Каждый из них пробовал натянуть твой лук, но ни один не смог.

Взял человек свой лук, но, обессиленный долгим холоданием и голоданием, не мог и сам натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совет:

— Ты теперь голоден и слаб, так не стреляй издали, промахнешься, а выжди лучше и стреляй, когда они сядут за еду, чтобы бить наверняка.

Муж так и решил поступить, а сам спрятался. Время шло; день близился к концу. К вечеру один за другим пришли младшие братья и так же один за другим были убиты мстительной рукою

¹ Большой нож в древке.

² Обувь из оленьих камусов (ножных шкур).

³ Нехолошенный самец.

стрелка. Наконец, последним стал подъезжать и старший брат. Пороз под ним, почуяв старого хозяина, стал хоркать ¹.

— Что ты хоркаешь? Или пришел твой старый хозяин? Нет, брат, шалишь, он уже теперь не придет, уж замерз, поди, где-нибудь! — говорил седок, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогам. Олень тем не менее не переставал хоркать. Подъехал охотник домой, оглянулся, осмотрелся, но, не заметив ничего подозрительного, вошел к себе в чум. Женщина собрала ему ешь, но только он сел и взялся за первый кусок, как свалился, пронзенный вражьей стрелой; смертельно раненный, он тут же умер, едва успев сказать вышедшему к нему врагу:

— Там я убил сегодня дикого оленя, так ты не бросай его; он жирный.

Муж же наутро, взяв указанного дикого оленя и забрав с собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитым, поехал на старое место, где жил раньше.

4. Iâha ²

В роде Хирагир был один тунгус. Звали его Iâha. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Iâha на тунгуске из Кундагир. Вместе с ним жила и все представительница рода Хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род Хирагиров и двинулись на них войной. Дело было весной. Много было кундагирцев, целое войско, вооруженные луками и стрелами. Много было и хирагиров. Придя к жилищам Iâha, кундагирцы начали пускать в хирагиров свои стрелы. Стрелы у них были оперены перьями из крыльев разных птиц. Тут же, среди кундагирцев, был и тесть Iâha; стрелы у него были оперены перьями из лебединых крыльев и резко выделялись среди стрел остальных кундагирцев. Когда началась стрельба, он поднял свою белую стрелу и помахал ею в воздухе, чем давал знать зятю о своем присутствии. Тем временем, пока он махал, стрелы делали свое дело, и одна стрела угодила в затылок Iâha; когда он отворачивался, уклоняясь от стрел, Iâha свалился. После падения Iâha кундагирцы очень скоро перестреляли остальных хирагиров и затем ушли обратно. Возвращаясь после разгрома хирагиров, кундагирцы дорогой присели отдохнуть. В это время тесть Iâha, выдвинувшись из толпы, сказал:

— Был у моего зятя прекрасный нож; пойду-ка я поищу его!

С этими словами старик вернулся на место побоища. Придя туда, он отыскал Iâha и нашел, что он только ранен и что стрела засела у него в шейной кости. Вытащил он из шеи зятя стрелу, развел ему костер, усадил около костра и сказал:

— Ну, сиди тут; я скоро отделись от своих и приду к тебе.

Тесть ушел к своим, а Iâha остался у костра, среди своих убитых сородичей, лечиться от своей раны.

Вернувшись домой, кундагирцы по обыкновению разбрелись на лето. Отделился от всех и тесть Iâha и, отстав от своих, опять вернулся к своему зятю. Здесь он прожил все лето, кормя охотой большого и ухаживая за ним. Скоро Iâha совсем поправился и снова принялся за охоту и свои обычные занятия. Наступила осень. Тесть его опять вернулся к своим. Через несколько лет кундагирцы услышали, что Iâha жив и живет себе попрежнему и что у него опять есть народ, частью остатки не попавших в разгром хирагиров, частью бродячий безродный народ, приставший к разбитому роду. Надо с Iâha покончить, решили кундагирцы и летом опять пошли на него. Приблизившись к жилью Iâha, они сначала потихоньку разведали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, действительно Iâha был жив и около него имелся народ. Было время перед осенью. Iâha с людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоял дождливый день, и Iâha и его люди сидели в чуме и ели гусей. В этот момент к ним незаметно подошли кундагирцы и пальмой ³ перерубили верхнюю связку чума. Чум, оставшийся без опоры, рухнул на сидевших внутри, и, когда он придавил их таким образом, враги стали прикалывать их своими пальмами сквозь чумовые нюки ⁴. Всех перекололи они, и лишь один вырвался из-под чума и бросился бежать. Кундагирцы бросились догонять его. Один тесть Iâha остался около чума и стал искать своего зятя. Под чумом было тихо; ни звука не слышно, ни стопа.

— Странно, — думал кундагирец — неужто Iâha не мог никак спастись? — и, отворачивая нюки, осматривал убитых, но все это были другие лица.

— Iâha, ты здесь? — окликнул он, наконец, его тихонько.

— Здесь, — раздалось из-под нюков.

Когда чум свалился на сидевших, Iâha понял, как это произошло, и уселся смиренненько в середине чума, тогда как товарищи его завозились, стараясь вырваться и тем самым выдавая самих себя, и были все переколоты.

— Ну, так выходи скорее и беги: я один здесь, а товарищи все пустились догонять бежавшего.

Iâha вскопид; у него была лишь одна удочка да колчан со стрелами, вот и все, что он мог в темноте и второпях захватить. Выскочив из-под чума, он пустился бежать. Тесть его стоял тут, около чума, и смотрел ему вслед. Жаль ему было своего зятя, хотелось ему спасти как-нибудь его, но в то же время он боялся выдать себя товарищам и потому, дождавшись когда зять отбежал на значительное расстояние, крикнул своим:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите. Ведь Iâha убежал, догоняйте же его!

¹ Хрюканье оленя, напоминающее хрюканье свиньи, на севере называют „хорканьем“.

² В переводе — глаз.

³ Большой нож на древке.

⁴ Нюк — полотнище, сшитое из нескольких плохо выделанных оленьих кож служащее для прикрышки чума поверх остова из шестов.

Двое, услышав крик товарища, немедленно погнались за беглецом. Хорошо бежал Іаһа, но и противники его бегали, видно, не дурно. Стали они его догонять. Бежал Іаһа между двумя ручьями, вниз по стрелке, к месту слияния ручьев, и, добежав до него, перепрыгнул через один из ручьев. Только перескочив через ручей, он споткнулся и стал на четвереньки, почему через голову его высыпались из колчана все стрелы. Собрать рассыпанное было некогда; только на ходу он успел поймать одну стрелу и, держа ее в руке, пустился бежать дальше. Преследовавшие его продолжали гнаться за ним, но так и не догнали. Убежав от смерти, Іаһа только и мог вначале питаться тем, что добудет своей удочкой. Со временем же он поправился, опять устроился и стал жить спокойно; кундагирцы больше не преследовали уже его. Обзавелся он семьей, пошли у него дети, выросли, поженились и народили в свою очередь детей. Так образовался тунгусский род Хирагир, который и по сие время здравствует и размножается.

5. Умна

Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуй, жил тунгус из рода Ельдагир, по имени Умна. Имел он жену и подростка-сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно. В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден. Единственно, что он имел в своем распоряжении из средств для пропитания, это — удочки. Уженьем рыбы семья Умна только и кормилась. Удили все трое в разных концах озера. Зимой прорубали проруби и в них удили, а чтобы было где погреться, разводили тут у проруби костер. Так и жили они, перебиваясь кое-как; когда поймают какую-нибудь щучку, другую — поедят, а когда так и вовсе не поймзют и сидят голодом. Жили, жили они так, только Умна стал замечать, что у жены что-то совсем перестала ловиться рыба.

— Что за оказия? — думал он. — Ловилась прежде у старухи рыба, а теперь что ни день, то она возвращается с пустыми руками.

Ломал, ломал Умна над этим голову и надумал осмотреть прорубь, в которой удит жена. Задумано — сделано. Осмотрел он без жены ее прорубь и видит, что там, на дне озера, лежат рыбьи кости.

— Ну, сынок, видно, старуха решила уморить нас; должно быть, она тут же у проруби и ест добытую рыбу, так как там, на дне озера, лежат рыбьи кости, — говорит он после этого сыну.

На другой день он отправил сына одного, а сам сказал, что придет потом. Сын ушел, но скоро услышал за собой крики.

— Ну, видно, отец убил мою мать, — подумал он, однако не остановился и пошел дальше.

Скоро видит он — идет отец, волооча за собой на веревке весь свой домашний скарб, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынок, — сказал Умна, подойдя к Уюльгу, — я убил твою мать; она, оказывается, одна, без нас съела всю наловленную ею рыбу. Пойдем отсюда, все одно где умирать.

Сказав это, Умна пошел дальше, а сын за ним. Шли, шли они и вышли на одно озеро, где оказались старые человеческие следы. Остановился здесь рыбак и говорит сыну:

— Что же, поудим тут!

И, разойдясь в разные стороны, они стали удить. Спустя некоторое время, Умна заметил на другом конце озера человека, который начал подкрадываться к нему. Это был турьский тунгус, рыбабивший здесь, по имени Киняшкан. Он действительно заметил Умну и начал его скрадывать¹. Увидев, что незнакомец его скрадывает, Умна тотчас же разделся, положил свое платье у проруби наподобие сидящего человека, нахлобучил на него свою шапку, а сам спрятался под яр, в том месте, где должен был выйти скрадывающий его человек, и стал ходить. Скоро Киняшкан действительно вышел из него, не подозревая, что у проруби пустое чучело из платья. Как только он появился под яром, Умна выскочил на него неожиданно и сказал:

— Кого ты скрадываешь? Мое имя Умна, если ты его ищешь!

С этими словами он пустил в него стрелу, которая вонзилась тому в горло. Умер Киняшкан. Нашел у него Умна ружье и лыжи и, захватив их, на этих же лыжах пошел по следам убитого, захватив с собой сына. Завернув за мысок озера, они увидели еще одного человека, занятого уженьем. Заметил их и тот в свою очередь, но так как при нем никакого оружия не было, то, надев свои лыжи, он пустился бежать. К несчастью для него, у него в это время оторвалась завязка на лыжах, чем и воспользовался Умна; догнав его, он тут же и покончил с ним. Оказалось, что это был младший брат Киняшкана. Убив второго, Умна отправился дальше по следам и скоро дошел до чума, где нашел жену Киняшкана, которую сделал своей женой. Стал он после этого жить здесь. Сын его не принимал никакого участия в его боях, ни поощрял его, ни порицал. Не долго сидел только здесь Умна. Захотелось ему еще подраться с кем-нибудь и убить кого-нибудь и двинулся он к озеру Комешка. На пути к этому озеру он нашел еще одно озеро, где жили три семьи турьских же тунгусов. Заметив их, Умна дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырезал их всех сонными. Озеро с этих пор стало известно под названием Бунинда, т. е. озеро могил. Покончив с этим, Умна двинулся дальше. Тем временем снег стал уже сходить, следов ничьих уже нельзя было найти. По берегам уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу вперед, Умна однажды вышел на одно озеро, где увидел на плоту человека, ловящего рыбу. Тот в свою очередь заметил его. Оба приготовились к встрече. Но в это время рыболов узнал Умну по его сыну и издали крикнул ему:

— Здорово, отец Уюльгу, а ведь я чуть в тебя не стал было стрелять.

— А, здорово, Майма, ведь и я чуть не убил тебя, не узнал сразу!

¹ Подкрадываться.

Оказалось, что это был знакомый и какой-то родственник Умны из рода Ялгир; у него тоже был сын подросток.

— Откуда идешь? — спросил Майма, поздоровавшись с Умной.

— Да хожу, убиваю, — отозвался тот.

— Ага, но я тоже многих убил, — сочинил о себе Майма, чтобы тот не стал храбриться над ним.

— Это хорошо, пусть боятся, — ответил Умна, поверив выдумке товарища.

Стали они жить вместе и ставить сообща сети, для чего поселились на озере. Только хоть и знакомы они были и родственники, но все время стерегли друг друга, не доверялись и опасались вероломства. Вместе они ходили сети ставить, вместе смотрели их, вместе сидели дома и вместе ходили на охоту; словом, они были неразлучны и не спускали друг с друга глаз. Долгою так прожили они вместе. Уже стали зеленеть деревья. Весна стояла уже в полном разгаре. Приятелям стало уже надоедать такое положение; Майма стал уже утомляться; вечерами ему раньше товарища стало хотеться спать, а Умна вовсе не спал. Однажды Умна заметил на горах Кяльды огонек и решил сходить туда поохотиться на бродящего по ним человека. Отточил он свою пальму, взял ружье и пошел, а Майма остался, говоря, что одному нужно остаться при детях и семьях, чтобы защитить их в случае нападения. Ушел Умна в горы, бродил, бродил в них, но нигде никого не нашел. Человек, повидимому, просто переночевал на них между камнями и ушел; следа никакого не осталось. Долго ходил Умна по горам, напрасно измаялся, утомился и пошел обратно. Майма тем временем немного передвинулся на новое место и стал дожидаться товарища. Только ему не удалось устроить засаду, так как Умна во-время заметил его, и они оба вместе пришли к месту новой стоянки. Бабы в это время шли лесом к этому же месту, чтобы собрать дорогой чумовых шестов.

— Эх, бабы-то не знают место и, пожалуй, заблудятся, — произнес Майма, придя туда.

Умна кинулся в лес и второпях забыл захватить ружье и пальму. Майма тотчас же подхватил вооружение товарища и стал поджидать его. Скоро показался Умна с чумовыми шестами.

— А вон и бабы! — крикнул Майма.

Остановился Умна, вспомнил, что забыл захватить оружие и, бросив шесты, кинулся было бежать за ними, но в это время Майма ранил его из его же ружья в висок и, когда он упал, добил его пальмой. Убив отца, он хотел было убить и сына, но Уюльгу так просил у него пощады, что Майма оставил его в живых и вместе с его мачехой взял к себе.

6. Юраки

Однажды среди юраков потерялся один человек. Ходил ли он на охоту да заблудился или убит был где-нибудь, — никто не знал. Стали юраки искать его и нашли на снегу его след. Дело было весной. Найдя следы, два юрака отправились проследить этот след. Неизвестно, долго ли они шли или коротко, только явственный все время след в одном месте прервался и исчез, словно провалился. Посмотрели юраки туда, сюда — нигде ничего. В это время один из них случайно взглянул наверх и увидел висевшие на ветвях дерева человеческие кишки. Ничего другого не отыскалось, и искатели следов вернулись обратно. Был в это время среди юраков один мудрый человек, к которому все и обращались за советом в трудную минуту. Так и теперь юраки обратились к своему советчику. Тот сказал им:

— Соберитесь в числе ста человек и пойдемте на то место, где висят кишки. Там надо будет устроить высокий дом с высокой же трубой, но без окон и без дверей, и прорыть в него издалека подземный ход, так, чтобы его не могли найти незнающие люди.

Так юраки и сделали. Собрали сто человек вместе с советчиком и отправились. Придя на указанное искателями следов место, они действительно увидели там висевшие на дереве кишки и по совету своего мудреца построили высокий дом с высокой трубой; ни дверей, ни окон не сделали а прорыли подземный ход. Когда все это было исполнено советчик их и говорит им:

— Теперь возьмите сухожилий и свейте из них веревку такой крепости, чтобы все вместе не могли порвать ее.

Приготовили и веревку. Из веревки этой советчик устроил аркан и насторожил его на трубе дома так, чтобы снаружи не было видно, а свободный конец веревки пустил внутрь дома.

— Тот, кто убил или съел нашего товарища, во всяком случае вернется сюда видимым или невидимым и постарается войти в дом, для чего у него не будет другого пути, как проход в трубу, — сказал мудрец. — Будем же его караулить.

Все пришедшие юраки вошли через подземный проход в дом и стали ждать. Долго они ждали, будет ли что-нибудь. Наконец, однажды наверху, около трубы, послышался шорох. Юраки притихли. Шорох увеличился и послышался у отверстия трубы. Слышно было, как кто-то пытается проникнуть внутрь через трубу. Сидевшие внутри тогда схватились все за веревку и стали тянуть ее. Скоро что-то отделилось сверху и упало вниз. Рассмотрели, оказалось — человеческая рука, только крупнее, чем бывает у обыкновенного человека. Выйдя наружу, юраки увидели два человеческих следа, пришедших к дому, и один обратный. Взойдя на верх дома, они по следам узнали, что в то время, как они тянули веревку вниз, один из пришедших тянул своего товарища обратно, вверх, благодаря чему и оторвалась рука.

Посмотрели засадники на следы — они оказались крупнее обычных человеческих следов и шаг шире. Побоялись юраки идти по этим следам, спустились и хотели было вернуться обратно, но мудрец их настоял на противном; он говорил, что нужно во что бы то ни стало идти по следам и предпринять что-нибудь. Еще раз послушался народ своего советчика и отправился за ним. Шли, шли они так лесом и вышли на место с очень крупными деревьями, толще обхвата.

— Стойте, — сказал советчик, — закидывайте аркан на деревья и сваливайте их общими силами по одному.

Закинули юраки аркан на верхушку дерева, затанули его и налегли всей силой. Дерево нагнулось, наклонилось и грохнуло на землю; только гул пошел по лесу. Затем еще свалили дерево, потом другое, третье и т.д.; долго они работали и много повалили деревьев.

— Теперь сделайте по числу нас луки из целых лиственниц и соответствующей величины стрелы и разбросайте их между сваленными деревьями.

Так юраки и сделали. Срубили каждый по две лиственницы и, обтесав их, сделали из одних бревен луки, а из других — стрелы и разбросали все это кругом.

— Ну, теперь ступайте сами домой, я один останусь здесь, — сказал советчик.

Товарищи его действительно ушли обратно, а сам он отошел немного к стороне, на такое расстояние, чтобы можно было слышать человеческий разговор, спрятался там и стал ждать, что будет. Скоро к месту сваленных деревьев подошла кучка людей, человек сто, и остановилась. Был, оказывается, среди них тоже мудрец.

— Что это такое? — спросили пришельцы своего советчика.

— А поиграли, видно, ребята, — ответил тот.

— Что же, поиграем, коли так, и мы, — сказали люди и, подойдя к лесинам, стали пытаться валить их.

Но как ни сильны были они, однако для каждого порознь занятие это оказалось непосильным. Не могли они свалить ни одного дерева.

— Хороши, однако, ребята и хорошо поиграли, — проговорили люди, — мы не можем ни одного дерева свалить. Как же мы будем преследовать таких людей? Они перебьют нас, как мальчишек?

— Вернемтесь, друзья мои, домой, — произнес советчик, — они убили одного нашего человека, но и мы убили одного ихнего человека; значит, человек за человека, и мы с ними квиты; искать нам с них, значит, нечего.

И пришельцы действительно ушли обратно, положив зарок — больше к юракам никогда и не приближаться. По уходе их поднялся с места и юрацкий мудрец и пошел к своим, где и рассказал все, что видел.

7. Дыгын

Много, много лет тому назад, в старину, жила якутский шаман. Он имел трех сыновей, был беден и слеп. Сыновья охотились и охотой пропитывали себя и отца. Места были не изобильные, и жилось им в общем не важно. Старик постоянно уговаривал сыновей своих покинуть эту землю и переселиться в другие места, но те все отговаривались. Итти же при переселении нужно было через большой гольец¹, переход через который требовал семидневного пути. Не было на этом гольце ни озер, ни ручьев, ни ключей каких-нибудь, из которых можно было бы добыть воды для питья; не было там ни леса, ни зверей каких-нибудь, ни птиц. Только трава росла на гольце, да и то не везде, а лишь местами, полосой по лощинам. Долго убеждал старик детей своих переселиться. Наконец, говорят ему сыновья:

— Ты говоришь все — переселитесь, а как же мы перейдем через гольец? Разве можем мы семь дней прожить без воды?

— Ничего! Вы не бойтесь, что на гольце нет воды, решитесь только перекочевать, а там мы не пропадем и без воды не будем, — ответил отец.

Сыновья согласились и стали собираться в путь. Сборов у них было не много, богатств никаких не имели. Перед выступлением в путь старик велел сыновьям достать двенадцать аршин холста и, распустив его, волочить по траве. Дело было летом; шли, выбирая травяные места. Утром холст намокал от росы; тогда доставали котел и выжимали в него воду из холста; затем холст собирали и шли дальше. Так они добывали себе воду и шли через гольец. Через семь дней переселенцы спустились к реке, изобилующей рыбой и дичью. Основался старик с сыновьями здесь жить: сыновья попрежнему охотились, но только охота здесь была легче и богаче добычей. Стали переселенцы жить да поживать на привольных местах без хлопот и забот. Каждый день уходили сыновья на охоту и возвращались обремененные добычей. Однажды молодые охотники по обыкновению ушли на промысел и разбрелись за дичью в разные стороны. Один из братьев, увлеченный преследованием зверя, зашел слишком далеко от дома и заблудился. Долго ходил он, ища выхода из леса, но никак не мог выбраться из него и только дальше уходил от дома. Когда прошла ночь, он, утомленный ходьбой, завалился спать. На другой день повторилось то же самое: желая попасть домой, он только удалялся от него. Каждый день он до усталости шел, стараясь отыскать своих, и с каждым днем отбывался от дома все дальше и дальше. Целых три года блуждал он так, питаясь охотой. Никто не знает, как он выжил. Шел он так однажды лесом, потерял уже всякую надежду отыскать когда-нибудь своих. Вдруг перед ним мелькнуло среди деревьев что-то странное. Он подошел поближе и увидел человека, занятого свежеванием только что убитого сохатого, но поразило его то обстоятельство, что не было у него никаких признаков головы. Страх взял охотника, но голод превозмог страх; дело было зимой, и он несколько дней уже не ел как следует; к тому же он подумал, что и бежать ему без лыж было некуда, а у безголового были лыжи, да не простые, а медные, обтянутые кожей. Взвесив все это в уме, якут смело направился к странному человеку. Тот его принял, привел к себе в жилище, бывшее тут неподалеку, и накормил его. Во время еды он заметил, что рот у его хозяина был на спине, на том месте, где должна была начинаться шея, и что при жевании у него подымались и опускал

¹ Чистое, голое, безлесное место (Даль).

вроде движения челюстей. Тем временем наступил вечер, и хозяин с гостем улеглись спать. Ночью, когда безголовый уже заснул, охотник осторожно встал и кончиком ножа сделал поперечные нарезки на лыжах хозяина, а сам пустился бежать. Спустя немного до него зади стали доноситься страшные крики, но никто его не догнал. Он был уверен, что безголовый не заметил нарезок на лыжах, наступил на них и сломал но все же продолжал бежать. По странной случайности это же бегство спасло его от бесцельного шатания и привело домой, к отцу с братьями.

Прошло много лет. От старика-шамана и его сыновей и следов не осталось. Только сохранилось о них предание, но зато осталось от них многочисленное потомство. От старика и его сыновей произошел целый народ. Богато жили потомки шамана. На лугах у них паслись огромные табуны лошадей и стада рогатого скота; леса изобиловали зверем и дичью, на речках и озерах не переводилась рыба. Над этим народом властвовал могучий Дыгын, самый сильный и храбрый человек из всего племени. Богат и славен он был среди своего народа, и никто не мог сравниться с ним ни силой, ни богатством, ни хитростью. Были у него подручные люди, тоже лучшие и сильнейшие люди из всего племени после него, а среди них выделялся один, богатырь Чалла, уступавший в силе одному Дыгыну. Жил себе Дыгын среди своего народа и спокойно царил над ним, не зная ни забот ни хлопот; все его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся он, уверенный в своей силе и многочисленности своего народа. Множество работников пасло на лугах лошадей и коров, а свободные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились в лесах и горах или рыбачили по речкам и озерам. Однажды группа из нескольких человек отправилась поохотиться. Долго бродили они в лесах, гоняясь за дичью; бродили несколько дней и зашли далеко от своих жилищ. Гоняясь за зверем, в один день они набрали в лесу на жилье одной вдовы. Около дверей лежал самострел с семью нарезками на ложе для тетивы лука. Стали они пробовать его натягивать, но лук так туг, что лишь немногие натянули его до первой нарезки и только один — до второй. После этого охотники вошли в жилье, где застали только одну женщину. Стали разговаривать с ней, оказалась она тунгуской. Спросили ее, из скольких человек состоит ее семья. Она ответила, что их только двое с сыном.

— Где же он у тебя? — задали вопрос гости.

— На охоте, — ответила хозяйка.

— Как же он оставил свое оружие?

— Какое? — спрашивает в свою очередь женщина.

— Да вот то, что лежит на дворе у дверей, — говорят охотники.

— Ну, какое это оружие, — отвечает хозяйка, — это игрушка, которой баловался сын, когда был маленьким.

Скоро охотники ушли домой и, возвратившись к себе, рассказали обо всем, что видели и слышали. Удивился Дыгын, как это до сих пор никто ничего не слышал о таком силаче, и велел разыскать Чаллу. Когда тот явился, он, дав ему еще трех отборных силачей, послал его посмотреть и разузнать, что и как, и правда ли то, что сообщали охотники. Отправился Чалла указанным путем и через два дня дошел до жилища вдовы. Подойдя к дверям, он увидел тот же самострел и, упершись ногами в лук, обеими руками стал натягивать тетиву, но как ни старался, едва натянул за третью нарезку; до четвертой не мог. Затем, войдя в дом, он также нашел там одну лишь хозяйку. Сын ее опять был на охоте. Поговорив со вдовой, Чалла отправился обратно сообщить своему властителю о том, что он узнал. Вечером вернулся с охоты сын вдовы. Мать сообщила ему, что два раза у нее были якуты и оба раза пробовали натянуть его самострел.

— Каким путем они пришли? — спросил он.

Мать указала ему направление и добавила, что и в первый раз пришли с той же стороны. На другой день охотник-тунгус отправился по следам якутов. Придя к их местам, он увидел громадный табун лошадей, гонимый множеством работников, но не остановился, а пошел дальше, вперед табуна, по тому же направлению, по которому гнали табун. На пути ему попался холмик. Охотник взобрался на него и сел в ожидании табуна. Скоро действительно подошли лошади и стали проходить с двух сторон холма. Тогда тунгус взял свой лук, вставил стрелу, натянул лук и выпустил стрелу в табун. Стрела проскочила сквозь четырнадцать лошадей. Тогда он встал и пошел обратно домой. Пастухи же, придя к Дыгыну, рассказали ему о том, как совершенно неизвестный им человек одним выстрелом убил из их табуна четырнадцать голов и ушел обратно. Снова Дыгын призывает Чаллу и начинает совещаться со своими людьми. Наконец, они заставляют пригнать табун лошадей и, привязав их в одну шеренгу, начинают пробовать, кто сколько лошадей может прострелить. Оказалось, что простреливал одну, кто две, кто три; редкие простреливали четыре и пять, и только один Чалла прострелил семь лошадей. Сам Дыгын не пробовал стрелять. Попробовав на лошадях свою силу, Дыгын и его люди пришли к заключению, что бороться и воевать им с незнакомцем было бы не под силу.

— Нам не справиться с таким человеком, — говорил Дыгын, — лучше же постараться мы заслужить его расположение и сделать его своим человеком. Иначе он перебьет всех нас. Пусть отправятся к нему несколько человек во главе с Чалдой и скажут ему: „Дыгын ищет твоей дружбы и расположения и хочет выдать за тебя свою дочь. Сделайся нашим человеком и живи с нами“.

Так и сделали. Послы Дыгына точно исполнили то, что он им приказал. Тунгусский витязь охотно согласился на такое предложение и вскоре явился к Дыгыну. Тот его радушно принял и стал угощать. Было лето, стояла жаркая пора. Дыгын налил своему гостю в нескольковедерный деревянный сосуд разбавленного слегка водой кумыса. Гость поднял сосуд и только приложил губы, чтобы пить, как хозяин ударил в него копыем, но копые ударилось в пустое место на нарах. Гость успел во-время отскочить, но сделал это так легко и свободно, что не расплескал ни капли из сосуда. Видит Дыгын, что не одолеть ему никак тунгусского витязя, и говорит ему:

— Ты, друг, не обижайся и не сердись; не убить тебя я хотел этим ударом, а испытать твоё удалство. Вижу теперь, что недаром так славят тебя, и я охотно выдам за тебя свою дочь.

Гость принял это за искренность и успокоился, хотя и был все время настороже. Скоро он женился на дочери Дыгына и зажил среди якутов. Четыре года он прожил среди них и все время был настороже. Ни разу за это время якуты не обнаружили своих враждебных намерений. Через четыре года он уже перестал опасаться, стал считать якутов своими друзьями и бросил свои предосторожности. Заметив это, якуты еще подождали с год, а на шестой убили его хитростью во время сна. Так погиб доверчивый тунгусский витязь, но не долго торжествовал и сам Дыгын.

Скоро пришли в его землю русские и стали воевать с ним. Однако у Дыгына было столько народа, что он мог противостоять им. Тогда русские, видя, что силой им не одолеть Дыгына, предложили ему мир и дружбу. Дыгын принял мир. Решили новые друзья отпраздновать свой дружеский союз и прекращение войны. Русские устроили пир и пригласили на него новых друзей. Во время пира гостей поили водкой — напиток до того времени неизвестный якутам. Пил и Дыгын, конечно, вместе с другими, и как ни был силен и крепок, но и он стал пьянеть и пошатываться. Скоро все гости были уже пьяны, а русским этого только и надо было. Когда якуты перепились все, русские напали на них и всех перерезали. Так кончил жизнь свою вероломный царь¹ якутов, а с ним пало и его царство.

В. Н. Васильев

ОБРАЗЦЫ ТУНГУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ²

Пересказ

1. Два шамана

Легенда

Были два знаменитых шамана, и захотелось им посмотреть на те места, где зимует птица. Обратились они в лебедей и полетели осенью с лебединым стадом. Прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно лиять. Все лебеди собрались лиять.

— Как же нам-то быть? — советуются шаманы. — Нужно ведь и нам лиять.

— Я буду лиять вместе со стадом, — говорит один.

— А я буду лиять где-нибудь совсем в стороне, а то, пожалуй, лебеди узнают и забьют на-смерть, — говорит другой.

Так и сделали: один стал лиять со стадом, другой — где-то в стороне, скрываясь. Первого без перьев лебеди узнали и избili так, что он тут же умер, а второй, скрывшись, благополучно вылинял и вернулся домой.

2. Лебедь

Рассказ

Когда-то в старину жил старый ворон со старухой женой. Была у них молодая дочь. Хотя старики были сами и неряшливы и нечистоплотны, но дочь у них была красавица. Увидел ее однажды лебедь; понравилась ему молодая ворониха. Решил лебедь свататься за нее. Старики, родители лебедя, не соглашались на союз своего сына с дочерью старого ворона. Тем не менее молодой лебедь присватался к молодой воронихе и, как видный и знатный жених, разумеется, получил согласие. Оставалось только сыграть свадьбу. Позвал старый ворон своего будущего зятя к себе в дом на свадебный пир. Поставили перед гостем стол (неизвестно, были ли тут родственники лебедя); невеста села со своим женихом рядом. Принесли в деревянной чашке какое-то кушанье и поставили на стол. Хотел было лебедь закусить, но только прикоснулся клювом к блюду, его сейчас же стошнило, так скверно пахло от поставленного кушанья. Противно стало лебедю; поднялся он из-за стола и улетел к себе, сбросив при полете со стола блюдо. С тех пор лебедь заказал, чтобы никто из лебедей не женился на дочерях ворона, так как вороны очень плохо едят, а ноги его и конец клюва, которыми он прикасался к блюду ворона, стали черными и уже никогда не могли отмыться.

3. Сын старика и старухи

Сказка

Жил старик со старухой. Очень старые они были; быть может, им было лет за девяносто, а может, и за сто. Притом они были крайне бедны; не было у них ни скота, ни запасов. Питались старики чем и как придется. Наконец им стая угрожать голод; стало трудно добывать хоть что-нибудь.

— Как же будем жить теперь? У нас нет ничего! — говорили они друг другу уныло.

Думал, думал старик, гадал, гадал и наконец решил итти странствовать по свету; авось, что-нибудь и подвернется. Решил так старик и говорит однажды старухе:

¹ Тунгусы называют Дыгына царем якутов (по-якутски — саха ырахтабыта).

² Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 19—40. *Ред.*

— Ну, старуха, живи себе с богом, а я пойду искать, не найду ли где чего-нибудь. Буду ходить я три года.

Старик ушел. Долго ходил он по разным местам, питаясь кое-как тем, что найдется, но, проехав напрасно три года, вернулся назад, не найдя ничего. Возвратясь домой, старик застал свою старуху баюкающей какого-то мальчугана.

— Откуда, старуха, тебе бог послал такое добро? До старости дожили, а ни разу его не было? — воскликнул он, увидев ребенка.

— И сама не знаю, старик, — говорит старуха, — проснулась однажды утром, а он лежит у меня на постели.

Стали старики воспитывать ребенка. Тот рос с каждым днем. Прошло несколько дней, может быть, месяц какой-нибудь, а из ребенка вырос уже здоровенный детина, мужик целый. Время шло. Парень уже совсем вырос, возмужал и окреп. Прошло еще несколько времени. Сын и говорит отцу:

— Отец, набери-ка восемь сум земли.

Стал старик набирать землю в сумы; трудился, трудился он, устал, изнемог; уж очень он был стар и слаб, но все же набрал сколько нужно земли. Взял сын сумы с землей и говорит отцу:

— Ну, отец, смотри по ту сторону балагана¹; как я брошу суму через балаган, там окажется лошадь.

Стал сын перебрасывать сумы с землей, и действительно, как перебросит суму, появляется лошадь, перебросит другую — вторая. Так он перебросил все восемь сум, и за балаганом очутилось восемь лошадей.

— Это не простые лошади, — говорит сын, перебросив все сумы, — они испражняются не простым калом, а лошадями же.

И в самом деле: как выложит какая-нибудь из этих восьми лошадей кал, сейчас же появляется новая лошадь.

— Ну, отец, теперь у тебя есть чем кормиться, голодать больше не будешь, — говорит сын.

Разбогатели старики; что ни день — прибывают да прибывают у них лошади. Всюду разбросались табуны старика, и развелось у него лошадей несметное число. Долго ли, коротко ли, только стал сын скучать у стариков. Стала прибывать у него сила могучая; стало его тянуть с кем-нибудь подраться, потягаться, силой померяться, кости поразмять. Добыл он себе подстать сильного коня, железного, крылатого, и так стал говорить отцу:

— Ну, отец, питания я тебе достал вдоволь, лошадей у тебя много. Живи себе с богом, а я поеду побродить по свету, богатырей поискать, силой потягаться. Если жив останусь, вернусь к вам когда-нибудь; если ж убьют, ну, прощайте тогда и не поминайте лихом.

Попрощался витязь молодой с отцом, с матерью, сел на коня, свистнул, и только его и видели старик со старухой. Долго ехал витязь по горам, по лесам, по долинам. Стал он подъезжать к трем богатырям. Испугались двое из этих богатырей топота его лошади и попали в обморок. А третий, сказав: «Эх, вы, испугались сына старика со старухой. Вот я усмирю его», — пошел к нему навстречу. Завязался бой. Но недолго дрались они. Ударил стариков сын раз своего противника пятидесятипудовым посохом, другой раз, третий — слабость стал тот. Скоро он его и совсем убил и искрошил на мелкие кусочки. Не тронул двух товарищей убитого, победитель сел на своего коня и уехал дальше искать приключений. Много и долго он ездил по свету, много увидел и стран и людей, много раз дрался, многих убил. Нигде не нашел себе равного. И возгордился витязь. Думал он уже, что нет ему равного, что он только один и есть на свете сильный, славный и могучий богатырь. Заспесивился он; стал горд и заносчив. Едет он так однажды, преисполненный гордости, а конь его и говорит ему:

— Нужно, хозяин, вернуться! Пора! Не сдобровать нам, если двинемся дальше. Гибель нас ждет впереди, вернемся!

Рассердился витязь на свою верную лошадь, ударил ее своим пятидесятипудовым посохом и говорит:

— Глупое животное. Я тебя сделал, и ты же хочешь учить меня! Умней меня хочешь быть?

Еще побил он свою лошадь и поехал дальше. Вдруг на пути его перед ним предстал маленький человечек, совсем карлик, и говорит ему:

— Ты, сын старика и старухи, сделался слишком силен и хочешь стать сильнее меня. Я тебе не давал такой силы. Ты зазнался и слишком возгордился, так что мне надо смирить тебя. Я уже давно жду тебя здесь.

Сказав это, карлик исчез. Богатырь был сначала крайне удивлен речами карлика и не мог сообразить даже, в чем дело, но потом, по исчезновении того, опомнившись, очень рассердился.

— Ах, ты! Еще разговаривает. Зачем я его не убил? Надо было убить. — И поехал дальше. Не проехал он, однако, и десяти шагов, как заметил перед собой стоящего на пути богатыря гигантского роста, выше леса стоящего. Подъехал к нему стариков сын и говорит:

— Как: добром будем говорить или по-худому встретимся?

— Вот мой посох лежит, — кивнул тот в сторону, — подними его, попробуй; поднимешь, ну, тогда и разговаривай со мной.

— Вот где наш конец! — молвил конь своему хозяину.

— Молчи! — ответил тот и, слезши с коня, стал поднимать посох.

Но только он взялся за него и попробовал поднять, как ушел по колени в землю; еще понатужился — увяз по пояс, а посох лежит, как и раньше, словно его и не трогали. Собрал тут гор-

¹ Так называют якуты юрту.

дый витязь все свои силы, уперся руками в посох, попробовал поднять и ушел в землю по шею. Тогда только понял он, что пришел туг его конец, смерть пришла, и стал завещать:

— Пусть голова моя станет столовой горой, спинной хребет — горною цепью, а ноги и руки — горными хребтами.

Так сын старика и старухи, могучий богатырь, слишком возгордившийся своей непомерной силой, погиб, обратясь в столовую гору, хребты и горную цепь.

4. Богатырь-карлик

Сказка

Жили-были десять человек, очень сильных; каждый из них мог поднять сто пудов. Однажды они сидели за едой. В это время к ним пришел маленький, худенький парнишка и сказал:

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, — ответили те.

Гостя не пригласили есть, не дали ему никакой отдельной посуды, а просто каждый отрезал от своей доли по куску мяса и поделился с ним. Пока парнишка ел мясо, хозяева расспрашивали его, не знает ли он богатырей где-нибудь, так как они-де такие богатыри, что каждый из них поднимает сто пудов, и что они хотели бы сразиться с кем-нибудь. Гость ответил, что не знает богатырей. Тем временем один из хозяев поднялся из-за еды и спустился зачем-то в погреб. Парнишка, кончив есть, обратился к хозяевам с вопросом, кто из них старший, чтоб он мог поблагодарить его за угощение. Те грубо ответили:

— Все мы хозяева; благодари всех.

— Почему я знал, кого нужно благодарить? — сказал на это парнишка, но сказал это таким громовым голосом, что все сидевшие за едой девять человек тут же и умерли от испуга. Жив остался лишь тот, кто был в погребе, но и он выскочил оттуда, смертельно испуганный.

— Хочешь быть моим товарищем? — спрашивает его парнишка.

— Хочу, — отвечает хозяин, трясая от страха.

— Ну, так идем со мной, — и с этими словами парнишка вышел из чума; хозяин за ним.

Здесь парнишка завязал своему спутнику глаза и, посадив его на что-то, поехал. Долго ли они ехали, коротко ли, только, приехав в одно место, остановились. Силач снял с себя повязку и видит: перед ним прекрасный чум. Парнишка открыл дверной полог и юркнул вовнутрь. Хотел туда же войти и богатырь наш, но как ни старался, не мог открыть дверь; нюк¹ был так тяжел, что он не был в силах даже приподнять его край. Наконец, спустя много времени привезший его хозяин вспомнил о нем и сказал своим ребятишкам, что там, за дверью, стоит, должно быть, приехавший с ним худенький мужичок, напрасно силясь открыть дверь. Ребятишки подняли нюк, и силач вошел в чум. Здесь он увидел, что привезший его человек, которого он принимал за парнишку, был отцом множества крошечных ребят, которые были много сильнее его, хотя их и едва видно было с земли. Угостили его хорошо, много было разной вкусной пиши.

Прошло дней пять-шесть. В одно утро хозяин спрашивает гостя:

— Хочешь ли быть моим спутником и товарищем?

— Хочу, — отвечает тот, не смея отказаться.

— Ну, так поедем.

Они вышли. На дворе стояла огромная лошадь. Опять маленький хозяин завязал глаза своему спутнику, и они поехали. Долго ли, коротко ли, приехали к одному прекрасному дому.

— Это мой дом, — говорит хозяин, — я живу здесь, когда собираюсь сражаться с богатырями.

Теперь здесь, недалеко отсюда, есть три брата — богатыри, с которыми я и приехал биться.

Вошли в дом. Еды и питья здесь было вдоволь, ни в чем недостатка нет. Поели и легли спать. Наутро хозяин, выходя на двор, говорит:

— Сегодня я буду сражаться.

Скоро вслед за ним вышел и спутник его; но только он вышел, видит, что к нему идет огромный человек, выше леса стоячего. Товарищ маленького человека страшно испугался и стал низко кланяться незнакомцу. Тот и говорит:

— Что ты кланяешься, разве не узнал твоего товарища? У меня тут есть такая вода, выпив которой, я становлюсь таким большим. Только ты не рассказывай никому об этом. Ну, я пойду теперь драться, а ты сиди здесь и, если услышишь сильный шум и гром, не пугайся и не бей коня, чтобы уехать на нем. Если меня убьют, он сам уйдет отсюда и может спасти тебя. Сегодня я буду драться со старшим братом.

С этими словами великан ушел. Спустя немного времени оставшийся услышал страшный шум и гром и бряцание ору́жия. У него даже в глазах потемнело, как будто от страха, и он, сев на коня, стал попускать и бить его изо всей силы, чтобы уехать, но лошадь не повела даже ухом. В это время он увидел хозяина последней, окровавленного и устало бредущего обратно.

— Ну, слава богу, с одним справился и теперь могу спать. Если ты услышишь какой-нибудь шум, буди меня, а если не сможешь добудиться, возьми молоток и бей меня им по лбу.

Говоря так, великан вошел в дом и тотчас же завалился спать. Три дня и три ночи проспал утомленный хозяин. На четвертый день товарищ его услышал какой-то шум и бросился будить его. Но как ни кричал он, как ни бил, ни толкал спящего, тот спал себе попрежнему и ничего не чувствовал. Тогда силач вспомнил о молотке и, взяв его, три раза ударил им богатыря по лбу изо всей силы. Тогда только проснулся спящий. Сообразив, в чем дело, он встал, оправился, основа-

¹ Нюк — полотнище, сшиваемое из нескольких оленьих замш и служащее для покрытия чума. Дверной проход закрывается концом одного из таких полотнищ.

тедьно поел и затем, сказав своему товарищу, что теперь он идет сразиться с средним братом-богатырем и чтобы товарищ его остался ждать здесь и напрасно не бил лошадь, так как она все равно никуда не уйдет, пока он жив, он ушел из дому. Скоро битья донесся до оставшегося страшный шум, гром и бряцание; на этот раз ему показалось даже, что как будто небо потемнело, и перетрусивший мужик снова, забыв предупреждение, взобрался на лошадь и стал бить и погонять ее, чтобы убраться из страшного места; но лошадь попрежнему стояла как вкопанная. Через некоторое время вернулся хозяин, избитый и окровавленный еще более, чем в первый раз.

— Ну, бог помог и со вторым справиться. Этот был посылнее старшего брата. Теперь остался самый младший брат, самый сильный и страшный. Устал я, утомился и сейчас лягу спать.

Сказав это своему товарищу, богатырь вошел к себе и тотчас растянулся. Ложась, он сказал товарищу, чтобы тот разбудил его через пять дней. Ровно пять суток проспал он без просыпу. На шестые сутки товарищ разбудил его тем же порядком. Поевши как следует, великан опять ушел сражаться. Через некоторое время стали слышны такой страшный шум и гром, что бедному мужику небо стало казаться то белым, то красным, то черным. Наконец, спустя много времени возвратился боец, избитый и израненный более, чем когда-либо раньше.

— Ну, слава богу! Убил и последнего, — сказал он, подойдя и передохнув немного; — это были последние богатыри на земле; теперь уж не будет больше таких.

Спустя некоторое время он спохватился:

— Эх, жаль, забыл захватить золотое кольцо, надетое на мизинец убитого сегодня богатыря; надо было взять. Ну, да все равно лягу спать. Теперь я могу спать целую неделю; опасаться более некого, — и богатырь залег спать.

Долго сидел мужик дома и думал со скуки об убитых богатырях. Хозяин все спал. Захотелось мужику посмотреть убитых, но он не решался на это, так как спящий товарищ, перед тем как лечь, предупреждал его:

— Смотри, не вздумай ходить на место боя; последний богатырь очень худо лег.

Но, наконец, мужику нестерпимо стало сидеть; охота посмотреть на убитых перемогла страх, и он отправился. Недолго ему пришлось идти. Только он вышел на другую сторону леса, как видит — лежат недалеко друг от друга три человека, такие огромные, как отдельные холмы. Последний, недавно убитый, лежал, как-то свесившись корпусом, на правом боку, положив правую руку на левое плечо; на мизинце же этой руки блестело прекрасное золотое кольцо.

— Ах, какое хорошее кольцо, надо снять его, — подумал мужик и взялся было за руку убитого; но только что он коснулся руки, как она скатилась с плеча и придавила его, как пасть¹.

Таким образом он оказался придавленным и, как ни пытался освободиться, не мог. Долго так пролежал он тут. Мертвец уже начал разлагаться и пахнуть, а он все лежал; едва живой, мучимый голодом и жаждой. Наконец, через неделю, проснулся уснувший богатырь и, хватившись своего товарища, пробормотал про себя:

— Дурак этот наверное пошел на место боя.

Сказав это, он пошел туда и сам освободил своего еле живого спутника. Затем богатырь снял с убитого золотое кольцо и надел его, как обруч, вокруг туловища своего извлеченного товарища, говоря:

— Носи, если нравится, — после чего они оба вернулись домой.

Придя туда, хозяин сходил ненадолго в лес, откуда вернулся попрежнему крошечным чело-вечком. Покончив так со своими делами и приняв прежний облик, карлик с товарищем поехали домой, к семье хозяина.

Сколько времени по своем возвращении они прожили там — неизвестно. Только говорит однажды хозяин своему товарищу:

— Сколько пудов, ты говоришь, можешь поднять?

— Сто, — отвечает тот.

— Ну, что ж, это хорошо, — говорит хозяин, — и я могу поднять пудов с тыщенку; оно и ладно. Пойдем в город за покупками.

— Пойдем.

Пошли. Приходят в город и ходят по лавкам; маленький идет впереди, большой сзади. Все смотрят и дивятся. В одной лавке разговаривают друг с другом два старых купца, обращаясь частью к пришельцам или, вернее, к спутнику карлика. А надо заметить, что карлик предупредил своего спутника, чтобы тот как-нибудь не проболтался о богатырях.

— Были здесь, не так далеко отсюда, три богатыря, — говорит один купец. — Каждый год они писали в наши города, а нынче что-то нет письма. Что с ними случилось? Не слыхали ли вы чего-нибудь о них? — обратился купец с вопросом к пришельцам.

Только что мужик открыл было рот, чтобы сболтнуть, что ему было известно, как маленький спутник слегка толкнул его, чтобы тот молчал. Но как ни слабо толкнул карлик, толчок, однако, был так силен, что раздробил ноги спутнику, и тот со стоном свалился на пол. Тут карлик внезапно исчез, словно в воду канул, а товарищ его, оставшийся один, рассказал все, что ему было известно.

5. Хулян и ковшичан²

Сказка

Жили два приятеля — хулян и ковшичан. Были они семейные, имели по несколько детей и жили на берегу реки, в двух чумах по соседству друг с другом. Однажды друзья, соскучившись сидеть дома, решили поехать вверх по речке. Сказано — сделано. Приготовили две ветки³, взяли с собой

¹ Пасть — ловушка для ликого зверя.

² Хулян (huyán) — лисица; ковшичан (ковшичян) — мелкая лесная птица.

³ Челноки.

кой-какой запас провизии и в одно утро двинулись в путь. Ехали тихо; река была спокойная, течение незаметно. Ночью дорожки, вытаскивали свои ветки на берег и ставили их носом туда, куда лежал их путь, чтобы по ошибке не ехать обратно. Долго плыли приятели; может быть, неделю, может быть, две прошли, как они расстались со своими чумами. Ничего особенного за время пути им не попало. Стали в это время зарождаться у хуляна дурные мысли. На одном ночлеге, когда ковшичан уснул, хулян незаметно для товарища повернул ветки носом обратно, вниз по реке. Наступило утро. Ковшичан проснулся и стал будить товарища.

— Вставай, пора уже ехать.

— А разве рассвело уже?

— Рассвело, скоро уже день.

Встали приятели, сели в свои ветки и двинулись в путь. Течения попрежнему не было. Ковшичан не заметил, что едут обратно, и плыл спокойно. Долго плыли. Наконец, впереди ползли олени; их было не много, всего штук, может быть, десять, пятнадцать. В те времена вообще было не много оленей; штук десять, много двадцать у одного человека.

Подъезжают ближе.

— Что это, как один пороз похож на моего? — удивляется ковшичан.

— Глупый! Разве у тебя одного есть олени? — возразил хулян. — Мало ли бывает по охотам друг на друга оленей. Даже люди встречаются совсем одинаковые.

— А знаешь что, — сказал хулян немного спустя, — давай уьем этого оленя и съедим.

— Что же, давай, — ответил ковшичан.

Пороз ковшичана был убит и съеден. Проплыв еще немного, приятели увидели два чума. Заметив их, хулян остановил своего товарища и говорит:

— Ковшичан! Видишь ли впереди два чума? Я раньше бывал здесь и немного знаю эти места. В этих двух чумах живут две женщины, и у каждой есть дети. Пойдем туда, переьем их всех с детьми и угоним их оленей к себе домой. Хочешь?

— Ладно, — ответил ковшичан.

— Только вот что, — говорит хулян, когда ты будешь перебивать в том чуме, я поклянусь с этим чумом. Помни, что женщины эти очень хитры. Баба в том чуме, когда ты станешь убивать их, будет кричать тебе: „Муж, муж! что ты делаешь, зачем ты убиваешь своих детей! Или с ума сошел!“ Дети, наученные матерью, также станут кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас! С ума сошел!“ Но ты не слушай их, это одна только хитрость, и убей их скорей.

— Ладно, — ответил ковшичан, — а ты так же сделаешь?

— Ну, конечно, — ответил хулян, и заговорщики разошлись по двум чумам: хулян пошел в свой чум, ковшичан в свой. Войдя к себе, хулян подговорил жену кричать: „Муж! Что ты делаешь? С ума сошел, что ли?! Зачем убиваешь своих детей!“ А ребят своих научил кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас, с ума сошел, что ли?“ Научив их так, хулян начал стрелять из лука в чумовой шест, к которому прикреплена была перекладина с крюками для чайника и котла, а жена и дети хуляна принялись кричать и выть по его уговору. Услышав шум и крики в соседнем чуме, ковшичан начал рассстреливать своих детей. Как ни плакали, как ни молили его жена и дети, он был неумолим и живо покончил со своей семьей. Когда, перебив своих, ковшичан явился в соседний чум, хулян стал хохотать над ним.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Я ковшичана обманул, и он убил своих детей; я ковшичана обманул, и он убил свою жену! Ха-ха-ха!

Горько стало ковшичану, обидно. Стал он думать, как бы отомстить вероломному другу. Время шло. Наступила осень. Пошел первый снежок. Озерки покрылись льдом.

Говорит однажды ковшичан хуляну:

— Пойдем за озеро, поохотимся немного.

— Что же, пойдем, пожалуй, — отвечает хулян, думая, что добродушный ковшичан позабыл уже обиду. Нужно было перейти через озера. Легкий ковшичан пошел передом и шел, едва касаясь ногами льда и помогая себе слегка крыльями (хоть и люди они тогда были, а у ковшичана имелись крылья).

— Ковши, ковши! Лед что-то трещит под ногами, — говорит хулян.

— Полно, лед уже крепкий, — говорит ковшичан, — стучат только об лед мои слезы о моих детях.

Побежали дальше, но только сделали несколько десятков шагов, лед под хуляном обломился, и он погрузился в воду.

— Ковши, ковши! Помогни, я тону! — кричит хулян. — Тащи жердню.

— Сейчас.

Ковшичан побежал на берег и притащил оттуда жердь; но только жердью он не помогал выбраться хуляну, а, наоборот, давил тонущего. Хулян барахтался, барахтался, но наконец устал и пошел ко дну. Но не такой он был парень, чтобы погибнуть. Пошел хулян ко дну и попал к язам. Узнали его язи и спрашивают:

— Ты, хулян, не шаман ли? У нас мать сильно больна, нужно бы пошаманить немного.

— Да, я шаман и, если хотите, могу полечить вашу мать.

— Пожалуйста, хулян, пошамань, а мы уж тебя отблагодарим, если вылечишь.

— Хорошо, — говорит хулян, — сделайте в таком случае большое туру¹, продолбите лед на озере и поставьте туру так, чтобы оно выходило за лед. Затем принесите нюки и закройте нас, когда я стану вытягивать болезнь из вашей матер:. Мать ваша будет кричать: „Хулян убивает меня, хулян ест мою икру! Ловите хуляна, бейте его!“ — так вы не обращайтесь на это внимания, так как это болезнь будет кричать в ней, чтобы я не выгонял ее.

— Хорошо, — согласились язи.

¹ Шаманское дерево.

Устроили туру, притащили нюки, устроили занавес для матери. Начал шаманить хулян, а потом, спустя немного, забрался под занавес, распорол больной живот и начал есть ее икру.

— Ой, спасите, хулян ест мою икру, ловите хуляна, бейте его скорее! — закричала старуха, но наученные хуляном язи не тронулись с места. Кончив есть икру, хулян вышел из-под нюка и, говоря, что нужно теперь подниматься наверх, выбрался по туру на лед озера, где и хохотал досыта над простотой язей. Посмеявшись над язями, хулян отправился в лес, где встретил старика с двумя худыми оленями.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечает старик.

— Почему у тебя, дедушка, олени такие сухие?

— Как же им не быть сухими, когда их у меня только два.

— Э-э, я бы их в три дня откормил, и они бы у меня разжирили.

— Ну, уж?!

— Правда, откормил бы! — уверяет хулян.

— А ну, попробуй откормить моих, — говорит старик.

— Что ж, пожалуй, — соглашается хулян, — только, дедушка, оставь мне молоток свой; я со скуки буду учиться ковать.

Оставил старик хуляну оленей своих и молоток, а сам пошел домой, к своей старухе. Оставшись один, хулян, не долго думая, убил оленей и начал есть их, расколочивая молотком кости, чтобы добыть мозг. Дня через два является он к старику.

— Ну, что, хулян, где олени? — спрашивает старик.

— В лесу, разжирили так, что и не справишься с ними, — отвечает хулян.

Пошел старик в лес, увидел обглоданные кости и кой-какие остатки своих оленей и кричит оттуда на бегу своей старухе:

— Старуха, старуха, держи хуляна, он съел наших последних оленей!

Старуха была глуховата и обращается к хуляну:

— Скажи, хулян, что кричит мой старик?

— Он кричит, бабушка, — говорит хулян, — отдай, старуха, хуляну наш последний жир, привяжи его ему на хвост, так как он хорошо поправил наших оленей.

Привязала старуха к хвосту хуляна последний жир в пузыре, и тот удрал в лес, где хохотал над тем, как надул старика со старухой. Пробегая хулян дальше и встретил несколько волков.

— Здравствуйте, волки, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечают те.

Присел хулян к волкам, достал свой пузырь с жиром, привязанный к его хвосту, и начал есть.

— Что ты ешь, хулян? — спрашивают волки.

— Жир, — отвечает тот.

— Дай нам попробовать.

Дал им хулян жиру; попробовали волки.

— Вкусно, — говорят. — Где ты его достал?

— Там, в реке.

— Как в реке?

— Да так, сунул хвост в прорубь, просидел ночь, а наутро и вытащил пузырь с жиром.

— Та-ак, — говорят волки. — Научи же, хулян, и нас, как добывать жир из реки.

— Что же, пойдемте, пожалуй, — говорит хулян.

Пришли к реке, нашли прорубь; сунули туда волки свои хвосты и сидят, ждут. Сидел с ними и хулян, только хвост у него загнут вверх, вплоть к спине, так что его не заметить. Долго сидели охотники до жира. Был мороз; вода в проруби замерзла, а с ней вместе замерзли ко льду и волчьи хвосты. Как только заметил хулян, что волки прикованы крепко, захотел сейчас же и пустился бежать.

— Ха-ха-ха! Вот дураки. Как я их надул, — слышалось одураченным волкам.

Бежал, бежал хулян, проголодался, а жиру-то уже больше нет. Нашел он в лесу оленьи рога и стал грызть, но толку от этого не вышло; сломал только себе один зуб и побежал дальше. Скоро добрался хулян до одного чума, где было много народа, и сделался у них гостем. Сидел он у них, ел, пил и беседовал. Много ли прошло времени или мало, только прибегают туда надутые хуляном волки. Бог их знает, как они освободили свои хвосты из льда; но только так или иначе освободились и пустились догонять хуляна. Дорогой нашли обглоданные им рога и его сломанный зуб. Подбежали они к чуму и совещаются:

— Как нам узнать хуляна? Он теперь среди людей.

— Мы можем узнать его только по зубам, одного зуба у него нет.

— Вот что, — говорит старший волк, — надо их всех насмешить; прыгайте вы один за другим через костер, а когда шерсть на вас будет загораться от огня, все будут хохотать, а вы примечайте, кто как смеется.

Так волки и сделали. Прибежали в чум и давай прыгать один за другим через костер. Костер был порядочный, прыгали волки тяжело, и то у одного, то у другого вспыхивали от огня то хвост, то брюхо.

Все сидевшие в чуме стали смеяться, что, мол, эти волки вздумали через огонь скакать, и как они прыгают недовко. Смеялся вместе с другими и хулян, но только все прикрывал рот, чтобы волки не заметили у него сломанного зуба. Однако хитрость не спасла его; волки заметили, так он все прикрывает рот, набросился на него и давай его бить и кусать. Долго били хуляна волки, но все же оставили его в живых, избитого до полусмерти, и ушли. Остался хулян, повораля некоторое время, а потом опять принялся за старые проделки.

Побежал хулян в лес и встретил медведя.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.
— Здорово, хулян, — говорит медведь.
— Ты где ночуешь, дедушка?
— А где придется.
— Брр! Это очень холодно, — говорит хулян, — я так всегда выбираю самые теплые места.
— Где же ты спишь? — в свою очередь спрашивает медведь.
— А я всегда сплю в таком месте, где раньше всего начинает греть солнце, например, на откосе горы, не выступе утеса и т. п. Хочешь, я покажу тебе хорошее место?
— Пойдем, — говорит медведь.

Привел хулян медведя на маленький выступ скалы, где едва могут улечься рядом два-три человека, и говорит:

— Вот хорошее место, здесь и будем спать. Ты, дедушка, человек старый, еще свалишься ночью в пропасть, так ложись к стене, а я лягу с краю; только если ночью я скажу тебе: по-двинься, дедушка, а то ты меня столкнешь, так ты подвигайся к стене.

— Хорошо, — говорит медведь, — и новые приятели легли спать. Медведь как лег на бок, так скоро и захрапел. Тогда хитрец перелег с другой стороны медведя и говорит как будто с испугом:

— Дедушка, дедушка, отодвинься подальше, а то теснишь меня и я скоро свалюсь.
Медведь хотел было отодвинуться, повернулся, но тотчас же сорвался и полетел вниз, где и разбился на-смерть. Хуляну только и надо было этого.

Он спустился вниз, распотрошил медведя, наделал из его сала колбасы, наелся досыта, пожил здесь немного, питаясь медвежатиной, а потом, сунув одну колбасу за штаны, побежал опять рыскать. Бежал, бежал он по лесу и добежал до мужика, добывавшего тес.

— Здорово, приятель, — говорит хулян,

— Здорово, — отвечает тот.

— Это ты, что ли, на двух женах женат?

— Я, — говорит тот.

— С которой же из них ты спишь теперь?

— С молодой, — говорит тот.

Присел тут хулян, высунул из-за штанов медвежью колбасу, отрезал от нее кусок и стал есть.

— Ты что это ешь, хулян? — спрашивает мужик.

— А репiс свой, — отвечает тот.

— Ну-у?! Врешь, хулян.

— Зачем врять?

— И вкусно?

— Очень вкусно!

— А ну, дай попробовать.

Опять высунул хулян конец колбасы, отрезал от нее кусок, отдал ее мужичку, а остальное снова спрятал за штаны. Попробовал мужик колбасы — вкусно, понравилось.

— Да как же это ты делаешь? Врешь, поди? — говорит он. — Вель это больно, должно быть?!
— Нисколько, — говорит хулян, — отрежь конец репiс'a, а он сейчас же отрастет снова; вот попробуй у себя отрезать.

Боязно мужик, да и колбаса вкусна. А тут хулян опять режет свою колбасу и так аппетитно жует. Соблазнился мужик, извлек свой репiс, хватил по нему ножом, да тут же и свалился без слов и скоро от потери крови умер. Взял хулян приготовленный мужичком тес и пошел к его чому. Там его встретили дети умершего.

— Что это у нас отец как будто не похож на себя немного сегодня? — говорят ребятишки.
— Гм... как же не казаться другим, когда целый день работал и устал. Ташите скорей яхинга¹ (jahиga) и пурульба² (пурулба), — добавил он.

Хотя и неправильно назвал он скобель и коловорот, но дети все же принесли их. Начал хулян скоблить. Скоблил, скоблил, но только ничего у него не выходит. Бросил он скобель и доски и сказал:

— Устал, завтра доделаю, — и ушел в чум.

А тем временем сделалось уже темно. Поужинал хулян и лег спать с молодой женой умершего мужика. Ночью вдруг баба кричит:

— Ой, это не муж мой, а хулян; у него репiс костяной; бейте его топором. Ой, больно, бейте скорей!

Старая жена умершего схватила топор и ударила им с размаху, но хулян успел соскочить и убежать, а удар топором пришелся по лежащей бабе и рассек ей живот. Умерла баба, а хулян бежит себе как ни в чем не бывало по лесу да посмеивается. Долго ли, коротко ли он бежал, только видит — стоит амбарчик, а около — санка, запряженная оленями. Подбежал ближе, видит — девушки грузят в винкири³ сушеный олений жир и другие съедобные запасы. Подошел к ним хулян.

— Здорово, девки!

— Здорово, хозяин!

— Что вы тут делаете?

— А жир хотим везти домой, да вот горе: не знаем, как проехать напрямиком, а так уж очень далеко ехать; может быть, ты знаешь прямую дорогу и покажешь ее нам.

¹ Скобель. Хулян употребил неправильное, искаженное слово, сделавшееся благодаря этой сказке юмористическим. Правильно по-тунгусски скобель называется — иранчива.

² Лопарье, коловорот (слово искаженное вместо — пурупчана).

³ Сумы для оленьего выюка.

— О-о, эту дорогу я очень хорошо знаю и, коли хотите, могу показать ее вам, — говорит хулян. — Только положите меня в санку, рядом с винкирями, а сверху закройте; когда доедете до какой-нибудь речки, спрашивайте: какая эта речка? и я вам буду называть их.

— Ладно, — говорят девушки.

Набили они свои винкири жиром и другими съедобными вещами, нагроулили их на санки, посадили туда же хуляна и поехали в ту сторону, куда он им показал. Ехали, ехали и доехали до одной речки.

— Это какая речка, хулян? — спрашивают девки.

— Эта речка называется „Хуляльгы“¹, — отвечает хулян.

Едут дальше. Через некоторое время попадает другая речка.

— А это какая речка? — спрашивают хуляна.

— „Умурульга“², — отвечает тот.

Опять едут дальше; встречается третья речка.

— А это какая речка, хулян?

— Это речка „Дулильга“³, — отвечает тот с воза.

Едут девки дальше, и попадает им скоро еще речка.

— Ну, а это какая речка, хулян? — спрашивают опять девушки.

— Речка „Кумкальга“⁴, — отвечает тот.

— Ну, а теперь выпустите меня, девки, — говорит хулян, — отсюда уже близко до вашего дома, а к тому же и дороги дальше я не знаю.

Выпустили девки хуляна, и тот побежал в лес.

Но только он отбежал от них немного, сейчас же захотел:

— Ха-ха-ха! Я девок надул. Ха-ха-ха! Я у них весь жир съел.

— А-а, хулян обманул нас, надо его догнать, — сказали девушки, сели в санку и пустились догонять его.

Побежал хулян в лес, а там был уже глубокий снег.

Бежал, бежал хулян и скоро стал уставать, а девушки его нагоняют. Что делать? Залез хулян на дерево и сидит, ждет.

Подъехали девушки к дереву и начали советоваться, как достать оттуда хуляна.

— Надо срубить дерево, — говорит одна.

— Нет, это не годится, — говорит другая, — дерево упадет, хулян соскочит с него и опять убежит.

— Давайте подожжем дерево, — предложила третья.

— Правда, давайте, — согласились все хором.

Живо натаскали под дерево целые кучи хвороста и подожгли все это. Скоро затрещал хворост, задымил; стали подниматься огненные языки кверху, стали они жечь и палить хуляна. Стал хулян задыхаться в дыму, стал гореть и взмолился он тут огню:

— Ах, огонь, огонь, не сожги всего, а оставь меня в живых, хоть с рукав величиной!

Внял огонь просьбе хуляна и оставил его в живых, но только с тех пор он стал не больше рукава шубы.

Так был наказан хулян за свои проделки и сделался маленьким зверьком, а от него пошли теперешние хуляны, маленькие и красноватые, как будто огненные.

СПБ. Ноябрь 1907 г.

И. П. Толмачев

Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы“ в пересказе В. Н. Васильева⁵

Сказки и предания тунгусов, пересказанные В. Н. Васильевым, были собраны им во время Хатангской экспедиции Географического общества, работавшей в 1905 году под моим начальством в Туруханском округе Енисейской губернии. Когда мы в феврале 1905 года двинулись из Туруханска, к нам прикомандировали в качестве переводчика для тунгусского языка (В. Н. Васильев, превосходно владеющий якутским языком, с тунгусским имел дело впервые) тунгуса Илимпейского рода Данилу Хирагир, который и был с нами неразлучно во все время экспедиции, а во время плавания экспедиции по рекам Котую и Хатанге, т. е. около двух с половиной месяцев, он был нашим единственным рабочим или, так как мы и сами были такими же рабочими, нашим помощником и товарищем, ехавшим с нами на равной ноге, спавшим в одной палатке, делившим все лишения и удовольствия экспедиции, радовавшимся вместе с нами нашим удачам и горевавшим над нашими печальми. Осенью, когда мы снова поехали на оленях в сопровождении большого числа инородцев, Данила удержал свое место в нашем чуме и был все время неизменным членом нашего общества. Он быстро привык к нам, даже привязался: любознательный до крайности, как все его соотечествен-

¹ „Начинаю развязывать“ (искаженное, вместо хулялим).

² „Верх винкиря“ (искаженное, вместо умурун).

³ „Половина“ (искаженное, вместо дуинман).

⁴ „Чисто, конечно“ (искаженное, вместо кумкам).

⁵ Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПБ. 1909, стр. 41—44. Ред.

ники, он всем интересовался, с живейшим участием прислушивался к нашему разговору, расспрашивал о том, о другом и сам рассказывал, что мог и знал, и между прочим целый ряд преданий и сказок, которые рассказываются среди тунгусов. В начале путешествия и летом, когда мы были завалены работой и времени было мало, мы могли слушать эти рассказы только урывками. Позднее, когда быстро приближающаяся полярная зима все более и более сокращала рабочее время и длинные вечера сделались значительно свободнее, мы начали коротать их, рассказывая и слушая сказки. В это время и рассказывались обыкновенно сказки и предания, пересказанные здесь со слов Данилы В. Н. Васильевым. Сказки записывались также и другими участниками экспедиции, но В. Н. Васильев, в круг занятий которого входило и собирание сказок и преданий, более трудился над ними, чем это было возможно для нас; он постоянно возвращался к своим записям, не раз заставлял Данилу рассказывать снова, расспрашивал его об отдельных, неясно понятых местах, вообще прилагал все старания к возможно более точной записи рассказов Данилы, почему эти сказки и предания и печатаются им здесь только в своей редакции.

Данила Хирагир—сын сестры тунгуса Николая Хирагира, по прозвищу Чунго, бывшего во время нашей экспедиции старшиною или князем Илимпейского тунгусского рода. Данила вырос и воспитывался в семье своего дяди, затем служил работником у туруханских купцов, где и научился с грехом пополам говорить по-русски, благодаря чему он попал к нам в экспедицию, а еще ранее (в 1896 году) в экспедицию Асташева. Николай Хирагир, дядя нашего сказочника, является типичным тунгусом со всеми достоинствами и слабостями своего народа, патриотом которого его можно назвать вполне.

Тунгусы северной Сибири постепенно, но неукоснительно уступают перед более сильными якутами, теряют свой язык и, наконец, обьякучиваются совершенно. Процесс обьякучивания идет с севера и северо-востока, и в верховьях реки Хатанги мы и имеем как раз место, где идет бескровная борьба двух народностей. Такие патриоты-тунгусы, как князь Николай, инстинктивно борются за наследие своих родичей и прежде всего за свой язык. Так, про князя Николая, как и про некоторых других видных тунгусов, мы только в конце путешествия узнали, что они довольно прилично говорят по-якутски и во всяком случае понимают этот язык превосходно. Вначале же, при наших разговорах с князем Николаем, с которым нам пришлось иметь много дел, мы должны были пользоваться услугами Данилы как переводчика, отказываясь от содействия В. Н. Васильева, крайне существенного при всяких расспросах. Но Николай Хирагир борется и иначе за свою национальную самобытность. Он любит рассказывать тунгусам, собравшимся в длинные зимние вечера перед гостеприимным камельком его балагана, о том, как жили тунгусы прежде, какие они были удалцы, как непохожи они на своих выродившихся, слабых потомков—одним словом, является хранителем традиций и преданий своего племени. Он—большой любитель рассказывать сказки, чем, по словам Данилы, он готов заниматься напролет целые ночи, причем нередко сердится, если его не хотят слушать или слушают невнимательно, уходят, засыпают, так что слушание сказок является в иных случаях известного рода повинностью. Все тунгусские сказки и предания, сообщенные нам Данилой, он слышал от своего дяди, что, конечно, делает их еще более для нас интересными. Но сообщенные здесь В. Н. Васильевым сказки представляют лишь часть того, что мы слышали от Данилы. Целый ряд его рассказов напоминал нам сказки Андерсена, Гримма, баллады Жуковского и Пушкина и др. Оказывается, что наш способ коротать во время экспедиции длинные зимние вечера применяется на всем севере как инородцами, так и русскими, и Данила по поводу многих из рассказанных им сказок мог указать, от кого он их слышал впервые. С каким удовольствием слушают инородцы сказки, мы видели сами, и я никогда не забуду, как рад был Данила, когда я в награду за его сказки рассказал ему про подвиги Ильи Муромца, как не забуду того восторга, с которым он прослушал знаменитую сказку „о рыбаке и рыбке“.

По словам Данилы, его дядя иногда рассказывает заимствованные сказки, но именно рассказывает, тогда как те предания, которые им считаются как бы своими, тунгусскими былинами, он поет. Но этот признак не является достаточным критерием. При отсутствии письменности и строгой преемственности преданий, что вызвано главным образом неимением определенных местожительств, сказания и предания не восходят в глубь веков и легко спутываются, и, быть может, внуки нашего Данилы будут петь сказку о рыбаке и рыбке, как поет теперь, возможно, Николай Хирагир какую-нибудь сказку, которую его дед или прадед слышал от русского торговца или казака.

СПБ. Февраль 1908.

К. Рычков

ИЗ ОБЛАСТИ ТУНГУССКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Хенукучан

Тунгусская сказка ¹

Старый Бамбай леговал на реке Кемчуге. Улова рыбы не было. Наступила осень. Было сыро и темно. Ветер сердито шумел, срывая последние листья с деревьев, а на речке показались забереги. Бамбаю с его большой семьей грозила голодовка. Оставаться на реке Кемчуге и думать было нечего, а потому старик решил перебраться на другое место.

¹ Из „Сибирского архива“ 1913, № 12, стр. 530—535 *Ред.*

Кроме пяти малолетних детей, у Бамбая воспитывался еще сиротка, восьмилетний мальчик Хенукичан¹.

Бамбай решил бросить сироту на произвол судьбы, так как он не в силах был прокормить и родных детей, которым также неминуемо грозила голодная смерть. Перед отъездом Бамбай увел сиротку в лес, посадил его к комю векового кедра, дал ему огниво, кремь и немного рыбы, которую советовал есть по маленькому кусочку, и, обещая сиротке вернуться через три дня, оставил его.

Уныло воеет резкий ветер в дождливую холодную осень. Мечется он по темному лесу, плачет и ропщет.

Сидит сиротка у дерева и слушает печальный вой ветра. Кругом нависли серые тучи. Грустно сделалось сиротке, и стал он подпевать ветру свою любимую песенку.

Один был рябчик,
Один—пикал.
Кто скажет: жалко,
Жалко бедного рябчика.

Так пел сиротка, а холодный ветер пронизывал его до костей. Наступили сумерки. Черные, ляпкие чудовища-тучи опускались к земле все ниже и ниже. Заморосил дождь.

Жметя сиротка к дереву, дрожит от страха и холода, прячет посиневшие ручки в ломотья своей одежды... Наконец дрема застилает ему глазки, и мальчик засыпает. В грезах мальчик видит родную мать, которую год тому назад съел дьявол-химер².

Внепился сиротка обеими рученками за шею матери, а она любовно гладит его по головке, целует и крепко прижимает к сердцу. Вдруг видение исчезло. Вместо матери, как из земли выросло ужасное чудовище, с огненными глазищами, костлявое, с рогами и хвостом—страшное, как сама смерть. Ужас охватил сиротку: узнал он этого дьявола-химер, который съел его отца и мать. В первый раз видел Хенукичан этого дьявола во сне в ту ночь, как умерла его мать.

В долгие осенние сумерки он часто слушал рассказы старой Поньги, жены Бамбая, о страшном химере. Под монотонную речь старухи у него слипались глаза, а во сне он мечтал, бредил и грозил кому-то рученками. Ненавидел он этого дьявола всеми силами своей души. Много раз он намеревался поставить на него капкан. Много раз просил бога, горячо и убедительно, как могут просить только дети, убить этого дьявола громом, чтобы он не поедал людей, и вот этот дьявол теперь стоял перед ним, протягивал к нему свои отвратительные, костлявые руки...

В это время опять явилась мать, мальчик вскрикнул от радости и кинулся к матери. Хотел было дьявол схватить в свои когти мальчика, но мать защитила свое дитя. Она взяла его на руки и понесла на высокую гору. Здесь она поцеловала свое дитя, шепнула ему на ушко: „иди к богу“ и скрылась...

Отправился мальчик к богу. Долго ли, коротко ли он шел, неизвестно. Наконец достиг роскошного дворца из белого камня. Дворец обнесен был высокой каменной стеной. У ворот стоял караульный.

Увидел караульный сиротку и от удивления даже разинул рот.

— Откуда ты? Кто твой отец? Как ты попал сюда?

— Я—человек средней земли. Нет у меня ни отца, ни матери. Имя мое—Хенукичан. Я пришел к богу просить у него какой-нибудь работы. Не даст ли боженька мне какой-нибудь работы,—сказал сиротка.

— Хорошо,—говорит караульный,—я пойду скажу об этом богу, а ты подожди здесь.

Пришел караульный к богу и говорит:

— Сиротка из средней земли Хенукичан пришел, просит у тебя работы.

— Знаю,—говорит бог,—добрый мальчишка, пусть вместо тебя караулит вход.

Караульный передает сиротке приказание бога, и мальчик стал караульным. Старательно относился сиротка к своей обязанности, зорко следил за тем, чтобы кто-либо не проник без его ведома к богу, и скоро привык к своей должности; повеселел, поправился и перестал тосковать по родной матери.

Стоит однажды сиротка, сторожит вход, вдаль поглядывает и видит, к ужасу своему: идет прямо на него тот отвратительный дьявол, от которого спасла его родимая матушка. Перепугалась сиротка, затрясся от страха и хотел было бежать, но пересилил свой страх и крикнул:

— Что тебе надо, дьявол поганый!

Химер устала на него свои огненные глазища и говорит:

— Пусти меня, пожалуйста, к богу. Я есть хочу.

— Нельзя,—ответает сиротка.—Я сам пойду к богу, скажу ему, а ты подожди здесь.

Химер присела у входа, а сиротка побежал к богу, упал перед ним на колени и говорит: — боженька, химер пришла и говорит, что есть хочет. Убей, боженька, этого поганого дьявола, чтобы она людей не пожирала.

Выслушал бог сиротку, рассмеялся и говорит:

— Глупый ты. Скажи химер, пусть она три года ест людей среднего возраста. Иди и скажи ей так.

Сиротка был уверен, что бог поймет его, примет его слезы и просьбу и, без сомнения, убьет ужасного дьявола, причиняющего всюду столько горя и несчастий. Но каково было удивление мальчика, когда сам бог велел дьяволу поедать людей целых три года.

¹ Рябчик.

² Искаженное русское слово „смерть“.

Напугался мальчик, пошел обратно передать химер приказание бога. Идет и думает: „А ведь у меня дяди и тетки есть, съест их поганый дьявол“. Подумав мальчик, тряхнул решительно головой, улыбнулся чему-то и бодро пошел к химер. Та спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог приказал тебе есть на земле средние лесины три года.

Ушла химер. Три года она пожирала только лесины среднего возраста. Опустошила целые леса. Люди за это время не умирали. Не было ни слез, ни горя, всем хорошо жилось. Весело было сиротке. Но быстро пролетели три года, и химер снова явилась.

— Пусти меня к богу, я голодаю,—говорит она сиротке.

— Подожди немножко,—отвечает сиротка,—я сам скажу об этом богу.

Прибежал мальчик к богу и сказал, что пришла голодная химер.

Бог приказал:

— Скажи ей, чтобы она ела три года ребят.

Идет сиротка назад и думает: „А ведь у меня братья и сестры есть... Дьявол съест их“.

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог сказал, чтобы ты три года ела,—отвечает сиротка,—прутья тальника.

Ушла химер. Снова три года она пожирала только прутья тальника. Снова люди не умирали на земле, жили весело, радовались и хвалили бога; хорошо было и сиротке. Но незаметно пролетели и эти три года.

Явилась химер изможденная, исхудала вся, остались только кости да кожа, и просит мальчика:

— Пусти меня к богу, я с голоду умираю.

— Ну, этого нельзя,—говорит мальчик,—сам богу скажу об этом.

Пришел мальчик к богу и говорит:

— Пришла химер и жалуется, что пропадает с голода.

— Скажи ей: теперь, пусть три года ест старых людей,—приказывает бог.

Идет назад сиротка ко входу и думает: „Э, у меня есть дедушка и бабушка... Съест дьявол деда Бамбая и старую Поньгу“.

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Да что сказал бог: сухие деревья ешь три года.

Ушла химер. Опять три года грызла она сухие деревья. Люди не умирали, радовались и хвалили бога. Еще быстрее пролетели и эти три года. Сиротка уже поджидал дьявола, но химер не являлась. На этот раз она перехитрила мальчика: оборотилась мухой и незаметно пролетела к богу.

— Издыхаю с голоду,—жалуется химер богу.—Три года я ела средние деревья, три года еда одни только прутья тальника, три года грызла высохшие деревья. Людей расплодилось видимо невидимо; скоро места для них нехватит на земле.

Разгневался бог на мальчика и говорит:

— Поди съешь наперед лгунишку.

Приходит химер к сиротке и говорит:

— Теперь за тобой очередь, так как бог приказал мне съесть наперед караульного.

— Погоди, успеешь,—просит сиротка.—Дай подумать, да отпусти меня погулять на волю, хотя на три дня.

Химер согласилась обождать три дня и отпустила мальчика на свободу. Отправился сиротка обратно на среднюю землю, до которой достиг только на третий день. Оставалось жить один день. Страшно боялся сиротка ужасного дьявола, сердце сжималось от печали и страха, а время шло, и конец был близок.

Погоревал, поплакал мальчик и пошел отыскивать там вековой кедр, у которого его оставил старый Бамбай. Приходит смерть. Сиротка говорит:

— Подожди немножко, успеешь. Сделай милость, расскажи мне, пожалуйста, как ты попала к богу. Я стерег хорошо. Стены кругом непроходимые. Как же ты ухитрилась проскочить?

— Да так,—отвечала смерть,—я обратилась мухой и пролетела над самой твоей головой, а ты этого и не заметил.

— Ну, это ты жешь,—говорит сиротка.—Ну-ка, теперь сделайся мухой да залезь вот в это дупло, тогда я тебе поверю.

Смерть тотчас обратилась мухой и залезла в дупло векового кедра. Сиротка быстро заткнул пробкой отверстие, и дьявол остался в дупле.

„Попался, поганый дьявол,—думает сиротка,—теперь уж я тебя не выпущу“.

Обрадовался мальчик счастливому исходу, запел песни и с радости даже заплясал вокруг старого кедра.

Назавтра Хенукичан отправился разыскивать старика Бамбая и старую Поньгу. Нашел он их скоро, на старом родовом месте. Старики обрадовались ему, и сиротка стал жить у них. Помогал старикам промыслять диких оленей, коз, сохатых, соболей, а летами добывать рыбу. Зажили старики богато.

Порой, в свободное от промысла время, Хенукичан рассказывал старикам про свои похождения: о том, как он был на небе, как просил бога убить страшного дьявола, как одурчал он этого дьявола и, наконец, как ему удалось совершенно избавиться от него.

Слушали старики и дивились его рассказам, а больше того — его мудрости. Скоро слава нем распространилась по всей земле. Люди стали уважать его. Богатство его год от года преумножалось, и стал Хенукичан самым умным, знатным и самым богатым человеком своего народа. Женился он на первой красавице и жил счастливо. Жили и другие хорошо, не умирали и даже забыли про самое смерть.

Так прошло много лет. Хенуқычан стал уже стариком, волосы его побелели, как снег, кожа стала сухая, морщинистая; глаза впали, зрение потерялось.

В это время к Хенуқычану явился бог и говорит:

— Куда ты девал химер? Отпусти ее.

Как ни стар был Хенуқычан, но чувство бесконечного ужаса овладело им. Однако делать было нечего, и он в тот же день выпустил химер на свободу.

С остервенением и жадностью снова набросился страшный дьявол на людей, выбирал самых здоровых, которые всем своим существом чувствовали, что могли бы жить и наслаждаться жизнью.

Снова, как гадкая, липкая жаба, появилась смерть на земле, полились слезы, и люди стали вымирать целыми семьями и родами...

2. Медведь и карась¹

Однажды медведь вытащил из озера поставленную одним тунгусом сеть, в которой запутался карась. Медведь хотел его съесть, но карась заявил медведю, что так, просто-напросто, снапать и съесть не принято по звериным обычаям, а вместо этого предложил медведю следующее.

— Ты,—говорит карась,—живешь на земле, а я в воде; давай поменяемся на некоторое время условиями жизни, т. е. ты полезешь в воду, а я останусь на берегу! Интересно будет: кто из нас дольше выдержит. Если ты будешь дольше моего находиться в воде, чем я на земле, то я разумеется, умру и тогда ты съешь меня.

Медведь согласился с доводами карася и тотчас забрел в озеро и погрузился на дно, а карась остояя на берегу.

Долго медведь крепился в воде, но стал задыхаться, вынырнул и быстро выскочил из озера.

Отдохнул маленько и направился к карасю узнать, жив ли он.

Тот, видимо, прекрасно себя чувствовал: спокойно спал.

Это взбесило медведя, он рассердился на карася, ударил его лапой и пошел прочь. Карась сплюснулся и стал похож на лепешку, а до этого случая карась был, по рассказам тунгусов, шарообразным, круглым.

3. Глухарь и лебедь

Однажды зима была страшно холодная. Птицы чуть ли не все позамерзли от стужи. Остался только один глухарь, но и тот следующей осенью, увидев отлетающих на юг лебедей, стал и плакать и проситься с ними лететь на зиму в теплые страны.

— Возьмите,—говорит,—меня, белые лебеди, в теплые страны!

— Отстанешь!—отвечают лебеди.

— Нет, не отстану!—настаивает глухарь.

— Хорошо!—соглашается одна из лебедей.—На всякий случай я привяжу тебя к себе за веревочку. Согласен?

— Согласен!—отвечает глухарь.

Лебедь накинула глухарю на шею петлю поводка, а концы — в свой клюв, и приятели отправились в далекое путешествие. Сначала глухарь держался за лебедю, но затем стал уставать; наконец совершенно выбился из сил и лететь уже не мог. Лебедь с большим трудом дотащила его до первой остановки и говорит ему:

— Вот что, глухарь, оставайся здесь на зиму! Если мы, птицы, все улетим, тогда что же люди будут есть зимою?

Глухарь пуще прежнего заплакал и говорит:

— Нет, не останусь я!

— Здесь ты боишься холода, а там, на юге, ты умрешь от жара, и блохи тебя съедят живо,—уговаривала глухаря лебедь.—Я тебе подарю на память беленькие перья к крылышкам, только останься!

И лебедь поделилась с глухарем беленькими перьями, чтобы только он отстал.

Глухарь долго и безуспешно плакал, но все же послушал совета лебедя и остался на зиму в наших местах. От слез у глухаря покраснели глаза и брови. Кроме того, с этого времени у глухарей появились беленькие перья в крыльях.

4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?

Всякое явление первобытные люди рассматривают под углом зрения своей крайне оригинальной философии. Так, отсутствие стад оленьего скота у енисейских остяков, казалось бы, объясняется довольно просто, т. е. постоянной убылью оленей вследствие чуть ли не ежегодных эпизоотий и эпидемий, уносящих огромное число жертв, пополнить которое нет возможности. Однако сами остяки стараются объяснить это явление в несколько необычном для нас виде, но имеющем достаточно оснований и смысла с точки зрения первобытного человека.

Однажды, рассказывают остяки и тунгусы, на охоте встретились остяк и тунгус и поймали общими усилиями оленя. Каждому хотелось получить добычу целиком в живом виде. Но как это

¹ Из „Сибирского архива“ 1914, № 11, стр. 517—521. Ред.

было сделать? Подумали, подумали приятели и решили померяться силой, потянуться, с условием: кто одолеет, тот и получит добычу.

Тунгус ухватился за передние ноги оленя, а остяк за задние, и начали каждый тянуть оленя к себе. У остяка сорвались пальцы рук, и олень остался у тунгуса.

— Ну, хорошо, — говорит тунгус, — попробуем еще потянуться одной рукой, но для того, чтобы руки не срывались, привяжем их к ногам оленя!

Остяк согласился. После этого тунгус привязал свою левую руку к передней ноге оленя ремешком, а остяк свою правую руку к задней ноге оленя лыком и начали тянуть. Лыко не выдержало, лопнуло, рука остяка снова сорвалась, и олень остался у тунгуса.

Поэтому-то у тунгусов стали водиться олени, а у остяков нет... Не порвись лыко, и остяки были бы оленные...

Выходит, что от такой непредусмотрительности предка зависит благосостояние целого народа, который вследствие отсутствия стад оленного скота идет по пути к вымиранию...

Впрочем, многие данные говорят за то, что остяки никогда не были скотоводами, а ихтиофагами. Даже в приведенном легендарном сказании есть характерная подробность. Именно остяк привязал свою руку к ноге оленя не ремнем, как тунгус-скотовод, а лыком. Значит, остяк не мог раздобыться ремешком, в котором нет недостатка у скотоводов.

5. Летяга и мышь

В одно прекрасное время летяга встретила мышь и говорит:

— Дай бог, чтобы люди подошли, сгнили бы, как древесные пни гниют на земле!

— Нет, это мне не нравится, — отвечает мышь. — Так не годится! Пусть лучше люди живут, как жили, и умирают, как умирали!

Летяга стала доказывать ужасный вред, причиняемый людьми, а мышь наоборот. Слово за слово, и приятельницы чуть не дошли до драки. Наконец они согласились путем единоборства порешить вопрос чрезвычайной важности: быть или не быть людям? Если летяга одолеет мышь, то людям должно подохнуть, а если мышь одолеет летягу, то роду человеческому надлежит размножиться и наполнить землю.

Началась борьба.

Летяга хотела опрокинуть мышь, но та уперлась в землю хвостом и, в свою очередь, налегла на летягу, у которой, как известно, хвоста нет; та присела и опрокинулась на спину...

Так был спасен род человеческий...

6. Медведь

Первобытные люди не только не признают никакой пропасти между собою и животными, но во многих отношениях видят превосходство их над собой. Сила крупных зверей, хитрость, изворотливость, необыкновенное чутье и масса других инстинктов, которых лишен человек, все это дает достаточно основания относиться к животным как к существам крайне разумным и даже во многих отношениях превосходящих человека. Даже такие ничтожные животные, как мышь и даже комар, вошь и проч. дрянь, вызывают разные фантастические представления и не менее важны, чем крупные звери. Словом, каждое существо — это такой же тунгус, как и он сам, а иногда и более одаренный или разумом или силой...

Самым важным, большим и сильным животным тунгусы считают медведя. Перед ним бегут в паническом страхе все остальные звери, ударом лапы он может свалить самого сильного человека и раздвить его, как муху. Поэтому тунгусы оказывают ему знаки самого глубокого уважения и почести.

Однако одному недовольному медведю всего этого мало было, и он стал просить у господ-бога большой палец к рукам.

— Дай, — говорит, — мне, боже, большой палец!

— Нет, — отвечает бог, — если я тебе подам большой палец, тогда мне придется подать лук собаке, а она, конечно, истребит ваш медвежий род... Нет уж, видно, не дам я тебе большого пальца, а то зазнаешься больно и будешь хвастать...

Очевидно, медведь понял значение большого человеческого пальца у рук, который вследствие своего относительного положения и подвижности является как бы отцом культуры, создателем искусств и пр.

Без большого пальца люди мало чем отличались бы от медведей, разве только тем, что умеют плавать...

П. Малых

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРОЧЕНАХ И ИХ ФОЛЬКЛОРЕ ¹

Помещаемые здесь сказки записаны мною больше десяти лет назад у ороченев Баргузинской тайги, так называемых Баунтовских. За исключением одной, помещенной под № 10, это, собственно говоря, не сказки в общепринятом смысле этого слова, а своего рода исторические рассказы.

¹ Из сборника „Изучайте родной край“, Записки Забайкальского отделения Русского Географического общества. Чита — Владивосток, 1924, стр. 134 — 142. *Ред.*

Научное значение этих нескольких записей ничтожно, и они, конечно, ни в малейшей степени не характеризуют ороченский фольклор как таковой, так как получены случайно и несовершенным в техническом отношении путем; имея в то время своей задачей изучение материальной культуры орочен, я лишь изредка обращался к вопросам фольклора и на небольшом опыте мог убедиться, что эта задача очень трудна, так как без знания языка работа в этой области почти невозможна.

Сказки, которые, несомненно, представляли лингвистический и этнологический интерес, не поддавались переводу, так как ни сам сказочник, ни его слушатели и мои проводники не владели достаточно русским языком, чтобы одолеть повествование мифологического характера и найти нужные понятия и образы на русском языке. Это техническое затруднение, из которого так и не нашлось выхода, привело к тому, что в дальнейшем мне рассказывали уже сказки „полегче“, сюжетом которых были уже события, быт, а не миф.

К сожалению, я не мог вернуться к этому в дальнейшем. Жаление мое вызывается тем, что даже при тех слабых и неудачных попытках, которые мною предпринимались тогда, я убедился, что ороченский фольклор представляет много интереса и материала для исследователя, и этот богатый запас народного творчества гибнет на наших глазах вместе с его хранителями стариками-сказочниками, гибнет вместе с гибелью самобытной ороченской культуры, и может случиться, что в недалекие дни и самого орочен мы будем знать только по музейным манекенам, фотографиям да скудным записям немногих исследователей.

Фольклор орочен, в непосредственном соседстве с которыми мы живем десятки лет, не только неизвестен и не изучен, но даже больше — вызывает сомнения в существовании, и не редки случаи, когда человек, соприкасавшийся с ороченами в течение долгих лет, ничтоже сумняшеся, заявляет, что у орочен нет ни сказок, ни легенд, ни песен.

Такое мнение может очень легко возникнуть и показаться основательным, если принять во внимание следующее: орочен привык считать себя ничтожным человеком по сравнению с русскими, якутами, бурятами, с которыми он встречается.

Богатство культуры этих его соседей подавляет его. Дома, в которых живут русские, вещи их обихода, их оружие, письменность, равно как и многолюдство якутов, бурят, их богатство — все это заставляет орочен, который действительно все свое носит с собой, очень низко расценивать себя, свою культуру. И, быть может, поэтому самое интимное, душу своей народности — фольклор — прятать как можно дальше, хранить как можно сокровеннее для того, чтобы в своем кругу, для самого себя, знать, что и у него есть что-то, что делает его равным этим могущественным соседям, что-то свое, благодаря чему и орочен „хотя и не настоящие, а все-таки люди“, как сказал мне один старик-орочен.

Помимо этого, цивилизующее влияние соседей сказывается на ороченской молодежи в том смысле, что она старается как можно больше походить на этих соседей и как можно меньше на орочен. В тех редких случаях, когда орочен выучивался русской грамоте, он считал нужным говорить как можно замысловатее, третировать земляков как можно больше и при всяком случае подчеркнуть разницу между ним, образованным человеком, и его невежественными сородичами. Модными делались одежда, обычаи, песни соседей, свое же забывалось, считалось ничего не стоящим.

И возможно, что самой основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является то, что большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях, при известных условиях.

Последнее предположение я основываю на следующих наблюдениях: хоровое пение и танцы орочен приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер „благодарения“ божества.

Что касается рассказывания сказок, то оно в отношении некоторых категорий сказок допускается лишь поздней осенью, в известное время, когда „Кичиги“ (созвездие Ориона) стоит высоко. Язык сказок, повидимому, также имеет особенности и формы, уже непонятные современным ороченам, чем и объясняется неудача их перевода.

Есть легенды, которые сознательно скрываются по тактическим соображениям. Так, от Д. Э. Ринчино, изучавшего бурятский фольклор, мне пришлось слышать легенду, объяснявшую причину вымирания орочен. По легенде причина эта заключалась в том, что когда орочен были подвластны чуть ли не великому Чингису, они чем-то разгневали хана, и он обрек их на смерть. Был слезан плот, посажен орочен с семьей и отпущен по течению какой-то неизвестной реки. После долгого плавания плот выбросило на берег в чужой земле, где и рассеялись орочен. Они не погибли, но все равно они обречены на смерть и потому вымирают.

Эту легенду Д. Э. Ринчино получил с пояснением, что старики хранят ее в тайне, чтобы народ не впал в уныние, зная свою обреченность.

Если по указанным выше причинам изучение ороченского фольклора представляет значительные трудности и благодаря им эта область ороченского творчества остается для нас до сих пор книгой за семью печатями, то необходимо отметить еще одну причину, по которой эта книга так и не может остаться непрочитанной. Причина эта — вымирание орочен. Вымирание это — процесс, происходящий на наших глазах, дающий определенные результаты в течение такого короткого срока, как 15—20 лет.

На наших глазах погибает своеобразная культура и носители ее. Изучение этой культуры скоро сделается невозможным. Те старики-сказочники, которых я знал в 1912 году, уже умерли, вместе с ними погиб, несомненно, большой запас народного творчества; то, что они передали своим слушателям, если и дойдет до нас, то в очень незначительной части.

1

Сначала никто здесь не жил. Тайга пустая была, только зверь ходил. Потом пришел с моря один старик-орочен. Пришел по Витиму на Баунт. Стал жить. Зверя было много, рыбы, птицы. Здешнее место было ошынкан — теплая земля.

Старик пришел с Яю. Яю — река, в море идет.

Стал жить старик. Было у него пять сыновей. Стал старик делить семью. Одному сыну говорит: ты будешь нодягыр, другому: ты — труягыр, третьему: ты — огдолор, четвертому: ты — кындыгыр (кындыгыр значит меткий, попадающий: палку кинул — кынн, попал — кындыгыр), пятому: ты — лакшикагер (это значит хватун: все шибко берет, хватает).

Так назвал старик сыновей и разослал их в разные стороны. Пускай ищут себе жен. Сыновья ходили кто три, кто пять лет. Потом сходились. Что же — имя разное, будто чужие, ну, брали друг у друга женщин в жены. В своем роду ведь нельзя брать, только в третьем колене. Так стало пять родов.

(Записано от орочена Донгыуль, Ильи Молчанова, на Усое)

2

Раньше жили не так. Хлеба не знали, водки не знали, соли не ели. Это когда соль стали знать, тогда перестали зверя слышать по духу. Раньше, когда соли не знали, зверя чуяли духом, как зверь сам.

Воевали с другими народами много. Воевали с тунгусами, которые жили у Баргузина. Тунгусы по-ороченски назывались „вокрой“, они жили на Быго. По Баргузину жили „мурчель“. Воевали с мамырами.

Жили как звери: ходили по лесу, ловили зверя, птицу. Потом догадались лук сделать. Тогда лучше стало — луком зверя били большого.

(Записано от орочена Туту-Екима, на Аунике)

3

Раньше воевали много, с баргузинскими тунгусами, со всеми. Увидят друг друга, сейчас убьют. Но все наши били, сказывают, наших не били.

Один раз наш ходил промышлять. Там тунгусы его увидели, убили. У него Керикан брат был. Керикан с двумя еще ороченами пошел туда, чтобы за брата им отомстить.

Теперь в Баргузин пойти надо харч брать. На коне итти надо сколько дней. Они так пошли. Что убьют — едят.

Пришли. Около юрт в лесу стали. Кто, филин ли, кто другой сядет близко к юртам, они на пятьдесят, на сто сажен стрелят из лука — убивают. Юрту стрелят — сквозь пробьют. Тунгусы испугались: так всех убьют. „Давайте, — кричат, — мириться“. Как — сделали гулянку. „Говори, за брата что хочешь?“ Керикан говорит: „У моего брата было десять пальцев на руках, за пять пальцев давайте пять девок, за пять — пятьдесят коней“.

Дали. Он пришел на Баунт, разделил всем девок, коней. Тогда у орочен стали кони.

(Записано от орочена Туту-Екима, на Аунике)

4

Керикан убивал один сотню, тысячу людей. Его стреляют, не могут попасть, только раз в волоса попали. Он луком только водит — всех убивает.

(Там же)

5

Когда Керикан был маленький, умер у него отец. Орочены решили бросить его с матерью: что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла, зарыла уголь с огнем дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь — огонь был.

Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конце нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Стрелил. Другого — тоже. Пришел, матери сказал: „Пошли следить, нашли — мертвы“.

Стало одежды много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал.

А орочены ничего не промышляли. Пришли на старое место — огонь есть, мясо есть. Керикан их же кормил. Дали ему хороший лук. Ну, а с хорошим луком ему что...

(Записано от орочена Донгыуль, на Усое)

6

Раз оставили Керикана сторожить, а он ушел в лес промышлять. Пришел — все убиты. Только сестру его, хорошая девка была, взяли, увели с собой. Он испугался — один. Убьют.

Сестра его, пока других убивали, успела лук его спрятать — сунуть в снег. Он нашел.

Взял, обжег себе унты, щеки обжег, идет — падает. Пришел к тем. Сестра его увидала, говорит: „Это наш пастух. Оленей пасти умеет, дров наладить может. Только стрелять не умеет. За это его кормили“.

Те говорят: „Пусть пасет оленей“. — „А почему обжег?“ — спрашивают. Сестра говорит: „Это мы все играли, жгли ему“. Ладно. Стал жить.

Только один старик все говорит: „Надо убить его“. Но те говорят: „Пусть живет“. Так они не стали ничего думать.

Керикан ночью встал, собрал все луки, раз — сломал. Разбудил их — они кинулись на него. Он стал стрелять. Убил всех.

Этот Керикан самый главный был. Однако от него все и пошли.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Бонбахте)

7

Пришел на орочен народ, который звался „вокрой“. Было их без счета. Ороченые сделали кругом земляной вал и укрылись за ним от стрел, которыми осыпали их вокрой. Но худо было, вокрой подходили все ближе и ближе. Ну, ороченые надеялись на старого большого шамана, который был с ними. Стали просить его: спаси.

Шаман стал шаманить. Бубен будто гром гремел. Из тайги ему разные голоса откликались.

Три дня и три ночи шаманил шаман. Потом вышел из-за вала и стал перед народом вокрой.

Махнул шаман рукой, и от его руки пошла по тайге буря, вырывало деревья с корнем.

Погибли вокрой, давай просить мира. Дали клятву не воевать.

Через год они тайком опять пришли на орочен. Напала на них худая болезнь. Они вернулись.

Вот какие раньше шаманы были.

(Записано от орочена Конко в местности Чулбули, где имеются остатки какой-то кольцевидной насыпи-вала)

8

Раньше лучше знали свою веру. Шаман свой человек был, постоянно говорили, все видели, узнавали. Шаман разный бывал: который черному богу шаманил, который доброму. В два места ходил шаман: в ошынкан (теплая земля) и к черному богу в землю. Когда шаман умирал, так, если он настоящий был, весь уходил.

Хоронили его, потом ходили туда сидеть день, два, три, придешь — его нет, ушел.

Когда умирал простой человек, шаман через год „следил“, куда ушел покойник: в ошынкан или в землю. Покойнику в дорогу клали все: котел, халат хороший, все.

(Там же)

9

Бог — добрый к ороченам. Дал им жить, веру дал и там даст что-нибудь. Веру так дал, старики сказывают: жил давно один орочен с семьей. Раз сидит у юрты, смотрит — бог идет.

Подождал к нему, говорит: „Я сейчас пойду, там другой человек живет, ему дам веру, потом вернусь — тебе какую-нибудь дам. Ладно. Ушел бог и долго не было.

У орочена в семье кто-то болен стал. Ждал, ждал орочен бога — нету. Тогда стал орочен шаманить, стал делать из дерева рыб, ну, чего надо. Делает. Смотрит — идет бог. „Ты чего делаешь?“ — спрашивает. Орочен говорит: „У меня человек болен, я шаманить хочу“. Тогда бог говорит:

„Ну, как знаешь, делай так“. И ушел. Так стал орочен шаманить.

10

Старуха старая в шалаше сидит. Колена у ней стальные. Сидит — ноги у нее стерпли, стала их тереть, колени — оттуда вышли два ребенка, стали сосать колени. Два-три дня прошло, стали сами промышлять. Луки им старуха сделала.

Один раз прибежали испуганы: два каких-то на лошадях хотели их забрать. Старуха махнула топором, на три сажени вколотила этих людей в землю. Стали попрежнему играть.

Нашли ровное место, стали пробовать, чей лук дальше бьет; оба хвастались: мой, мой.

Оба стрелили — обе стрелки ровно стоят в земле. Побежали — это моя, это моя; тянут, крепко стоят, не могут взять. Копать стали, больше копают — дальше стрелки в землю идут. Вовсе не видать стало.

Плакать стали, жалко стало. Ничего не могли сделать. Смотрели, какая это земля. Сели поговорить.

Удивляются, что это в земле что-то слышно, человек будто говорит там. Слышат, говорит: „Я вам лучишки отдам, вы у бабушки топор украдите“.

Топор украли, таском его потащили туда, где луки были, замахнулись — вышли из земли два человека, два на конях, кони чубарые. Чокучане — эти люди. Говорят старшему (брату): „Отдай младшего, много лучков сделаем“. Не дал. Побежали, топор с собой. До старухи не добежали, чокучане их догнали, одного (младшего) взяли. К седлу привязали.

Один остался, плачет. Топор домой потащил. Старуха слышит — плачет. Старуха как будто спала — шевелиться стала. Он говорит: „Мы напрасно там, в том ключе, играть стали, мы там луки пробовали (рассказывает, что было... чокучане зубами стрелы держали, брата взяли, я один остался)“. Старуха будто спросонья не знает, что делать. Села. „А где топор? Давай сюда“. Взяла топор, не смотря махнула, говорит: „Ах, жалко мальчишку, топор, если ты мне моего дела не справишь, не оправдаешь, то сгинь, пропади там. Если дело исполнишь, то приходи назад“.

Говорит топору: „Гора не держи, лес попадет — сплошь вали, догонишь — там в землю схорони и горой закрой“. Так отправил топор.

Время идет, мальчишка все ходит там, где голос слышал, где брата взяли...

Топор догнал, в утесах схоронил. Мальчишки нет нигде — то ли спрятали, то ли бежал, — чокучане ведь в воде, под землей, под горой шли.

Топор рассказывает о своих трудах, сильно устал, мучился.

(Записано от орочена Конок-Тупарева, на Чипе. Рассказ этот сопровождался припевом, который менялся после различных строк. Сказочник рассказывал речитативом, иногда цел. Припев подхватывался слушателями. Припев можно приблизительно передать звуками: догхе, догхе конх, коййоло-нэ. Припев перевести не удалось).

Б. Иммер

ДВЕ СКАЗКИ

1. Каптандыр

У одного эвенка было двое детей: мальчик пяти лет — Каптандыр и девочка четырех лет — Гарпалик. Было время такое, что оленей не было и промысла тоже не было, питались одними ягодами. В это время как раз ягод было тоже мало, и им грозила голодная смерть. Родители стали советоваться, что делать. Решили детей оставить, а самим уйти, чтобы не видеть, как дети будут умирать от голодной смерти. Выкопали яму, посадили туда детей, набрали ягод, сколько возможно было, поставили их в яму и ушли, куда глаза глядят. Дети, когда съели ягоды, стали голодать, и вот им пришла мысль просить хлеба у бога, и стали просить. И вдруг им упала булка хлеба. Они увидели, что подается, стали просить мяса, и им упала курица или птица. Так они жили двенадцать лет. Когда стали большие, они вышли из ямы; сестра отправилась разыскивать родителей, а Каптандыр стал богатырем и пошел разыскивать хорошее место. По дороге он попал в землянку, где жила старушка; он у нее спросил, где бы найти место с хорошим промыслом.

— Я не знаю, — сказала старуха, — иди прямо, найдешь другую старуху, она скажет.

Так он ходил три года от старухи к старухе, пока нашел хорошее место. Ему одному надоело жить, и захотел он жениться. Он слышал, что где-то за сухим морем живет дочь солнца, очень красивая и хорошая девица. Долго скитался по разным местам, пока нашел море. Оно было без воды, в виде глубокой, большой ямы с песчаным дном; отправился он по морю и через долгое время дошел до богатого стойбища; в середине он увидел прекрасную дочь солнца. Каптандыр подошел, поздоровался и стал свататься, а дочь солнца посмотрела на него с сожалением и сказала:

— Я за тебя итти не могу, меня охраняет змей восьмиголовый, он должен скоро прилететь, и наверно тебе не сдобровать, много тут вашего брата полегло.

— А если я его убью, то пойдешь за меня? — сказал Каптандыр.

— Да, — ответила она.

Вдруг послышалось какое-то колебание земли.

— Ага, — сказала дочь солнца, — змей летит. — Каптандыр увидел вдалеке быстродвижущийся огонь; скоро стало видно, что это — змей. Он прямо у дочери солнца и остановился. Каптандыр подошел с луком громадной величины и начал колотить по годовам, и пошла кровавая борьба, тянувшаяся полгода. К этому времени он разбил семь голов, оставалась еще одна голова. Каптандыр взялся за последнюю голову, разбил ее и стал рвать на части громадное тело змея. Потекла кровь рекой и наполнила все море, кровь впоследствии стала водой.

Потом Каптандыр женился на дочери солнца и пошел в обратный путь. По дороге пришлось драться со многими богатырями и царями, которых он всех победил. С тех пор он зажили хорошей царской жизнью. А Гарпалик долго скиталась в поисках своих родителей; когда нашла, они оказались очень дряхлыми и были умом уже как дети, ничего не понимали. Гарпалик их оставила и пошла куда глаза глядят; через долгое время ей удалось выйти замуж и зажить хорошей жизнью.

(Рассказал Василий Сыгогир, Кондогырского сельсовета, в сентябре 1925 г. на речке Качоме)

2. Нургауль

Быль

По реке Элимпее (впадает в Нижнюю Тунгуску) лет 150 тому назад жил эвенки по имени Нургауль. У него были две дочери и один брат — Хевакан. Нургауль был очень сильный и ловкий человек; ни один эвенки не мог попасть в него стрелой, он на любом расстоянии увертывался от летящей стрелы, как горнак. Чувствуя свое превосходство, он обижал всех окружающих эвенков: кого грабил, кого убивал и все забирал. Его имя произносили со страхом, а где жил и кочевал, его обходили далеко, чтобы миновать беды: Если кто к нему попадал, живым не уходил. Были случаи, когда он ходил сам разыскивать; найдя, он убивал всех и увозил имущество. Однажды, когда он был в розысках, ему попалась богатая эвенкийская семья, там был дряхлый

старик, который его издали узнал. Зная, что пощады не будет, старик схватил годовалого мальчика и привязал ему половой член назад (может быть, девочку оставит), взял на руки, сел в угол, согнулся, качает и кричит. Остальные все выскочили наружу, чтобы сразиться, но Нургауль всех перебил. Пошел в чум посмотреть, что там делается. В чуме он увидел старичка, качающего ребенка; старик заплакал и стал просить Нургауля не убивать его и девочку. Нургауль подошел, посмотрел ребенка и заметил хитрость старика.

— Ладно, — сказал Нургауль, — оставляю тебе этого ребенка, хотя я вижу, что это — мальчик.

Забрав все ценности, ушел домой. После ухода Нургауля старик взялся за воспитание мальчика, которого звали Хуркокан. Он задумал сделать из него грозного мстителя за погибших. С пяти лет он стал учить мальчика ловкости увертываться от стрел, а также учил его метко стрелять. К пятнадцати годам Хуркокан стал до того проворный и бойкий, что старик не только не мог попасть в упор стрелой, но даже при выстреле сзади мальчик увертывался. Когда Хуркокану исполнилось семнадцать лет, он и говорит старику:

— Я пойду разыщу Нургауля и рассчитаюсь с ним за родителей.

Старик его отпустил. В это время был как раз наст. Хуркокан надел лыжи и пустился в путь. Долго он по тайге разыскивал, и вот однажды увидел след от лыж, не очень старый. Стал следить. В одном месте увидел, что было добыто мясо оленя и увезено. Пошел дальше. Нашел свежий след и, пройдя немного, увидел — лежит мясо, недавно добытое; остановился, давай жарить мясо. Слышит, кто-то идет на оленя. Он соскочил, приготовился, но увидел, что идут две женщины; когда подошли, он спросил:

— Чьи вы?

— Нургауля, — ответили они.

Хуркокан обрадовался, что наконец-то нашел.

— Ну, — сказал Хуркокан, — ничего обо мне Нургаулю не говорите, а то я вас первых убью; если ничего не скажете, я на вас женюсь.

Девушки испугались, дали слово ничего не говорить, навьючили на оленей мясо и пошли домой. Хуркокан идет поотдаль сзади, чтобы не быть заметным. Дошли до дому, сняли вьюки. Подошел Нургауль, осмотрел мясо и спросил, нет ли чьего следа.

— Нет, не видали, — был ответ дочерей. Нургауль отрезал кусок мяса и поставил жарить к гомовуну, а сам пошел в чум. Когда мясо изжарилось, принесли в чум и поставили подле Нургауля, который тут же стал чай пить с мясом. В это время заходит Хуркокан, держа лук наготове. Нургауль удивился неожиданному гостю. Хуркокан сказал:

— Ты убил отца и мать, сестер и братьев, и я пришел рассчитаться за них, выходи на улицу, попробуем сразиться.

Нургауль взял лук со стрелами и вышел на улицу.

— Ну, — говорит Хуркокан, — начинай стрелять, ты старше.

И Нургауль стал пускать стрелу за стрелой, пока все не кончил, а Хуркокан благодаря своей верности остался невредим. Потом Хуркокан натянул лук и сказал:

— Ты, видно, разучился стрелять. Вот смотри, как я стреляю, — и пустил стрелу прямо в лоб, а другую в грудь.

Нургауль вскрикнул и сказал:

— Я умираю и прошу тебя, оставь моего брата в живых, чтобы он меня похоронил, — и умер.

Хуркокан брата оставил, одну девицу взял себе в жены, забрал все ценности и ушел к своему дедушке. Брат похоронил Нургауля тут же на хребте, а сам ушел кочевать. Теперь так и называется этот хребет — „Нургауль“ (Нургауль был из рода Ошикир).

(Рассказал Веретешка, 55 лет, 7 сентября 1925 г. Речка Олимпя)

В. С. Пежемский

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ ЕРБОГАЧЕНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Холм раздора

Как только появилась земля, Ховоки населил ее великанами, которые много, много лет жили на ней.

Первое время великаны жили хорошо, не враждовали между собой, но после они испортились, стали враждовать между собой, настолько озлобились, что, враждуя, поедали побежденных соседей. Неприятна была Ховоки жизнь великанов, и он решил убрать их с земли. Одних превратил в камень-утес, других сделал рекою, озером, болотом, а тех, кто был смелее и ходил к нему на небо, оставил там, превратив в звезды. Как только великаны вывелись на землю, Ховоки заселил ее людьми. Хорошо жилось людям в освобожденной земле: всего было вдоволь, никакая болель не касалась их, так как тут всегда был с ними Ховоки; он учил их, как ловить зверя и птицу, как поймать рыбу в воде. В то время люди не боялись и холода. Тело их сплошь было покрыто густою и длинною шерстью, под ней им было тепло и не было потребности иметь одежду.

Один раз Ховоки собрал людей и сказал им:

— Любимые мои дети, долго я был здесь с вами, и мне необходимо отлучиться от вас на три дня. Живите здесь так же, как жили при мне: не будет между вами ни ссор, ни зависти; ловите птицу и зверя, как вы указал вам; ешьте их, ешьте также ягоды, которые редко ест зверь, у которых нет древесной опоры, а ягоды, растущие на деревьях, не ешьте; это — пища птиц и зверя; ждите меня откуда показывается солнце, не скучайте и не печальтесь.

Сказав это, Ховоки, провожаемый взорами людей, отправился в путь и скоро скрылся из виду. Прошло много лет, половина людей, знавших Ховоки, покрылась сединами, а его еще не было, и не знали люди, когда он придет к ним. Неизвестно им было, сколько лет означают три дня, спустя которые должен был Ховоки явиться. Ожидая его, люди ворожили, но и ворожба ни к чему не привела; стало брать людей раздумье: не обманул ли их Ховоки, все ли то правда, что говорил им на прощание.

Начали есть без разбора все, что им попадалось на глаза: кислые и сладковатые ягоды с деревьев. Что же случилось? Как только начали есть ягоды, появилась среди них болезнь, после которой вся шерсть их опала, как лист осенью.

С удивлением люди увидели себя другими: то, что мы теперь закрываем, оголилось и бесстыдно торчало на виду. Женщины и молодежь, как более любопытные, хватались за половые признаки, некогда скрытые шерстью. Женщины не давали прохода мужчинам, а молодежь и даже взрослые приставали на каждом шагу к женщинам и девушкам; спокойно мог ходить лишь тот, кто связал себе из трав прикрытые (адаптуи). Поведение мужчин породило ревность (орголит), а вместе с нею начались ссоры и убийства.

С убийством узнал людей и Орумо (Харги), до этого он боялся даже близко подходить к людскому стойбищу.

С появлением среди людей Харги ворожба сменилась шаманством, и люди все более и более отделялись от Ховоки.

Оголенное тело заблю от холода и изнывало от жары. Появились болезни, и люди стали вымирать.

Так прошло еще несколько лет; многие забыли совсем Ховоки, а те, кто помнил его, сердились на него за долгую отлучку и те болезни и мучения, которые из-за этого постигли людское племя. Это недовольство Ховоки передавалось от рода к роду и ненавистью гнездились в сердцах новых поколений.

Многие годы стерли в памяти людей не только заветы, но и образ (вид) самого Ховоки. Смутно чего-то ждали люди со стороны восхода солнца, каждый по-своему соображая, что бы он стал делать, если придет Ховоки.

Но вот, перед началом одной из весен, в начале солнечного восхода, из блеска солнечных лучей выделился Ховоки и стал приближаться к людскому стойбищу.

Два-три старика, дожившие до прихода Ховоки, узнали его, обрадовались и сообщили это молодому поколению, но молодежь, схватив оружие, стала смущать других на убийство Ховоки. В людском стойбище поднялся шум и суматоха. Ховоки понял, что произошло с людьми. Не дойдя до стойбища на три перелета стрелы, остановился и стал упрекать людей. Упреки обозлили людей, и они бросились на Ховоки, чтобы поймать его (настолько еще люди были глупы), но он быстро стал удаляться кверху, где было солнце, и исчез в сиянии солнечного света. Обозленные люди решили добраться до Ховоки и наказать его. На своем собрании (уру) постановили: всем, кроме стариков и женщин, носить шапками в одно место землю, чтобы насыпать ее большим холмом-горой, по которой бы легче добраться к местожительству Ховоки.

Прошло много лет, и из людских трудов создалась высокая гора, далеко уходя ввысь свою верхушкою: несколько лет нужно было для того, чтобы достичь вершины и высыпать из шапки предназначенную для постройки землю. Люди всходили на эту гору, а когда возвращались к стойбищу, то там уже находили новое поколение, говорящее на непонятном языке, и редко можно было найти старика, который бы с трудом объяснил возвратившемуся, что часть знакомых ему людей или в пути на гору, или, уже возвратясь, ушли отсюда в таком-то направлении.

Возвратившийся чувствовал себя одиноким, брал жену какого-либо ушедшего и с нею уходил в сторону от людского стойбища. Так люди рассеялись по всей земле от этого холма-горы, образуя роды и различные племена... На возвышенное место стали слетаться болезни, они быстро уничтожили остатки строителей и по сие время живут там, и холм раздора людей с Ховоки теперь является стоянкой болезней. При камлании дух шамана уходит к этому холму, чтобы яснее проследить ход болезни, губящей человека, так как родовые тропы торны и по ним болезнь гонит какой-либо род, как собаки зверя.

Поэтому худо, когда люди берут в жены из своего рода: тогда болезни легко разобьются чутьем в родовом следу и пожрать семью.

Если кто желает жить хорошо и спокойно, пусть берет жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блудить чутьем в поисках семейства.

(Слышал от шамана Ширбауля Гавриила в 1920 г. в с. Ербогачен. Ширбауль умер в 1921 г. в стойбище Дегдови, в 250 км. от Ербогачена).

2. Мангы-Дёромго

В прежние времена, далеко еще до появления людей, земля заселялась великанами, которые, подобно людям, селясь около рек, занимались охотой и рыбной ловлей. Насколько они были велики по сравнению с маленькими теперь людьми, можно судить по тому, что день у этих великанов равнялся ста и больше годам.

В своих поисках за добычей они не знали преград: большие реки перешагивали как маленькие ручьи, болота и озера перепрыгивали.

В умышленном отношении великаны были слабы, жили отдельными семьями, враждовали между собой, побежденных пожирали, как и всякую добычу.

В те далекие времена на берегу одной из земных рек жил великан с женою и дочерью. Проходил год за годом, незаметно подкрадывалась старость, а он все не мог дожидаться от жены сына. Но вот, на старости лет великанша родила сына. Мальчик был необычайный: большого роста, с огромной головой и с тремя глазами во лбу; с появлением на свет начал ходить на ногах и, подражая отцу, стал охотиться на птиц и сподручных ему зверей.

Каждый раз он приходил с обильной добычей, причем, чтобы мясо не портилось, он не убивал зверей или птиц до смерти, а только свертывал им шею и полуживых нес к отцу и матери.

Сестра позавидовала успехам брата и один раз попросилась итти с ним на охоту, чтобы видеть, как он ловит зверей. Брат взял ее, но, видя, что сестра не может понять всей тонкости его охотничьих приемов, показал на ней самой: завернул ей голову и в таком виде, полуживую, бросил у входа в шалаш вместе с добычей.

Разбирая добычу, мать среди зверей увидела дочь, позвала отца и сказала:

— Что это за зверь? Как он похож на нашу дочь.

Отец признал дочь; видя ее полуживой, предложил матери добить ее и сварить к ужину, а сына жестоко наказать. Мать воспротивилась, распрямила шею дочери, и она осталась жива, а сын, боясь наказания, бежал из родительского дома.

Покинув отчий кров, Мангы-Дёромго решил итти на небо — подняться на тот хрустальный свод, который прозрачным коллаком окружает землю, где в изобилии водится дорогой и крупный зверь. Но чтобы взобраться на небесный свод, необходимо дойти до края земли, где вершины земного леса касаются неба, найти в небесном своде отверстие (хангар), которое известно Оксори (богу), Харги (чорту) и Догивки *, а также, но в редких случаях, „Хангар“ может найти и земной житель-герой. Мангы-Дёромго, как необычайный человек, нашел это отверстие и на своих лыжах легко помчался по небесному своду.

По пути догнал двух охотников: Торопливого и Хвастуна. Мангы-Дёромго расспросил их, за кем они охотятся. Те сказали, что гоняют лося, но не могут догнать, а потому Торопливый торопит своего друга Хвастуна итти скорее за лосем, чтобы он к утру не скрылся из виду. Хвастун, имея за спиной котелок, уже заранее говорит, как он первым догонит лося и будет варить лосиное мясо. Мангы-Дёромго попросился в их компанию, и они втроем погнались за лосем. Скоро товарищи отстали от Мангы-Дёромго. Он один, как ветер, помчался за лосем, пересек на лыжах небесный свод и перед полночью увидел лося с левой стороны от себя, обернулся и пустил ему под лопатку двухконечную стрелу и убил лося, а теленок с перепуга метнулся в сторону, упал в хангар и таким образом очутился на земле (от теленка пошли теперешние земные лоси). Перед утром только пришли к убитой лосяхе те два охотника — Торопливый и Хвастун. Современные люди в каждую ясную ночь теперь видят на небе охотничьи подвиги Мангы-Дёромго: след от его лыжни белой неровной полосой протянулся по небу¹, лось², лосенок³ и два охотника: Торопливый⁴ и Хвастун с котелком⁵; Мангы-Дёромго в правой стороне небесного свода⁶; стрела⁷.

Оставив охотников, Мангы-Дёромго пошел рыскать по небесному своду в поисках жителей. Когда он достиг середины неба, видит — стоит золотой шатер, как бы в воздухе, не касаясь хрустального свода. С трудом Мангы-Дёромго проник в шатер. Там его встретила старуха, заведывающая землей и всем живым на нэй, с красавицей дочерью. Мангы-Дёромго был прият и обласкан ими: они его раздели, высушили ему унты, накормили яствами со своего небесного стола. Мангы-Дёромго понравилась небесная жизнь, а еще более полюбились девушка, дочь старухи. Мангы-Дёромго женился на ней и сделался небесным жителем-охотником. Живя на небе, он не забывал земли, при удобном случае сгонял редких ценных зверей к небесному отверстию (хангар), делая их достоянием земных жителей.

Прошло незаметно несколько циклов лет. Мангы жил на небе и наслаждался уютом семейного очага. Временами ему приходила мысль посетить землю, узнать о жизни родных, но он боялся оскорбить своим отсутствием жену и тещу.

В какие минуты тоски по земному он уходил на край неба и, свесившись с хрустального свода, плакал. Этим облегчал себя и возвращался к жене с красными от слез глазами. Это не ускользнуло от наблюдательности тещи. Один раз она спросила, почему он приходит с охоты с красными глазами. Мангы-Дёромго ответил, что, охотясь около земли, ему приходится соприкасаться с вершинами земного леса и лес хвоей бьет его по глазам. Старуха пошла к краю земли и стала наказывать лес; деревья сказали, что напрасно их наказывает госпожа-владычица земли, зять обманул ее: не от хвои у него красные глаза, а оттого, что часами плачет здесь по земной жизни. Узнав правду, старуха ничего не сказала зятю, но когда он пришел с охоты опять с крас-

* Мифической птице, переносящей героев в потусторонний мир.

¹ Млечный путь

² Четыре звезды Б. Медведицы

³ Первая звезда Б. Медведицы

⁴ Крайняя звезда Б. Медведицы

⁵ Средняя звезда Б. Медведицы с еле мерцающей звездочкой

⁶ Трехзвездный Орион с прилегающими к нему созвездиями.

⁷ Три звезды от Ориона к созвездию Б. Медведицы.

У некоторых эвенкийских родов легенда о Мангы-Дёромго не сохранилась, но все они называют млечный путь: „Кингля Мангини“ (лыжня разбойника).

ными глазами, она сказала, что не следовало ему прибегать к обману, а лучше бы сказать правду: если ты тоскуешь по родине, то можешь посетить ее, и жена твоя на это время примирится с разлукой.

Дает ему теща своего восьминогого коня с копыевидными копытами, и Мангы-Дёромго вихрем мчится к стойбищу, где некогда оставил родных.

На том месте, где был их шалаш, он увидел огромные стволы вековых деревьев, а шалаш их почти врос и сравнялся с землей.

Привязав своего коня, Мангы-Дёромго тихо подошел к шалашу и стал прислушиваться к тому, что происходило внутри. Потом, найдя щель, увидел огромную великаншу, которая ворожила человеческой челюстью, подбрасывая ее вверх с восклицанием: „Куварк“. Если челюсть падала кверху зубами, она радовалась, а если книзу, ругалась и сердилась. Это была его сестра, сделавшаяся людоедкой: она съела своих родителей и их челюстями ворожила: когда вернется брат Мангы-Дёромго, чтобы покончить с ним счеты за случай на охоте. Брат вошел в шалаш, сестра узнала его, обрадовалась, подобрала челюсти предков, стала готовить олады, варить рыбу и мясо для угощения брата. На ночь постлала постель: по одну сторону шалаша для брата, а по другую, ближе к выходу, для себя, спрятав под изголовье большой топор, полагая, что с дороги брат крепко заснет, а она его, сонного, убьет. Брат заметил это и бдительно стал следить за сестрой: когда он дремал двумя глазами, третий глаз не спал и глядел на сестру. К утру сестра задремала; тогда Мангы-Дёромго нашел в бересте клей из рыбьих шкур и заклеил сестре глаза, а сам стремительно вышел из шалаша, поспешно отвязал коня и помчался. Сестра услышала конский топот, проснулась, но никак не могла открыть глаза; наконец ногтями продрала веки и бросилась в погоню за братом. Осьминогий конь с трудом нес своего всадника по земле: его ноги с копыевидными копытами вязли в почве до колен. У отверстия (хангар) сестра уже догоняла было брата, но конь напряг последние усилия и вскочил на небо, здесь он уже далеко оставил великаншу: его копыевидные копыта легко задерживались на гладкой поверхности неба, между тем как ноги великанши, обутые в унты, скользили, как по льду.

Поспешно соскочил с коня у входа в шатер Мангы-Дёромго и передал теще о грозящей им опасности. Та успокоила его, приказала расплавить в больших котлах металлы: свинец, олово, железо, медь, серебро и золото, котлы поставила в ряд по дороге, а сама пошла навстречу великанше. Великанша по следам коня шла к месту нахождения брата. На пути она встретила со старухой и начала борьбу. Три дня длился поединок. На четвертый день старуха хитростью поборола великаншу: толкая ее в зад пятки, опрокинула в котлы со сплавом, погрузив и продержав ее в каждом из них.

Великанша вскричала от боли, стала вырываться из рук старухи, а когда та выпустила ее, то она, обезумев, с прильнувшим к ее платью и телу сплавом, бросилась бежать на землю так быстро, что при прыжке разбилась в куски, рассеяв неравномерно по поверхности земля золото, серебро и другие металлы.

Ленинград 1 августа 1928 г.

(Слышана легенда 19 декабря 1920 г. в с. Ербогачен от тунгуса Кондогирского рода Дандина Василия, 70 лет.)

М. Ошаров

ТУНГУССКИЕ СКАЗКИ 1

Сказочный материал тунгусов Туруханского края характеризуется пятью-шестью десятками типовых сказок, за исключением вариантов и расчленений некоторых сказок на ряд самостоятельных отдельных сказок и к ним еще вариантов.

Нижеприводимые сказки записаны со слов сказочников, с возможной точностью. Однако переводить труднее, чем придумывать, поэтому отдельные места тунгусских сказок, благодаря языковым особенностям, чрезвычайно трудно переводить. Например, в сказке „Недоумок“, построенной исключительно на нюансе созвучий совершенно различных по значимости слов, при переводе пропадает вся прелесть. Так, по-тунгусски *нингта* будет пятка, *нингта* — кедровый корень; или *оран* — порог (на реке), *орон* — олень. Дураку в сказке велят нарезать *нингта*, т. е. корней, он путает это со словом *нингта* и поэтому ловит детей, режет и приносит в подоле их пятки. Прсят оленя (*орон*), он же лезет в *оран*, т. е. в воду, в порог и т. д.

По словам Гете, „истинный“ характер сказок состоит в том, что, не преследуя никакой моральной цели, они выносят человека из тесных рамок его внутреннего мира в безграничный

¹ Из журн. „Сибирские огни“, № 9—10, 1933, стр. 167—176. Текст сказок, обозначенных нами под №№ 18, 19 и 20 (стр. 282—283), взяты из романа автора „Большой аргиш“, (М. 1935, стр. 61, 108—109, 154). Две сказки (№№ 2 и 5) первоначально помещены автором под заглавием „О лесе Моо и камнях Хишаль“ и „О медведе Амикане и кедровке Чагше“ в журн. „Охотник и рыбак Сибири“, № 3, за 1929 г., стр. 71—72 за подписью „М. А.“ Относительно второй из этих сказок автор делает следующее примечание: „Эта же сказка имеется у дубчинских остяков, где старый медведь называется „баат-хой“, а кедровка — „туколя“. Сымские тунгусы утверждают, что „чжянда“ (остяки) эту сказку взяли у тунгусов. Насколько это так, требуется проверить“. Текст первой сказки приводится автором также в его романе „Большой аргиш“, стр. 45. *Ред.*

внешний простор. Подавляющее большинство тунгусских сказок натуралистично. Волевой взлет фантазии творцов сказок не унес их в страны умопомрачительных див, а вывел лишь в пределы мира, ими освоенного, познанного и видимого. В тунгусском религиозном культе несравненно больше сказочной фантастики, нежели в их сказках. Тунгусские сказки материалистичны. В сказочном творчестве отразился промысловый бытовой уклад охотников-натуралистов. И сказка, как устное творчество, не синтезирует художественно-эмоциональную потенцию племени, а скорее дает иное объяснение: как было, почему так стало, откуда взялось то или иное явление, тот или иной предмет.

Слушая тунгусские сказки, не уходишь в несказанные миры, а созерцаешь реальный мир, пребываешь в быту той или иной действующей в сказке особи, в ее естественной среде — тайге, берлоге, гнезде и т. д. Для действия не придумано новой, необычной среды, фантастического фона, обстановки, условий. Даже комические сюжеты с их действующими силами низведены до естественной земной простоты.

1. Как лисица баб обманула

Узнала лисица, что в чуме бабы остались без мужиков, пришла к ним. Бабы палили мягкий олений рог и ели его. Увидела это лисица и засмеялась:

— Зачем вы едите кости? Почему не едите сладкую рыбу?

— Ели бы, да нет у нас рыбы. Где ее взять?

— Хо, я знаю речку одну. В ней рыбы полно. Поплывете со мной?

— Пойдем, пойдем, — обрадовались бабы.

— Ладно, — сказала лисица, — я поведу вас к рыбе, только есть ли у вас в турсуках¹ мука?

— Зачем тебе муку надо?

— Да без муки в речке худо ловится рыба. Хотите добыть, так берите турсук муки, кладите его в лодку и скорее поедом.

Лисица торопила баб, чтобы уплыть от чума, пока не вернулись мужики.

Взяли бабы последний турсук с мукой, посадили лисицу с собой в берестянку и поплыли вверх по реке.

— До рыбной речки не близко. Вы плывите, а я маленько усну. Будут попадаться по пути устья притоков, вы будите и спрашивайте меня. Да хорошенько смотрите, чтобы не проехать рыбную речку.

Веслят бабы, смотрят по берегам. А лисица прилегла рядом с мукой, накрылась меховым комуланчиком, прикинулась спящей и давай из турсука есть муку.

— Лисица! — будят ее бабы, — Смотри-ка, речка.

— А это речка Худельго („не начинала“), плывите дальше.

Плывут бабы. Опять увидели устье.

— Лисица, ты спишь? Посмотри речку.

— Это речка Омьльго („убавила маленько“). Плывите.

Плывут, не отдыхают бабы. Хочется поесть рыбы. Увидели третье устье. Будят лисицу.

— Не эта ли рыбная речка? Спит крепко. Лисица, не эта ли рыбная речка? Мы ее проплываем.

— Проплывайте, — отвечает сонно лисица. — это речка Тыталыге („вровень с краями“).

Плывут бабы, а лисица полным ртом ест муку, будто спит.

— Э, лисица, сейчас будет четвертая речка. Не в ней ли рыба? Посмотри.

Лисица одним глазом из-под комулана взглянула, чтобы не показать мучной рот, и сказала:

— Тиховато едете. Эта речка будет Ушильге („половина“).

Сильнее веслят бабы, торопятся к рыбе, а лисица торопится есть муку. Показалась в придуке пятая речка. Говорят лисице:

— Мы видим речку. Не в ней ли будем ловить рыбу?

— Нет. До рыбной речки скоро доедем. Эта речка будет Хорольге („на дне осталось“).

Плывите дальше.

Плывут. Лисица долизывает муку. Увидели снова речку, будят:

— Лисица, гляди — речка! Не в ней ли рыба? Какая это речка?

— Это речка Кумкольге („опростала“). Тут будем ловить рыбу.

Пристали к берегу, прикололи берестянку. Выскочила из нее вперед баб лисица и говорит:

— У меня что-то с брюхом неладно. Подождите меня, я сбегаю в лес. Если долго не будет меня, одни рыбачить начинайте, а рыбу кладите в турсук, его я под рыбу вам опростала.

И остались бабы без муки и без рыбы.

Июль. 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

2. О лесе и утесе

Амака сделал камень, дерево и велел им расти. Высоким стал камень и говорит дереву:

— Мо, ты видишь, какой я большой. Потом я стану не меньше самого Амаки.

Выслушало дерево камень - утес и камню сказало:

— Я стану не ниже тебя, Хишаль. За мою вершину будут задевать тучи.

Услышал Амака хвастовство, подошел к камню и сказал ему:

¹ Турсук — ильмок — переметная сума с берестяным усеченно-пирамидальной формы каркасом, обшитым сверху оленьим камусом или же тайменней кожей. Мучная вместимость турсука — 32 килограмма.

— Хишаль, ты хочешь стать больше меня. Это не плохо. Только ты станешь тяжелым и раздавишь себя. Это худо. Падая, ты поломаешь лес. Чтобы так не случилось, лучше я покажу тебе рост твой. — Амака смахнул рукой все лишнее с камня. — Вот таким, Хишаль, ты будешь века. Как только вершина твоя станет отрастать выше, она будет сама рассыпаться.

Потом Амака подошел к дереву.

— Мо, ты хвастало стать выше туч. Это плохо. Тебя будет сильно бить ветер. Корни не удержат тебя. Ты упадешь, передавишь людей и оленей. Вот тебе рост твой. — Амака захватил в руку ветки и, поменьку сжимая пальцы, провел ею от комля к вершине и все лишнее оборвал.

— Таким ты будешь века, — сказал Амака дереву. — Если будешь перерастать, станешь сохнуть с вершины.

С тех пор большие переросшие утесы сами собой разваливаются в мелкие россыпи, а переросшие деревья сохнут с вершины.

Июль 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

3. Волк и лисица

Холодно волку. Голодный он. Идет заячьей тропинкой. Думает зайца до быть. Встретился с лисицей. Думает: съем.

Лисица говорит:

— Волк, холодно мне, давай греться. Повеселимся.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, ты смейся.

Волк связал ноги лисице, начала она падать, перевертываться. Повеселила волка и говорит:

— Я устала. Развяжи ноги, да весели потом меня. Мне тепло. Давай свяжу тебе ноги.

Псиграешь, и мне опять свяжешь.

Волк согласился. Лежит, встает, падает. Лисица хохочет. Устал, просит развязать, а лисица „играй“ говорит — и в лес.

Лежит волк. Поддетела к нему белая птичка.

— Развяжи мне, птичка, ноги, я тебя накормлю мясом, кишками.

Скривила себе птичка лапки об узел. Развязала волка. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал брюхо, поел и оставил оленя птичке. Залезла она в брюхо, вымазала белые перышки кровью, и пошла от нее красногрудые клесты.

Волк пошел следом лисицы. Нашел конский шевяк. Посмотрел: лисица грызла его. Сломала об него клык. Идет следом дальше, ищет лисицу. Смотрит — в лесу огонь, а кругом него лисиц мно-о-го сидит.

— Это они на муньяк¹ собрались, — подумал волк и сел с ними.

Смотрит кругом, ищет лисицу, что обманула его, а узнать не может. Все — как одна. Вспомнил о сломанном зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются.

Увидел беззубую, подсел к ней и говорит:

— Из подпаленного хвоста все вши перебежали на голову. Ты поищи мне маленько.

Лисица покусала вшей и говорит волку:

— Я тебе хорошо искала в голове; поищи и ты мне.

Волк кусал вшей, да спрашивал где поискать.

— За ухом сербит. Покусай там хорошенько.

Волк так куснул обманщицу-лисицу, что она сразу подохла.

Июль 1923 г. Катонга, В. Контора. Рассказал Тогача.

4. О зайце и шамане

Давно в старину это было. Один заяц нашел в лесу лопаточную кость и объявил по тайге себя большим шаманом.

Услышали об этом зайцы, обрадовались своему шаману и пошли все к нему. Больные пришли лечиться, другие узнать о судьбах своих. Большой шаман все знает.

Собрались. Зажгли костер. Сели кругом, ждут камланий шамана. Ударил он лапкой в свой бубен — костяную лопаточку, вытянулся, запел:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!“

Подпрыгнул, потоптался, ударил в кость, запел:

„В горелом лесу — поов!
Дорога моя торная — боов!“

Кувыркнулся через голову и то же:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!
В горелом лесу — боов!“

¹ Собрание.

Бубнит да поет, поет да бубнит...

„В горелом лесу — боов!“

Ждали-ждали зайцы, когда их шаман шаманить начнет, да так и ушли ни с чем. С тех пор и живет великая слава в тайге о зайце-шамане большом.

Июнь 1925 г. Ерабо. Рассказал старик Калтан.

5. Медведь и кедровка

По тайге бродил медведь. Он был стар, голоден. Медведь искал в лесу себе пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи! — крикнула издали кедровка.

Услышал он, что птица его кушать зовет. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг снова слышит в стороне тот же голос.

— Дедушка, иди сюда, здесь орехи.

Показалось медведю, что он неладно зашел. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить близко. Кедровка перелетела на новое место, подальше, и опять закричала.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи.

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Кедровка перелетела в пустой лес и кричит:

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи... иди сюда.

Долго бегал старик за перелетающей кедровкой, потом понял, что она обманывала его. Осердился, сказал:

— Ты меня, кедровка, обманывала, так помни: когда будет большой урожай ореха, ты никогда не будешь надеяться. Сколько бы ты ни ела, ты будешь все время голодная. Когда же ореха совсем не родится, ты будешь сильно голодать, мучиться и подыхать.

С той поры с кедровками так и стало, как сказал им дедушка-медведь.

15 декабря 1928 г. Сым.

6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев

Амака сделал шестипалым медведя и пустил его в лес.

Услышал медведь в себе силу и начал ломать, ворочать все, что попало ему в лапы.

Увидел это Амака и решил убавить силы у медведя. Он сказал ему:

— Чтобы ты стал смиреннее, я оторву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, летом выходить, кормиться орехами, корнями, ягодой, травой.

И оборвал Амака пальцы.

Пролежал медведь долгую зиму в темной берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку вернуть пальцы.

— Ладно, — сказал Амака, — я верну тебе пальцы и дам человеку против тебя лук, стрелы, а собакам острые зубы.

Медведь надеялся на свою силу, взял от Амаки пальцы. Пошел. Встретился с человеком и с собакой, стали драться.

Пустил человек стрелу, вцепилась острыми зубами собака за зад, и закричал медведь:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы, я лучше буду жить без них, спать зимами в берлоге, выходить весной и есть то, что ты велишь.

И оборвал Амака навсегда у медведя большие пальцы.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Сакура.

7. Откуда появились вши

На земле было много, много мышей. Люди ходили и ногами топтали в травах мышат. За это мыши возненавидели их. Они стали портить у людей одежду, грызли и поедали пищу. Тогда люди сделали высокие лабазы и на них стали прятать все от мышей.¹

Старая мышь придумала другое. Она нашла сеноставца¹ и говорит:

— Сеноставец, у тебя много вшей. Давай пустим их людям. Пускай их вши заедят.

— Нет, мышь, — сказал он, — аваньки народ хороший. Вшей своих я напускать им не буду. Худо они мне не делают.

Мышь рассердилась, ушла. Она тихонько залезла в чум и всех своих вшей пересадила в голлову больной женщины.

Женщина та умерла, а вши с нее расплозились по остальным в чуме и стали кусать их.

Так и не выводятся они у человека.

14 июня 1928 г. Юдукон. Чум Барды.

¹ Сеноставец или пищуха — маленький, рыжий бесхвостый зверек из семейства грызунов. Зимой спит в каменных россыпях. На еду заготавливает себе траву и сушит. Это — отличное сено, которое охотно поедает олень. Тунгусы считают его тружеником, не приносящим человеку никакого вреда, и относятся к нему с уважением. Мышь, как вредного грызуна, презирают.

8. О мыши и сеноставце

Мышь говорит сеноставцу:

— Помоги мне сделать так, чтобы все люди пропали.

Сеноставец ответил:

— Людей мне жалко. Пускай живут, кому они мешают?

— Нет, люди плохие, — сказала мышь. — Они топчут моих маленьких детей. Детей у меня много стало. Земли мало, жить негде.

— Места всем хватит, — говорит сеноставец. — Пусть будет народу еще больше. Народу больше станет — только веселее.

Долго спорила мышь, что люди плохие, но никак не могла переспорить сеноставца.

— Ладно, — говорит тогда ему худая мышь. — Если тебе людей жалко, тогда давай за них со мной бороться. Если ты меня переборешь, пусть умирают мои дети; а если поберю я, тогда пускай люди топчут детенышей твоих.

— Давай бороться, — согласился сеноставец.

Боролись. Мышь корнем всадила длинный хвост в землю и поборола бесхвостого сеноставца.

Он проспорил мыши. Но чтобы не погибли ни от чьих ног его дети, он ушел в каменные россыпи и теперь живет по рассыпам.

5 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Дз. Ленгама.

9. Богатырь и клей¹

Был давно один богатырь. Ходил он везде и на всем пробовал свою силу. За что ни возьмется, то и ломает, искрошит.

Богатырь хвастался силой, пугал. Все люди его боялись. Потом нашелся один смелый и говорит ему:

— Ты, сказывают, очень смелый, а рыбьего клея, однако, не одолеешь.

— Какой такой клей? — ответил богатырь.

— Хочешь попытать?

Богатырь согласился. Он лег, смеясь, на облитую клеєм² каменную плиту и долго лежал на ней неподвижно. Когда высох клей, богатыря сказал человек:

— Ну-ка, попробуй, вставай помаленьку.

Богатырь пошевелил плечами, спиной; но ни плечи, ни спина не шевелятся. Уперся ногами в плиту и не мог приподняться. Осердился, ударил изо всей силы ногой в камень и пополам разорвался.

С тех пор и не стало на земле страшного богатыря.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал тунгус Сакура.

10. Где тунгус нашел первую жену

У солнца не было жены. Оно вдовело. Жило со старым отцом-месяцем и красавицей дочерью.

На красавицу стал заглядываться молодой тунгус. Когда солнца не было в чуме, парень пришел к ней. Засиделись.

Вернулось солнце на стоянку. Некуда стало бежать парню. Спрятался.

Вошло солнце в чум, слышит худой запах в жилище, спросил дочь:

— В чуме у нас чем-то нехорошо пахнет. Ты не знаешь?

— Нет, — соврала та.

Солнце стало искать и по запаху нашло тунгуса. Рассердилось на красавицу-дочь и выгнало ее вместе с парнем.

Так и стала у тунгуса первая баба. Солнце же с седым отцом-месяцем откочевали на небо и аргшат по нему одинокие.

3 июня 1928 г. Юдукон. Рассказала старуха Дугдаг.

11. Про гагару

Амака сделал воду и пустил по ней птиц. Нестись — понадобилась земля. Призвал он к себе гагару, сказал ей:

— Укон, ты лучше всех умеешь нырять. Ныряй, достань со дна песок, и я сделаю землю (сушу).

Нырнула гагара, достала со дна песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю.

Рассердился Амака на гагару, позвал к себе гоголя, сказал:

¹ То же в „Большом аргеше“, стр. 208. *Ред.*

² Клей тунгусы изготовляют сами из плавательного пузыря осетра, кожи налима. Лучшим считается клей осетровый. Он употребляется для подклейки камыса к лыжам, склеивания луков, проклейки тетивы и пр. и служит прекрасно.

— Момуру, ты хорошо умеешь нырять. Достань мне со дна песок, я сделаю землю. Достал гоголь со дна песок, отдал его Амаке. Сделал Амака землю, поймал гагару и наказал. Он вырвал у ней лапы с брюха и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле и век жила в воде.

Лето 1923 г. Оскоба. Рассказал Мароненок.

12. Почему люди стали шаманить

Амака сделал всех птиц, злой Харги сделал одну гагару. Пустил он гагару на воду и стал хвалиться перед добрым Амакою:

— Что твои птицы? Г... против моей гагары. Мою гагару на воде никто ни догонит. Ее не поймает и твой человек.

Амака сказал Харги на это:

— Человеку я дам двузубое копые, и ты увидишь, как он добудет им твою гагару.

— Что гагаре твоё копые? Она умеет нырять лучше всех твоих уток.

Амака дал аваньки (тунгусу) копые, он сел с ним в берестяную лодку и стал гоняться за мудреной гагарой. Загонял. Устала гагара. Воткнул ей в хвост копые и не дал унырнуть больше. Сидит гагара на копые, крутит головой во все стороны и кричит:

— Аваньки будет шаманом. Остяк будет шаманом. Якут будет шаманом.

С той поры люди стали делаться шаманами.

18 июня 1928 г. Рассказал Барда. На рыбалке ниже Байкита.

13. О созвездии Хоглен-Сохатом¹

Встретились в лесу охотники — русский, остяк и тунгус. Заспорили, кто лучше и быстрее ходит на лыжах. Русский говорит:

— Я лучше вас обоих умею бегать на лыжах.

Остяк ему не уступал, тунгус же сказал:

— Завтра найдем зверя и попытаю себя станем. Может, я плохой ходок?²

Утром пошли. Под горой нашли след сохатого. Побежали за ним. Русский добежал до подножья, остяк выскочил на вершину, тунгус же в это время был за горой и добыл Хоглена.

Так и бегут по небу. Русский — плохой ходок, он век под горою с котомкой; остяк — по-лучше ходок, он век на горе³; удалый же тунгус — век за горой⁴, век бежит передом за сохатым⁵. Посмотрите их ночью.

1920 г. Гагинда. Рассказал Калтан.

14. Мамонт и змей Чжябдар

Много-много было кругом воды, маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал об этом человек. Подошел к нему мамонт, спросил:

— Отчего ты такой невеселый?

— Какое веселье, — сказал человек, — кругом одна вода. Как кочевать?

— Не печалься. Я тебе осушу землю.

И мамонт побрел по воде. Остался на маленькой суше невеселый человек.

Нашел мамонт за водой на песке змея, сказал ему:

— Пойдем, Чжябдар, со мной сушить землю, У меня — сила, у меня — гибкость. Ты мне помо- жешь. Будет тебе лежать на песке.

Не хотел итти змей, да уговорил его мамонт. Пошли осушать.

Забрел мамонт в воду, засадил в дно крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину и камни. Росли по сторонам из них равнины, горы, утесы. Пополз, завилая за мамонтом Чжябдар. Вился между равнин, гор и утесов. И потекла по его следу вода.

Ушел мамонт на полночь, воруя мокрое дно; ползал всяко за ним гибкий Чжябдар. Так говорили давно старикам старики и теперь говорят молодые.

Мамонт сделал равнины, горы и скалы; Чжябдар протер телом своим дорогу для рек.

Осень 1923 г. Чавида. Рассказал Марененок.

15. Мани

Жили в чуме две безродных сестры. Имен их никто не знает. В месяц „Сараны“ сестры ушли из чума в лес копать на зиму для еды сладкую сарану⁶. Копают. Вдруг слышат — в стороне от них плачет ребенок. Пошли искать. Нашли оловянную зыбку, а в ней мальчик грудной. Жалко

¹ Созвездие Большой Медведицы.

² Звезда, называемая „Плохой ходок“ — русский, у которого на спине котомка с хлебом, котел. Он вечно сади и под горой. [Крайняя из трех звезд Б. Медвед.]

³ Звезда „Остяк“ — он с лопаточкой. При лыжной ходьбе остяк на верхнем конце лыжной палки с кольцом для снега, имеет узенькую лопаточку. Найдя звериный след, он ею определяет, когда прошел зверь. Это задерживает его. Он век на горе. [Средняя из трех звезд.]

⁴ Звезда „Хава“ — удалый. Это аваньки. Он за горой и век передом. Он легок, с ним ничего нет.

⁵ Все остальные звезды [Б. Медв.] изображают богатырского сохатого Хоглен, которого настиг и добывает удалый — Хава. Обычно сохатый называется Моты. Хоглен — легендарный сохатый.

⁶ Сарана — луковичное растение, царские кудри. В былое время луковицы заменяли тунгусам муку.

стало сестрам плачущего ребенка. Отнесли в чум, накормили. Уснул ребенок, и сестры ушли опять копать сарану. Видят — в чуме огонь, над огнем — таган¹, а в ней варятся два больших сига. Кто все это сделал? Не знают. Ребенок мал и спит.

Поели голодные сестры мягкой рыбы, отдохнули и снова пошли собирать сарану. Они отошли далеко от чума, спрятались и стали говорить тихонько, кто затопил чум и откуда сиги... Старшая сестра говорит младшей:

— Нам надо скорее уйти из чума. Зыбку расплавить и горячим оловом облить ребенка, чтобы он умер.

Вдруг у чума появился большой-большой человек, вытянул двух червей — каныр, положил в таган, помешивает их и поет:

Женщины ели рыбу. Она им нравится.
Черви, черви, сделайтеся сигами.
Когда женщины разжиреют,
Тогда я съем их.

Испугались сестры. Старшая опять говорит младшей:

— Этот ребенок сильно худой. Мы его будем растить, а он нас будет кормить глистами. Нет, надо убить его, самим же бежать с этого места.

Сестры вернулись в чум будто с работы. В чуме опять огонь, таган и в нем рыба — сиги. Ребенок спит. Вынули его из зыбки, закрыли своим одеялом, вылили из тагана уху, положили в него топить оловянную зыбку. Расплавил, вылили горячее олово на ребенка, чтобы убить. И вдруг перед ними с постели встал великан Мани в поясе оловянным.

Схватили сестры свою женскую сумочку и с ней от Мани побежали. Мани стал догонять их. Достала старшая сестра из сумочки кодерорун и со словами „Кодерорун, стань горами-хребтами“ бросила его через свое плечо.

И появились высокие-высокие горы. Отстал Мани. Запел:

Разорвитесь, крутые горы,
Образовавшиеся из женского кодероруна.
Дайте мне проход.

И разорвались горы на пологие седловины. Перебежал Мани по ним, стал снова наступать сестер. Старшая бросила брусok:

Брусok, стань утесом,
Огороди Мани.

И брусok сделался непроходимым утесом. Мани опять запел:

Точильный камень, сделанный
Женщинами из бруска,
Расколись на части.

Утес весь расщелялся в трещины, и Мани пошел через ущелье догонять сестер. Тогда старшая бросила через себя зубчатый чучун:

Чучун, стань горой
С густым-густым лесом.

И выросла вокруг Мани кольцом высокая-высокая гора с непроходимой тайгой. Мани был на дне котла и снова запел:

Гора из женского чучуна,
Разорвись узенькой щелью,
Я стану тоненькой гусеницей.
Проползу муравьем.

И разорвалось кольцо. Мани сбросил с себя оловянный пояс, чтобы пролезть в узкую щель, и стал догонять сестер. Тогда старшая бросила гребень из сохатинового рога, заклиная:

Гребень, стань камнями, горами, лесом,
Чтоб нигде не было прохода.

И появилось много-много гор с каменными зубцами, выросла густая тайга, и потерялся в них маленьким муравьем Мани².

13 июня 1928 г. Катанга. Рассказал старик Дылгунча.

16. Два брата — дурак и умный

Жили два брата — умный и дурак. Умный сарану копает в лесу, оленей стережет, зверей промышляет, белку. Все делает, а дурак только спит, ест, поет.

Жили братья одни, без женщины, в чуме. За дурака кто пойдет замуж? А за умного из-за дурака-брата девки не шли.

¹ Таган — глиняный горшок, употреблявшийся в прошлом для варки пиши.

² Другими сказочниками дополняется и заканчивается эта сказка тем, что сестры бросают с себя бисерные пояса, которые превращаются в цветистые радуги и спят Мани.

Стало лето. Понадобилась лодка рыбачить. Надо делать. Умный говорит дураку:
— Брат, я пойду в лес драть бересто на лодку, ты иди нарежь кедровых корней — нянгта, чтобы шить лодку.

Вернулся умный брат из леса с берестом. Увидел дурачка, спрашивает:

— Что, принес нянгта, где они?

— Вот, — и дурак вытряхнул из сумки нарезанные от детских ног пятки.

— Эх, дурак, дурак. Что ты наделал? Я велел тебе принести нянгталь (корней), а ты принес нянгтыль (пятки). Эх, дурак. Пока нас за это не убили, давай скорей отсюда бежать.

Умный заседлал несколько верховых оленей, чтобы послать вперед дурака чум делать. Сам стал собираться и выючить борышни — вещи.

— Иди, — говорит умный дураку, — придешь к орану (порогу), поставишь оленей и там чум делай.

Прикочевал умный к порогу, а в лесу ни брата, ни оленей. Куда ушел? Смотрит, а он в воде: в самом пороге шесты для чума ставит. Ставит, а их сбивает течением.

— Э, дурак, дурак. Я тебе велел привязать оронов (оленей) и тут чум делать, а ты залез в оран (порог). Вылезай!

Ночевали. Утром по туману собрал в лесу оленей, привел к чуму, часть заседлал и опять послал вперед дурака чум делать.

— Иди, — говорит, — дурак! Поднимешься на хребет, с него чину увидишь, спустишь к ней, там чум делай.

Пришел умный к сказанному месту. Олени тут, а брата нет. Посмотрел, а он на дереве и там на гнездообразной вершине (чине) шесты чумовые ставит.

— Э, дурак, дурак. Слазь. Тут под деревом чум будем ставить.

Легли. Слышит умный: за ними погоня. Люди идут. Убивать стал. Схватил умный пальму и убил ею одного из них. Те убежали. Побежали дальше от них братья. Умный говорит дураку:

— Я из-за тебя убил человека. Ты виноват. Тащи. Его спрятать надо.

Несет дурак убитого. Идут. Дождик будет, тучи. Вдруг слышат — к ним навстречу чамдалы идут на оленях. Испугался умный и говорит брату:

— Прятаться будем. Лезь скорее с покойником на кедр.

Залезли. Полил дождь. Остановились чамдалы и спрятались под кедром. Пережидают дождь.

Устал держать дурак на себе мертвеца, говорит брату:

— Я брошу покойника.

— Не бросай, нас обоих чамдалы убьют. Ты виноват и держи.

Обессилел дурак и опустил на землю мертвеца. Испугались его чамдалы и кто куда разбежались со страху.

Присказка: с тех пор везде найдешь по тайге чамдалские чумища.

1926 г. Турама. Ночь на шаманском мольбище.

17. Богатырь Мани и Хоглен

Богатырь Сохатый-Хоглен похитил на земле день и с ним побежал по небу. Сделалась ночь. Мани надел лыжи, пошел Хоглена добывать. С ним был добрый лук и две большие стрелы.

Долго гнался Мани, сильно бросал вперед лыжи, широкий след их оставлял за собой. Близко стал к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да на бегу по-темну облевил. Мимо стрела полетела.

Убегает с днем Хоглен, гонится за ним Мани. Долго бежали. Поравнялся Мани с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и меткой стрелой остановил его.

Мани отнял день и понес его на землю. Он шел с ним к земле столько же, сколько за Хогленом гнался по небу.

С тех пор Хоглен уносит у земли день. Мани каждый раз догоняет его на лыжах, пересекает второй стрелой его путь и с полночи носит на землю добываемый день. Дает утром свет и уходит.

15 декабря 1928 г. Сым.

18. Неизвестные люди

Один парень искал белку, нашел в снегу что-то чумище. Откопал снег, залез в чум — сидят люди. Сами мерзлые, а из ноздрей бегут сопли. Спросил — молчат. Добыл огонь, оттаяли, помаленьку зашевелились. Увидели огонь, испугались. Старичок и говорит:

— Человек, мы не знаем огня, мы таем от солнца. Ты нас убил. Теперь мы все умрем.

И людей этих с тех пор не видел никто больше. Сказывали старики: они сделались кипельными ручейками — юктами. Вода в юктах с осени мерзнет и всю зиму кипит-кипит. Лед — сопли. Весной они растают и станут опять кипуну-речки.

19. Медведь и бурундук

Голодный медведь вылез из берлоги. Кругом снег. Нечего есть. Нашел пень, в котором зиму спал бурундук. Хотел свалить пень и съесть бурундука, да пень был крепкий, не по силе.

— Дедушка медведь, ты зачем сердиться на меня? — спросил бурундук из гнезда.

— Я сержусь на мокро. Оно разбудило меня и выжило из берлоги. Вышел, а еды нет, — отвечал медведь. — Не остался ли у тебя запас какой? Покорми. Я с осени ничего не ел.

Бурундук отдал медведю недоеденные запасы. Медведь съел и погладил за это бурундука по спине лапой... Спина зажила, а на царапинах выросла другая шерсть. С тех пор бурундуки и стали полосаты.

20. Об иголке

Остячка, мать богатыря Пальны, знала, что наши бабы шьют воинам одежду стальной иголкой. Она наказала сыну, когда тот пошел скрадывать чум нашего богатыря Пачеки:

— Пальна, убивая Пачеки, ты не забудь захватить стальную иголку. Мне легко тогда будет шить тебе броневую одежду, чинить пимы.

Смелый, сильный был Пальна, но простоват. И воевал он черемуховой дубинкой. Он, как лисица рябчика, неслышно скрал сонного Пачеки, да палкой убить его не успел. Пачеки выскочил из чума горностаем, ушел в тайгу. Остяк не погнался за ним. Он думал, что тунгус боится его силы и не вернется к жилищу. Пальна стал шариться в турсучках, в постелях. Крепко искал стальную иглу. Он не слышал, когда вернулся из леса Пачеки, подкрался к чуму и заколол Пальну в спину копьём. Потом собрал свое войско и прогнал навсегда остяков с матери Катанги к Енисею.

Е. Н. Широкогорова

НАРОДНАЯ МУЗЫКА В КИТАЕ¹

В настоящей статье я хочу обратить внимание музыкантов и других лиц, интересующихся китайским фольклором, на народную музыку китайцев. Европейцы совершенно незнакомы с этой музыкой, несмотря на то, что китайская культура вообще и в особенности китайское искусство очень хорошо изучены. Со времени опубликования работы патера Amiot² появилось несколько трудов о китайской музыке, как, например, недавно изданные работы Soulie³ и Fischer'a⁴, а литература о китайской музыке на китайском языке огромна, существуют сотни, а может быть, и тысячи работ по этому вопросу. В последнее время, Mr. Jasset, музыкант-профессионал и композитор при Московской консерватории (высшей музыкальной школе), который некоторое время жил в Китае, подготовил очень интересную работу о китайской музыке, рассматривая этот вопрос с чисто музыкальной точки зрения. Его предшественники, очевидно, не могли это сделать, так как они были скорее синологами, чем музыкантами. Но все эти исследования, написанные европейцами, и, насколько мне известно, все китайские работы по этому вопросу занимают „официальной“ музыкой китайцев, строго урегулированной принципами, выработанными древним Китаем.

Классическая китайская музыка уже изучена, между тем как народная музыка совершенно неизвестна. А между тем народная музыка, вероятно, лежит в основе музыки классических композиторов и является источником их музыкальной фантазии, наподобие того, как работы европейских классических композиторов, как Бетховен и др., и в особенности современных музыкантов развивают и украшают музыкальную сокровищницу народа, которая часто бывает вполне национальной и типичной для своего этнографического окружения. Этот крайне простой и легко поддающийся исследованию вопрос, повидимому, ускользнул от внимания музыкантов-профессионалов и историков музыки. Однако недавнее движение по собиранию и изучению народной музыки как этнографического материала уже дало плодотворные результаты. Еще задолго до войны в Москве профессорами консерватории и этнографами было учреждено общество для сбора материалов по народной музыке. За сравнительно короткое время это общество собрало значительное количество народных песен, а также и крайне простых музыкальных фраз, какие выкрикиваются уличными разносчиками и коробейниками в России. Современные русские композиторы, как, например, Гречанинов, Лядов, Аренский и некоторые другие, связали свои имена с этой работой. Издания этого общества в данное время охватывают несколько томов.

В Музее антропологии и этнографии в Петрограде в 1911-12 годах было также открыто отделение музыкальных фонограмм, которое, согласно идее организатора, в дальнейшем должно было развиться в специальное отделение для таких изысканий. С этого времени каждый исследователь снабжался фонографом и валиками для записей подлинной народной музыки среди народов Сибири и Азии вообще. В Соединенных Штатах это движение уже создало литературу, и изучение народной музыки в данное время сильно развилось⁵.

¹ Перевод статьи „Folkmusic in China“ из The China journal of science and arts, vol. II, Shanghai 1924, pp. 116—121. *Ред.*

² „De la musique des Chinois tant anciens que modernes“ в издании Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les moeurs, les usages, etc. des Chinois par les missionnaires de Pékin. Vol. VI. Paris, 1780.

³ Soulie, „La musique en Chine“. Paris, 1911.

⁴ „Beiträge zur Erforschung der Chinesischen Musik“. Leipzig, 1910.

⁵ Издания Смитсоновского института.

Что же касается собрания народной музыки в этой части Азии, то оно не очень развито, и мы имеем лишь случайный материал, собранный некоторыми исследователями¹.

Во время совместных экспедиций с моим мужем д-ром С. М. Широкогоровым в разные части Восточной Сибири и Маньчжурии я собрала значительное количество музыкальных материалов. Большая часть этих материалов — в фонограммах и находится в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Петрограде. Небольшая часть была записана на месте по слуху и в данное время находится у меня. Эта коллекция была пополнена во время нашей поездки в Пекин в 1917-18 году.

Ниже я привожу ряд зазываний и песен китайских уличных торговцев, которые особенно типичны для китайцев. Разновидности в такого рода музыкальных манифестациях действительно замечательны, и можно предполагать, что число таких коротких песен в Китае достигает количества в несколько тысяч².

Приведенные здесь песни, конечно, являются характерными для северных китайцев. На улицах Шанхая мы услышим другого рода песни. Здесь я привожу несколько примеров пекинских песен³.

Для того чтобы показать разновидности, существующие в такого рода проявлениях народной музыки, я здесь привожу также несколько китайских, тунгусских и маньчжурских простых песен, которые они поют не с артистическими целями, а для собственного удовольствия и развлечения или же во время шаманских действий. При этом видно, что маньчжурские и тунгусские песни построены по другим принципам, чем песни китайцев.

Из этих примеров видно, насколько сложен вопрос о музыке этих народов. В разных группах имеются такие различия, что их легко отличить друг от друга даже без тщательного анализа. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что этот род народного искусства находится

¹ Например, проф. А. Рудневым.

² В одной только Московской области было собрано несколько сот таких песен.

³ В настоящем издании записи китайских мотивов опущены. *Ред.*

в связи с другими проявлениями народной культуры, народной психологии и в особенности эстетического развития. Поэтому в дальнейшем изучение народной музыки должно идти рука об руку с нашим знанием языков, а в Китае — наречий. Географическое распространение и более простых зазваний корейников также представляет большой интерес, так как они являются естественной, почти бессознательной творческой силой народа. Собрание и изучение таких песен очень полезно для историков, но оно не менее полезно и для музыкантов, которые, без сомнения, найдут новые темы и мотивы для своих композиций.

Происхождение этих песен также крайне интересно. Для того чтобы показать пример происхождения песен, я привожу здесь тунгусскую песню, основанную на мотиве, непосредственно заимствованном от природы.

Тунгусы обычно подражали самцу-олению, когда он кричал в начале осени, призывая других самцов к борьбе. С этой целью тунгусы пользуются инструментом из дерева и бересты. Животные, услышав такое подражание, подходят к охотнику, который таким образом может убить их. Очень характерно, что и про манчжурского тигра говорят, будто он при своей охоте также пользуется подражанием любовной песни оленя.

№38 ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ ОЛЕНЯ.

№39 ТУНГУССКАЯ ПЕСНЯ (НАЙУДАР)

№40 ПТИЦЫ ПЕЮТ. ВАРИАЦИЯ. №41.

№42. №43

ВАРИАЦИЯ. №44. №45

№46. №47

№48. №49

ВАРИАЦИЯ. №50

ВАРИАЦИЯ. №51

Приложенные песни птиц также заимствованы тунгусами как мотивы для песен.

Таким образом непосредственное подражание звукам природы во многих случаях является источником народной музыки, так что изучение песен птиц и животных должно идти рука об руку с сборанием и изучением человеческих музыкальных манифестаций.

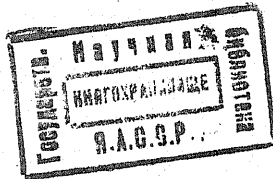
Что же касается китайской инструментальной музыки, то она скорее принадлежит к классической музыке, чем к народной. Как известно, китайцы больше, чем большинство других народов, являются любителями театральных представлений. Китайский театр значительную часть своей программы отводит исторической драме, которая всегда сопровождается музыкой, а потому совершенно естественно, что старинная классическая музыка таким образом всегда распространялась среди китайцев. Согласно вышеприведенным источникам, число китайских музыкальных инструментов очень велико.

Очень подробные работы Sorel и Amiot фактически исчерпывают техническую сторону этого вопроса, но, собрание образцов инструментальной народной музыки также крайне важно, хотя и менее доступно с технической точки зрения, чем народные песни.

В виду того что главной моей задачей является привлечение внимания читателя к китайской народной музыке, мне придется указать практический способ собрания таких коллекций.

Лучшим способом, безусловно, является регистрация музыкальных манифестаций при помощи фонографа, но это не всегда возможно, так как певцы очень часто слишком застенчивы, чтобы выступать в присутствии чужих или для какой-либо специальной цели. В таких случаях приходится записывать песни по слуху. Такой материал, естественно, приходится очень тщательно исправлять, ибо ухо европейца не привыкло к китайскому музыкальному духу и при записи всегда возможны ошибки. Для фонограммных записей можно употреблять очень простые и дешевые фонографы. Валики необходимо регистрировать тотчас же после окончания представления. Всегда следует записывать быстроту вращения валика во время представления, а также и местность, провинцию, город, деревню и т. д., пол, возраст, социальное положение и т. д. исполнителя. Записанные собирателем детали никогда не мешают дальнейшей обработке материала, тогда как отсутствие необходимых данных может значительно снизить ценность собрания. Теми же подробностями следует снабдить каждую вещь, записанную по слуху.

По собственному своему опыту я могу сказать, что собрание такого рода материала не так трудно, как это может показаться сначала. Записанные вначале вещи, вероятно, не будут иметь большую ценность как надежный материал, и их придется исправить впоследствии, но как только собиратель научается различать характерные китайские комбинации, он может собрать очень надежный материал. Очень полезно заручиться при этой работе помощью самих китайцев, хотя имеется очень не много образованных китайцев, интересующихся народной музыкой своей страны. Однако в данное время в Китае так много колоний европейцев, что эта работа с легкостью может быть выполнена этими последними, которые, живя вдали от китайских культурных центров, находятся в наиболее благоприятных условиях для собрания материала.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора	I
Объяснение транскрипции	IV
1. Г. М. Василевич. Материалы по фольклору эвенков Сибири	1—146
Введение	1
I. Сказки о животных	
1. Hulakī. M. Joligir. Turu	7
2. Hulakī, qantaki. I. Kaplin. Iḡarigdā	9
3. Šulakī, jantaki. N. Bajaki. Cigəmvu	10
4. Hulakī, irgici. P. Putugir. Norvokō	11
5. Hulakī, iləl. I. Uwocān. Norvokō	—
6. Sulakī, vəjə. B. Əḡən. Urmī	12
7. Hulakī, ahäl. I. Kaplin. Iḡarigdā	—
8. Hulakī, amākā. I. Uwocān. Norvokō	13
9. Hulakī, amākā. W. Uwocān. Norvokō	14
10. Sulakī, ilə. O. Salatkin. Nəpa	—
11. Amākā. M. Joligir. Turu	15
12. Šulakī amikānnun. P. Cəmvə. Cigəmvu	16
13. Hulakī amākānnun. W. Putugir. Norvokō	—
14. Amākā əḡkə ḡələttə. W. Lontogir. Ika	17
15. Əhə, nəkə. B. Əḡən. Urmī	18
16. Hulakī həḡannun. Aw. Putugir. Ɔəkənnə	—
17. Hulakī, kəkəki. I. Uwocān. Norvokō	19
18. Sulakī, cipca. N. Salatkin. Nəpa	20
19. Sulakī, vəjə. A. Salatkin. Nəpa	21
20. Hulakī, irgici. I. Uwocān. Norvokō	—
21. Mundukātkār. N. Bajaki. Cigəmvu	22
22. Mundukātkār, jantaki. Š. Kimā. Cigəmvu	23
23. Mundukān. M. Joligir. Turu	25
24. Atirkān tuḡsakinun. D. Woul. Aḡarā	—
25. Amikān, koləmtənnun. Š. Kimā. Cigəmvu	26
26. Atirkān, amikān. S. Bukocār. Tuḡir	—
27. Əwənkī kuhnnun. S. Bukocār. Tuḡir	27
28. Torokī, muḡu. B. Əḡən. Urmī	29
29. Nəkə, solḡā. B. Əḡən. Urmī	—
II. Мифы	
30. Öli. M. Joligir. Turu	29
31. İduk vkuıt əmərən. I. Löpal. D. Kätəḡā	30
32. Dür nəkənəhəl. I. Bukocār. Olokno	31
33. Hınuki. M. Joligir. Turu	32
34. Hınukicən. A. Kaplin. Ɔəkənnə	—
35. Horokī. A. Kamvagir. Ɔəkənnə	—
36. Op umükən vəjə vəkətkəcən. I. Uwocān. Norvokō	33
37. Op umükən vəjə dund a həḡilən şurucən. Š. Kimā. Cigəmvu	34
38. Carcikan. I. Kaplin. Iḡarigdā	35
39. Umükən vəjə uḡulələn dunnələ tukticən W. Uwocān. Norvokō	36
40. Hələdan. Š. Kimā. Cigəmvu	38
41. Kərändə, Uḡani. Š. Kimā. Cigəmvu	41
42. Gurıwul. Š. Kiltinə. Cigəmvu	45
43. Epkacān. Š. Kimā. Cigəmvu	52
44. Epkacān. N. Bajaki. Cigəmvu	53
45. Nəmələn. Š. Kiltinə. Cigəmvu	52
46. Muriwul. Š. Kiltinə. Cigəmvu	59
47. Həwənətme ijəci. N. Kaplin. Norvokō	64
48. Culuḡdi. A. Putugir. Ɔəkənnə	65
49. Cu ḡdi. I. Kaplin. Iḡarigdā	66
50. Bərkəltun. I. Kaplin. Iḡarigdā	67
51. Bərkəltun. N. Kaplin. Norvokō	69
52. Nurigdi Nandınun. N. Bajaki. Cigəmvu	70
53. İcəḡdirə. Š. Kiltinə. Cigəmvu	72
54. Ahātkān. A. Kamvagir. Ɔəkənnə	73
55. Anḡani. W. Lontogir. Nəpa	74
56. Samān. N. Salatkin. Nəpa	—
57. Samān. N. Zujew. Tutura	75
58. Samān, vəjə. S. Lontogir. Nəpa	—
III. Исторические предания. Былины	
59. Carıcil. A. Kamvagir. Ɔəkənnə	76
60. Həti. N. Monahow. Iḡarigdā	78
61. Həti. A. Putugir. Ɔəkənnə	78
62. Ahı. I. Kaplin. Iḡarigdā	80

63. Iläl. M. Mucujir. Tökma	81
64. Cañit. A. Kambagir. Däkännä	82
65. Durpu əwənkil. S. Lontogir. Nəpa	83
66. Ilätil, iläl. W. Putugir. Norbokō	—
67. İlä, cañit. P. Putugir. Norbokō	84
68. Cañicil. W. Karlin. Norbokō	—
69. Şiktowul. Ş. Kimā. CİRƏMBU	85
70. Nara. Ş. Kimā. CİRƏMBU	87
71. Şərinçə. Ş. Kimā. CİRƏMBU	88
72. Arka. I. Bajaki. CİRƏMBU	90
73. Nurgowul. M. Joligir. Turu	91
74. Nurgowul. I. Uwocän. Norbokō	92
75. İlan əşhıl. N. Karlin. Norbokō	93
76. Cərə. N. Monahow. İnarıgda	94
77. Añadəkän. A. Mucujir. Tökma	97
78. Añadəkän. A. Putugir. Däkännä	98
79. Sodu Sordoncō Söldanı. B. Əđän. Urmi	99
80. Kildinäkän. C. Slepowa. Sahalin	104
81. Dulın buğa Umuşıñdan. A. Afonasjewa. Sahalin	115
82. Aqsırə-Bassırə. I. Zujew. Tutura	118
83. Əwənkil. N. Bajaki. CİRƏMBU	—
84. İludən. N. Bajaki. CİRƏMBU	119
IV. Бытовые сказки	
85. İwul. D. Cətwā. CİRƏMBU	121
86. İwul, Cərə. I. Lontogir. Nəpa	122
87. Dulubun. A. Kambagir. Däkännä	124
88. İläk ilə wicə. N. Karlin. Norbokō	—
89. Ütirkaçän. N. Djanagir. Olokno	125
90. On ıläkkitcən ıñıñkən wəje. N. Karlin. Norbokō	126
91. Umıñkən culluwkı müdürən. P. Putugir. Norbokō	—
92. Ətirkən, atırkän. J. Lontogir. Nəpa	127
93. Baj. A. Kambagir. Däkännä	128
94. Ahätkän, amākā. A. Kambagir. Däkännä	—
95. On wəje amākāwa ıläkkitcən. A. Kambagir. Däkännä	—
96. On wəje amākānun tıñwədəcə. Aw. Putugir. Däkännä	129
97. Ulta. A. Kambagir. Däkännä	—
V. Детские сказки. Загадки	
98. Cinəkə. Ş. Kimā. CİRƏMBU	130
99. Pereden. N. Karlin. Norbokō	—
100. Bəjətkən. H. Salatkina. Norbokō	131
101. (Считалки). M. Moidakitow. Kalār	132
102. Загадки (1—67)	133
VI. Шаманские песнопения	
103. I. Bajaki. CİRƏMBU	136
104. Jand'arkā. Ş. Kimā. CİRƏMBU	—
105. (Проводы души) A. Kambagir. Däkännä	138
106—107. (Обращение к духам) A. Kambagir. Däkännä	139
108. *** Корпокојиг. Токма	140
VII. Песни и припевы	
109. Ərkəgəyil. P. Bajaki. CİRƏMBU	141
110. *** P. Bajaki. CİRƏMBU	—
111. Припевы и импровизации (1—13)	142
112. Импровизация. I. Momoł. D. Kätəñğā	—
VIII. Новые песни	
113. Uräl. S. Gerasimow. Turik	143
114. Asäl. S. Gerasimow. Turik	—
115. Bu tattıl. (Группа студентов ИИСа)	144
116. Nəppeni. A. Salatkin. Nəpa	—
117. Kalār-əni şığıaldun. P. Moidakitaw. Tokko	145
118. Biragacın. M. Pawlow-Djanagir. Kalār	—
119. Kuñakār wıgəşiwər. M. Moidakitaw. Kalār	146
120. Girkijäl, aknijal.	—
2. Т. И. Петрова. Сказки эвенков Приангарья	147—157
Введение	147
1. Kärändəs, Upan. A. Cernousow. Kamenka	149
2. Akarämə, A. Cernousow. Kamenka	150
3. Nımpakan. A. Cernousow. Kamenka	—
4. Murawul. I. Kirəñew. Kamenka	151
5. Muşınə. N. Ollōda. Komo	152
6. İwul. M. Berəgow. Ənək	—
7. İwul	153

8. Sulakī. A. Cernousow. Каменка	154
9. Sulakī. I. Kirənəw. Каменка	155
10. Тоҗо. P. Kirənəw. Каменка	156
11. Hiñčikicən. A. Cernousow. Каменка	—
3. Г. А. Ниргунеев. Две сказки талочских эвенков	158—161
1. Niñpakāwun. G. Torgonow. Hūlūgli. Talaścā	158
2. Ńucakin wəjə. G. Torgonow. Hūlūgli. Talaścā	159
4. Е. И. Титов. Материалы по устному творчеству эвенков	162—214
Прибайкалья	162
Введение	162
1. Saɣalaj-Sakulaj. D. Polin. Karama	165
2. Aqsirē-Baksirē. D. Polin. Karama	166
3. Šarālta. D. Polin. Karama	167
4. Hūrķākān. D. Polin. Karama	168
5. Bolontur-boɣatur. D. Polin. Karama	170
6. Ham-Huvun-Hšəhər-Bogdo. D. Polin. Karama	171
7. Əjinił. D. Polin. Karama	175
8. Ucanaj. D. Polin. Karama	176
9. Niñpakāwun. D. Polin. Karama	179
10. Niñpakāwun. I. M. Safonow. Tirka. Karama	180
11. Niñpakāwun. I. M. Safonow. Tirka. Karama	181
12. Niñpakāwun. F. K. Monastirew. Murinna	182
13. Maɣı. P. Starikow. Tutura	183
14. Aqsirē-Baksirē. P. Starikow. Tutura	—
15. Altānāj. P. Starikow. Tutura	184
16. Dekimdski. I. Komaricin. Cəncə. Aɣarā	185
17. Aşı. F. Şangın. Daɣarā. Aɣarā	186
18. Bərv ɣıln, bərvulin. F. Şangın. Daɣarā. Aɣarā	187
19. Niñpakān. J. Aeulew	—
20. Aksi-Baksi. J. Aeulew	188
21. Şiğecən. J. Aeulew	—
22. Şulakī. J. Aeulew	189
23. N. Bukidaew	—
24-27. J. Aeulew	190
28-35. N. Bukidaew	192
36. Şonoto (ənin).	197
37-38. Şonoto (hūrķākān)	—
39-44. O. Aeulewa	198
45. N. Bukidaew	199
46. S. Kowalew	—
47-48. * *	200
49-50. I. Komaricin. Cəncə	—
51-53 F. Şangın N-Angarsk	201
54. Sulakī, ətirķān. A. Nirguneew. Condak	202
55. Utān. A. Nirguneew. Condak	—
56. Şirunaj-Mərgən. A. Nirguneew. Condak	—
57. Altanaj. A. Nirguneew. Condak	203
58. Ɖəlvə. A. Nirguneew. Condak	204
59. Ənikucən boroveinun. Nirguneew. Condak	—
60. Bəjā. A. Nirguneew. Condak	205
61. Bayatur. S. Baksanaew. (Turujaɣır). Cipa	207
62. Sulakī. S. Baksanaew. (Turujaɣır). Cipa	—
63. Carcıkān. S. Baksanaew. (Turujaɣır). Cipa	208
64. Sula, ciwkān. S. Baksanaew. (Turujaɣır). Cipa	209
65-68. * * * S. Baksanaew. (Turujaɣır). Cipa	210
69. Əkətiki-əkətiki. Nənəwkətkel	211
5. В. И. Левин. Две сказки аянских эвенков	215—224
1. Umkān I. W. Karamzin (Makagir). Ajan	215
2. Umki, sulakī. N. E. Pawlow (Makagir). Ajan	221
6. А. П. Козловский. Сказки тунги́ро-олекминских эвенков	225—233
Введение	225
1. Niñpakān. I. P. Maksimow. Nəruɣā	—
2. Zərtiɣır * *	226
3. Turəciwki zahikkān. M. S. Avramow. Olokno	228
4. On. M. S. Avramow. Olokno	229
5. Niñpakān. D. D. Glazirow. Tuɣirkān	230
6. Niñpakān. D. D. Glazirow. Tuɣirkān	231
7. Niñpakān. I. P. Maksimow. Tuɣirkān	—
8. Niñpakān. P. Saharow. Gula	232

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. Георги. Тунгусское сказание	233
Г. Гут. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение	235
Введение. О трудностях лингвистических занятий с тунгусами	—
Образцы енисейско-тунгусской речи	238
1. Колыбельная песнь	—
2. Сбившаяся с пути истинного девушка	—
3. Жалобная песнь осиротевшей девушки	240
4. Отрывок из песни о герое Марэвуле	241
5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела	242
6. Заклинание шамана против оспы	—
7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях	243
8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться	—
Примечания	—
Г. Гут. Фрагменты из вариантов тунгусских преданий	245
1. Kärändə, Uqani	—
3. Culugdi	246
В. Н. Васильев. Тунгусские предания	246
1. Уриан и Молуна	—
2. Оран	248
3. Два брата	249
4. Jaha	250
5. Умна	251
6. Юраки	252
7. Дыгын	253
В. Н. Васильев. Образцы тунгусской народной литературы	255
1. Два шамана	—
2. Лебедь	—
3. Сын старика и старухи	—
4. Богатырь-карлик	257
5. Хулян и ковшичан	258
И. П. Толмачев. Заметка по поводу образцов тунгусской народной литературы в пересказе В. Н. Васильева	262
К. Рычков. Из области тунгусского творчества	263
1. Хенукычан	—
2. Медведь и карась	266
3. Глухарь и лебедь	—
4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?	—
5. Летяга и мышь	267
6. Медведь	—
П. Малых. Несколько слов об ороценах и их фольклоре	267
Б. Иттер. Две сказки	271
1. Капандыр	—
2. Нургауль	—
В. С. Пежемский. Две легенды ербогаченских эвенков	272
1. Холм раздора	—
2. Мангы-Дёромго	273
М. Ошаров. Тунгусские сказки	275
1. Как лисица баб обманула	276
2. О лесе и утесе	—
3. Волк и лисица	277
4. О зайце и шамане	—
5. Медведь и кедровка	278
6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев	—
7. Откуда появились вши	—
8. О мыши и сеноставце	279
9. Богатырь и клей	—
10. Где тунгус нашел первую жену	—
11. Про гагару	—
12. Почему люди стали шаманить	280
13. О созвездии Хоглен-Сохатом	—
14. Мамонт и змей Чжябдар	—
15. Мани	—
16. Два брата — дурак и умный	281
17. Богатырь Мани и Хоглен	282
18. Неизвестные люди	—
19. Медведь и бурундук	—
20. Об иголке	283
Е. Н. Широкогорова. Народная музыка в Китае.	—